В57

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Рабочее движение и социал-демократическая работа во Владимирской губернии

Кр. 66.21(2)25
В-57

Выпуск III-й.

ВЛАДИМИРСКАЯ ОКРУЖНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ Р. С.-Д. Р. П.

(МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РАБОТЫ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

1892—1914

Под редакцией А. Н. АСАТКИНА

Издание Владимирского Истпарта

Гор. Владимир, 1927 г.

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

2/IV-80		
17/XII-80		
22/II-81		
25/III-87		
16/VIII-87		

Библиотека
Богданова

79

ретрот

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Рабочее движение и социал-демократическая работа во Владимирской губернии

Выпуск III-й

ВЛАДИМИРСКАЯ ОКРУЖНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ Р. С.-Д. Р. П.

(Материалы к истории социал-демократической большевистской работы во Владимирской губернии)

1892 — 1914

Под редакцией А. Н. АСАТКИНА

А. Богданов

ИЗДАНИЕ ВЛАДИМИРСКОГО ИСТПАРТА

Гор. Владимир 1927 г.

Кр. 66.61(2) 25
В57

Г. г. Владимир.
Гублит № 141
Печат. 5050 экз.
Типо-лит. Влад.
Издат. «Призыв».

ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
Кр 3990

От Истпарта и от Редакции.

В 1925 году Владимирский Губком В.К.П.(б) утвердил составленный Истпартом план издания материалов „О рабочем движении и социал-демократической работе во Владимирской губернии“.

Согласно плана и опубликованного проспекта намечалось издание, примерно, 3-4 книжек материалов.

Первой книжкой, появившейся из печати, был ВТОРОЙ выпуск материалов, изданный к 20-ти-летнему юбилею Владимирской организации Р.С.-Д.Р.П.—большевиков.

В ноябре 1926 года, т. е. почти через год, появился из печати ПЕРВЫЙ выпуск материалов.

В настоящее время закончен печатанием ТРЕТИЙ выпуск, название которого изменено в соответствии с содержанием сборника.

До полного выполнения ранее намеченного издательского плана Истпарта недостает четвертого выпуска материалов—„О рабочем движении и социал-демократической работе“ В УЕЗДАХ Владимирской губернии.

Подготовка материалов к изданию настоящего третьего выпуска началась в 1925 году. Но при проведении этой работы встретился ряд затруднений, обычных при издании воспоминаний и документов.

Преодолением этих трудностей все это время были заняты организаторы издания и авторы.

Однако, это не всегда удавалось и иногда приходилось наталкиваться на препятствия там, где их меньше всего можно было ожидать.

Работу по подготовке настоящего издания подталкивало распространенное во Владимирской партийной организации сознание необходимости иметь какие либо источники о прошлом своей партийной организации.

К сожалению, коллектив, выполнявший эту работу, мог заниматься ею лишь урывками, между другими неотложными делами и заботами.

Отсюда—неизбежные недочеты, промахи и, возможно, ошибки.

Августа 1-го дня 1927 г.

г. Владимир на Клязьме

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

От Истпарта и от Редакции III

Н. П. Шаханов. Николай Евграфович Федосеев и его работа во Владимир. губернии (1892-1893 г. г.) . . 1

М. А. Багаев. Работа «Северного Рабочего Союза» во Владимирском районе в 1901-1902 г. г. 59

Ф. А. Благонравов. От «Северного Рабочего Союза» до войны 1914 г. (по материалам и личным воспоминаниям) 107

С. В. Дегтярев. Воспоминания большевика-подпольщика 263

Р. С. Зеликсон-Ставская. Отрывки из воспоминаний (Владимирская соц.-дем. организация в 1905 г.) 289

С. К. Загайная. Одна из первых попыток организации нелегальной типографии во Владимире в 1905 г. . . 295

Н. С. Перфильева-Смирнова 1906-1908 г. г. во Владимире (воспоминания) 301

Ст. И. Назаров. История Владимирской большевистской подпольной типографии (из воспоминаний прошлого) 323

М. В. Докукин. Из воспоминаний о революционной работе во Владимирском районе в 1906-1907 г. г. 333

А. И. Скобенников. О работе социал-демократов (большевиков) в 1905-1907 г. г. во Владим. губ. (воспоминания) . . 339

Н. П. Растопчин. Воспоминания 357

М. А. Симановская-Растопчина. Из воспоминаний о Владимирской Окружке 383

С. Ф. Корочкин. Страничка из прошлого (из воспоминаний владимирца-большевика) 391

А. А. Владимирская Окружная Организация большевиков по материалам и документам 403

I. К начальному периоду Владимирской Окружки . . 405

II. Район деятельности Владимирской Окружной организации 408

III. Устав Владимирской Окружной организации и входящих в нее групп 410

IV. Финансовое положение 416
V. Численный состав Владимирской Окружной организации в 1906-1907 г. г. 421
VI. Окружные конференции и заседания Окружного Комитета 422
VII. Владимирская Военная организация РСДРП 437
VIII. „Техника“ Владимирской Окружной организации . 442
IX. Издания Владимирского Окружного Комитета . . . 445
X. Тираж и район распространения изданий Владимирского Окружного Комитета 458
XI. „Техника“ уездных организаций, входивших во Владимирскую Окружку 462
XII. Гусевская группа РСДРП 471
Прокламации Владимирской Окружной Организации РСДРП 487
Приложения 531
1. Прокламация, распространявшаяся в Орехово-Зуеве летом 1892 г. 533
2. Рукопись Н. Е. Федосеева, отобранная у одного из рабочих в Орехово-Зуеве в 1892 г. 535
3. К «делу» 1895-96 г. г. о Н. Е. Федосееве, Н. Л. Сергиевском и др. 540
4. Библиографический указатель литературы о Н. Е. Федосееве 544
5. Жандармская характеристика тов. М. А. Багаева . . 545
6. Материалы к истории соц.-дем. кружка на Гусе-Хрустальном в 1902 г. 550
7. Владимирская Окружная Группа 556
8. Прокламация «На смерть Лакина» 560
9. Донесение департаменту полиции «О ликвидации Социал-Демократической фракции на Гусе-Хрустальном» 561
10. Массовые обыски во Владимире в феврале 1908 г. 564
11. Социал-демократическая работа во Владимирской губернии в начале 1908 г. в освещении жандармского управления 567
12. Краткий очерк положения революционных организаций и их деятельности во Владимирской губ. в 1912, 1913 и 1914 г. г. по данным Владимирского губернского жандармского управления 568
13. Краткий очерк положения революционных организаций и их деятельности в районе Владимирской губернии за период времени с 1-го января по 1 марта 1914-го года 573

14. Справка из дел Владимирского губернского жандармского управления 575
15. Обыски во Владимире в начале 1914 г. 578
16. Список лиц, принадлежащих к Российской Социал-Демократической Рабочей партии, проживающих в районе помощника начальника Владимирского губернского жандармского управления во Владимирском и др. уездах 581
17. Прокламации по поводу предполагавшейся областной стачки текстильщиков в июле 1907 г. 582
18. В часы тюремного досуга 591
Именной указатель 605

Н. П. Шаханов

НИКОЛАЙ ЕВГРАФОВИЧ ФЕДОСЕЕВ
и его работа во Владимирской губернии

(1892—1893 г. г.)

Первые кружки марксистского направления во Владимирской губернии возникли в начале 90-х годов прошлого столетия До этого времени подпольные кружки в губернии хотя и существовали, но они имели чисто-народнический характер и работа их не выходила за пределы группового чтения легальной и нелегальной литературы и организации нелегальной библиотеки. На переход этих народнических кружков к изучению основных вопросов революционного марксизма и к непосредственной практической революционной работе в среде фабричного пролетариата губернии исключительно большое влияние оказал приехавший в 1892 году во Владимир Николай Евграфович Федосеев, один из пионеров революционного марксизма в России.

В предисловии к сборнику Истпарта ЦК, посвященному памяти Николая Евграфовича, редакция сообщает:

„Он был ровесником Владимира Ильича, их миросозерцание складывалось в одни и те же годы; они были оба инициаторами нового революционного направления, с ранних молодых лет смело пошедшие по новому пути, импонируя людям более старшего возраста и увлекая за собою многих. Они оба вышли, так сказать, с утра одновременно на дорогу, оба скоро уже услышали друг о друге и перекликались,— менялись письмами и работами,—стремились встретиться[1])“.

А сам Владимир Ильич, вспоминая о Федосееве (6-го декабря 1922 г.), пишет:

„.. Для Поволжья и для некоторых местностей центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время значительно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытывала на себе в очень

[1]) „Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России (Сборник воспоминаний)“. ГИЗ., 1923 г., стр. 3.

и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера[2])".

Этот отзыв В. И. Ленина о Н. Е. Федосееве показывает, какую крупную величину потеряло русское революционное движение в лице Н Е. Федосеева, ушедшего из жизни на заре расцвета рабочего движения и основания нашей партии. По словам А. И. Елизаровой, Федосеев был „одной из первых ласточек рабочего движения в России".

За последнее время литература о Н. Е. Федосееве начинает накопляться, и это вполне естественно, т. к. знакомство с его жизнью и деятельностью приносит большую пользу в смысле понимания той обстановки, в которой складывалась жизнь и работа отдельных пионеров революционного марксизма в России, к числу которых по праву относится и Н. Е. Федосеев, работавший в нашей Владимирской губернии.

Настоящая статья есть попытка осветить по воспоминаниям товарищей и архивным материалам личность самого Н. Е. Федосеева, а главное—его революционную работу во Владимирской губернии.

I.

Николай Евграфович Федосеев родился в 1871 году *в г. Полинске*, Вятской губернии.

Учился в первой Казанской гимназии. По воспоминаниям А. И. Елизаровой, „с самой гимназии он был магнитом, притягивающим товарищей, дрожжами каждого кружка. И начитанность его была большая, и он не мог, буквально не мог, не делиться прочитанным, не разливать тотчас полученные знания вокруг, не претворять их в жизнь. Усвоение и распространение шли у него одновременно[3])".

На квартире Федосеева собирались его товарищи, читали недозволенные тогдашней школой книги, обсуждали их, спорили. Гимназическое начальство всполошилось и сделало в квартире Федосеева обыск, который никаких

---

[2]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 5.

[3]) Там же, стр. 13.

результатов не дал и Федосеев смог благополучно сдать весной 1887 г. экзамены. Кончить же гимназии ему все-таки не удалось. Когда он не ограничился только чтением недозволенных книг, а стал собирать их в библиотеку для общего пользования товарищей, в этом гимназическое начальство усмотрело уже „преступное действие“ и педагогический совет предложил его отцу, - судебному следователю в г. Нолинске,—взять его из школы. Федосеев вышел из восьмого класса I-й Казанской гимназии в 1888 году.

Это было время самой глухой реакции. „*Народная воля*“[4]) после 1 (13) марта 1881 года была разгромлена, правительство Александра III почувствовало свою силу и преследовало всеми способами проявление всякой свободной мысли. Молодежь трудно переживала годы реакции и пользовалась всяким случаем для протеста против существующего положения. В среде молодежи начали организовываться землячества, студенческие кассы, кружки. Идеологией этих кружков был марксизм, по словам М. Покровского— „Капитал“ „был настольной книгой среди руководителей Московских землячеств с 1887 г.[5])“.

После покушения Александра Ульянова (брата В. И Ульянова-Ленина) 1 (13) марта 1887 г. на жизнь Александра III-го, гнет со стороны правительства на учащуюся молодежь еще более усилился, заподозренные в „неблагонадежности“ из учебных заведений беспощадно изгонялись и преследовались. Как раз в это время и состоялось исключение Н. Е. Федосеева из гимназии, а В. И. Ленина—из университета.

---

[4]) «Народная Воля“—партия, организовавшаяся в 1879 году из партии „Земля и Воля“, поставившая себе задачу—путем заговора и террористических актов добиться политического переворота, низвержения царской власти и созыва учредительного собрания. Высшим проявлением деятельности „Народной Воли“ является казнь 1 (13) марта 1881 года Александра II-го, после чего партия была разгромлена, главные ее члены (Желябов, Кибальчич, Перовская) были повешены и партия фактически прекратила свое существование (см. «Русскую историю в самом сжатом очерке»—М. Покровского).

[5]) М. Покровский—„Русская история в самом сжатом очерке“, часть 3-я, выпуск I-й, изд. „Красная Новь“, 1923 г., стр. 64.

Обоим им приходилось продолжать учение без помощи школы. В. И. Ульянов-Ленин стал готовиться к сдаче экзаменов за университет экстерном, Федосеев—на аттестат зрелости. Оба принимали горячее участие в революционных кружках молодежи в Казани, но встретиться им в этот период не удалось.

4 (16) декабря 1887 года („Варварин день") в Казани вспыхнули студенческие „беспорядки", всколыхнувшие учащихся даже средних учебных заведений и пополнившие тайные кружки и организации молодежи.

Николай Евграфович со всем пылом и страстностью, присущей его натуре, окунулся в работу этих кружков. Он в это время был уже убежденным марксистом, занимавшим руководящее положение в местных революционных кружках молодежи. Он направлял работу этих кружков, вел в них пропаганду марксизма, устраивал и оборудовал нелегальную типографию, печатал листовки и т. п.

Недолго пришлось Николаю Евграфовичу поработать на воле. 13 (25) июля 1889 года он был арестован по делу о Казанском революционном кружке и изобличен в распространении противоправительственных изданий, хранении принадлежностей тайной типографии и в сношениях с политическими ссыльными.

11 (23) октября 1890 года состоялось „высочайшее повеление", по которому Н. Е. Федосеев присуждался к одиночному тюремному заключению на срок один год и три месяца, а по отбытии его—негласному надзору полиции[6]. До отбытия этого наказания Н. Е. больше года отбывал „предварительное заключение" и, таким образом, участие в работе Казанских революционных кружков стоило ему в общем около $2^1/_2$ лет тюремного заключения.

В. И. Ленин, принимавший участие в работе Казанских революционных кружков, не был арестован вместе с Федосеевым только потому, что весной 1889 года он уехал из Казани в Самарскую губернию.

---

[6]) Архив канцелярии Владим. губ. жанд. управления за 1892 г., дело № 12, стр. 1.

II.

В начале 1892 года Николай Евграфович отбыл назначенное ему наказание (он сидел в „Крестах"—в Петербурге) и 17 (29) января приехал на жительство в г. Владимир. Этот город Н. Е. выбрал не случайно. По тогдашним законам, всем отбывшим тюрьму и ссылку не разрешалось проживать в университетских и столичных городах. На родину он поехать не мог, т. к. еще раньше порвал связь со своей дворянской семьей. Владимирская же губерния к этому времени была одной из промышленнейших губерний России. В 1892 году в ней было свыше 1000 промышленных предприятий и около 115 тысяч рабочих. Поэтому Н. Е. Федосеев, после отбытия тюремного заключения, и выбрал для своего жительства эту губернию[7]).

Владимирские власти уже были извещены о том, что из себя представляет Федосеев, и поэтому встретили его не особенно приветливо. 21 янв. (2 февр.) 1892 г. начальник

---

[7]) О промышленном значении Владимирской губернии в то время можно судить по следующим цифровым материалам, имеющимся в отчетах Владимирского губернатора («Обзоры Владимирской губернии» за соответствующие годы. «Материалы к всеподданейшим докладам Владимирского губернатора») за 1890, 1892, 1894 и 1896 годы:

ГОДЫ	Количество промышлен. предприятий в губернии	Количество рабочих	Стоимость вырабатываемой продукции
1890	1323	109125 чел.	104940 тыс. руб.
1892	1036	113121 »	117764 » »
1894	1367	118584 »	138992 » »
1896	1724	133858 »	157945 » »

В Орехове, в частности, в 1890 году было три фабрики, с 26852 чел. рабочих и выработкой продукции на 22160 тыс. руб. (В. И. Ленин—«Развитие капитализма в России»—Сочинения, изд. 2-е, том III, стр. 475).

Владимирского жандармского управления обратился в департамент полиции с просьбой, в которой он выражал желание, чтобы Федосеев и приехавший вместе с ним во Владимир К. К. Ягодкин были бы переведены на жительство в другую местность. На просьбу Владимирского начальства департамент полиции ответил, что „при освобождении дворян К. Ягодкина и Н. Федосеева из под стражи, департаментом было сделано распоряжение о воспрещении означенным лицам жительства в тех местностях, где их пребывание признается вредным, но в числе этих мест не включен г. Владимир и Владимирская губерния, в виду чего к удалению оттуда Ягодкина и Федосеева надобности не встречается[8])“.

Во Владимире Федосеев, по сведениям полиции, жил тихо и уединенно и занимался частными уроками[9]). Н. Л. Сергиевский[10]) в этот период жизни Николая Евграфовича характеризует его так:

„Это был среднего роста, пропорционально сложенный блондин, только что вышедший из юношеского возраста, с правильными чертами лица, обрамленного едва пробивающейся слегка рыжеватой растительностью. На устах его

---

[8]) Архив канцелярии Владимир. губернатора за 1892 год, дело № 6, стр. 3.

[9]) Во Владимире Н. Е. Федосеев жил сначала в д. Латендорф, на Ильинской улице, а позднее—в д. Харизоменова, на той же улице (Архив Владим. губ. жанд. управления за 1893 г., дело № 32).

[10]) Николай Львович Сергиевский родился в 1871 году в г. Вязниках, Владимирской губернии, в семье мелкого чиновника. Участие в революционном движении начал принимать с 1888 года, распространяя сначала нелегальную литературу. В 1889 г. примкнул к Сабунаевскому народовольческому кружку, где организовал литографию, погибшую во время разгрома Сабунаевской организации. С 1891 г. Н. Л. участвует в работе социал-демократических кружков, близко сходится с приехавшим во Владимир Н. Е. Федосеевым и принимает совместно с ним самое активное участие в пропагандистской работе среди учащихся г. Владимира и рабочих окрестных фабрик (Собинка, Орехово-Зуево). За эту работу Н. Л. в 1895 г. был арестован, заключен в тюрьму, а в начале 1896 г., до решения о нем дела, выслан в Саратов под особый надзор полиции. За время пребывания в Саратове вел работу среди молодежи и организовал

поминутно блуждала мягкая, подкупающая в его пользу, улыбка .. Глаза светились искренно и приветливо. А высокий умный лоб изобличал недюжинные духовные способности... В отношении его к людям чувствовалась искренность, простота и душевность. Одним словом, общее впечатление при первом знакомстве он оставлял очень хорошее. В нем было что-то подкупающее, чувствовалась хорошая, необыденная, я сказал бы „огромная“ душа... Кто знал Н. Е.—по крайней мере те, с кем мне приходилось говорить о нем—проникались к нему чувством высокого уважения. Его молодость не мешала и людям, убеленным сединами, питать к нему такие же чувства. Многие чуть не боготворили его. И даже теоретические противники не могли не отдать ему должного при всей обостренности в те времена отношений народнического и социал-демократического направления. Я оговариваю это потому, что противники нарождавшегося тогда социал-демократического направления доводили свои обвинения против с.-д. до абсурда, представителей его третировали чуть ли не как кретинов (припомните заносчивую и высокомерную критику Михайловского), и поэтому их уважение к Н. Е.

с.-д. типографию. В конце 1896 г. дело о нем было разрешено административным порядком и он получил 8 месяцев тюремного заключения и 3 года (впоследствии продленного еще на год) гласного надзора полиции. Тюремное заключение отбывал в «Крестах» в Петербурге, надзор—в Пскове, где вплоть до 1906 года принимал активное участие в работе большевистских партийных организаций. В 1907 году Н. Л. вынужден был из Пскова уехать в Петербург, в виду преследования со стороны «черной сотни» (жену его чуть не убили), где до 1915 г. вел работу в партийных организациях, наиболее активное участие принимая в легальных кампаниях—профессиональной, газетной, кооперативной, выборной и т. д. В 1915 году опасно заболел и вышел из санатории уже после Октябрьского переворота 1917 года. Работал во время революции сначала в советских органах Ленинграда, затем был командирован на Украину для заготовки продовольствия для Ленинграда, где пробыл до занятия Украины Деникиным, после чего опять возвратился в Ленинград и работал в качестве ревизора-инструктора Наркомвнудела Северной Коммуны; затем (в конце 1922 года) перешел на работу в Ленинградский Истпарт. В настоящее время Н. Л. Сергиевский работает в органах центроархива в Ленинграде.

представляло исключительное явление. Их терпимость определялась несоглашательством его,—напротив, он был непримиримый и энергичнейший из врагов. Мало того, даже жандарм Воронов (полковник), распинавший Н. Е. по всем правилам жандармского искусства, восхищался им. А надо заметить, что Н. Е. жандармов ненавидел всей глубиной своей души, что он не считал нужным скрывать перед жандармами,—в том числе и Вороновым. Когда он говорил или писал о жандармах, он называл их не жандармами, а „мерзавцами",—иного имени для них у него не было[11]).

Но высокий нравственный образ и недюжинный ум Н. Е., импонировавший окружающим, оказывал влияние не только на местные революционные сферы, но влияние перекидывалось даже и на людей, погрязших в мещанстве и ничего не имевших общего ни с какой революцией. Такова была эта нравственная сила, что всюду, где она появлялась, она производила переполох, целую революцию в любом мещанском болоте[12])".

Такое впечатление выносили все, кто соприкасался с Николаем Евграфовичем, и это отчасти об'ясняло то, почему он почти каждого обращал в свою социал-демократическую „веру".

Во Владимире Н. Е. предполагал заняться научной литературной работой по экономической истории России, но в силу своего характера он не мог не принять участия

---

[11]) Подтверждением этого может служить следующее письмо Николая Евграфовича к М. Г. Гонфенгауз от 18-го сентября 1895 г. из Сольвычегодска:

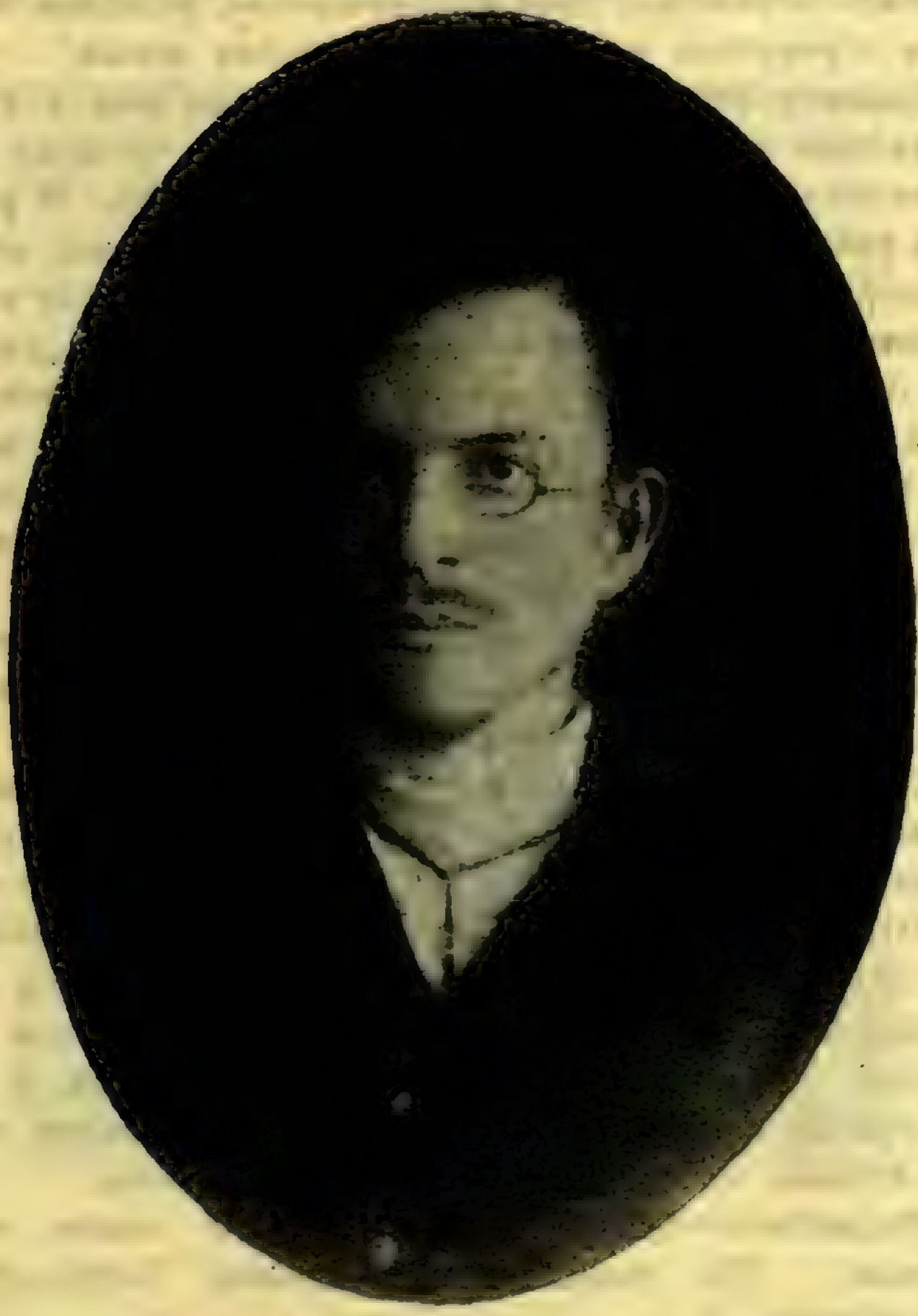
«Дорогая моя. Опять жандармы прислали мне два твоих письма,—одно из них заказное. На этот (раз?—Ред.) не продушены до омерзения жандармскими духами. Я думаю, что тебе следует жаловаться на жандармского офицера в департамент полиции и сообщить там, что он отказался от составления протокола. Деньги я получил (10 руб.). *Ты называешь жандармов дьяволами и кровожадными; хотя они таковые и есть,* но не называй их больше такими эпитетами в письмах.

До свиданья, моя родная. Не могу писать—болит зуб.

Твой Николай».

(Из дела канцелярии Владимирского губернатора за 1895 г. об обыске у М. Г. Гонфенгауз).

[12]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 37-40.



Николай Евграфович Федосеев
Родился в 1871 г.—† 26/VI (9/VII) 1898 г.
(Снимок 1893 г.).

в местной революционной работе. Эта работа велась, главным образом, среди молодежи, занимавшейся чтением и обсуждением в кружках литературы, которая тогда считалась „вредной“; путем этой самообразовательной работы молодежь стремилась выработать свое мировоззрение, отличное от того, которое стремилось привить ей тогдашняя школа.

Владимирский кружок молодежи возник еще в 1880 г. с ближайшей целью—иметь свою библиотеку, т. к. во Владимире ни одной публичной библиотеки не было. В работах кружка участвовали, главным образом, гимназисты, но были и некоторые мелкие чиновники и студенты. Большое влияние на работу кружка оказывал известный писатель - народник Н. Н. Златовратский, а впоследствии—писатель - статистик Н. А Добротворский (по убеждениям народоволец) и позднее (1886-1890 г.г.) —возратившиеся из Сибири каракозовцы[13]) — П. Ф. Николаев и В. Н. Шаганов, отбывавшие заключение одновременно с Н. Г. Чернышевским.

Сергей Павлович Шестерин, участник Владимирского кружка молодежи, в своих воспоминаниях[14]) о работе этого кружка рассказывает следующее:

„Основным ядром нашего кружка были гимназисты, но к ним примыкали некоторые мелкие чиновники и студенты. Женщин в то время (в начале 80-х годов) мы как-то чуждались: единственное исключение составляли две гимназистки: В. Н. Златовратская (младшая сестра писателя) и Ольга Афанасьевна Варенцова, отдавшая, как известно, всю жизнь революции. Порою мы сливались с семинаристами, и тогда наш кружок включал 50-60 человек. Во всяком случае состав кружка персонально постоянно изменялся.

Об‘единяясь около библиотеки, мы много читали и спорили... Мы увлекались Писаревым, Добролюбовым,

[13]) Так назывались члены студенческого революционного кружка в Москве, существовавшего в середине 60-х годов, руководителем которого был Каракозов. Каракозовский кружок ставил своей задачей подготовку восстания народа против самодержавия и устройство государства на социалистических началах. Сам Каракозов неудачно стрелял в Петербурге (4 (16) апреля 1866 г.) в Александра II-го, за что был подвергнут пытке, осужден и казнен.

[14]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 104.

с большим вниманием читали Бокля, Дрэпера, Лекки, Костомарова, Сергеевича („Вече и князь"), Янсона и др. Через приезжавших из Москвы студентов мы получали нелегальные газеты, листки и книги („Земля и Воля", „Черный передел", „Народная Воля", „Вперед" и др.).

Сергей Павлович Шестерин
(Снимок 1891 г.).

Не примыкая к какой либо партии, мы по своим убеждениям скоро стали социалистами и республиканцами. Помню, как утром 2 (14) марта 1881 г. мы услышали о смерти Александра II, а вечером этого дня мы, пятиклассники, на собрании кружка с восторгом говорили о героях, расправившихся с самодержцем".

Таким образом, к приезду Н. Е. Федосеева во Владимир, Владимирская молодежь была целиком во власти народнических

идей и настроений. Но к этому времени обаяние народничества стало уже тускнеть, жизнь беспощадно разбивала старые идеи и толкала к исканию новых. В это время среди владимирской молодежи и появился Н. Е. Федосеев, повернувший ее мировоззрение в другое русло, в сторону марксизма.

„Новые слова марксизма,— пишет Н. Л Сергиевский,— находили отклик среди неустанно ищущей истины молодежи. К тому же Н. Е. обладал способностью в кратком разговоре охватить предмет и представить настолько популярно, что восприятие его для слушателей не составляло никакого затруднения. В многословии его обвинить было нельзя. Он давал краткие, выпуклые и ясные определения, а его азарт и энтузиазм заражали и подчиняли... Заблуждения своего молодого противника он не отрицал силою своего авторитета или авторитета Маркса, Энгельса, он равноправно оспаривал его, подробно, где надо аргументируя, лишь в редких случаях прибегая к цитатам, хотя знакомство с источниками у него было серьезное и памятью он обладал хорошей[15])“.

С. П. Шестерин в своих воспоминаниях об этом же пишет:

„При всей своей значительной начитанности, Федосеев не был доктринером-буквоедом, а его стремление применить идеи марксизма к изучению нашей жизни делало их простыми и ясными для всякого. Начались (в кружке) бесконечные споры о судьбах русского капитализма, о развитии крестьянского хозяйства, роли рабочего класса в революции. Много говорили также о причинах падения крепостного хозяйства.

Убежденная проповедь марксизма сделала свое дело: мы стали читать заграничный сборник „Социал-Демократ“ и Николая — она, мы засели за Маркса. Приходилось пересмотреть весь свой идейный багаж, и в результате под влиянием Федосеева мы стали переходить в лагерь марксизма[16])“.

Таким образом, на передовую Владимирскую молодежь Н. Е. оказал сильное влияние, заставив ее покинуть идеи народничества и приобщиться к марксизму. Он будил в ней самостоятельную мысль, толкал к пересмотру ее мировоззрения;

---

[15]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 45.
[16]) Там же, стр. 108.

заставлял учиться. Несмотря на свое непродолжительное пребывание во Владимире, Н. Е. оставил на Владимирской молодежи неизгладимый след и с этого времени во Владимире, бывшем до этого в монопольном владении народников, оказался заложенным фундамент для марксистской социал-демократической работы.

Параллельно с работой среди передовой Владимирской молодежи, Н. Е. много посвящал времени и научной работе. Еще будучи гимназистом, за $1^1/_2$-2 года до своего первого ареста, он уже серьезно занялся разработкой вопросов о русской общине. Вопрос этот был очень сложный, с марксистской точки зрения до этого он совершенно не освещался, поэтому работа требовала большого труда и знакомства с целым рядом побочных вопросов, связанных с происхождением и историей русской общины. Работы Н. Е. по этому вопросу, как и другие его научные работы, до нас не дошли. Кроме разработки вопросов о русской общине, Н. Е. много занимался вопросами истории крепостного права, не прерывая эту работу и во время ссылки.

Насколько серьезны и научны были эти работы Н. Е., говорит единодушный восторженный отзыв о них всех товарищей, которые были с ними знакомы по рукописям, или по беседам с самим Н. Е., Л. Лежава говорит, что „это был истинно научный труд... Я не знаю в нашей литературе ни одного труда, который мог бы равняться с произведениями Н. Е. по глубине и исчерпывающей разработке вопроса[17])“. Характерно здесь отметить, что почти в это же время В. И. Ленин работал над своим капитальным трудом— „Развитие капитализма в России“. С разных концов эти два выдающиеся человека своего времени подходили к разрешению одного вопроса—неизбежности в России пролетарской революции. Ленин оказался счастливее: он сам претворил в жизнь свое учение и увидел положительные его результаты, Федосеев же сгорел как раз в тот момент, когда только что

---

[17]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 133. С основными мыслями научных работ Н. Е. можно познакомиться по воспоминаниям о нем Н. Л. Сергиевского, помещенными в этом сборнике.

был заложен фундамент организованного рабочего движения, когда создалась в России социал-демократическая рабочая партия.

III

Несмотря на усиленную литературную работу, Н. Е. не остался в стороне и от практической работы среди рабочих губернии. Естественно, что его внимание в этой области было обращено прежде всего на Орехово-Зуево (на границе Московской и Владимирской губерний), где имелись большие прядильно-ткацкие фабрики С. и В. Морозовых, на которых работало несколько десятков тысяч рабочих, и куда уже пытались проникнуть товарищи из революционных кружков Владимира[18]).

Орехово Зуевские рабочие еще в середине 80-х годов прогремели на всю Россию знаменитым „Ореховским бунтом“[19]), руководимым тов. Моисеенко и Волковым, но в последующие годы рабочее движение в местечке не принимало уже таких широких размеров и поэтому Владимирский революционный кружок все время стремился установить связь с Ореховым и начать среди рабочих пропагандистскую работу. Сделать это было довольно трудно. Полиция особенно внимательно следила за рабочими центрами и поэтому появление в фабричном местечке постороннего человека несомненно

---

[18]) По сообщению Н. Л. Сергиевского, Владимирский соц.-дем. кружок вел также работу среди рабочих Собинской фабрики и пытался установить связи с Шуйскими рабочими.

[19]) В связи с резким снижением заработной платы (на 25%) и увеличением штрафов за всевозможные проступки, 7 (19) января 1885 г. на фабрике Тимофея Морозова в Орехове вспыхнула стачка рабочих, которой руководили П. А. Моисеенко и Волков. Стачка проводилась с большой настойчивостью и выдержанностью. Из Владимира были вызваны в Орехово два баталиона пехоты и сотня казаков, но рабочие и перед вооруженной силой не пошли на условия фабриканта, который начал уже сдаваться и соглашался сделать некоторые уступки рабочим. 11 (23) января рабочие устроили на фабрике шествие с красными флагами и отбили у полиции арестованных ею уполномоченных рабочих. Стачка кончилась 14 (26) января, после нескольких кровавых схваток рабочих с полицией и казаками и ареста около 600 чел. рабочих.

привлекло бы ее внимание. Надо было поэтому принять какие то меры, которые усыпили бы подозрительность полиции и дали бы возможность поселить среди рабочих хотя одного пропагандиста.

Удобный случай подвернулся в конце 1891 г.. С. П. Шестерин в своих воспоминаниях об этом рассказывает:

„Я узнал, что в Орехове имеется свободное место письмоводителя у полицейского надзирателя, место с нашей точки зрения очень интересное, так как давало возможность на легальной почве войти в непосредственные сношения с рабочими. Так как этого полицейского надзирателя я хорошо знал, то я и порекомендовал ему взять на это место моего знакомого, нуждающегося, будто бы, в заработке. Он согласился. Тотчас же в нашем кружке мы обсудили положение, и в результате член нашего кружка, незабвенный Василий Васильевич Кривошея, нагруженный книгами и рефератами по рабочему и крестьянскому вопросу, двинулся в Орехово, где и занялся пропагандой среди рабочих, организуя рабочие кружки[20])“.

Н. Л. Сергиевский в своих воспоминаниях о работе В. В. Кривошея в Орехове пишет:

„Кривошея обладал не всеми необходимыми для такой работы данными, и потому под давлением запросов своих товарищей иногда терялся. Необходима была помощь. Помощи такой со стороны большинства своих Владимирских товарищей, специалистов по части „вспышкопускательства“, но бессильных в области работы по планомерной организации масс, он не находил, а впоследствии даже и перестал искать, когда на Владимирском горизонте появился Н. Е. Федосеев. Теперь он стал пользоваться его советами и по части выбора литературы, и по части практической работы в кружках... Правда, сам Кривошея, часто наезжавший во Владимир, до поры до времени избегал сталкиваться с Н. Е. из конспиративных соображений; все задания Кривошеи и ответы Н. Е. проходили через Н. Сергиевского. Да и Н. Е. в тот момент не предполагал втянуться в эту работу, считая свою консультационную работу случайной. Однако, он неоднократно

[20]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 109.

Кр. 3990
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

порывался на свидание не только с Кривошеей, но даже и с его кружковцами для непосредственного ознакомления с запросами масс. И только в самом конце пребывания Кривошеи в Орехове последний рискнул на свидание с Н. Е. Это совпало с тем периодом работы, когда кружковцы переносили свою работу из плоскости кружковщины (пропаганды) в плоскость более широкую-агитационную... Среди кружковцев были старые рабочие, видавшие виды за время долголетних скитаний по фабрикам и заводам России и не раз сталкивавшиеся с революционерами различных толков. Их солидный возраст и жизненный опыт особенно импонировали слушателям. Среди кружковцев были и более молодые, талантливые ораторы-энтузиасты, проповедь коих захватывала слушателей не менее, чем проповедь первых. Темой агитации был экономический гнет, необходимость организованной борьбы с ним; эта основная тема переплеталась с критикой политического строя. Сам Кривошея не только не был известен массам, но даже и не все кружковцы знали его, в особенности приставшие в последний период. Тем не менее он в качестве незаметного слушателя показывался иногда на таких собраниях. Конечно, эти собрания не были многолюдными, не носили характера митингов и по своим размерам походили на позднейшие провинциальные „массовки". Массовики, не видя перед собой никого, кроме своего брата рабочего, „языков не распускали", и потому „начальство" о происходящей работе не имело никакого представления. А между тем работа двигалась и настроение наростало, подогреваемое об'ективными условиями.

Так Кривошея обошел бдительность жандармерии и своего ближайшего начальства — полицейского надзирателя. Но последний следил за ним в оба, даже всю личную его переписку держал под постоянным контролем. Это выяснилось тогда, когда в середине мая неожиданно нагрянуло Владимирское „начальство"; к последнему через надзирателя, как подозревал Кривошея[21]), попало письмо, адресованное к Кривошее, по-

---

[21]) Подозрения В. В. Кривошея были неверны, т. к. письмо Н. Л. Сергиевского к нему было перехвачено в Казани, где тогда находился Сергиевский, переслано в департамент полиции, а по-

Василій Васильевич Кривошея
Родился в 1869 г. — † 22/VI (5/VII) 1910 г.
(Снимок 1893 г.).

казавшееся надзирателю достаточным обвинительным против последнего материалом. Письмо само по себе не содержало никаких намеков на работу Кривошеи в Орехове, но оно во всяком случае указывало на то, что Кривошея не обыватель, и не только письмоводитель полицейского надзирателя, а и человек, поддерживающий какие-то связи с „неблагонадежными“ лицами и интересующийся тем, что такое марксизм[22]). Долготерпению начальства пришел конец; хоть письмо и не криминальное, а, тем не менее, „до греха“ следует Кривошею отсюда убрать, и чтобы не заводить шума с высылкой, „начальство“ дружески посоветовало Кривошее убраться по добру по здорову из Орехова. Этим любезным предложением Кривошея и воспользовался, возвратившись (17 (29) июня 1892 г. *Н. Ш.*) во Владимир.

следний предложил начальнику Владим. губ. жандар. управления представить объяснения Кривошея по существу этого письма. В показаниях В. В. Кривошея писал: «вел я переписку с живущим в Казани некиим Николаем Львовичем Сергиевским, который приехал в Казань держать экзамены на аттестат зрелости. Ранее я с ним был в одном (третьем) классе гимназии... Получил я место (письмоводителя полицейского надзирателя) по рекомендации Сергея Павловича Шестерина... Более одного письма я от Сергиевского и не получал, при том надо заметить, что мы с ним не состоим в таких близких отношениях, чтобы он сообщал мне секреты, тем более, что он знает мои воззрения».

После увольнения В. В. Кривошея с должности письмоводителя полицейского надзирателя в Орехове, департамент полиции предложил начальнику Влад. губ. жанд. управления установить за ним усиленное наблюдение (Архив Владим. губ. жанд. управления за 1892 г., дело № 2, стр. 166-183, 242-247). *Н. Ш.*

[22]) Личность В. В. Кривошея и до этого была уже известна Владимирскому жандармскому начальству. В архиве Владим. губ. жанд. управления за 1891 г. (дело № 1—арх. № 11, стр. 67 и 70) сохранилось несколько документов, в одном из которых начальник С.-Петербургского губ. жанд. управления 29 января 1891 г. сообщал о том, что при обыске у С. А. Островского в декабре 1890 г. было отобрано письмо, писанное химическими чернилами, в котором был указан адрес В. В. Кривошея. У Кривошеи произвели обыск, но ничего не обнаружили и поэтому начальник Влад. губ. жанд. управления должен был сообщить в Петербург, что В. В. Кривошея «поведения и нравственности хороших, в политическом отношении ни в чем предосудительном не замечен, знакомств почти не имеет». *Н. Ш.*

Тем не менее, дело было уже сделано. В Орехове остались стойкие, энергичные продолжатели в лице сорганизованных и распропагандированных Кривошеей местных людей, которые уже могли обойтись без постоянной, непосредственной его помощи. Связи с Ореховым уже имелись, а это была основная задача посылки туда Кривошеи. Оставалось только энергично использовать их, идейно поддерживая оставшихся товарищей и снабжая их новейшей литературой[23])".

Владимирские полицейские власти о работе В. В. Кривошея в Орехове кое-какие сведения имели. В „кратком отчете произведенных дознаний по государственным преступлениям при Владимирском губернском жандармском управлении за 1892 год"[24]) рассказывается об этом следующее: „Еще со времени великого поста 1892 г. в среду фабричного населения м. Никольского и с. Зуево неизвестно, собственно, откуда, но вероятнее всего через Московских рабочих и главным образом—бывшего в то время письмоводителем у полицейского надзирателя м. Никольское Василия Кривошея, начали проникать различные разговоры и слухи о возбуждении рабочего населения против хозяев, правительства и всего вообще существующего порядка вещей; в то же время появились воззвания, под заглавием „Первое письмо к голодающим", печатанное в типографии народовольцев и помеченное „март 1892 г.". Эти листки, явившиеся в немногих экземплярах, за неимением в среде этих рабочих более смелых руководителей, передавались из рук в руки, видимо, без определенной цели, большею частью благодаря лишь небрежному и халатному отношению к могущим быть последствиям, или просто по праздному любопытству, и, видимо, медленно достигали своей цели, не находя себе последователей, тем более, что рабочие фабрики Морозова обставлены в действительности очень хорошо, а в особенности в последнее время: в виду холерной эпидемии им даровали многие льготы, как например — при покупке харчей делалась уступка в 25% и при получении заработной платы выдавались авансы и ра-

---

[23]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 78-81.

[24]) Архив Влад. губ. жанд. управления за 1893 г., дело № 8, стр. 30-32.

бочие сами прекрасно сознавали свое хорошее (? — Ред.) положение. Но с течением времени на почву, хотя и неподготовленную еще, но подогретую блуждавшими уже рассказами и задевающими любопытство (? — Ред.) воззваниями, подбавлялись постепенно новые различного рода, запрещенного содержания, издания, то в виде воззваний, то разных брошюр и рукописей, которыми, очевидно, снабжал в достаточном количестве Кривошея".

Основная задача Владимирского революционного кружка была выполнена, — связь с Ореховым установилась, там сорганизовано было ядро из передовиков-рабочих, которые повели среди рабочих революционную работу. Начались попытки выйти из рамок кружковщины и перенести работу в массу, тем более, что обстоятельства этому благоприятствовали. Приближалось время установления осенних расценок на работы, когда отношения между рабочими и фабричной администрацией неизменно почти всегда ухудшались. Кроме того, в 1892 году вспыхнула эпидемия холеры и в Поволжьи прошел ряд холерных бунтов, что не могло не беспокоить и Владимирских рабочих. Все это создавало благоприятную почву для революционной агитации среди рабочих и приезжавшие из Орехова товарищи, работавшие уже в кружках, настаивали на том, чтобы приступить к этой работе. Н. Е. в это время во Владимире не было (он жил в деревне, в Вязниковском уезде, и готовил к экзаменам детей землемера Беллонина), так что Кривошее пришлось решать вопрос о дальнейшей работе среди Ореховских рабочих со своими старыми товарищами, оставшимися еще верными своим народническим мировоззрениям. Без них обойтись было трудно еще и потому, что у них была пишущая машинка, а это имело большое значение для агитационной работы.

Решено было в Орехове выступить с прокламацией, в составлении которой, помимо Кривошеи, принимал участие некто Н. И. Иванов, который внес в нее такие мысли, которые могли толкнуть рабочих на путь „бунта". Это была ошибка, которую просмотрел Кривошея и которая обнаружилась только тогда, когда прокламации были уже распространены[25]).

[25]) Текст прокламации впервые печатается в приложениях к настоящей статье в конце книги.

В своих воспоминаниях Н. Л. Сергиевский рассказывает:

„Чтобы замаскировать происхождение прокламации, она была помечена, как исходящая от рабочих социалистов, и составлена языком неинтеллигентным. Напечатана она была на пишущей машинке и отгектографирована двумя студентами народнического толка, вышедшими из того же кружка сабунаевцев, к которому принадлежал ранее Кривошея[26]). Для перевозки прокламаций в Орехово был вызван оттуда наиболее стойкий и надежный товарищ-рабочий Штиблетов. Ему же поручено было и распространение прокламаций[27])“.

31-го августа (12 сентября) 1892 г. Покровский уездный исправник доносил Владимирскому губернатору:

„В последние дни на фабриках Морозовых в м. Никольском между рабочими появились воззвания социалистического направления. В одном из них, адресованном „фабричным рабочим от рабочих социалистов“, с пометкою „20 июля“, напечатанном на самопишущей машинке, трактуется, приблизительно, следующее: „в виду того, что холера существует в Нижнем-Новгороде и начали помирать ею уже и во Владимире, нам нужно позаботиться о себе и требовать от фабрикантов сокращения рабочего дня до 8 часов, повышения заработной платы и устранения детей от работы. В этом деле ни на кого нельзя надеяться, так как и правительство и царь на стороне фабрикантов, а нам, рабочим, нужно соединиться и действовать сообща“. Далее исправник сообщал, что им производится „самое тщательное и строгое расследование[28])“.

Получив это донесение и один экземпляр прокламации, Влад. губ. жандармское управление прежде всего занялось розыском лиц, которые могли печатать прокламации. Владимирскому полициймейстеру предложено было представить образцы шрифта всех пишущих машинок, имеющихся у частных

---

[26]) По позднейшему сообщению Н. Л. Сергиевского, прокламация была напечатана на пишущей машинке и отгектографирована его братом—Михаилом Львовичем Сергиевским.

[27]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 84.

[28]) Архив канцелярии Владим. губернатора за 1892 г., дело № 33, стр. 1.

лиц во Владимире. Кроме того, всем исправникам в губернии было сообщено о происшествии в Орехове и предложено следить, чтобы и в их районах не появились такие же прокламации.

Покровскому исправнику предложено было принять все меры к розыску виновных в распространении прокламаций.

Положение Кривошеи и его товарищей становилось рискованным.

Н. Л. Сергиевский в своих воспоминаниях говорит:

„Зная нервность среды, в которую были брошены прокламации, и не надеясь на то, что оставшиеся в Орехове товарищи сумеют овладеть массой, повести ее организованно в борьбе и удержать от возможных болезненных эксцессов, он (Кривошея) испугался возможности „бунта“ и следующей за ним экзекуции. Ему казалось, что необходимо немедленно принять предупредительные против „бунта“ меры[29])“.

Н. Е. Федосеев только что вернулся из деревни[30]) и естественно, что Кривошея прежде всего обратился к нему за советом и содействием.

„Пламенный Н. Е.,—говорит Н. Сергиевский,—ухватился за это дело. Ознакомившись с настроением как массового рабочего, так и организованных товарищей, перед выпуском прокламации и с содержанием ее, он решил, что опасность „бунта“, при отсутствии на месте надлежащего руководства массой, не исключена. Исправлять дело выпуском новой

---

[29]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 85.

[30]) В архиве Влад. губ. жанд. управления за 1893-й год, (дело № 32) сохранилось донесение пристава 2-го стана Вязниковского уезда о жизни Ник. Евгр. Федосеева в Вязниковском уезде летом 1892 года. «Имею честь донести г. уездному исправнику,—пишет пристав,—что в 1892 г. в д. Шеверихе, Мугреевской волости, в доме кр-на Т. Е. Круглова квартировал с семейством Юрьевский уездный землемер г. Беллонин, у которого Федосеев обучал детей. Землемер Беллонин с Федосеевым приехали в дер. Шеверниху 10-го июня. Беллонин занимался в казенном Мугреевском бору, а Федосеев находился с детьми г. Беллонина в д. Шеверихе безотлучно до самого от'езда. Федосеев выехал из дер. Шеверниха 22-го августа,—жил он там скромно, всегда в трезвом виде, никуда не ходил и ни с кем из жителей знакомства не имел. Занятие его было с детьми г. Беллонина и поведение его там было хорошее».

прокламации, призывающей к спокойной организованной борьбе, ему представлялось бесполезным. Нужно было принять другое решение, и оно было принято, несмотря на всю рискованность. Н. Е. решил вместе с Кривошеей ехать в Орехово, чтобы путем опроса кружковцев и иных рабочих выяснить спорные пункты, волнующие массу, и сделать попытку формулировать ближайшие насущные требования, а затем развить через кружковцев агитацию стачечной борьбы на базисе этих требований.

По приезде в Орехово было устроено собрание кружковцев и некоторых иных рабочих, выдвинувшихся в период брожения после появления прокламаций и приобревших влияние в массах. Общими усилиями были выработаны требования, которые решено было поддержать, если удастся об'единить на них массы, мирной забастовкой. Казалось бы, миссия, которую Н. Е. принял на себя, была закончена. Однако, рабочие, узнавшие о приезде нового агитатора, осадили его. Сам Н. Е., вопреки первоначальному решению вести себя осторожно, увлекся и повел продолжительные собеседования. Пришлось говорить то перед группами слушателей в квартирах кружковцев, то перед массой (в лесу), перед которой он выступал под видом рабочего, прибывшего из Москвы.

Возвращаясь из Орехова, Федосеев и Кривошея уверены были, что поездка сошла благополучно. Но судьба решила иначе. Дело в том, что Кривошея допустил в Орехове непростительную небрежность. Ему казалось, что его приезд не мог быть не замеченным, если не непосредственно самим надзирателем, то, по крайней мере, его агентами. Само собой разумеется, что полиция поставила бы в связь тайный от надзирателя приезд его в Орехово с появлением прокламаций и начала бы изыскания для установления этой связи. Следовательно, нужно было сделать вид, что его приезд в Орехово полицейским безразличен. И вот, задумав перехитрить полицию, он зашел к своему бывшему патрону (полицейскому надзирателю). Последний, приняв его очень радушно, упрекнул за то, что Кривошея не остановился у него. Продолжая выдавать себя с головой, Кривошея указал, где он остановился—это было то лицо, которое рекомен-

довало Кривошею надзирателю в качестве письмоводителя и, следовательно, было ближе Кривошее, чем сам надзиратель—и об'яснил в качестве мотива, почему он не остановился у надзирателя, что приехал с товарищем. Теперь для жандармов было ясно, что Кривошея поддерживал связь с Ореховым, а следовательно и прокламации могли быть делом его рук. Дело распутывалось для них[31])".

Покровская уездная полиция начала тщательное расследование. Из Москвы выписали опытных агентов, которые скоро напали на верный след. 6 (18) сентября исправник доносил губернатору:

„По произведенному негласному дознанию, ближайшими распространителями в среде рабочих фабрик Морозовых в м. Никольском воззваний и брошюр социалистического направления являются работающие на фабрике Саввы Морозова: ткацкий смотритель Яков Попков, приемщик плиса Андрей Андреев (между фабричными известен под фамилией Андриевский), работающий на красильном заведении и живущий на квартире в с. Зуеве, Богородского уезда, в доме Крикунова, Лекторский (он же Алекторский) и слесарь на фабрике Викула Морозова Щиблетов. Лица эти ведут тесную, дружную между собою связь и с работающими на фабрике Саввы Морозова гравером Бычковым, слесарем Пушкиным, ткацким смотрителем Петром Ивановым Шаговым и служащим в харчевой лавке Волковым. Главными же руководителями Попкова, Андреева и других являются: проживающий в г. Владимире сын коллежского советника Василий Васильев Кривошея и товарищ его какой-то молодой человек низкого роста, белокурый, в очках, будто-бы учитель, Николай Васильев или Алексеев Федосеев, приезжавшие в м. Никольское в последний раз 30-го августа[32])".

---

[31]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 86-87.

[32]) Архив канцелярии Владимир. губернатора за 1892 г., дело № 33, стр. 7.

Помимо расследования Покровской уездной полиции, в Московское жандармское управление поступил донос служащего в красильном отделении фабрики Морозова Н. В. Наметкина, который писал: «У нас на фабрике «Саввы Морозова Сын и К°» (в м. Никольском, около с. Орехово, Владим. губ.) проживает

Получив этот рапорт, Владимирское начальство прежде всего принялось за Кривошею, на которого в рапорте Покровского исправника имелось прямое указание. 8 (20) сентября начальник Жандармского управления сообщал Прокурору, что „получив указания, что воззвание „от рабочих социалистов“ будто-бы пересылалось в Орехово из Владимира и что 29-го августа приезжал туда из Владимира бывший письмоводитель полицейского надзирателя мест. Никольского В. В. Кривошея, который, видевши некоторых рабочих, говорил о воззваниях,—вследствие этого сделано было распоряжение о производстве у Кривошеи обыска. По обыску, произведенному 7-го сентября, у Кривошеи хотя никаких воззваний и брошюр обнаружено не было, но найдено множество тетрадей с преступным содержанием, почему Кривошея того же числа арестован и заключен во Владимирскую Губернскую тюрьму[33])“.

Фамилия Федосеева также указывалась в рапорте Покровского исправника и, кроме того, во время обыска у Кривошеи,—по словам Н. Сергиевского,—жандармы неожиданно задали ему вопрос, с кем он был в Орехове? Не отдавая себе

несколько личностей, которые как-то особенно выделяются из окружающей их среды и о которых я считаю долгом вам сообщить. К числу этих личностей принадлежит А. Ф. Алекторский и А. А. Андриевский. Алекторский занимается распространением между рабочими и служащими фабрики различных книг, брошюр и прокламаций и читает их на фабрике в свободное от занятий время, конечно, в отсутствии начальства. Однажды он получил по почте целый ящик каких-то вещей и на вопросы рабочих отвечал, что получил от сына старое платье. Вскоре после получки этой посылки он принес в фабрику несколько книг, виденных мною мельком, но заглавие которых я смутно еще помню, тут были: «Великий (или «всеобщий», хорошо не помню) праздник рабочих», «Учение о социализме», «Кто чем живет», несколько прокламаций «Письмо к голодающим», одна из которых была издана в марте, другая—в июне». Дальше Наметкин сообщал, что «на фабрику приезжал незнакомец, довольно прилично одетый, который заходил к Алекторскому». Копия этого доноса была приложена к делу о Н. Е. Федосееве и др. (Архив Влад. губ. жанд. управления за 1892 г., дело № 32, стр. 61-64).

[33]) Архив прокурора Владимир. окружного суда за 1892 г., дело № 6, стр. 10.

отчета в том, что он делает, Кривошея назвал Н. Е. Потом Кривошея никак не мог об'яснить, почему он дал такое показание, и подтвердить это свое показание в дальнейшем отказался[34])". Но было уже поздно. 8 (20) сентября было отдано распоряжение об обыске и аресте Федосеева и 10 (22) сентября (8 (20) Н. Е. был на охоте) он был арестован и заключен также во Владимирскую тюрьму[35]). О своем аресте в письме на имя прокурора Владимирского окружного суда Н. Е. пишет: „10-го сентября этого года я намеревался уехать из г. Владимира. В 5 час. вечера этого дня я явился к приставу 2-ой полицейской части с просьбой засвидетельствовать мою подпись на одной бумаге. Г. пристав пригласил меня ехать вместе с ним к полицеймейстеру по „одному делу". В квартире полицеймейстера, этот последний об'явил мне, что он меня должен арестовать и заключить в тюрьму по приказанию жандармского полковника. При этом г. полицеймейстер в присутствии пристава и понятых лично произвел у меня обыск, без присутствия лица прокурорского надзора. Относительно заключения моего под стражу возникли разногласия: пристав 1-й части говорил, что сначала велели арестовать меня, но потом приказание это отменено. Недоразумение разрешил простой солдат-жандарм и меня увезли в губернскую тюрьму, где и сдали под расписку смотрителю тюрьмы[36])".

Для Н. Е. потянулись опять тяжелые дни одиночного заключения.

А Покровские уездные власти между тем усердствовали. В очередной сводке (8 (20) сентября) исправник доносил губернатору:

„*Командированный* мною в м. Никольское для секретных розысков и наблюдений по делу о распространении между рабочими фабрик Морозовых революционных изданий Попковым, Лекторским и др. *полицейский урядник Наумов*

---

[34]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 88.

[35]) Архив канцелярии Владимир. губернатора за 1892 г., дело № 33, стр. 18.

[36]) Архив прокурора Владимир. окружного суда за 1892 г. дело № 6, стр. 25.

5-го сентября определился на красильное заведение Саввы Морозова в сторожа. Утром, 6-го сентября, Михаил Сергеев Клюев познакомил его с Яковым Леонтьевым Попковым, Щиблетовым и Лекторским, рекомендовав его бывшим старшим дворником, административно высланным из Петербурга, человеком ихней партии, готовым на что угодно. Принятый в их компанию Наумов в то же утро, вместе с Клюевым, был в гостях у Лекторского на его квартире в с. Зуеве в доме Крикунова. Там же были Попков и Щиблетов; на это свидание Попков приглашал также Андреева, Шагова и Пожарова, но они почему-то не пришли. Здесь Попков давал Наумову посмотреть какую-то книгу, название которой он забыл, но успел отчасти просмотреть ее. В ней, по его словам, говорится, что все богатство фабрикантов, помещиков и землевладельцев приобретено руками рабочих, что нужно употребить все старания к тому, чтобы все имели одинаковые средства и т. п. Затем тот-же Попков вынул из кармана два рукописных листка, об'яснив, что это программа дальнейших их действий, оставленная им господином в золотых очках, который 30-го августа приезжал в м. Никольское с В. В. Кривошея, что программу эту господин в очках писал на квартире учителя на фабрике Викула Морозова. Так как программу эту читать на квартире Лекторского было неудобно, то все отправились в лес, пригласив с собой некоего Гусева, ткача на ткацко-отделочной фабрике С. Морозова, живущего на вольной квартире в с. Зуеве. Придя в лес к даче Зимина (за с. Зуевым), Попков, Лекторский, Щиблетов, Гусев, Клюев и Наумов приступили к „совещанию". Начали разговор с того, что программа готова—остается только приступить к делу. Все пожелали узнать содержание программы, которую и прочитали по очереди Попков и Щиблетов. По словам Наумова, общий смысл программы заключается в том, что рабочий класс теряет свои силы только на хозяев-фабрикантов, что необходимо отнять у фабрикантов их заводы, машины и средства и предоставить все это самим рабочим. На этом же собрании решено нанять для сходок удобное помещение, что, вероятно, будет в квартире Лекторского, откуда пред-

полагается выселить всех посторонних квартирантов, а на содержание ее решили организовать кассу из ежемесячных взносов членов партии. В случае, если бы кого либо из членов их партии уволили от работы,—решили помогать ему и его семейству. Попков говорил, что для пользы дела он с фабрики Саввы Морозова может уволиться и поступить на фабрику Корзинкина в Ярославле, где у него есть хороший знакомый, и там он надеется успешно развить революционные идеи в среде рабочих, а Лекторский из'явил желание с этой же целью поступить на фабрику Глуховской Мануфактуры в г. Богородске, но для исполнения своих намерений они в настоящее время не имеют еще средств.

Следующее собрание решили устроить 8-го сентября в квартире Лекторского, который пригласил на это собрание гравера Быкова, Пожарова и Шагова. От Лекторского Наумов получил два воззвания: „Первое письмо мужицких доброхотов к голодающим крестьянам" и „от рабочих социалистов". Лекторский вообще советовал Наумову побольше читать, для чего и дал ему книги: „История возникновения и влияние рационализма в Европе", сочинение Гартноля Лекви (перевод с английского Пыпина, изд. Полякова, С.-Петербург, 1871 г.), „Критические беседы"—Маркова (вырезано из журнала „Русская Речь") и „Международное рабочее законодательство" Блумендаля (вырезано из журнала „Слово"), которые, по прочтении, просил возвратить. Тот же Лекторский говорил Наумову, что он крестьянин Александровского уезда, Андреевской волости, с. Андреевского; ранее жил в г. Александрове на фабрике Баранова, где и заразился вредными идеями от мастера-набойщика Ивана Петрова Галкина, у которого имеется громадная библиотека запрещенных книг. Галкин и теперь живет на фабрике Баранова.

Несколько загадочной является личность молодого человека в золотых очках, приезжавшего 30-го августа в м. Никольское вместе с Кривошея. Учитель на фабрике В. Морозова А. Е. Предтеченский, у которого он останавливался, в частном разговоре называл его Николаем Васильевичем или Алексеевичем Федосеевым и говорил, что он где-то учительствует,

а Попков именует его Порданским и говорит, что он живет в Москве и учится в Университете[37])".

Через два дня исправник дает губернатору дополнительные сведения об этих собраниях:

„Вечером 7-го сентября, около 10 часов, в каморку к *Михаилу Сергееву Клюеву* явились с письмом от Попкова два неизвестных человека. Один из них назвался Григорием Егоровым Капрановым, об'яснив, что он живет в Москве на фабрике Прохорова ткацким подмастерьем, другой рекомендовался фельдшером Хорьковским (Хорьков тоже), но дать какие либо сведения о своей личности уклонился. Оба они передали Клюеву две брошюры: 1) „Ежегодный всемирный праздник рабочих" Г. Плеханова (издание рабочей библиотеки, Женева, типография „социал-демократа", 1891 г.) и 2) „Манифест коммунистической партии", соч. Карла Маркса и Фр. Энгельса (перевод с немецкого, изд. русской социальной революционной библиотеки, Женева, вольная русская типография, 1882 года). Вместе с новыми товарищами *Клюев* пошел в Зуево к Алекторскому; по дороге он *зашел за полицейским урядником Наумовым, которого, познакомив с приезжими, тоже пригласил с собой.* У Алекторского они пробеседовали до полуночи и решили вновь собраться у Алекторского же на другой день, 8 го сентября, утром. Так и сделали. На этом собрании говорил Капранов о необходимости образовать кассу, о том, что у него есть масса книг, которые он в скором времени может доставить сюда. В то же время Алекторский позволил себе дерзко выражаться против особы государя императора, говоря, что он не смотрит за делом, не любит думать о бедняках и их нуждах, что министры напишут, то он пьяный подписывает, что он любит только б ..... и многое другое, что Наумов не решился даже повторить.

Между прочим, на бывшем 6-го сентября в лесу собрании было постановлено: если кто либо из них решится их выдать, „того стереть с лица земли". Это же решение они подтвердили и теперь, пригрозив выдавшему их пулей

---

[37]) Архив Владимирск. губернатора за 1892 г., дело № 33, стр. 5.

в лоб. На собрании присутствовали: Алекторский, Капранов, Хорьковский, Клюев и Наумов[38])".

Таким образом, благодаря работе *опытных агентов-провокаторов Клюева и Наумова*, полицейские власти получили большой материал о революционной работе в Орехове. В ночь на 11 (23) сентября у Андриевского, Попкова, Штиблетова, Алекторского, Гусева, Петрова были произведены обыски и все они, кроме Петрова и Андриевского, были арестованы и заключены во Владимирскую тюрьму. Покровские же полицейские власти за свою „доблестную работу" были поощрены следующим об'явлением, появившимся в конце октября во „Владимирских Губернских Ведомостях":

„Об'является благодарность Губернского Начальства Покровскому уездному исправнику коллежскому советнику Харкевичу, полицейскому надзирателю м. Никольского коллежскому регистратору Парийскому и полицейскому урядинку 3-го участка Наумову за их отличную распорядительность по службе[39])".

Через два дня после ареста, Н. Е. писал прокурору Владимирского окружного суда: „В виду, по меньшей мере, неясной формулировки причины моего ареста: по обвинению

---

[38]) Архив канцелярии Владим. губернатора за 1892 г., дело № 33, стр. 15. В издании Истпарта Орехово-Зуевского Уездного Комитета Р. К. П. (б).— «1905 год в Орехово-Зуеве»—в главе о марксистской группе Федосеева (стр. 46) указывается, что Г. Е. Капранов и Ф. М. Хорьков были «никто иные, как провокаторы». Это утверждение, судя по архивным данным, не соответствует действительности, т. к. Капранов и Хорьков были привлечены по делу о распространении революционных изданий в Орехово-Зуеве в качестве обвиняемых, находились в Москве под стражей и освобождены под надзор полиции 4 (16) ноября 1892 г.; Капранову, в частности, в июне 1893 г. было запрещено жительство в г. Москве и Московской губернии, как состоящему под особым надзором полиции (Архив Владим. губ. жанд. управления за 1892 г., дело № 32, стр. 189-192, за 1893 г.— № 32, стр. 241). Как видно из документов, провокаторами были Наумов и Клюев.

[39]) Архив канцел. Владим. губернатора за 1892 г., дело № 33, стр. 33.

„в рабочем вопросе“, а главное, в виду того, что я, вопреки требованию закона, нахожусь под стражей около 2-х суток, ни разу не допрошенный чинами жандармского управления,—я имею основание думать, что арест мой не более, как административная ошибка[40]“.

Н. Е. не знал, какими материалами к его обвинению располагают полицейские власти, и поэтому думал отделаться легко. Но дело повернулось иначе.

Н. Л. Сергиевский в своих воспоминаниях говорит:

„При допросе Кривошея отказался назвать, с кем он ездил. Но было уже поздно... Федосееву была сделана очная ставка с рабочими из Орехова и с лицами, у которых он с Кривошеей останавливался.

Здесь небезынтересно отметить поведение рабочих, о котором мне стало известно из рассказов Н. Е. Рядовые рабочие, с которыми Н. Е. беседовал, и которые, конечно, очень хорошо запомнили его, решительно не узнавали его; иные, очевидно, оставляя себе путь для отступления, говорили приблизительно так: как будто бы и он, но у того была шляпа с широкими полями или другой костюм. Когда же им показывали Н. Е. в костюме таком, в каком был неизвестный, они придумывали новую увертку для того, чтобы не опознать в Н. Е. неизвестного. Очная ставка с хозяевами квартиры дала совершенно обратные результаты. Хозяева квартиры были интеллигенты,—учитель и его родственник,—побоявшиеся ради своего благополучия не признать в останавливавшемся у них с Кривошеей Федосеева. Итак, приезд Н. Е. в Орехово с Кривошеей был доказан. Жандармы обрушили всю тяжесть обвинения на Н. Е., как рецидивиста, приписывая ему составление прокламаций и инструктирование всего дела по установлению связи Владимира с Ореховскими рабочими. Жандармам не удалось установить, как попали в Орехово прокламации и где они были отгектографированы. Были у них подозрения и в отношении Иванова, и в отношении С. П. Шестернина, тогда служившего во Владимирском окружном суде. Пробовали они сравнивать шрифт пишущих

---

[40]) Архив прокурора Владим. окружного суда за 1892 г., дело № 6, стр. 25.

машинок суда и других Владимирских учреждений со шрифтом, коим были напечатаны прокламации, чтобы подобраться к Шестерину или Иванову. Но так как все их поиски в этом направлении не приводили ни к каким результатам, то оставалось одно—взвалить вину за них на Федосеева.

Чтобы устранить, как пункт обвинения против Федосеева, прокламации, Кривошея пожертвовал собой. Он сознался, что прокламации—дело его рук[41])".

Таким образом, обвинение против Н. Е. в составлении прокламаций отпало. Близкими ему людьми (Н. Л. Сергиевским и М. Г. Гопфенгауз) был составлен план доказать, что Н. Е. познакомился с Кривошеей всего только за день-два перед поездкой в Орехово и, следовательно, никак не мог быть инспиратором сношений Кривошеи с Ореховскими рабочими, но план этот рушился, т. к. Н. Е. поторопился признать за свою рукопись, составленную им в Орехове и найденную при одном из обысков у рабочих[42]).

25 сентяб. (7 окт.) начальник жандармского управления сообщал губернатору: „На последовавших в последний раз допросах обвиняемых в распространении преступной пропаганды в среде рабочих м. Никольского и с. Зуево Василия Кривошея и Николая Федосеева оба они подтвердили свое обвинение собственным сознанием в участии по снабжению рабочих преступного содержания изданиями и по распространению пропаганды и, таким образом, их виновность в этом деле окончательно установлена. Кроме того, Федосеев показал также, что программа действий рабочих составлена и писана им же в ночь его пребывания в м. Никольском[43])".

Сопоставляя рукопись с прокламацией, Н. Е. доказывал разницу взглядов авторов и этим отстранял обвинение в инспирировании дела. 6 (18) октября он писал прокурору: „Рукопись, написанная мною, служит неоспоримым доказательством того, что мне не может быть приписываемо распространение среди кого бы то ни было брошюр

---

[41]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 89.

[42]) Текст этой рукописи помещен в приложениях к настоящей статье.

[43]) Архив канцелярии Влад. губернатора за 1892 г., дело № 33, стр. 24.

и прокламаций, фигурирующих в деле,—к которому я привлечен,—в качестве вещественных доказательств, потому что убеждения, проводимые в этих брошюрах и прокламациях, совершенно противоречат не только моим убеждениям, но и нравственным принципам, изложенным отчасти в моей рукописи. С особенным основанием я могу это сказать относительно той из пред'явленных мне прокламаций, с которою я успел познакомиться во время допроса, именно той, которая возбуждает рабочих к беспорядкам и стачке во время холерной эпидемии; относительно этой прокламации в самом первом моем показании я писал, что „содержание ее возбуждает во мне глубокое нравственное отвращение", теперь же, на основании моих взглядов, изложенных в рукописи, я могу на достаточных основаниях доказать невозможность не только прямого распространения мною, но и распространения с ведома моего таких прокламаций, об одной из которых я сейчас говорю[44])".

Когда отпало обвинение относительно составления и распространения прокламаций, в вину Н. Е. была поставлена его рукопись.

Условия заключения во Владимирской губернской тюрьме были не из легких и это сразу же почувствовал Н. Е. Через неделю после ареста (17 (29) сентября) он писал прокурору: „Имею честь просить Вас разрешить мне получить с почты издание Министерства финансов „Вестник финансов, промышленности и торговли" и иметь в камере письменные принадлежности для литературной работы. А также имею честь просить Вас распорядиться, чтобы тюремная администрация выпускала меня ежедневно на прогулку. Лишение прогулки и отсутствие в камере необходимых принадлежностей делают заключение слишком жестоким, вопреки инструкции главного тюремного управления о содержании под стражей политических арестантов в продолжении предварительного следствия. Неимение свободных надзирателей, чем мотивирует

---

[44]) Архив прокурора Владим. окружного суда за 1892 г., дело № 6, стр. 31.

тюремная администрация лишение меня прогулки, легко может быть устранено присылкой полицейского солдата на время прогулки[45])".

Все три просьбы Н. Е. прокурором не были удовлетворены.

Тяжелые условия заключения, прерванная литературная работа и уверенность, что против него больших улик у жандармов не имеется,— все это толкало Н. Е. принимать все меры, чтобы скорее выйти из тюрьмы. 6 (18) октября он вновь пишет прокурору: „Имею честь повторить мою просьбу допросить меня более подробным образом, чем это было сделано после сознания моего в поездке с г. В. Кривошея в Орехово-Зуево и сообщить мне мотивы привлечения меня к следствию за преступление, предусмотренное 252 ст. Уложения о наказаниях. Мое дальнейшее, более детальное показание, без сомнения, облегчит выяснение предварительным следствием моей роли в настоящем деле и будет способствовать скорейшему освобождению меня из под стражи[46])".

12 (24) ноября Н. Е. опять пишет прокурору:

„Имею честь просить Ваше Высокородие освободить меня до решения дела на поруки или под залог под надзор полиции. Я совершенно не понимаю, почему меня держат под стражей, когда я дал мои правдивые показания относительно моего участия в деле, к которому меня привлекли. Я имел честь получить от В. В. об'явление, что моя роль в распространении среди рабочих возмутительных листовок вполне выяснена дознанием, я ответил на это подробным показанием о цели моей поездки в Орехово и о пребывании там и просил В. В. сообщить мне основания для такого обвинения. Г. жандармский полковник, когда я заявил ему о Вашем заключении, сказал мне, что это заключение всецело принадлежит В. В. и что он не знает на каких основаниях Вы сделали это заключение; но г. жандармский полковник отказался сообщить мне основания моего обвинения и причину содержания под стражей. Все это заставляет меня думать, что дознание не выяснило тех обстоятельств, которые все более доказывают мою непричастность к настоящему делу,

[45]) Архив прокурора Владим. окр. суда за 1892 г., дело № 6, стр. 27.

[46]) Там же, стр. 31.

Политическаго заключенія Николая Евграфова Федосеева

Прошеніе

Въ дополненіе къ моей просьбѣ къ Вашему Превосходительству о разрѣшеніи мнѣ выѣхать въ Вологду на свой счетъ, я имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что могу отправиться въ оба конца помѣсяца одного конвоира и дорогою въ Вологду мои будущіе приготовлены къ концу текущей недѣли.

Николай Федосеев.

Захарьев Вологда

Автограф Николая Евграфовича Федосеева.

и обратиться к В. В. с просьбой сообщить мне обвинительные аргументы. Я имею честь поставить на вид В. В. еще следующие обстоятельства. В г. Владимире, совершенно мне незнакомом, я проживал с двумя моими товарищами (А. А. Саниным и К. К. Ягодкиным — *П. Ш.*) по окончании 2½-летнего тюремного заключения, — я прожил во Владимире февраль, март, апрель и май; все это время ушло на искание работы, чтобы существовать в незнакомом городе, где у меня не было ни родных, ни знакомых (в'езд же в Саратов, Казань, Нижний-Новгород и Тверь, где у меня были родные и знакомые, мне был воспрещен на 3 года). Затем, весной мне удалось найти несколько частных уроков, а мои товарищи уехали из Владимира, потому что не нашли никаких занятий, которые давали бы средства к существованию. В июне месяце я уехал в деревню с тремя детьми землемера г. Беллонина, в качестве гувернера и учителя при этих детях. Июнь, июль и большую часть августа я неотлучно находился при детях. В двадцатых числах августа я вернулся во Владимир (кажется, 15 числа) и до субботы 29-го августа ежедневно и утром и вечером, не исключая праздников, усиленно занимался приготовлением к экзамену детей того-же г. Беллонина. Свободное время оставалось у меня лишь между 4-6 часами дня и после 10 ч. вечера. 29-го августа утром я давал последний урок у г. Беллонина, а ночью того же дня уехал с г. Кривошея в Орехово-Зуево. Все мое участие в настоящем деле заключается лишь в этой поездке и в написании рукописи для Кривошея. Где же место и где основания для подозрения меня в более серьезном и преступном участии в этом деле? Если в рукописи я высказал взгляды, осуществление которых карается законом, то это был лишь ответ на рассуждения Кривошея и некоторые мои взгляды в этой рукописи именно изложены в полемической форме.

Г. прокурор, позвольте в заключение просить Вас принять во внимание, что двухмесячное тяжкое заключение без чистого воздуха (мне до сих пор отказывают в прогулке) уже совершенно расстроило мое здоровье, которое я не успел поправить после первого долговременного одиночного заключения, — и просить Вас освободить меня до решения дела под надзор полиции, на поруки или под денежный залог,

или представить это мое ходатайство на усмотрение надлежащих властей[47])".

Эта просьба Н. Е., как и предыдущие, оставлена была прокурором „без удовлетворения".

А следствие продолжалось. Против Н. Е. особенно серьезных улик не было, за исключением его поездки в Орехово, да рукописи. Жертва могла ускользнуть из рук полицейских властей и они принимают все меры, чтобы собрать против Н. Е. больше материала В первых донесениях Покровского исправника губернатору упоминалась „загадочная личность в золотых очках" и жандармы на это обратили внимание, стараясь, чтобы Ореховские рабочие, при очных ставках, признали в Н. Е. „господина в золотых очках". По этому поводу 15 (27) ноября Н. Е. обратился с письмом к прокурору, в котором он писал:

„При очных ставках меня с разными лицами, Вы спрашивали этих последних обо мне, как о „господине, бывшем в золотых очках", и называли костюм мой „приличным". Это обстоятельство (золотые очки и костюм) Вы особенно подчеркивали; поэтому, мне представляется теперь, не связано ли это обстоятельство с каким нибудь недоразумением и не это ли обстоятельство служит причиной того, что меня держат под стражей более двух месяцев. Дело в следующем. Во-первых, в Орехово-Зуеве я был не в золотых очках; во-вторых, мой костюм состоял из серой куртки, стянутой кушаком, и один сапог, от ходьбы по каменной мостовой, у меня порвался, что было очень заметно; так что костюм мой ни в коем случае не мог быть назван „приличным". Фотографическая карточка, приложенная к делу, снята с меня в том костюме, в котором я был в Орехово-Зуеве, но так как мое платье могли заметить только учитель Преображенский, его брат и мать и какой-то учитель, товарищ Преображенского, бывший у него во время моего присутствия,—то имею честь просить В. В. выяснить указанное мною противоречие факта с теми описаниями, которые находятся в деле.

Это важно тем более потому, что при очной ставке меня с Кривошея, Вы, В. В., прочитали из протокола допроса

[47]) Архив прокурора Владим. окружного суда за 1892 г., дело № 6, стр. 51.

последнего именно эти слова—„прилично одетый, в золотых очках“,—относящиеся ко мне. Это утверждение чистейший вымысел, но, во-первых, оно может иметь причиной злонамеренный мотив; во-вторых, это утверждение может быть связано с каким нибудь другим, неизвестным мне, обстоятельством и служить причиною недоразумения; в-третьих, самый вымысел характеризует общее искажение и преувеличение значения моей поездки в Орехово-Зуево, насколько я мог узнать об этом значении из слов г. жандармского полковника и утверждения В. В., что мое участие в распространении среди рабочих возмутительных листков вполне выяснено следствием. Имею честь просить В. В. выяснить это противоречие действительного факта с обстоятельством, установленным дознанием по отношению ко мне и приложить настоящее мое об'яснение к дознанию[48])“.

Через три дня Н. Е. вновь возбуждает вопрос об освобождении его из под стражи. 18 (30) ноября он пишет прокурору:

„По окончании срока моего тюремного заключения в С.-Петербургской одиночной тюрьме, 13 января 1892 г., я был обязан сыскным отделением подпиской о невыезде, в продолжении трех лет, в г. Саратов, место моей родины, и в г. Казань, мое постоянное местожительство по обучению в императорской I-й гимназии. Охранное отделение представило мне на выбор место жительства во всех городах Российской Империи, кроме столичных, университетских и особо поименованных городов: Саратова, Нижнего-Новгорода и Твери. Я отказался назначить для своего постоянного местожительства один из совершенно незнакомых мне городов, где у меня не было ни родственников, ни знакомых, тогда охранное отделение об'явило мне, что меня вышлют этапным порядком в г. Пинегу; в этом случае я предпочел выбрать губернский город Владимир, куда поехали мои товарищи, отбывшие срок наказания одновременно со мной. Следовательно, оседлости я лишен временным правительственным распоряжением. В г. Саратове у меня есть род-

[48]) Архив прокурора Владим. окружного суда за 1892 г., дело № 6, стр. 54.

ственники, с отцовской стороны, землевладельцы. Наконец, моей оседлостью может считаться уездный город Вятской губернии, Котельнич, где живет моя мать с семьей. Я имел бы честь выразить В. В. мое согласие жить под надзором полиции до окончания настоящего дела, к которому я привлекаюсь в качестве обвиняемого,—и в моей семье, в г. Котельниче. Но для меня было бы лучше во всех отношениях, если бы найдено было возможным освободить меня из под стражи под денежный залог, для проживания в гор. Самаре; это особенно потому имеет для меня значение, что в г. Котельниче я не мог бы найти никакого заработка и мне пришлось бы жить на средства матери. Наконец, если по обстоятельствам дела необходимо, чтобы я оставался в г. Владимире, я мог бы представить денежный залог или поручителей за себя при освобождении из под стражи. Остаться в гор. Владимире для меня тем неизбежно, что министерство внутренних дел по какой то причине, вероятно, приняв меня, по ошибке, за находившегося под надзором полиции, обязало меня подпиской о приписке к здешнему призывному воинскому участку, и воинское присутствие, со своей стороны, обязало меня подпиской явиться после освобождения из тюрьмы для медицинского освидетельствования моей годности для отбывания повинности в войсках. Наконец, я выражаю уверенность, что моя просьба об освобождении будет уважена В. В., в виду моего расстроенного здоровья.

Во избежание неясности толкования слова „оседлость" на предыдущих строках, я имею честь добавить, что у матери моей, в г. Котельниче, есть недвижимая собственность; а в подписке, данной мною охранному отделению, я обязался иметь „постоянным местожительством Владимир — на Клязьме[49])".

Нечего говорить, что и это прошение Н. Е. было „оставлено без последствий".

Дознание по делу „о распространении Федосеевым, Кривошеей и др. преступной пропаганды среди фабричных рабочих м. Никольского, Покровского уезда, и с. Зуево;

[49]) Архив прокурора Владим. окружного суда за 1892 г., дело № 6, стр. 58.

Богородского у.“ производством было закончено и 17 (29) декабря 1892 г. направлено прокурору Московской судебной палаты. На основании сохранившихся материалов этой палаты, А. И. Елизарова пишет, что „непосредственных улик относительно участия Федосеева в пропаганде среди рабочих не было. И он, и Кривошея показали, что рукопись написана исключительно по просьбе последнего после продолжительного разговора на эту тему. Неустановленность его знакомства с рабочими, кратковременность знакомства с Кривошеей, вообще кратковременность пребывания во Владимире, — с января по май, когда ничего предосудительного установлено не было, потом три месяца жизни в деревне — все это заставило даже начальника жандармского управления в его донесении прокурору Московской судебной палаты выделить Федосеева. А именно, он указывал, что, рассмотрев дознание по этому делу, он нашел, что им „не выяснены некоторые обстоятельства, без которых представляется невозможным установить характер и свойства приписываемой обвиняемому Николаю Федосееву деятельности“. Он указывает, что в деле имеется против Федосеева только одна улика—составленная им рукопись. Достаточных данных для обвинения его в пособничестве, в распространении среди рабочих каких-либо воззваний не имеется. „Показания Федосеева и Кривошеи о том, что поездка была предпринята Федосеевым без всякой преступной цели, и рукопись составлена исключительно по просьбе Кривошеи, не представляются безусловно лживыми“.

Вследствие этого, начальник жандармского управления в своем предположении относительно наказания всем привлеченным считал правильным вменить в наказание Федосееву, как и наименее замешанному рабочему Щиблетову, лишь предварительное заключение, освободив от всякого дальнейшего наказания. Очевидно, характер деятельности Федосеева представился ему более академическим, или даже и ему, жандарму, показалось слишком суровым карать человека, главным образом за то, за что он уже был привлечен и наказан как за государственное преступление[50]).

---

[50]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 17.

Дознание Владимирских властей по делу Федосеева и др. Москву, однако, не удовлетворило. Прокурор Московской судебной палаты 11 (23) января 1893 г. возвратил дело во Владимир и предложил начальнику жандармского управления „для выяснения виновности Федосеева по настоящему делу, тщательно проверить данные им и Кривошея показания о времени возникновения их знакомства, а также с точностью установить: когда прибыл Федосеев на жительство в гор. Владимир, проживал-ли он в Вязниковском уезде у землемера Беллонина и, если находился у последнего, то какой именно период времени, каково было его поведение там и когда он возвратился оттуда во Владимир[51])“. Получив это предписание прокурора Московской судебной палаты, Владим. губ. жандармское управление вновь начинает вести следствие. Опять началась переписка по собиранию дополнительных материалов, выяснялись новые личности, участвовавшие в деле. 8 (20) марта 1893 г. Н. Е. обратился к прокурору с просьбой — сообщить ему, где находится производимое о нем дело и может-ли он ходатайствовать об освобождении его из-под стражи.

3 (15) апреля он вновь обращается к прокурору с просьбой уведомить в чем его обвиняют и почему дополнения дознания незначительными сведениями для сущности дела оказались для него настолько неблагоприятными, что прокурор Московской судебной палаты не нашел возможным освободить его из-под стражи.

Удовлетворительного ответа от прокурора Н. Е на оба запроса не получил, а в это время в тюрьме вспыхнула эпидемия тифа и сношения с внешним миром стали более затруднительными.

30/III (11/IV) Н. Е. обратился к губернатору со следующим прошением: „Я имел бы честь обратиться к вашему превосходительству с следующей просьбой: не представится ли возможным разрешить мне принять на себя обязанности санитара-дезинфектора в тюрьме. Следствие обо мне уже окончено. С санитарными обязанностями я несколько знаком

---

[51]) Архив канцелярии Владимир. губ. жандарм. управления за 1893 г., дело № 32, стр. 117.

и притом врач может дать мне инструкцию; в виду развивающейся тифозной эпидемии в тюрьме, я мог бы оказать некоторую помощь, особенно в виду недостаточности фельдшерской помощи[52])".

Ожидая, вероятно, встретить сопротивление в этом деле со стороны жандармского управления, Н. Е. 1 (13) апреля с аналогичной просьбой обращается к начальнику жандармского управления: „Имею честь,—пишет он,—покорнейше просить уведомить меня, не встретится ли с вашей стороны препятствий к принятию мной на себя обязанностей санитара в тюрьме; в виду распространяющейся эпидемии сыпного тифа, я мог бы моею деятельностью оказать некоторую помощь в деле прекращения распространения эпидемии, тем более, что фельдшерская помощь (одного лица) вообще не может быть достаточна; нужен постоянный уход за заболевшими, немедленная дезинфекция и т. п. Я имею некоторый навык в санитарном деле и могу получить от доктора подробную инструкцию. Я даю честное слово В. В., что в случае разрешения мне быть санитаром, я буду безусловно соблюдать дисциплинарные правила, касающиеся меня. Если не встретится с вашей стороны препятствий к удовлетворению моей просьбы, то я имел бы честь покорнейше просить В. В. сообщить об этом г-ну начальнику губернии, к которому я обращаюсь с просьбой о дозволении мне заняться санитарной деятельностью[53])".

Владимирские власти не решились сами разрешить этого вопроса и сделали запрос в главное тюремное управление, которое ответило, что с его стороны „к удовлетворению означенного ходатайства препятствий не встречается".

Сочло ли Владимирское начальство просьбу Н. Е. вмешательством в свои административные дела, или еще какая была этому причина, но только губернатор на всей переписке по этому делу наложил резолюцию: „не представляется надобности, и без него санитарные меры применяются[54])".

---

[52]) Архив канцелярии Владимир. губернатора за 1893 г., дело № 17, стр. 2.

[53]) Архив канцелярии Владимир. губернатора за 1893 г., дело № 17, стр. 6.

[54]) Там-же стр. 8.

Так неудачно окончилась попытка Н. Е. заняться санитарной деятельностью в тюрьме, а между тем это занятие несколько улучшило бы его тюремную жизнь и облегчило бы сношения с волей. Жандармские же власти воспользовались тифозной эпидемией в тюрьме и ухудшили тюремный режим. 3 (15) апреля Н. Е. по этому поводу вынужден был обратиться к Владимирскому прокурору с просьбой дозволить ему получать и отсылать корреспонденцию через окружной суд. „Начальник жандармского управления,—писал он,—запретил мне писать и отказался передавать мне письма, книги и деньги, присылаемые на мое имя, по случаю тифозной эпидемии в тюрьме. Таким образом, он лишил меня самого необходимого и отдал на жертву голодного тифа, что я буду делать, например, без денег; и он же задержал последнюю денежную посылку и оставил меня совершенно без денег. Такой панический страх я считаю преступным, ибо пересылка корреспонденции входит в его прямую обязанность. Я имел бы честь убедительнейше просить В. В. не отказать мне в просьбе получать корреспонденцию через окружной суд. Мои письма будут тщательно дезинфицировать и письма мне могут пересылаться через городскую почту или каким другим способом, который вы найдете нужным. Я убедительно прошу В. В. об этом, ибо это существеннейшая необходимость для меня[55])“.

Просьба эта была „оставлена без последствий“.

В конце апреля (начале мая) 1893 г. во Владимир из Самары приехала невеста Николая Евграфовича—Мария Германовна Гопфенгауз. О ее приезде начальник жандармского управления так сообщал в департамент полиции:

„20-го апреля сего (1893) года во Владимир приехала из Самары домашняя учительница, дочь коллежского советника, Мария Германовна Гопфенгауз, повидимому еврейка, именующая себя невестой арестованного Николая Федосеева и постоянно добивающаяся свиданий с Федосеевым. Вследствие

---

[55]) Архив прокурора Владим. окружного суда за 1892 г., дело № 6, стр. 83.

неразрешения ей свиданий, она постоянно подходила к тюремным окнам и сумела вести переговоры с Федосеевым, а он в свою очередь позволял себе из окон тюрьмы кидать камушки с привязанными на них записками. Эти проделки были замечены и Федосеев, по распоряжению тюремного начальства, переведен в другое помещение.

Гопфенгауз проживала во Владимире в 1892 году, прибыв вместе с Федосеевым из С.-Петербурга, хорошо знакома и состоит в близких отношениях со многими поднадзорными и лицами сомнительной благонадежности, посещает их постоянно везде и дает право заподозрить ее во вредной деятельности Поэтому в настоящее время я просил начальника губернии о принятии возможных мер к ее удалению из Владимира, ибо в прошлом году, в силу нравственного давления, она вынуждена была покинуть Владимир[56])".

Помогая морально и материально Н. Е. в период его пребывания в тюрьме, Мария Германовна в то же время всеми силами стремилась облегчить ему сношения с внешним миром. Жандармы, со своей стороны, также соответствующим образом реагировали на эту деятельность Марии Германовны, что вызвало протест и со стороны Н. Е.

28-го апр. (10 мая) он пишет обширное заявление на имя прокурора Владимирского окружного суда, в котором говорит:

„Вчера (27-го апреля) к 9 ч. утра я написал письмо через жандармское управление г-же Гопфенгауз. Содержание этого письма было такое: „Как бы твоя квартира ни была хороша, тебе непременно придется переменить ее, иначе „пошлые люди" могут наделать тебе массу неприятностей, а мне совсем житья не будет. Вчера ждал свидания с тобой и не дождался. Отсутствие свидания производит еще более тяжелое влияние на меня, чем прежде отсутствие писем"... Вот эти самые слова моей маленькой записочки были приняты г. жандармским полковником за личное оскорбление, за желание с моей стороны испачкать его грязью. Тогда как действительный смысл моих слов не содержит в себе ничего оскорбительного ни для кого. Я говорю действи-

---

[56]) Архив канцелярии Владимир. губернатора за 1892 г., дело № 33, стр. 34.

Мария Германовна Гонфенгауз
† 18 (30)/VII 1893 г.
(Снимок 1892 – 1893 г.г.).

тельно о „пошлых людях“, которые каждый вечер в глухом переулке между тюрьмой, казармами и Ямской устраивают безобразия; именно в этом переулке, поближе к тюрьме, поселилась моя невеста, г. Гопфенгауз. Меня это крайне тревожило и при первом же свидании я убеждал ее переехать в город. Вечером в воскресенье — крики, пьяные песни и ругань были особенно сильны, это меня очень беспокоило. Утром я решил непременно настоять на том, чтобы г. Гопфенгауз переменила квартиру. Но свидания в этот день не было. Это меня еще встревожило гораздо более, как я писал, чем неполучение в срок писем. Во вторник утром я написал приведенное выше письмо. Вот действительный смысл его. Каким образом г. начальник жандармского управления мог истолковать это письмо в смысле личного оскорбления для себя и тюремной администрации — мне непонятно. Единственным об'яснением является такой факт. Во вторник в 12 ч. у меня было свидание с г. Гопфенгауз. При этом свидании она сообщила мне, что г. жандармский полковник запретил свидания со мной и не приказал даже принимать ее к себе в управление на том основании, что будто бы она, по донесению полиции, разговаривала со мной из окна в понедельник вечером. Это, действительно, наглая ложь со стороны тех, кто это сообщал. Но письмо я написал, ничего не зная еще об этом происшествии в жандармском управлении, и во время свидания просил г. начальника тюрьмы возвратить мне письмо, так как г. Гопфенгауз уже решила переменить квартиру, но письмо оказалось уже запечатанным и вписанным в книгу. До вторника вечера я ни от кого не получал замечаний и вопросов о том, не разговариваю ли я в окно, ибо тюремные надзиратели хорошо знают, что этого не бывает. Так что под „наглыми людьми“ нельзя понимать и тюремную администрацию, ибо ни мне, ни г. Гопфенгауз она ни малейших оскорбительных неприятностей не делала[57])“.

Свидания вновь были разрешены, но со стороны полиции за М. Г. Гопфенгауз был установлен тщательный надзор.

---

[57]) Архив прокурора Владимир. окружного суда за 1892 г., дело № 6, стр. 86.

В делах Владимирского полицеймейстера за 1893 год сохранились отзывы о ней, в которых она неизменно отмечается, как „политически неблагонадежная, вращающаяся в кругу лиц, состоящих под надзором полиции, или наказанных уже за политические преступления“.

21-го сентября (3 октября) 1893 г. департамент полиции сообщил начальнику Владимирского губернского жандармского управления, что „содержащегося во Владимирской губернской тюрьме по обвинению в государственном преступлении дворянина Николая Федосеева, по соглашению с Министерством Юстиции, признано возможным, в виду его расстроенного здоровья, освободить из под стражи, заменив назначенную Федосееву при дознании меру пресечения, впредь до разрешения о нем дела, особым надзором полиции[58])“.

К этому времени относится неудачная попытка В. И. Ленина увидеться с Федосеевым. Непосредственный участник этого неудавшегося предприятия Н. Л. Сергиевский в своих воспоминаниях о Федосееве рассказывает об этом следующее:

„Ко дню временного освобождения из тюрьмы решено было устроить Николаю Евграфовичу праздник. Как раз в это время должен был проезжать с Волги в Москву В. И. Ульянов (Ленин), который предложил заехать во Владимир, чтобы познакомиться с Н. Е. Разрешение департамента об освобождении Н Е из тюрьмы было уже получено, но жандармы по какой-то неведомой для нас причине задерживали это освобождение. Мы начали хлопоты, чтобы если не ранее, то, по крайней мере, в день приезда В. И. жандармы выпустили Н. Е., и уже договорились с ними о сроке. В. И. письмом предупредил о необходимости встретить его на вокзале. Как человек осторожный, он не хотел обратить на себя внимание властей во время розысков в незнакомом ему городе условленной квартиры. Возник вопрос: кого же отрядить для встречи В. И. М. Г. Гопфенгауз должна была с утра ехать к жандармам, затем в тюрьму, чтобы вызволить Н. Е. и привезти его на сви-

---

[58]) Архив канцелярии Владим. губернатора за 1892 г., дело № 33, стр. 35.

дание до отхода поезда, с которым В. И. должен был выехать из Владимира. Я был на счету у жандармов, следивших за мной, и, следовательно, неподходящий для такой миссии.

Тем не менее, впутывать кого нибудь из людей малонадежных (других не было) мы опасались, ибо при каком бы то ни было недоразумении это могло оказаться более опасным, чем то обстоятельство, что жандармам будет известен факт (без свидетелей) заезда В. И. во Владимир и свидания с Н. Е. Нужна была сугубая осторожность, чтобы не провалить В. И. Что он из себя представлял, М. Г. было известно из личного знакомства, а я хоть и не встречался с ним до этого момента, но по письмам к Н. Е. видел, что это не только теоретик, но и революционер очень крупного масштаба, которого надо во что бы то ни стало оградить от жандармов. Поэтому решено было, что встречать буду все-таки я, а чтобы не обратить внимания, пришлось прибегнуть к некоторому маскараду в одежде и прочем.

В назначенный час я пришел на вокзал и, окинув взором почти пустой буфет и удостоверившись, что все обстоит благополучно, я тут же заметил около условленного столика маленького человека со всеми прочими приметами В. И. Немедленно подошел к нему, сказал пароль. В. И. ответил, быстро взял свой саквояж и без дальнейших слов направился за мной, чтобы скорее выбраться из места, находящегося под усиленным наблюдением полиции. Первое время мы шли почти молча, изредка перекидываясь незначительными замечаниями, имевшими целью ознакомить В. И. с обратной дорогой на вокзал. Я с любопытством наблюдал его. Маленький, щуплепький, скромный, аккуратно и, что называется, прилично, но без претензий одетый человек, ничем не обращающий на себя внимание среди обывателей. Этот защитный цвет мне понравился. Все та же рыжая бородка клинышком, усы по тому времени нестриженные, татарский разрез глаз и примечательный череп (по которому, и только по одному ему, ибо лицо было закрыто газетой, я через 7-8 лет сразу узнал В. И., как только мой взгляд упал на этот череп), тогда еще покрытый, хотя и крайне небогатой, растительностью. Того лукавого выражения лица,

которое потом уже, после ссылки, обратило на себя мое внимание, тогда я не заметил. Вероятно, в тот период оно еще отсутствовало. Осторожный, пытливо озирающийся, наблюдательный, спокойный, сдержанный, при всей своей, мне уже известной по письмам, темпераментности, В. И. представлял собой полнейшую противоположность Н. Е. Ого, думал я: если пламенный, отчаянный Н. Е. сложит свою

Николай Львович
Сергиевский
(Снимок 1895 г.).

буйную голову, то этот сложит голову общего врага. Как я пожалел тогда, что они не вместе... Так они дополняли бы друг друга...

Пришли мы с В. И. на квартиру, только что накануне снятую для Н. Е., и здесь ждали его вдвоем несколько часов. Наконец, явилась М. Г. Гопфенгауз и сообщила, что жандармы закапризничали—нашли какой то повод для того, чтобы отложить освобождение Н. Е. еще на один день. Делать было нечего, В. И. необходимо было выезжать в Москву, откладывать от'езд его до следующего дня было нельзя, и он скромненько ушел на вокзал теперь уже один—пройдя всего раз он превосходно заметил дорогу. Как на

следующий день выпущенный Н. Е. жалел, что не удалось ему свидеться с В. И. и договориться[59])".

Сам В. И. в своих „нескольких словах" о Н. Е. Федосееве говорит: „Помню, что посредницей в наших сношениях была Гонфенгауз, с которой я однажды виделся и неудачно пытался устроить свидание с Федосеевым в г. Владимире. Я приехал туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась[60])".

Так и не удалось встретиться этим двум выдающимся людям своего времени[61]).

По выходе из тюрьмы, Н. Е. вновь принимается за установление связей с Ореховым и другими рабочими районами губернии, но эта работа развернуться не могла, так как последовал приговор царя по Ореховскому делу и Н. Е. вновь попадает в тюрьму. Несмотря на то, что улик против Федосеева было очень мало, правительство расправилось с ним и его товарищами очень жестоко. Федосеев, помимо предварительного заключения, присужден был к ссылке под надзор полиции на три года в один из северо-восточных уездов Вологодской губернии; Кривошея был приговорен на 2 года одиночного тюремного заключения с высылкой, после отбытия этого наказания, на три года под надзор полиции также в один из северо-восточных уездов Вологодской губернии; Яков Попков получил один год тюремного заключения, Алекторский—5 месяцев, Гусев—4 месяца, Блинов—1 месяц, Андриевский—2 недели, а Штиблетову было зачтено в наказание предварительное заключение.

16 (28) ноября Федосеев был арестован и заключен во Владимирскую тюрьму. Кратковременное пребывание на свободе не могло хоть сколько нибудь положительно отразиться

[59]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве; стр. 97-99.

[60]) Там-же, стр. 97.

[61]) В. И. Ульянов-Ленин во Владимирской губернии был еще раз,—в 1894 году, когда он приезжал в имение А. А. Ганшина «Горки» (в Переславском уезде), где печаталась брошюра В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов»?. В настоящем сборнике помещено несколько снимков с имения «Горки».

на расстроенном здоровьи Н. Е. и поэтому он на другой же день по заключению в тюрьму пишет прошение на имя губернатора, в котором говорит: „Прошу разрешить мне, приговоренному к житью в Вологодской губернии, доехать на место назначения на свой счет. Я, по распоряжению департамента полиции, был освобожден из под ареста по причине расстроенного здоровья. Состояние моего здоровья за краткое время свободы не улучшилось. Этапное следование и продолжительное заключение в тюрьме, вследствие приостановки этапов,—мне совершенно не под силу. В виду этой последней причины прошу об освобождении меня из под ареста и о разрешении ехать в Вологодскую губернию на мой собственный счет[62])“. Через несколько дней Н. Е. уведомляет губернатора, что он может оплатить путь в оба конца только за одного конвоира и что дорожные вещи его будут приготовлены к концу недели.

В просьбе Н. Е. было отказано и 24 го ноября (6 декабря) 1893 года он был этапным порядком отправлен в Вологодскую губернию.

В. В. Кривошея во время одиночного тюремного заключения в Петербурге заболел глубоким нервным расстройством, был направлен к матери во Владимир, где 22-го июня 1910 года и умер.

IV.

По от‘езде в ссылку, Н. Е. не порывает связей с оставшимися во Владимире товарищами. Он ведет с ними переписку, в которой развивает целый ряд мыслей о судьбах рабочего и крестьянского движения в России, указывает—как дальше вести работу. В письме к Н. Сергиевскому после своей отправки в ссылку из Владимира, Н. Е. пишет:

„Ну-с .. моя Владимирская „жизнь“ закончилась. Теперь уже начинается жизнь Вологодская. Знаете-ли, у меня какое-то особенное нежное внимание ко всему, что касается Усть-сысольской, Яренской и Сольвычегодской дебрь. Судя по Короленко, я найду в этих дебрях „первоначальную ясность

---

[62]) Архив канцелярии Владим. губернатора за 1892 г., дело № 33, стр. 58.

души“, соответствующую 93% леса, пашне „перелогом“ и „пашенному лесу“, урожаю сам 20-50. Это для меня имеет своего рода прелесть. Я надеюсь получить потрясающее впечатление от знакомства с „бортниками“ и „бобровниками“ мифических дней, живущими бок о бок с нами...—Завтра утром к Вам зайдет Андрей Андреевич. При настоящих социальных условиях у нас на Руси во всем очень слабо развито разделение труда. Это, говорят, очень невыгодно во многих отношениях. Но для нас только в одном. Нам приходится учиться (заниматься теоретической работой) и вместе с этим агитировать, иногда не чувствуя в себе к этому последнему способностей и уменья. Если я не ошибаюсь, Вы сделали именно такое заключение относительно самого себя. В настоящий момент Вам, не специалисту, выпадает на долю важнейшее дело, но дело, требующее специального умения, способности. Андрей Андреевич—человек с мягким характером, с очень тонкой, „аристократической“ душой; хмельного в рот не берет, не развратничает ни телом, ни языком, ни умом. Следовательно, он человек, на которого можно вполне положиться для того, чтобы завязать прерванные отношения с Ист[оминым], Алекторским, Гусевым, Пожар[ским], Инюшиным, Шаговым, Лежавиным, Волковым Ив. Ив. и, отчасти, с Попковым. Прежде всего для Алекторского, Гусева, Штиблетова, Попкова и самого Андрея Андреевича необходимо сыскать места, работу. А в продолжении их сидения—материальную помощь им и семье Алекторского необходимо направлять через Андрея Андреевича, на что он дал полное согласие. Затем, и, наконец,—при существующих Владимирских силах, можно сделать, по моему мнению, только одно: снабдить Андрея Андреевича (с тем, чтобы он, по прочтении, передал перечисленным выше рабочим) книжками в роде „Чем люди живы“ Дикштейна, „Манифест Ком. партии“, „Развитие научного социализма“. Хорошо бы попросить в Москве списать или „ремингтографировать“ статьи Аксельрода, В. Засулич о „рабочем движении на Западе и у нас“; переводную статью Маркс-Эвелинг „Участие в революционном движении русских рабочих“ (если не ошибаюсь в заглавии); критическую статью Плеханова о Каронине или еще что (не помню, каковы его

статьи о Гл. Успенском). Этим на некоторое время, мне думается, ограничится отношение к рабочим. А там виднее Вам будет [63])".

И в других своих письмах к Андриевскому и Сергиевскому Н. Е. давал советы, указания, наставления, как продолжать дальнейшую работу среди рабочих Владимирской губернии. Он добивался того, чтобы зароненная им социал-демократическая искра не погасла, а разгорелась в яркое пламя. Дальнейшее революционное рабочее движение во Владимирской губернии пошло по тому пути, который указывал ему Н. Е. Федосеев.

На этом и закончилась революционная работа Н. Е. Федосеева во Владимирской губернии.

Ссылка его в Вологодскую губернию кончалась в 1895 г., но побыть вновь на свободе ему не удалось. При обыске 14 (26) мая 1895 г. в г. Владимире у Михаила Львовича Сергиевского (брата Николая Львовича) было найдено письмо Н. Е. Федосеева из ссылки к Н. Л. Сергиевскому (отрывок из этого письма приведен выше) и вновь возникло дело в жандармском управлении о революционной деятельности Н. Е. Федосеева[64]), который этапным порядком был возвращен из Сольвычегодска во Владимирскую тюрьму. Ему ставили в вину то, что он „путем письменных сношений вошел в соглашение с лицами, привлекавшимися с ним во Владимире в 1892-93 г., о распространении революционных идей среди рабочих".

Дело это, как и дело 1892 г., было разрешено административным порядком. „господин министр юстиции,— сообщал 15 (27) октября 1896 г. прокурор Московской судебной палаты Владимирскому губернатору[65]),—ордером от 10-го текущего октября за № 2426 поставил меня в известность о том, что государь император, по всеподданнейшему докладу

---

[63]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 173.

[64]) См. приложение: К «делу» о Н. Е. Федосееве за 1895-96 г.

[65]) Дело канцелярии Влад. губернатора за 1896 г., № 30, стр. 1,—о разрешении административным порядком дела по обвинению Николая Федосеева, Николая Сергиевского и Андрея Андриевского в государственном преступлении.

обстоятельств дела по обвинению дворянина Николая Федосеева и других лиц в государственных преступлениях, в 6-й день октября 1896 года высочайше повелеть соизволил: разрешить настоящее дело административным порядком с тем, чтобы: 1) выслать Николая Федосеева на жительство под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь сроком на пять лет и, по осуществлении таковой меры, оставить без дальнейшего исполнения высочайшее повеление, воспоследовавшее относительно Федосеева 27 октября 1893 года; 2) подвергнуть тюремному заключению Николая Сергиевского на восемь месяцев и Андрея Андриевского—на четыре месяца, а по отбытии сего наказания подчинить гласному надзору полиции Сергиевского – на три года, Андриевского—на один год, с воспрещением им, в течение указанного времени, проживать в столицах, столичных и Владимирской губерниях, а равно городах университетских, Риге, Ярославле, Твери, Нижнем-Новгороде, Саратове, Самаре, Орле, Воронеже, Ростове и Нахичевани на Дону, и 3) принятием означенной меры в отношении Сергиевского разрешить и другое дознание политического характера, произведенное о нем при Владимирском жандармском управлении".

26-го февраля (9 марта) 1896 года Николай Евграфович вновь был отправлен в ссылку—в г. Верхоленск.

Тяжелые условия жизни в ссылке сильно повлияли на расшатанное тюрьмой и этапами здоровье Н. Е., к этому еще примешались гнусные клеветнические интриги против него со стороны отдельных „политических" ссыльных, и он 26-го июня (8 июля) 1898 г. в г. Верхоленске застрелился.

Вслед за Николаем Евграфовичем 18 (30) июля 1898 г. застрелилась в Архангельске, куда она была выслана в декабре 1895 г. из Владимира, и Мария Германовна Гонфенгауз. По поводу смерти Марии Германовны и Николая Евграфовича В. И. Ленин 16 (28) августа 1898 г. писал из ссылки (в селе Шушенском, Минусинского уезда) своей сестре А. И. Елизаровой:

„...Вместе с твоим письмом получил известие из Архангельска, что М Г. тоже застрелилась (18/VII), получив 16/VII известие о кончине Н. Е. Ужасно это трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя

Юхоцкого (политический!! ссыльный в Верхоленске) сыграли в этом финале одну из главных ролей. Н. Е. был страшно поражен этим и удручен. Из-за этого он решил не брать *ни от кого* помощи и терпел страшные лишения. Говорят, дня за 2-3 до смерти он получил письмо, в котором повторяли эти клеветы. Черт знает, что такое! Хуже всего в ссылке эти „ссыльные истории", но я никогда не думал, чтобы они могли доходить до таких размеров! Клеветник был открыто и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. (обладавший некоторым опытом по части ссыльных историй) берет все это так ужасно близко к сердцу...[66])".

Если после первой ссылки Н. Е. Федосеева (1893 г.) социал-демократическая работа во Владимире и ближайших к нему уездах поддерживалась оставшимися его товарищами (Н. Л. Сергиевский, С. Н. Шестернин и др.), то после второй ссылки (1896 г.) она совсем почти замирает на долгое время. Только в наиболее крупных промышленных центрах губернии (Иваново-Вознесенск, Орехово и отчасти Гусь и Муром) существуют немногочисленные рабочие социал-демократические кружки, которые активной работы не ведут, а занимаются, главным образом, самообразованием, чтением марксистской литературы и т. п. Говоря об этом периоде социал-демократической работы во Владимирской губернии, Ольга Афанасьевна Варенцова в своих воспоминаниях о работе „Северного Рабочего Союза"[67]) пишет:

„На севере царила полная организационная раздробленность и распыленность. По промышленным пунктам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний были рассеяны небольшие социал-демократические кружки, жившие замкнутой, изолированной жизнью. Несвязанные друг с другом и с руководящими центрами, они в большинстве случаев влачили жалкое существование. Самое происхождение их носило случайный характер. Закинет судьба в такой угол

[66]) Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве, стр. 184.

[67]) «Пролетарская революция», № 9 за 1922 г., статья О. А. Варенцовой—«Северный Рабочий Союз», стр. 13.

студента-марксиста или сознательного рабочего из Питера или Москвы,—и они на новом месте продолжают прерванную работу, заводя с рабочими знакомство, распространяя нелегальную литературу... Социал-демократические кружки во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях возникают в начале 90-х годов. Но и в 1900 году еще многие крупные промышленные пункты, как, например, Кинешемский уезд, Костромской губерн., Александровский, Ковровский, Вязниковский уезды, Владимирской губернии, с крупнейшими текстильными фабриками были совершенно не затронуты социал-демократическим движением: туда еще не проникали ни социал-демократические прокламации, ни нелегальные брошюры".

Только в 1900 году, когда организовался „Северный Рабочий Союз"[68]), социал-демократическая работа во Владимирской губернии начинает развиваться и принимает широкий размах к годам первой революции.

Таким образом, недолгая работа Н. Е. Федосеева во Владимирской губернии была первой попыткой заложить здесь основы социал-демократического движения, но тюрьма, ссылка и преждевременная смерть прервали эту работу. Память же о нем навсегда осталась в большевистских социал демократических организациях Владимирской губернии и в настоящее время губернская организация ВКП (б) по праву считает работу Н. Е. Федосеева во Владимирской губернии первым этапом своей истории.

---

[68]) См. о «Северном Рабочем Союзе» воспоминания М. А. Багаева.

М. А. Багаев.

РАБОТА „СЕВЕРН. РАБОЧЕГО СОЮЗА“ во Владимирском районе в 1901—1902 г. г.

Чтобы пояснить, как и почему я начал революционную работу во Владимире, городе исключительно чиновничьем, не имевшем промышленных рабочих, кроме нескольких десятков ремесленников, я должен несколько коснуться своей прежней революционной деятельности.

Первоначальное революционное воспитание я получил в Иваново-Вознесенске.

Мне очень рано пришлось узнать все „прелести" рабочей жизни в этом царстве эксплоатации человеческого труда. С восьми лет я уже посещал ситцевую фабрику, на которой работали мои братья—10 и 12 лет. Я жил с ними в общей рабочей казарме и питался в общей рабочей кухне. Мне частенько приходилось работать на сушильном барабане за своего среднего брата, когда тому хотелось погулять.

Учась в фабричной школе, я уже в 11 лет видел стачку рабочих (1885 год) нескольких фабрик и вместе с рабочими бросал камнями в казаков, которые били нагайками забастовавших рабочих[1]).

С 12 лет я начал самостоятельно зарабатывать хлеб, работая в ремесленной мастерской, где эксплоатация рабочих была еще более жестокой, чем на фабриках.

---

[1]) 24 сентября (6 окт.) 1885 г. в г. Иваново-Вознесенске, на фабрике Ив. Гарелина, рабочие об'явили забастовку, требуя установления летних расценков (зимние расценки фабрикантами были установлены ниже летних) и введения порядка смен для женщин наравне с мужчинами. К рабочим фабрики Гарелина примкнули рабочие и остальных крупных фабрик Иваново-Вознесенска. Забастовка продолжалась несколько дней, на некоторых фабриках забастовавшими рабочими были выбиты стекла. В результате этой забастовки рабочие добились не только оставления летних расценков на зиму, но и увеличения их на 5 проц. (Архив канцелярии Владим. губернатора за 1885 г., дело № 350) (арх. № 170).

Все это вместе взятое создало из меня сначала ярого ненавистника капиталистов-эксплоататоров, а затем, по мере сознания, я возненавидел и покровителя их—царское правительство, короче говоря—я стал революционером.

С 16 лет я подбираю себе единомышленников, а в 18—делаюсь руководителем *первого* рабочего кружка в Иваново-Вознесенске.

Проработав 3½ года в с.-д. рабочих организациях Иваново-Вознесенска, Костромы и Н.-Новгорода, я, спасаясь от шпиков, в январе 1896 года уехал в Питер, где через восемь дней попал в цепкие лапы Петербургского охранного отделения. Охранное отделение старается привлечь меня к Ив.-Вознесенскому и к Нижегородскому делам, при чем в последнем мне пред'является обвинение в составлении и распространении в Н.-Новгороде в январе прокламаций о Ярославском расстреле стачечников в 1895 году. Я упорно отрицал „все и вся", но это не помогло. Я был признан „политически неблагонадежным" и, после пятимесячного сидения в „предварилке", выслан в мае 1896 года на 3 года в Оренбургскую губернию. Через две недели по приезде в Оренбург снова подвергаюсь аресту и жандармы везут меня в Н.-Новгород, где обвиняют в принадлежности к Нижегородской с.-д. организации. После пятимесячного пребывания в тюрьме, меня опять этапом возвращают в декабре 1896 года в Оренбург на тот же срок ссылки. Во время невольного проживания в Оренбурге, я работал то кочегаром на салотопне (зимой), то хроникером местной Оренбургской и Самарской с.-д газеты — „Самарский Вестник"—и в то же время вел революционную работу среди Оренбургских ремесленников.

С членами Иваново-Вознесенской рабочей организации, которая, несмотря на беспрерывные аресты и высылки, росла все шире и шире, я поддерживал оживленную письменную связь. Все время ссылки мне хотелось возвратиться в родные мне места Иваново-Вознесенска, где революционная жизнь била ключем.

В апреле 1899 г. кончился срок моей ссылки и я тотчас же явился в полицию за документами, чтобы немедленно ехать в Иваново-Вознесенск. Но каково же было

мое разочарование! В полиции мне об'явили постановление департамента полиции, воспрещающее мне еще в течение трех лет проживание в 18 промышленных губерниях (в том числе и Владимирской), во всех университетских городах и в целом ряде других рабочих городов и местечек.

Михаил Александрович Багаев
(Снят в Петербурге, в охранке, в 1896 г.).

Я не знал куда ехать, но все же сначала поехал в Иваново-Вознесенск, где отпраздновал с партийной организацией „Маевку", а затем вынужден был уехать в Харьков к „Ивановцам" (Кондратьеву и Евдокимову). Из Харькова тоже скоро пришлось выехать и, наконец, я обосновался в г. Керчи, где строился тогда новый металлургический завод, на который я и поступил слесарем.

В Керчи я проработал около полутора лет и хотя за это время там удалось создать маленькую рабочую органи-

зацию, но работа в ней мне не понравилась. Рабочие были с другой психологией, чем наши текстильщики. Там—на юге—мещанство заедало даже сознательных рабочих.

В ноябре месяце 1900 г. я получил приглашение приехать на партийное совещание в Воронеж. Там в это время проживали наши Ивановские с.-д. работники-интеллигенты: О. А. Варенцова, Ф. П. Щеколдин („Повар") и В. А. Носков (Глебов) и москвичи—Л. Я. Карпов и А. П. Любимов. На этом Воронежском совещании зародилась мысль создать областную с.-д. организацию—*„Северный Рабочий Союз"*[2]). Район деятельности Союза намечался—Ярославская, Владимирская и Костромская губернии.

К началу 1901 г. положение революционной работы в этих губерниях было таково: во Владимирской губ. рабочие организации существовали только в Иваново-Вознесенске и Шуе, и то совершенно обессиленные, вследствие целого ряда арестов, но было много распропагандированных рабочих, при полном отсутствии руководителей. В остальных рабочих районах Владимирской губ. социал демократической работы почти не было совсем. В Ярославле была с.-д. группа студентов и интеллигентов-служащих, почти не имевшая связи с рабочими. В Костроме с.-д. организация существовала, но она была больше интеллигентская, чем рабочая, хотя связь с фабриками и поддерживала. Ни в Ярославской, ни в Костромской губ. революционной работы не велось, кроме самих губернских городов.

На совещаниях в Воронеже мы прежде всего столковались на идейном об'единении. Дело в том, что в это время в с.-д. организациях существовало два течения: одно, возглавляемое журналом „Рабочее Дело"[3]), с уклоном к оппортунизму, и другое—революционного марксизма, выразитель-

---

[2]) «Северный Рабочий Союз»—социал-демократическая организация, ставившая себе целью руководить рабочим движением в соседних губерниях—Владимирской, Костромской, Ярославской. В Союз входили: Ярославский, Костромской, Иваново-Вознесенский с.-д. Комитеты и Владимирская группа (О. А. Варенцова—«Северный Рабочий Союз»,—«Пролетарская Революция», № 9).

[3]) «Рабочее Дело» —с.-д. орган, выходивший в 1899—1902 г.г., издавался «Союзом русских социал-демократов»,—выразитель оппортунистических течений в рядах русской социал-демократии.

ницей которого сделалась вышедшая вскоре, при ближайшем участии В. И. Ленина, газета „Искра". Почти все участники Воронежского совещания оказались ярыми сторонниками второго течения.

Ольга Афанасьевна Варенцова

(Снимок сделан в апреле 1887 г. в Москве, в Пречистенской женской политической тюрьме, куда О. А., в то время курсистка Высших Женских Курсов, была заключена после первого ее ареста 26-го апреля 1887 г. за участие в революционной работе).

На совещании в Воронеже было решено, что я должен перейти на нелегальное положение (я еще не имел права жительства в промышленных губерниях) и ехать в Ярославль, где совместно с Носковым и Доливо-Добровольским распределить работу. О. А. Варенцова должна была туда же приехать позже.

Кроме того, тут же было решено извлечь из мест ссылки целый ряд работников, переводя их на нелегальное

С идеями, проводимыми «Рабочим Делом», вели ожесточенную борьбу «Искра» и В. И. Ленин (примечание к IV тому сочинений В. И. Ульянова-Ленина, стр. 321, изд. 1925 г.).

положение, для работы в северном районе в качестве *революционеров-профессионалов*[4]). Наряду с этим вставал вопрос о необходимости фабрикации фальшивых паспортов и организации „техники“ (подпольной типографии). Эти „орудия производства“ (паспортные бланки, печати и типографские принадлежности) легко можно было достать за особую плату в эсеровских организациях в Западном Крае. Доставку всего этого поручили мне и направили меня для этой цели в Минск со всей семьей,—для большей конспирации, дав тут же в Воронеже мне явку и пароли к Григорию Гершуни.

Таким образом, в первых числах января 1901 года я выехал из Керчи со своей многочисленной семьей, состоявшей из жены и четверых детей (в возрасте от 1-го года до 8 лет), в Минск, где явился с условными паролями к Гершуни. Несмотря на то, что я отрекомендовался ему, как социал-демократ, Гершуни принял меня по товарищески и снабдил целым десятком печатей разных правительственных учреждений, чистыми паспортными бланками и типографским шрифтом, весом до двух пудов. Забрав все это, я с семьей выехал из Минска в Ярославль. В поезде я заметил, что нахожусь под наблюдением шпика и у меня возникла было мысль выбросить из поезда всю „нелегальщину“, но она представляла по тому времени такую огромную ценность, что я решил рискнуть и все же довезти все вещи до Ярославля, или попасть с ними в лапы жандармов.

До Ярославля мы доехали благополучно, хотя при пересадке в Москве мы своего „провожатого“ еще видели.

По приезде в Ярославль, мы остановились в гостинице и не успели войти в свой номер, как от нас сейчас же потребовали паспорта. Я почуял недоброе. Своего паспорта я пред'явить не мог, т. к. не имел права жительства в Ярославле, а фальшивый паспорт себе я еще сделать не успел,

---

[4]) В брошюре „Что делать?“ В. И. Ленин о революционерах-профессионалах писал: „для „обслуживания“ массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности; такие люди должны с терпением и упорством *вырабатывать* из себя профессиональных революционеров“ (Н. Ленин (В. И. Ульянов) — «Что делать?» — рабочее изд-во «Прибой», 1925 г., стр. 138).

поэтому служащему гостиницы я вручил только паспорт жены, не носившей моей фамилии (мы жили гражданским браком), а сам заявил, что я тотчас же уезжаю в Кострому, откуда вернусь завтра с утренним поездом.

Рассовав шрифт, печати и пр. по карманам и вокруг пояса, я спешно, стараясь всячески избавиться от слежки, направился на явку, для свидания с местным работником Доливо-Добровольским.

От него я узнал, что в городе вообще что-то очень тревожно, за всеми большая слежка, а в особенности за Носковым (Глебовым), приехавшим за несколько дней до этого из Воронежа. Доливо-Добровольский все привезенное мною постарался спрятать в безопасное место.

В виду сильной слежки, было решено организовать совещание совместно с Носковым в общих торговых банях. Придя в баню по одиночке, мы уже голые, в общей зале, намыливая головы, в углу устроили совещание. Тут было решено, что я в гостиницу возвращаться не должен; извлечь жену из опасной гостиницы решили поручить какому-то студенту, который должен был конспиративно перевезти ее с детьми к портнихе, состоявшей в организации, но не скомпроментированной еще в глазах полиции. В дальнейшем предполагалось, что-б замести следы, семью мою перевезти в какой-нибудь другой город.

После совещания в бане, меня отправили на ночевку к статистику Смирнову, за которым не было слежки. Поздно вечером ко мне на ночевку прибежал встревоженный студент, которому было поручено выручить из гостиницы мою семью, и рассказал следующее: часов в восемь он пришел к моей жене и, дав ей адрес портнихи, предложил моей жене пойти к портнихе, чтобы договориться о переселении из гостиницы, сам же обещал притти в гостиницу часа через два, чтобы помочь моей жене переехать на квартиру портнихи. Когда он часов в одиннадцать снова зашел в гостиницу, то моя жена ему рассказала, что портниха по указанному им адресу уже не живет, т. к. за несколько дней перед этим она переменила квартиру. Кроме того, тут же жена сообщила, что у нее, повидимому, будет обыск, т. к. она, возвращаясь в гостиницу, на лестнице слышала, как в швей-

царской внизу какой-то человек в штатском говорил по телефону:—„он уехал в Кострому, а жена с детьми осталась здесь; я у нее сегодня ночью хочу произвести обыск... как прикажете",—и закончил разговор: „слушаюсь".

После этого сообщения, студент предложил жене выйти следом за ним на улицу, чтобы сейчас же поехать ко мне и решить, что делать дальше. Но когда студент проходил из гостинницы через находящийся внизу ресторан, то там увидел разговаривающего с буфетчиком, переодетого в штатское, полицейского пристава Пиатровского (Ярославского специалиста по политическому сыску) и затем, при выходе на улицу, его встретили два шпика, нахально заглядывая ему в лицо. После всего этого, студент не стал дожидаться моей жены, а наняв извозчика и поколесив по городу, чтобы избавиться от слежки шпиков, явился ко мне на ночевку. Я попросил студента сообщить обо всем этом Доливо-Добровольскому и рано утром притти ко мне для обсуждения дальнейших действий. Я знал, что у жены ничего предосудительного в гостинице найти не могли и потому был спокоен. Но утром, прождав на квартире Смирнова до 11 часов и не дождавшись ни Доливо-Добровольского, ни студента, я забеспокоился и решил пойти сам в гостинницу, т. к. у жены не было денег даже на покупку хлеба (я забыл второпях ей оставить). Придя в гостинницу, я узнал, что жена прождала всю ночь обыска, но никакого обыска у нее не было. Посоветовавшись с женой, мы решаем уехать сейчас же на вокзал, чтобы выбраться из этого „проклятого города". На вокзал приехали вполне благополучно и здесь уже решили поехать в Н.-Новгород, куда часа в три дня и выехали. Я решил оставить семью в Н.-Новгороде, где проживала близко знакомая мне семья Бракович, а самому ехать снова в Ярославль, предварительно посоветовавшись с Ярославскими товарищами. Из Нижнего я сейчас же пишу в Ярославль шифрованное письмо и спрашиваю, что там случилось и куда мне ехать. Тем же временем снимаю в Нижнем для семьи квартиру и жду ответа. Прождав недели две и ничего не получив из Ярославля, я опять еду туда Приезжаю и захожу на явочную квартиру к студенту в том же доме, где жил и Доливо-Добровольский.

В квартире встречаю уже другого, незнакомого мне студента, который на мой вопрос—„где хозяин“? -отвечает испуганно, что хозяин квартиры и его сосед Доливо-Добровольский арестованы две недели тому назад и что в квартире Доливо-Добровольского все время сидит полицейская засада, а потому советует мне поскорее убираться из дома, чтобы не попасть в лапы полиции. Я попадаю в критическое положение: в кармане ни гроша, в городе ни души знакомых...

Случайно вспоминаю, что в Губ. Земской Управе работает статистиком Трегубов, хороший знакомый Носкова. Иду туда, вызываю Трегубова,—тот, перепуганный, в коридоре мне сообщает, что в ту ночь, когда я ночевал у Смирнова, были произведены массовые аресты, в том числе и Носкова, а на другой день был арестован и статистик Смирнов.

Далее он мне сообщил, что в Зем. Управе и в городе вообще сейчас идет усиленная слежка и что полиция разыскивает и меня с семьей, делая в разных местах обыски. Я потребовал у Трегубова достать мне денег, чтобы выехать из города. Он выпроводил меня из здания Управы и попросил подождать его на бульваре, куда он пришел через несколько минут и, проходя мимо, сунул мне в руку 10 рублей и поспешно удалился, не сказав ни слова. Я спешу на вокзал, но, проходя по торговым рядам, неожиданно на углу встречаюсь с каким-то полицейским офицером, который, увидя меня, остановился, как вкопанный. Я предположил, что он меня заподозрил и потому тут же, взяв извозчика, громко назвал ему какую ту улицу и № дома. Проехав несколько улиц, я оставил извозчика, зашел в ближайшую парикмахерскую и сбрил себе усы и бороду и остриг свою великолепную шевелюру. Переобразившись немного, пошел на вокзал и с первым же поездом уехал во Владимир через Ив.-Вознесенск. Во Владимир я решил ехать потому, что у меня там в земской статистике работал старый знакомый по Иваново-Вознесенску—Слуховский, через которого я хотел там устроиться для нелегальной работы, т. к. Владимир на Воронежском совещании был нами намечен одной из баз „Северного Рабочего Союза“.

Вскоре же по выезде из Ярославля, в вагоне я заметил за собой слежку какого-то подозрительного типа. Я решаю,

что приехать со шпиком во Владимир, город маленький и мне неизвестный, очень не выгодно и я быстро решаю остановиться в Ив.-Вознесенске, где очень легко могу отделаться от „шпика“.

В Ив.-Вознесенске, по приходе поезда, я быстро выхожу из вагона, беру извозчика и еду, но при выезде с привокзальной площадки на улицу, завидя гостинницу против вокзала, быстро намечаю план освобождения от „шпика“. Расплачиваюсь с извозчиком, иду в гостинницу и спрашиваю дешевый номер; мне его показывают и в это время из окна я вижу, как к гостинице под'езжает на извозчике и тоже останавливается сопровождающий меня „шпик“. Я заявляю, что номер мне дорог, спрашиваю подешевле. Служитель мне говорит, что внизу при постоялом дворе есть „совсем дешевые номерочки“. Я спускаюсь по черной внутренней лестнице во двор и, не заходя смотреть дешевые номера, выхожу в ворота на улицу и стремглав бегу опять на вокзал и попадаю как раз к самому отходу оставленного мною поезда, который обычно стоял на станции 20 минут. До Владимира доехал благополучно и слежки за собой уже не замечал. Но здесь меня постигла опять неудача: оказалось, что Слуховский переехал на работу в Тверь. Знакомых больше у меня во Владимире не было и я, предполагая, что с арестом Носкова — нашего главного организатора, мне, в качестве профессионала — революционера, нелегально жить невозможно, еду в Самару, где у меня много знакомых, которые могут помочь мне найти работу, очень мне необходимую для содержания моей семьи, оставшейся в Н.-Новгороде без средств.

В Самаре я сейчас же получаю работу в статистике и, не оставляя мысли об организации „Северного Рабочего Союза“, связываюсь посредством конспиративной переписки со своим штабом в Воронеже и оттуда получаю сообщение, что Носков, просидев месяца два в Ярославле, был освобожден и вновь живет в Воронеже, а в Ярославль для восстановления разбитой организации уже выехал Н. Н. Кардашев.

Я еду опять в Воронеж для составления нового плана работы и здесь узнаю все подробности Ярославского провала и своего чудесного избавления от ареста. До этого я долго

ломал себе голову над вопросом: как могла Ярославская жандармерия и полиция так легко выпустить меня из Ярославля, да еще с таким хвостом, как моя многочисленная семья? Оказалось, что Ярославские жандармы приняли на веру мое заявление в гостинице, что я еду в Кострому и что приеду обратно в Ярославль на другой день в 9 часов утра. Они к утреннему Костромскому поезду откомандировали шпиков для встречи меня и встретили вместо меня моего старого приятеля Андрея Андреевича Евдокимова, работавшего в Ив.-Вознесенской организации, отошедшего уже в это время от нелегальной работы и занимавшегося легальной работой по организации Профессиональных Союзов.

По рассказу Евдокимова, дело происходило так: он приехал по своим профессиональным делам в Ярославль из Иваново-Вознесенска как раз с утренним Костромским поездом. Тут же на вокзале он заметил за собой слежку, почему пошел в город пешком, пытаясь избавиться от преследовавшего его шпика, но тот упорно не отставал. Тогда Евдокимов заходит на почту, но по выходе оттуда видит около почты шпика уже вместе с городовым. При приближении к ним Евдокимова, шпик, указывая на него, кричит городовому: „возьми его, он у меня из кармана украл кошелек". Несмотря на протесты Евдокимова, городовой со шпиком сажают его на извозчика и везут в участок, где он попадает в арестную одиночную камеру. Сидя там, он сейчас же узнает обитателей соседних камер, в одной из которых видит и своего старого знакомого — Носкова. Вечером в тот же день Евдокимова вызывает на допрос полицейский пристав Пиатровский. На заявление Евдокимова, что его напрасно задержали, подозревая в краже кошелька, пристав сейчас же его успокоил, заявив, что тут дело вовсе не в краже кошелька, а в принадлежности к революционному сообществу. Затем происходит, примерно, такой диалог:

— „Вы сегодня приехали из Костромы?" — спрашивает пристав.

— „Нет, я приехал из Иваново-Вознесенска и только в Нерехте пересел на Костромской поезд," — отвечает Евдокимов.

— „Как? Ведь вы вчера приехали в Ярославль и вчера же выехали в Кострому?“

— „Нет, я вчера был в Ив.-Вознесенске и только сегодня рано утром оттуда выехал“.

— „Что вы запираетесь,—допрашивает дальше пристав,—ведь вы вчера приехали сюда из Минска с женой и четверыми маленькими детьми?“

— „Помилуйте,—отвечает Евдокимов,—да у меня нет и никогда не было никаких детей, а жена моя сейчас находится в Харькове“.

Дальше пристав распрашивает, где он останавливался в Ив.-Вознесенске и кто может это подтвердить. Евдокимов указывает, что он останавливался у своей тещи Повлевой[5]), живущей там-то, и что целый ряд лиц видели его там накануне. В заключение Евдокимов делает официальное заявление о проверке его пребывания накануне в Ив.-Вознесенске и о допросе указанных им лиц. Пристав тут же командирует своего помощника для проверки в Ив.-Вознесенск и на третий день Евдокимова освобождают из-под ареста.

Оказывается, что полиция, задержав Евдокимова и будучи в полной уверенности, что это я, успокоилась и, считая семью мою безвредной, сняла наблюдение за гостинницей и этим дала мне возможность забрать семью и благополучно уехать из Ярославля. Здесь нужно заметить, что у меня было некоторое внешнее сходство с Евдокимовым.

В Воронеже было решено привести в исполнение наше постановление о привлечении для работы в „Сев. Раб. Союзе“ революционеров-профессионалов, для чего мне предложили об'ехать Поволжье и Кавказ. Там я завербовал для союза целый ряд работников: из Самары—Н. Н. Панина в Ив.-Вознесенск, из Батума—Шаповалова в Кинешму, из Н.-Новгорода—рабочих Рыбакова и Лепилова в Ярославль. Впрочем, молодой рабочий Рыбаков, подававший большие надежды быть хорошим организатором и пропагандистом, был вскоре отко-

[5]) Повлева Е. В. (кличка «Баба-Мокра») в течение целого десятилетия являлась необходимейшим человеком для Иваново-Вознесенской организации по части содержания конспиративных квартир, явок и установки связи после очередных арестов.

мандирован Паниным в Киржач к Старкову (работавшему там на фабрике механиком), с целью создания с.-д. организации среди рабочих. Но Старков, бывший крупным работником в Питере, получив по возвращении из ссылки, которую он отбывал вместе с т. т. Лениным и Паниным, „теплое местечко", хотя и принял на работу Рыбакова, но поставил

Николай Николаевич Панин —
член ЦК «Северн. Рабоч. Союза»
(Снимок 1903 г.—в Бутырск. тюрьме).

ему условием, чтобы он не занимался нелегальной работой на его фабрике и заставил таким образом Рыбакова вскоре оттуда уехать.

Все лето 1901 г. занимался я собиранием работников и к концу лета в Ив.-Вознесенске, Ярославле и Костроме работа была несколько налажена. Но рабочие уезды Владимирской губ.—Ковровский, Меленковский и Покровский—были совершенно не затронуты соц.-демократическим движением и поэтому я взял на себя ведение работы в этих уездах. Это была тяжелая работа: у нас не было в этом районе не только партийных связей, но даже и простых знакомств.

Начал я работу с того, что об'ехал все рабочие города и местечки этого района и под видом безработного слесаря потолкался среди рабочих, выясняя их настроения, условия труда и т. п., попутно распространяя нелегальные брошюры и газету „Искра“, которые я в большом количестве получал из Москвы. Таким образом я посетил города: Ковров, Муром, Александров, Покров и рабочие местечки: Орехово Зуево, Гусь Хрустальный, Дрезну, Ундол и др. Нигде в этом районе я не нашел ни малейших признаков каких-либо социал-демократических организаций. Рабочая масса спала глубоким сном; только в Орехово-Зуеве и Гусе Хрустальном я нашел некоторую заинтересованность рабочих стачками и студенческим движением.

Несмотря на отсутствие рабочего революционного движения в этих местах, все же верный страж самодержавия — полиция — была на-чеку и мне то и дело приходилось подвергаться слежке полицейских и шпиков. Однажды, при посещении фабрики Баранова в Александрове, я чуть не поплатился арестом и только случайность спасла меня на этот раз. Гуляя по рабочим улицам близ фабрики и намечая пункты для распространения ночью привезенной мною литературы, я заметил слежку за собой какого то подозрительного типа. Литература у меня была завязана в платке в маленький узелок, в котором сверху лежали хлеб и колбаса. Заметив слежку, я поспешил на вокзал, чтобы с первым же поездом уехать на одну из ближайших станций, а затем, избавившись от слежки, вернуться к ночи назад. На платформе станции прогуливался в ожидания поезда полицейский пристав и вдруг я вижу, что следивший за мною тип подходит к приставу и о чем то с ним разговаривает. Я почуял недоброе, но бежать было уже поздно и рискованно. Тогда я сажусь на багажную тележку, развязываю свой узелок, достаю хлеб и колбасу и начинаю преспокойно кушать Пристав подходит ко мне и начинает расспрашивать,—кто я, откуда и зачем здесь. Я, продолжая закусывать, отвечаю, что я безработный слесарь, приехал искать здесь должность, но не нашел и еду в Москву. Тогда он требует пред'явить ему мой паспорт. О, ужас! Мой недавно сфабрикованный паспорт я еще недостаточно изучил и главное—не успел его нигде прописать.

Что делать? Выручила меня моя счастливая оплошность. Незадолго перед этим я получил на всякий случай из Иваново-Вознесенской мещанской управы пятилетнюю книжку на свое действительное имя и по халатности держал эту книжку вместе с „фальшивкой". Я, недолго думая, пред'являю свой настоящий паспорт. Пристав учиняет мне подробный допрос для проверки паспорта. Спрашивает мою фамилию и имя, фамилии мещанского старосты, полицеймейстера и, наконец, фамилии фабрикантов. На эти вопросы я, как ивановец, отвечаю без запинки. Но что было бы, если бы я ему пред'явил свой фальшивый паспорт на имя Бобруйского мещанина Андрея Михайловича Белокопытова? Еще свое фальшивое имя и фамилию я запомнил, но фамилии мещанского старосты я уже никак назвать не мог, да и о самом городе Бобруйске я не имел ни малейшего представления.

Моими ответами пристав удовлетворился, только подозрительно отнесся к тому, что паспорт не прописан, но я тут же его успокоил тем, что этот месяц, со дня выдачи паспорта, я жил в Ив.-Вознесенске у брата, где прописки паспорта не требовалось, тем более, что я был без службы. Пристав отпустил меня с миром, не подозревая, что в платке под хлебом у меня лежало до сотни нелегальных брошюр и листовок, за хранение которых в то время по головке не гладили. Пристав все же проявил свою бдительность и недоверие, проследив, как я брал билет до Москвы и садился в поезд. Но в Москву я, конечно, не поехал, а сошел с поезда на одной из ближайших станций, а ночью возвратился и раскидал в Александрове и Карабанове нелегальную литературу.

Несмотря на все невзгоды и полное отсутствие связей во Владимирском районе, я все же в течение полутора месяцев достаточно хорошо изучил весь этот район и на первом с'езде работников „Северного Рабочего Союза", состоявшемся в августе 1901 г. в г. Кинешме[6]), сделал обстоятельный доклад об общем положении данного мне района.

---

[6]) Для выработки устава „Северного Рабочего Союза" и выборов руководящего центра, который об'единял бы деятельность местных комитетов, в августе 1901 года было созвано совещание представителей Ярославской, Костромской, Ив.-Возне-

На этом с'езде было решено, чтобы я окончательно обосновался в г. Владимире, как центральном пункте этого района, и там организовал свою базу, т. е. склады литературы, явочную квартиру и группу содействующей интеллигенции, и отсюда вел бы свою работу по уездам.

Но тотчас же после с'езда мне осуществить этого не удалось, т. к. пришлось поехать в Воронеж, а оттуда на Урал, для установления связи с Уральской обл. организацией, в целях обмена литературой, работниками и т. п.

По возвращении с Урала, в конце сентября 1901 г., во Владимир, мне устроиться там сначала не удалось, т. к., не имея ни души знакомых и никаких рекомендаций, устроить базу в скором времени было трудно и я поехал опять в Ярославль, полагая, что там среди земских статистиков найду рекомендации к Владимирским статистикам. В то время земская статистика в большинстве была заполнена „неблагонадежным элементом".

Я не ошибся. В Ярославле статистик Е. Н. Новицкая, работавшая в нашей организации, дала мне рекомендацию во Владимир к своему хорошему знакомому—секретарю земской управы Александру Саввичу Панкратову.

С ноября мес. 1901 г. я окончательно обосновался во Владимире, организовав здесь свою „штаб-квартиру". На окраине города, около тюрьмы, у печника, я снял угол за печкой, где и поселился. Через Панкратова я познакомился с заведующим земской статистикой, от которого получил сдельную статистическую работу на дому. Это меня хорошо устроило и с конспиративной и с материальной стороны,

---

сенской и Владимирской организаций в г. Кинешме. На совещании присутствовали: от Ив.-Вознесенска—Н. Н. Панин (Гавриил Петрович), Елизавета Аркадиевна Володина (портниха) и Владимир Сергеевич Бубнов; от Ярославля—Ольга Афанасьевна Варенцова и Н. Н. Кардашев; от Владимира—Михаил Александрович Багаев и от Костромы—статистик Александр Заварин и Василий Миндовский. В порядке дня совещания стояли следующие вопросы: 1) доклады с мест; 2) отношение к „Искре"; 3) организационный вопрос; 4) текущие дела. Кинешемское совещание значительно оживило работу и вызвало под'ем настроения у активных работников (О. А. Варенцова—„Северный Рабочий Союз",—„Пролетарская Революция", № 9).

т. к. двадцати рублей, получаемых мною от организации (получал как революционер-профессионал), мне далеко не хватало, ибо приходилось еще содержать живущую в Н.-Новгороде семью, хотя нужно сказать, что жена пользовалась бесплатно квартирой от Нижегородской организации, как содержательница конспиративной квартиры для занятий рабочего кружка.

Через Панкратова я скоро познакомился со всей Владимирской радикальной интеллигенцией и постарался ее сорганизовать для помощи мне в работе Образовалась группа содействующих в составе: статистиков – Арнольда, В. Н. Анисимова, Н. Н. Мамадышского, секретаря Губ. Земской Управы А. С. Панкратова, почвоведов—А. Ф. Черного, Н. С. Дубровского, агронома А. К. Гвоздецкого и служащих в других отделах Зем. Управы—Л. Я. Александрова и М. Ф. Тихомирова. Почти все указанные лица не имели определенного мировоззрения, а просто были оппозиционно настроены к самодержавию, за исключением А. С. Панкратова, который был марксистом, но уклонялся от активной работы. Я использовал эту публику очень широко. Прежде всего я обложил их „данью“ для „Политического Красного Креста“, из средств которого не только оказывалась помощь политикам —сидящим во Владимирской тюрьме Ивановским рабочим,—но часть денег расходовалась и на другие нужды революционной работы. У Панкратова я сделал явочную квартиру. В своей квартире я из конспирации никого не принимал и никто моей квартиры не знал. У Панкратова я первое время столовался и всех приезжающих по делам организации я ежедневно мог видеть, заходя к Панкратову на обед. В квартире Дубровского я устроил склад нелегальной литературы, откуда снабжал литературой свой район, а также и Иваново-Вознесенск. Кроме того, через группу содействующей интеллигенции, я организовал снабжение „нелегальщиной“ учащихся и в то же время нелегальную литературу через тех же содействующих раздавал „на прочет“ всем Владимирским либералам за особую плату. Желание „прочесть нелегальщину“, чтобы в обществе похвастать этим, было настолько сильно, что многие платили за прочет солидные суммы. Так, например, только за прочтение одного номера журнала „Заря“ с члена окружного

суда Черносвитова было получено 10 руб., за книгу Витте— „Самодержавие и земство", с комментариями редакции „Искры", член губ. зем. управы Смирнов заплатил 25 руб. Собираемых денег „за прочет" с избытком хватало на оплату всей получаемой нелегальной литературы и благодаря этому возможно было довольно щедро распространять ее по рабочим районам.

Для получения литературы я тесно связался с Москвой. В конце ноября ко мне на явку неожиданно явился мой старый знакомый по Н.-Новгороду— М. А. Сильвин, в качестве представителя редакции „Искры". С ним я договорился о корреспондировании в газету „Искра", для чего получил заграничные адреса, и, кроме того, через него же связался с представителем „Искры" в Москве – Н. Е. Бауманом.

От Баумана я получал всю литературу для своего района. Иногда мне привозили „транспорты" литературы во Владимир, но чаще всего я ездил за ней сам в Москву. В Москве в это время было очень тревожно и мне часто не удавалось получить там ночевки и потому приходилось проводить ночи на бульварах и т. п. Из Владимира я еженедельно делал раз'езды по рабочим центрам района, стараясь завязать связи и распространить литературу. Нелегальную литературу распространял так: обычно, вечером или ночью, я раскидывал листовки или газеты около фабрик по дороге, где ходили рабочие, или через заборы бросал во двор рабочих домов, а изредка даже раздавал литературу прямо в руки показавшимся мне на вид симпатичным рабочим. Кажется, в декабре мне удалось установить связь в Орехово-Зуеве с Бабушкиным (Богданом)[7]). У него уже была организована довольно солидная группа рабочих. Бабушкин — бывший

---

[7]) Иван Васильевич Бабушкин—известный рабочий-социал-демократ, участвовавший в начале 90-х годов в рабочем кружке в Питере, руководимом В. И. Лениным, привлекавшийся вместе с Владимиром Ильичем по делу «Союза Борьбы». По поручению группы «Искра», Бабушкин в 1901 г. вел работу среди Орехово-Зуевских рабочих, был арестован в Орехове и отправлен в Екатеринославль, где удачно бежал из тюрьмы и уехал в Лондон к В. И. Ленину. По возвращении из Лондона, Бабушкин вел работу среди Питерских рабочих, но в 1903 г. был арестован

Петербургский рабочий, ученик Ленина, был замечательно развитой, энергичный человек и работал в Орехово-Зуеве, как нелегальный, но он скоро был арестован со всей своей группой и у меня там осталась связь лишь в лице двух рабочих (фамилии забыл), малодеятельных и трусивших ареста.

В одну из поездок в Ковров я познакомился с судебным следователем Н. М. Порданским, который оказался сочувствующим соц.-демократическому движению. Для меня Порданский был очень ценным помощником, т. к. у него я мог пользоваться ночевками, через него собирал средства, а главное — он снабжал меня ценными материалами, которые я посылал в редакцию „Искра". Кроме того, я получал материалы по работам земства от секретаря Земской Управы Панкратова. Таким образом, снабжение „Искры" корреспонденциями и материалами для статей у меня было налажено хорошо.

В конце декабря я уехал в Воронеж на второй с'езд „Сев. Раб. Союза". Воронеж для с'езда был выбран отчасти по конспиративным соображениям, а главное для того, чтобы дать возможность участвовать на с'езде Воронежской группе содействующих организации «Северного Рабочего Союза».

На с'езде присутствовали: от Ярославля — О. А Варенцова, Вайсман; от Иваново-Вознесенска — Н. Н. Панин; от Владимира — М. А. Багаев и от Воронежской группы — В. А. Носков, А Н. Любимов, Л. Я. Карпов и Н. Н. Кардашев; от Костромы представителя не было, т. к. избранный делегат по дороге заболел. В порядке дня с'езда стояло лишь три вопроса: 1) выработка программы союза, 2) доклады с мест и организационные вопросы и 3) выборы Центрального К-та „Сев. Раб. Союза".

и сослан в г. Верхоянск, Якутской области. Освобожденный из ссылки в конце 1905 г., Бабушкин остался на партийной работе в Иркутской губернии, но поработал там очень недолго: в начале 1906 г. карательной экспедицией Меллера-Закомельского был арестован и без суда расстрелян на ст. Слюдянка, Кругобайкальской жел. дороги (см. издание Истпарта ЦК ВКП (б) — «Воспоминания И. В. Бабушкина», Ленинград, 1925 г., рабочее Издательство «Прибой»).

О работах С'езда подробно рассказывает О. А. Варенцова в своей статье „Северный Рабочий Союз" в журнале „Пролетарская революция", № 9 за 1922 г. Там же помещена и выработанная на С'езде программа Союза.

В Центральный Комитет „Сев. Раб. Союза" были избраны: Варенцова, Вайсман, Панин, Дюбюк и я, при чем тут же были распределены и районы деятельности Центрального К-та: Панин был назначен в Ив.-Вознесенск, Вайсман — в Кострому, Варенцова и Дюбюк—в Ярославль и я— во Владимир. Секретарем К-та была избрана О. А. Варенцова.

В половине января (1902 г.) я возвратился во Владимир, где еще с большей энергией принялся за организацию с.-д. кружков. В Коврове я втянул в работу смотрителя общежития ж.-д. технического училища Киреева. Там был организован с.-дем. кружок из старших учеников училища в числе 8 человек. В этом кружке я вел некоторое время работу сам, приготовляя из учеников пропагандистов и заставляя их в то же время работать в рабочих кружках. Трое из этих учеников оказались очень способными: один вел рабочий кружок в Коврове в ж.-д. мастерских и на ткацкой фабрике Треумова, другой — на ст. Новки, среди рабочих железнодорожн. депо, и третий—в Муроме. В этих рабочих кружках я занятий, по недостатку времени, не вел, но хорошо снабжал их легальной и нелегальной литературой. Затем, в одну из поездок в Гусь-Хрустальный я познакомился с сельским учителем с. Вешки Деевым и крестьянином Львициным; через них удалось сорганизовать довольно порядочный кружок из рабочих стекольно-хрустального завода и ткацкой фабрики Нечаева-Мальцева. В Ундоле и Дрезне тоже завязались связи пока с отдельными рабочими; была надежда в ближайшем будущем создать и тут рабочие партийные ячейки.

Кроме того, я замышлял, в целях конспирации и устройства своей семьи, организацию молочной сельско-хозяйственной фермы, при чем для выяснения и изучения этого вопроса я выезжал в деревни Судогодского уезда, где, попутно знакомясь с крестьянами, вел агитацию и распространял популярную нелегальную литературу, как, например — „Хитрую механику", но эта работа была лишь случайной и внеплановой.

Было обращено также внимание на ремесленников, и в марте мес. 1902 года сорганизовался небольшой кружок ремесленников-позолотчиков в с. Боголюбове, в 10 верстах от Владимира. Во главе этого кружка стоял позолотчик Шаберлин. При помощи последнего, мы старались сорганизовать ремесленников и в самом г. Владимире.

С заграницей, с редакцией „Искры", у меня велись самые оживленные сношения. В целом ряде номеров были помещены мои корреспонденции[8]) и использованы присланные материалы, так, например,—корреспонденция о замерзшем рабочем в арестном помещении, секретный циркуляр по этому поводу губернатора Цеймерна, сыскные занятия члена Губ. Зем. Управы Смирнова и т. д. В это время за границей был представитель нашего Союза В. А. Носков и у нас с ним была очень оживленная конспиративная переписка. Письма я получал на адрес Панкратова.

В то же время из-за границы я получил предложение попытаться освободить сидящего во Владимирской тюрьме по Орехово-Зуевскому делу *Бабушкина* (Богдана). С этой

---

[8]) В газете «Искра» корреспонденции из Владимирской губернии помещены в следующих номерах.

№ 3, апрель 1901 г., стр. 22;
№ 4, май » » стр. 15, 16;
№ 5, июнь » » стр. 8, 12;
№ 6, июль » » стр. 14, 15;
№ 8, сентябрь » » стр. 12, 13, 14;
№ 9, октябрь » » стр. 14, 15, 18, 23, приложение к № 9 «Искры»—«В защиту Иваново-Вознесенских рабочих».
№ 10, ноябрь 1901 г., стр. 11, 13;
№ 11, » » » стр. 9;
№ 13, декабрь » » стр. 16;
№ 14, январь 1902 г., стр. 11;
№ 15, » » » стр. 12, 19;
№ 16, февраль » » стр. 9, 12;
№ 18, март » » стр. 18, 19;
№ 19, апрель » » стр. 14;
№ 21, июнь » » стр. 23;
№ 23, август » » стр. 18.

(Издание Истпарта ЦК ВКП (б)—«Искра», №№ 1-52, 1900-1903, выпуски 1, 2 и 3-й «Прибой»—Ленинград).

целью я, живя недалеко от тюрьмы, завел знакомство с тюремным надзирателем и осторожно начал его использовать для сношений и передач сидящим Ивановским рабочим. Я уже начал вырабатывать план освобождения Бабушкина, для чего постепенно стал подпаивать водкой своего знакомого надзирателя и его товарищей по службе. Осуществление намеченного плана было уже подготовлено вполне поголовным спаиванием всех дежурных надзирателей, о чем Бабушкин был предупрежден. Мой „приятель"-надзиратель согласился в нужный момент отпереть камеру Бабушкина и дать ему ключи для дверей к воротам, как вдруг Бабушкина и еще нескольких политических заключенных неожиданно переводят в Москву и наш план рушится.

Происшедшие этой зимой студенческие волнения в Петербурге и Москве, с отдачей зачинщиков студентов в солдаты, всколыхнули не только интеллигенцию, но и рабочие массы. В рабочих районах, прилегающих к Владимиру, к весне начал тоже проявляться повышенный интерес к происходящим событиям. Везде шли разговоры на политические темы. Около фабрик то и дело можно было наблюдать кучки рабочих, иногда по несколько десятков человек, в которых велись разговоры не только на экономические, но и на политические темы. Выпущенные в Москве М. К. Р. С.-Д. Р. П. прокламации о студенческих волнениях были распространены в моем районе в большом количестве.

Нужно было организовать широкое местное производство прокламаций на злободневные вопросы и темы, но для этого у меня не было ни средств, ни сил. Я написал об этом секретарю ЦК Северного Рабочего Союза—О. А. Варенцовой и просил позаботиться о скорейшем восстановлении бездействующей у нас в Костроме „техники", при чем предлагал ее перекинуть во Владимир и здесь организовать типографию.

Параллельно с этой подпольной работой, я начал настраивать местную Владимирскую интеллигенцию для широкой культурной работы, для чего при содействии Панкратова были организованы еженедельные „журфиксы" [9]).

---

[9]) Журфикс—установленный в известный день недели прием гостей, которые в такой день являются без приглашения («Большая энциклопедия» изд. «Просвещение», 1902 г., т. IX, стр. 431).

На них собиралась почти вся лучшая часть Владимирской интеллигенции и здесь же велись беседы на общественные темы и строились планы культурной работы. На одном из журфиксов я, чтоб „подогреть“ интеллигенцию, прочел реферат на тему—„Роль интеллигенции в освободительном движении“. В этом реферате я громил интеллигенцию, говоря,

Владимир Александрович Носков
(партийная кличка «Глебов»)

Один из организаторов «Северн. Рабочего Союза». На 2-м С'езде РС-ДРП был избран членом ЦК партии.

(Снимок 1901 г.).

что она неспособна от слов перейти к делу, что она будет только аплодировать террористам, идущим на виселицу, не ударив сама пальцем о палец и не замечая вокруг себя рабочие массы, которые скажут свое последнее слово в грядущей революции. В заключение я предлагал бросить

разговоры за чайным столом и пойти работать среди рабочих масс, которые так нуждаются в интеллигентных работниках.

Мой реферат взбудоражил всю публику. Начались горячие споры, которые продолжались несколько вечеров подряд

В результате споров было решено начать издание легальной Владимирской газеты, для чего было немедленно возбуждено ходатайство об издании газеты на имя присяжного поверенного Левицкого. Было решено газете дать с.-д. направление, сделав ее популярной для масс. Секретарем редакции намечался А. С. Панкратов. Во всех рабочих центрах губернии предполагалось открыть отделения газеты, с подбором своих людей. К этому же времени относится решение об организации земством разносной книжной торговли, с подбором „подходящей публики" на роль офеней, для разноски книжек по фабричным местам. Кроме того, после этих разговоров двое из интеллигентов—Дубровский и агроном Гвоздецкий - предложили мне использовать их, как пропагандистов в рабочих кружках. М. Ф. Тихомиров взял на себя организацию семинарского кружка.

В апреле кончился срок моих ограничений и я решил легализоваться. Положение затравленного волка мне очень надоело. Мои старшие малыши, живущие с матерью в Н.-Новгороде, подрастали, необходимо было позаботиться об их учении. Во Владимире условия для меня так сложились, что я мог иметь заработок (интеллигенты на перебой друг перед другом давали мне работу) и сняться с содержания партийной организации.

В день убийства министра Сипягина--2 апреля (15 апреля) 1902 г.—жена с четверыми ребятами приехала во Владимир. Я снял маленькую квартирку с отдельным двориком по Нижне-Гончарной ул., в д. Зверьковой, и начал устраивать свою семейную жизнь, но увы—ненадолго.

10 (23) апреля во Владимир приехала О. А. Варенцова, чтобы обсудить совместно со мной план празднования 1 Мая и изготовления первомайских прокламаций, способ их распределения и распространения по всей территории района деятельности „Сев. Раб. Союза", а также способ налаживания вновь работы в Ив.-Вознесенске, т. к. в марте мес. там были

произведены большие аресты—арестован был весь Ив.-Вознесенский Комитет во главе с представителем и членом ЦК „Северного Рабочего Союза“ Панниным (нелегальная кличка—Гаврила Петрович). Работа там замерла и нужно было налаживать ее вновь.

В самом же начале нашего разговора О. А. Варенцова спросила меня, был ли у меня только что приехавший из-за границы для работы к нам товарищ „Иван Алексеевич“? На мой ответ, что ко мне никто не являлся, она выразила удивление и рассказала, что в Ярославле и Костроме был приехавший из-за границы товарищ, очень солидный работник и выехал дня за два до ее от‘езда ко мне, чтобы сговориться относительно замены им арестованного в Ив.-Вознесенске Панина. Варенцова сообщила мне также, что в начале апреля в Ярославль приезжал представитель „Искры“ и участник только что закончившейся партийной Белостокской конференции т. Бронер (Дан), который делал в Ярославле подробный доклад о работах конференции[10]). Кроме того, Варенцова сообщила, что на конференции было решено выпустить выработанное Редакцией „Искры“ майское обще-партийное

[10]) По инициативе Бунда (еврейская социал-демократическая организация) и Петербургского Комитета „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ (бывшего в то время в руках экономистов) в марте 1902 г. была сделана попытка созыва в Белостоке всероссийского с‘езда—в противовес растущему влиянию „Искры“, во главе которой стоял В. И. Ленин. Однако, попытка эта не удалась, в виду неприбытия представителей большинства организаций. Собравшиеся делегаты об‘явили себя предварительной конференцией (на чем настаивал и представитель „Искры“ Ф. Дан). В конференции приняли участие представители следующих организаций: Петербургского Комитета „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“, Нижегородского Комитета, Екатеринославского Комитета, „Союза южных комитетов и организаций“, ЦК Бунда и его заграничн. комитета, „Искры“ и „Союза русских социал-демократов за границей“.

Работа конференции ограничилась обсуждением вопросов о конституировании, о принципиальной платформе конференции, редактированием первомайского листка и выбором Организац. Комитета для созыва II С‘езда партии („ВКП (б) в резолюциях ее с‘ездов и конференций“ (1898-1926), изд. Истпарта ЦК ВКП (б), 1927 г., ГИЗ, стр. 8).

воззвание „Ко всем рабочим России“ в количестве около 100000 экземпляров, за подписями участвовавших в конференции организаций, при чем для «Северного Рабочего Союза» обещана присылка 10000 экземпляров. Я сделал заявку на это воззвание для своего района на 3000 экз.

Больших надежд на своевременное получение общепартийных воззваний Варенцова не возлагала, а поэтому мы с ней договорились, что Ярославский Комитет будет готовить свои первомайские прокламации, которыми он должен будет снабдить все организации „Сев. Раб. Союза“. Мы условились, что как общепартийные воззвания, так и Ярославские должны быть доставлены мне не позже 23-го апреля, чтобы успеть их распространить по району хотя бы к 1 мая по старому стилю. Я взял на себя организацию распространения прокламаций и в Ив.-Вознесенске.

Разговор наш с Варенцовой 10 (23) апреля не кончился, она отправилась ночевать на явочную квартиру к Панкратову с тем, чтобы на другой день притти ко мне снова и закончить наши переговоры. На другой день ко мне Варенцова пришла с „приехавшим из-за границы“ „Иваном Алексеевичем“, об'яснившим, что он запоздал приездом ко мне, вследствие срочной поездки в Москву для „конспиративного свидания с товарищем“.

Первое впечатление „Иван Алексеевич“ произвел на меня очень неблагоприятное своей упитанной, холеной физиономией, „брюшком“ и изысканным костюмом, что совершенно не соответствовало обычной фигуре революционера.

В присутствии „Ивана Алексеевича“ мы продолжали наши конспиративные переговоры, но я все-таки старался сдерживаться. При разговорах моя неприязнь к новому „товарищу“ еще более усилилась, т. к. он старался все время побольше расспрашивать о самых конспиративных вещах, а особенно интересовался фамилиями и адресами, что совершенно было непринято среди революционеров. Это подозрительное любопытство „Ивана Алексеевича“ бросилось в глаза даже моей жене, которая вызвала меня под каким то предлогом в кухню за тесовую перегородку и зловеще мне шепнула: „смотри, будь осторожен, он подозрителен, очень мало говорит, а черезчур много расспрашивает“.

Ольга Афанасьевна Варенцова
(Снимок последних лет).

Я решил его проверить. При приходе ко мне „Ивана Алексеевича“ я не спросил с него пароля, т. к. его привела ко мне О. А. Варенцова, но после этого, несмотря на то, что мы уже вели двухчасовой разговор с „Иваном Алексеевичем“, я спросил у него пароль.

У нас в „Сев. Раб. Союзе“ было установлено два пароля — один для приезжающих из-за границы, другой — из нашего штаба в Воронеже,—и, кроме того, у меня был условлен с Носковым, нашим представителем за границей, еще третий, особо доверительный пароль для заграничных гостей. Первый пароль „Иван Алексеевич“ немного перепутал и я придрался к тому, что этот пароль меня не удовлетворяет. Тогда он мне говорит особо-доверительный пароль с Носковым. Это несколько усыпило мою осторожность. Мне в голову не пришло, что пароль может быть кем-нибудь перехвачен, т. к. пароли были настолько простые, что легко удерживались в памяти и не нуждались в записях, так, например, для Воронежцев был пароль такой: приезжий говорил—„самовар“ и отвечали ему—„огурец“.

После этого разговоры наши продолжались. Мы еще раз подтвердили при „Иване Алексеевиче“ наш план изготовления и распространения первомайских прокламаций, при чем „Иван Алексеевич“ предложил источник, где можно было достать общепартийные прокламации и для этого дал Варенцовой адрес в Киев.

Во время разговоров Варенцова, между прочим, сообщила, что во Владимир приедет на другой день Е. Ф. Дюбюк на праздники пасхи к своей матери, проживающей во Владимире, и посоветовала мне пригласить через Панкратова его к себе, чтобы познакомиться с ним. До этого мы с Дюбюком лично не встречались. По окончании разговоров, Варенцова, а за ней и „Иван Алексеевич“, заявили, что они сегодня же уезжают: первая—в Ярославль, второй—в Саратов.

При уходе, я несколько задержал Варенцову одну и сказал, что „Иван Алексеевич“ мне кажется очень подозрительным типом. На это она мне ответила, что он уже недели полторы прожил в Ярославле и Костроме, что он все знает, вплоть до места хранения типографии, а кроме того он помогал в Ярославле Бронеру (Дану) выручить его багаж

с нелегальной литературой с вокзала, когда тот увидел подозрительное отношение к багажу носильщиков. Багаж был выручен „Иваном Алексеевичем“ и Бронер выехал благополучно в Москву.

Здесь нужно отметить, что Бронер, как это выяснилось после, выехав „благополучно“ из Ярославля, совсем неблагополучно приехал в Москву. При выходе с вокзала он был арестован.

Евгений Федорович Дюбюк — член ЦК «Северн. Рабочего Союза».
(Снимок 1901 г.).

На другой день по от‘езде Варенцовой из Владимира, Панкратов привел ко мне Дюбюка, но почти тотчас же по приходе их явился опять „Иван Алексеевич“. На выраженное мною удивление, что он не уехал, „Иван Алексеевич“ что то путанно об‘яснил, что у него завтра назначено свидание в Москве и что свободный день удобнее провести во Владимире, а не в Москве. Я насторожился еще более, а потому все время, разговаривая с Дюбюком в присутствии „Ивана

Алексеевича", старался не касаться нашей настоящей революционной работы, а ограничился лишь рассказами о своем первом аресте в Петербурге и об Оренбургской ссылке. „Иван Алексеевич" ушел от меня только одновременно с Дюбюком и заявил, что сегодня он, наконец, уезжает. На другой день, когда мы возвращались с женой с базара с покупками, около „Золотых ворот" жена обратила мое внимание на мелькнувшую вдали фигуру: „смотри, ведь это „Иван Алексеевич". Тут я уже окончательно убедился, что „Иван Алексеевич"—провокатор[11]) и решил во что бы то ни стало от него освободиться, не останавливаясь даже перед убийством. Но, несмотря на все мои поиски по улицам и на вокзале при отходе поездов, я „Ивана Алексеевича" больше не видал.

Следующая неделя прошла без всякой слежки и я уже начал успокаиваться. На 22 апреля (5 мая) я вызвал товарищей из Коврова и Гуся-Хрустального за первомайскими прокламациями, предполагая, что к этому времени должен был получить их, как было условлено с Варенцовой. Но к 22 апреля прокламации доставлены не были и Ковровского товарища пришлось отпустить ни с чем. 23 апреля (6 мая) с утра я написал сам первомайский листок, сварил гектограф и начал печатать у себя на квартире. До вечера мне удалось напечатать только штук 50 прокламаций, т. к. ко мне явился из Гуся-Хрустального учитель Деев, а при нем я из осторожности печатать не хотел. Дал ему сделанные 50 прокламаций, несколько десятков номеров „Искры" и мелких брошюр, которые я получил из Москвы накануне приезда Варенцовой.

---

[11]) Как я узнал уже в 1903 г., пароли и явки „Иван Алексеевич" получил следующим образом: в феврале 1902 года от организации „Искры" из-за границы к нам для работы направлялся т. Блюменфельд. На границе он был арестован и у него были отобраны манжеты, на которых были записаны шифром наши явки и пароли. В департаменте полиции все это было расшифровано и к нам был направлен чиновник особых поручений Московского охранного отделения Меньшиков, назвавшийся у нас „Иван Алексеевич". Он прежде всего посетил наш штаб—Воронеж (30 марта 1902 г.), где товарищи его поняли сразу, но предупредить нас не могли, т. к. были арестованы в тот же день. *М. Б.*

Поезд на Гусь-Хрустальный отходил в два часа ночи и, чтобы не попасться на вокзале с опасным узлом, Деев хотел провести время до поезда у меня. Разговаривая с Деевым, около 12 часов ночи, я услыхал шум на улице против моей квартиры. Нужно заметить, что в доме против моей квартиры жил старший городовой. Я заинтересовался, приоткрыл немного окно и услыхал разговор городовых. Оказалось, что моего соседа городового спешно вызывают к полицеймейстеру. Я заподозрил недоброе и предложил Дееву итти со своим узлом на вокзал. По уходе его я быстро собрал гектограф, нелегальщину и всю свою переписку и зарыл в землю под крыльцом. Тревога моя была не напрасна. Только что я потушил огонь, чтобы лечь спать, как под окнами послышался звук жандармских шпор и стук в окно. Явилась целая свора жандармов и полиции, во главе с приставом второй части Стрельниковым. Так как они явились без ордера, я отказался допустить их к обыску, но они довольно бесцеремонно схватили меня за руки, посадили на стул и стали рыться во всех щелях. Обыск продолжался до 5 часов утра; почти весь двор прощупан был острым железным прутом, но зарытое мною под крыльцом не нашли.

По окончании обыска пристав предложил мне отправиться с ним к полицеймейстеру, но я отказался, т. к. они не имели ордера на мой арест. После продолжительных пререканий, полицейская свора ушла, а я остался дома. Опасаясь повторения обыска, мы с женой сейчас же затопили печку, вырыли из-под крыльца нелегальщину и сожгли. Едва успели сжечь, как пристав со своей сворой явился вновь и заявил мне, что он пришел меня арестовать. Я опять отказался итти с ним, тогда он приказал взять меня силой. Несмотря на мое сопротивление, городовые и жандармы схватили меня за руки и волоком вытащили на улицу, посадили на извозчика и отвезли в тюрьму. При обыске и аресте мне настолько помяли руки, что они сплошь были покрыты синяками и кровоподтеками. В тюрьме я тотчас же вызвал врача, который хотя и отказался выдать мне свидетельство, но заявил, что он, в случае моей жалобы, подтвердит наличие у меня повреждений. В тюрьме я узнал, что кроме меня в эту ночь были арестованы: Александр Саввич Панкратов, Александр

Прохорович Черный, Николай Сидорович Дубровский, Николай Николаевич Мамадышский, Леонид Яковлевич Александров, статистик Владимир Александрович Пригора и фельдшер Алексей Иванович Афиногенов. Кроме того, были обыски без ареста у Виктора Ивановича Анисимова, Андрея Калиниковича Гвоздецкого, Михаила Федоровича Тихомирова, библиотекарши Марии Ивановны Крамаревской, члена губ. зем. управы Георгия Александровича Смирнова и матери Е. Ф. Дюбюка. Пригора и Афиногенов арестованы были случайно и к нашей группе никакого отношения не имели, как и Г. А. Смирнов.

Всех арестованных рассадили по одиночкам, при чем Дубровского поместили как раз под моей камерой. Я сейчас же через своего „приятеля“ - надзирателя достал бичевку и с коркой хлеба спустил записку к окну Дубровского. В записке я спрашивал, что у него нашли. Он ответил, что у него взяли весь мой склад нелегальной литературы, содержащий 166 экз. газеты „Искра“ и до сотни брошюр разных наименований. Тут же он мне сообщил, что во время производства у него обыска жандармским полковником Ковалевским явился пристав Стрельников и доложил Ковалевскому, что „обыск у Багаева сделал, но ничего предосудительного не нашел“. Ковалевский резко спросил: „Где сам Багаев?.“ На это Стрельников сообщил, что „Багаев не дал себя арестовать без ордера“. Взбешенный полковник затопал ногами на пристава и заорал: „Как вы смели не задержать самого главного преступника? Сейчас же идите и, если он еще не убежал, арестуйте, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к силе“. Дубровский жил от меня в пяти минутах ходьбы, благодаря чему пристав и явился ко мне так скоро.

В тот же день Дубровский был вызван на допрос и после допроса тем же путем прислал мне вторую записку, в которой сообщил, что он сказал полковнику о том, что литературу на хранение дал ему Багаев. Больше с Дубровским я уже не переписывался. Я понял, что засел крепко и тут же решил вести в тюрьме дальнейшую борьбу с жандармами, полицией и тюремщиками. Свое решение я довел до конца и все время моего 20-месячного сидения прошло в беспрерывной борьбе, о которой я буду говорить ниже.

Во Владимире нас продержали всего одну неделю и затем отправили в Москву. Меня во Владимире ни разу не допрашивали. В Москве нас посадили в Таганскую тюрьму в одиночные камеры.

Здесь нелишне отметить отношение к моей семье жен арестованных интеллигентов. Когда моя жена пришла на второй день ареста к тюрьме с передачей для меня, то жены арестованных интеллигентов осыпали ее градом упреков, что я погубил их мужей, вовлекши их в революционную работу.

Когда меня увезли в Москву, жена не выдержала враждебного к себе отношения и, забрав ребятишек, отправилась обратно в Н.-Новгород. Нужно отдать должное оставшимся неарестованными М Ф. Тихомирову и В. Н. Анисимову, отнесшимся с большим участием к моей семье. Они снабдили ее деньгами и тем дали возможность уехать в Н.-Новгород, т. к. после моего ареста семья осталась без денег.

В Таганскую тюрьму мы приехали вскоре после бывшего там тюремного бунта и тюрьма была еще несколько дней на военном положении: почти у каждой камеры политиков стояли солдаты с ружьями. Общения между заключенными совершенно не было. Но такое положение продолжалось недолго. Не прошло и месяца, как мы уже взлезали на окна и не только разговаривали с ближайшими соседями, но даже кричали во все горло за десяток камер. Кроме того, вся тюрьма связалась „телефонами", т.-е. бичевками (от окна к окну), по которым переправлялись от одного к другому не только корреспонденция, но даже вещи. Эти льготы достались в результате тяжелой борьбы: многие из нас по несколько раз посидели в карцере, лишались столов, табуреток, книг и т. д. Но все же победа осталась за нами.

Я просидел без допроса около полутора месяцев, а при вызове на допрос отказался давать показания. Когда же приехавший с допроса Панин (из Ив.-Вознесенска) рассказал мне через окно, что ему производивший дознание ротмистр Герарди предложил немедленное освобождение, если он сознается, я решил „поговорить" с жандармами.

На втором допросе я дал уклончивые показания. После допроса, ротмистр Герарди уже без прокурора пригласил

меня „поговорить“ в соседнюю комнату. Оказалось, что он меня провел в кабинет его собственной квартиры, находившейся смежно с жандармским управлением. Сначала он мне предложил с ним пообедать, но я отказался от этой „чести“. Герарди, бывший ученик Зубатова, повел со мной разговор на ту тему, что зачем де нужна рабочим политическая борьба, когда им важно лишь улучшение экономического положения; что рабочих вовлекают в политику интеллигенты, для которых важно занять депутатские и министерские посты, а так как они этого достигнуть могут только революцией, то они и втягивают в нее рабочих, чтоб их руками жар загрести. Все это Герарди подкреплял ссылками на различные литературные источники. Тут же у него в кабинете была очень богатая библиотека. Затем он стал доказывать, что рабочие, желающие принести пользу своему классу, могут многое сделать, работая в легальных рабочих организациях, как, напр., „Московское общество рабочих“[12]), под председательством рабочего Афанасьева, и тут же рассказал, что это общество за последнее время провело несколько очень удачных стачек, при чем правительство оказывало рабочим поддержку.

После всего этого Герарди мне предложил—„не хотите ли вы поработать для рабочего класса в такой легальной организации? Я бы мог вам помочь организовать общество в Орехово-Зуеве, вы бы стали во главе и материально были бы хорошо обеспечены“.

На это я ответил: „но если бы я захотел взяться за это дело, то вы бы меня выпустили из тюрьмы?“

Герарди: „мы можем вас сейчас же освободить“.

Я заявляю: „тогда я согласен“.

Герарди—вкрадчивым голосом: „только вы должны дать гарантию, что вы отказываетесь от нелегальной деятельности“.

„В чем же должна выразиться моя гарантия?“—задаю я вопрос.

---

[12]) Это общество было организовано при содействии Зубатова в 1901 г. Во главе его стал рабочий Афанасьев, который за предательство был освобожден из тюрьмы Зубатовым.

— „Вы должны рассказать о своем участии в деле „Сев. Раб. Союза“.

— „Только о своем лично?“

— „Нет, конечно, не только о себе, но и о других, поскольку вы были с ними связаны“.

— „И даже назвать фамилии?“—задаю последний вопрос.

— „Ну, конечно, все подробно“.

Я бросаюсь на жандарма Герарди с криком— „Ах ты мерзавец, подлец“!

Герарди бросается к двери и кричит—„жандармы, возьмите арестанта“. И жандармы отвезли меня обратно в тюрьму.

По приезде в тюрьму, я сейчас же вызвал своего соседа по камере Ивана Платоновича Александрова, рабочего из Костромы, привлекавшегося по нашему делу, и рассказал все подробно.

Мы нашли, что Герарди таким способом может поймать неопытных рабочих и сделать из них предателей и решили протестовать против такого способа дознания. Александров своим громким голосом из окна об'явил товарищам, что он и я решили об'явить голодовку, выставляя требование: устранить от ведения нашего дела ротмистра Герарди и прекратить недопустимые приемы при ведении дознания. К нам присоединились Бронер — Гурьвич (Дан), Новицкая, Загайная, Богданов и др., всего до 20 чел. На второй день мы начали голодовку, послав свои заявления прокурору судебной палаты. Почти каждый день нас посещал товарищ прокурора, убеждая прекратить голодовку, и в то же время, несмотря на наш категорический отказ, ежедневно приносился нам хлеб и обед и демонстративно ставился на стол.

После шестидневной голодовки нам об'явили, что Герарди устранен и ведение следствия поручено подполковнику Бабчинскому, и в тот же день был вызван на допрос один из наших товарищей, которого Бабчинский допрашивал уже чисто формально, без разговоров в своем домашнем кабинете. Получив сообщение об отстранении Герарди, мы прекратили голодовку, проголодав ровно шесть дней.

Дознание по делу „Сев. Рабоч. Союза“, по которому было привлечено всего 51 человек[13]), продолжалось ровно 8 месяцев, но в большинстве арестованные были освобождены еще задолго до окончания дознания, так—Владимирцы—Афиногенов, Пригора—были освобождены в июне, а Панкратов, Дубровский, Черный, Мамадышский и Александров—в июле. Из этих лиц наиболее активное участие во Владимирской социал-демократической организации принимали Панкратов и Дубровский, а остальные только оказывали содействие по распространению литературы и собиранию денег.

По окончании дознания остались в тюрьме до приговора: Варенцова, Панин, Вайсман и я.

Но едва закончилось это дознание, как я вновь был вызван в жандармское управление на допрос уже по делу

---

[13]) По делу «Северного Рабочего Союза» привлекались: 1) Ольга Афанасьевна Варенцова, 2) Василий Яковлевич Новиков, 3) Николай Михайлович Трегубов, 4) Евгений Федорович Дюбюк, 5) Александр Алексеевич Локтин, 6) Леонид Егорович Петров, 7) Екатерина Николаевна Новицкая, 8) Борис Васильевич Трефелев, 9) Мария Августовна Дидрикиль, 10) Ольга Августовна Дидрикиль, 11) Григорий Иванович Глазунов, 12) Василий Иванович Моргунов, 13) Александр Павлович Заварин, 14) Василий Павлович Заварин, 15) Василий Александрович Лебедев, 16) Николай Павлович Богданов, 17) Мария Сергеевна Александрова, 18) Василий Владимирович Буянов, 19) Дмитрий Хрисанфович Катков, 20) Николай Иванович Родионов, 21) Семен Семенович Колокольцев, 22) Семен Лукич Потехин, 23) Софья Константиновна Загайная, 24) Анна Константиновна Третьякова, 25) Александр Парфенович Волок (Вайсман), 26) Иван Платонович Александров, 27) Николай Сидорович Дубровский, 28) Александр Саввич Панкратов, 29) Михаил Александрович Багаев, 30) Леонид Яковлевич Александров, 31) Александр Федорович Черный, 32) Владимир Александрович Пригора, 33) Алексей Иванович Афиногенов, 34) Александр Петрович Доливо-Добровольский, 35) Федор Ильич Гурвич, 36) Николай Николаевич Панин 37) Николай Васильевич Таланов, 38) Николай Николаевич Мамадышский, 39) Василий Капитонович Петровский, 40) Василий Веденеевич Галочкин, 41) Дмитрий Семенович Яшин, 42) Константин Андреевич Морозов, 43) Валериан Александрович Рутковский, 44) Лев Яковлевич Карпов, 45) Алексей Иванович Любимов, 46) Дмитрий Васильевич Кастеркин, 47) Николай Николаевич Карданев, 48) Виктор Иванович Анисимов, 49) Михаил Федорович Тихомиров, 50) Софья Николаевна Кувшинская и

на Гусю-Хрустальном. Оказалось, что там рабочий кружок был арестован месяца через три после моего ареста во Владимире[14]).

По этому делу я также отказался давать показания и подробности его не знаю, т. к. все привлеченные по этому делу сидели во Владимире.

Мне вторично об'явили о заключении под стражу по делу Гуся-Хрустального.

Потянулись скучные тоскливые дни в ожидании приговора, но я, спасаясь от скуки, повел бумажную войну с властями по двум поводам: еще во Владимире, до отправки в Москву, я подал губернатору жалобу на „незаконный арест" меня приставом, указывая на то, что надо мной было произведено насилие, и требовал предания суду пристава Стрель-

---

51) Андрей Калиникович Гвоздецкий (О. А. Варенцова—«Северный Рабочий Союз», – «Пролетарская Революция» № 9, 1922 г., стр. 35—36).

[14]) В средине 1902 года жандармские власти в Муроме получили сообщение, что на заводе в Гусе-Хрустальном распространяется нелегальная социал-демократическая литература. Негласным дознанием было установлено, что литература получается из Мурома и Владимира, вследствие чего на Гусю и в Муроме было произведено в июле 1902 г. большое количество (около 30) обысков, найдена нелегальная литература и в результате возникло дело «о преступном сообществе на Гусю-Хрустальном», в качестве обвиняемых по которому были привлечены: Василий Иванович Киселев, Павел Яковлевич Поляков, Лаврентий Нефедович Львицин, Федор Николаевич Широков, Александр Саввич Панкратов, Александр Федорович Хлынов, Иван Васильевич Деев, Василий Антипович Гарин, Федор Андреевич Соколов, Василий Никитич Гусев, Фирс Иванович Дороднов, Федор Петрович Девсин, Яков Дмитриевич Стрелков, Николай Григорьевич Резчиков, Василий Федорович Красильников, Александр Ильич Чупров, Николай Васильевич Комиссаров, Сергей Андреевич Иванов, Александра Павловна Шокина и Михаил Александрович Багаев. Следствие тянулось два с лишним года, к ответственности были привлечены только Деев, Гарин, Соколов, Гусев и Дороднов; Львицин во время следствия умер, а Хлынов скрылся; в отношении остальных обвиняемых дело в феврале 1905 г. было прекращено за недостаточностью улик и за отсутствием состава преступления (Архив прокурора Владим. Окр. Суда за 1902 г., дело № 4).

никова, ссылаясь на освидетельствование меня тюремным врачем, о чем я уже говорил выше. Месяца через два губернатор ответил, что моя жалоба оставлена без последствий. Я вновь послал грубое ругательное заявление губернатору, требуя, чтобы были допрошены указанные мною свидетели. Опять через два месяца ответ, что жалоба оставлена без последствий, при чем отказ уже мотивированный, на основании показаний городовых. В конце ответа губернатор предупреждал меня, что в дальнейшем мои жалобы в резком тоне им будут оставляться без рассмотрения.

Я не унялся. На ответ губернатора я подал протест в губернское присутствие, настаивая на допросе врача, сторожа и домохозяйки.

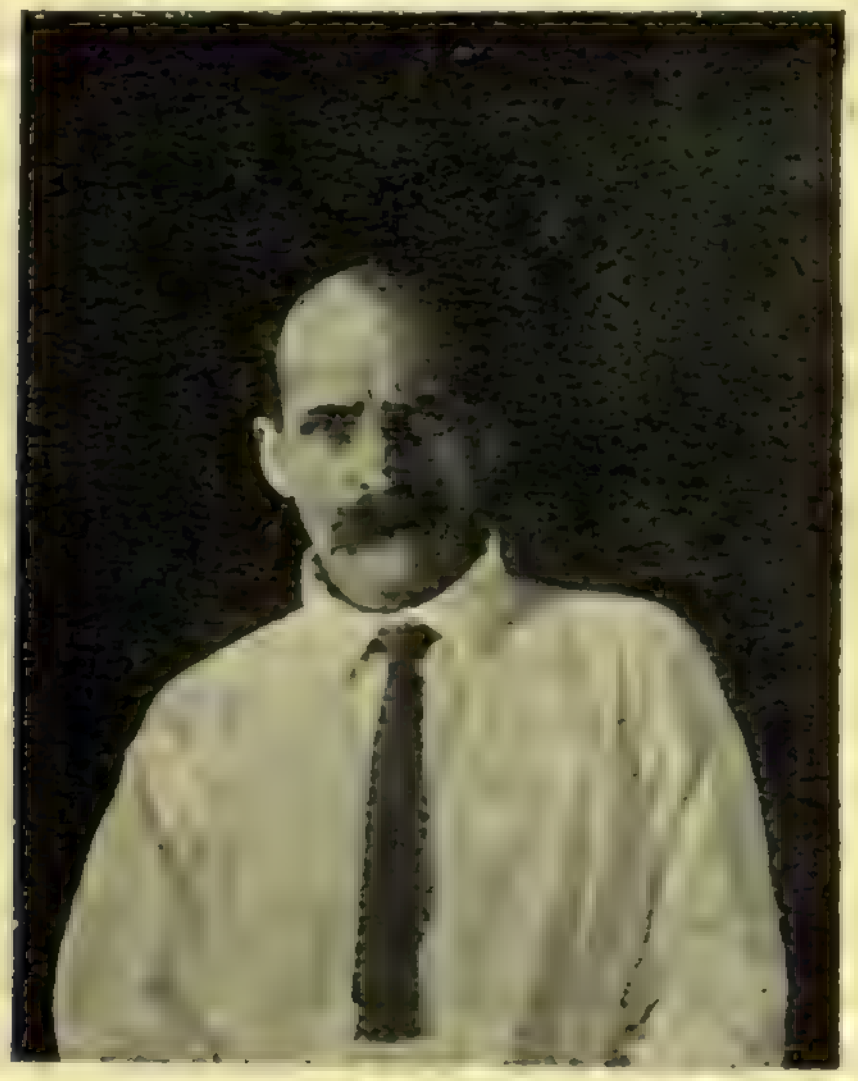
Месяца через три пришел ответ из губернского присутствия, в котором уже были приведены показания моих свидетелей, но в заключении сказано, что насилие надо мной было произведено, вследствие моего сопротивления, а потому пристав Стрельников не подлежит ответственности. Этот ответ мне об'явили в жандармском управлении, куда я был вызван по делу на Гусю-Хрустальном.

На выраженное мною удивление о моем сопротивлении, товарищ прокурора, запугивая меня каторгой, показал мне приобщенный к делу „Сев. Раб. Союза“ протокол пристава Стрельникова, составленный уже после, в моем отсутствии. В этом протоколе говорилось, что я бросился на пристава с большим кухонным ножем, который у меня после продолжительной борьбы был отобран. Такого случая в действительности не было, но во время обыска я, сидя за столом, нервно играл столовым ножем и жандарм взял у меня его из рук, заметив шутливо: „от греха подальше“.

Возмущенный этим ложным протоколом, я сейчас же написал заявление прокурору судебной палаты, требуя привлечения меня к ответственности за сопротивление властям, или об из'ятии этого протокола из дела, т. к. при административном разборе моего дела этот протокол может иметь значение при определении мне наказания. Прокурор мне ответил, что в моих действиях он не находит состава преступления. Тогда я уже обжаловал постановление губернского правления в соединенное присутствие первого и кассационного

департаментов Сената. Сенат мне ответил, уже при высылке меня в Сибирь, что моя жалоба признана неосновательной.

По окончании дознания я начал с жандармами другое дело: при обыске во Владимире у меня отобрали все, что было письменного и печатного в моей квартире, и, между прочим, мои литературные беллетристические опыты, совершенно невинного содержания, а также легальные книжки,



Александр Федорович Хлынов — один из активных участников соц.-дем. кружка в Гусе-Хрустальном в 1902 г.

как Кирхнера—«Молочное хозяйство» и по одному тому сочинений Салтыкова, Горького и Б. Прусса. Все отобранное по моему настоянию было подробно записано в протокол обыска.

По окончании дознания, среди возвращенных мне вещей, отобранных у меня во время обыска, вышеуказанных книг и рукописей не оказалось. Я послал в жандармское управление требование — возвратить мне эти вещи. Мне ответили, что ими оставлены при деле такие то рукописи и письма, а все остальное мне возвращено. В числе же оставленных при деле книг и моей беллетристики не оказалось.

Тогда я предлагаю жандармам проверить протокол обыска при деле, чтобы определить недостающие вещи. Жандармы мне ответили, что мое заявление оставлено без последствий.

Я подаю жалобу прокурору судебн. палаты. Прокурор предлагает жандармам выяснить вопрос. Меня вызывают в жандармское управление, где полковник Бабчинский и тов. прокурора после продолжительной перебранки со мной предлагают мне определить мои убытки. Я пред'явил требование, чтобы книги мне были куплены, а за рукопись уплачено 45 рублей (1 1/2 печатных листа).

Проходит много времени — от жандармов ни звука. Снова жалуюсь прокурору.

После этого Бабчинский и тов. прокурора приезжают ко мне в тюрьму и здесь в тюремной библиотеке происходит такая сцена.

Я являюсь. Полковник Бабчинский с тов. прокурора сидят и, не предлагая мне сесть, начинают раздраженно высказывать мне неудовольствие, что я беспокою „его превосходительство—прокурора судебной палаты".

Я беру от стены стул и сажусь, заявляя, что „перед жандармами я стоять не привык", а затем предлагаю им „не заботиться о покое прокурора", а перейти к делу.

Бабчинский мне заявляет, что я слишком дорого прошу за рукопись и предлагает мне понизить цену. На это я отвечаю: „я жандармам свои рукописи не продаю и торговаться с ними не намерен,"—поднимаюсь и ухожу.

Прошло довольно много времени и от жандармов не было никакого ответа.

Я снова подаю заявление прокурору судебной палаты и прошу выдать мне копии протокола обыска и отношений жандармского управления, для пред'явления к последнему судебного иска.

Прокурор отказывает. Я подаю на него министру юстиции жалобу.

Месяца через два является ко мне в камеру галантный молодой жандармский ротмистр и привозит новенькие, только что из магазина, книги и начинает меня упрашивать принять за рукописи 25 руб., т. к. это, де, платится лично Бабчинским, а он получает маленькое жалованье и т. д. Я согла-

сился и выдал расписку в том, что получил и никаких претензий не имею. На второй день мне об'являют ответ министра юстиции, что жалоба моя на прокурора оставлена без последствий.

Характерно, что бумажка от министра была уже получена жандармским управлением, судя по штампу, за несколько дней до расплаты со мной. Но еще курьезнее то, что когда я об этом рассказывал на свидании приехавшей из Н.-Новгорода жене, то она мне сообщила, что те книги, взамен которых жандармы мне купили новые, были выданы ей тотчас же после моего ареста во Владимире, но расписка в получении книг с нее не была взята.

Вся переписка по этим двум делам внесла в мою монотонную жизнь большое развлечение.

Между тем дело наше страшно затянулось. В июле были высланы, впредь до приговора: Панин — в Сибирь и Варенцова—в Астраханскую губернию. Только я и Вайсман остались в тюрьме.

Наконец, 21 сентября (4 окт.) 1903 г. подписывается приговор по делу „Сев. Раб. Союза“ [15]).

По приговору—членам ЦК „Северн. Раб. Союза“ назначено: О. А. Варенцовой—3 года ссылки в Астраханскую губ., Вайсману и Панину—по 5 лет ссылки в Восточную Сибирь, Дюбюк—3 года ссылки в Архангельскую губ., мне (Багаеву)—6 лет ссылки в Восточную Сибирь.

Владимирцы — Александров, Панкратов[16]), Черный, Мамадышский, Гвоздецкий—приговорены в ссылку на 3 года в Архангельскую губ., Дубровский—на 3 года в Вологодскую губ., Анисимов и Тихомиров—на два года надзора на месте жительства; о Пригоре и Афиногенове дело прекращено.

---

[15]) Подробности о деле «Северного Раб. Союза» изложены в статье О. А. Варенцовой в журнале «Пролетарская революция» № 9 за 1922 г. В приложениях к настоящей статье помещена программа «Северного Рабочего Союза» и жандармская характеристика тов. М. А. Багаева.

[16]) В отношении Панкратова, ввиду привлечения его к делу на Гусю-Хрустальном, приведение приговора в исполнение было приостановлено и летом 1905 г. дело было прекращено и Панкратов в ссылку не попал. *М. Б.*

В конце сентября Вайсмана из тюрьмы отправили в Сибирь и я остался в тюрьме по делу „Сев. Раб. Союза“ один. Приговор мне не об'явили. В конце ноября моя жена поехала в Петербург и там в департаменте полиции ей сказали, что исполнение приговора в отношении меня приостановлено до решения второго дела по Гусю-Хрустальному и я буду содержаться в тюрьме до решения этого второго дела.

После этого я послал в департамент полиции заявление, что если в течение месячного срока не буду выслан до приговора в то место, которое мне предполагается, то я об'являю голодовку до смерти, или выполнения моего требования. Голодать мне не пришлось. В половине декабря мне об'явили постановление о высылке меня в Сибирь „впредь до приговора“.

В конце января 1904 г. я уже был на месте ссылки— в с. Харат, Иркутской губернии и уезда, в 85 верстах на север от Иркутска.

В заключение считаю не лишним рассказать, как я освободился из Сибири.

После убийства Плеве, в конце лета 1904 г., началась „весна“ Святополк-Мирского. Несмотря на то, что в Сибири со мной была жена и трое детей (четвертый остался учиться в Нижнем), меня потянуло снова на подпольную работу. Я поехал в Иркутск, чтобы выяснить в Ирк. Парт. Комитете о возможности побега и средствах для этого.

В комитете мне заявили, что имеется распоряжение Ц. К. партии — не оказывать никому никакого содействия в побеге без особого распоряжения Ц. К.[17]). Это распоряжение было сделано ввиду большого скопления беженцев заграницей. Средств у меня не было и я огорченный опять возвратился в свой Харат.

Через некоторое время я узнаю, что одного из ссыльных в соседнем селе вызвали на суд в Россию, а так как, вследствие Японской войны, этапы из Сибири не ходили, то ему было выдано проходное свидетельство и бесплатный ж.-д.

---

[17]) Здесь вышло недоразумение: в это время в Сибирском Области. Комитете партии имелось распоряжение Ц. К. о выдаче мне для побега необходимых средств, но почему то местный Иркутский Комитет об этом осведомлен не был. *М. Б.*

билет в Россию и он должен был ехать сам на суд без всякого надзора.

Это подало мне мысль бежать из Сибири „за казенный счет“. Пишу заявление министру внутренних дел, в котором заявляю, что, прожив целый год в Сибири „впредь до приговора“, я не желаю больше подчиняться административному

Михаил Александрович Багаев
(Снимок 1908 г.).

произволу и требую, на основании закона от 12 июня 1902 г., над собой суда по обоим делам.

Через 2—3 месяца я получаю уведомление от департамента полиции, что в отношении меня дело по „Сев. Раб. Союзу“ передано в Моск. Судеб. Палату, а дело по Гусю-Хрустальному—во Владимирский окружной суд.

Я жду вызова на суд, чтобы бежать.

В марте 1905 г. ко мне приезжает в село нарочный от Иркутского Комитета РСДРП, с предложением перейти

на нелегальное положение для работы в районе Иркутской губернии. Я даю согласие и начинаю собираться, как вдруг получается через волостное правление сообщение от прокурора Владимирского суда о прекращении моего дела по Гусю-Хрустальному и постановление о моем освобождении из-под надзора полиции, и тут же вручается от пристава открытый лист на проезд на лошадях мне с семьей в Иркутск. Я, конечно, не захотел раз'яснять приставу его недоразумение, а собрался и поехал.

Являюсь в Иркутск к исправнику, тот ругательски ругает пристава и предлагает мне немедленно ехать обратно в с. Харат, т. к., во-первых,—у меня, согласно бумаг, имеется еще одно незаконченное следствием „дело", а во-вторых, я могу быть освобожден только по предписанию министра внутренних дел.

Я категорически отказался ехать обратно. Исправник везет меня к губернатору,—там та же история. Я заявляю, что обратно я без сопротивления не поеду и предлагаю временно оставить меня в Иркутске и запросить департамент полиции о положении моего второго дела.

После „Романовской" истории[18]) администрация была сильно запугана и в результате длительного препирательства я был оставлен временно в Иркутске.

Я явился уже легально для работы в Иркутский Комитет партии и тотчас же был кооптирован в члены комитета. Два с половиной месяца я работал по подготовке всеобщей

---

[18]) К началу 1904 г. среди политических ссыльных Якутской области началось сильное брожение против тяжелого режима, установленного Иркутским генерал-губернатором Кутайсовым, вылившееся в так называемый «романовский протест», длившийся с 18 февраля по 7 марта 1904 г. Засев в доме якута Романова, куда предварительно было свезено все имевшееся оружие (охотничьи ружьи, браунинги, ножи, топоры и т. д.) и с'естные припасы, ссыльные послали губернатору письменный протест, в котором требовали: 1) возвращения окончивших срок ссылки на казенный счет на родину, 2) отмены административных кар за самовольные отлучки, 3) отмены циркуляра, запрещавшего видеться с товарищами по дороге к ссылке, и 4) гарантии личной неприкосновенности лицам, подписавшимся под протестом. Якутская администрация с требованиями

стачки среди железнодорожников и в то же время для конспирации ежедневно обивал пороги канцелярии губернатора и генерал-губернатора, требуя ускорить мое освобождение.

Было послано в Питер до пяти телеграмм и все они оставались без ответа; только в половине июня 1905 года получилась телеграмма из департамента полиции, что дело мое в Московской Судебной палате за недостаточностью улик[19]) прекращено и я подлежу освобождению из-под надзора.

Мне и всей семье выдали бесплатные железно-дорожные билеты и в половине июня я, вместо Якутской области, был уже в Москве и снова мог приняться за революционную работу.

не согласилась, тогда протестующие решили отсиживаться в «романовке»; местные власти повели осаду дома повсем правилам «военного искусства», имея, конечно, за собой превосходство вооруженной силы. В осажденный дом было выпущено от 1500 до 2000 боевых патронов, несколько человек было ранено и осажденные были вынуждены сдаться. «Романовская» история вызвала бурю протеста со стороны различных общественных слоев России против издевательств и насилий местных сатрапов. (См. статью М. Кротова—«Романовский протест в прокламациях Якутских политических ссыльных»—в журнале «Каторга и ссылка» № 5 (12) за 1924 г.).

[19]) Дело в том, что дознание велось для административного решения, а для суда провокаторских и шпионских данных, конечно, было недостаточно. *М. Б.*

Ф. А. Благонравов

ОТ „СЕВЕРНОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА“ ДО ВОЙНЫ 1914 г.

(По материалам и личным воспоминаниям)

Первая из известных пишущему эти строки попыток создания во Владимире социал демократической организации относится к концу 1901 и началу 1902 года.

Налаживаемая здесь в то время тов. Михаилом Александровичем Багаевым группа должна была входить в состав „Северного Рабочего Союза", или, как его иначе называли,— „Северного Союза Р. С.-Д. Р. П.".

Отсылая читателя к обстоятельному очерку т. Ольги Афанасьевны Варенцовой[1]), посвященному деятельности „Северного Рабочего Союза", я здесь отмечу лишь ряд основных моментов из его истории.

---

[1]) Тов. Ольга Афанасьевна Варенцова—один из старейших членов нашей партии. Родилась в 1862 г., в г. Иваново-Вознесенске, в семье купца. Уже в 1884 году она участвует в работе революционного кружка молодежи во Владимире. По воспоминаниям Ольги Афанасьевны, этот кружок, состоявший почти исключительно из гимназистов, был с определенным уклоном в сторону народничества, хотя цельным в смысле направления его назвать нельзя. В кружок входили: Буякович, Знаменский, Филаретов (у него хранилась библиотека), С. П. Шестерин, Козлов, Варвара Николаевна Златовратская (младшая сестра писателя-народника Н. Н. Златовратского), у которой обычно кружок собирался, О. А. Варенцова и др. Руководил кружком Буякович, ярый народоволец, впоследствии—студент Петербургского Университета, продолжавший из Питера снабжать кружок литературой и оказывать на него свое влияние. В 1887 г., будучи слушательницей Высших Женских Курсов Герье в Москве, Ольга Афанасьевна привлекается по народовольческому делу, арестовывается и проводит в тюрьме 4 месяца под следствием и 6 месяцев по приговору. С 1893 г. Ольга Афанасьевна ведет социал-демократическую работу среди Иваново-Вознесенских рабочих и в 1897 г. привлекается по делу Иваново-Вознесенской социал-демократической организации; после 9-месячного тюремного заключения высылается на 2 года в Уфимскую губернию.

„Северный Рабочий Союз“ возник по инициативе небольшой группы социал-демократов „Искровского толка“, поставивших перед собой задачу связать и об'единить разрозненные и разбросанные по текстильным районам промышленного севера социал-демократические кружки и группы.

Территориально деятельность „Северного Рабочего Союза“ должна была охватить нынешние Ярославскую, Костромскую, Иваново-Вознесенскую и Владимирскую губернии.

Внимание инициаторов образования „Северного Рабочего Союза“ данная промышленная область приковывала к себе особенностями своих условий, относительно которых т. О. А. Варенцова пишет: „Непомерный гнет социально-экономических условий давил рабочих, толкая их на борьбу. Крайне низкая заработная плата, сверхурочные работы,

---

По делу «Северного Рабочего Союза» Ольга Афанасьевна 15 месяцев содержится в тюрьме и вновь высылается на 3 года в Астраханскую губернию под гласный надзор полиции. В 1905 г. Ольга Афанасьевна работает в Московской Окружной организации РСДРП, затем—в Ярославле, а с февраля 1906 г.—в Питере, в Военной организации. С июля 1906 г. снова работает членом комитета и районным организатором в Иваново-Вознесенске, где в 1908 г. привлекается по делу Иваново-Вознесенского Союза РСДРП и после 4-месячного тюремного заключения высылается на 2 года в Вологодскую губернию. В сентябре 1910 г. Ольга Афанасьевна была арестована на соц.-дем. конференции в Кинешме, просидела 4 месяца в Костромской тюрьме, судилась затем Московской судебной палатой по 126 ст. В 1913 г. привлекалась по делу Московской соц.-дем. организации и после 4-месячного тюремного заключения выслана в Олонецкую губернию, где и пробыла до 1916 года. С марта 1917 г. по июнь 1918 г. Ольга Афанасьевна работала секретарем Военного Бюро при Московском Комитете РСДРП (б). С 1919 по 1921 г. работала секретарем Иваново-Вознесенского Губкома ВКП (б). В настоящее время Ольга Афанасьевна работает в Истпарте ЦК ВКП (б), и ряд лет состоит членом Бюро Об-ва Старых большевиков.

Революционные клички тов. О. А. Варенцовой: по Ярославлю в 1901-1902 г.г.—«Марья Ивановна», по Иваново-Вознесенску в 1906-1908 г.г.—«Екатерина Николаевна» (жандармская кличка в Иванове—«Хитрая»).

В популярной брошюре «Год за тюремной решеткой» (библиотечка работницы и крестьянки, ГИЗ, 1926 г.), тов. Люд-

штрафы, произвол фабричной администрации были в одинаковой мере распространены по всему району при полном отсутствии каких-либо культурных удобств для рабочих. Все эти условия, вместе взятые, а также удобство сношений (между большинством промышленных пунктов) облегчали и задачу партийного об'единения[2])".

Наряду с этим, О. А. Варенцова в своем очерке работы „Северного Рабочего Союза" подчеркивает, что „возникновение Союза (было) тесно связано с общим состоянием нашей партии, с той борьбой веяний и течений, которая происходила в партийных рядах в начале 1900 года".

Решение централизовать в пределах названных губерний руководство рабочим движением было принято на совещании инициативной группы в Воронеже летом 1900 года.

мила Сталь, описывая совместное с Ольгой Афанасьевной пребывание в «Полицейской башне» (куда обычно сажали женщин-одиночниц) Бутырской тюрьмы в 1902 г., так рисует облик О. А. Варенцовой: «Она произвела на меня впечатление убежденной и стойкой по натуре революционерки. Тихая, скромная, с виду такая замкнутая и на первый раз как будто незаметная, она уже тогда была одним из виднейших и старейших работников в нашей партии. Ольга Афанасьевна была одной из тех немногих членов нашей партии, которые из героических рядов «Народной Воли» перешли в соц.-дем. партию, когда рабочее движение и учение Маркса указали ей правильный путь для борьбы. Жизнь и революция, жизнь и партия слились в ее личности в одно неразрывное целое. Такою она была тогда, 20 лет тому назад, такой осталась и теперь. Точная и аккуратная при выполнении своих общественных обязанностей, она была требовательна к себе и снисходительна к другим. Несмотря на то, что ей теперь 64 года, она сохранила всю свою былую энергию и разносторонность... Сердце ее полно революционного энтузиазма и веры в победу пролетарской революции».

Охранка при ликвидации «Северного Рабочего Союза» дает такую характеристику тов. Варенцовой: «выдержанная, уравновешенная натура; заядлая социал-демократка искровского толка... она явилась агентом Северного Союза».

Очерк О. А. Варенцовой—«Северный Рабочий Союз»—помещен в № 9 (22) журнала Истпарта ЦК ВКП (б) за 1922 год и вышел отдельным изданием в г. Иваново-Вознесенске, изд-во «Основа», 1925 г.

[2]) О. А Варенцова—«Северный Рабочий Союз». Изд. «Основа», г. Иваново-Вознесенск; 1925 г., стр. 18.

Подготовительный период к осуществлению принятого решения начался с весны 1901 г. об'ездом одного из инициаторов создания Союза тов. О. А. Варенцовой, которая вслед за тем поселилась в Ярославле, выполняя обязанности ответственного организатора для всего района.

К этому времени связи „Сев. Раб. Союза“ были уже установлены, налажена информация, приступлено было к регулярному обслуживанию мест нелегальной литературой; оставалось организационно закрепить и оформить возникшее об'единение. И в августе 1901 г. в г. Кинешме (ранее — Костромской, а ныне Иваново-Вознесенской губернии) происходит совещание представителей мест. Совещание, уделив большое внимание принципиальной позиции, признает правильной политическую линию „Искры“ и принимает ее организационный план.

Интересно отметить, что,—по словам О. А. Варенцовой,—совещание „особенно много внимания уделило технике. Как выяснилось из докладов с мест, это был самый острый и больной вопрос. Все представители с мест подчеркивали, что широкая массовая политическая агитация есть очередная задача момента. Прокламации возбуждают среди рабочих живой интерес и с жадностью читаются. Но запросы в этом отношении ни в коей мере не удовлетворяются. Листки, выпускаемые на гектографе, мимеографе, выпускаются в сотнях экземпляров, тогда как потребность в них выражалась в десятках тысяч. Все приходили к заключению, что без типографии невозможна систематическая агитация, без которой крайне суживалось влияние социал-демократических организаций на рабочие массы. Устная же агитация, путем устройства рабочих собраний, в те времена по полицейским условиям была крайне ограничена“ (стр. 23).

Наметив основные положения для построения устава на принципе централизма, совещание дает директивы ярославским товарищам заняться разработкой устава Союза. Им же поручается издание листков. Тов. О. А. Варенцовой поручается поддерживать сношения с „Искрой“ и вошедшими в Союз местными руководящими органами — Ярославским, Иваново-Вознесенским и Костромским комитетами и Владимирской группой.

В первых числах января 1902 г. в Воронеже собирается с'езд „Северного Рабочего Союза", на котором принимается программа Союза и избирается для руководства об'единенной деятельностью местных групп Центральный Комитет Союза, по своим функциям отвечающий современным Областным Бюро.

Ф. И. ЩЕКОЛДИН
(«Повар»).
Один из инициаторов организации «Северного Рабочего Союза» (см. стр. 64).
(Снимок 1900 г.).

В состав Ц. К. „Северного Рабочего Союза" входят: т. т. М. А. Багаев, Г. М. Вайсман, Е. Ф. Дюбюк, И. И. Панин и, в качестве секретаря, тов. О. А. Варенцова. Местом пребывания Ц. К. выбран Ярославль, где, кроме секретаря Комитета, оставляется т. Дюбюк, сохраняя участие в работе Ярославского Комитета. Г. М. Вайсман[3]) направляется

[3]) Григорий Моисеевич Вайсман (партклички: „Александр", „Александр Порфирьевич", „Богдан") — рабочий, родился в 1876 г. В социал-демократическом движении принимал участие с конца

в Кострому; Н. Н. Панин (кличка „Гавриил Петрович“), еще весной 1901 г. сменивший в Иваново-Вознесенске „агента“ „Искры“ Г. И. Окулову[4]), и т. М. А. Багаев (кличка „Медведь“), обосновавшийся с ноября во Владимире,— возвращаются на места своей работы: первый в Иваново-Вознесенск, второй— во Владимир.

Свои личные воспоминания относительно Владимирской группы М. А. Багаева ограничу немногим.

Во второй половине лета 1902 г. (по возвращении из Казанской тюрьмы), будучи уволен из московского университета без права обратного поступления и лишенный возможности проживать в Москве[5]), я приехал во Владимир, где жил мой отец,—искать заработка. После некоторых неизбежных в таком положении мытарств, я получил временную работу в стат-бюро Губернского Земства и, таким

90-х годов. Работал в Одессе, Кишиневе, Воронеже, Ярославле, Костроме и других городах. В 1902 г. Г. М. Вайсман по делу „Северного Рабочего Союза“ был арестован в Костроме под именем Александра Парфенова Волоха, просидел 2 г. в тюрьме и был после этого сослан на 4 г. в Восточную Сибирь, откуда возвратился по манифесту 17 октября 1905 г. Г. М. был убит 29 апреля (12 мая) 1908 г. в Екатеринославской тюрьме.

[4]) „Группа „Искры“, кроме газеты того же названия, имела свой очень прочный организационный аппарат. По плану Ленина, имелся прежде всего кадр хорошо подготовленных, ответственных товарищей, так называемых агентов „Искры“. Они направлялись редакцией „Искры“ в Россию для непосредственной работы на местах и передвигались по мере надобности с места на место. Путем систематической шифрованной переписки и поездками, они держали заграничный центр в курсе всей своей работы и общего положения дел на местах. Кроме этих высококвалифицированных товарищей-агентов, успешно проводивших на местах принципиальную и тактическую линию „Искры“, имелись работники профессионалы, менее теоретически подготовленные. Они были заняты исключительно техническими функциями: налаживанием транспорта людей и литературы через границу, постановкой паспортного дела и т. д.“. (Ц. Зеликсон-Бобровская. „Записки рядового подпольщика“, ч. I, стр. 35).

[5]) Осенью того же года я попытался побывать в Москве. Остановился на своей старой квартире в „Гиршах“, зашел в химическую лабораторию, где я до увольнения работал. Вечером отправился к землякам, по соседству в тех же „Гиршах“. Сидим,

образом, вошел в среду так называемого „третьего элемента“ (статистики, агрономы, почвоведы и проч. земская служилая публика).

„Земцы“ все еще жили под впечатлением разгрома группы, вращавшейся около тов. Багаева и состоявшей почти исключительно из земских работников. Дело в том, что это был первый во Владимире налет жандармерии с массовыми арестами. До этого, обычно, жандармы наносили свои визиты отдельным обителям Владимира из ограниченного, хорошо известного полиции круга „неблагонадежных“ и „подозрительных лиц[6])“.

После ареста тов. М. А. Багаева и других, местная публика чуяла, что здесь дело не обошлось без провокации, или, по крайней мере, доноса. Из тюрьмы, между тем, проникли сообщения о неладном поведении на допросе некоторых арестованных. Возникали слухи, строились догадки, предположения, заподазривалась прислуга квартиры, где Багаев прочел свой реферат; до пятка из арестованных брались под сомнение. Жены арестованных нервничали, „не добром“ вспоминая Багаева, „совратившего“ их мужей. Однако, надо сказать, что пожива жандармов во Владимире по делу „Сев. Раб. Союза“, количественно хоть и не малая, качеством, так сказать, если не считать самого тов. Багаева, была

калякаем. Стук в дверь. Известный обитателям „Гиршей“ „паспортист“ спрашивает меня и заявляет, что на следующий день приглашаюсь явиться в „охранку“. На утро являюсь. Жду в отдельной комнатушке, с замурованными краской окнами. Наконец передо мной появляется офицер и „раз'ясняет“, что я не имею „права жительства“ в Москве, а посему сегодня же должен ее покинуть. Пытаюсь возражать, что мне, де, необходимо лично хлопотать о возвращении в университет.—„В таком случае подайте заявление о разрешении Вам проживать, но сами уезжайте“.—Вручаю заявление. Возвращаюсь во Владимир и стал уже забывать об этой истории, когда ко мне на квартиру является помпристав I-й части Успенский и „об'являет“ мне „под собственноручную расписку“, что в разрешении „в'езда в Москву“ „хозяином столицы“ мне отказано.

[6]) В сборнике Костромского Исарта „1905 г. в Костроме“ на стр. 20 ошибочно указано, что провокатор Меншиков („Иван Алексеевич“) отвез из Костромы во Владимир типографию. Такого случая не было. *Ф. Б.*

незначительна. В этом отношении куда более пострадали Ярославль и Кострома. И если административные приговоры для Владимирцев были суровы, то это надлежит отнести к „духу того времени“.

Думается, не ошибусь, если скажу, что каждый из периодов борьбы характеризуется в отличие от другого периода довлеющими ему признаками полицейского и судейского „воздействия“—расправы с революционерами вообще и с эсдеками в частности. Это не только характеризует под'ем или снижение волны реакции, но до известной степени этим определяется значимость той или иной из революционных организаций за известный отрезок времени.

Возвращаясь к привлеченным вместе с тов. Багаевым владимирцам, следует все-же отметить, что после возвращения из ссылки во Владимир (осенью 1904 г.), они платили нам дань не только в пользу „Красного Креста“, но и на работу организации (Черный, Дубровский), а временами оказывали услуги (правда, все это было в 1905 г.), предоставляя квартиры для собраний, ночевок или временного пребывания приезжающих товарищей (Гвоздецкий)[7]).

Север не скоро оправился от удара, нанесенного ему охранкой в апреле 1902 года.

Вернувшаяся летом 1902 г. из-за границы тов. Цецилия Самойловна Зеликсон (или, как мы привыкли и до сих пор не перестаем ее звать по кличке, „Ольга Петровна“)[8])

---

[7]) Хочется вспомнить из них Леонида Яковлевича Александрова, как хорошего товарища и человека с большими знаниями, лучше других, мне кажется, разбиравшегося в марксизме, но, к сожалению, в силу болезни (алкоголизм) и тяжелых личных условий, не проявившего себя активно. Умер Л. Я. в Москве в годы империалистической войны.

Примечание редакции: В. Невский в „Материалах для биографического словаря социал-демократов, вступивших в Российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г.“ (Петроградское Бюро Истпарта, 1923 г., ГИЗ, Москва—Петроград) сообщает, что Л. Я. Александров был первым переводчиком на русский язык в 90-х годах „Эрфуртской программы“.

[8]) Цецилия Самойловна Зеликсон-Бобровская (парткички — „Поля“, „Елена“, „Ольга Петровна“) родилась в 1876 г. В 1894 г. участвовала в первых соц.-дем. кружках в Варшаве и с тех пор в течение всего подпольного периода работала как партиец-

с заданиями от „Искры“ восстановить связи с Северным районом и „склеить“ здесь „обломки“ разрушенного весной „Северного Рабочего Союза“, констатирует, что ни в Костроме, где она наметила опорную базу, ни в Ярославле, прежнем центре „Северного Рабочего Союза“, не нашла „новых людей, на которых можно было опереться“. Ей „приходилось иметь дело все с теми же товарищами“, которые осенью 1902 г. вернулись из Московского заточения по делу „Северного Рабочего Союза“, а „все они были под надзором, все на виду у жандармов“. Только в Костроме на кружковой работе использовались Московские студенты, после отсидки за участие

профессионал. После Варшавы работала в Харькове, где в 1900 г. была арестована по делу Харьковского Комитета РСДРП, около года просидела в тюрьме и после этого была выслана до суда под надзор полиции на родину в Витебскую губ., откуда скрылась за границу в Цюрих. Там была связана с „Группой Освобождения Труда“ и с организацией „Искра“. В 1902 г. по поручению „Искры“ поехала в Россию восстанавливать „Северный Союз РСДРП“. Работала в Костроме, Ярославле, связалась с Иваново-Вознесенском. В Петербурге, арестованная на улице, просидела в тюрьме полгода и выслана под надзор полиции в г. Тверь, где работала членом Тверского Комитета РСДРП. Осенью 1903 г. уехала за границу в Женеву, где после раскола партии примкнула к фракции большевиков. Через 10 месяцев вернулась в Россию и по поручению большевистского центра поехала работать на Кавказ—работала в Тифлисе и Баку. С весны 1905 г. работала в Москве, где на общегородской конференции была арестована и просидела в тюрьме до 18 (31) X—1905 г. В 1906 г. работала в городском районе в Костроме, затем секретарем Московского Областного Бюро и секретарем Ив.-Вознесенского Комитета. В 1908 г. была секретарем Московского Окр. К-та и членом редакции его органа „Борьба“. В этом же году была арестована и через 7—8 мес. выслана в Вологодскую губернию на 2 года, откуда возвратилась в 1911 г. Весной 1914 г. работала по организации большевистского еженедельника „Рабочий Труд“ и заведывала в нем рабочей хроникой. С февральской революции 1917 г. работала на партийной и советской работе в Серпуховском уезде, Московской губ., затем—в Москве по организации парт. ячеек в советских учреждениях. В 1920 г. работала в ЦК инструктором орготдела и завед. инструкторским под'отделом, в 1921-22 г.—в Истпарте ЦК, затем вела партработу в Свердловском университете. В 1924-25 г. работала в Ленинградском Истпарте; в настоящее время работает в Московском Истпарте („Большевики Москвы, 1905 г.“. Изд. „Моск. Рабочий“, 1925 г.).

в февральском студенческом движении „прикрепленные“ к родным местам. „По другим же городам северной области, — свидетельствует тов. Зеликсон, — была пустыня“. Да не лучше было и в Москве, где с трудом кое-как „сколачивала“ Московский Комитет тов. Г. П. Окулова.

Создавшаяся для руководства Костромской работой тройка, во главе с „Ольгой Петровной“, мечтает о созыве „совещания из представителей Костромы, Ярославля и Иваново-Вознесенска, чтобы на нем избрать Областной Комитет“. В начале 1903 г. „Ольга Петровна“ переселяется в Ярославль с целью „создать опорный пункт на Корзинкинской мануфактуре“, но здесь „Ольга Петровна“ быстро проваливается и уезжает в Питер, где ее арестуют по пути с вокзала, на улице, при выходе с конки.

Тов. Стопани[9]), вновь вернувшийся в Ярославль (он работал здесь в 1894 и 96 г. г.)[10]), рассказывает, что в 1903 г. все-же с.-д. работа оживает, возрождаются эсдековские кружки

---

[9]) Александр Митрофанович Стопани—земский статистик. Начал принимать участие в соц.-дем. работе еще в гимназические годы в Казани. Работает статистиком, не оставляя революционную деятельность—в Ярославле, Баку, Пскове, Костроме. Кличка по Ярославлю—„Наум“, по Костроме, где он в 1905-07 г.г. был одно время ответ. секретарем Костромского Комитета РСДРП,— „Карл“. Участник II и V с'ездов партии от Костромы. В настоящее время работает в Верхсуде прокурором по трудовым делам.

Относительно работы А. М. Стопани по „Северному Комитету“ см. его личные воспоминания, помещенные в журнале Ярославского Губкома ВКП (б) „На перевале“, № 5 за 1923 г. (в очерке т. Самохвалова, во II выпуске сборника „Рабочее движение и соц.-дем. работа во Владимирской губ. в 900-х годах“, на стр. 269 журнал ошибочно назван „На пути“), а также воспоминания т. Н. Н. Подвойского в журнале Ярославского Губкома ВКП (б) „Под Ленинским знаменем“, № 11 за 1925 г.

[10]) В воспоминаниях о Ярославской работе в 1896 г. тов. Стопани отмечает посылку им из Ярославля на работу во Владимирскую губернию на Гусь (где у Ал. Митр. были знакомые) Е. П. Табейкина, „известного отца Казанского соц.-дем. движения“, как его называет А. М. („Первые шаги с.-д. работы в Ярославской губернии“, „На Перевале“, № 4 от IV-23 г.) Е. Т. Табейкин упоминается в Муромском сборнике („20 лет рабочей организации“) на стр. 42 и 55 и, если не ошибаюсь, в Гусевских воспоминаниях.

Александр Митрофанович СТОПАНИ

(Снимок 1909 г., в Баку, при аресте по Костромскому делу 1905—1907 г.).

и к апрелю складывается с.-д. группа в Ярославле, „которая под руководством вновь восстановленного „Северного Рабочего Союза“(?!) ведет работу под знаменем большевизма“. Выпускаются гектографированные листки, распространяются прокламации на 1 мая.

За лето 1903 г. „Северный Союз“ уже направляет „профессионалов“ (Бутягин, Андреев, Шотман) в Иваново-Вознесенск для восстановления там работы[11]). А. М. Стопани едет на 2-ой С'езд партии (псевдоним по с'езду „Ланге“), представляя вместе с Лидией Книпович (кличка „Дяденька“, по с'езду „Дедов“) „Северный Союз“.

После II-го С'езда партия „Северный Союз“ реорганизуется в „Северный Комитет“, а местные комитеты переименовываются в группы „Северного Комитета“.

О работе в этот период „Северного Комитета РСДРП“ т. А. М. Стопани пишет[12]):

„Получив от С'езда программу и устав РСДРП, нужные директивы и адреса от его нового Ц. К. (помнится, все у той же Н. К. Крупской), направился на работу опять в свои „северные леса“—в район бывш. „Сев. Раб. Союза“, благо в центре этого района—Ярославле—у меня имелись старые связи по прежней работе. Стягиваю работников (первые члены „Сев. Комитета“, кроме меня,—И. В. Романов, И. И. Лузин, И. А. Санжур и др.)[13]).

Организуя уже по новому уставу партии комитет РСДРП, но, будучи верны традициям „Сев. Раб. Союза“,

---

[11]) В № 59 „Искры“ от 10 II 1904 г., среди перечня заключенных по российским тюрьмам, читаем: „во Владимирской тюрьме находятся: Шотман (рабочий, по С. П. Б. и Ив.-Возн. делу), Бутягин (техник) и Андреев (рабочий, по Киевскому и Ив.-Возн. делу)“.

[12]) „На перевале“—ежемесячный орган Ярославского Губкома РКП (б), № 5, май 1923 г., отдел „Минувшее“, статья „К эпохе возникновения Северного Комитета“.

[13]) И. В. Романов умер большевиком во время войны в Екатеринославле от „белокровия“; И. А. Санжур покончил самоубийством в Москве; И. И. Лузин—потом „рабоче-с'ездовец“—умер в Баку до войны „социал-демократом“, с такой надписью ему был поставлен памятник еще при царизме (согласно его завещания).

структура которого имела и в 1903 г. свое жизненное основание, организуем „Северный Комитет РСДРП“ с группами—Костромской, Иваново-Вознесенской и Владимирской (Ярославская первое время сливалась с самим „Северным

Ефим Панкратьевич ТАБЕЙКИН.
Социал-демократ, «отец Казанского социал-демокр. движения», работавший на Гусю-Хрустальном и в Муроме.
(Снимок 1904 г.).

Комитетом“), совершаем об‘езды, вызываем к себе работников с мест, организуем получение литературы и ее развоз на места. Наконец, налаживаем свое издательство, сначала гектографическим способом, а затем и типографию. Однако, эта первая в районе „Сев. К-та“ типография просуществовала недолго, выпустив несколько номеров журнальчика „Бюллетень Сев. К-та“ и несколько листков (об образовании „Сев. К-та“ было декларировано в № 1 „Бюллетеней Сев.

К-та"). Условия для работы были крайне затруднены постоянными провалами... Все же связи с рабочими налажены на всем Севере. Различные общественные слои (врачи, инженеры, студенчество, статистики) используются во всю— в отношении технических целей, финансов, создания своего влияния против соц.-рев. и „освобожденцев"... Со всей округой устанавливается правильная связь (в Костроме с Р. С. Зеликсон, Владимире—т. Благонравовым, Леонтьевым и Дюбюком, в Иваново-Вознесенске, кажется, с С. А. Бубновым—„химик")" [14]).

Следующая попытка построить социал-демократическую организацию во Владимире и отсюда повести работу по району имела место осенью 1903 г. Она связана с именем Евгения Федоровича Дюбюк [15]).

Евгений Федорович, арестованный в числе других по делу „Сев. Раб. Союза" в Ярославле (в ночь на 23/IV (6/V) 1902 г.), после освобождения в декабре 1902 г. из „Таганки" („Каменщики"), поселяется во Владимире [16]). Я тогда же познакомился с ним через его брата Александра Федоровича Дюбюк[17]). Однако, сближение мое с Евгением

---

[14]) В очерке т. Стопани ошибочно Санжур назван Сантасуром, Благонравов—Добронравовым и Е. Ф. Дюбюк—Дебеком.

[15]) Е. Ф. Дюбюк родился в 1876 г. По окончании Лесного Института в Петербурге, некоторое время работал при Владимирском Статбюро, затем в Ярославском, а после ссылки— в Саратове и Костроме. В настоящее время Е. Ф. работает в Центральном Статистическом Управлении и занимается разработкой архивных материалов по рабочему движению (см. его работы: 1) в Костромском сборнике—«1905 г. в Костроме», сб. статей губ. комиссии по организации празднования 20-тилетия революции 1905 г.; Истпартотдел Костромского Губкома РКП(б). Кострома, 1926 г. и 2) Иваново-Возн. сборник—«1905 г. в Иваново-Возн. районе»; Губбюро Истпарта, издан. «Основа». Иваново-Вознесенск, 1925 г.). Е. Ф. Дюбюк был крупным в партии работником, с солидной марксистской подготовкой, прекрасный пропагандист и в то же время редкий по натуре человек.

[16]) Во Владимире в 1902—3 г.г. Е. Ф. Дюбюк жил возле „Золотых ворот", против женской гимназии.

[17]) Александр Федорович Дюбюк, тогда студент-юрист Московского университета, за участие в студенческом движении

Федоровичем происходит уже летом 1903 г., так как с февраля я вернулся в университет. Я помню прогулки с ним по городу, с остановкой у витрины Земского Книжного Склада (в малых рядах, возле гостиницы Чернецова). Тогда уже начали появляться кое-какие из интересных книжек, главным образом, беллетристического порядка („Овод", „На рассвете", „Крестьянин" и издания „Донской речи" — Б. С. (Свидерский) „Труд и капитал", Бах, Карышев и др.). Евг. Фед. давал оценку той или другой книжки и указания по подбору их.

Александр Федорович
ДЮБЮК.

На адрес Евгения Федоровича и кое-кого других получалась „Искра". Сначала все шло гладко. Но как-то Е. Ф. приносят с почты повестку явиться за получением заграничного письма. Он идет. Почтовый чинуша пред'являет ему вскрытое письмецо с свежим номером „Искры" и с вопросом: — „Угодно вам получить"? Заглядывая в номер, Е. Ф. видит помещенную в нем статью о южных стачках, но увы.... газетка остается за сеткой почтаря. Подобная история повторилась еще, кажется, с Александром Саввичем Панкратовым.

За этот период пребывания Е. Ф. Дюбюк во Владимире к нему, с поручением от А. М. Стопани, в целях установления связи с „Северным Комитетом", приезжала

(февраль 1902 г.), после студенческой демонстрации в Бутырках, сидел в Седлецкой тюрьме, откуда летом переведен в тюрьму во Владимир. Умер в 1925 г. в Переславле-Залесском.

Нина Августовна Дидрикиль (теперь Подвойская). Последняя при недавней встрече с ней рассказывала мне об этом, но не могла восстановить в своей памяти ни результатов поездки, ни подробностей относительно связей тогда Владимира с Ярославлем.

Этим же летом я ближе схожусь с Павлом Федоровичем Леонтьевым[18]) и встречаю в статистике, куда я снова летом поступил на временную работу, Екатерину Григорьевну Смышляеву[19]). И вот среди нашей тройки, не без влияния Е. Ф Дюбюк, возникает мысль попытаться наладить социал-демократическую работу во Владимирском районе,

---

[18]) Павел Федорович Леонтьев—сын крестьянина Владим. уезда, в то время—земский статистик, работал во Владимирском, Тульском и снова во Владимирском земствах; был редактором-издателем газеты «Старый Владимирец» и сотрудничал в других изданиях. Сейчас работает во Владимире, в газете «Призыв».

[19]) Екатерина Григорьевна Смышляева - Благоправова (до замужества Кармазинская) — уроженка с. Потапова, Княгининского уезда, Нижегородской губернии, дочь писаря. Училась Е. Г. в Нижегородской гимназии, а затем в Казанской фельдшерской школе. Работала по статистике в Нижегородском, Тульском и Владимирском земствах. Будучи в Казани, привлекалась в 1889 г. в связи с делом Н. Е. Федосеева (Федосеевский кружок) и в 1890 г. отбыла в Н.-Новгороде тюремное заключение.

В описываемый период времени Смышляева работала в статистике, так сказать, „нелегально". Дело в том, что не только для поступления на земскую службу (в штат), но и для получения сдельной статистической работы требовалось утверждение губернатора. В таких случаях иногда удавалось выручить того или иного из „неутвержденных", подавая счета на выполненную им сдельно на дому работу за подписями кого либо из своих товарищей-статистиков, представляя таким образом возможность заработка. Так было и с Е. Г. Смышляевой, которую губернатор Леонтьев никак не хотел допустить к работе.

О том, как держались в подобных случаях господа земцы, видно из следующего факта. Смышляева попробовала как-то обратиться за работой в Страховой отдел (там были места), к ведавшему этим отделом члену земской управы либеральствующему Юрию Смирнову. Смирнов, сначала пытавшийся отговариваться желанием иметь на работе у себя мужчин, - перешел на откровенность и заявил: „по правде сказать, мне и свои социал-демократы уже надоели, все по углам шепчутся".

завязав связь с центром Северной области. Последнее для нас устраивает Евгений Федорович. Отправляясь в конце октября (по ст. стилю) в Архангельскую ссылку, Е. Ф. заехал в Ярославль и установил связь Владимира с „Северным Комитетом РСДРП“.

Екатерина Григорьевна
Смышляева-Благоправова.

Вскоре после того, как я проводил проезжавших через Москву в ссылку Л. Я. Александрова и несколько спустя Е. Ф. Дюбюк, ко мне в Москву заявился из Ярославля от „Северного Комитета“ нелегальный товарищ по кличке „Яков“. Это был Александр Алексеевич Ванновский[20]), возвратившийся в этом году из Вологодской ссылки, где был по делу Моск. Комитета 1898 г.

---

[20]) Александр Алексеевич Ванновский (клички: «Михаил Иваныч», «Иван Палыч») родился в 1874 г., личный дворянин, окончил Московский кадетский корпус, учился в Московском техническом училище, подпоручик запаса. В 1897 г. был членом кружка саморазвития, образовавшегося среди студентов Московского технич. училища. В 1897-98 г. г., будучи членом «Московского союза борьбы», вел пропаганду среди рабочих. Московским союзом был командирован с подробными инструкциями на 1-й с'езд партии в Минске. Из Минска Ванновский транспортировал в Москву нелегальную литературу, входя в состав «Комитета Союза», который стал называться «Московской группой Росс. соц.-дем. партии». В 1898 г. был арестован вместе с членами группы и привлечен по делу «Московского союза борьбы»; просидев в тюрьме больше года, был выпущен и выслан под особый надзор полиции в г. Воронеж. В феврале 1900 г.

С тов. Ванновским мы прикинули возможности постановки работы во Владимирском округе. Он высказал намерение поселиться во Владимире и наладить здесь типографию (в то время в Ярославле Ванновский ведал также довольно хорошо поставленной типографией). Тов Ванновский был у меня в Москве раза три. Любопытна встреча Ванновского с моим сожителем по комнате студентом Владимиром Предтеченским. Утром, пока готовился чай и „Яков" пошел умываться, мой сожитель-парень славный, но не имевший касательства к делам конспирации— вопрошает меня: —„кто это"?. Я. недолго думая, заявляю: — „кустарный техник из Саратова". Выйдя в кухню за самоваром, успеваю шепнуть „Якову" о том, как я его „отрекомендовал". Возвращаясь опять в комнату, я застаю оживленную беседу. Словоохотливый и любознательный Володька засыпает расспросами „Якова" о работе кустарного техника, а тот так вошел в роль, как будто хоть когда-нибудь в своей жизни да занимался этой работой. Возможно, мне удачно пришло в голову наименовать Ванновского кустарным техником. Ему не так уж трудно было „развернуться" в разговоре

административным порядком по этому делу был сослан на 3 года в Вологодскую губернию. В 1903 г. Ванновский под именем «Ив. Ив. Лузина» жил в Пскове, имел непосредственное отношение к нелегальной типографии, работал над изданием нелегальной литературы. Из Пскова Ванновский переехал в Ярославль, где продолжал ту же работу. Им был выпущен 1, 2 и 3 «Листок Северного Союза». Арестованный 8 (21) декабря 1903 г. в Ярославле был привлечен по делу «Северного Комитета РСДРП» и его типографии; просидев в Ярославской тюрьме больше года, Ванновский был выпущен из тюрьмы под залог в 1000 руб. Дело это было 21 октября (3 ноября) 1905 г. прекращено. Во время революционного движения 1905 г. Ванновский принимал активное участие в военном восстании в Киеве, после которого бежал от преследования полиции (В. Невский—«Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в Российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г.»,—Петрогр. Бюро Истпарта, ГИЗ, 1923 г.)

Перед III С'ездом партии А. А. Ванновский был участником группы «Воля», относительно которой в № 52 «Искра» от 7/XI 1903 г. было помещено следующее об'явление: «Революционно-социал-демократическая группа «Воля» извещает товарищей о том, что она прекращает свое существование. Бывшие члены «Воли» присоединяются к РСДРП».

о кустарных промыслах, сбыте, вредите, „выезжая“ в крайности на общих местах. Про Саратов же я сболтнул, как о пункте, удаленном, сравнительно, от наших мест.

Если Е. Ф. Дюбюк я считаю своим идейным наставником, то тов. „Яков“ первый натаскивал меня по части конспиративной практики[21]). По его предложению мне пришлось,—примерно, в ноябре 1903 г.,—выполнять первое для меня серьезное партийное поручение—выручать с Николаевского вокзала довольно приличный по весу и об'ему транспорт нелегальной литературы, доставленной в Москву Ванновским. Вспоминаю, что когда я явился на вокзал, то за столиком буфета заметил самого тов. „Якова“. Оба мы, разумеется, не подали вида, что знаем друг друга и что явились сюда по общему для нас делу. Должно быть, опасаясь за мою неопытность, он пришел понаблюдать сам за проведением порученной мне операции. Я выкупил две дорожных корзины, набитых литературой, погрузил их на извозчика и тут только т. Ванновский подсел ко мне на извоз-

---

[21]) Общепринятым и сравнительно редко кем нарушаемым правилом конспирации было следующее. Ведя свою работу, ты не должен посвящать в нее, без вызываемой к тому интересом дела необходимости, решительно никого, хотя бы самого близкого тебе и верного товарища. Сам, в свою очередь, не должен залезать с своим любопытством и расспросами к другим, вне порученной тебе области.

Благодаря этим правилам конспирации, теперь при воспоминаниях о подпольной работе иногда возникают недоразумения. Тот или иной товарищ, работавший в партийной организации и по некоторым обстоятельствам в известный промежуток времени не участвовавший в отдельных видах ее работы,—получал впечатление об отсутствии данной работы в организации, что он утверждает и в настоящее время.

В связи с этим вспоминается один случай из периода существования с.-д. группы во Владимире в 1903 г. Во Владимирскую земскую больницу перешел откуда-то молодой врач-психиатр Португалов. Один из проживавших тогда во Владимире студентов, не втянутый в нашу группу и не подозревавший о ее существовании, но со всеми участниками ее знакомый, познакомившись с Португаловым, предложил кому-то из нас связаться с доктором и создать в городе соц.-дем. группу. Мы решили посмотреть доктора и втроем (П. Ф. Леонтьев, А. Ф. Дю-

чика и проводил до Доминиковской улицы. Транспорт был перевезен на квартиру студента Стефановского[22]).

Часть транспорта, после разборки его в квартире Стефановского, я отвез в какую-то школу, помнится, специального типа, как будто торговую (на Кудринке, не доезжая Зоологического сада, по правой стороне), к заведывающему школой или учителю; часть переправил, при посредстве Константина Матвеевича Мигачева[23]), студентам „Петровки", за что было получено от них десять золотых червонцев; часть литературы была выделена и поехала с тем же Мигачевым во Владимир[24]).

Трудно удержаться от воспоминаний относительно первых впечатлений и приключений, в силу новизны и остроты переживаний, четко врезавшихся в памяти!

Распределивши на „складе" литературу, я обложил себя кругом мелкими брошюрами и листовками и направился к себе на квартиру. Переходя Спиридоньевский переулок, начинаю ощущать, что сапоги, в которых тоже была понапихана литература, как будто несколько сползают книзу. Нагнуться было чрезвычайно неудобно. В тот же момент вижу, что к дремавшему на углу извозчику, пересекая мой путь, подходит и начинает, видимо, „подряжаться" какой-то

бюк и я) в условленное для приема время вместе со студентом нанесли Португалову визит. Имели с ним продолжительную беседу, но с коротким результатом. Доктор не скрыл от моих товарищей лестного для меня отзыва о моей «твердокаменной ортодоксальности», а я просил передать ему, что очень сожалею о потерянном на визит времени, что А. Ф. Дюбюк и выполнил. Почин увлекающегося студента пропал зря.

[22]) Николай Павлович Стефановский—студент-естественник, из Белгорода, жил тогда на М. Бронной, также в известных среди студенчества домах Смирнова.

[23]) Константин Матвеевич Мигачев, оказавший в те годы немалые по тому времени услуги делу революции, и в частности, оказывавший большое содействие Владимирской соц.-дем. группе по связи с Судогодской деревней (впоследствии он отошел от революционной работы)—пропал во время империалистической войны без вести.

[24]) Петровская (теперь Тимирязевская) академия в Москве, в Петровском-Разумовском, в те годы официально именовавшаяся сельско-хоз. институтом.

суб'ект. А нам было хорошо известно, что такие картинки, наблюдавшиеся на улицах Москвы, заканчивались иногда тем, что к тому или иному из революционной братии, который в данный момент считает себя вне всякой опасности, подходит любезный господин, приветливо приглашающий занять место в пролетке готового уже извозчика, чтоб отправиться совместно с ним на Гнездниковский („охранка"). Соответственно этому, молнией пробежала у меня мысль, что и здесь, может быть, неладно. Быстро прошмыгнув

Константин Матвеевич
МИГАЧЕВ.
(Снимок 1902 г., в Бутырской тюрьме).

в ворота ближайшего извозчичьего двора, я зашел за калитку, осмотрелся,—как будто с костюмом все в порядке и, очевидно, возница и прохожий были сами по себе, не для меня.

Трудно передать тот восторг, который был проявлен при рассматривании принесенных мною нелегальных литературных новинок проживавшим вместе со мной и обрабатываемым мной легонько молодым студентом Фридбергом—„Миркой"[25]).

Припоминается также, что по поручению тов. „Якова" я ходил на квартиру к студенту Лурье, квартировавшему

[25]) Владимир Исаакович Фридберг, из Калуги; теперь партиец, работает в Москве на хозяйственной работе.

в одном из переулков Бронной, по паролю „от Бориса"; о чем шла речь—забылось.

Тов. Ванновский успел побывать, если не изменяет память, в ноябре 1903 г. и во Владимире. С Владимиром установилась определенная связь. Как и раньше в 1902 г.— „Северный Комитет" предполагал Владимир сделать центром, опорным пунктом, усилить местную группу профессионалом, иметь там раз'ездного организатора и расширить связи с периферией. Однако, этого осуществить не удалось. Работа небольшой владимирской соц.-дем. группы, за непродолжительное время ее существования, при отсутствии у наличного ее состава необходимого организационного опыта и среди участников группы квалифицированных агитационно-пропагандистских сил,—свелась, в сущности, к распространению литературы и установлению связей. Что касается литературы, то „Северный Комитет" за короткий промежуток времени существования владимирской группы богато и по количеству, и по качеству обслуживал владимирский район. Транспорт, доставленный во Владимир за этот период, вряд-ли повторялся когда нибудь в дальнейшем[26]).

Один из транспортов доставлен был тов. Ю. А Воровской[27]). Тов. Воровская, по приезде во Владимир, остановилась в „Центральных номерах" (на Большой улице), куда

---

[26]) Среди литературы, кроме номеров «Искры» и изданий «Северного Комитета», были: «Программа РСДРП», Ленин—«К деревенской бедноте», Мартов—«Рабочее дело» и «Красное знамя», Дикштейн—«Кто чем живет», «Социал-демократический календарь» на 1902 г., изд. «Борьба», «Речь Гольдмана», «Пауки и мухи» и, кроме того, в отдельных экземплярах: Тун—«История революционного движения в России», с предисловием Л. Дейча («толстый Тун», как он назывался, в отличие от «тонкого Туна»—эсеровского издания, с предисловием Шишко), Бурцев—«За сто лет», «Эрфуртская программа» и др.

[27]) Юлия Адамовна Воровская (урожд. Толлочко) родилась в 1867 г. В Ярославле в 1903 г. принимала участие в работе «Северного Комитета РСДРП», была арестована на вокзале при поездке в Москву по поручению «Северного Комитета» в конце 1903 г.; при обыске у ней был найден шрифт и отдельные части типографии. Привлеченная по делу этой типографии, сидела в тюрьме и была отдана под надзор полиции, от которого в 1905 г. скрылась. (См. № 59 «Искры» за 10/II 1904 г.).

к ней за литературой явились Е. Г. Смышляева и П. М. Архангельский[28]), по доброте своей не отказавшийся посодействовать в перемещении солидного по своей тяжести багажа. Провожая до лестницы своих посетителей, тов. Воровская заботливым тоном хорошей хозяйки намеренно громко напутствовала уходящих предостережением: „поосторожней, не разбейте варенье". „Варенье" было перенесено на „Монблан"

Александр Алексеевич
ВАННОВСКИЙ

(Партклички «Яков», «Михаил Иваныч», «Иван Палыч»).

(„штаб-квартира" Владимирской группы в доме Пестрово, по Георгиевской ул., против пожарного депо), где превратилось в два узла „с бельем" и было переправлено в Гончары к Флерову[29]) с тем, чтобы направиться дальше. Ночью Смышляева пошла на вокзал удостовериться в благополучном „отбытии" Воровской. Здесь разыгрался маленький

[28]) Петр Михайлович Архангельский—в то время статистик губ. земства, раньше владимирский семинарист, заграничный студент, один из местных радикалов. Начальник Владимирского губ. жандармского управления Воронов не раз делал набеги на квартиру Архангельского. П. М. умер в средине 900-х годов в психиатрической лечебнице.

[29]) Флеров — бывший Ярославский лицеист, в свое время не без'известный марксист; во Владимир, кажется, был выслан; позже работал статистиком в Баку. Связь с Флеровым была установлена через Е. Ф. Дюбюка.

казус, испортивший, вероятно, несколько минут для тов. Воровской. На вокзале случилась кража и железнодорожные „архангелы" стали шнырять по всему вокзалу. Однако, Воровская преблагополучно отбыла „во-свояси".

Во второй раз на явку все на тот же „Монблан" приехал студент Соколов (работавший в Костроме) и вручил квитанцию на получение багажа. Е. Г. Смышляева выкупила корзиночку и двинулась с ней в обычное место хранения литературы — к фельдшерице психиатрической больницы Екатерине Михайловне Осиповой. Здесь Ек. Гр. наткнулась на беседу „за чайком" знакомых Осиповой, знавших и Смышляеву. Чтобы отвлечь внимание от багажа, пришлось перевести обывательское любопытство на другие рельсы: Ек. Григ. заявила, что она собралась было ехать в Москву ко мне, да опоздала на поезд.

На богатство литературы, каким располагал тогда „Северный Комитет", и на широкое обслуживание им своих местных групп указывает и случай провала одного из транспортеров „Северного Комитета"—П. А. Санжура. При задержании Санжура в Костроме (в ноябре 1903 г.) у него было отобрано, не много-не мало, около двух с половиной пуда нелегальной литературы[30]).

Вообще надо сказать, что после II с'езда партии дело транспортирования нелегальной литературы было развернуто и поставлено широко. Пару лет назад, в Пролеткульте, где я сейчас работаю, при попытке постановок кино-фильм из эпохи подпольной борьбы, организованы были воспоминания подпольщиков. Один из организаторов „всероссийского" транспорта т. В. Н. Соколов поведал нам много интересного из организации транспортного дела. В. Н. Соколов отмечает, что транспорт, организованный после II-го с'езда, уже не тот транспорт, который был раньше, ибо до того времени пересылка, передача и распространение литературы шли кустарным способом: провозили по несколько книжек на себе,

---

[30]) См. «Искра» № 56 и воспоминания костромских товарищей. О величине и ценности содержания этого литературного транспорта Санжур лично рассказывал тов. А. Н. Асаткину, когда последний встретился с Санжуром в Костромской тюрьме весной 1904 года.

рассованными по дырам в платье, в карманах и т. п. и эти книги распределялись на целый ряд городов. На II с'езде вопрос массового транспортирования стал на практическую почву. Ильич учуял важность технической постановки этого дела, уловил и организационное значение связи и поднял вопрос о „фабричной" постановке дела транспортирования. Был составлен план, Россия была разбита на три района: восточный, северный и южный.

„Штаб-квартирой" группы был упомянутый выше „Монблан" — комната в антресолях, с окном на крышу и двумя окнами в корридор, мимо которых проходила лестница. Из окон можно было видеть заблаговременно, кто поднимается к верху, и таким образом нежданный визит нежелательных гостей своевременно мог быть замечен и приняты надлежащие меры. В этих антресолях жила Е. Г. Смышляева и ее квартирная хозяйка. Помнится, что однажды в течение нескольких дней возле печки стояла бутыль с керосином, чтобы в случае чего можно было ликвидировать то, что нежелательно было отдавать в лапы жандармов, в расчете именно увидать их прежде проникновения в комнату.

На „Монбланe" происходили совещания группы. Сюда приезжали товарищи из Ярославля. Здесь же всегда принимали Григория Алексеевича Асташева[31]), служащего в Ковровской уездной земской управе. Тов. Асташев связывал Владимирскую группу с Ковровским районом. Имея возможность бывать во Владимире по поручениям управы и, пользуясь поблажками секретаря управы либерала Егорова, Григорий Алексеевич всякий раз, когда это требовалось, приезжал к нам. Тов. Асташев был не только активистом по Коврову, но и одним из первых организаторов с.-д. работы в Ковровском районе. Получаемая им во Владимире литература проникала как в Ковровские железно-дорожные мастерские и Треумовскую фабрику в самом городе, так

---

[31]) Григорий Алексеевич Асташев — сын крестьянина Ковровского уезда; начав революционную работу в Ковровском уезде, он продолжал ее в Сормове и Москве; не раз подвергался обыскам, арестам и был в ссылке. В марте-апреле 1906 г. сидел во Владимирской тюрьме по Ковровскому делу.

и в деревню, особенно в волости: Великовскую, Бельковскую и частью в Филяндинскую, где для Асташева зацепкой послужили его земляческие связи[32]).

Владимирской группой была налажена связь с г. Александровом, которую поддерживал непосредственно П. Ф. Леонтьев; по Владимиру была связь с учащимися; литература проникала также и к железнодорожникам.

Намеченные с А. А. Ванновским планы были разрушены провалом 8 (21) декабря 1903 г. типографии и ареста самого Ванновского в Ярославле.

Любопытна история провала. А. А. Ванновский переконспирировал. Для типографии им был снят небольшой домик, стоявший на самом краю города, в черте уже уезда. Домик состоял из двух помещений. В одном из них жил Ванновский и работавшие с ним его жена[33]) и еще два товарища. На другой половине домика происходила работа типографии. Товарищи настолько отгородились от окружающего, что избегали пользоваться услугами посторонних и не впускали никого в помещение, вплоть до водовоза. И вот среди соседей-обывателей поползли всякие слухи на счет таинственного домика, вплоть до того, что здесь, де, проживают фальшивомонетчики. Слухи дошли до полицейского урядника. Последний, желая отличиться, не доводя до сведения своего высшего начальства, нагрянул с обыском и обнаружил здесь станок, но только не для фальшивой монеты. Усердие урядника послужило тому, что на самой организации этот налет никак не сказался: нитей, связывающих типографию с центром организации, благодаря

---

[32]) Связь Владимирской групп РСДРП с Г. А. Асташевым была установлена через П. Ф. Леонтьева, который до раскола в редакции принимал участие во «Владимирской Газете», куда не раз наведывался Г. А. Асташев.

[33]) Вера Владимировна Ванновская (урожд. Яковлева) работала в нелегальных типографиях в Пскове и Ярославле, была арестована вместе с другими в декабре 1903 г. и привлекалась по делу типографии «Северного Комитета РСДРП». Просидела в тюрьме больше года и по болезни была выпущена под залог в 2000 руб. 21 x (3/xi) 1905 г. дело было прекращено (В. Невский—«Материалы для биографического словаря социал-демократов», стр. 122).

Группа товарищей, ведших социал-демократическую работу в Ковровском уезде в 1903 году (слева на право): А. И. НОСКОВ, А. И. ВИНОКУРОВ и Григорий Алексеевич АСТАШЕВ.

промаху урядника, ухватить не удалось. За свой „подвиг“ не в меру расторопный урядник получил нахлобучку от своего начальства.

О провале ярославской типографии в „Искре“[34]) была помещена следующая корреспонденция (приводим с небольшим сокращением):

„В декабре за Костроплью взята типография „Северного Комитета“, при ней четыре человека. Захвачено три тысячи экземпляров отпечатанного № 3 „Листка“... Типография просуществовала полгода. По городу много разговоров об этой победе жандармов, доставшейся им совершенно случайно. Говорят, что взята она по доносу, или даже простой болтовне обывателей, обративших внимание на обитателей со странным образом жизни... За последние месяцы „Север. Комитетом“ отпечатано было в своей типографии и распространено более 12 тысяч экземпляров разных произведений... Кроме того, в разное время по району распространялись письма к рабочим о государственном устройстве (издание бывшей революционно-соц.-дем. организации „Воля“). За последнее время по району распространены в большом количестве извещения ЦК о с‘езде, речь Гольдмана, брошюра Дикштейна „Кто чем живет“. После ареста типографии „Сев. Комитетом“ выпущено воззвание „Ко всем“.

Жандармы свирепствовали во-всю, понаехали из Питера и Москвы, появились какие-то новые шпики, должно быть, из разряда кочующих, специально для ловли нелегальных. Без обыска или ареста не обходится ни одна неделя[35]).

---

[34]) № 56 от 1/I—1904 г.

[35]) В делах Владимир. губ. жандарм. управления за 1903 г. имеется предложение Ярославского жанд. управления допросить, в качестве свидетеля, Андрея Никифоровича Андреева (партпрофессионал, направленный «Сев. Комитетом РСДРП» в Иваново-Вознесенск летом 1903 г., арестованный в Иванове и сидевший в это время во Владимирской тюрьме) по следующим пунктам:

„1) что ему известно о существовании сообщества, именующегося „Северный Комитет РСДРП“ и его типографии, обнаруженной в Ярославле, а также кто члены этого сообщества;

2) откуда им взяты „Листки Северного Комитета“, „Вопросные листки Северного Комитета“ и др. нелегальные издания, обнаруженные у него при обыске;

После провала Ванновского, в Москву ко мне заявился т. Глазенап, молодой инженер, в то время работавший в Ярославле по постройке ж.-д. ветки „Вологда-Вятка". Глазенап приехал уже на квартиру студента Боброва[36]), чьим адресом я пользовался лишь для переписки с „Северным Комитетом". Здесь либо была проявлена предосторожность со стороны ярославских комитетчиков, либо это говорило об утрате ими моего квартирного адреса вместе с арестом Ванновского. Глазенап сообщил мне о провале ярославской типографии и аресте Ванновского. Кроме того, он передал мне предложение „Северного Комитета" приехать в Ярославль.

17 (30) декабря[37]) я выехал в Ярославль, остановился на квартире Глазенапа и здесь же имел свидание с тов. Александром Митрофановичем Стопани и еще другим товарищем из комитета, фамилию которого я до сих пор не могу установить. Беседа шла относительно условий и перспектив развертывания соц.-дем. работы во Владимире. Уезжая из Ярославля, я на вокзале столкнулся с А. Ф. Дюбюком, присланным из Владимира выяснить причины прерванной связи[38]).

---

3) что свидетелю известно о политической деятельности Санжура и какое отношение имеет последний к сообществу „Северный Комитет";

4) знает-ли свидетель: Михаила Латкина, Владимира Мещерина, Елену Латкину, Зинаиду Меленевскую, Ивана Сосновского, Александра Ванновского, Валентину Латкину, Веру Ванновскую, Юлию Воровскую, Ивана Лузина и супругов Ипполита (тов. „Пчела", старый большевик, специалист по подпольной технике *Ф. Б.*) и Неонилу Рябковых, в утвердительном смысле — где, когда и при каких обстоятельствах он с ними познакомился, в каких отношениях они между собою, каковы их политические убеждения и деятельность в этом направлении и в каких отношениях состоит с ними сам свидетель".

[36]) Владимир Андреевич Бобров — мой товарищ по Владимирской гимназии, в то время увлекавшийся малость толстовством, но оказавший мне услугу, думается, не по заповеди „непротивления злу", а в силу приятельских отношений.

[37]) Дату удалось восстановить по сохранившейся личной моей переписке с Е. Г. Смышляевой: уцелела открытка со штемпелем вагона Сев. ж. д.

[38]) Для сношений с „Северным Комитетом" в Ярославле использовались—общественная библиотека и редакция газеты „Северный Край". И лишь при первой поездке из Владимира

Моя поездка в Ярославль совпала с зимними каникулами. Переезд от Ярославля до Владимира сопровождался маленьким казусом. В Иваново-Вознесенске в мой вагон ввалились земляки — „аньваши“[39]), направляющиеся также в „Губернию“ (Владимир), а, стало быть, кто-нибудь из них мог навестить на другой день моего старика отца. Зная о том, что я обучался в Москве, мои спутники были очень изумлены, каким образом мой путь из Москвы на „святки“ к „родителям“ лежит через Ярославль и Иваново-Вознесенск. Мне тут-же пришлось фантазировать про проводы товарищей-молодоженов и еще что-то в этом роде.

Александр Федорович Дюбюк, вернувшись из Ярославля, заявил, что Комитет ставит вопрос о раз'ездном организаторе[40]).

Владимирцы усиленно готовились к предстоящей январской конференции в Ярославле. П. Ф. Леонтьев разработал картограмму (сказался статистик) района, с нанесением на нее промышленных пунктов, линий связи между ними и некоторыми цифровыми данными.

Вспоминается за это время одно из совещаний, на котором мы с Павлом Федоровичем подискутировали (не помню уже на какую тему, что-то по оргличии) и в результате горячей дискуссии не прочь были поехать оба тут-же в Ярославль.

в Ярославль в ноябре 1903 г. Е. Г. Смышляевой, она была направлена П. Ф. Леонтьевым на квартиру А. М. Стопани. Леонтьев еще раньше был лично знаком с „Митронычем“, как мы тогда звали А. М. Стопани.

Адрес для писем из Ярославля во Владимир был предоставлен нашей владимирской группе Василием Матвеевичем Соколовым, завед. страховым отделом губ. земской управы (впоследствии умер в Саратове).

[39]) Родина моя—с. Аньково, тогда Юрьев-Польского уезда, Владимирской губернии, теперь—Тейковского уезда, Иваново-Вознесенской губернии.

[40]) Парой дней позднее приехал К. М. Мигачев, проездом к себе остановился, как всегда, в номерах Васильева, где останавливались судогодцы. За привезенной им литературой пошли мы с Е. Г. Смышляевой. Прокламации Костя аккуратно упаковал в виде сыра. Шли мы неторопливо назад «Шалапаевкой», как бы прогуливаясь с покупками, и соображали, а что, ежели-б этот сыр да попал на зубок полицейских «ищеек»,—далеко-б можно было продлить нашу прогулку...

Он мне мрачно бросает: „Я еду завтра в Ярославль“. „И я еду—отвечаю—в Ярославль“.

Павел Федорович — человек темпераментный — встает к окну и всматривается в темнеющую даль. Короткая пауза. И... оборачиваясь ко мне: „Давай, Аркадьич, мириться“. Помирились. А я было уже намеревался стянуть к себе подмогу—кликнуть А. Ф. Дюбюка и Костю Мигачева.

Не смогу вспомнить — почему, но связь Владимира с „Северным Комитетом“ в конце января или начале февраля 1904 г. порвалась, и лишь через некоторый промежуток времени во Владимир из Ярославля приезжал один товарищ[41]). На „Монблане“ было устроено совещание (Леонтьев, Мигачев, А. Дюбюк, Смышляева и я); однако, после от'езда этого товарища, результатов никаких из центра („Северного Комитета“) не последовало. Может быть, наша группка новичков в деле не произвела на „посланника“ „Северного Комитета“ должного впечатления. К тому же участники группы, исключая Леонтьева, вскоре переселились в Москву и группа кончила свое кратковременное существование.

Была попытка восстановить работу группы летом 1904 г. На квартире моего отца (Малая Мещанская, д. Осиповой, вверху) мы собрались в составе: П. Ф. Леонтьев, А. Ф. Дюбюк, К. М. Мигачев, я и новенький среди нас—М. А Благоволин[42]); Смышляева в это время уезжала в Нижний.

---

[41]) В форме инженера, брюнет. По подсказу т. В. Н. Миролюбова, это мог быть Златкин, быв. студент Киевского политехникума, работавший в начале 1904 г. профессионалом в «Сев. Комитете» под кличкой «Николай Михайлович». Златкин после революции был разоблачен в Москве, как провокатор.

[42]) Михаил Алексеевич Благоволин учился во Владимирской семинарии. В 1904 г. отбывал воинскую повинность во Владимире в 10 гренадерском малороссийском полку вольноопределяющимся; в 1905 г.—прапорщик одного из полков, стоявших в Ярославле. Осенью 1906 г. поступил в Казанский Университет на юридический факультет; участвовал в работе местной соц.-дем. организации под кличкой «Юрий». В июне 1907 г. был арестован, одновременно со своим братом Александром (студент ветеринарного института) и выслан на 3 года в Сольвычегодск. Весной 1908 г. ссылка была (по болезни) заменена высылкой за границу. При денежной поддержке ярославских товарищей и Аделаиды Робертовны Дюбюк (мать Е. Ф. и А. Ф.

На этом совещании предполагалось наладить периферийную связь, организовать в самом Владимире кружки для агитационно-пропагандистской работы, используя для кружковых занятий двух Юрьевских (дерптских) студентов — Архангельского и Лебедева. Эти студенты, с которыми мне было поручено вести переговоры, пред'явили претензию на вхождение в группу, в противном случае отказываясь работать. На этом же совещании решено было выпустить, в связи с японской войной, прокламацию, составление которой поручалось единственному среди нас литератору — П. Ф. Леонтьеву. Припоминается суждение наше относительно наименования нашей Владимирской группы.

Однако, на этот раз дело не пошло, и лишь в ноябре 1904 г. возвращавшийся из ссылки Е. Ф. Дюбюк по дороге навестил ярославцев, встретился здесь (помимо тов. Дидрикиль[43]) и других, с кем он работал здесь в 1901—1902 г.) с тов. Подвойским и завязал с ярославцами связь на предмет восстановления работы Владимирской группы.

Тов. Н. Подвойский так характеризует состояние Ярославской организации в это время: „конец 1904 г. для Ярославской организации проходил в оживлении связи с соседними организациями. Со времени разгрома „Северного Союза“ в 1902 г. все соседние к Ярославлю организации не переставали в той или иной мере тяготеть к Ярославлю. Иваново-Вознесенск, Кострома, Вологда, Тверь, Владимир в 1903—4 г.г. обменивались информацией, по большей части

Дюбюк, проживавшая во Владимире) Благоволин выехал в Италию. В декабре 1908 г. он переселился в Вену, а в июне 1909 г. вернулся в Россию. По окончании в 1912 г. Ярославского Демидовского лицея, работал по страховому делу во Владим. земстве. В 1914 г. был мобилизован. В настоящее время работает юрисконсультом на Казанской жел. дороге.

[43]) О работе сестер Дидрикиль—Антонины (она же Нина), Марии и Ольги — см. в книге Ц. С. Бобровской-Зеликсон — «Записки рядового подпольщика», в очерке О. А. Варенцовой — «Северный Рабочий Союз» и в книге В. Невского—«Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в Российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г.», выпуск I-й, Петроградское Бюро Истпарта, ГИЗ, 1923 г., Петроград, стр. 244—246.

устной, иногда литературой, а иногда и работниками. Последними они обменивались, главным образом, в тех случаях, когда надо было заметать следы того или иного подпольного товарища"[44]).

С приездом во Владимир Е. Ф. Дюбюка работа пошла, хотя первое время и кустарно. Помимо прежде названных лиц, в работу был втянут Сергей Михайлович Воронинский, быв. студент Ярославского лицея, поступивший летом 1904 г. на службу во Владимирскую Казенную палату.

За этот период следует упомянуть выпуск на гектографе нескольких прокламаций. Хорошо помню одну прокламацию, в оригинале зачитанную мне Дюбюком (автором ее был Воронинский); две прокламации были составлены самим Е. Ф. — одна из них по текущему моменту, другая — на новый 1905 г.

Дюбюк был большой мастер писать прокламации и писал их красивым, выдержанным стилем.

После 9 января 1905 г. Дюбюком было устроено широкое собрание, с участием местной радикальствующей публики, посвященное событиям в Питере. Еще раньше он прочел два реферата на темы: „О конституциях" и „Революционное движение от декабристов до Нечаева".

В конце января или начале февраля во Владимир приехал к своим товарищам по Ярославскому лицею— Воронинскому и Толмачевскому[45]) — Владимир Николаевич Миролюбов. До этого Миролюбов с осени 1904 г. работал в Рыбинске, в качестве профессионала от „Северного Комитета". Владимирцы уговорили Миролюбова остаться на работе во Владимирском районе, пристроив его в Коврове в качестве исполняющего обязанности секретаря уездной земской управы.

---

[44]) «Под Ленинским знаменем»,—ежемесячный журнал Ярославского Губкома РКП (б), № 11 за 1925 г., Н. Подвойский— «Несколько отрывков о 1905 г. в Ярославле».

[45]) Воронинский и Толмачевский в то время жили в номерах Гусева у вокзала, позднее (летом) жили тоже в номерах, кажется, Седова (или рядом).

Миролюбов уехал в Ковров, увозя с собой из Владимира напечатанные на гектографе прокламации[46]).

В Коврове В. Н. Миролюбов вел работу в двух кружках: в Ковровских жел.-дор. мастерских и на фабрике Треумова, человек по 8 в каждом.

По словам Миролюбова, кружок железнодорожников собирался на квартире Андрея Ивановича Иванова почти каждую субботу и шаг за шагом к маю месяцу подошел к истории развития капитализма. Среди членов кружка В. Н. называет самого А. И. Иванова и двух Буйдиновых — отца и сына. Кружок рабочих Треумовской фабрики собирался в какой-то городской квартире, кажется, у Лютова („в соседней комнате, — вспоминает В. Н. Миролюбов, — всегда сидели две женщины и внимательно слушали наши беседы; потом эти женщины сослужили нам хорошую службу при разбрасывании прокламаций“).

„Техника“ у владимирцев в то время была самая примитивная. Для каждого отдельного случая варился гектограф. Печатали и на квартире Воронинского, и на нашей с Е. Г. Смышляевой квартире (Солдатская слобода, Тюремная улица, дом Архангельских). Были случаи печатания у К. М. Мигачева, в с. Павловском (район Мызина), Судогодского уезда[47]).

---

[46]) Текст прокламации был составлен самим Миролюбовым и просмотрен Е. Ф. Дюбюком.

О выпуске и распространении во Владимирском районе зимой 1904-5 г. г. прокламаций имеются следующие указания: 1) в № 86 от 3/II 1905 г. «Искры» в двух корреспонденциях; 2) в секретном донесении товарища прокурора из Коврова от 18 января 1905 г. (см. «Рабочее движение и соц.-дем. работа во Владимирской губернии в 900-х годах», выпуск II-й, стр. 213—215), где говорится о прокламации издания «Владимирского соц.-дем. комитета»; 3) в № 13 газеты «Вперед» за 5/IV (23/III) 1905 г., в перечне поступивших в редакцию изданий имеется листок «Владимирской соц.-дем. организации» — «К приказчикам».

[47]) О районе Мызина в № 43 «Искры» от 1/VII 1903 г. помещено следующее сообщение: «В апреле в с. Мызино, Судогодского уезда, наезжали жандармы, производили у крестьян повальные обыски и отбирали нелегальную литературу; арестовали двух крестьян, но через несколько дней выпустили. Один рабочий арестован на Уршельском стеклянном заводе».

По части варки гектографа „искусным химиком“ был мой брат, студент - естественник, Александр Аркадьевич Благонравов[48]).

Е. Ф. Дюбюк вспоминает совместное с ним гектографирование в квартире моего отца, где жил брат Александр. Припоминается случай участия брата в написании трафаретки втроем (Александр, моя жена и я) по очереди (у нас,

Владимир Николаевич
МИРОЛЮБОВ.

в Солдатской), должно быть, то была перепечатка, потому что местные оригинальные прокламации писались короче. У Александра был крупный четкий почерк, а писать приходилось „уставным“ (печатным) шрифтом. Глицерин для составления гектографа покупался мелкими порциями по разным аптекам и аптекарским магазинам. Побольше можно было брать в аптекарском магазине Чернышева, где продавщицей была какая-то старушка.

---

[48]) Умер в 1919 г. во Владимире членом РКП (б). Об нем упоминает в своих „записках“ т. Бобровская-Зеликсон (часть 2-я, стр. 12). В то время А. Благонравов не входил в организацию, почему в очерке тов. А. С. Самохвалова (2-й сборник Влад. Истпарта) на стр. 271 он назван „добровольным“ техником.

К весне 1905 г. Е. Ф. Дюбюк получил место в Саратове и 21 марта (3 апр.) выехал туда. На пасхальной неделе Е. Ф. приезжал во Владимир за семьей.

В середине апреля 1905 г., по инициативе Евгения Федоровича, в квартире Леонтьева (Малая Мещанская, д. Булгакова, тот, что рядом с домом Надеждиной, кв. кверху) было созвано собрание Владимирских социал-демократов, на котором присутствовали: Е. Ф. Дюбюк, П. Ф. Леонтьев, Николай Иванович Воробьев (земский статистик), С. М. Воронинский, я и как будто бы (не уверен), Леонид Львович Толмачевский (страховик).

На этом собрании был сконструирован Владимирский Комитет РСДРП. Секретарствование и хранение „казны" было поручено Н. И. Воробьеву. Воронинскому поручалось сладить пропагандистскую коллегию из студенческой молодежи. Мне Дюбюк предложил, зная мою свирепую конспиративность, держать связь между Комитетом и „техникой".

Постановка „техники" мыслилась серьезной. Из конспиративных соображений, местом ее пребывания взяли не Владимир, а Муром. Для работы в типографии Е. Ф. привлек некоего товарища Иоганна Кронберг[49]). Для оборудования типографии нам пришлось прибегнуть к позаимствованию чужих средств. Была договоренность (у Дюбюка) с группой крестьянских социалистов, что за „заем" от них мы выполним им определенный заказ. Деньги от них получали через присяжного поверенного Н. М. Порданского. Мы выкачали из этого источника немалую сумму, если не ошибаюсь, так, примерно, до 500 рублей.

С организацией „техники" вышла неудача. В целях конспирации, тов. Кронберг создал сложную обстановку, требовавшую больших затрат, при чем, возможно, не предусматривая „сметы", он не вполне строго учитывал „расходную" ее „часть".

Для большего законспирирования „техники" было задумано открыть фотографию в Муроме. Тов. Кронберг, его жена и брат (Карл?), предопределенные на работу в типографии, были знакомы с фотографским делом.

[49]) Кронберг явился к Дюбюку с личным письмом от Петра Карловича Рено (московский эсдек).

Сняли подобающую квартиру, выправили соответствующее разрешение; пущена была необходимая реклама, завязаны деловые связи, вплоть до знакомства с „господином исправником“, которого „владелец фотографии“ должен был и коньяком угостить, и портрет поясной с него заснять. Пока все это устраивали, пока раздобывался шрифт, типографские части[50]),—время шло, деньги таяли. Новый заем—у Кости Мигачева—также был исчерпан, в собственной кассе, натурально, были гроши.

„Комитетчики“, не привыкшие к таким „оборотам“, начали нервничать. В Муром специально был командирован В. Н. Миролюбов, перебравшийся в июне во Владимир[51]).

---

[50]) В конце апреля ст. ст., по словам В. Н. Миролюбова и Н. В. Деева, Кронберг приезжал в Ковров раздобывать металлические части для установки техники.

В поисках шрифта мы обратились, между прочим, за содействием к Гр. Ал. Асташеву, перебравшемуся к тому времени для работы в Сормово. Шрифт, правда, не был получен оттуда, но сначала обещан. Когда встал вопрос о перевозке шрифта в Муром из Сормова, то сормовичи были изумлены, что мы располагаем товарищем, который берется ношу в пять пудов перетянуть в Муром без посторонних услуг: брат Кронберга был, действительно, большой силач. А ведь было чрезвычайно важно, чтоб не навлечь подозрения при переправе шрифта, скрыть тяжесть груза. При малых размерах упаковки, большие, легко заметные стороннему взору, усилия при переноске шрифта обращали бы внимание; переноска же компанией также была неконспиративна.

[51]) Миролюбов вынужден был покинуть Ковров, за невозможностью остаться там на работе, поскольку он уже примелькался в сравнительно маленьком городке. К тому же управой было получено предложение губернатора убрать со службы „Любомудрова“. Лица с фамилией „Любомудров“ среди сотрудников ковровской управы тогда не было. Здесь произошла ошибка, которую повторяет в однодневной юбилейной газете «Большевик», выпущенной 20 декабря 1925 г. ковровским Укомом РКП (б), т. Е. Буйдинов. Инициалы „Н. Н.“ при этом в статье т. Буйдинова надо читать „Николай Николаевич“—кличка по Коврову Вл. Ник. Миролюбова.

Кстати сказать, кто-то из историков северных организаций отмечает, что в тот период для Ярославля и Костромы кличка «Николай Николаевич» была ходкой, часто употреблявшейся, что может сейчас составлять затруднения и порождать такие

Влад. Ник. убедился, что расходы на технику были не соотносительны „бюджету“, не всегда, быть может, выдержаны, поругался с „техниками“ и привез нам печальный доклад.

Было созвано заседание Владимирского Комитета на квартире Н. И. Воробьева (Студеная гора, угольный, белый, каменный дом против кузницы, при повороте в „Сосенки“, квартира во втором этаже). В заседании участвовали: Воробьев, Миролюбов, Воронинский, приехавший в отпуск Е. Ф. Дюбюк, я и Роза Самойловна Зеликсон. Тов. Зеликсон находила, что у нас ничего с типографией не выйдет и категорически предложила ликвидировать муромскую попытку. Я был другого мнения и полагал, что необходимо изыскать всяческие средства, чтобы закончить предприятие, на которое были уже затрачены большие деньги, и которое, несомненно, сыграло бы для организации громадную роль. Кроме того, поскольку связь с Кронбергом дано было держать преимущественно мне, я ощущал особую досаду, хотя в последнее время Кронберг, бывая во Владимире, сносился уже и с другими товарищами (Воронинским, Воробьевым, Миролюбовым). Большинство склонилось к мнению т. Розы Зеликсон. Е. Ф. Дюбюк поставил вопрос о возмещении позаимствованных нами на стороне денег, и тут мы дали „моральное“ обязательство, при возможности, со всеми нашими кредиторами расквитаться, но этой возможности ни тогда, ни после, до сего дня, никому из нас, ни вкупе, ни в отдельности, конечно, не представилось[52]).

Вспоминаю опять маленькие эпизодики.

В один из приездов Кронберга ко мне во Владимир с добытыми частями „техники“, мы с ним улеглись на полу (дело было в доме Архангельских); он рассказывал о всяких случайностях революционного быта (Кронберг был любитель рассказывать и петь, хотя у него не было ни голоса, ни

ошибки, подобные той, какая получилась в брошюре тов. И. В. Осьмова о Гусевской организации (на стр. 16), где тов. „Борис“ (А. И. Асаткин) спутан с покойным «Борисом»—В. А. Носковым.

[52]) Пару слов о т. Кронберге. Иоганн Кронберг, или, как мы его по-русски окрестили, „Иван Федорович“, иногда называя наоборот—«Федор Иванович», - родом латыш, старый партийный работник, работавший в ряде подпольных типографий. Во Владимир попал только что отбывши ссылку в Вятской губернии.

слуха; чаще всего он напевал — „Слезами залит мир безбрежный, вся наша жизнь тяжелый труд“). Вдруг слышим стук в дверь крыльца. Открываем дверь в сени, спрашиваем — никто не откликается. Ложимся. Снова стук. Тогда один из нас берет типографские принадлежности и отправляется в уборную, с тем, чтобы в случае возможного посещения „гостей“, забросить их, другой же открывает наружную дверь. Что-же оказывается? Наш старый громадный пес „Волчек“, расположившись на крылечке около самой двери, время от времени занимался „туалетом“ и энергично изгонял из своей шерсти блох, движениями толкая дверь; слыша же наш оклик — голос хозяина, — „Волчек“ прерывал свое занятие. Тот же „Волчек“ однажды причинил беспокойство Павлу Ивановичу Лебедеву, увязавшись за ним при разбросе прокламаций; насилу отделался от „Волчка“ П. И., заперев его в каком-то дворе. После наша публика подшучивала над П. И. по поводу „контроля“ со стороны „Волчка“.

Вскоре после апрельского заседания Комитета во Владимир, по личной явке не то к Н. И. Воробьеву, не то к П. Ф. Леонтьеву, приехал тов. Александр Степанович Самохвалов[53]).

---

[53]) Александр Степанович Самохвалов родился в 1886 г. в дер. Цепелево, Копнинской вол., Покровского уезда, Владимирской губернии. Окончил 3-хлетнюю земскую школу. Работал в Н.-Новгороде, в конторе «Нижегородского листка», где впервые познакомился с марксизмом. Как своих первых учителей по Нижнему, Самохвалов называет студента Никольского (марксист) и Николаева (народоволец). 1905 год Александр Степанович работает во Владимире, затем в Иванове-Вознесенске и снова во Владимире, вплоть до своего ареста в октябре-ноябре 1907 г., и принимает участие в с.-д. работе. В марте 1908 г. выслан под надзор полиции в Н.-Новгород, а осенью 1910 г. судом Московской судебной палаты во Владимире приговорен к 1 году крепости, которую отбывал в Нижегородской тюрьме. По выходе из тюрьмы работал снова в «Нижегородском листке». С конца 1914 года записался слушателем в местный Народный Университет и кончил его по литературному отделению. После Октябрьской революции занимал ряд ответственных партийных и советских должностей. С 1926 г. работает в качестве зам. председателя Комитета по делам печати (в Москве); в декабре того же года избран членом Владимирской ГКК ВКП(б).

Первая моя встреча и знакомство с ним (помню, знакомил нас П. Ф. Леонтьев) произошла на каком-то довольно людном собрании в квартире, кажется, Аркадия Васильевича Смирнова (он жил тогда еще в Солдатской слободе, вблизи кузниц, в д. Надеждиных). Передо мной стоял совсем молодой паренек, но с угрюмо суровым взглядом, невысокого роста, в длинном сюртуке. Его внешний вид дал повод окрестить А. С. кличкой „Малыш", измененный затем в „Малец", обе из каковых он, сдается, не долюбливал. В товарищеской среде „Степаныч" оказался вовсе не „свирепым", как это представлялось с первого взгляда.

А. С. Самохвалов был приобщен к нашей группе, но вскоре оставил Владимир, успев, впрочем, кажется, побывать до своего от'езда в Коврове (на 1-е мая, совместно с Сергеем Владимировичем Любимовым — „Кудрявым").

12 (25) мая началась известная стачка иваново-вознесенских ткачей и Самохвалов был командирован туда после обращения иваново-вознесенской организации о подкреплении[54]).

Самохвалов, при посредстве Леонтьева, сотрудничавшего в ярославской газете „Северный Край" (одно время имевший соц.-дем. оттенок), пристроился в Иванове в качестве агента этой газеты и открыл „контору"[55]).

---

[54]) В юбилейном сборнике Иваново-Вознесенского Истпарта — «1905-й год в Иваново-Вознесенском районе» об А. С. Самохвалове («Рядовой») упоминается на стр. 78, 88, 106, 150, 261, 268, 272, 273, 279.

[55]) А. С. Самохвалов, сотрудничая в газетах, подписывался псевдонимом «Салов». Этот псевдоним, переплетаясь, вдобавок, видимо, с владимирской кличкой Самохвалова «Малыш-Малец», — в отдельные воспоминания ивановцев внес путаницу. В Иванове, как я слышал, был другой участник организации из местной публики, с настоящей фамилией Салов. И вот в одном месте Иваново-Вознесенск. сборника «1905 г. в Иваново-Вознесенском районе» мы наталкиваемся на фамилию «Салов» с иными инициалами, но сопровождаемую (в скобках) кличкой «Рядовой» и замечаниями дальше, что этот Салов был меньшевиком; в другом месте читаем «А. С. Салов» — *кличка* «Меньшевик», — явная, по моему, перелицовка владимирской клички «Малыш-Малец».

Тов. А. С. Самохвалов проявил себя в Иванове не только как агитатор, но и как боевик, вступив в ряды боевой дружины в тяжелые и тревожные для Иванова дни октября 1905 г. По поручению ивановцев, он приезжал

Александр Степанович
САМОХВАЛОВ.

дважды во Владимир покупать оружие. Летом ему удалось кое-что приобрести, в частности — „из-под-полы“ в оружейной лавочке (кажется, Николаева, на Большой улице, под рестораном Чернецова). Второй раз А. С. приезжал во Владимир как раз в октябрьские дни 1905 г. Раздобыв все, что можно было достать во Владимире, погрузив револьверы в наволочку и кулечек, сопровождаемый Глафирой Дмитриевной Цепелевой, А. С. отправился на вокзал и благополучно доставил рискованный груз в Иваново[56]).

[56]) П. Ф. Леонтьев передает не лишенную интереса историйку. Приезд А. С. Самохвалова совпал с днями погрома во Владимире. А. С. остановился у Леонтьева (где в то время квартировала Г. Д. Цепелева). Леонтьев, ожидая возможного разгрома черной

Летом 1905 года во Владимире был проведен ряд докладов на массовых собраниях, приезжали лектора как от социал-демократов, так и от эсеров, и от кадетов.

Из социал-демократов были т. т. М. Н. Покровский (в кв. Н. И. Воробьева) и дважды Н. А. Рожков (один раз в кв. Гвоздецкого); у с.-р.—их знаменитость —„Непобедимый“ — Бунаков (в кв. кадета доктора Головачева) и Новоторжский (в кв. Шагановых); у кадетов—Милюков (в кв. Булыгина) и др. Оппонентами с нашей стороны выпускались: Н. И. Воробьев (как знаток аграрного вопроса), Семен Серговский, студент Рождественский (из Орехова, случайно попавший на доклад) и др.

Вспоминаю собрание у Воробьева. Пустырь позади квартиры. Мих. Ник. Покровский и перед ним амфитеатром публика. „Нагорная проповедь“,— шутливо бросает кто-то. Накрапывает дождь, перебираемся в помещение. Тесненько, жарковато,—публики набилось, как сельдей в бочку. Присяжный оппонент от к. д. — статистик (он же прис. пов.) Алексей Васильевич Смирнов, отирая платком свою огненную шевелюру, развивает красноречие. В ответ несется тонкая, беспощадная ирония Мих. Ник. Покровского.

В состав пропагандистской коллегии летом 1905 года входили: С. М. Воронинский, Александр Иванович Морозов, тогда Юрьевский (дерптский), а впоследствии Московский студент-историк, Питерский студент-технолог Владимир Викторович Свирский – „Вадим“ (сын старшего фабричного инспектора), Павел Павлович Сизов (студент Моск. ВТУ),

---

сотней и его квартиры, переправил семью в более надежное место к знакомым, а сам (вооруженный «бульдожкой») с Самохваловым, у которого было охотничье ружье, заночевали в квартире, решив в случае нападения защищаться. Но утомленные, видимо, событиями дня, «вооруженные стражи» в ожидании нападения мирно заснули, забыв закрыть наружную дверь, и при том так крепко спали, что явившийся утром водовоз вошел в квартиру, преспокойно слил воду и незамеченным также удалился. Только пришедшая некоторое время спустя домой жена Павла Федоровича разбудила «вояк».

и, как будто бы, Иван Васильевич Архангельский (студент-юрист Юрьевского (дерптского) университета). Собирались на кв. Сизовых (Б. Дворянская улица, дом Федоровских).

Кружки начали возникать несколько раньше. Один из первых известных мне организаторов кружка печатников был типограф Ландо, из типографии Коиля, поступивший впоследствии на военную службу[57]). Была в то время уже связь с солдатами, занятия с которыми вел Валентин Альфонсович Черневский. Этот кружок собирался за городом, в кустах за Ямской слободой, и в помещении под костелом.

Относительно работы пропагандистской коллегии П. П. Сизов рассказывает, что им был обработан материал, полученный от Е. Ф. Дюбюк, на тему о декабристах; приготовлена была также тема о крепостном праве. Сизов должен был читать семинаристам у кого-то на Троицкой улице, но занятия там, кажется, расклеились.

Сергей Васильевич Дегтярев, при содействии т. Харламова, имел дело с приказчиками[58]).

Осенью 1905 года при руководстве Сергея Васильевича приказчики выпускали свою рукописную газетку.

А. И. Морозов, как утверждает П. Л. Ляхин, занимался с железнодорожниками.

Павел Иванович Лебедев, — студент-медик Юрьевского (дерптского) университета, привлекавшийся при Лифляндском жандармском управлении и высланный под особый надзор

---

[57]) В какую то связь моя память упорно хочет поставить имя Ландо с органистом польского костела. Я знаю, что помещение в костеле использовалось. Но при чем здесь Ландо? Возможно, что использование помещения костела осуществлялось при содействии Ландо, или же помещение предоставлялось органистом для кружка, сорганизованного Ландо. Мне представляется, что с Ландо и органистом мы имели дело за время пребывания Евг. Фед. Дюбюк во Владимире, стало быть, это надо отнести к осени 1904 г. или весне 1905 г.

[58]) Вел ли кружковые занятия, помимо организационной работы у приказчиков, С. В. Дегтярев, не могу сказать. Но насколько помнится мне, работа вообще во Владимире (позднее создания пропаганд. коллегии) одно время поддерживалась, главным образом, Дегтяревым и Воронинским, с большой долей участия в ней А. И. Морозова.

полиции во Владимир, — еще несколько раньше и, мне представляется, сначала по собственной инициативе, вел занятия с учащимися, преимущественно из Мальцевского ремесленного училища, и лишь ближе к осени вплотную подошел к организации[59]).

Ник. Ив. Воробьев привлекался при занятиях с кружками для прочтения отдельных рефератов по аграрному вопросу.

Тов. Роза Самойловна Зеликсон явилась во Владимир с целью быть поближе к сидевшему во Владимирской губернской тюрьме ее брату—Лазарю, арестованному в Иванове[60]). Как профессионал и энергичный человек, — Роза не могла не втянуться в местную с.-д. работу, а войдя в группу, она, как опытный конспиративный работник, естественно заняла в группе руководящее положение.

Через Р. С. Зеликсон во Владимир были вызваны партпрофессионалы братья Серговские. Сначала приехал

---

[59]) Как видно из материалов Владимирского губ. жандарм. управления, летом П. П. Лебедев на некоторое время выезжал к себе на родину в г. Меленки (архив Владим. губ. жанд. упр. за 1905 г., д. № 4).

[60]) Тов. Лазарь Самойлович Зеликсон был задержан 17 (30) января 1905 г. в г. Иваново-Вознесенске при аресте 34 участников стачки на заводе Анонимного О-ва и Калашникова и на ситцевой фабрике Полушина.

Товарищ прокурора после ареста Л. С. Зеликсон доносит своему начальству: «Названный нелегальный, по словам жандармерии, проживал в Иваново-Вознесенске, в своей конспиративной преступной деятельности был неуловим и, ложно называясь среди рабочих «Федором Ивановичем», посещал лишь глубокою ночью противозаконные сборища и собрания и, руководя таковыми, ночевал в разных местах, не имея квартиры. Секретной агентурой выяснено, что он был командирован в Ив.-Вознесенск «Северным Комитетом» для устройства общей забастовки на всех фабриках и заводах Иваново-Вознесенска для выражения сочувствия петербургским рабочим». Дальше в деле о Л. С. Зеликсон имеется следующее сообщение: «В конце января заключенный, находя очень стеснительным для себя положение неизвестного, — открылся и оказался по происхождению мещанином г. Велижа, Витебской губ., Лейзером Шмулевым Зеликсоном». Во Владимире было установлено, что Зеликсон уже привлекался к дознанию

старший из них Семен Михайлович[61]), до этого времени работавший в Костроме и Кинешме под кличкой „Павел“ и принявший у нас кличку „Иван Петрович“ (так звали его на Гусю и в Коврове, — но мы его в своей среде больше звали „Семен“), а вскоре вслед за ним приехал и Алексей Михайлович, работавший у нас под кличкой „Максим“[62]).

Мне пришлось больше встречаться и иметь дело с „Семеном“. Это был очень живой, веселый товарищ, хороший рассказчик. Бывало, на ночевке у нас, он мог без умолка и остроумно часами передавать различные приключения из жизни и работы подполья. Припоминаю его рассказ о выступлении в Коврове на собрании, посвященном памяти 9-го января, где он начал свою речь словами: „Встаньте, обнажите головы, я буду говорить о жертвах 9-го января“. Дежуривший в зале полицейский надзиратель вместе со всеми встал и снял шапку.

при Лифляндском жанд. управлении в 1903 г. Кроме того, по полученным Влад. губ жанд. управлением сведениям, Зеликсон, «под именем Фурмака, был задержан 2 (15) ноября 1904 г. в усадьбе Жирославле, Костромской губ., вместе с бывшим студентом Юрьевского Университета Серговским, считавшимся одним из главных руководителей местного преступного сообщества, но был освобожден по недостаточности данных, уличающих его в участии в этом сообществе» (Н. Малицкий—«Рабочее движение во Владим. губернии в 1905 г.»—«Труды Влад. губ. научного общества по изучению местного края», вып. III, Владимир, 1922 г.).

[61]) Семен Михайлович Серговский учился в тверской семинарии и после—в Юрьевском университете. В Юрьеве (Дерптском) он был привлечен Лифляндским губернским жандармским управлением к дознанию, в качестве обвиняемого, в преступлении, предусмотренном 250 ст., и отдан под особый надзор полиции. Революционную работу начал в Твери. В начале мая 1904 года он переселился в Кострому, где выполнял ответственную, фактически руководящую работу в костромской группе «Северного Комитета РСДРП». Осенью 1904 г. он был арестован в Костроме и после освобождения (весной 1905 г.) из тюрьмы перешел на нелегальное положение и работал в Кинешемском районе, а затем во Владимирской губернии.

[62]) О революционной работе бр. Серговских см. «Записки рядового подпольщика» — Ц. С. Зеликсон-Бобровский, работу

„Семен“ заделался раз'ездным организатором. Повидимому, он явился во Владимир в августе месяце 1905 г. Его первый отчет, как ответственного по району организатора, датирован 20/VIII — 27/IX и помещен в центральном органе нашей партии „Пролетарий“ (№ 24 от 7/X (25/IX) 1905 г.). Отчет дает состояние „Владимирской окружной организации“. Следовательно, определенно устанавливается, что в августе—сентябре 1905 г. Владимирская организация существует, как организация окружная[63]), распространяя свою деятельность на районы Владимира, Коврова, Гуся, Мурома и Меленок, с местными группами в названных пунктах[64]).

Одно время „Семен“ работал в Коврове, „Максим“ же большую часть своей работы во Владимирской окружке провел в Муромском и отчасти Меленковском районах.

После неудавшейся истории с типографией в Муроме, я на некоторое время выпал из работы и поэтому не располагаю непосредственно личными воспоминаниями о работе этого периода (конец лета и начало осени 1905 г.). Из рассказов же товарищей, положение дел в окружке в то время не представляется ясным. По воспоминаниям тов. П. И. Лебедева-Полянского, В. А. Черневского и В. Н. Миролюбова,—между приехавшими во Владимир профессионалами (к тому времени вышел из тюрьмы и тов. Лазарь Зеликсон)[65]) и местными работниками происходили некоторые трения,

---

М. А. Растопчиной по Костромскому Истпарту и Костромской сборник о 1905 г.

О работе их во Владимирской организации см. Муромский сборник—«20 лет рабочей организации» и брошюру т. Осьмова о Гусевской организации.

[63]) Утверждение тов. Шляпникова в Муромском сборнике «20 лет рабочей организации» о том, что Владимирская окружная организация возникла позднее — к концу 1905 года, таким образом, уже документально опровергается. Тов. Шляпников с 10/VII по 18/X 1905 г. сидел в тюрьме, не был достаточно в курсе, надо полагать, муромской работы, и теперь, восстанавливая по памяти, невольно впал в очевидную ошибку.

[64]) Отчет С. М. Серговского см. в приложении.

[65]) Л. С. Зеликсон был освобожден на поруки в июле 1905 г. Об аресте и пребывании его во Владимирской тюрьме см. в статье Н. Малицкого—«Рабочее движение во Владимирской губернии

при чем, однако, никак не удается установить суть дела. Тов. Лебедев-Полянский намекает на „умеренность“ группы Зеликсон, считая свою группу более левой, и, наоборот, Черневский вспоминает об упреках, получавшихся владимирцами со стороны приезжих в уклонах вправо; Миролюбов

Лазарь Самойлович
ЗЕЛИКСОН.

говорит о недовольстве вообще со стороны профессионалов местной публикой; Черневский упоминает о приезде из Москвы товарища („Никодима“?) для разбора недоразумений; Миролюбов более определенно указывает уже на совещание

в начале 1905 г.» («Труды Владим. губ. научного общества по изучению местного края», выпуск III, стр. 3-5), и в статье т. Пронина—«Стачечное движение во Влад. губ. в 1900—1907 г.г.» («Рабочее движение и соц.-дем. работа во Влад. губернии в 900-х годах», вып. II, стр. 48, изд. Влад. Истпарта).

с представителем Московского Областного Бюро[66]), на котором участвовали Роза и Лазарь Зеликсон, Семен Серговский и сам Миролюбов и где Миролюбову было предложено выехать на работу в Муром[67]).

Припоминается одно собрание владимирских активистов и содействующих исключительно из интеллигентской братии (в помещении страхового отдела на Никольской ул., в доме Сомова, в п/о., которым заведывал Леонид Львович Толмачевский). Не могу установить даты, но вспоминаю некоторых из присутствующих, в частности,— Дегтярева, мужа и жену Черневских, Н. И. Александрову. Отчетливо вспоминаю, что на этом собрании происходили выборы или перевыборы руководящего коллектива, надо думать, городской группы. Как будто, в состав этой группы вошли: Дегтярев, который то из Черневских, об остальных не могу уже сейчас сказать.

Октябрьская забастовка. Забастовали служащие Контрольной палаты, акцизники, служащие Губернской Земской Управы и др. Снимать с работы по учреждениям ходили: С. В. Дегтярев, В. А. Черневский и П. И. Лебедев. В здании Губернской Земской Управы (против банка), в помещении отдела народного образования, которым заведывал Михаил

---

[66]) Отсюда явствует, что Владимир с этого времени входит уже в круг ведения Московского Областного Бюро. О. А. Варенцова в своей работе о «Северном рабочем Союзе» говорит, что «в июле 1905 года на конференции северных организаций в Костроме «Северный Комитет» был ликвидирован, распался на самостоятельные комитеты—иваново-вознесенский, костромской и ярославский. Движение приняло широкие размеры, местные организации разрослись, окрепли и заявили права на самостоятельное существование. В это время уже функционировал Центральный Комитет партии, избранный на III с'езде, который политически руководил и практически об'единял местные комитеты и «Северный Комитет» уже потерял смысл своего существования».

[67]) В Муроме Миролюбов поселился на квартире Дегтяревых. Через какого-то учителя он связался с учащимися и двумя кружками рабочих—с завода Валенкова и Дмитровской фабрики Захрянина. В городе занятия происходили в каком-то овраге, а в с. Дмитровском — в овине.

Федорович Тихомиров и где также работал Михаил Павлович Андреев[68]) (с которым я здесь едва ли не впервые познакомился), состоялось собрание довольно большой группы земских служащих. На собрании с горячей речью выступил Павел Иванович Лебедев. Во время собрания появился член управы П. П. Булыгин (беллетрист „Русского Богатства") и зачитал телеграмму, полученную им из Петербурга от

Федор Аркадьевич
БЛАГОПРАВОВ.
(Снимок 1902 г., в Бутырской тюрьме).

М. Г. Комиссарова (земец, либеральный член I-й Гос. Думы) об об'явлении конституции. Собрание закончилось пением революционных песен. Решено было вечером устроить митинг.

Вечером, отправляясь на назначенный митинг, я встретился с женой одного из своих сослуживцев и от нее узнал о получении уже манифеста и об организации явочным порядком и с молчаливого согласия губернатора в Дворянском Собрании широкого митинга и об отмене по этому случаю нашего митинга.

---

[68]) М. П. Андреев умер от разрыва сердца в 1924 г. Во Владимир переселился в 1905 г. из Суздаля, а родом муромец. О его работе в Муроме см. Муромский сборник — «20 лет рабочей организации», в частности—статью И. В. Деева.

Митинг открылся под председательством присяжного поверенного В. А. Гвоздева. От либералов выступал Булыгин и, как будто, Юрий Дм. Смирнов; от эсеров—Лившиц (он же Сергеев), по временам гастролировавший во Владимире эсеровский лидер. Выступил и Котлецов, представитель своеобразной платформы, как-то в предвыборную кампанию заявивший, что „вся его партия в его собственном пиджаке". От социал-демократов выступил Лазарь Зеликсон. После его речи на эстраде появился П. И. Лебедев и выкинул красное знамя с надписью —„Долой самодержавие, да здравствует демократическая республика, да здравствует учредительное собрание". Говорить ему не удалось, в зале произошло движение, послышались внушительные окрики, митинг был сорван ввалившимися в зал черносотенцами, которые хлынули на эстраду, чтобы вырвать из рук Лебедева знамя. С трудом пришлось выбираться из собрания. Кстати сказать, припоминается, что с.-д. не предполагали выступления Лебедева и, во всяком случае, целесообразность этого выступления ставили в зависимость от настроения на митинге.

После митинга часть присутствующих двинулась по направлению к тюрьме. По пути домой, мы с женой встретили возле „креста" у Торговых рядов П. В. Архангельского и О. А. Смирнову, которые предупредили нас, что итти дальше не следует, так как впереди у торговых рядов черносотенцы уже начали избиение. Нам пришлось вернуться в Троицкую ул., переждать у Гвоздецких и отправиться домой обходным путем через Базарную площадь. Утром следующего дня я, не имея другого костюма, кроме студенческой формы, был в большом затруднении, так как не мог никуда пойти (жил я тогда в Солдатской слободе, по Часовенной улице, в доме П. А. Лапшина, на окраине города, где не мало проживало черносотенного сброда). Жена отправилась на разведки, а ко мне от Дегтярева заявились только что накануне выпущенные из тюрьмы муромляне — т.т. А. Г. Шляпников, М. П. Лакин, С. А. Гуреев, Вл. Хряпин. Жена принесла сведения о том, что был погром квартиры Гвоздева, в Куткином пер. (теперь Гоголевская улица), Котлецова и по ошибке зацепили было находящееся по близости жандармское управление (на углу Куткина пер.

и Гончаров); на углу Базарной и Никольской, в д. Жукова, громили квартиру страхового инспектора Малиновского.

Черносотенцами был довольно сильно избит возле Банка П. И. Лебедев, спасшийся в помещении Банка; побит был студент „Вася“—Беллонин; еще накануне вечером малость влетело и Шляпникову по пути его из тюрьмы.

Павел Иванович
ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ.

Толпа черносотенцев, с утра подпоенная приставом Дробышевым (в саду д. Лук'янова, на углу спуска к вокзалу), разгуливала по городу, „приветствовала“ „начальника губернии“, толкалась у собора и лишь ночью была разогнана, после того, как принялась за разгром публичных домов на Студеной горе. Воинский отряд, не получая приказа, находился до последнего момента в бездействии, но когда разрешение разогнать было получено, командовавший отрядом Сергей Сергеевич Тержин, капитан Сибирского полка, достаточно энергично и быстро разогнал черную сотню.

И нам, вместе с выпущенными из тюрьмы муромлянами, пришлось испытать несколько неприятных часов. Вечером к нам на квартиру пришел еще Лазарь Зеликсон. Обсуждая события, мы мирно беседовали, как вдруг под окном раздались голоса — „вот здесь живут студенты“. Наш старший мальчуган Валентин как-то сразу потушил лампу. Это еще сильнее привлекло внимание к нашей квартире со стороны подошедших, не то опередивших, не то уже оторвавшихся

от общей массы черносотенцев при разгоне их на Студеной. Надо сказать, что мы были легонько вооружены. Утром, не то в учительском общежитии, не то в управе, собралась часть социал-демократической и эсеровской публики, раздобыли, при содействии эсера Бурдина („Васьки"), несколько револьверов (самого разнообразного калибра и в большинстве плохих систем), и, вооружившись, решили сорганизовать для охраны дружину. Тем не менее, мы сообразили, что выходить на улицу навстречу толпе не целесообразно и, предполагая, что это только головная группа черной сотни, — залегли в корридоре. Тов. Шляпников, тогда разбитной, живой паренек, занимал нас шутками; тов. Лакин делился воспоминаниями об ивановской работе; Лазарь Зеликсон прикурнул по соседству в кухне.

Лишь на рассвете товарищи муромцы окольным путем отправились на вокзал, чтобы поехать в Муром. Я утром направился к соседу слева, упомянутому мной капитану Тержину, где и выслушал рассказ об усмирении им черной сотни[69]). Пришлось снять студенческую форму и переряди́ться в собранный у разных товарищей довольно красочный костюм. Я не расставался месяца два с „Смит и Виссон", хотя надежда на него была плохая. С оглядкой приходилось проходить на службу по закоулкам Солдатской. Мещанство насчет нашей квартиры и квартиры Зеликсон (в доме Архангельских, по Тюремной улице, где раньше жили мы с женой) распространяло всякие были и небылицы, вплоть до нелепой басни, что в доме Архангельской (где на задней хозяйской половине нередко проживали эсерствующие) „в тесто запекают бомбы".

Организованная дружина провела несколько занятий стрельбы за городом. В первые же дни она разослала по квартирам, которым угрожала опасность, „наряды" по два—три человека из молодежи. Должен сознаться, что пара ребят из Мальцевского училища, считавшая своим долгом по вечерам заявляться к нам для охраны, довольно-таки мешала заниматься, а в те дни, как известно, появилось очень много

[69]) Тов. А. Г. Шляпников рассказывает об этом в своих статьях, помещенных в журнале «Пролетарская Революция» и Муромском сборнике.

газет (б-ские: „Новая жизнь“—питерская и „Борьба“—московская, меньшев. — „Начало“ и пр.). Правда, средство выкурить своих „охранителей“ у меня скоро нашлось. Как только надоедали разговоры, я брался за книжку и предлагал заняться чтением. Ребята скорехонько хватались за шапки и покидали нас. Да и особой необходимости в охране квартир,

Алексей Михайлович (слева) и Семен Михайлович (справа) СЕРГОВСКИЕ.
(Партклички: «Максим» и «Павел»).

спустя несколько дней после „конституционного“ погрома, не представлялось. Прошел,—правда, позднее,—слух, что предстоит еврейский погром в один из базарных дней, и наша дружина подтянулась.

К этому времени вернулся из Мурома, чтобы совсем уехать из Владимирских краев в Москву, В. П. Миролюбов и принял участие в дружине. При недавней нашей встрече он рассказал мне одну историйку относительно „храбрости“

отдельных дружинников. Миролюбов, в компании с Толмачевским и С. В. Любимовым, шли ночью по городу. Около „Золотых ворот“ они наткнулись на драку двух извозчиков. Миролюбову вздумалось вступиться за обижаемого, но когда он притронулся к обидчику, то моментально те оба об‘единили фронт против Миролюбова и ему пришлось довольно туго, так как его два приятеля - оба „дружинники“ — пустились на-утек. Лишь после того, как Миролюбов, расправившись с извозчиками, едва догнал приятелей, компания разразилась дружным хохотом.

Тов. Р. Зеликсон и Софья Константиновна Загайная, вызванная незадолго до этого Розой для постановки во Владимире типографии, вынуждены были переселяться в Москву. Лебедев, по выходе из больницы и отсидевшись некоторое время в деревне у Я. Е. Коробова, выехал в Нижний.

После черносотенного погрома в Иванове в дни „российского конституционализма“, во Владимире один за другим стали появляться ивановские работники.

Первым заявился из Иванова Александр Дмитриевич Кумошенский и принял деятельное участие в работе с.-д. организации [70]).

---

[70]) Александр Дмитриевич Кумошенский—студент-ветеринар Юрьевского Института, однокурсник А. В. Морозова и С. В. Дегтярева по семинарии, работал в Иванове под кличкой «Одиссей».

Под кличкой «Одиссей» известен также старый партийный работник—Александр Владимирович Мандельштам. Я, по аналогии с тем, что ивановцы давали своим товарищам повторные клички—«Старик», «Странник» и др.—в частности, дали Самохвалову кличку «Рядовой»,—думал, что Кумошенский заимствовал кличку «Одиссей» от Мандельштама. Оказывается, как раз наоборот. На днях я встретил в Обществе Старых Большевиков т. Мандельштама—«Одиссея» и вот что он мне поведал. Мандельштам носил кличку «Григорий» (так звали его старшего умершего брата) и под этой кличкой, с паспортом на имя Кордэ, работал в Иваново-Вознесенске во время стачки 1905 г. В Иваново-Вознесенске он был арестован (и оттуда привезен во Владимирскую тюрьму) при таких обстоятельствах: вернувшись с совещания у «Химика»—А. С. Бубнова—почему то в нервном настроении, и в добавок позабыв там свое пенсэ, «Григорий» наскочил у себя на засаду. При Мандельштаме нашли клочек бумаги с пометкой «Одиссей». Казаки решили, что задержанный ими

Несколько позднее вернулся из Иванова А. С. Самохвалов и некоторое время спустя (сначала он остановился у нас на квартире в д. Лапшина) вместе с Кумошенским жил в Солдатской слободе, где занимал отдельную квартирку, выписав хозяйствовать в ней товарища из ивановских рабочих— Федора Пантелеевича Пантелеева с женой. Вспоминается, как, приходя к ним на квартиру, можно было наблюдать „Митрича" (Кумошенского), с азартом поглощавшего, лежа на койке, потоки выбрасываемых тогда на рынок брошюр.

Самохвалов решил заделаться агентом по распространению изданий „Молота".

Тов. Михаил Игнатьевич Лакин, после октябрьских дней в Муроме, был вызван на работу во Владимир.

Кроме уже упомянутых выше, отмечу ряд лиц, принимавших то или иное участие в работе: студент Никольский, проживавший вместе с П. П. Лебедевым на квартире у Надеждиной (по Малой Мещанской) и перенявший после от'езда Лебедева его кружок; тверяк-семинарист Виктор Головин, укрывавшийся во Владимире от воинской повинности (Головин был захвачен при обыске в учительском общежитии, в квартире заведующего общежитием бывшего учителя Дмитрия

А. В. Мандельштам и есть самый «Одиссей». С той поры «Григорий» взял себе эту кличку (маленькая деталь: наткнувшись в коридоре в темноте и без пенсне на казака и думая, что это старуха-хозяйка, А. В. бросил реплику: «это ты тут, бабушка?» А «чертова бабушка» без ответа моментально сгреб его за ворот).

Просматривая еще до беседы с т. Мандельштамом воспоминания ивановцев и встретив: на стр. 151 упоминание о выступлении «Григория Кордэ» и на стр. 322 относительно ареста «Корде» 22/VIII, я, естественно, полагал, что Кордэ и Мандельштам —2 разные лица. Внимание мое зацепилось также и за то, что на стр. 78 рядом стоят два «Одиссея» (нисколько не смутив вспоминающего об них). Но досаднее всего недосмотр на стр. 151, где Кордэ проводится, как выступавший 22/X. Кордэ-Мандельштам в это время уже сидел в тюрьме. Говорю не упрека ради и не в «поучение», а с полным сознанием и учетом для себя, как нельзя и на память (источник сомнительный) полагаться, и как могут подвести путаница или неясность источников, документов. Но отсюда я делаю вывод, что нам, свидетелям той эпохи, необходимо дать все, что сохранила память, чтоб иметь возможность сверки, сопоставления.

Мефодиевича Новикова; некоторое время просидев в Манеже, где находилось арестное помещение для солдат и где мне удавалось иметь с ним свидание через решетку окна „с воли“,— Виктор Головин был отправлен „по месту жительства“); Николай Михайлович Гортинский — симпатичный товарищ, эсдек, которого часто можно было встретить в учительском общежитии; курсистка Ольга Спасская, приехавшая из Коврова.

В этот период легализации во Владимире собралось много работников. Открыта была запись в партию, начались приемы взносов. Был организован с.-д. клуб, сначала помещавшийся в Больших Ременниках, во 2-м этаже одного из домов Тарасова (третий от угла Мещанской, внизу была квартира Леонтьева). В клубе была устроена библиотека-читальня, проведено было несколько митингов, докладов, дискуссий. Припоминается два больших собрания с выступлением на одном „Семена“ и на другом тов. Лакина. Клуб продержался в этом доме до тех пор, пока не пошли слухи об угрозе черносотенцев сжечь помещение, и владелец дома Тарасов начал усиленно вытеснять беспокойных и опасных жильцов. Любопытная сценка: благообразный старообрядец, с длинной седой бородой, вкатывается в одну из комнат клуба и, обшарив глазами углы, не найдя икон, все же крестится, попадая на развешанные иллюстрации. В конце концов хозяин вынужден был подать в суд и лишь после этого, но, главным образом, из опасения разгрома, клуб был перенесен за Красную церковь, на углу Жандармского спуска.

К этому времени „милостиво дарованные свободы“ иссякали окончательно и деятельность клуба пришлось ограничить[71]).

За Красной церковью, у Жандармского спуска, клуб просуществовал недолго. П. П. Сизов вспоминает, что как раз во время его дежурства по клубу в этом помещении

---

[71]) Клуб оборудован был инвентарем семьи Перфильевых. Вечерком на салазочках перетаскивали Валентин Черневский с Борисом Сергеевичем Перфильевым кое-какую мебель и иное убранство для клуба. К клубу были прикреплены в качестве хозяев квартиры—Кумошенский, Альфред Карлович Ленин и студент Никольский.

у Жандармского спуска получилось сообщение, что в клуб ожидается нашествие полиции. Сизов, вместе с „Вадимом“ (Свирский), забрали всю литературу и отвезли ее к Свирскому, где и сложили на хранение.

Примерно, к этому же времени относится митинг в Народном Доме под председательством „гражданина Петрова“

Дом Тарасова в Больших Ременниках, где в 1905 г. помещался соц.-дем. клуб.

(то был А. П. Морозов). Докладчиком на тему о налогах был выпущен Никольский. Собралось довольно много публики, но быстро явилась полиция. Картинка: в зрительный зал Народного Дома вдвигается грузная фигура пристава 1-й части Рождественского, вывезенного из „Костромских лесов“ губернатором Леонтьевым, после принимавшего участие, под командой исправника Шапкина, в знаменитом походе на „тридцатую казарму“ в Орехове. Пристав требует „разойтись“, среди собравшихся некоторое замешательство. Что-то пытается говорить П. Ф. Леонтьев. Самохвалов всакивает на стул и „учитывает соотношение сил“. Публика решает разойтись, теснясь в проходе сквозь строй стянутых к Народному Дому полицейских.

В это же время устанавливается связь с Ундольским районом. Там рабочие пытаются устроить стачку и обращаются к владимирцам с просьбой о присылке организатора. Направляется т. Лакин, который едет туда раз и другой для агитации и помощи товарищам ундольцам в выработке пред'являемых требований. Вторая поездка оказывается для него роковой. К дому, где он остановился на ночлег, ночью подступает кучка подпоенного фабрикантом Бажановым сброда и, вызвав т. Лакина, зверски его убивает.

Несколько слов его памяти. Товарищ Михаил Игнатьевич Лакин[72])—сын крестьянина дер. Саксино, Ново-Котлинской волости, Муромского уезда. Впервые Михаил Игнатьевич появился на трибуне, как сильный и своеобразный оратор, в знаменитую стачку ивановских ткачей летом 1905 года, когда его выступление, по воспоминаниям товарищей—ивановцев, изображается так: „Но вот, когда к месту трибуны начала проталкиваться фигура довольно плотного высокого рабочего, с красивым лицом, с большой шевелюрой, со скромной, но уверенной улыбкой, то стали говорить, что немощные плечи ткачей этого оратора не выдержат, ему нужна более устойчивая трибуна, и перед управой появилась первая бочка из-под сахара, а на ней настоящий трибун—рабочий. От первых слов этого оратора на многих лицах появились радостные улыбки, всюду слышался шепот одобрения, от интеллигенции можно было услышать, что это новоявленный Саванаролла. Правда, в его речи не было Дунаевской остроты, революционных горячих лозунгов „Терентия“[73]), не было фабрики, ее душных корпусов,

---

[72]) В найденных в жандармском архиве документах Михаил Игнатьевич именуется: „Лакин, он же Никифоров“ и „Лакин, он же Андреев“.

[73]) Несколько слов о покойном т. «Терентии». Однажды А. Д. Кумошенский приходит ко мне в сопровождении одного нового (белокурого) товарища. Во время беседы, вглядываясь в лицо пришельца, я схватываю знакомые черты (а надо сказать, что зрительная память у меня очень хорошая) и быстро восстанавливаю в памяти встречи с товарищем лет пять тому назад. Задаю ему ряд вопросов и после его ответов убеждаюсь, что передо мною мой однокурсник по первому году студенчества—

оратор еще находился во власти земли, в нем говорил больше поэт, чем политик, ему солнечный майский день подсказывал то, что майскому солнечному дню рабочий должен быть так же рад, как рада ему птичка, полевая травка и цветок. Это был Михаил Лавин, рабочий с фабрики Грязнова. Работал он у Грязнова в заварке. Первую свою речь он закончил при самых восторженных знаках одобрения, но с трибуны он не уходил, а, сделав крутой поворот к под'езду городской управы и указав на нее

Владимир Марковин, сибиряк, окончивший весной 1900 г. Иркутскую, кажется, гимназию с золотой медалью. Вл. Марковин на январской (в 1901 г.) сходке выступал со страстной горячей речью о правах женщины, после чего был выслан в Н.-Новгород, где находился под следствием. С 16 (29) на 17 (30) апреля 1902 г. был здесь арестован.

Иваново-Вознесенские работники (они называют его Марковкиным), в сборнике «1905-й год в Иваново-Вознесенском районе», вспоминают, что «Терентий» явился к ним в качестве профессионала от «Северного Комитета» в 1905 г. еще задолго до стачки, руководил местной с.-д. группой, принимал самое деятельное участие в подготовке стачки, был организатором и вдохновителем первомайской массовки, проводил конференцию 11 (24) мая и затем энергично работал в продолжении стачки, выступая с блестящими смелыми речами на собраниях бастующих.

Встреча моя с «Терентием» во Владимире, думается, имела место в апреле 1906 г., когда перед созывом Думы, сидевшие в тюрьме политические потребовали освобождения тех, кому долго не было пред'явлено обвинения. Тов. Г. А. Асташев, освобожденный в те дни, правда, по недоразумению (жандарм уже дал заключение о привлечении Асташева, но не успел об этом сообщить прокурору),—рассказывает о совместном пребывании в тюрьме с «Терентием» и об их там дискуссии с эсэрами.

Из Владимирской тюрьмы «Терентий» освободился интересным способом. Он был арестован, проживая по чужому паспорту, и, попав в тюрьму, сказался неграмотным. Роль совершенно неграмотного человека «Терентий» выдержал до конца. По освобождении «Терентия» из тюрьмы, Владимирский судебный следователь по особо важным делам В. В. Соколов вызвался довести его до города на своем извозчике и дорогой все время убеждал его открыться, обещая сохранить тайну. «Я, ведь, уверен,—говорил Соколов,—что вы не тот, за кого себя выдаете, вы интеллигент». «Терентий» отказался удовлетворить любопытство следователя и, добравшись до центра города, распро-

левой рукой, торжественно произнес: „Размышления у парадного под'езда". Это стихотворение Некрасова, мало известное широкой рабочей массе, было им прочитано с таким удивительным мастерством и под'емом, какие только можно встретить у заправских артистов[74]) '.

Этот „трибун-самородок" сейчас же был взят ивановской партийной организацией на учет. Выступая по заданию организации, сначала по конспектам, Лакин „превращал эти конспекты, часто написанные наспех, в широко развернутые свитки, одухотворял их своим вдохновением, увлекал ими, и за это у администрации считался одним из самых опасных ораторов, недаром от досады и злости она его называла только „грязновским Мишкой".

Первый раз арестован был Лакин на станции Иваново 15 (28) июня 1905 г., но затем он был освобожден под надзор полиции, с обязательством жить на родине. В конце июня или в начале июля Лакин приехал в Муром, где его сейчас же использовала Муромская организация.

Лакин был выпущен муромцами, в целях ознакомления с борьбой ивановских стачечников, на массовке за Окой 10 (23) июля (полугодовщина расстрела 9 января). В жандармском донесении от 12/VII Трепову читаем: „Толпа образовалась человек в 200, среди которой выдавался неизвестный

шался с ним, поблагодарив за предложение Соколова доставить «Терентия» до квартиры, куда последний имел намерение отправиться.

Впоследствии «Терентий» был за границей; его имя я встречал на страницах, кажется, «Пролетария» или «Социал-Демократа».

По словам А. В. Мандельштама, «Терентий» погиб трагически. Где-то в Сибири он заночевал у одного анархиста. К анархисту явилась полиция, тот бросил бомбу и «Терентий» при этом погиб.

О «Терентии» в сборнике «1905 г. в Иваново-Возн. районе» упоминается на стр. 72, 78, 87, 88, 259, 261, 294 и в сборнике «1905-й год в Костроме» на стр. 49.

[74]) „1905 г. в Иваново-Вознесенском районе", издание „Основа", Иваново-Вознесенск, 1925 г., статья „Талка" (революционные пути ивановских ткачей в 1905 году,—А. Н. Поздрев, стр. 87-88. Там же о Лакине упоминается на стр. 76, 87, 88, 107, 312, 258; в Муромском сборнике «20 лет рабочей организации» о Лакине упоминается на стр. 68, 72, 81, 90, 96, 98, 99—105, 108, 110, 115—117.

приезжий мужчина, державший в толпе какую-то революционного содержания речь"... „После вся толпа демонстрантов.. переехала на пароме через реку и направилась по улицам города, подошла к зданию тюрьмы, остановившись против коего, тот же агитатор, который был замечен в произнесении речи перед толпой за рекой, указывая на тюрьму,

Михаил Игнатьевич ЛАКИН.
(Снимок 1905 г.).

сказал: „здесь сидят невинные, и я тоже сидел в Иваново-Вознесенске, но меня выпустили, а теперь пусть вновь арестуют, но я все-таки буду стоять за правое дело и свободу".

А. Г. Шляпников, арестованный 16 (29) июля за организацию демонстрации вместе с т. Лакиным, рассказывает, что, при переправе их с Лакиным во Владимирскую губернскую тюрьму, Михаил Игнатьевич пришел в вагон, вооруженный евангелием, и тотчас же, от скуки, повел „преступную агитацию" среди жандармов, пользуясь цитатами „святых отцов".

Старики, собравшиеся на 20-летний юбилей Владимирской организации, в декабре 1925 г., характеризуют Лакина, как „истового революционера-пролетария, с беспредельной верой в победу рабочего класса, с беззаветной преданностью делу революции и партии, сильного физически, с твердой волей, с суровой пролетарской дисциплиной, выдающегося агитатора-трибуна, огромного таланта-самородка“.

Выйдя, как указано выше, в октябре 1905 года из тюрьмы, Лакин тут же, без перерыва, без отдыха, с головой бросается в партийную работу. Сейчас же по приезде из Владимира он с Шляпниковым и другими организует выступление в Муроме, ведет борьбу с черной сотней. За несколько дней до смерти, 24/XI (8/XII), на товарищеской беседе в нашей квартире, т. Лакин прочел столь любимое им стихотворение Некрасова. Действительно, его чтение было замечательным и производило сильное впечатление. Он заканчивал „Размышление у парадного под'езда“ отдельными куплетами „Марсельезы“. Перед моим от'ездом в Москву, когда мы виделись в последний раз, он говорил, что собирается навестить свою семью, но поедет домой только после поездки в Ундол. Ему не суждено было вернуться из Ундола.

Смерть Лакина была большой потерей для организации. Это была утрата человека с большими данными уже тогда, и с еще большими задатками, много обещавшего и безусловно сыгравшего бы крупную роль в рядах нашей партии. В то же время это был дивный человек, с простой открытой пролетарской душой, прямолинейный, бодрый, энергичный. Памятны интересные беседы с т. Лакиным во время его ночевок у нас в квартире. Тройка наших ребят страшно привязалась к Лакину, и известие о смерти его вызвало у нашего Андрейки слезы. Гибель товарища не легко было переносить и нам, близко его знавшим. Я услыхал о его смерти в Москве, придя в издательство „Колокол“, где встретивший меня товарищ, узнав, что я из Владимира, предложил прочесть в одной из московских газет сообщение об убийстве на фабрике Бажанова в Ундоле „агитатора“.

Лакин был убит в ночь с 28 на 29 ноября (11-12 декабря). Сейчас же организацией были приняты меры. Тов. С. В. Дегтярев направился за отцом Михаила Игнатьевича. В своих

воспоминаниях Сергей Васильевич делится тем огромным впечатлением, какое на всех произвел старик-крестьянин, мужественно встретивший известие о смерти сына-борца. Сизов, с запиской от одного судейца, едет по поручению Семена Серговского к уездному следователю, с целью выяснить подробности убийства. С этой же целью Перфильевы посылают А. Т. Черемушкину в Ундол. Самохвалов отправляется пешком в район Ундола для распространения прокламации „На смерть Лакина“.

В истории рабочего движения, в истории борьбы за освобождение рабочего класса мы знаем многие имена борцов-мучеников, борцов-героев, отдавших свои силы и свою жизнь делу революции.

Склоняясь перед их светлой памятью, не забудем, что неисчислимые жертвы пролетариата и его партии в огромной своей массе безымянны и неведомы для истории.

Не счесть расстрелянных на баррикадах, погибших на виселицах, в жестокой каторге, в суровых тундрах и глухой тайге далекой Сибири, казематах крепости, тюрьмах.

История не знает их имена, но на своих страницах она вписала их подвиги. И пролетариат перед их могилами даст клятву вложить всю волю, „все вынести, все выдержать“, „свершая их великие цели“ по пути строительства социализма, со всей страстностью и решительностью продолжая до конца „великую освобождающую человечество борьбу“.

Наступают дни вооруженного восстания в Москве. Бастует Нижегородская железная дорога. Прекращается движение. Владимир отрезан. Тов. „Семен“ мечется в поисках шубы и лошади, чтобы переправиться в Ковров. Возвращается из Москвы ковровская делегация, потерявшая на пути в Орехове, при перестрелке с казаками, трех товарищей рабочих, и оставив в Покрове в больнице раненого товарища, на лошадях добирается до Владимира. Участник делегации Анна Николаевна Коренева, работавшая в то время

в Коврове как пропагандистка и агитатор [75]) (после от'езда Миролюбова из Коврова), разыскивает через Н. М. Порданского владимирских эсдеков. Кумошенский устраивает посадку ковровцам в поезд от Владимира до Коврова, с соответствующими конспиративными предосторожностями.

В январе 1906 г. приезжает во Владимир курсистка Екатерининских фельдшерских курсов Надежда Сергеевна Перфильева (впоследствии по мужу Смирнова), принимавшая участие в с.-д. работе (в частности, в дни восстания) в Москве, и сейчас же по приезде „с головой" уходит в работу Владимирской организации. Братья Серговские—Семен и Максим,—вынужденные в последнее время проживать во Владимире,—уезжают. Последний раз я был у них на квартире в доме Евдокии Трофимовны Черемушкиной, под Сосенками (крайний к полотну жел. дороги, недалеко от Тумского вокзала) и отправил с ними деньги в издательство „Колокол" за распространенные книги. Это было скорее всего в конце января 1906 года.

Работа по связи с периферией переходит в руки Кумошенского, Перфильевой и Дегтярева.

К годовщине 9-го января Самохвалов пишет прокламацию. Оригинал листовки отпечатывается на машинке в земском статистическом бюро, помещение которого много использовывалось нами для разных целей и в разное время.

---

[75]) Анна Николаевна Коренева появилась в Коврове, примерно, в первых числах июня, застав еще здесь Миролюбова, собиравшегося от'езжать во Владимир. Приехала сюда по личным связям. Через семейство Носковых ее муж Барабанов, приехавший в Ковров позднее, устроился здесь в качестве агронома, а сама А. Н. заделалась репетитором. А. Н. повела энергичную работу и завоевала большую популярность среди ковровских рабочих, горячо выступая на массовых собраниях, особенно в октябре-декабре. Любопытен один документик, где жандармы, отмечая „преступность деяний" Кореневой—ее выступление на митинге,—оттеняют, как усугубляющий вину момент, то, что Коренева—женщина—была одной среди массы рабочих мужчин.

У Кореневой наблюдался меньшевистский уклон, но в боевые дни октября-декабря она работала вместе с большевиками. 25 марта (7 апреля) 1906 г. Коренева была арестована в Москве и препровождена во Владимирскую губернскую тюрьму. Судилась

В конце января и в начале февраля 1906 г. прошла волна обысков, в начале у эс-эров, а потом у с.-д. Едва-ли не одной из первых была обыскана квартира на Солдатской, где жили эсеры—Петров (не Иван Михайлович, другой), Бурдин („Васька") и Дмитриев, служивший в земском книжном складе[76]). Во вторую серию обысков попала и наша квартира (в доме И. А. Лапшина). В этот злополучный вечер к нам пришла Глафира Дмитриевна Цепелева, затем А. С. Самохвалов и началось обычное Владимирское чаепитие. Вдруг, часиков, примерно, в 12, настойчивый стук в дверь, а вслед за этим и появление „гостей", под началом пристава 1-й части Бунина. Ротмистра не было, ограничились посылкой вахмистра, но, видимо, „квалифицированного" и по части обысков расторопного. Обыск производился по отдельным ордерам на меня и на жену. Ночное „бдение" продолжалось часов до 7 утра и окончилось перемещением Александра Степановича Самохвалова в 1-ю полицейскую часть. Жандарм взялся за „Степаныча", приняв последнего за его брата Ивана, тогда скрывавшегося (народник, член крестьянского и учительского союзов). При Александре Степановиче не оказалось с собой документов. Следом за пролеткой от'езжавшего в участок „Степаныча", шел ломовик с большой нагрузкой, под охраной шельмоватого рыжего городовика:

во Владимире выездной сессией Судебной Палаты (Московской), приговорена к вечному поселению. В октябре 1906 г. у А. И. в тюрьме родился сын. Пока она находилась в больнице, у нас с приехавшей к ней ее матерью т. Людмилой Александровной Воскресенской («Оксана», «Инна Бутырская»,—старый большевик, была раньше учительницей фабричной школы Соколовской М-ры, в Струнине, Александровского уезда, откуда была удалена «за неблагонадежность») набегали мысли об устройстве Кореневой побега, но Валериан (новорожденный) спутывал руки. У меня, между прочим, мелькал фантастический план по организации побега через психиатрическую больницу, где работала тогда моя двоюродная сестра.

76) Маленький курьез: Дмитриев ввалился домой во время обыска и на радушные приветствия жандармов не нашелся ответить иначе, как пробормотал угрюмо: «Я, собственно, за молоком".

в качестве как-бы „приданого“ на пролетке отправлялись ящики, числом до пяти и весом в несколько пудов, наполненные изданиями „Колокол“ и „Молот“, а также из'ятыми у нас фотографическими карточками, книгами и бумагами, вплоть до ученических тетрадей и карикатур наших детей-гимназистиков и В. П. Капицина. На память о себе „Степаныч“ оставил свой браунинг, который он ухитрился извлечь во время самого обыска из кармана пальто, висевшего в передней, как раз над головой дремавшего у двери городового. Во время обыска в незакрытую снизу дверь (хотя мы окна нарочно раззанавесили, но квартира была во 2-м этаже, и, если итти близко к дому, то не видать что внутри происходит), ничего не подозревая, влетел мой брат Александр, у которого в карманах была натискана литература, по счастью, брошюрочно-легальная. Обыск проходил весело, под песню—„Трудно, братцы, нам живется на Руси святой, каждый шаг нам достается роковой борьбой“ и другие.

Г. Д. Цепелевой пришлось выехать в Покровский уезд, в волость, где была родина т. Самохвалова, чтобы раздобыть ему паспорт. А затем пришлось делать визиты к нему в 1-ю часть. Но Самохвалова продержали недолго. Мне же из-за этого обыска пришлось принять много лишних хлопот. Я несколько раз ходил выручать отобранные книги. При посещении жандармского управления, я мог лицезреть обилие „благоприобретенного“ жандармами богатства—свертки с бумагами, связки книг, кое какое оружие и пр. Я наблюдал, как некоторые из писарей почитывали наши брошюры.

Наконец, вещи мои жандармы вернули, но и из „легальных“ не все. Задержался в управлении также садовый ножик, купленный ребятишками за четвертак на базаре, но „квалифицированный“ по протоколу обыска, как „финский нож“. Этим ножом на моих же глазах жандармы кололи угли для самовара. Исчез ряд открыток и, между прочим, открытка с фавном и купающейся женщиной, заинтересовавшая, должно быть, писарьков; пропала трубка.

Дело кончилось впустую, лишь с занесением в жандармский формуляр[77]). Не привлекли никого из нас, даже в порядке

[77]) Справка из дел Владимирского губ. жанд. управления, составлена 1 (14) апреля 1914 года: „... Благонравов Федор

дознания, „в качестве свидетелей“, как это практиковалось в первой стадии ведения дел жандармами.

24 апр. (7 мая) 1906 г.—обыск у Н. С. Перфильевой и ее арест. Отобрано не мало экземпляров прокламаций и программ РСДРП, номера „Пролетария“. Масса прокламаций еще уцелела, уцелели и адреса, часть из которых Перфильева „сглотнула“. В тюрьме Н. С. Перфильева отказалась от допроса. Через пару месяцев ее выпустили из губернской тюрьмы под гласный надзор полиции до суда.

Летом был обыск у Надежды Ивановны Александровой (Б.-Ременники, дом Белянкина, напротив дома Холщевникова, в котором жила семья Перфильевых). У Александровой был устроен Кумошенским и Перфильевой склад литературы.

Оба обыска были следствием провалов в Москве.

Весной 1906 г. усилилась Муромская группа, благодаря пребыванию там двух профессионалов—„Михаила“ (Иван Григорьевич Уханов) и „Алексея“ (Тимофей Федорович Максимов[78]). Одно время мне даже казалось, что

Аркадьевич, потомственный почетный гражданин, служит во Владимирской губернской земской управе, в статистическом отделе. В 1906 г. был обыскан, по обыску у него обнаружено большое количество литературы; по агентурным сведениям, в 1908 г. у него на квартире бывали собрания с.-д работников; в ноябре 1909 г. к нему из Москвы приезжал не установленный партийный работник, под кличкой «Цинковый» (наблюдения), его квартира служит, повидимому, явочной. Благоправов имеет самую тесную связь с Иваном Морозовым, Гаврилом Щедриным, Николаевой и др. партийными работниками. Кроме всего изложенного, Благоправов состоит в Красном Революционном Кресте, вносит членские взносы, собирает таковые и состоит кассиром“.

Тогда я терялся в догадках, кто донес о моих сборах на политический Красный Крест. Теперь для меня ясно, что сведения об этом дал „осведомитель“ Д. И. Гуляев (разоблаченный после революции), работавший тогда в стат. бюро.

Сборы производились все-таки не без осторожности, платящая публика (преимущественно сотрудники земства) намечалась по выбору.

[78]) Тов. И. Г. Уханов—сын мещанина-хлебопашца Вологодской губернии—и тов. Т. Ф. Максимов—сын крестьянина Хвальнского уезда, Саратовской губернии,—учились (первый с 1900 г.,

Владимиру угрожает опасность утратить положение руководящего центра. В Муроме была проведена окружная конференция, на которую делегатами от Владимира ездили А. Д. Кумошенский и Алексей Иванович Скобенников.

На 4 с'езд партии от Владимирской Окружной организации был выбран тов. „Михаил" (И. Г. Уханов). Тов. „Михаил" наезжал изредка и во Владимир. После с'езда, тов. „Михаил" возвратился в Муром, но летом там был арестован. Однако, ему быстро удалось бежать, благодаря счастливой случайности и собственному проворству. Выйдя на прогулку на тюремный двор, „Михаил" заметил в'езжавшую

а второй с 1899 г.) в Саратовском сельско-хоз. училище, которое с 90-х годов было центром революционной агитации в Саратовской губернии.

Т. Ф. Максимов в 1902 г. был арестован и сидел в Саратовской и Самарской тюрьмах до 1903 года. В 1903 г., во время отбывания ссылки в Уральской области, принимал участие в работе Уральского Союза. Весной 1904 г. Тим. Фед. вернулся в Саратов и работал в партийной организации, а весной 1905 г. перебросился в Хвальынск, где вел соц.-дем. работу среди учащихся и служащих. В средине 1905 г. Тим. Фед. снова вернулся в Саратов и здесь вместе с И. Г. Ухановым и группой других товарищей принял участие в крестьянском восстании около Николаевского городка (Саратовской губ.). После ликвидации этого движения участники его направились в Москву, откуда Т. Ф. Максимов поехал на работу в Тверь, а И. Г. Уханов, вместе с другим своим товарищем по школе Михаилом Капустянским, был послан через Владимир на работу в Муром. В Муроме И. Г. Уханов („Михаил") работал вместе с „Максимом" (Серговским), а Капустянский работал в Меленках, засел было там в тюрьму, но удачно бежал.

Весной 1906 г. (вероятно, в мае) „Максим" приезжал за литературой в Москву и захватил оттуда с собою в Муром Т. Ф. Максимова („Алексея"), работавшего в это время в одном из районов Москвы.

С тов. „Алексеем", очень редко бывавшим во Владимире, мне не приходилось встречаться. Между прочим, тов. „Алексей" говорит, что, получая директивы центра через Владимир, с последним он часто вел сношения, особенно при получении литературы, но не непосредственными посещениями Владимира, а наездами в Ковров.

В очерке тов. А. С. Самохвалова („Рабочее движение и с.-д. работа во Владимирской губ. в 900-х годах", выпуск II,

в ворота бочку с водой и, пользуясь некоторым замешательством в воротах,—перемахнул через бочку и скрылся. Оставаться после этого в Муромском районе ему уже было нельзя и он должен был уехать [79]).

В это время имелись уже сложившиеся на местах соц.-дем. группы. Возникла группа в Суздале (с участием Алексея Ивановича Скобенникова, Юлии Ивановны Скобенниковой, Марии Ивановны Зыковой—по мужу Скобенникова, Степана Ивановича Назарова, переселившегося сюда после погрома осенью 1905 г. в Иванове, ветеринарного врача Рыболовского и при участии приезжавшего в Суздаль из Москвы приват-доцента П. М. Хераскова и др.). Судогодской группой руководил Василий Михайлович Углов—„Дядя Вася". Шла работа в Вязниках (Сергиевский и др.), на Гусю-Хрустальном.

стр. 282) тов. „Михаил"—П. Г. Уханов—ошибочно назван „Михаилом Уральским".

[79]) После работы в Муроме „Михаил"—П. Г. Уханов и „Алексей"—Т. Ф. Максимов, переименовавшиеся в „Кирилла" и „Мефодия", были направлены из Москвы в Курск. Здесь „Алексей"—„Мефодий" проработал осень 1906 года и в январе 1907 года выбыл в Киевскую организацию; „Михаил"—«Кирилл» работал в Курске до лета 1907-го года, а потом работал в Феодосии, в Крыму, где провел думскую кампанию. Летом 1907 года в июне месяце оба они отдыхали у своего товарища на с.-х. опытной станции в Самарской губернии, откуда „Алексей" вернулся в Саратов, а в октябре выехал через Финляндию заграницу (направление его было—Берлин, Вена, Будапешт).

В Будапеште (Венгрия) „Алексей" устроился на шурупной фабрике, где проработал с ноября 1907 года до мая 1908 года. Весной, в апреле или мае, в Будапешт приехал „Михаил", направившийся отсюда в Цюрих (Швейцария). Вскоре в Швейцарию перебрался и „Алексей" и они оба осенью поступили в техникум, где учились до 1911 года, а по окончании техникума работали на швейцарских фабриках. „Алексей" в 1912 г. некоторое время работал на фабрике в Париже, а в 1914 году, весной, вернувшись из Парижа, он переехал в Германию, где вместе с „Михаилом", работали в качестве инженеров на машиностроительных фабриках братьев Зульцер. „Михаил" с осени 1914 года заболел костным туберкулезом и умер в 1915 году. „Алексей" после февральской революции с эмигрантами вернулся в Россию и в настоящее время реботает в Москве, в теплотехническом институте (в Симонове).

В то же время все более и более наполнялись тюрьмы. Во Владимирской тюрьме (что у кладбища, после—каторжная) летом этого года находились, между прочим, две группы ореховцев, первая во главе с Карпом Степановичем Клюевым, которому грозила виселица. Для освобождения Клюева были предприняты попытки к организации побега из тюрьмы. Организатором их был А. Д. Кумошенский. Приезжали двое товарищей-боевиков специально с этой целью из Московской организации[80]).

В тюрьму были переправлены костюмы, грим. К назначенному для побега дню, к тюремным воротам собралось порядком посетителей,— свидания тогда давались довольно свободно. Были взяты три извозчика. На одном к тюрьме под'ехала „Елена" (тов. из Москвы), на другом отправились Ал. Дм. Кумошенский с моей женой. Следом за ними — я с Н. И. Александровой. Трудно забыть, как Надежда Ивановна со свойственным ей вообще свирепым взором и тоном, оставляя около приемного покоя больницы пролетку, обращается ко мне: „подожди, я сейчас справлюсь", а затем, скрывшись на несколько минут за ворота, вернулась и также „серьезно" сообщила мне, что ей требуется еще пойти в главный корпус больницы и... удалилась. Ее миссия на этом кончалась. Мне же суждено было скучать в пролетке, ожидая, не покажутся ли освобожденные, дабы в необходимую минуту переуступить им своего извозчика. „Скучал" я „скучал", и вдруг вижу: Кумошенский с моей женой все на той-же белой, как сейчас помню, кляченке старика-извозчика Мусатова (извозчика они выбрали неудачно, у нас с Н. И. Александровой был куда лучше) едут обратно. Стало быть, сорвалось. Подождавши минутку и сделав вид, что теряю окончательно терпение в ожидании (заведомо для меня безнадежно скрывшейся „Надежды"), повернул извозчика и поехал в город.

[80]) По моему мнению, это был Леонид Николаевич Кудрявцев („Евгений"). Кудрявцев родился в 1878 г., умер в Туле в 1909 г. В 1905 г. был кооптирован в МК и работал, как организатор Окружки; в феврале вместе с К. С. Клюевым руководил в Орехово-Зуеве стачкой. В августе 1905 г. был арестован и освобожден из Бутырок 17 (30) октября того же года, после чего снова вошел в МК, где работал ответственным боевым организатором до конца года.

После выяснилось, что поднятая по какому то поводу тревога в тюрьме помешала побегу. По одной версии — у сидевшего в тюрьме Бунина (Юрьевский помещик — либерал) пропали ценные вещи, он поднял шумиху, начался обыск; по другой —

Иван Григорьевич УХАНОВ
(«Михаил»).
Вел соц.-дем. работу в Муроме в 1906 г.
Род. в 1884 г., умер в 1915 г.
(Снимок 1913 г., в эмиграции).

уголовники затеяли жестокую драку и тюремная администрация, на время расправы с ними, спешно погнала „политиков" в баню. Рассказывали, что успевшим уже обрядиться в путь товарищам приходилось туго при необходимости спешно стирать грим, срывать подклеенные бороды, менять костюмы [81]).

[81]) Мимоходом отмечу, что сначала предполагалось позаимствовать лошадь для организации побега у К. М. Мигачева, жившего верстах в 30—40 от Владимира, куда для переговоров с ним я и был направлен пешечком. Хорошо помню прогулку

При второй попытке организовать побег из тюрьмы я был введен в цепь передатчиков, которые должны были доставить до города бежавших. Мой стратегический пункт был на краю ржаного поля, возле дороги. Поставлен я там был в сумерки, а пришлось пролежать до глубокой темноты.

В начале из-за стен тюрьмы доносились отдельные голоса, но затем становилось все тише и тише... Вдруг раздался выстрел, после чего все окончательно смолкло.

Выждав еще некоторое время, я двинулся, недоумевая, в город. Около моей квартиры меня встретила Н. С. Перфильева, с волнением поджидавшая возвращения товарищей с предполагавшейся „операции". Но я ничего не сумел ей об'яснить о том, что случилось. После из тюрьмы сообщили, что подвел надзиратель, на которого рассчитывали пытавшиеся бежать.

К. С. Клюеву и его сопроцессникам суждено было сидеть в тюрьме до суда (в первых числах июля 1906 г.). Перед судом мне поручено было сноситься с защитой и я заявился в номера Лукьянова, где внизу остановились московские адвокаты: Коссовский, Воинов и Кобяков (кроме них в защите участвовали местные присяжные поверенные—Г. Г. Козлов и Котлецов). В той же гостинице на верху поселился и состав суда с прокурором. Суд был военный, под председательством генерала Иллюстрова. Защитников я застал в настроении напряженного ожидания; особенно нервничал, бегая из угла в угол по комнате, Коссовский. Он должен был нести общую защиту и персонально защищал Клюева, которому, казалось, неминуемо грозила смертная казнь. При мне сверху спустился подвыпивший секретарь суда и стал успокаивать защитников. Завязался разговор, и адвокаты

туда, когда я, пройдя довольно порядочное расстояние, прилег на опушке леса отдохнуть, наслаждаясь чудным утром, а дальше меня нагнали двое судогодских плотников, в беседе с которыми о деревенском житье-бытье я дошагал до Павловского. У Мигачева, однако, я потерпел неудачу: в округе свирепствовала какая-то болезнь скота и в лошади мне было отказано. Обратное путешествие на утро снова пешком мне уже не доставило удовольствия. Досадно было, да и усталость давала себя знать за два конца пешего хождения.

стали рассказывать, как иногда на участи подсудимых сказывалось то или иное настроение председательствующего или обвинителя. Помнится, что секретарь говорил именно про того прокурора, который должен был на другой день пред'являть обвинение, что с ним не мешает перед судом сыграть в карты и ему проиграть, чтобы повысить его

Тимофей Федорович
МАКСИМОВ
(„Алексей")
Вел соц.-дем. работу в Муроме и Меленках в 1906 г.
(Снимок 1902 г. в жанд. управлении).

настроение. Говорилось про председателя Московской Судебной Палаты, старика Ранга, не раз выезжавшего во Владимир на сессию, как про человека чрезвычайно раздражительного, что на исход процесса (под его председательством) и участь подсудимых гибельно влияло появление вслед за ним его жены или любовницы, устраивавшей ему семейные сцены, и т. д. в таком же роде. После мне не раз приходилось принимать участие в организации защиты и я слыхал кучу подобных рассказов.

На утро дело слушалось при открытых дверях, с переполненным публикой залом. Прокурор требовал смертной

казни. Коссовский произнес блестящую речь, вызвав в публике слезы. Несколько испортил линию защиты Котлецов своим обычным гаерством. Деловито разбирался со стороны формально-юридической Воинов; как всегда, адвокатски „кокетничал“, потрясая своей гривой, Кобяков. Клюев держал последнее слово, как надлежало этому блестящему агитатору,—сильно. Приговор: Кабашову—тюрьма, Новикову—арест. роты, Ивану Скобенникову—тюрьма с зачетом предварительного заключения. Клюев оправдан начисто и освобожден из-под стражи тут же в зале суда. Опасаясь, что Карп будет арестован, его окружили товарищи—владимирцы и вывели из зала под приветствие ожидавшей у здания суда публики.

О побеге восьми (Владимира Алексеевича Кононова, Николая Николаевича Колотилова, Александра Николаевича Соколова, Ив. Гр. Егорова, Емельянова, Кабашова, Шибанова и Кибарова) помню следующее[82]).

Дело было зимой, 7 (20) февраля 1907 г. Открыв на звонок дверь, вижу перед собой С. В. Дегтярева, в шубе, с большим меховым воротником,— с плеч старшего его брата. С. В. возбужденно повествует об удачном побеге восьмерки (из них часть бежала накануне суда, угрожавшего кое-кому казнью), требует немедленного принятия мер к сокрытию бежавших. Побег удался без предварительной организационной подготовки с воли: после вечерней проверки, в камеру тов. Кононова, который лечился электролизацией, в момент производства последней, вошел Колотилов. Вдвоем они связали надзирателя и выбрались из камеры. Как они очутились за стеной тюрьмы, уже не помню. А дальше их путь шел на квартиру С. В. Дегтярева, который, сидя с Кононовым в тюрьме, как то показал последнему свою квартиру, когда их вели мимо в суд. Кононов привел к Дегтяреву всех бежавших, кроме двух, которые из тюрьмы прямо махнули на поезд. Оставив на попечение С. В. четырех, сам Кононов с Колотиловым

---

[82]) В очерке тов. А. С. Самохвалова («Рабочее движение и социал-демократическая работа во Владимирской губернии», выпуск II) среди восьми бежавших названа фамилия Часовникова. Это ошибка, в числе бежавших Часовникова не было.

поехали по известному им адресу, кажется, к Царевым, но за отсутствием номеров на воротах, не разыскали этого дома. Тогда они едут к Сизовым[83]).

На квартире Сизовых Кононова и Колотилова также ждала незадача. Никого из молодежи дома не было. Мать Сизовых, однако, снабжает Кононова деньгами. Кононов пробует найти старшую дочь Сизовой (Варвара Павловна в это время была в Москве) у присяжного поверенного Козлова, но и там ее не застает. Тогда он вспоминает о „существовании“ Белькевича, который с ними раньше сидел в тюрьме. Едут к нему. Находят дом и квартиру. Белькевич устраивает Колотилова в какой-то оранжерее. Кононова же судьба преследует и дальше. Он попадает на ночевку к чиновнику губернаторской канцелярии. На утро чинуша, услыхав о принятых к розыску мерах, перетрусил. Белькевич сговаривается о другой квартире с девицами — А. В. Федоровской и др. Те берутся устроить. Но чиновник трепещет за свою шкуру и, не дожидаясь появления „Людмилы“ (Федоровской), выводит Кононова на улицу пообождать ее. И Кононов дрогнет, танцуя на морозе около часа. Из рук „Людмилы“ он переходит к какому-то молодому пареньку и попадает на квартиру к эсеровской молодежи. А эсеры, опасаясь, в связи с побегом, повальных обысков, мечутся с переброской с места на место своей типографии. Кононов не выдержал и взмолился передать его эсдекам. Тогда его, а через несколько дней и Колотилова, скучавшего в оранжерее, отводят в помещение нелегальной эсдековской типографии, где они и остаются до отправки их с семинаристами, от'езжающими домой на масляницу, через Суздаль до Гаврилова Посада. Посадка на тройку производилась уже с квартиры М. П. и Е. П. Андреевых, из дома Беляевых, на Гороховой улице, за Лыбедью, где тогда проживал Сергей Иванович Назаров.

---

[83]) Старший брат Кононова — Василий Алексеевич, через Павла Сизова, его товарища по институту, устроил связь для Владимира Алексеевича на время его сидки в тюрьме с волей, через свою сестру Варвару Павловну. Сизова поддерживала переписку с тюрьмой, как непосредственно с Кононовым, так и со старостой тюрьмы, которым в то время был Шляпников.

Возвращаюсь к остальным 4-м беглецам, оставленным Дегтяревым где-то по Лыбеди, на задах Ременников. Надо сейчас же их пристраивать. Мобилизуются содействующие (теперь уже трудно вспомнить посредствующие силы, промежуточные и передаточные звенья). Надо спешно разведать и о судьбе самостийно разбредшихся. Бегу к Сизовым и здесь нахожу мать и старшую сестру в большой тревоге. А дальше след Кононова и Колотилова для нас пока исчезает и лишь через несколько дней, после упомянутых выше мытарств Кононова, его или Колотилова,—не помню,—уже „планово" перебрасываем в типографию к Степану Ивановичу Назарову. Уславливаемся: я с перебрасываемым идем по пути на Троицкую от Банка к низу, Степан, как всегда вооруженный портфелем, шествует нам навстречу, в наиболее подходящем (безлюдном) месте перегруппируемся,—я продолжаю итти в том же направлении, мой спутник, примыкая к Степану Ивановичу, поворачивает с ним обратно. У Банка они берут извозчика на Студеную гору, а отсюда тропинкой—в Гончары.

При переводе других беглецов с одной квартиры на другую происходили переодевания—кого в гимназическое пальто, кого в дамскую ротонду. Отправляли разно. Один из бежавших был отправлен через квартиру Панковых, при содействии Федора и Александра Васильевичей Панковых, с машинистом на паровозе. Это был, кажется, тот тейковец, который вскоре же, добравшись до родины, сам отдался в руки полиции. Шибанов был пойман спустя некоторое время и был повешен.

На утро или на следующий день после побега, вместо конвоя с подсудимыми, в суд явился начальник тюрьмы Имшенецкий с рапортом о побеге. В связи с этим побегом, кажется, Имшенецкий и был смещен.

Вспоминаю еще случай побега с перепилкой решотки. Заключенные в арестантских ротах заметили, что надзиратель, обходящий по утрам кругом корпус, примерно, к 7—8 часам утра заходит внутрь корпуса, где вместе с внутренним надзирателем распивает чай.

А. Г. Шляпников, пользуясь положением тюремного старосты и имея возможность ходить в любое время в любую камеру, решил воспользоваться этими наблюде-

ниями для побега. Решено было перепилить решотку и спуститься через окно в то время, когда наружный надзиратель был внутри. Решотка была квадратная, примерно, в дюйм толщины. Добыли пилку, самую обыкновенную ножовку, но перепилка была делом сложным, требовался навык, а главное — приходилось соблюдать осторожность: здание каменное и достаточно было неумело провести пилкой по решотке, как по всему зданию проходил гул, отдаваясь внизу. В месяц решотка была перепилена в разных местах. Чтобы не было заметно, она до конца не перепиливалась, а перепиленное место сейчас же замазывалось краской. Когда с решоткой было покончено, решили бежать. Первым должен был бежать Новиков.

Шляпников просит надзирателя открыть камеру и впустить его к Новикову. Там они выгибают решотку, привязывают веревочную лестницу, при помощи которой можно было бы спуститься с 4 этажа. Новиков вылезает через окно, а Шляпников стоит на часах, наблюдая за надзирателем. Спустя несколько минут, Шляпников подходит к окну, чтобы начать спускаться самому, но в его руках оказывается лишь веревка, примерно, в 2 метра длины... Смотрит через окно вниз и видит, что Новиков лежит подле стены. Кричит ему — „вставай". Тот встает, пробует бежать к стене, но ноги его не держат. В это время во дворе появляется надзиратель, но Новиков берет направление за его спиной, а Шляпников, повесив на сломанную решотку полотенце, требует у надзирателя открыть двери и торопит товарищей выходить на прогулку, чтобы, выйдя массой, замешать в толпе Новикова и вместе с ним вернуться в камеру.

Однако, Новиков, как только пришел в камеру, так тут же слег. Пришлось звать врача, а вместе с этим была обнаружена и перепилка решотки.

На 29 августа (11 сент.) 1906 г. во Владимир с'ехались делегаты от местных групп на Окружную конференцию. Первое заседание конференции состоялось у С. В Дегтярева, где квартировал А. Д. Кумошенский. На конференции присутствовали представители Мурома, Коврова, Гуся-Хрустального,

Суздаля, Судогды. В порядке дня, среди других вопросов, стояли: об отношении к Крестьянскому Союзу и аграрный вопрос. Ожидался доклад П. М. Хераскова, занимавшего особую позицию в аграрном вопросе.

Ночью к Дегтяреву явились с обыском жандармский ротмистр Щербачев (бывш. офицер местного Малороссийского гренадерского полка) и пристав 2-й части Дробышев („Дробышкин", как его „величали" во Владимире). Обыск вначале не дал особо ощутительных результатов, но к концу его, на кухне один из городовиков, которому захотелось покурить, пуская в самоварную отдушину дым, обнаружил наспех запрятанную туда С. В. Дегтяревым пачку прокламаций и другого „материальца". Правда, и на этот раз полиция недобрала. В подвале у Дегтярева хранилось нечто более „сурьезное": печать организации, части типографии и проч. Сохранился и план (географическая карта района, если не ошибаюсь, Муромского или Меленковского уезда) проектировавшегося „экса" почты или чего-то в этом роде,—грешки тайных увлечений А. Д. Кумошенского и Ст. Пв. Назарова. А на сеновале во дворе уцелела группа делегатов конференции, оставшихся ночевать у Дегтяревых. Вместе с Кумошенским и Дегтяревым был забран лишь Муромский делегат Гуреев („Аркадий"), но его отпустили с миром из участка. Кумошенский же с Дегтяревым были переправлены в тюрьму (бывш. арестантские роты). И здесь причиной провала был „очередной" провал в Москве, кажется, в Фармацевтическом Обществе.

После ареста Кумошенского и Дегтярева, вернувшийся незадолго перед этим из деревни А. С. Самохвалов[83]) был привлечен к работе Окружной организации.

При участии Самохвалова была доведена до конца прерванная арестом Кумошенского и Дегтярева Окружная конференция. Одно из заседаний ее состоялось на чьей-то квартире, но возникли сомнения насчет чистоты и прочности положения квартиры (в смысле возможного за ней наблюдения),

---

[83]) А. С. Самохвалов жил тогда на Нижегородской улице, в д. Блинова, кв. Кузнецовой, наискось через дорогу от гостиницы Лукьянова. В этом же доме у Кузнецовой квартировал и «Валериан» (А. Н. Дьяконов).

и заседения конференции были перенесены за Клязьму на пойму, к стогам сена, где она благополучно и закрылась.

К работе был подтянут также Аркадий Васильевич Смирнов (земский статистик), используемый организацией больше в качестве литератора.

Сергей Васильевич
ДЕГТЯРЕВ.
(Снимок 1925 г.).

По работе Окружной организации мне приходилось участвовать на отдельных совещаниях. Припоминается одно из них, когда из Питера приехал товарищ, по кличке „Андрей",— специально для проведения рекрутского бойкота. „Андрей" был направлен в Суздаль, где шире и прочнее была связь нашей организации с деревней.

Вскоре,—примерно, в сентябре,– вновь организовалась Владимирская городская группа, два организационных собрания которой были в квартире Царевых, под председательством А. С. Самохвалова. На первом из них мне не довелось присутствовать. Здесь, между прочим, публика наделялась ради конспирации кличками, и здесь наш „Анисимыч" (Лапшин) восприял монашеское имя „Ираклий", каковое он и продолжал носить и впредь. Меня т. Самохвалов наименовал, применяясь к окраске растительности моих усов и бороды, „Рыжим", но я запротестовал не в силу незвучности имени, а по соображению все той же конспирации. Навертывались имена—„Герман",

„Спиридон“. Тогда у нас мода была на такие гречески-сладкозвучные имена, хотя, сдается, что это уж не так-то конспиративно, как и клички с такими сочетаниями имени и отчества, как „Петр Петрович“, „Павел Павлыч“ и проч.[84]).

Мне предоставлено было выбрать кличку самому. И, поскольку и посейчас нередко переводят, так сказать, мою фамилию с славянского на русский, называя часто „Добронравов“ (а иной раз переделывая уже на „Тихонравов“), я предложил перевести греческое „Федор“ на русское „Богдан“.

В состав городской группы входили организаторы: от приказчиков – Иван Анисимович Лапшин (он же заделался казначеем группы) и Николай Иванович Юрьев (служил в маг. Воронина, потом у Паркова); от типографов — Владимир Иванович Бодяков[85]) (этой же осенью тов. Бодяков был взят в солдаты и вместо него вошел в группу Иван Гаврилович Ковригин); от железнодорожников —Петр Леонтьевич Ляхин и Александра Васильевна Царева (старшая из сестер Царевых); от рабочих винного склада („монопольки“)—Петр Васильевич Осеев; Александру Алексеевичу Васильеву (был учеником городского училища, позднее учился на Владимирских землемерных курсах) поручены были, кажется, булочники или столяры, и временно учащиеся; в качестве ответственного

---

[84]) Эти клички напоминают своеобразные в свое время пароли, вроде — «нас прислали птички певчие». Ворвавшись с таким паролем (по ошибке — перепутав, скажем, дверь, или номер квартиры) не туда, куда следует, можно лишь всполошить, перепугать не ведающих в чем дело обитателей, и без того встречающих тебя с вытаращенными глазами.

Толковый пароль изобретался с таким расчетом, чтобы сама по себе разумная и грамотно составленная фраза не могла вызвать недоумения на случай встречи не того лица, какое нужно. И соль пароля для проходящего по нему заключалась в так подобранном ответе на пароль («отзыв»), чтобы тот же самый, условленный ответ, не мог быть случайно вымолвлен, не мог бы сорваться с языка любого. Не следовало давать упрощенной связи вопроса с ответом в порядке, допустим, голого утверждения или отрицания.

[85]) В статье т. А. С. Самохвалова, в издании Влад. Истпарта— «Рабочее движение и социал-демократическая работа во Владимирской губернии в 900-х годах», выпуск II,—на стр. 284 т. Бодяков ошибочно назван „Балягин“. Товарища с такой фамилией в организации не было. Тов. Бодяков в настоящее

пропагандиста был Александр Васильевич Панков; я был введен, как секретарь Владимирской группы.

Этой же осенью из Москвы, от Обл. Бюро РСДРП, приезжал товарищ с кличкой „Иван Николаевич“ или „Иван Васильевич“, фамилии его я до сих пор не знаю. Помнится, провожая его на ночевку к Аркадию Васильевичу Смирнову, который тогда еще жил в доме Надеждиных, в Солдатской, я беседовал с ним, между прочим, относительно принципов организации.

За этот период помню массовку за Клязьмой, которую проводили наши организаторы и где должен был выступать

Александр Васильевич
ПАНКОВ.

А. С. Самохвалов, но о ней разузнала полиция и собравшимся пришлось удирать, частью, как передавали, на лодках. Помню, вестником о ее неудаче ко мне явился „Шурка“ — Васильев.

Примерно, в октябре 1906 г., по личной явке Е. Ф. Дюбюка, ко мне из Саратова во Владимир, с паролем „С правого

время работает во Владимире, секретарем ячейки ВКП (б) печатников, и является членом городского комитета ВКП (б).

Упоминаемый там-же на стр. 287 „Иван Гаврилович“ есть И. Г. Ковригин (принимал участие в работе организации еще Иван Гаврилович Коротков, студент, но не в этот период). Тов. Ковригин в наст. время работает во Владимире и состоит членом бюро ячейки ВКП (б) печатников.

берега Волги“, приехал Николай Петрович Растопчин, в кармане которого лежал паспорт на имя „Николая Николаевича Гаврилова“, откуда, и в видах конспирации, за Растопчиным, в бытность его во Владимире, и сохранилась кличка „Николай Николаевич“.

Владимир Иванович
БОДЯКОВ.

Иван Гаврилович
КОВРИГИН.

Рабочие, организаторы с.-д. кружка рабочих типографии во Владимире в 1906 г.

Николай Петрович Растопчин произвел на владимирцев очень хорошее впечатление. У меня к нему тогда была безграничная симпатия. Более тесному сближению с ним способствовало и то, что первое время и еще раз после, перед своим арестом, он жил у меня и я имел больше возможностей общаться с ним, нежели с другими. Николай Петрович много уделял внимания и сил партработе, вдумчиво подходя к ней.

Стремление нашей владимирской группы стать тверже на ноги и расширить район действия, выйдя за пределы Владимира—на ближайшие фабрики („Собинка“. „Лемешки“),—побудили Владимирскую группу задержать Растопчина у себя, хотя бы, конечно, рациональнее было передать его сейчас же в Окружную организацию.

Николай Петрович во Владимирской группе тотчас же по приезде стал ответственным организатором и одновременно А. В. Панков переуступил ему роль ответственного пропагандиста.

Через небольшой промежуток времени после приезда Н. П. Растопчина (зимой 1906 г.), из Москвы во Владимир нагрянула целая тройка партпрофессионалов, во главе с тов. „Борисом“ (Александр Николаевич Асаткин) [86]).

Перед отправкой т. Асаткина—„Бориса“ Московским Областным Бюро на работу во Владимир, т. „Борис“ работал ответственным организатором в Воронеже. Отсюда он буквально удрал из-под носа полиции, в связи с обысками последней по случаю провала „техники“ и „техников“, на след которых полиция случайно напала и нити от которых вели к Асаткину, у которого кроме того на квартире было оружие. „Борису“ грозили серьезные последствия в результате визита на его квартиру жандармов. Он утек, благодаря

---

[86]) Начало революционной работы А. Н. Асаткина было в Костромской организации, где он работал сначала (1902-1903 г.г.) в ученических социал-демократических организациях, а затем (1904-1905 г. г.) в качестве пропагандиста и организатора в костромской группе «Северного комитета РСДРП» и после—в Костромском Комитете. В Костроме он дважды арестовывался—в 1904 и 1906 г. г. По первому делу в 1904 г. Асаткин, просидевши под следствием около полгода (см. «Вперед» за 1905 г., № 9 от 8-го марта, стр. 19), был судим Московской Судебной Палатой и приговорен по несовершеннолетию к крепости. По второму делу в 1906 г., постановлением министра внутренних дел от 19/IV (2/V) 1906 г., Асаткин, вместе с другими 4-мя товарищами, получил ссылку в Нарымский край на 4 года, откуда в ночь на 29/VI (12/VII) 1906 г. вместе с тов Томским и др. (всего 7 человек) бежали. Решение министра о ссылке Асаткина в Нарымский край последовало на постановление начальника Костромского жандармского управления от 15 (28) марта 1906 г., в котором говорится, что «генерал-майор Бекман нашел, что показанием свидетелей устанавливается, что все вышеназванные лица являлись как-бы членами преступного сообщества агитаторов за устройство забастовок фабричных рабочих и выступали в качестве руководителей таковых, подстрекали к прекращению занятий учеников и учениц средних учебных заведений г. Костромы, участвовали во всех противоправительственных демонстрациях,—а потому, на основании вышеизложенных данных, добытых настоящей перепиской, я (Бекман) предлагал бы за их крайне вредную политическую деятельность выслать за пределы Костромской губернии».

Приведем, как характерные и довольно типичные для подчиненных губернатору и жандармскому генералу чинов, показания.

чрезвычайно удобной для нелегального работника по своему расположению квартиры. В занимаемое им помещение стеклянная дверь вела прямо с парадного хода, но был другой ход, внутренний, через „покои“ хозяев на черную лестницу,

Петр Васильевич ОСЕЕВ.

Полицейский надзиратель 20/II (5/III) 1906 г. показывает: «одним словом, все эти лица составляли почти главную часть главарей революционного движения в г. Костроме. Имели сильное и крайне вредное влияние, в особенности на учащуюся молодежь, и поэтому оставление их в Костроме вредно для государственного строя и порядка». Полициймейстер в показании от 15 (28)/III 1906 г. говорит: «в заключение могу сказать, что, благодаря преступной политической деятельности упомянутых лиц—Асаткина и других, они являются очень вредными лицами для государственного строя и порядка среди местных фабричных рабочих и учащейся молодежи». Жандармский вахмистр (дополнительного штата) 20/II (5/III) 1906 г. показывает: «как участников и главарей всяких противоправительственных сходок и собраний могу указать»... и т. д.

19/VIII (1/IX) 1906 г. костромской губернатор дает распоряжение по всей полиции о розыске бежавшего из Нарымского края А. И. Асаткина. Такое же распоряжение делает Департамент Полиции.

выходившую уже на другую улицу. „Борис“ видит в окно, что с горки, как раз против его квартиры и по направлению к его дому, спускаются „архангелы“. Убедившись через стеклянную наружную дверь, что полиция направляется именно к нему, „Борис“, забрав с собой все необходимое (пока жандармы мучали звонок), спокойно проходит через комнаты хозяев и попадает на другую улицу, а там берет извозчика и скрывается в укромном месте. Из города, конечно, все же пришлось выезжать и его взялись вывезти боевики. На паре лошадей „Борис“, в форме инспектора народных училищ, под охраной боевиков, был доставлен на ж.-д. станцию, отстоявшую на несколько десятков верст от Воронежа, а отсюда махнул поездом на Москву.

Вслед за тов. „Борисом“, во Владимир приехали — „Таня“ (Мария Александровна Симановская, позднее по мужу Растопчина)[87]) и „Наташа“ (Юлия Петровна Горская, теперь Перевозникова)[88]). Все трое приехавшие профессионалы — земляки-костромичи, и родом, и по прежней совместной революционной работе в Костромской организации.

---

[87]) До Владимира Мария Александровна Симановская работала в Костроме, еще гимназисткой принимая участие в кружковой работе. 29 декабря 1905 г. (11 января 1906 г.) у нее и ее отца, частного поверенного Александра Павловича Симановского, у Николая Николаевича Соколова («Геннадия») и еще у одного лица был произведен обыск. Однако, Симановской удалось во-время уйти из дома и в протоколе поэтому отмечается, что, «по словам отца, дочь его, Мария Александровна Симановская, куда то ушла, но куда именно и когда, ему неизвестно». После этого Симановская переехала в Москву к тов. Ц. С. Зеликсон-Бобровской и ею была направлена на работу во Владимир.

[88]) Юлия Петровна Горская-Перевозникова — дочь потомственного дворянина, учителя и инспектора гимназии, работала раньше в Костроме, Москве и Воронеже. После обыска 29 дек. 1905 г. (11 января 1906 г.) в Костроме, вместе с Александром Николаевичем Соколовым была сослана в Тобольскую губернию, согласно постановления министра внутренних дел, как обвиняемая в противоправительственной пропаганде, на 5 лет, считая с 22 января (4 февр.) 1906 г., после содержания под стражей в Костромской тюрьме. Юлии Петровне инкриминировалась речь на митинге возле фабрики; из этой речи шпики приводят любопытную фразу: «если у царя еще крепко держится корона, то нужно сбить ее вместе с головой». Из ссылки тов. Ю. П.

Тов. „Борис“ занял положение ответственного организатора по Окружке. Если Сем. Мих. Серговский, старший товарищ „Бориса“ по Костромской работе и однокашник с ним по сидке в 1904 г. в Костромской тюрьме[89]), был видным агитатором, то „Борис“ явился сильным организатором, тогда уже достаточно обладавшим организационными навыками и выделявшимся среди товарищей определенными организаторскими данными.

Товарищи были присланы из Московского Областного Бюро, где работала в то время „Ольга Петровна“ — Зеликсон-Бобровская, уделявшая и раньше внимание Владимирскому району.

Кусочек отступления. При отправке „Бориса“ во Владимир, в Областном Бюро ему вручили на руки на все-про-все (по теперешнему — проездные, суточные, под'емные и т. д., что требуется по КЗОТ или предусматривается различными положениями) — пять целковых с копейками. С этой наличностью он отправился во Владимир, к новому месту своей работы. А наш брат, оседлый, обычно, тоже

Горская и А. И. Соколов скрылись. Последний 24 июля (6 авг.) 1908 г. временным отделением Московского Военного Окружного суда в г. Владимире, за принадлежность к Иваново-Вознесенской группе Р.С.-Д.Р.П., приговорен к ссылке на поселение. Ю. П. Горская после несколько раз была арестована, немало сидела в тюрьмах, несколько раз попадала в ссылку и снова бежала.

[89]) Семен Серговский и Асаткин были арестованы в 1904 г. в Костроме и привлекались по делу Костромской группы «Северного Комитета Р.С.-Д.Р.П.». Жандармы старались навязать им 102 статью. Дело разбиралось в Костроме в 1905 г., незадолго до октября, выездной сессией Московской Судебной Палаты. Суд приговорил Асаткина на длительный срок к крепости, но Асаткин, перейдя на нелегальное положение, вел партийную работу в Кинешемско-Вичугско-Родниковском промышленном районе до своего ареста в 1906 году. За этот период работы А. И. Асаткин был делегирован в декабре 1905 г. Кинешемской организацией на IV с'езд партии, который в это время не состоялся, а вместо него было устроено в Таммерфорсе совещание. Асаткин, опоздал приехать на это совещание, т. к. был задержан в Москве декабрьским вооруженным восстанием.

перебивался „с кваса на воду“, располагая при себе деньгами разве в день получки зарплаты. На месте профессионалы получали в то время от организации в самом лучшем случае от 10 до 20 руб., а в большинстве случаев ходили по ночевкам и питались тогда и там, когда и где пригласят

Юлия Петровна
ГОРСКАЯ-ПЕРЕВОЗНИКОВА
(„Наташа“).

догадливые товарищи. Иногда они, от случая к случаю, поддерживались предоставлением временных сдельных работ, добываемых через участников организации, работавших в аппарате земства, реже—в других учреждениях. Так, Воробьев и Леонтьев—старшие статистики Бюро—снабжали, случалось, кое-кого из наших профессионалов статистической работой; страховички—Антонова, Петропавловская и др.,—делились с подпольщиками периодически раздававшейся в Страховом отделе земства и получаемой ими для себя сдельной работой. Надо, однако, правду сказать, что были

случаи, когда приходилось и переделывать данную работу: сказывалось отсутствие знакомства с специальной работой, да и некоторая торопливость, поскольку профессионалы были загружены своим делом. И подчас приходилось голодать им самым форменным образом, не говоря уже об остальных условиях жизни (одежда, жилище).— с этим мало кто считался и редко кто из них уделял тому внимание. И в то же время наблюдались случаи заостренной своего рода щепетильности. В. Н. Миролюбов как-то вспоминал, что, приехав из Коврова и не найдя находившихся в отпуску приятелей, он попал впервые к одному малознакомому товарищу, тоже профессионалу. Последний предложил ему чаю и что было на столе—закусить. И Миролюбов, несмотря на то, что ему страшно хотелось есть, отказался от всего, кроме чая...

Т. т. „Борис", „Таня" и „Наташа", с участием, сначала в качестве представителя городской организации, Н. П. Растопчина, взяли в свои руки руководство работой Окружной организации. При них оставалась на работе в Окружной организации и тов. Н. С. Перфильева, как технический секретарь Окружки.

Во Владимирской городской группе имелась небольшая пропагандистская коллегия, состоявшая, кроме Растопчина и Панкова, из учащейся молодежи, между прочим, из гимназистов—Анатолия Соколова и Николая Поспелова. Регулярно велись занятия в кружках. Кружки приказчиков проводились большею частью в помещении их общества взаимопомощи („Общество лиц частного наемного служебного труда"), находившегося рядом с мужской гимназией; там же одно время припрятывалась нелегальная библиотечка владимирской городской группы. Работали кружки: типографов, кружок рабочих винного склада, позднее — рабочих свечного завода. Были кружки учащихся — семинаристов и гимназистов[90]). Среди

[90]) Некоторое время занимался с кружком, им самим сколоченным, из учениц гимназии (на квартире одной из них—Олимпиады Михайловны Святухиной, нахлебницы Евдокии Трофимовны Черемушкиной),—бывший гимназист Белькевич. Наметился было маленький кружок в 5—6 чел. у «страховичек», но нехватало пропагандистских сил. В последний кружок, кроме упоми-

организаторов и наиболее активных участников кружков учащихся, посещавших нашу квартиру, назову — семинариста Беляева („Марат") и двух сестер гимназисток Петуховых — Екатерину и Татьяну[91]), а также Павла Степановича Батурина, в то время гимназиста.

Квартирой для явок работников Владимирской группы служила наша квартира, в доме бывш. Шевелкиной (внизу), в Больших Ременниках, где налажен был регулярный прием организаторов и где помещалась легальная библиотека группы. Здесь в определенные дни и часы принимались мной, а по

навшихся Антоновой и Петропавловской, входили—Альмединген, Ольга Константиновна Соколова и др.

О. Кузнецова в составе кружка, не указывая точно времени его работы, но отмечая, что это было до организации А. И. Дьяконовым группы «революционных демократов» (подробнее об этой группе см. воспоминания Н. П. Растопчина, А. И. Скобенникова и С. Ф. Корочкина), где и она участвовала, перечисляет: Анну Соболеву, Курбатову, П. С. Батурина, Израиля Эдельман, Ольгу Знаменскую, А. Лебедеву и сестер Петуховых, у которых на Троицкой улице большею частью и собирался тогда кружок.

Владимир Николаевич Изволенский (в то время ученик VI класса гимназии), среди членов кружка, в котором он участвовал, называет: старшего из братьев Герасимовых—Евгения (ученик VII класса, сын машиниста из Коврова, убитого в 1904 г. на войне), Наташу Перфильеву, Тюрикову (старшую), Валентина Смышляева и под вопросом—Льва Язвицкого и П. С. Батурина, оговаривая возможность, что последний был организатором этого кружка. Кружок состоял, примерно, человек из семи. Занятия с ним сначала вел Анатолий Соколов, а потом «Николай Николаевич». Хотя Изволенский и говорит, что их кружок был «повышенного типа», но, помнится, тогда было два гимназических кружка и, судя по составу («зеленая» молодежь V—VI классов), это был начальный кружок. Возможно, позднее сам Изволенский перебрался в старший кружок.

[91]) Обе Петуховы, больше Екатерина, заглядывали нередко в библиотеку, проявляли большой интерес к чтению и серьезно относились к кружковым занятиям. Помню, как однажды, Екатерина принесла нам с Н. П. Растопчиным написанный ею реферат в целую тетрадь. Екатерина умерла после нервной болезни. Татьяна впоследствии отбывала ссылку в Сибири; после революции работала в профсоюзах, в частности—в аппарате ВЦСПС; сейчас на работе в Москве; член ВКП (б).

приезде „Николая Николаевича“—совместно с ним, „цеховые“, так сказать, организаторы. Организатором приказчиков к этому времени стал Николай Иванович Юрьев. Лапшин продолжал оставаться членом руководящего коллектива, сохраняя за собой казначейство. Взносы поступали регулярно и установлены были в процентном отчислении к заработку.

Из неупомянутых выше участников кружков и членов местной организации вообще,—приведу по памяти: у приказчиков — Николай Николаевич Харламов (магазин Воронина), братья Илларион и Виктор Бузуновы (маг. Люлина), Устинов (маг. Люлина), Крылов (маг. Симоновой), Петр Иванович Доронин (конторщик от Седова), Георгий Георгиевич Кокин (рыбный магазин Философовой), Шитов (маг. Петровского, что против мужского монастыря). Из типографов вспоминаются: Голубев (пожилой, с большой черной бородой, обычно в синей блузе, с узким ремешком), Александр Васильевич Новосадов, Бендер, Гульшин и, значительно раньше, служащий типографии „Клязьма“ Иван Владимирович Невлев. Принимал участие также вместе с типографами переплетчик Иван Яковлевич Тимофеев, который довольно широко обслуживал организацию предоставлением своей квартиры. Через него же была установлена и поддерживалась связь с Ундольским районом.

К концу, должно быть, зимы состоялась конференция Владимирской городской организации на квартире Тимофеева, в его мастерской, которая находилась рядом с мужской гимназией (там, где помещались номера Суслова или Егарева). Руководили конференцией „Николай Николаевич“ и „Таня“. Здесь была переизбрана руководящая работой Владимирская группа, по настоящему времени—Комитет. В новый состав группы (Комитета) я не вошел.

Кружки количественно росли, занятия в них пошли регулярнее. Установилась работа и в Ундольском районе. По работе городской организации следует отметить проведение выборов во вторую Государственную Думу. При выборах в первую Думу Владимирская организация выборы бойкотировала.

Принимая участие в выборах во 2-ю Думу, владимирцы выступили со своим списком выборщиков по городу Влади-

миру. Выборщиками были выставлены: И. А. Лапшин, П. Ф. Леонтьев, А. С. Смирнов, Г. Г. Кокин и, кажется, Шитов. В предвыборный период пришлось вести борьбу с кадетами. Между прочим, кадеты „засылали сватов“ к нашим приказчикам, стремясь перетянуть их к себе. Как раз бывший в это время во Владимире О. А. Квиткин (по кличкам „Афанасий“, „Алексей“) из Областного Бюро РСДРП,

Николай Иванович
ЮРЬЕВ.
Организатор с.-д. кружка приказчиков
во Владимире в 1906 г.

вместе с Растопчиным отправились с посланцами от приказчиков на квартиру Губских или В. В. Соколова (судебный следователь по особо важным делам), где собралась группа кадетов, и дали последним бой. По городу были расклеены Владимирской с.-д. группой списки кандидатов на бумаге ярко-красного цвета. Бумагу, как сейчас помню, закупали в магазине Паркова мы с Н. С. Перфильевой. На открытых предвыборных собраниях в Народном Доме выступали И. А. Лапшин и П. Ф. Леонтьев, затем было одно выступление „Максима“ Серговского, не надолго приехавшего во Владимир. При его выступлении пристав Дробышев пытался

захватить тов. „Максима“, но пока Дробышев проделывал обходный путь из 1-го ряда партера через фойэ до сцены, „Максим“ перескочил в зрительный зал и вышел из Нардома в сопровождении толпы, продолжавшей путь до Большой улицы с революционными песнями.

По приезде из Москвы профессионалов, „Наташа“ первое время работала в Коврове, а „Таня“ была командирована в Муром, Меленки и дальше в ту сторону. Тов. „Борис“ оставался во Владимире. „Таня“ работала некоторое время, как раз'ездной работник: так, она пробыла около полутора месяцев в Муроме, Меленках и Кулебаках, затем вернулась во Владимир и потом уехала на Гусь-Хрустальный.

„Наташа“ в Коврове пробыла недолго, вернулась во Владимир и вскоре же уехала совсем из владимирской организации.

Втянут был в работу Окружной организации и Растопчин, в то же время продолжавший работать и во Владимирской группе. Бюро окружки к этому времени сконструировалось так: в тройку входили—„Борис“, „Таня“, „Николай Николаевич“. Местопребыванием тов. „Бориса“ был Владимир, откуда он совершал поездки по периферии: несколько раз в Муром, Ковров, Кулебаки и сравнительно продолжительное время наездами работал на Гусю-Хрустальном, посещая оттуда другие стекольные заводики того района. В Бюро окружки, до предс'ездовской конференции, оставалась та же тройка, но одно время в ней заменял тов. „Бориса“, когда он был на Гусю, приехавший снова во Владимир перед 5-м Лондонским с'ездом тов. „Максим“ (Серговский).

За это время (с конца 1906 г.) Владимирская Окружная организация не только окрепла, но впервые в ней была налажена вполне планомерная работа. Только за это время Окружную организацию и Окружной комитет можно считать окончательно оформившимися и регулярно действующими. С приглашением для работы в типографию Комитета из Суздаля Степана Ивановича Назарова, начала правильно и регулярно работать „техника“. Для типографии было нанято специальное помещение, в особом домике в Гончарах. Квартира была снята на имя Степ. Иван. Назарова, который выдавал себя за комиссионера по водопроводным и иным техническим работам.

Из Костромы была выписана в качестве квартирной хозяйки „Клавдия“ (кажется, впоследствии жена не безызвестного работника по „технике“ тов. Курзина[92]).

Кроме них, обитателями домика и помощниками Назарова временно перебывали: „Шаляпин“ (Александр Константинович Загайный), с которым вскоре пришлось расстаться, как будто,

Николай Петрович
РАСТОПЧИН
(«Николай Николаевич»).
Снимок 1912 г., в Костроме.

Ф. Соколов и затем третий товарищ, фамилии которого не помню; все трое из Костромы.

Типографией Владимирского Окружного Комитета довольно часто выпускались прокламации, почти исключительно местного производства, а не перепечатки.

---

[92]) См. брошюру «О подпольных типографиях», где в статье Курзина вспоминается о типографии А. Н. Дьяконова (находилась, по показанию Ольги Кузнецовой, за Лыбедью, на Воскресенской улице, через один дом от огородов Муравкиных, во дворе, во флигеле, теперь, по словам Кузнецовой, этого домика уже нет).

Кстати, эсеровская типография одно время находилась где-то в Стрелецкой Слободе.

Между прочим, была выпущена первомайская прокламация. Налажен был даже выпуск солдатской газеты, под названием „Солдатский путь“, которая вышла в 3 или 4 номерах.

Помогал в работе Степану Назарову его брат Сергей Иванович и, во время каникул, московские студенты: Борис Сергеевич Перфильев, Михаил Васильевич Докукин и Дмитрий Николаевич Любомирский („Князь“). За оригиналами прокламаций Степан Иванович обычно являлся сам к тому или иному товарищу, путешествуя неизменно со своим портфелем, где часто лежало только одно полотенце. Из типографии литература выносилась самим же Назаровым, в том же портфеле или корзинке „Клавдии“, отправляющейся, якобы, на рынок.

Типография в Гончарах продержалась, приблизительно, до масляницы 1907 г. На масляница Ст. Иван. Назаров возомнил, что квартира его провалена и, по его настоянию, решено было типографию временно свернуть и перебросить на квартиру М. П. и Е. П. Андреевых, где жил и Сергей Иванович Назаров (2-й этаж дома Беляева, по Гороховой ул., выходившего фасадом на берег Лыбеди). Для перевозки была мобилизована группа товарищей, взята лошадь у Сизовых, которой во время перевозки управлял сам Павел Павлович Сизов. Используя масляничное настроение „богоспасаемого“ Владимира, с песнями, прикрыв собственными персонами типографские части и шрифт на дне розвальней, на хорошей Сизовской лошадке, компания пронеслась несколько раз по улицам города, завернула в Гончары и доставила оттуда типографию к месту временного ее упокоения за Лыбедью. Отсюда типография была извлечена и переброшена в дом П. А. Лапшина (во флигель), где работала вплоть до от‘езда из Владимира Степана Ивановича Назарова, которого вызвало Областное Бюро для организации типографии по выпуску газеты „Борьба“, где вскоре Ст. И. и заработал себе ссылку на поселение. После от‘езда Ст. И. типография была свернута и находилась в сарае Лапшина, пока в 1908 г., весной, после обыска у Лапшина, она не была оттуда взята и ликвидирована.

Типография кончила свои дни, как мне тогда же передавал Сергей Иванович Назаров (выезжавший в те дни во Владимир и как раз бывший свидетелем этого грустного

события), с которым мы в то время (май 1908 г.) жили в Москве, таким образом: во дворе у Перфильевых (д. Тарасова, в Ременниках) деревянные части были разрублены на дрова, а Альфред Лепин, обладавший изрядной силой, отнес за город шрифт и разбросал его там.

Работники подпольной типографии Владимирского Окружного Комитета РСДРП (слева на право): Сергей Иванович Назаров, Борис Сергеевич Перфильев, Михаил Павлович Андреев.

Погоревали мы с Сергеем, но иного конца в те времена и, при условиях почти полного партийного безлюдья во Владимире, повидимому, не могло быть, так как там, кроме Лапшина, у которого был произведен обыск и за которым была слежка, из активной публики мало кто оставался.

Часть шрифта Владимирской типографии была в свое время переправлена на Гусь; переправка была произведена нами с Лапшиным через Шитова (приказчика магазина Петровского), куда гусевцы должны были явиться за его получением. Другую часть шрифта, бывшую во Владимире в резерве даже за время работы типографии полным ходом, приходилось не раз перебрасывать и хранить в разных местах. Однажды шрифт переносила в сумке моя жена (Е. Г. Смышляева), прикрывшись платком, как будто направляясь в баню (путь совпадал с дорогой к бане). Переносить

шрифт пришлось из Ременников куда то на Шишовую улицу, в квартиру, найденную Белькевичем, который, с гимназическим ранцем, в свою очередь, шествовал, несколько отставши, за Е. Г., а за ним поодаль сторонкой „для наблюдения" пришлось итти мне. Случайно к этой процессии примкнул на некотором расстоянии некий Константинов, подозревавшийся тогда Перфильевыми в шпионаже. Процессия достигла места хранения благополучно.

Как-то я сам прятал шрифт к капитану Тержину, однако, хранился шрифт не в комнатах офицера, а в кухне, где помещался денщик. Квартира этого офицера находилась на Б. Мещанской, во втором от угла доме Тарасова, рядом с домом Репрева.

За период осень 1906 г.—весна 1907 г. у Владимирского Окружного Комитета прочно была налажена связь с центром. Живая связь осуществлялась как поездками в Москву, так и неоднократными выездами представителей Обл. Бюро во Владимирскую окружку. Большей частью приезжал Олимпий Аристархович Квиткин („Афанасий"). В то время „Афанасий" пользовался большим авторитетом в Московской области, как изумительный тактик, а в отношении с работниками — искусный дипломат и одновременно крепкий диктатор, приводивший в смущение не только рядовых местных работников, но и серьезных профессионалов, отличавшийся при этом ядовитой иронией и использовавший ее нередко.

Мне вспоминается совещание в нашей квартире, все там же в Ременниках, возможно, что это было перед конференцией по выборам на Лондонский с'езд. На совещании присутствовали: Квиткин, „Борис", „Николай Николаевич", „Таня", „Сергей Петрович" (Часовников, работавший профессионалом в Коврове, прибыл в организацию перед с'ездом), кажется, еще И. С. Перфильева и, возможно, другие товарищи, которых память не сохранила. Во время этого заседания в соседней комнате мы вели беседу с только что вышедшим из тюрьмы т. Шляпниковым. Как выяснилось впоследствии, этому заседанию грозила большая опасность. Через день-два, поздно вечером, я вышел на звонок.

Звонили ко мне часто—и рано и поздно, поэтому я шел без всякого удивления, но передо мной выросла фигура ночного сторожа Василия Панфиловича Балакина, служившего прежде с моим отцом, а потому питавшего ко мне, в память отца, добрые чувства. Сей муж заявил мне дрожащим полушопотом, что на днях у вас, де, было много гостей, это стало известно приставу 1-й части Бойчевскому и он собирался было к вам пойти; так вот, будьте, дескать, осторожны.

Квартира М. П. и Е. П. Андреевых (дом Беляева, на Гороховой улице, во Владимире). В этой квартире хранилась в свернутом виде типография Владимирского Окружного Комитета РСДРП (после ликвидации ее в Гончарах); здесь были совещания перед выборами в Гос. Думу владимирских товарищей с ивановцами—т. М. В. Фрунзе и др.; отсюда т. т. Н. Н. Колотилов и В. А. Кононов уезжали после побега из Владимирской тюрьмы.

Припоминаю также конференцию по выборам делегатов на 5-й Лондонский с'езд партии, происходившую в помещении нелегальной типографии (в Гончарах), что, якобы, и обратило внимание, кого не следует, на этот дом и вынудило упомянутую выше переброску типографии за Лыбедь к Андреевым. На Лондонский с'езд выдвигалось несколько

кандидатов. По большинству прошли „Борис“ и „Максим“[93]. На конференции принимали участие представители групп: Владимирской, Ковровской, Муромской, Гусевской, Кулебакской.

За этот период не только упрочилась связь с солдатами расквартированных во Владимире полков, но и была создана Окружной организацией особая Военная соц.-дем. организация, для работы в которой была выделена специальная группа товарищей, в которую, помнится, входили: Алексей Иванович Скобенников, А. С Нежданов и „Николай Николаевич“ (Растопчин).

Энергично была развернута работа в деревне, в частности — в Уидольском районе, поблизости от Владимира. Руководство деревенской работой в этом районе принадлежало „Николаю Николаевичу“, который не раз выезжал в Уидольский район и проводил там собрания.

---

[93]) По пути на с'езд «Борис» получил в Москве в Областном Бюро явку в Ц. К.—в Питер, в Технологический институт. Между прочим, ему было поручено отвести какие-то партийные документы, едва-ли не мандаты некоторых из делегатов области. В Технологическом институте «Борис» случайно натолкнулся на студента Виктора Дмитриевича Кирпичникова, которого он хорошо знал по совместной партийной работе в конце 1905 и начале 1906 г. в Кинешемском районе, откуда т. Кирпичников был родом. Кирпичников помог устроить необходимые «Борису» связи для переправы в Финляндию. В Питере же «Борису» дали явку в Куокалы на квартиру В. И. Ленина, где его и других с'ездовцев-большевиков должна была встретить мать Ильича. Для большей верности «Борис» был ей показан. На этой же квартире Ильича произошла встреча «Бориса» с тов. Михаилом Павловичем Томским, также ехавшим на Лондонский с'езд от Питерской организации, где Михаил Павлович работал после совместного побега с Асаткиным из Нарыма в июне-июле 1906 г.

«Максим» в Лондон приехал лишь к концу с'езда.

Псевдоним «Бориса» на с'езде—«Борис Пахомов», а «Максима» — «Максимович». В первом томе сочинений Г. Зиновьева (Г. Зиновьев—«Сочинения», том I, «Из истории большевизма», ГИЗ, Москва-Петроград, 1923 г.) имеется снимок «Заемного письма делегатов Лондонского с'езда» (стр. 337—341), где среди других расписок можно видеть собственноручные подписи — «Делегат от Владимира Борис Пахомов» и «Владимирский делегат Максимович» (стр. 339).

Собрания происходили часто в банях. В один из его приездов собрание едва не было захвачено стражниками, но стражники побоялись, что собравшиеся вооружены и скоро ретировались. Молва о вооружении была пущена сельчанами. Дело в том, что туда выезжал гимназист Белькевич, который отчасти помогал в работе Владимирской группе с.-д. и одно время настойчиво добивался попасть в кружок пропагандистов, но одновременно же, будучи человеком по натуре нервным и увлекающимся,—Белькевич за свой риск и страх в Ундольском районе пытался создать боевую дружину.

Из квартир, использовавшихся нашей организацией в то время, можно указать еще квартиру учителя (по столярному мастерству) Мальцевского училища—Черемушкина (знакомого Перфильевым), у которого „Таня" находила в любой час дня и ночи приют; кв. Ел. Ив. Смирновой (Казаринов пер., против дома Панковых) также нами использовалась; заседания происходили также в квартире Александра Васильевича Панкова.

В 1906 г. при Владимирской городской организации была создана специальная финансовая комиссия по изысканию средств для работы, в состав которой, между прочим, входили: С. М. Воронинский и В. С. Черневская.

Что касается „Красного Креста", то он существовал особо. По нему в разное время принимали участие: В. С. Черневская, В. П. Сизова, М. П. Стецкевич, Антонина Владимировна Иванова и др. Позднее энергичное участие во всякого рода поддержке заключенных и ссыльных проявила Любовь Матвеевна Николаева-Белоконская, которая убивала массу времени на устройство связи с тюрьмой, упорно добиваясь всяческими способами свиданий с арестованными и передач в тюрьму, а после отправки их в Сибирь, ведя с ними оживленную переписку.

Особенно большую работу развернул „Красный Крест" летом 1906 г.: организация сборов, платных вечеринок, устройство лотерей, налаживание регулярной связи с тюрьмой по переписке, передаче книг и вещей, организованные свидания, обивание по всем этим вопросам порогов прокуратуры и т. д. В этом направлении много помогал кружок молодежи (Сизова, Федоровская, Кузнецова и др.). „Коноводом" здесь являлась В. П. Сизова, с этого и началось

ее участие в революционной работе. Сначала молодежь отправлялась к стенам тюрьмы с поля и перекидывалась разговорчиками через окна с товарищами, сидевшими в корпусах арестантских рот. Затем, как-то само-собой установились для таких бесед определенные часы и постоянное место на одной из аллей, находившегося по соседству с тюрьмой кладбища, пока тюремная стража не стала разгонять собиравшихся. Товарищи из тюрьмы „заказывали" посетителям, что им хотелось бы заполучить с воли, или в чем у них проявлялась нужда.

„Морковки хоцца", кричат из-за тюремной решетки. Девицы волокут в тюрьму моркови. Передан был однажды, по словам В. П. Сизовой, воск, надо полагать, для с'емки замочных форм и подбора ключей.

Само собой разумеется, что главным образом шло снабжение заключенных книгами. К концу года из доставленной в тюрьму литературы (преимущественно—беллетристика, научные книги, учебники) составилась порядочная тюремная библиотечка.

Передача шла через контору или при личных свиданиях. В первом случае содержимое передач проскальзывало в тюрьму в зависимости от отношения и настроения тюремной администрации. В дежурство одного помощника нач. тюрьмы можно было легче, скорее и больше обойти установленные нормы передачи, с другими приходилось иметь препирательство, доказывать, убеждать, ругаться. Из особо свирепых по арестантским ротам был помощник Васильев, а в губ. тюрьме этим же летом всего хуже было иметь дело с помощником начальника Константиновым.

В 1906 г. вольготно было по части и свиданий. В установленные дни на свидания публика пускалась целыми пачками, до десятка человек сразу. Рой „невест" [94]) оживленно гудел у тюремных ворот в ожидании назначенного

---

[94]) Как известно, повсюду в те времена для тюремных свиданий использовались в большинстве случаев девицы, которые назывались невестой того или другого из сидящих в тюрьме, что последний должен был утверждать и перед тюремным начальством. Бывали курьезы, большею частью при первом свидании, когда «нареченная невеста» и «жених» встречаются в тюрьме

часа и затем кольцом окружал в конторе приведенных из камер товарищей. Сдвигались скамейки и все пришедшие с воли и заключенные усаживались в кружок; начиналась дружная беседа.

Любовь Матвеевна
НИКОЛАЕВА—БЕЛОКОНСКАЯ.
Работала в политическом „Красном Кресте“ во Владимире.
(Снимок 1907 г.).

В 1907 году было уже не то. С Ник. Петр. Растопчиным, когда он засел, я имел свидания уже в особой комнате через две решетки, в промежутке между которыми разгуливал надзиратель.

„Почта“ в тюрьму и обратно шла через „голубя“— так именовались лица, передававшие конспиративную переписку. Первым из „голубей“, кажется, был фельдшер тюремной

впервые, не видав до сих пор друг друга в лицо. Здесь требовалась выдержка, сообразительность, чтоб угадать «жениха». Был случай недоразумения и такого порядка, когда к товарищу приехала на свидание подлинная невеста, а тюремное начальство заявило, что к нему ходит уже другая. Простодушная провинциалка ударилась было в слезы.

больницы, связь с которым держала В. П. Сизова. Затем использовались за известную плату ряд тюремных надзирателей. Путешествуя к одному из них куда-то в Стрелецкую, В. П. Сизова по пути заходила к нам на квартиру для переодевания в скромный платочек и сарафан.

Заключенным передавались заграничные газеты, листки, мелкие нелегальные брошюры, сообщения „по текущему моменту“ и о том, что делается в партийной организации. Не встречаясь до этого времени лично с Мих. Вас. Фрунзе, бывшим после А. Г. Шляпникова старостой в тюрьме у политиков, мне довелось иметь с ним одно время частую переписку. Записки писались уставным шрифтом, с условной подписью. Сначала, помню, долгое время я подписывался в письмах „Венедикт“, потом сменил подпись на другую— „Богдан“. Приходилось прибегать и к шифровке писем.

Связь с соседними организациями — Орехово-Зуевской и Иваново-Вознесенской—осуществлялась едва-ли не только в период выборов в Думу. При выборах во 2-ю Думу из Иванова приезжали Бубнов („химик“) и Фрунзе („Арсений“).

Из Орехова приезжал „Валентин“, профессионал [95]). Во 2-ю Думу проведен был рабочий-ивановец т. Жиделев.

В 4-ю Думу, как известно, был избран Ф. Н. Самойлов, ивановский ткач; в третью—тоже ивановец-Воронин. Из Орехова при выборах в 4-ю Думу приезжал, между прочим, т. Кокушкин.

В апреле 1907 года произошел первый и единственный за этот период (к тому же, можно считать, случайный) провал во Владимире, несмотря на то, что работа была развернута широко, охватывала все районы, проявлялась в различных видах и формах, проходила при наличии целого ряда нелегальных профессионалов. Хотя работа была поставлена с соблюдением строжайшей конспирации, выдержанности и с достаточно опытными работниками, руководившими организацией, но провалу пришла пора.

---

[95]) Это был т. Гаврилов, после Октябрьской революции замученный в плену у белых (см. «Записки рядового подпольщика» Ц. С. Зеликсон-Бобровский).

На квартире у Скобенникова появился мимоходом некий Толков, оказавшийся предателем и впоследствии разоблаченный. В это время в квартире Скобенникова был „Николай Николаевич“ и В. Ф Кирсанов. Ночью в квартире Скобенникова был произведен обыск и оставлена засада,— Скобенников дома не ночевал. Утром „Николай Николаевич“, собравшийся уехать временно на родину, понес на кв. Скобенникова статью, приготовленную для „Солдатского пути“; придя на эту квартиру, он попал в засаду[96];

[96]) Следствием было обнаружено, что «Николай Николаевич Гаврилов»—не кто иной, как Николай Петрович Растопчин. Два слова из его довладимирского прошлого.

Родился Н. П. в Новгородской губернии, в семье учителя. Еще юношей, обучаясь в техническом училище в Нижнем, Николай Петрович начал работать в с.-д. организации, вскоре изведал тюрьму и ссылку, попавшись с типографским шрифтом при его переноске. Здесь снова получился пример нелепой случайности, какие нередко встречались на пути революционера: Н. П. тащил шрифт в мешке поздно вечером. Какой-то подвернувшийся блюститель норм собственности заподозрил в нем вора. Привязался. Подоспела еще публика. Н. П. взяли с поличным и отправили в участок, а там и дальше... После сидки в Нижегородской тюрьме, он последовал в Архангельск, где и познакомился с Евг. Фед. Дюбюком. В 1904 г. Н. П. из ссылки бежал, работал после этого в Тифлисе, где в конце 1904 г. был арестован, привлечен по делу «Кавказского Союза РСДРП» и в 1905 г. выслан под особый надзор на родину. В октябре 1905 г. дело «Кавказского Союза» было прекращено. В 1906 г. Н. П. работал в Питере, затем недолго—в Полтаве и Уральске.

Следствие обнаружило также, что «Гаврилов»-Растопчин «уклонился» от «отбывания воинской повинности» и отчасти это обстоятельство выручило Николая Петровича, ибо он был передан компетенции горсудьи за проживание по чужому паспорту и отправлен (этапным порядком) на родину для выполнения „гражданского долга“, отделавшись, в конечном счете, только несколькими месяцами сидки. Иначе же, задержавшись еще ряд месяцев во Владимирской тюрьме, Ник. Петрович, безусловно, рисковал бы попасть в компанию большого процесса „Владимирской Окружной организации“. А там ему не поздоровилось бы..

Из последующей жизни Н. П. Растопчина мне известно, что осенью 1907 г. он, этапом через Москву и Питер, идет на родину в г. Тихвин, а в декабре того же года работает уже

позднее явился туда и Скобенников. Часа в 4 дня «Таня» со студентом Докукиным шла на эту же квартиру. На улице она простилась с Докукиным и только что стала переходить дорогу, направляясь на квартиру Скобенникова, как вдруг из окна ближайшего дома высунулась девица, лет 16-ти, и прерывающимся от волнения голосом, проговорила: — „Не ходите, не ходите, туда нельзя ходить". Привычная вечно быть настороже, „Таня" сразу поняла, что, очевидно, на их конспиративной квартире дело не ладно. Она быстро повернула и подальше ушла от этих мест. Очевидно, слежка была: в эту ночь у сопровождавшего „Таню" Докукина был обыск, так как квартиру его нетрудно было найти, — он был коренной владимирец и человек вполне легальный. Товарищ же Симановская, как профессионал, проживавшая нелегально и известная для полиции под именем „Тани", быстро укрылась на несколько дней в одной из конспиративных квартир и так и не была розыскана полицией. Позднее установили, что девушка, предупредившая „Таню", была дочь жандарма Горбунова.

Об аресте „Николая Николаевича" мне дали знать тутже в статистику кто-то из встретивших его на улице в сопровождении полицейского.

Было поздно. Я направился к себе на квартиру, где в те дни жил и „Николай Николаевич", чтобы разобраться с оставшимся после него „скарбом".

в Москве. В феврале 1908 г. Н. Н. перебрасывается в Моск. Окружку и работает в Орехово-Павловском районе, где весной того же года арестовывается и после недолгой сидки в Покровской тюрьме снова высылается на родину. В 1909 г. Н. Н. работает партпрофессионалом в Ярославле; в 1910 году перебирается в Кострому, где в 1912 году опять был арестован и выслан на 2 года в Тулу. В 1913 году, по случаю романовского юбилея, срок высылки был сокращен, но по возвращении в Кострому (в августе 1913 года) он снова арестовывается 20 сент. (3 окт.) 1913 г. и после отсидки высылается в Олонецкую губернию; 11 (24) февраля 1914 года ему было разрешено выехать за границу. В эмиграции он был в Берлине. В настоящее время Н. П. Растопчин является членом ЦКК ВКП(б) и работает в Твери председателем Губ. К. К. ВКП(б).

С переездом на „новую квартиру“ „Николая Николаевича“ (в каторжную тюрьму, около кладбища) началась усиленная связь с тюрьмой, которая выражалась в посылке туда писем и прокламаций для просмотра, на заключение и одобрение, а также и изображений скучающего и одиноко греющегося на солнышке „крысенка“, — так называлась в тюремной переписке „Таня“. Мне удалось два раза

Федор Никитич САМОЙЛОВ.

Социал-демократ — большевик, депутат 4-й Гос. Думы от Владимирской губернии.
(Снимок 1909 г. в Моск. охранном отделении).

проникнуть на свидание к „Николаю Николаевичу“. Один раз, благодаря мягкости помощника начальника Маслова, свидание было получено без особых усилий и, наоборот, вторая попытка попасть на необходимейшее свидание встретила свирепый отпор со стороны другого архиаверзного помощника Васильева. Третий помощник нач. тюрьмы Крицкий был нейтральный, нуждался в воздействии, убеждении, разговоре, но все-таки иногда уступал.

В тюрьме в это время царило большое оживление: она была набита полным-полна. Там продолжали пребывать: М. В. Фрунзе, арестованный весной 1907 г. с неразлучным

с ним Гусевым и другие ивановцы и шуяне; „александровские республиканцы“ — Ф. И. Калинин с Беловым; крестьяне — аграрники Суздальского, Юрьевского и др. уездов; Вася Кислов — туляк, развитой пролетарий, основательно подучившийся еще в тюрьме (я познакомился с ним по его выходе из тюрьмы, совпавшем с приездом ко мне „побывать“ Н. П. Растопчина и был свидетелем их философских дебатов) и многие другие.

В это время уже была развернута и Владимирская каторжная тюрьма, куда большими партиями прибывали со всех градов и весей матушки Руси пленники царского самодержавия. Были повстанцы-матросы — свеаборжцы, „лесные братья“ — костромичи и проч. и проч.

Следует не забыть могилы костромича тов. Уткина (т. „Станко“), погибшего в тюрьме от туберкулеза и схороненного в знаменитом углу владимирского кладбища, где, благодаря „заботам“ попечительного тюремного начальства, быстро росли частоколы могильных крестов (казенного однообразно выдержанного фасона, размера и окраски — светло-желтого цвета); при чем, на некоторых из крестов имелись надписи списочного порядка (сразу ряд имен былых бойцов, сброшенных тюремщиками в одну общую могилу).

Интервалы между крестами, особенно в весенние и осенние месяцы, когда в тюрьме направо и налево косил туберкулез, были чрезвычайно коротки; иногда в течение 3-4 дней подряд появлялось несколько крестов.

Кладбище казненных было скрыто и находилось вне ограды за стеной.

Самые казни производились, по слухам, частью во дворе тюрьмы, частью в сторожке-будке у Нижегородской заставы. Ритуал казни сопровождался непременным представительством „батюшки“ — „духовного отца“ и палача, затем присутствовал представитель „правосудия“ — прокурор и для прочтения приговора (черной работы) — секретарь, иногда заменявшийся для тренировки — натаскивания молодым „кандидатом на судебные должности“, и, наконец, представитель „охранения государственного порядка“. По рассказам одного из судейских кандидатов, при одной из казней никто не мог до конца твердо выдержать, кроме находившегося здесь пресловутого

пристава Дробышева. Палачем подозревали одного из арестованных, сидевших в этой же тюрьме, потом орудовавшего в Орловском централе, а также был слух, что действует какой-то городовик, по описанию—небольшого роста, рыжий.

В связи с этим, мне припоминается эпизод. Меня посетили два „лесных брата“ (боевики-экспроприаторы)—костромичи, которые приехали неожиданно на адрес П. Ф. Леонтьева и в течение, примерно, недели или двух надоедали

Владимирская центральная каторжная тюрьма.

мне своими планами. Прежде всего, услыхав, что называют в качестве палача некоего рыжего городового, они обошли полицейские посты Владимира; наткнувшись на рыжего, действительно, довольно рослого крепкого городового, помнится по фамилии Белоногов, они решили, что это именно и есть палач, а отсюда выдвинули предложение „снять“ этого городовика. Мне стоило больших усилий отговорить их. Были с их стороны намерения и по части „эксов“, но и здесь они встретили отпор и, наконец, оставили меня и Владимир в покое и исчезли куда-то. Из серьезных „боевиков“ у меня бывал и пользовался ночевкой, кроме „Станко“ (Уткина), еще один из „эксистов“, после которого у меня остался большой (но пустой) кошелек, неизвестно в прошлом кому принадлежавший.

Кстати уж. Еще до провала „Николая Николаевича“ через Владимир проезжал и на некоторое время задержался

во Владимире товарищ с Урала „Ефрем“(?), которого вначале владимирцы хотели оставить у себя на работе, но, ознакомившись с его слишком радикальным настроением по части эксов и проч., отпустили с миром и он поехал дальше.

После ареста „Николая Николаевича“, работа целиком свалилась на плечи „Тани“. Тов. „Борис“ в это время уехал на Лондонский с'езд, „Максим“ отбыл раньше из Владимирских краев. Больше профессионалов не осталось (Часовников исчез быстро). „Таня“ пробыла во Владимире до середины лета; ей на смену приехал профессионал „Геннадий“.

После Лондонского с'езда тов. „Борис“ вернулся во Владимирскую организацию и об'ехал с отчетным докладом о с'езде Владимир, Муром, Кулебаки и Гусь. На Гусю он задержался несколько дольше и сюда (должно быть, в июне) к нему на Гусь приезжал „Геннадий“, чтобы перенять связи и продолжать работу, т. к. „Борису“ приходилось покидать Гусь и при том спешно, в силу того, что за ним началась уже полицейская охота. На квартиру М. Ф. Шилина, где чаще всего бывал „Борис“, стал похаживать под предлогом различных справок городовик, да и неоднократное посещение Гуся еще до с'езда создало „Борису“ большую популярность настолько, что и малые ребятишки уже могли показать—кто такой тов. „Борис“.

„Борис“ приехал во Владимир и здесь, после совещания с „Таней“, решено было, что он немедленно покидает Владимирскую организацию. Он спешно выехал из Владимира, примерно, в конце июня, соблюдая конспиративные предосторожности, пользуясь, как это не раз бывало, услугами тов. А. В. Панкова при посадке на поезд[97]).

---

[97]) Из Владимирского района «Борис» был направлен Московским Областным Бюро, как партийный профессионал, в Саратов, где он был кооптирован в члены Саратовского Комитета и первое время, по поручению Комитета, об'езжал партийные организации Нижне-Волжской области, в целях устройства Областной конференции и создания Областного центра. Осенью 1907 г. «Борис»—Асаткин был арестован в Царицине, куда приехал по поручению Саратовского Комитета для борьбы с охватившим верхушки царицинской организации увлечением боевизмом и эксами. Здесь он, между прочим, рисковал быть

Уголок кладбища каторжан Владимирской центральной каторжной тюрьмы.
(Снимок 1912 г.).

Когда „Таня“ уезжала из Владимира, товарищи думали, что дни ее „сочтены“. Так она измоталась! Она уезжала в Рязань, чтобы отдохнуть. Проводы протекали под руководством „Геннадия“, который, уложив „Таню“ в вагоне на лавку, в целях обеспечить ей спокойную ночевку, обратился к соседям по вагону с заявлением: „Потише, пособорованная“. И „Таня“ до самой высадки в Рязани преспокойно проспала.

О „Геннадии“ у владимирцев, имевших с ним дело, сохранилась добрая память. Это был Николай Николаевич Соколов (брат старого большевика Василия Николаевича Соколова, известного, после II-го с'езда партии, организатора „всероссийского“ из-за границы-транспорта)[98]). „Геннадий“, как и целый ряд работников, прошедших через Владимир (Роза Самойловна Зеликсон, Софья Константиновна Загайная,

---

притянутым по делу боевиков-эксцестов (это было бы злой иронией, поскольку «Борис» яро боролся с последними); угрожало ему также открытие его пребывания в Воронеже, и поэтому в конце-концов он решил открыться, как бежавший из ссылки. Находясь в тюрьме, он заболел тифом, но тем не менее, администрация, не дожидаясь его выздоровления, отправила его этапом в Сибирь. Вторичную ссылку Асаткин отбывал в Нарыме до лета 1911 года. За время ссылки (в 1910 г.) Асаткин, вместе с 15-20 других ссыльных—большевиков (в том числе: Голощекин, Косарев, Новожилов, Новоселов, Куйбышев, Дмитриев и др.), привлекался за создание партийной организации в ссылке. Во время вторичной ссылки Асаткин был избран в 1909 году весной председателем Центрального Бюро полит. ссыльных Нарымского края.

О партработе А. И. Асаткина имеются, в частности, указания: в издании Костромского Истпарта — „1905-й год в Костроме“—на стр. 26 и 59, в брошюре М. Растопчиной—„Очерки по истории революционного движения в Костроме“—на стр. 16 и 49, в издании Иваново-Вознесенского Истпарта—„1917-й г. в Иваново-Вознесенском районе“—стр. 130, 131, 185, 186, 190, 199, 206, 217, 224, 230, 233, 295, 297 и 298.

[98]) Николай Николаевич Соколов—бывш. студент Ярославского Демидовского лицея, сын крестьянина дер. Славной, Богословской вол., Костромской губернии и уезда. В 1904 г. Н. Н. привлекался в качестве обвиняемого к дознанию по 102, 126, 129, 130 и 131 статьям по делу «о социал-революционной пропаганде среди нижних чинов костромского гарнизона и распространении среди них преступных прокламаций». В 1905 г. вновь был привлечен по 121 и 129 статьям по делу о демон-

Семен и Алексей Михайловичи Серговские, Юлия Петровна Горская-Перевозникова, Мария Александровна Симановская-Растопчина, Александр Николаевич Асаткин). работал одно время в Костроме. Сменив „Таню“, „Геннадий“ побывал в Муромском районе, поработал на Гусю.

Тов. „Геннадию“ пришлось во Владимирской Окружке проработать очень недолго. После Владимира он переселился в Москву, где у него, помнится, в Садовниках, жила семья.

Летом же 1907 года в работу организации вошла и оказывала большую энергичную помощь „Тане“ и „Геннадию“ по переписке с округом и связи в городе (корреспондирование, переписка оригиналов для печатания, хранение архива и т. д.) — студентка Московского университета Варвара Павловна Сизова[99]).

С наступлением наиболее тяжелого периода реакции (1908—1910 г. г.) Владимирская Окружная организация дала большой крен и работа пошла на убыль. Отдельные из местных с.-д. групп, наиболее слабые и существовавшие в непролетарских пунктах, рассыпались еще раньше. Так, Суздальская группа РСДРП была ликвидирована в 1907 г., когда в Суздале произведены были обыски и аресты ряда работников.

По доносу прислуги приюта, в котором работала Александра Александровна Невская, 24-го марта (6 апр.) был произведен обыск у Рыболовского (найдено: социал-демократическая литература, прокламации и рукописи соц.-дем.

страции. В 1906 г. Н. Н. был выслан в Тобольскую губернию на 3 года. 3 (16) августа 1912 г. он был освобожден от гласного надзора, за отбытием срока, и в ноябре, получив бессрочную паспортную книжку, как значится в жандармской справке, выбыл в город Самару или Саратов, где, по слухам, служил в качестве редактора газеты. Умер Н. Н. Соколов в 1919 г. от туберкулеза.

[99]) До работы во Владимире, В. П. Сизова («Евгения») зимой 1906—7 г. уже принимала участие в партийной работе в Москве по складу литературы Областного Бюро, финансовой комиссии М. К. и военной организации, будучи одной из помощниц т. Доната (Шулятикова).

характера, писанные рукой Рыболовского) и у Юлии Ивановны Скобенниковой (найдено: социал.-дем. литература и переписка Суздальской группы РСДРП); 25 марта (7 апр.) была арестована Невская и Скобенникова, 15 (28) апреля прибыл во Владимирскую тюрьму Рыболовский. Кроме того, был обыск у акушерки женской больницы Порданской.

18 (31) августа по телеграфному распоряжению был задержан в Витебской губернии и доставлен во Владимирскую тюрьму П. М. Херасков, которому инкриминировалось выступление 2 (15) июля 1906 г. близ с. Гавриловского на митинге.

В деле о Суздальской группе имеется указание, со ссылкой на протокол Владимирского Окружного Комитета РСДРП от апреля 1907 г. [100]), что в „Суздале никакой с.-д. организации не существует". В этом же деле имеется и характеристика как самой группы, так и ее работы. Группу, по подсчету судейских и полицейских властей, составляли 17 лиц, „принадлежащих к городской интеллигенции". Дальше сообщается, что „в деле имеются, однако, сведения, что группа пыталась руководить крестьянами, влияя на существующий в уезде беспартийный крестьянский союз". Из того же следственного материала по делу Суздальской группы узнаем, что „2 (15) июля 1906 г. близ с. Гавриловского был организован митинг, где выступал неизвестный агитатор; имеются основания предполагать, что это был преподаватель частной гимназии (московской) П. М. Херасков". Крестьянам близлежащих к Суздалю селений (Янево, Константиновка, Иваново-Шуйское, Корельская Слобода, Крапивье, Гавриловское) пред'являлась „для опознания" карточка П. М. Хераскова и тут, как это частенько происходило, крестьяне (быть может, по разным побуждениям) отчаянно путали полицию. Одни говорили, что приезжий „оратор" был с бородой, высокого роста, черный, другие, наоборот, утверждали, что он был без бороды, маленького роста и прочее в этом роде.

100) Это, повидимому, было последнее заседание Окружного Комитета; августовская конференция Окружной организации, как видно из отчета о ней, помещенного в приложениях, приняла решение о перестройке руководящих работой Окружки органов.

Кроме арестованных в марте 1907 г. суздальцев, в деле приводятся фамилии — учителя Агапова (тогда близкий к эсерам, или входивший в крестьянский союз) и суздальского мещанина Степана Ивановича Назарова.

По своим личным воспоминаниям отмечу, что в Окружной организации была мысль продвинуться с агитацией среди крестьянства дальше по той полосе, которая тогда была

Николай Николаевич СОКОЛОВ
(„Геннадий").
Снимок 1908 г. во Владимирском губ. жандарм. управлении.

охвачена аграрным движением, — в пределы Юрьевского уезда, где больше орудовали эсеры. У меня имелась возможность дать Н. М Хераскову для связи с районом Бережки адрес студента-медика Юрьев-Дерптского университета Владимира Михайловича Святухина, через которого я в свое время (в 1903-5 г. г., когда Святухин был Владимирским семинаристом) мог проникать в семинарию. Однако, — как после мне рассказывал Н. М. Херасков, — из этой попытки ничего не вышло: на месте не оказалось нужной зацепки, не было нашего крепкого организатора.

Работа в Суздале, очевидно, замерла вместе с арестами товарищей в марте 1907 г., хотя последние летом того же года и были временно освобождены из тюрьмы.

Работа судогодской группы РСДРП сошла на нет, надо полагать, с от'ездом из Судогды В. М. Углова, который был в октябре-ноябре 1906 г. арестован (в дни рекрутского набора), просидел во Владимирской тюрьме до февраля-марта 1907 г. и осенью того же года уехал в Москву, в университет [101]).

На августовской конференции Овружной организации (12 (25) августа 1907 г.) были представители соц.-дем. групп лишь Владимира, Гуся-Хрустального, Коврова, Мурома и Кулебак. Из отчета об этой последней конференции можно догадываться, что она проходила либо при т. „Геннадии", либо вскоре после его от'езда из организации. Августовская конференция была вехой, которая ограничивает конец широко развернутой и организационно оформленной работы Владимирской Овружной организации. Тем не менее, к этому моменту считать организацию разгромленной, как это делает в одном из своих рассказов т. Воронский,—нельзя [102]), это противоречило бы фактам.

На смену „Геннадию" для работы во Владимирской Овружке осенью 1907 г. (должно быть, в сентябре) приехал Александр Константинович Воронский („Валентин"). Тов. Воронский был последним из присланных во Владимир профессионалов. Из жандармских материалов видно, что при т. Воронском продолжалась работа во Владимире, Ундоле и на Гусю-Хрустальном, где Воронским проводились собрания. Сам т. Воронский рассказывает о своей поездке в Ковров, где он нашел у сохранившихся местных работников отход в сторону меньшевизма. Попутно здесь я должен отметить, что при строго-выдержанном большевистском руководстве

[101]) В. М. Углов—бывший семинарист, затем учитель. По от'езде из Судогды в Москву, принимал там некоторое участие в с.-д. работе.

[102]) Тов. Воронский упоминает, в связи с разгромом Владимирской Окружной организации, имя тов. М. В. Фрунзе («Арсения»). Тов. Фрунзе во Владимирской Окружной организации никогда не работал.

Исп. Бюро Окружного комитета и входивших в состав его профессионалов, при достаточно крепком большевистском настроении организации в целом,—на всем протяжении деятельности Владимирской Окружной организации „душок меньшевизма“ витал в ковровской и муромской группах. Исп. Бюро Окружного Комитета приходилось в этих районах

Александр Константинович
ВОРОНСКИЙ
(«Валентин»).

вести борьбу с меньшевистскими уклонами, а иногда сталкиваться и на конференциях с представителями ковровцев и муромцев. В частности, меньшевистское „качание“ муромцев сказалось и в период выборной думской кампании.

Трудно сказать, откуда в Муром и Ковров было занесено меньшевистское течение [103]).

На положении дел в Муромской и Ковровской с.-д. группах я не останавливаюсь, поскольку об этом имеются

[103]) Между прочим, в Вязниках были, сравнительно, сильны эсеры, проявляли они также себя и на Гусю-Хрустальном, где одно время обосновались и анархисты.

специальные работы (Муромский сборник—„20 лет рабочей организации“ и статья т. Лихина во II-м выпуске издания Владим. Истпарта— „Рабочее движение и социал.-дем. работа во Владимирской губернии в 900-х годах“), хотя они и нуждаются в соответствующих коррективах, раз'яснениях и пояснениях [104]). Можно лишь разве сказать, что в работе Муромской группы принимало участие много интеллигентской, студенческой молодежи. Рабочая публика из Муромских активистов (как видно из Муромского сборника), помимо своей организации, держала связь со студенческими землячествами, снабжавшими Муром литературой. Что же касается меньшевистских веяний в Муроме, то не исключена возможность занесения этих веяний через соседей-сормовцев, среди которых, как известно, одно время наблюдалась довольно рьяная работа меньшевиков.

---

[104]) Возвращаясь к ошибке (о которой сказано нами на стр. 154 наст. издания), допущенной авторами и редакцией Муромского сборника относительно связи Муромской организации с Владимиром, должен сказать, что путаница эта, имеющаяся на 95 стр. сборника, усугубляется на стр. 98 и 107, где говорится об обслуживании Мурома силами Московской Окружки. Я что то не слыхал и этого не могло быть, чтобы Московская Окружная организация распространяла свое влияние дальше Орехово-Зуевского района (по линии Нижегородской ж. д.). Не думаю, чтобы Муромскими вспоминателями была допущена здесь безграмотность и Моск. Окружка спутана с Моск. Областным Бюро. На стр. 107 упоминаются два профессионала, очевидно, имеются в виду—В. И. Миролюбов (см. статью В. И. Деева в том же сборнике, стр. 64, где сообщается о наездах из Коврова в Муром Миролюбова и Семена Серговского) и «Максим»—А. М. Серговский (см. там же, стр. 68 и 109). И тот и другой (как и С. М. Серговский) входили в состав Владимирской Окружной организации и были посланы от последней в Муромский район. В Муром летом 1905 года ездила также и Р. С. Зеликсон.

Нельзя пройти мимо своеобразных рассуждений т. Шляпникова в Муромском сборнике (стр. 98) относительно, якобы, «конкурентной работы» Москвы и специфического противопоставления «интеллигентских сил» Окружки «прошедших суровую школу подпольной работы на крупном заводе и умевших лучше подойти к рабочим, чем те» (!?). Эти характерные и весьма путаные строки невольно напомнили мне былые встречи с т. Шляпниковым по союзу металлистов и его излюбленные «мы» и «они», когда он возглавлял так наз. «рабочую оппозицию».

О Муроме мы уже ничего не находим в воспоминаниях т. Воронского. Или ему не удалось там быть, или к этому времени Муромская группа отпала, или окончательно рассыпалась,—сказать трудно[105]).

В более или менее регулярной связи с Владимиром, почти непрерывно за описываемый мною период времени, находился район Гуся-Хрустального.

При т. Воронском его ближайшими помощниками по работе надо считать, видимо, прежде всего Павла Степановича Батурина (с которым Воронский дружил), затем Сергея Ивановича Гульшина и Александра Алексеевича Новосадова. Кроме того, Воронский нашел в работе содействие со стороны группы интеллигентской молодежи, состоявшей раньше в эрдековской группе „Валерьяна“ — Дьяконова: сестры Царевы, А. В. Федоровская, О. Кузнецова, Знаменская.

Варвара Павловна Сизова говорит, что, уезжая с каникул из Владимира в университет, она встретила как раз приехавшего в это время во Владимир А. К. Воронского и передала его „на попечение“ А. В. Федоровской, к которой, по словам Варвары Павловны, перешла от нее и вся техническая секретарская работа в Окружке.

Для связи с Ундольским районом попрежнему использовывался И. Я. Тимофеев и неразлучный с ним его подмастерье—Володя хромой (фамилию забыл).

Тов. Воронскому не суждено было долго продержаться во Владимире: 26 октября (8 ноября) он был арестован в Народном Доме. Вслед за Воронским арестованы были Новосадов и Гульшин. Новосадов недели через две из тюрьмы был выпущен, а Воронскому и Гульшину 8(21) января 1908 г. арест был продлен, а распоряжением от 1(14) февраля оба они высланы на 2 года в Вологодскую губернию (Воронский—в Яренск, Гульшин—в Усть-Сысольск).

---

[105]) А. Г. Инфонтов передавал, что П. С. Батурин в 1912-13 г.г. ездил в Муром, но я не решаюсь этого подтверждать.

После ареста Воронского и др. работа поддерживалась, видимо, оставшимся на свободе П. С. Батуриным[106]), при содействии других молодых товарищей[107]).

Владимирская Военная организация РСДРП после провала Н. П. Растопчина и А. П. Скобенникова продолжала действовать и продержалась до октября. 19 авг. (1/IX) 1907 г. была проведена конференция 9-го Сиб. гренад. полка, но в конце-концов в организацию проник провокатор— рядовой 15-й роты Ефим Широбоков, предложивший офицерству свои услуги по разведке участников организации и ее работы. Широбокову вызвался еще помогать Козлов. Начались обыски и аресты среди солдат. 23 сен. (6/X) в д. Кашициной, по Бакулинской улице (в Солдатской Слободе), у хозяйки дома был произведен обыск, при котором найдена нелегальная литература, устав Владимирской Военной организации РСДРП, протокол конференции 9-го Сибирского полка, шифрованные записки и библиотечка. Хозяйка квартиры показала, что все это принадлежит К. П. Юхлову — ученику музыкантской команды, и что он снабжал литературой П. А. Алексеева и ее дочь. Затем был обыск у А. С. Нежданова, у которого нашли большую библиотеку.

Из состава Военной организации были арестованы: К. П. Юхлов, П. А. Алексеев (рядовой музыкантской команды);

---

[106]) Геройски погиб во время налета белогвардейских казачьих банд на г. Лбищенск 5-го сентября 1919 года.

«Скромность, естественность, вдумчиво-серьезная простота были его наиболее характерными чертами; он не любил эффектных поз и красивых фраз, а молчаливо, сосредоточенно, строго выполнял то, что при данных условиях считал неизбежно необходимым»,—так характеризуют его иваново-вознесенцы, когда он с 1-го января по 1 мая 1919 г. был в Иваново-Вознесенске председателем Губсовнархоза.

[107]) Первую половину 1908 г. я провел в Москве, вернувшись, после трехлетнего перерыва, к занятиям в университете. В Москве в это время собрались многие из работавших во Владимире в 1905-1907 г.г. Здесь уже были: А. И. Морозов, С. В. Дегтярев, И. В. Архангельский, В. П. Сизова, В. М. Углов, Н. П. Растопчин, М. А. Симановская, А. И. Дьяконов, сюда же пытался перекочевать и Сергей Иванович Назаров, пристроившись в Москве где-то на службу.

рядовые 9-го Сибирского полка—Г. А. Соломович, Ильютович, П. З. Курбатовский; рядовые 10-го Малороссийского полка—П. М. Аронович, Н. П. Синегубов, В. Ф. Чепурнов и Г. Н. Немсадзе. Арестован был также и А. С. Нежданов.

Дело о Военной организации присоединили к делу Владимирской Окружной, создав большой процесс. Дело это разбиралось летом 1908 г. военно-окружным судом, под председательством генерала Милкова. В качестве обвиняемых были привлечены: Иван Михайлович Херасков, Владимир Петрович Рыболовский, Александра Александровна Невская, Сергей Васильевич Дегтярев, Алексей Иванович Скобенников, Иван Павлович Шаталов, Юлия Ивановна Скобенникова, Мария Ивановна Зыкова, Константин Иванович Юхлов, Павел Всеволодович Козлов, Георгий Александрович Десов, Николай Григорьевич Резчиков, Илья Васильевич Никифоров, Георгий Иванович Гришин, Василий Васильевич Гутанов, Александр Иванович Чижов, Алексей Семенович Нежданов, Герш Абрамович Соломович, Лейба Мордкович Ильютович, Езель Зеликович Курбатовский, Иван Алексеевич Алексеев, Исаак Мовшович Аронович, Василий Федорович Чепурнов, Гавриил Иванович Немсадзе и Михаил Иванович Синегубов[108]).

---

[108]) По приговору суда обвиняемые были осуждены:

1) Херасков — лишен звания потомственного дворянина, прав состояния и сослан на поселение;

2) Рыболовский—лишен звания потомственного почетного гражданства, прав состояния и осужден на 4 года каторги;

3) Ильютович—лишен воинского звания, исключен из военной службы, лишен прав состояния, осужден на 6 лет каторги;

4) Соломович—лишен воинского звания, исключен из военной службы, лишен прав состояния, осужден на 6 лет каторги;

5) Алексеев—лишен воинского звания, исключен из военной службы, лишен прав состояния, осужден на 6 лет каторги;

6) Курбатовский—лишен воинского звания, исключен из военной службы, лишен прав состояния, осужден на 6 лет каторги;

7) Аронович—лишен воинского звания, исключен из военной службы, лишен прав состояния, осужден на 6 лет каторги;

8) Немсадзе—лишен воинского звания, исключен из военной службы, лишен прав состояния, осужден на 6 лет каторги;

9) Дегтярев—лишен прав состояния и осужден на 4 года каторги;

1908-й год начался попыткой массовой ликвидации соц.-дем. организаций во Владимирском районе: полосой прошли обыски и аресты в Муроме, на Гусю-Хрустальном и затем в Коврове.

На запрос Московского охранного отделения о причинах отсутствия агентурных сведений за декабрь месяц 1907 г. по РСДРП во Владимирском районе, начальник Влад. губ. жанд. управления 16 (29) января 1908 г. сообщает, что „РСДРП никаких действий не проявляла, в виду этого и агентурные сведения по этой партии не представлены“[109]).

В конце января жандармерия произвела налет на Гусь-Хрустальный, где было произведено 30 обысков и 19 чел. арестовано (обыски начались с анархистов и от них привели к социал-демократам); затем были обыски в Муроме (23 обыска); 12 (25) февраля было 17 обысков во Владимире (у с.-д. и с.-р.); в июне месяце произведены были обыски в Коврове[110]).

Как и всегда при массовых обысках, жандармы, будучи не точно информированы[111]) и слабо разбираясь в отличиях

---

10) Скобенников—лишен прав состояния и осужден на 4 года каторги;

11) Нежданов—лишен прав состояния и осужден на 4 года каторги;

12) Козлов—лишен прав состояния и сослан на поселение;

13) Юхлов—лишен прав состояния и сослан на поселение;

14) Скобенникова—сослана на поселение;

15) Зыкова—осуждена на 2 года крепости;

16) Десов—осужден на 1 г. и 6 м. крепости;

17) Резчиков—на 1 г. крепости;

18) Гутанов—на 1 г. крепости;

19) Гришин—на 8 м. крепости;

20) Шаталов—на 2 г. тюремного заключения.

Остальные обвиняемые были оправданы.

[109]) Архив Влад. губ. жанд. упр. за 1908 г., д. № 46.

[110]) См. документы в приложениях в конце настоящего издания.

[111]) Путали и сбивали с толку жандармов личные знакомства и связи участников революционной работы друг с другом, сказывалась и просто безграмотность шпиков, жандармерии и полиции.

между эсдеками и эсерами, делали облаву на тех и других, а в последующей переписке, если результаты обыска (найденные прокламации, отобранная литература и проч.) не давали возможности точно определить, именовали зачастую эсера—эсдеком, или наоборот. Характерно здесь отметить, что, гоняясь больше за с.-д. и имея перед собой достаточный материал (хотя бы в виде распространяемой по району литературы) о значительной работе соц.-дем. организаций, жандармы чаще величают ошибочно отдельных с.-р. эсдеками. Как пример изумительной путаницы и безграмотности жандармов, приведу справку из дел Владимирского губернского жандармского управления на привлеченных после февральских обысков к переписке в порядке охраны. Эсерствовавший гимназист 5-го класса Ник. Нарбеков именуется—„как видный член РСДРП"; Израиль Яковлевич Эдельман (тоже гимназист), приятель П. С. Батурина[112]) именуется „как главный организатор с.-.д. рабочей партии"; в общем, все и вся—„главные", „видные" и т. д. Иван Яковлевич Тимофеев и Иван Прохорович Гузин—участники эсдековской работы—причислены к с.-р. Все это „на основании агентурных сведений".

Просматривая архивные дела охранки, наталкиваешься не только на ошибки и промахи последней, но и на прямые курьезы. Приведу ряд примеров. Московское охранное отделение от 11(24) февраля 1908 г. сообщает: „некто „Людмила", через Анну Васильевну Федоровскую, проживающую на Юрьевской улице, дом „Трудолюбия", имеет переписку с неизвестным лицом, проживающим в Москве".. „Сообщая

---

[112]) В то время революционно настроенная гимназическая молодежь разбилась на две группы, из которых одна (эсдекствующие: Эдельман, Б. С. Соловьев, Рыбин, Царьков и др.) группировалась около П. С. Батурина, другая группа (Каляжный и проч.) около эсера Н. М. Петрова. И. Я. Эдельман, видимо, принимал участие в «Красно-Крестовской» работе, т. к. у него при обыске отобраны были записи сборов в пользу «Красного Креста». Вспоминается, что при обыске у Эдельмана его сестра пыталась выбросить некоторые компрометирующие документы через окно, но так неудачно, что документы попали в руки поставленного под окном городовика.

об изложенном, начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве" просит Владимирскую жандармерию, если представится возможность, выяснить „означенную" „Людмилу" и по ее связям неизвестное лицо, которое в посылаемых „Людмиле" письмах подписывается „Вол" (или „Вал"?). Жанд. унтер докладывает по начальству, что А. В. Федоровская в хороших отношениях с Людмилой Михайловной Филипповой (нашел Людмилу,— тащи), проживающей по Девической улице, в доме Потапова, служащей в Страховом отделе, „но с кем „Людмила" имеет переписку", - безнадежно сознается унтер,—„выяснить не представляется возможным". А начальник, располагая в свою очередь этими унтерскими данными, идет дальше и делает новое открытие. 2 (15) марта он извещает Москву, „что „Людмила" *есть действительно* Людмила Михайловна Филиппова" и т. д. „Что же касается подписи в письме „Вол", — продолжает начальник, — то личность таковой выяснить не представилось возможным". В утешение же он добавляет, что „по некоторым данным, есть возможность предполагать, что этой личностью является брат Федоровской". Ну еще бы! „Людмилу" то найти не так трудно и во Владимире „Людмил" наберется, а вот настигнуть по Москве таинственного „Вол"—не хватит, пожалуй, ни расторопности, ни мудрости и унтера. А ларчик открывается просто. Та самая „означенная некто „Людмила" и была сама А. В. Федоровская (по партийной кличке „Людмила"), а исчезнувший в Москве „Вол" („Вал"?) был никто иной, как „Валериан"—А. Н. Дьяконов, работавший тогда в Московской партийной организации.

Той же Московской охранке понадобилось „выяснить личность „Тани", получающей письма из Москвы по адресу: „Владимир на Клязьме, большая улица, Архиерейский дом, надзирателю Сергею Корочкину, для „Тани". В ответ на запрос об этой „Тане" в Москву направляется 12 (25) августа 1908 года характеристика С. Ф. Корочкина: „сын крестьянина села Твердилова, Переславского уезда, окончил семинарию в июне 1908 г., выехал на родину около двух с половиной месяцев. Корочкин человек мало общительный, круг знакомых имеет очень ограниченный".

Иное положение создавалось для работы той или другой партийной организации, ежели в ее ряды удавалось втереться провокатору. Но на этом не приходится останавливаться, ибо история провокации много и хорошо описана и достаточно известна. Мимоходом коснусь лишь „деятельности“ одного крупного провокатора, „работавшего“, главным образом, по Иваново-Вознесенскому району (в то время—Владимирской губернии) и скрывавшегося под кличкой „Владимирец“[113]). В уцелевших о нем документах мы находим, что „Владимирец“, проникнув заграницу (в Париж, попав там в ленинскую партийную школу), доставлял весьма ценные для охранки сведения: адреса, явки, шифр и проч. Из переписки о „Владимирце“ можно видеть, как высоко жандармы расценивали его „работу“. Шуйский помощник начальника жандармского управления просит Владимирское начальство разрешить ему командировку „для личного свидания с имеющим прибыть из-за границы в Москву „Владимирцем“.

Можно с большой уверенностью утверждать, что лишь тогда, когда удавалось полицейскому шпиону проникнуть внутрь самой организации, или же из рядов последней полиция сумела завербовать провокатора и постольку такой предатель стоял близко к руководству работой и был в курсе ее,—охранникам удавалась в той или иной мере ликвидация организации. Даже осведомителям, вербовавшимся из лиц, толкавшихся около организации, или среди знакомых с кем либо из революционеров по службе, школе, квартире и т. д., но не имевших отношения к самой организации,—не удавалось раздобывать сколько нибудь ценных сведений для охранки. Из Владимирских осведомителей, насколько мне известно, пока-что обнаружен только Гуляев, имевший возможность по работе в статистике и редакции „Владимирца“ доносить охранке о сборах на „Красный Крест“. В этом отношении Владимирской организации посчастливилось. На моей памяти в ее ряды не проникал

113) Этот псевдоним после революции судебной комиссией при Ив.-Вознесенском Революционном Комитете Общественной безопасности окончательно раскрыт: то был некто Семен Семенович Икрянистов из Иваново-Вознесенска, покончивший самоубийством еще, кажется, в 1911 г. (1916 ?)

ни один провокатор. Работа провокаторов сказывалась на Владимирской организации, если так можно выразиться, рикошетом, отраженным ударом. Из Москвы, где все больше и больше стараниями и искусством Зубатова и его сподвижников усиливалась провокационная работа, где, затем, параллельно снижению революционной волны и усилению реакции, все более и более, благодаря провокации, учащались и становились хроническими провалы, — результаты обыска там у кого либо давали жандармам возможность перенести свое внимание и работу на местную провинциальную организацию. Так было с провалом квартиры Дегтярева, адресов Перфильевой и Александровой. Добровольные же доносчики (прислуга, обыватели-соседи, квартирохозяева и т. д.), не будучи в состоянии дать что либо серьезное охранке, часто безграмотно и безнадежно путали, а это иногда самих жандармов сбивало с толку и вводило в заблуждение (пример: обыск у сапожника С. П. Назарова в поисках типографии, у газетчика Петухова и др.).

Чтобы покончить с приемами жандармов, приведу ряд выписок из „Дневника наблюдений". Не рискуя раскрывать (хотя и старые) стороны житейского обихода других товарищей, позволю себе взять выписки из дела по наблюдению за мной во Владимире [114]).

„20 ноября... Вялый вечером вышел с женой и пошли в народный дом на лекцию, во время антрактов вел разговор в общей зале с чиновником губ. зем. упр., приметы которого: лет 28—30, низкого роста, коренастый, блондин, носит длинные волосы, небольшую бороду и усы, одет в серую малороссийскую шапку, черное осеннее пальто, брюки на выпуск, иногда носит пенсне и чиновничью фуражку..."

„21 ноября. Вялый. В 6 ч. 35 м. вечера к нему пришел помянутый в дневнике 20/XI чиновник, в 8 ч.

[114]) «Дневник наблюдений по г. Владимиру за бывшим студентом Федором Аркадьевичем Благоправовым, служащим в Губ. Земск. Управе, принадлежащим к соц.-дем. партии, кличка наблюдения «Вялый», за время с 19 ноября 1911 года. «Вялый» взят под наблюдение, вследствие отношения Владимирского губернатора от 16 ноября 1911 г. за № 1491. „Вялый" проходил по наблюдению в 1909 г. с «Красным» и «Цинковым».

20 м. вечера Вялый, чиновник и Вялого жена вышли, возле Дворянского собрания Вялый с чиновником пошли на Троицкую улицу, а жена Вялого вошла в Дворянское собрание; возле трактира „Перепутье“ наблюдаемый с чиновником были утеряны“.

„22 ноября... помянутый в дневнике 20 и 21 ноября чиновник в 2 ч. дня взят из Губ. зем. упр. и проведен в д. Фридляндера, угол Царицинской и Боровка, квартира с Верхнего Боровка, по установке оказался Иваном Титовичем Морозовым“.

Несколько слов по поводу приведенных выписов из „Дневника наблюдений“.

Какая изумительная точность во внешних описаниях! Как тщательно зарисована наружность И. Т. Морозова. Трактирчик с привлекательной вывеской „Перепутье“ соблазнил шпиков и мы с Иваном Титычем (человек безусловно трезвенный) „были утеряны“ в не совсем удобном для поворота месте. А этот замечательный „штиль“: „Вялова жена“, „неизвестный господин“ и т. д. Или профессиональная терминология жандармов: „взят со свидания“, „проходил по наблюдению“ и проч. Иногда по жандармским наблюдениям можно почерпнуть немало „поучительного“ из нашего повседневного в прошлом быта. Так, из „Дневника наблюдений“ по слежке за Сергеем Ивановичем Назаровым можно установить, что он регулярно посещал баню,—чистоплотный был человек! У меня, человека семейного (стало быть и хозяйственного), в „Дневнике“ зафиксированы магазины, где я был заборщиком, а также отмечено, сколь аккуратно являлся я на работу в земскую статистику (каюсь, - не всегда аккуратно, особенно, когда случалось много работы иного порядка).

После обысков и арестов в январе 1908 г., жандармы в своем очередном отчете по начальству о состоянии революционной работы во Владимирском районе горделиво хвастаются, что с.-д. организация ликвидирована начисто. Лучший ответ на это мы находим в помещаемом ниже письме того времени одного Гусевского рабочего.

В результате последовавшей за обыском жандармской переписки, П. С. Батурин и И. Я. Эдельман высылаются

в июне 1908 года в Вологодскую губернию на 2 года, а И. Я Тимофеев и И. П. Гузин — в Архангельскую губернию на 3 года. До отправки в ссылку, П. С. Батурин продолжает вести работу по Владимиру. Энергичное участие в работе за это лето принимает Варвара Павловна Сизова, становясь вместе с Батуриным в корню всей работы. Оказывавший содействие им в то время по работе Владимир Николаевич Изволенский мою роль тогда определяет, как роль используемого ими „советчика". Со слов тов. Изволенского приведу кое-что из работы того времени.

Владимир Николаевич вспоминает, что ему довелось секретарствовать летом 1908 года (хотя он на счет даты не совсем уверен и допускает возможность, что это было еще в 1907 году) на партийном собрании в лесу за 3-й будкой, где обсуждался план работы, заслушивался отчет о работе кружков, происходили выборы и проч. Число присутствовавших на этом собрании он определяет, примерно, в 10-15 чел. (печатники, приказчики, булочники, железнодорожники). Среди работников того времени, кроме Батурина и Сизовой, В. Н. Изволенский называет И. А. Лапшина, И. Е. Бузунова, печатника Андреева, который был кассиром группы [115]), служащего из конторы нотариуса Медушевского—Николаева. Затем В. Н. Изволенский вспоминает проведение собрания батальонных и ротных делегатов военной организации (человек около десяти). Собрание состоялось ночью, в оврагах около кирпичных сараев. Вел собрание П. С. Батурин.

Припоминает Изволенский массовку у 3-й будки по узко-колейке, где присутствовало человек 30 и где Влад. Ник. пришлось стоять, с газетой в руках, патрульным[116]).

---

[115]) Это, видимо, тот типограф (проживавший где-то в Ямской), у которого летом с кассой случилась беда: у него украли, или он потерял что-то рублей 30 денег.

[116]) Массовки (первые из них можно скорее назвать летучками) начали проводиться еще с лета 1905 г. Местами массовок были: рощица за 3-й будкой по «Манчжурке» (так называлась тогда узко-колейная ветка на Гусь-Хрустальный) и местечко за дамбой, у Рахманова перевоза. Вспоминается одна из первых массовок за дамбой, недалеко от мыльного заводика, организованная 1-го мая 1905 или 1906 года (выступавших на этой

Массовка эта была сорвана, Изволенский относит ее к 1-му мая [117]).

„Головка" актива (Батурин, Лапшин и др). иногда пользовалась для устройства своих совещаний помещением в пивной у кузниц на Студеной горе; была использована и квартира Изволенского. По словам Владимира Николаевича, к нему была перенесена как-то летом библиотека организации (довольно большая, как он говорит—мешка 3-4). Библиотека пролежала у Изволенского зиму, а весной или следующим летом (на его собственном горбу) переправилась в Стрелецкую, в квартиру рабочего, возле училища слепых. Состав библиотеки—преимущественно брошюрочный, а также заграничные соц.-дем. газеты: „Вперед", „Пролетарий" и др. Заграничная литература, вспоминает Влад. Ник., получалась регулярно и исключительно большевистская. Почтовый адрес для сношений Влад. организации с другими парт. организациями был в то время также на Изволенского. Была связь с Гусем и Собинкой. До 50 проц. проходившей переписки было шифрованной. Получались из Москвы письма и протоколы отпечатанные. Была и живая связь с периферией, а также

массовке не помню, но выступал кто нибудь из трех—А. И. Морозов, А. С. Самохвалов и А. Д. Кумошенский), состоявшая почти исключительно из интеллигентской публики. К концу лета или в начале осени 1905 г. на небольших массовках были дискуссии с эсерами, против которых выступали И. И. Лебедев и Л. С. Зеликсон. В 1906 г. А. Д. Кумошенским была организована массовка у Рахманова перевоза, сорванная по неопытности патрульной (кажется, одна из Царевых), поднявшей ложную тревогу. Позднее была организована массовка у мыльного завода, разогнанная затем стражниками. По словам С. И. Гульшина, срыв этой массовки помог одному из полиц. чинов (едва-ли не безизвестному приставу Бойчевскому) построить себе на этом карьеру. С. И. Гульшин вспоминает еще о первомайской массовке за Юрьевской заставой, недалеко от Кутанинского имения. По словам Гульшина, массовка эта была в 1907 г. и выступали на ней М. И. Андреев и еще один товарищ. И. Г. Коротков рассказывает о своем выступлении, вместе с А. И. Морозовым, на первомайской массовке также за Юрьевской заставой (за кирпичными сараями); по мнению Короткова, эта массовка была не ранее 1907 г., но и не позднее 1909 года.

[117]) О своем несении «патрульной службы» на массовке в том же месте рассказывает и В. П. Сизова.

наезжали и профессионалы из центра. По библиотеке и переписке Изволенский имел сношение исключительно с Батуриным и мной [118]).

В. П. Сизова в общем и целом подтверждает воспоминания В. Н. Изволенского. Сама Варвара Павловна из периода своей работы во Владимире вспоминает свои встречи на „тарелке"—на Пушкинском бульваре, или там же в крайней к собору аллейке и в „Липках" около „присутственных мест", — с Ст. И. Назаровым, для передачи последнему оригиналов прокламаций. Вспоминает Варвара Павловна совещание выборщиков в Гос. Думу в лугах за 3-й будкой; неудавшуюся попытку устроить заседание Окружной Конференции у кого-то в квартире возле железно-дорожного моста (едва ли не в квартире Елены Ивановны Смирновой); кружки в кустиках у 3-ей будки, когда, по ее словам, выдвинулся на работе П. С. Батурин, и свои безконечные визиты в прокуратуру[119]). Сизова вспоминает и свои путе-

[118]) Владимир Николаевич Изволенский («Сергей»), по окончании весной 1909 г. гимназии, поступил в Московский Университет, где в 1911 году был вместе с П. С. Батуриным и В. П. Сизовой, а затем с Батуриным же выслан во Владимир. Здесь Изволенский осенью поступил вольноопределяющимся в Сибирский полк (служил одновременно с. Н. А. Поспеловым). К этому времени, по впечатлениям Изволенского, партийной работы во Владимире почти не было. Относительно лета 1909 г., Влад. Ник. заявляет, что кое-какая, хотя и слабая, работа еще продолжалась и наиболее активным в то время работником являлся П. С. Батурин. Осенью 1912 года Изволенский выехал вместе с своей семьей в Тверь. Отец Изволенского принимал участие в забастовке почтовых служащих в декабре 1905 г. во Владимире и был тогда арестован.

В описываемое время В. Н. Изволенский жил в Солдатской Слободе, на Кочетовой улице, в д. Завазальской.

[119]) Приведу случай с В. П. Сизовой, относящийся к ее работе летом 1906 г. в «Красном Кресте». Передавая в губернской тюрьме для А. Н. Кореневой обед, Сизова наладила связь с тюремным старостой из уголовных и через него передала в тюрьму две прокламации, вложив их в яблоко. Затея Сизовой провалилась и когда она через день пришла в тюрьму снова, то был вызван пристав Дробышев («Дробышкин»), который, допросив Сизову, повез ее на извозчике домой для производства обыска. Варвара Павловна, пойдя на известный риск, решила

шествия, обычно—в 12 часов дня, во мне в статистику летом 1908 года и одобренную мной прокламацию, впервые ей написанную.

Летом же, вероятно, 1908 г. мною был принят на явке в статистике тов. Станислав Вольский (Андрей Николаевич Соколов), работавший тогда в Московском Областном Бюро РСДРП, которого я, помнится, направил к П. С. Батурину. Вольский во Владимире останавливался в „Центральных номерах“.

Несколько раньше, или позднее, явкой для приезжающих служила квартира Льва Александровича Язвицкого (дом его отца—прис. поверенного, на Царицинской ул.). Одно время Л. А. Язвицкий предоставлял свой адрес для переписки[120]).

С осени 1908 г. и по от'езд в 1909 г. на курсы в Москву Евгении Михайловны Антоновой, работа по связи с районом Гуся-Хрустального и обслуживание местной работы во Владимире пали на нашу с ней долю. Одно время (в начале этого периода, или по от'езде Антоновой в Москву,—не помню) мне пришлось остаться одному. И. А. Лапшин, П. Г. Ковригин, П. В. Осеев и некоторые из товарищей торговых служащих продолжали участвовать в работе и долгое время после этого периода. Из местной же интеллигенции, участвовавшей раньше в работе и уцелевшей на свободе, во Владимире мало уже кто оставался к тому времени и редко кто оказывал даже отдельные услуги.

Работа была свернута до поддержания связи с центром, передачи директив последнего и информации. Во Владимире шла кое-какая работа с кружками, для которой зимой и был привлечен гимназист В. Н. Изволенский, занимавшийся с небольшим кружком телеграфистов с железной дороги. В использовании квартир приходилось опираться,

---

вместо своей комнаты показать приставу комнату своей матери, где, естественно, ничего нельзя было обнаружить.

Сизова вспоминает о пребывании во Владимирской пересылке, летом 1906 г., Брешко-Брешковской, в свиданиях и передачах которой «красно-крестовцы» получили по всем инстанциям отказ.

[120]) Л. А. Язвицкий был товарищем П. С. Батурина и последний поэтому и имел дело с квартирой Язвицких.

как это отмечает и Е. М. Антонова, лишь на свои собственные же квартиры. Моя квартира (я жил тогда на Мал. Мещанской, в д. Осиповой) была уже достаточно известна полиции и поэтому использовать ее надо было осторожно. Несмотря на это, кое-кого пришлось принимать и на этой квартире[121]). Квартира Е. М. Антоновой (на Ильинской ул., д. Ильяшевич) была обращена под библиотеку и для редких, правда, и немногочисленных тогда по составу собраний группы.

Е. М. Антонова, человек никогда не отказывавшийся ни от какой работы, взяла на себя и всю переписку.

В № 2 „Социал-демократа" от февраля 1909 года, в заметке о конференции Центрально-Промышленной области, сообщается: „Перед общей партийной конференцией [122]) состоялась конференция Центрально-Промышленной области. На ней были представители—Москвы, Московского Окружного Комитета, Иваново-Вознесенского Союза, Нижнего, Сормова, Орла, Кинешмы, Моршанска, Брянска и Владимирского Окружного района. Из 16 делегатов—13 были рабочие. Конференция выслушала доклады с мест и приняла резолюции о текущем моменте и отношении к с.-д. думской фракции, о партс'езде и т. д.; произведены выборы на общерусскую конференцию и Областного Бюро". В связи с этим сообщением, в моей памяти сохранилось одно собрание во Владимире в период нашей совместной с Е. М. Антоновой, Лапшиным и другими работы. На этом собрании

---

[121]) На этой квартире у меня был и ночевал тов. А. В. Мандельштам („Одиссей"). Когда и в связи с чем он приезжал, восстановить в памяти не удалось. Помню, что дело было в суровую по Владимиру зиму, а из разговоров с т. Мандельштамом вспоминаю, что его семья жила тогда в «Гиршах».

[122]). В № 3 „Правды" от 27 марта (9 апреля) 1909 года в сообщении относительно общепартийной конференции, при перечне крупных организационных об'единений, представленных на конференции, также отмечается, что в состав Центрально-Промышленного района входили: Московский Комитет, Моск. Окружной Комитет, Иваново-Вознесенский Союз, Владимирский Окружной Комитет, Костромской Окружной Комитет, Нижегородский Комитет, Сормовский, Орловский, Брянский и другие организации центрального района, всего числом 16.

надо было выбрать делегата на конференцию в Москву. Собрание происходило на квартире Е. М. Антоновой. Из присутствующих, кроме Антоновой, я помню лишь И. А. Лапшина. Антонова вспоминает, что на заседании был В. Н. Изволенский. Последний заявляет, что он помнит о таком собрании, но сам на нем не присутствовал. При выборах делегата на конференцию была предложена и прошла моя кандидатура, но я, учитывая, что гусевская организация и по своему пролетарскому составу, и по развернутой ею работе, имеет все преимущества перед Владимиром на представительство на конференцию, настаивал на посылке гусевского товарища. Товарищ с Гуся запоздал и я предложил, в случае его приезда, все же передать мандат ему. Заявившийся на следующий день во Владимир гусевской товарищ был направлен в Москву. По возвращении из Москвы, помнится, он рассказывал о каких то незадачах и затруднениях по устройству заседаний конференции. Можно полагать, что это и была конференция Московской области перед Всероссийской конференцией партии, созванной в конце 1908 года.

Из письма с Гуся-Хрустального, помещенного в № 3 „Социал-демократа“ от 9 (22) марта 1909 года, о работе на Гусю читаем: „Работа здесь шла хоть и медленным шагом, но не останавливаясь. Устраиваются беседы, образовались кружки самообразования, в которых рабочие совместно читают литературу и обсуждают встающие вопросы. Но сильно мешает успешным занятиям недостаток литературы. Из Москвы ее присылают и редко и мало, а уж в соседние подле Гуся фабрики и совсем мало попадает, своя нужда всегда виднее и в Гусе всегда больше литературы, чем в окрестности. Сильно мешает то, что нет никаких указателей, что читать, чтобы не было беспорядочного чтения, а одно вытекало из другого.

Но если число организованных было небольшое, так это вовсе не потому, будто у рабочих нет стремления организоваться. Но гусевским товарищам трудно самим справляться со всею работою и быстро развить ее. Когда, например, приехали два новых товарища, работа быстро

пошла вперед, и число организованных за короткое время увеличилось почти вдвое, и вся деятельность оживилась. Вступает в организацию много новых, а из тех, кто был в группе в 1905—6 г., очень многие отстали от работы. Необходимо было бы, чтобы из Москвы периодически приезжали товарищи, привозили литературу, осведомляли о положении дел в Москве и во всей партии. Это дало бы весьма сильный толчек движению и дало бы ему новые силы. За последнее время, после того, как Гусевская организация выпустила листок из своей техники, очень усилились полицейские преследования. Начались обыски и жандармерия хвалится, что теперь она с корнем вырвет все зло. Особенно ищет технику, но ничего покуда не забрано. А „вырывают с корнем" нас уж который раз, да все вырвать не могут" (подпись „Рабочий").

В другом письме, помещенном в „Правде" несколько месяцев спустя (20 сентября—3 октября 1909 г.), состояние организации Гуся-Хрустального изображается автором письма („рабочий Константин") следующим образом:

„В Гусе всего 11.000 рабочих, 9.000 в текст. промышленности, 500 (1500? *ред.*) в хрустальной и 500 в строительной. Экономическое положение рабочих все более ухудшается. Идейных течений среди рабочих было два—социал-демократическое и социал-революционное, но в настоящее время эсеровской организации совсем не существует, остались только отдельные лица. Многие из соц.-рев. перешли в соц.-дем. организацию. Соц.-дем. организация в 1906—7 г. насчитывала до 300 организованных членов (все большевики). В 1908 г. организация начала падать, ввиду отсутствия партработников; в конце 1908 года организация насчитывает уже всего 45 членов. Все время с конца 1907 года по конец 1908 года организация поддерживалась самими рабочими. В 1909 году, когда был прислан партработник, организация опять расширилась и к июню уже насчитывалось 146 организованных рабочих, правильно уплачивающих членские взносы и работающих под руководством организации. За последнее время собирались городские собрания, состоялось 3 массовки; местные конференции собирались периодически, были также выпущены два листка: один

о наступлении капитала, с призывом организоваться, второй — первомайский. На всех конференциях пред'являлись требования на нелегальную литературу, на пропагандистские кружки всех трех типов, но за отсутствием пропагандистских сил и какой бы то ни было литературы, приходилось оставлять эти жизненные вопросы открытыми. Как отзовистов, так и ультиматистов и фракционных разногласий у нас нет, а в области философии о так называемом „богостроительстве“ никто из рабочих не имеет никакого представления.

К партийной школе организация наша отнеслась сочувственно. Были приняты резолюции, предложенные Московским Областным Бюро и произведены выборы в школу“.

О приезде каких именно двух или одного товарищей на Гусь говорится в приведенных письмах, не могу сказать. Я знаю поездку на Гусь через Владимир одного товарища— профессионала из Москвы, примерно, в этот же промежуток времени[123]). Не помню, при каких условиях я с ним тогда встретился во Владимире, скорее всего он был у меня на явке, но переправлял его на Гусь кто-то другой. И ехал он не для постоянной или длительной работы на Гусю, а, видимо, в порядке об'езда от Областного Бюро.

Из Владимира нами был направлен для работы на Гусю тов. Федор Иванович Белов, — один из близких товарищей Федора Ивановича Калинина (активного участника „Александровской Республики“ 1905-го года). Трудно забыть характерную фигуру тов. Белова: в костюме, напоминающем наряд рекрута (башлык, короткая куртка, высокие сапоги, небольшая шапка, слегка на бекрень), с его „пять минут доходить“, что должно означать - „без пяти минут“. Федор Иванович Белов почему-то (возможно, что тогда был только один поезд на Гусь) неизменно появлялся с Гуся у меня на квартире (на М. Мещанской) непременно ночью.

---

[123]) Я отлично представляю себе сейчас его наружность. Встреча после революции с Николаем Леонидовичем Мещеряковым напомнила мне из прошлого того товарища: между ним и Н. Л. Мещеряковым, на мой взгляд, большое сходство. Вспоминаю также, что встреча моя с этим товарищем была или летом, или ранней осенью.

В. П. Сизова вспоминает о появлении тов. Белова в Москве в третий год ее учения в университете (1908—09 учебный год). Федор Иванович, действительно, поработав некоторое время на Гусю, был отправлен в Москву, а оттуда в Богородский район. А в 1907 году тов. Белов сидел еще во владимирской тюрьме,—следовательно, пребывание его во Владимирской организации совпадает с периодом, о котором идет речь в письмах гусевских товарищей. Имеют ли, однако, они в виду здесь Белова и его работу, или, минуя Владимир, на Гусь являлись поработать в этот период товарищи непосредственно из Москвы,—утверждать не берусь.

За тот же период и на квартире все той же А. М. Антоновой нами был принят последний из приезжавших от центра товарищей—по кличке „Александр“ [124]). Был он во Владимире, как будто, зимой (по мнению Антоновой, это могло быть в конце 1908 г). Тов. „Александр“ приезжал (не знаю, насколько правильно подсказывает мне сейчас моя память) не от Областного Бюро, а в качестве агента Ц. К С чем был связан его приезд,—не помню. Е. М. Антонова говорит, что он пробыл во Владимире два дня, с ночевкой у гимназиста Петрова (не Ивана Михайловича, а другого, знакомого лично Антоновой).

Связь Владимира с Гусем Е. М. Антонова расценивает, как довольно живую. Но, по ее мнению, из Владимира на Гусь никто не выезжал, о приездах же оттуда она не помнит. Сам же я хорошо помню, что с Гуся приезжали товарищи, как будто двое, фамилии их забыл, но возможно, что это были т.т. Горбов и Смольнов. Оговариваюсь, что тут меня могут сбивать фамилии товарищей, имевших на Гусю явки, или дававших свои адреса для сношений с Владимиром.

„Тяжелые годы контр-революции“ характеризуются в „Извещении о Всероссийской Конференции Р.С.-Д.Р.П.“ 1912 г. следующим образом.

124) По наружности — рыжеватый, сравнительно полный, приземистый и коренастый, по национальности, скорее всего, еврей. Из бесед с ним я помню, что он упоминал о своей прежней работе в Одессе.

„Три слишним года прошло со времени последней (декабрь 1908 г.) партийной конференции... Вряд ли будет преувеличением сказать, что эти три года были самыми тяжелыми годами для нашей партии с тех пор, как Российская социал-демократия сложилась, как определенная организация... Сколько гонений, сколько ударов рабочему классу извне, сколько измен и шатаний извнутри.

Разгул кровожадных инстинктов, широко распространяемая буржуазная реакция, душившая в своих мертвых об'ятиях все живое и одним боком коснувшаяся даже некоторых кругов, примыкавших к рабочему движению, эпидемия отступничества, разочарований, провокации — вот, чем ознаменовали себя 1908 и 1909 годы...

Пролетариату мстили все силы контр-революции, чувствуя, что этот враг разбит, но не побежден, придавлен, но не сломлен; — что он снова и снова выпрямится, нанося еще более тяжелые удары царской монархии, поднимая на борьбу еще более широкие массы забитого, замученного и истерзанного крестьянства.. Надо удивляться не тому, что у нас был распад, а тому, что мы сравнительно так скоро начинаем вновь становиться на ноги.

Уцелело не только знамя Российской социал-демократии, ее программа, ее революционные заветы, уцелела ее организация, которую могли подрывать и ослаблять, но не могли снести до тла никакие преследования... И только к 1910 году начало дышаться несколько легче“.

Стачки лета и осени 1910 года сигнализировали новое нарастание рабочего движения.

Следующий 1911 год является уже поворотным моментом в движении.

Пролетариат перешел от обороны к нападению.

В 1912 году кривая движения идет вверх и к лету 1914 года достигает высшего предела.

„Россия вступила в полосу открытой борьбы масс“ [125]).

---

[125]) Из резолюции совещания Ц. К. партии с представителями крупных организаций в Кракове, состоявшегося в конце декабря 1912 года, в целях конспирации именовавшегося «февральским».

1912 год, вслед за под'емом рабочего движения, является переломным и в жизни нашей партии.

О состоянии местных партийных организаций Центрально-Промышленной области осенью 1910 года т. Ц. С. Зеликсон-Бобровская в своих „Записках рядового подпольщика" рассказывает: „по возвращении из ссылки (осенью 1910 года) я не нашла ни местного Московского, ни Областного партийного центра, куда бы можно было явиться. Из встреч с отдельными старыми товарищами, из разговоров с ними, я уяснила себе, что мы там — в ссылке и понятия не имели о том развале нашего партийного аппарата, какой получился за эти годы хозяйничанья торжествовавшей жандармерии. В Москве тогда планомерной, сколько-нибудь централизованной партийной работы не велось, и в районах и в центре возникали отдельные инициативные группы, пытавшиеся восстановить районные комитеты и Московский комитет; группы эти неизменно проваливались, особенно тогда, когда они приближались к моменту создания Московского комитета".

В № 19—20 (от 13 (26) января 1911 г.) „Социал-Демократа" положение на местах рисуется уже несколько отраднее:

„В некоторых местах (Тверь, Ярославль) сохранились оформленные организации, есть небольшие деньги; запрашивали профессионалов, но их не нашлось; в других местах имеются небольшие группы, которые трудно назвать партийными организациями, хотя они и состоят из социал-демократов. Скорее, это—кружки самообразования. При лучших условиях входящие в их состав, несомненно, будут работать. Не порвали они связи с партией и в настоящее время".

В № 31 „Социал-Демократа" (от 15 (28) июня 1913 г.) сообщается, что „в конце прошлого года в Москве создалась центральная группа, которая поставила своей задачей восстановление парторганизаций на местах и об'единение их. Для этого ее членами был совершен ряд поездок по области и сделаны доклады о положении дел в партии. В итоге группа теперь имеет прочные связи с местными организациями в более, чем 12 крупных фабричных центрах области. Во время об'езда выяснилось, что почти повсюду

уже имеются партийные группы, а в некоторых местах уже оформленные организации".

В соответствии с общим ходом движения и изменениями по линии партийной работы в целом, можно было наблюдать последовательное отражение той же картины и на жизни Владимирской организации.

Своеобразие местных об'ективных условий изменяет общую картину лишь в смысле постепенности нарастания отдельных моментов движения.

Чем можно отметить в своей памяти 1910 год, кроме продолжения длинной цепи больших и малых процессов в периодических сессиях Судебной палаты и военно-окружного суда. В начале 1910 г.—громкое дело Иваново-Вознесенской соц.-дем. организации (пункт 1 ст. 102,—принадлежность к сообществу и др.). Каторжные приговоры: Фрунзе, Сулкин, Киселев и Симонов—4 года каторжных работ; Постышев, Родионов, Куликов, Жуков—2 года 8 мес. каторги; Караваев, Теплеков, Аким Шеев—вечное поселение, Коняев—по совокупности—12 лет каторги, Петр Челышев — по совокупности—бессрочная каторга, Вас. Баранов—1 год крепости „за хранение литературы, распространение коей не последовало"; оправдано 21 чел.

Приговоренные к каторге, кроме Фрунзе, подают кассационную жалобу.

Приговор вступает в силу через 24 часа.

Защищали: Овчинников, генерал Габрилович, Подгорный, гр. Татищев, Виленкин и Шрейдер.

В эту же сессию — дело организации анархистов-коммунистов на Гусю-Хрустальном. Обвиняемых четверо.

Летом 1910 года мне пришлось выступить в качестве свидетеля по делу А. С. и Г. Д. Самохваловых. Две-три подробности об этой моей своеобразной роли. Не помню, кто у Самохваловых был защитником, но кое-что из его наставлений перед судом для меня и „подсудимых" запомнилось. Мне адвокат предложил построить ответы на дополнительные его вопросы, которые он на суде мне поставит, таким образом: во-первых—я должен был засвидетельствовать, что А. С. Самохвалов распространял не только литературу издательства „Молот", но что среди изданий „Молота" он

продавал и книжки других старых издательств. Выходило, что он, де, просто-на-просто агент по продаже книг ради заработка. Во-вторых (еще горше)—мне рекомендовалось возвести на Самохвалова прямой поклеп, оттенивши в своих показаниях ту мысль, что молодой еще Самохвалов (начало дела относилось к 1907 г.), дескать, не выявлял себя, как человек, с определенно сложившимся мировоззрением.

Мое выступление вообще было нелепым. Я рассматривался, как квартирохозяин, у которого Самохвалов снимал комнату, и первым обращением ко мне председателя выездной сессии Судебной палаты был вопрос: „У вас свой дом?...“.

Обвиняемым адвокат рекомендовал слово „социал-демократ“ не произносить мягко—„социаль-демократ“, а Г. Д. Самохвалову попрекнул, что она явилась на суд стриженой и в пенснэ...

Из судебных историй припоминаю еще организацию заседания суда в помещении тюремной церкви.

Назначено было к слушанию какое-то большое дело, с значительным количеством подсудимых, и, видимо, местная администрация не могла гарантировать благополучную доставку обвиняемых до здания суда.

Помню, приехали московские адвокаты, человека два-три. Я заявился к ним в номера.

Потребовалось усилить защиту местным защитником (что практиковалось для большего удобства в сношениях с подзащитными и было особенно важно на случай кассации приговоров).

Обычно приглашаемый присяжн. повер. Г. Г. Козлов оказался больным (Эрна, должно быть, не было). К кому обратиться?

Еду к Алексею Васильевичу Преображенскому. У того нет значка. Снова к Козлову—за значком. Приезжаю в гостиницу. Москвичи предлагают:—„поедем на суд“. Среди защитников, благополучно минуя калитку тюрьмы и привратника, идем по корридорам, входим в церковь. Посреди церковного зала—стол под сукном и стулья спиной к иконостасным „угодникам“.

Суд еще не появлялся и подсудимых нет.

Защитники и я с ними встали в сторонке; озираемся в новой обстановке. Вдруг появляется начальник тюрьмы. Легко отличив меня по костюму и любезно выяснив мое отношение к защите, он также галантно выпроваживает меня из сего, вдвойне на этот раз священного, места.

Скажу несколько слов о свидетелях со стороны обвинения.

Дробышев по делу Владимирской Окружной организации, между прочим, в своих свидетельских показаниях утверждал, что С. В. Дегтярев неоднократно выезжал по делам организации в Иваново-Вознесенск и Орехово-Зуево, тогда, как такого случая не было ни разу: Иваново-Вознесенский и Орехово-Зуевский районы не входили в состав Влад. Окружной организации.

Интересную сценку из того же процесса дает В. П. Рыболовский: „Действие совершается в зале военно-окружного суда. Суздальский жандарм показывает суду, с Милковым во главе, будто бы ему, жандарму, из агентурных сведений известно, что в 1906 году в Суздаль привезена со ст. Боголюбово очень тяжелая железная печатная машина, но все поиски по обнаружению ее до сего времени не увенчались успехом". „Удивительно-ли — пишет Рыболовский,—когда ничего подобного не было. Какой наглостью нужно обладать, чтобы давать такие показания! Представляя себе тот скрипучий деревянный станок, на котором нам приходилось работать, и сопоставляя его с усовершенствованной печатной машиной, которая рисовалась в воображении жандарма и в существовании которой он хотел уверить Милкова, я—продолжает Рыболовский—лучше, чем когда бы то ни было, имел возможность наблюдать весь процесс образования из мухи слона" [126]).

Увлечение Пшебышевским, „Саниным" и „огарчеством" не миновало в годы реакции, в годы упадочничества, и владимирской молодежи. Но к концу 1910 года — и это снова повторяет общую картину — среди здоровой части

---

[126]) Роль Рыболовского в Суздальской организации сводилась, главным образом, к хранению и распространению литературы, что ему удобно было делать при служебных раз'ездах. Несколько раз он принимал участие в работе «техники».

нового слоя учащейся молодежи возрождается тяга к саморазвитию, к кружковым об'единениям. Из группы, по преимуществу гимназической молодежи, вращавшейся около Ивана Титовича Морозова[127]), слагается такого рода кружок, втянувший в себя: Леонида Серкина, Стаховского, Яцунского, К. Михайлова, Козлова, ряд гимназисток и др. После смерти Льва Толстого, на квартире Фокиных (Александра и Николая Никитичей) Стаховским читается реферат о Толстом, после которого тов. И. Т. Морозов дает марксистский анализ значения произведений Толстого.

Этот кружок, благодаря неосторожности гимназисток,— как говорит Л. Г. Серкин,— обнаруживается гимназическим начальством и весной 1911 года самораспускается. Но из участников кружка отбирается более узкая и тесная группочка и занятия кружка после этого приобретают политический оттенок.

К кружку примыкает и Николай Никитич Фокин. Кружком руководил И. Т. Морозов. Я не могу восстановить начальной даты пропагандистской работы т. Морозова, но он вел кружковые занятия около того времени (возможно раньше) еще, кажется, с булочниками (А. И. Фокин указывает места занятий—около 3 будки и в кустиках по речке Рпень). При одном из недавних свиданий, делясь воспоминаниями о прошлом, Ив. Тит. сказал мне, что рабочий кружок он получил через В. Н. Изволенского. Летом 1911 или 1912 года, по воспоминаниям Н. Н. Фокина

---

[127]) Мое знакомство с И. Т. Морозовым относится к весне 1911 года. До этого я наблюдал Ивана Титовича еще тогда, когда он учился в городском училище. Вряд-ли когда нибудь, зайдя в городскую общественную библиотеку, можно было не застать здесь погруженного в толстый журнал «Титыча». Часто его можно было встретить на лавочке Пушкинского бульвара среди просвещаемых им гимназистов, семинаристов, мальцевцев и других. В шутку его называли тогда «Владимирским Сократом» Много наслышавшись о Морозове от его «учеников», ходивших к моему пасынку, я попросил последних познакомить меня с ним, а затем перетащил его из суда, где он работал, на статистическую работу в земство.

В настоящее время т. И. Т. Морозов—член ЦКК и пред. Казак. КК ВКП(б).

(Александр Никитич Фокин относит это определенно к 1911-му году), в доме Фокиных (по Годовой горе) собирается инициативная группа в составе: И. Т. Морозов, П. Ст. Батурин, бр. Фокины, Гавриил Николаевич Щедрин, Александр Александрович Зайцев (приказчик из магазина Люлиных), И. Г. Ковригин (А. Н. Фокин говорит также о присутствии на этом совещании Л. М. Николаевой-Белоконской[128]).

Федор Аркадьевич Благоправов (вверху), Иван Титович Морозов (слева) и Павел Степанович Батурин (справа).

Оба брата Фокины рассматривают это собрание, как организационное, с целью возродить оформленную с.-д. группу.

А. Н. Фокин при этом вспоминает, что И. Т. Морозовым на собрании зачитывалось письмо из-за границы, или № „Соц.-Дем.", а Н. Н. Фокин рассказывает, что об оформлении с.-д. ячейки была помещена корреспонденция в одном из №№ „Социал-Демократа"[129]).

[128]) Относительно моего отсутствия на этом совещании и отсутствия И. А. Лапшина, А. Н. и Н. Н. Фокины сообщают, что они «берегли нас из конспиративных соображений».

[129]) Мне не удалось найти этой заметки.

Вероятно, на этом или на одном из последующих собраний этой группы распределены были и роли ее участников. Здесь мне кое-что вспоминается из прежних бесед и сходятся между собой показания И. Т. Морозова, А. Г. Нифонтова и А. Н. Фокина о том, что на заседании был заслушан отчет по „Красному Кресту" Л. М. Николаевой-Белоконской и ведать этой работой от группы было поручено П. Ст. Батурину [130]).

Во время своей летней работы по статистической переписи городов в 1912 году, А. Н. Фокин, по его словам, сколотил кружок в Вязниках, куда выезжал с докладом И. Т. Морозов на тему о борьбе „правдистов" с „лучистами" (в кружок Фокина входили те и другие).

Не могу определенно сказать, — сохранилась ли преемственность связи Владимира с Гусем-Хрустальным, или И. Т. Морозову удалось заново эту связь наладить, но в 1912—1913 г. г. он, как отмечают и жандармы

---

[130]) При недавней встрече, И. Т. Морозов рассказывал мне, что «владимирский актив» 1912 года (к которому он относит: из старых работников—Батурина, Ланшина, Ковригина, Осеева и кое-кого из новых работников) находился под влиянием П. С. Батурина, к тому времени уже довольно опытного в конспиративной работе. И. Т. Морозов утверждает, что Батурин в то время был ярым «лучистом» и остальная публика, кроме И. Т. Морозова, шла за ним. Морозов сообщает также, что, якобы, эта Владимирская с.-д. группа предполагала послать своего делегата на «августовское» совещание в Вене и делегатом был избран Морозов, конечно, отказавшийся, поскольку он был убежденным «правдистом». Свое участие на общем совещании с остальными членами группы - «лучистами» И. Т. Морозов об'ясняет «информационными целями». По его словам, Владимирская с.-д. группа все-же послала приветствие венской ликвидаторской группе, но мне не удалось разыскать этого приветствия в заграничной прессе того времени.

Что касается П. С Батурина, то следует сказать (и это могут подтвердить московские товарищи, с которыми Батурин в те годы и частью позднее участвовал в большевистской работе), что он был скорее «диким». Первые годы своего участия в соц.-дем. работе (1906-1908) Батурин был определенно настроен большевистски. Резкий уклон его к меньшевизму сказался лишь после Октябрьской революции, но затем он снова вернулся на большевистский путь.

в справке, составленной на 1(14) апреля 1914 г.[131]), является организатором Владимирско-Гусевской с.-д. организации" в эти годы. Повидимому, на плечи И. Т. Морозова, вплоть до его от'езда из Владимира, легла в основном вся работа в том скромном об'еме и масштабе, в которых она в то время могла вестись.

Александр Геннадиевич Нифонтов[132]) рассказывал мне, что за год пребывания его во Владимире он раза два, по поручению И. Т. Морозова, ездил летом 1913 г. на Гусь, где проводил массовки (в лесу, верст за 5 от Гуся), на которые собиралось человек по 30—40 гусевских рабочих.

Из имевших отношение к Владимирской городской организации в это время А. Г. Нифонтов называет И. Я. Тимофеева и И. Г. Ковригина. Тимофеев знакомил Нифонтова с рабочими Беловской фабрики во Владимире, при чем один из этих рабочих (геркулесовского сложения,—вспоминает Нифонтов) предназначался в выборщики в IV-ую Гос. Думу.

Явка на Гусю, когда туда приезжал Нифонтов, была у Козлова.

Говоря об И. Т. Морозове, мне хочется рассказать еще два момента из наших былых с ним встреч и общей работы. Это—две из наших дискуссий. Первая дискуссия относится к началу нашего с ним знакомства, когда Морозов был большим поклонником Г. В. Плеханова. Немалых усилий стоило тогда разубеждать его и спорить с ним

---

[131]) В этой справке совершенно неверно Константин Белоруссов, личный приятель И. Т. Морозова, назван социал-демократом. Белоруссов был определенным и одним из наиболее активных эсеров во Владимире.

[132]) А. Г. Нифонтов был арестован 30 апреля (13 мая) 1912 г. в Костроме, на квартире И. П. Растопчина, и выслан в августе 1912 г. по делу Костромской соц.-дем. организации во Владимир на два года, при чем срок этой высылки, по случаю романовского юбилея 1913 г., был сокращен до 1 года.

Во Владимире А. Г. Нифонтов жил на Нижнем Боровке, у какого-то сапожника, бывшего членом «союза русского народа» (черносотенцем). Между прочим, сапожник этот, просматривая книжки Александра Геннадиевича, говорил: «хороши, паря, у тебя книжки, а уж лучше нет, как я читывал.—«Бедный Робинзон, несчастный Крузе».

по этому поводу. Не помню, сколь длителен был период „поклонения“ И. Т. Морозовым Плеханову, но в горячей и длительной дискуссии с ним приходилось принимать участие не мне одному, но и Н. П. Растопчину, приезжавшему однажды навестить меня. После т. Морозов стал и по сию пору остается крепким ленинцем и твердым партийцем.

Второй момент—иного порядка.

Некоторое время (продолжительность его я затрудняюсь теперь установить) я допускал недооценку „легальных возможностей“ (легальная пресса, профсоюзы) и на этой моей позиции также были страстные дебаты с И. Т. Морозовым. К слову сказать, „Богдановской философией“, которую так сильно штудировали в то время во Владимирской тюрьме, где был ряд увлекавшихся ею,— я также совсем не был тронут. Помню, в 1910 г., когда я весной приезжал в Москву расставаться с университетом („вечным студентом“ я был в течение 10 лет, до 30 летнего возраста), там появился из-за границы Ф. И. Калинин,— тогда заядлый „впередовец“,—и П. С. Батурин у себя на квартире устроил нам „стык“. Я вспоминаю то гнетущее впечатление, какое произвела на меня „информация“ Калинина о заграничных историях.

В 1912 г., примерно—в июне, Владимирская организация потеряла Сергея Ивановича Назарова, чрезвычайно преданного товарища и все время принимавшего то или иное участие в работе Владимирской организации[134]). На гроб Сергея Ивановича был возложен венок с надписью на ленте: „от Владимирских с.-д.“.

В 1914 г. я расстался с Владимиром.

Случилось это при таких обстоятельствах. Я в это время работал статистиком во Владимирском земстве и, кроме того, вынужден был давать уроки. Частенько я приходил домой поздно, когда семья уже улеглась спать. И вот в один

---

[134]) Сергей Иванович Назаров появился во Владимире в начале 1906 г. и сразу же принял участие в работе организации, в частности, по типографии. После на нем время от времени лежали различные поручения, адреса, квартиры для ночевок и проч.

из таких обычных вечеров, возвратившись домой и развернувши простыню „Русского Слова“, я сел за самовар. Вдруг звонок. В это время у меня никакой работы, кроме добывания денег для ссыльных и эмигрировавших товарищей, не было, но тем не менее, по старой привычке, мозги мои осенила мысль, что дело не ладно и что у меня в кармане пиджака, висящего в передней, торчит как раз утром в этот день полученное письмо из Костромы от М. А. Симановской („Тани“). Но тут же у меня явилось другое предположение, что это телеграмма о смерти моей старушки матери, чего я мог ждать со дня на день. Я вышел в корридор, спрашиваю—„кто?“—мне отвечают — „телеграмма“. Ответ, на удочку которого никто уже не попадался давно, не тронул меня, потому что этот прием жандармами был уже давно оставлен. Я, быстро сбежавши по лестнице, распахнул дверь и узрел перед собой „архангелов“ с ротмистром во главе. Мне оставалось просить компанию неожиданных гостей подниматься ко мне тише, чтобы не разбудить ребенка—моего внученка Левку. Галантный ротмистр на лестнице предупредил свою публику. Войдя же в помещение, браво отдал приказ—„занять выходы“. Началась известная всем процедура обыска, но на сей раз она протекала для меня несколько своеобразно. Продолжая пить чай и принявшись на „всякий случай“ за набивку папирос, я наблюдал затруднения ротмистра в написании предисловия к протоколу и попробовал показать свою опытность и помочь ему. Это настроило меня на разговорчивый лад, и когда закончилось обшаривание комнаты, у нас завязалась с ротмистром дискуссия на тему о том, насколько они не наспециализировались обыскивать, что требуется инструктировать их не только в составлении протокола, но и в обыскивании. Я указал на кровать, где матрац и подушку они подвергли осмотру, а вглубь под кровать не заглянули. Сейчас же оттуда была извлечена шкатулка с фотографическими карточками, правда, или вовсе безобидными—семейного порядка и т. п., или тех лиц, связь с которыми все равно известна. Ротмистр попробовал сохранить хладнокровие и говорит: „Мы все равно нашли бы“. Выдержав паузу и заметив, что они снова поворачиваются в другую комнату, я махнул в сторону подставки

под цветком, который стоял на ящике; дно последнего было обращено к стене, в ящике же лежали брошюрки, издания „Колокола“, „Молота“ и др., некоторые из них к тому времени уже „вышли в тираж“. Жандармы и это взяли не без благодарности. Все то было еще не беда, но тут я утратил равновесие и выдвинул из под клеенки у чайного стола узкий ящик, также прозеванный жандармами, и, открыв его, я сразу обомлел,—здесь лежала одна из моих реликвий—„Социал-Демократический Календарь“ за 1902 год, из первых транспортов „Северного Комитета“. Я совершенно забыл, что незадолго перед этим я взял книгу из надежного места, чтобы просмотреть, и положил в этот ящик. Там же лежал парижский адрес Ст. П. Назарова и американский—Дегтярева, но адреса были хорошо зашифрованы. Окончательно обнаруживши характер своего поведения, не преминул тут же в этом признаться и обругал себя вслух идиотом. Я не боялся за адреса, но календаря мне было страшно жалко. Я хранил его 10 лет.

Дело, конечно, было не только в желании поддразнить жандармов. К продолжению дискуссии с ними были и серьезные причины. Когда ротмистр вошел, я, потребовав ордер, успел усмотреть, что ордер написан не на одного меня. Сообразив сразу, что, наверняка, в первую голову должен быть обыскан И. Т. Морозов, и зная, что у него возможно найти кое-что, я задался мыслью задержать жандармов у себя до утра, как это было при обыске у меня в 1906 г. В этих же целях—задержки подольше у себя—я потребовал от ротмистра регистрации (переписки) к протоколу всех до одной отобранных при обыске книг.

Мое излишнее содействие жандармам по обыскиванию самого себя настолько успокоило их (а может быть устали), что они, будучи в затруднительном положении—как пролезть через узкое отверстие на чердак, поверили мне на слово, что там ничего нет; и дальше, найдя под лестницей большие сундуки, удовлетворились моим заявлением, что эти сундуки хозяина дома, живущего на другой улице, а не мои (и это было так). Обыск кончился; количество отобранного было большое, качественно пожива жандармов была ничтожна. В эту же ночь обысканы были: И. Т. Морозов, Н. А. Лапшин,

Г. Н. Щедрин, П. М. Петров (с.-р.), Яков Евдокимович Коробов (с.-р.) и ряд других лиц.

После обыска я, Морозов и Петров привлекались к дознанию. Мы терялись в догадках, откуда нагрянул этот неожиданный обыск. Было предположение, что провалились из-за письма эсера „Кости" Белорусова, личного приятеля Ивана Титовича Морозова в те времена. Но вскоре мы узнали, что в эти дни были произведены массовые обыски на Гусю, напоминавшие настоящую облаву; туда был двинут большой отряд всяких родов оружия. И только после революции, знакомясь с документами жандармского управления, выяснилось, что эти обыски были произведены по предписанию департамента полиции, в целях ликвидации остатков Владимирской Окружной организации. За обыском последовало удаление с земской службы меня, Морозова и Коробова, повлекшее за собой для нас невозможность вообще работать в общественных учреждениях [135]). Я уехал в Москву, а Морозов—в Питер.

---

[135]) В архиве Владимирского губернатора по этому поводу имеется следующая любопытная переписка «начальника губернии» с «земским самоуправлением».

Секретно. Срочно.

Председателю Владимирской Губернской Земской Управы.

На основании высочайшего указа, данного правительствующему сенату 27 августа 1913 г., и ст. 20 и 30 полож. о госуд. охране, предлагаю вашему превосходительству немедленно уволить со службы в земстве Федора Аркадьевича Благоправова, Ивана Титова Морозова и Гавриила Николаевича Щедрина, с прекращением выдачи им содержания по должности писцов губернской земской управы, и об исполнении сего мне сообщить.

Губернатор Сазонов.

№ 140, 18/II 1914 г.

Секретно.

Г-ну Владимирскому губернатору.

Имею честь уведомить ваше превосходительство, на предложения от 8 и 18 февраля за №№ 102 и 140, что Коробов, Щедрин, Морозов и Благоправов уволены от занимаемых ими должностей.

Председатель Управы (подпись).

№ 3920; 24/II 1914 г. (Дело № 288 /за 1914 год).

Воспоминания былого, цепляясь друг за друга по разным линиям связи, забегая вперед, перебивая, вклиниваясь нанизываются одно к другому...

Все та же статистика. В ней маленькая комнатка. Публика подобралась более или менее своя. Часам к 12— перерывчик на чай; идут товарищи один за другим. Подвижный, как юла, юркнет Ст. П. Назаров; влетает продрогший, в своем ветром подбитом, пальтишке, „Николай“ и прямо заваливается на стоящую в углу лежанку; солидно размеренной походкой плывет „Варенька“. И так один за другим. Говорится тихо, но „Степка“ нет,—нет, да и прорежет: „Ни-у ва-ас к лешему“, „Дуй вас горой“. Глядишь, кто нибудь задержался. А тут спешная работа. Послышится за дверью из соседнего кабинета первное покашливание Петра Ивановича (Неволин). Старик любил работу, держал дисциплину. Но с нами не было сладу. Наконец, приоткрывается дверь, и Петр Иванович, стараясь держать наиболее ласковый тон: „Федор Аркадьевич... когда... кончите... зайдите ко мне на секундочку“. Ребята проваливают, а старик придумает какой-нибудь к тебе вопрос, разговорчик. Иначе не разгонишь... И в значительной мере прав был князь Мещерский, когда писал в своем „Гражданине“, что „российское правительство содержит в лице земских статистиков за казенный счет „крамолу“.

Еще один маленький забавный эпизодик. Дело было летом; год забылся (не позднее 11 года, — еще в старом помещении статистики). Работаю в статистике. Звонят по телефону из Управы. Вызывают к „начальнику губернии“. Обыкновенно это означало предложение оставить службу в Земстве. Такие случаи в жизни нашей статистики бывали не раз. С этим настроением иду в „белый дом“. Уверенные, что именно так и будет, товарищи по работе все же ободряют, напутствуют добрыми пожеланиями, чтоб с рук сошло.

Прихожу в губернаторский дом. Направо, при входе, внизу лестницы небольшая раздевальня; вешаю пальто. Приближается дежурный городовик и начинает обшаривать мою фигуру. Слегка удивляюсь. Зовут сами и... вдруг, „извольте“... обыскивают. И что они, думаю, „воображают“ себе, что я, являясь по вызову в „этакое“ место, да забуду при себе, скажем,

револьвер, иль заберу с собой пачку прокламаций что-ль. Поднимаюсь по лестнице в приемную. Жду, уверенный, что дни моей земской службы сочтены и лишь минуты отделяют меня от развязки с ней, от рокового вещания „превосходительной“ особы: „Вы увольняетесь“... и т. д. Чиновник особых поручений, пухленький человечек, с кривыми ногами, с пробором по середине не густых и зализанных в обе стороны белесовато рыжих волос (ровно маслом „боговым“ смазаны), с бегающими по сторонам свиными глазками, крутясь на высоких каблуках, жестом приглашает следовать за ним: „пожалуйте“. „Жалую“. Через комнату направо и снова направо в кабинет „его превосходительства“. И сразу, — едва я успеваю, ведомый чинушей, задержаться на ходу, соображая, что это конечная точка моего пути, ко мне круто поворачивается старик Сазонов и, впиваясь в меня глазами, в упор скороговоркой бросает: „Я получил письмо, что Вы хотите покушаться на мою жизнь“. А с другой стороны стола, напротив губернатора, также стоя, пучит глаза верзила - полициймейстер Иванов („Палимыч“). Вероятно, в этот миг мое лицо изобразило резко выраженный знак вопроса... И губернатор, почти без паузы, жарит: „Я этому не верю... Я вызвал Вас, чтоб посмотреть на Вас“ .. Прихожу в себя и пытаюсь ставить вопрос, — кто писал, что, как и почему... „Это — анонимное письмо, мы анонимам не верим... Идите“. Оставалось пожать плечами .. Возвращаюсь в статистику. Товарищи окружают. Весело рассказываю... Не верят... „Брось шутить“. Уверяю... И сами начинают хохотать. Одновременно со мной вызывалась моя сослуживица (позднее московская курсистка) Лидия Николаевна Абакумовская. Ее уже не принял губернатор и через чиновника сказал, что у него был студент, и она „с богом“ может итти... Эта анонимка напоминает мне случай безграмотного доноса, надо полагать, какого то „добровольца“, „свободного художника“ розыскных дел из Коврова. „Примечательный“ документик я прочел из жандармского архива во Владимирском Истпарте. Донос гласит о том, что в гор. Коврове об‘явились зловредные соц.-демократы, и дальше идет перечень фамилий, во главе с предводителем дворянства Муратовым (либераль-

ствующий земец-помещик), и с ним целый ряд ковровских докторов, акцизников, податных и т. д.—всех, что, подыгрываясь под хозяина, занимались словоблудием за карточным столом с возлиянием в „покоях“ „уездного превосходительства“.

Остановлюсь еще на одном моменте. По вынесении смертного приговора тов. Михаилу Васильевичу Фрунзе, я, по поручению владимирцев, выехал в Москву в Областное Бюро и имел свидание, на квартире В. П. Сизовой, с членами Областного Бюро—т. т. М. Н. Лядовым и Ст. Вольским. В виду стремления некоторых владимирцев как-нибудь подействовать на Фрунзе, чтобы получить от него прошение о смягчении участи, я должен был предстать перед Областным Бюро с вопросом, как товарищи областники посмотрят на это дело. Товарищи разрешили вопрос быстро и просто, как и надлежало, заявивши, что всякая попытка воздействовать на Фрунзе в этом направлении была бы оскорблением для него и им, безусловно, была бы отвергнута. У меня имелось и другое поручение—запастись цианистым калием на случай, если приговор не будет отменен, что я и сделал, добывши цианистый калий в лаборатории университета через студ. Н. Н. Флоровского. Боюсь утверждать, но, кажется, яд был передан Михаилу Васильевичу, во время суда над ним, Александрой Порфирьевной Губской.

В дни пребывания в Москве я принял участие, совместно с целым кругом лиц, в отыскивании путей для кассации приговора. Мне пришлось сноситься с адвокатами, сестрой М. В. Фрунзе, созваниваться по телефону, отправлять письма к думцам в Петербург и т. д Вспоминаю характерный рассказ одного из защитников, что генерал Гершельман, получивший кассационную жалобу, первым делом осведомился—не еврей ли по происхождению Фрунзе. В попытке протолкнуть кассационную жалобу принимали участие, по инициативе и настоянию защитника Фрунзе—прис. поверен. А. А. Эрна, и московские кадеты. В той энергии, которую развила его защита, чувствовалось исключительное уважение к нему, высокая его расценка, как революционера—борца.

А. А. Эрн в своих воспоминаниях приводит следующий жуткий эпизод из процесса тов. Фрунзе:

Михаил Васильевич ФРУНЗЕ.
(Снимок 1907 г. во Владимирской каторжной тюрьме).

„Не помню точно даты, когда совершенно неожиданно я получил повестку о слушании этого дела в тот же самый день. Я намеренно отправился в суд в обыкновенном домашнем костюме (выступать в суде защитникам полагалось тогда во фраке, с значком присяжного поверенного) и вступил в переговоры с прибывшим председательствующим генералом Милковым[136]) о необходимости отсрочить заседание, так как я получил только что извещение о слушании дела, не имея возможности изучить дело и подготовиться к защите, и ввиду того, что по существовавшему тогда закону стороны должны были быть извещены о дне слушания дела не менее, чем за три дня до слушания. Совместно со мной, защитником по этому делу являлся еще помощник присяжного поверенного Михаил Ильич Шрейдер.

Генерал Милков был хорошо нам известен по многочисленным политическим процессам, прошедшим в г. Владимире под его председательством, как весьма суровый судья и очень опытный и знающий юрист, и нам не безынтересно было „сорвать“ дело, дабы получить возможность слушать его под председательством другого генерала-судьи. Генерал Милков долго уговаривал меня согласиться выступить по делу защитником, указывая, что дело несложное, что я с ним знаком, так как выступал уже перед Судебной Палатой, что ответственности никакой я на себя не возьму, так как смертного приговора не будет, и т. д.

Когда, несмотря на все эти убеждения, я не соглашался участвовать в деле, генерал Милков заявил, что в таком случае он, в виду моего отказа от защиты и отсутствия других защитников, будет слушать дело без защиты.

Обсудив создавшееся положение, совместно с подзащитным, мы решили за лучшее не оставлять обвиняемых без защиты и одновременно заручиться, следовательно, одним неоспоримым кассационным поводом.

Дело слушалось, конечно, при закрытых дверях. По ходу судебного следствия, по тому впечатлению, которое должны были произвести об'яснения М. В. на суд, я, несмотря на председательствование генерала Милкова, надеялся все же

---

[136]) Генерал-майор Александр Павлович Милков.

на благоприятный приговор. Помню, как я неоднократно подходил к дверям совещательной комнаты послушать, происходит ли еще совещание, или пишется уже резолюция, и вот услышал наконец громкий дикий хохот Милкова и стало ясно, — пишется смертный приговор, так как по неоднократным наблюдениям, этот, думается мне, не совсем психически нормальный человек, всегда по окончании совещания суда, результатом которого был смертный приговор, разражался каким-то необычайно диким смехом".

„Гад сделал то, что сделать он хотел,
Иначе не был бы он гадом"... (Д. Бедный).

Изверг, палач в белых перчатках, с сердцем, занавешенным побрякушками-крестиками, генерал не раз чинил зверские расправы с пленниками царского самодержавия; подлый холуй Милков изощрялся в узаконении кровавой мести по отношению к классовым противникам, неустрашимым борцам.

С. В. Дегтярев

ВОСПОМИНАНИЯ БОЛЬШЕВИКА-ПОДПОЛЬЩИКА

Рос я в мещанской семье в гор. Муроме. Отца не было в живых. Братья служили приказчиками. Рос я „оторвой“, уличным мальчишкой...

Видел, как рабочие, после тяжелого труда, в получку пропивали и проигрывали свои гроши, а ткачихи отправлялись по своим деревням, чтоб запастись хлебом на следующую неделю... Видел драки, бой — „стенка на стенку“... Как заядлый Муромский „святогон“. я принимал самое активное участие в избиениях „кутейников“ — учеников духовного училища... Однако, я оказывал хорошие успехи в школе и учителя посоветовали моей матери отдать меня учиться дальше, хотя сам я предпочитал бы стать рабочим. Средств у матери не было... Отдать в реальное училище—нужно было сшить „форму“ и платить изрядную сумму за право ученья... И, по иронии судьбы, при содействии учителей, я был определен в духовное училище и очутился таким образом в стане своих врагов — „кутейников“. Пришлось от своих ребят отстать, так как они дразнились, но я и к чужим не пристал... С тех пор и произошел излом моего характера: я стал диким, нелюдимым, одиноким. В семинарии учился я на казенный счет... Учебный режим полузакрытых духовно-учебных заведений известен; читать можно было только книги религиозно-нравственного и верноподданнического содержания... Все остальное, даже буржуазные классики и поэты, было под запретом. Выручала „подпольная библиотека“, в которой было много хороших, серьезных книг и получались журналы и газеты.

До нашего поколения в „подполье“ царил народнический дух. При нас уже появилась литература легального марксизма и в частности журналы: „Новое Слово“, „Жизнь“, „Мир Божий“. Зачитывались мы и М. Горьким... Иногда проникали к нам и прокламации...

В 1901 году я поступил в Юрьевский (Дерптский) университет, на медицинский факультет, получив земскую стипендию. Вместе со мной поступил А. И. Морозов на филологический факультет, Н. В. Архангельский—на юридический и А. Д. Кумошенский—в ветеринарный институт... Там, в далекой Лифляндской губернии, мы жили тесной семьей демократического студенчества. Перед рождественскими каникулами в 1901 году у студентов были *сходки* по поводу возмутительной статьи о курсистках князя Мещерского в „Гражданине". Студенчество, оставив свой „академизм", ударилось в политику, выставив общегражданские политические требования всяческих „свобод", вплоть до демократической республики... Весной 1902 года начались студенческие беспорядки. Была об'явлена забастовка... Вел ее союз землячеств. Профессора и большинство студентов желали учиться... Студенчество раскололось. Образовалась группа „академистов"... Пришлось срывать лекции обструкцией, сначала физической—путем нашествия на аудитории с пением „Дубинушки", „Марсельезы" и других песен. Профессора стали запирать аудитории и читать лекции под замком. Пустили в ход химическую обструкцию: разбивали в аудиториях пузырьки и пробирки с сероводородом и вообще вонючими газами. В результате последовали увольнения студентов. Меня также уволили из университета и выслали на родину...

В Муроме у меня как-то само собой, как у „крамольника-студента", образовался небольшой кружок приятелей-соседей... В нем были два конторщика (один с маслобойного завода и другой почтовик), один реалист и фельдшер... Никакой определенной партийной окраски этот кружок не имел: собирались и делились мнениями вообще о политике, критиковали правительство и думали, как бы создать организацию среди рабочих. У моей матери квартировали ткачихи, но к ним мы не умели подойти, хотя и пробовали.

Начальство не оставляло меня своими „премудрыми" заботами: в июне месяце забрали меня в солдаты и отправили служить во Владимир в Сибирский полк. Командир полка встретил меня наказом: „Забудь, что ты был студентом",—и определил меня в примерную роту к образцовому

Студенты Юрьевского Университета (слева на право): Александр Иванович МОРОЗОВ, Сергей Васильевич ДЕГТЯРЕВ и Александр Дмитриевич КУМОШЕНСКИЙ.

(Снимок 1902 г.).

ротному командиру. Ротный, для обучения меня воинской словесности и артикулам, приставил ко мне специального дядьку-ефрейтора из белоруссов, предварительно обрив меня на барабане перед всей ротой... К сожалению, в самой моей конструкции заложено что то противное воинской выправке. Солдата из меня все равно-бы не получилось... При индивидуальной же обработке, понятно и естественно, что дядька подпал под мое влияние и с большим интересом брал уроки моей „политической словесности"... Он не сумел даже научить меня кричать: „Здравия желаю". И ротный командир ничего не мог со мной поделать: я не пьянствовал, не буянствовал, только молчал при нем и ничего не делал... Когда меня стали ставить в ряды роты, то уже целый наш фланг тоже молчал и бесил этим начальство. А против окон казармы были окна губернской тюрьмы, где тогда содержались и политические, кажется, по делу „Северного Рабочего Союза". Солдаты, конечно, распрашивали меня, за что и почему сидят политические в тюрьме и что за песни поют... Приходилось раз'яснять, так сказать, на живом примере и сравнивать, где лучше: в казарме или в тюрьме. Организационных связей у нас с волей тогда не было... Ко мне заходил только А. И. Морозов.

При отпуске по домам окончивших срок солдат в нашей роте получилась маленькая буза: не хотели итти в старых, рваных штанах, требовали выдачи новых... Требование это начальством было удовлетворено.

Ротный командир не знал, что со мной делать. . Однако, воспользовавшись тем, что я по близорукости не вижу „мушки" у винтовки, он препроводил меня к врачу, а тот отправил в Москву на испытание в госпиталь... Там нашли, что я годен только к нестроевой службе или должен носить очки... Но рядовым очков носить не полагалось, а в нестроевые нельзя было зачислить меня по образованию... Пришлось лишить меня воинского звания и возвратить в „первобытное состояние" студента.

1903 год я провел опять в Юрьеве... Здесь уже началось серьезное знакомство с историей революционного движения и изучение различных политических течений и направлений. Выписывали „Искру", „Зарю". Читали эсеровскую „Револ.

Россию", либеральное „Освобождение" П. Б. Струве, „Вестник Народной Воли". Я был библиотекарем землячества...

Население тогда смотрело на всех студентов, как на крамольников, забастовщиков, и наоборот—всякого крамольника, забастовщика, хотя бы и совершенно неграмотного, считало студентом. Поэтому, когда мы на каникулы раз'езжались по родным и глухим палестинам, нам волей-неволей приходилось разыгрывать роль пропагандистов революционных идей... Положение, так сказать, обязывало...

Когда в 1904 г., в январе, началась русско-японская война, я был в Муроме. По городу были полицией организованы патриотические манифестации из торговцев и чиновников. В то же время по заборам были расклеены прокламации против войны, самодельного от руки изготовления... Были произведены обыски у „подозрительных лиц" . . . Обыскали и меня... Нелегальщину я хранил под лестницей в сенях... В комнате нашли только одну печатную прокламацию, которую я пытался уничтожить, но не успел. . Отвели меня в жандармское управление, сняли допрос, почему, между прочим, спросили,—я хожу не „в форме", а в тулупе и в валенках, и отпустили... Я уехал в Юрьев. В Юрьеве 19/II (3/III) 1904 года была устроена в актовом зале университета публичная лекция либерального проф. Пергамента. Зал был битком набит... От имени Союза землячеств были разбросаны прокламации и сделано приглашение устроить уличную демонстрацию под лозунгом: „Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!" Было поднято красное знамя и студенты двинулись на улицу. Демонстрация для Юрьева получилась довольно внушительная, тем более, что она была в то время чуть ли не единственной на всю Россию... Дошли до главной—Рыцарской улицы... Явилась полиция и жандармы .. Разогнали, захватив в плен ядро демонстрации .. Мне удалось бежать уже из цепи городовых... Тем не менее, спустя неделю, я был арестован у себя на квартире вместе с А. Н. Морозовым .. С месяц нас продержали в арестном доме, а потом с жандармами переправили в гор. Венден, близ Риги, и засадили в одиночки, пред'явив 252 ст. Уг. Улож. В одиночках тогда сидели

студенты самых различных национальностей: великороссы, украинцы, поляки, евреи, грузины, латыши, литовцы... Почти все были—эсдеки. Кроме студентов, сидели латыши—учителя и рабочие. Мне пришлось отсидеть до половины сентября 1904 года, т.-е. около семи месяцев... В тюрьме не давали курить, пища была плохая, а в остальном режим был сносный. Через латышей были организованы связи с волей, получали газеты и др. литературу, в частности—„Искру“ и даже прокламации. Изучали „Капитал“ Маркса и „Эрфуртскую программу“ на латышском языке. Знали об Амстердамском Международном Конгрессе (1904 г.) и о пожатии Плехановым руки японцу Катаяме... Знали о том, что наш известный профессор-психиатр Чиж находил самым разумным поскорей повесить нас—демонстрантов против войны, а Струве в „Освобождении“ взывал: „Да здравствует армия и ее державный вождь!“

Изредка к нам в Венденскую тюрьму наезжали жандармы с прокурором и по ночам производили допросы, копаясь во всяких мелочах и записках, отобранных при обыске.

С мая месяца стали по одиночке освобождать... Был освобожден А. И. Морозов... Когда меня освободили в сентябре, в одиночках остался только один украинец-запевало. С проходным свидетельством меня отправили на родину в Муром, где я и должен был состоять под гласным надзором полиции...

Была тогда „весна“ осенняя Святополк-Мирского, но в Муроме она не была заметна. Только в столичных газетах и журналах стали появляться либеральные статьи с „эзоповскими“ воздыханиями о конституции. Газеты и журналы я ходил читать в публичную библиотеку... С другими Муромскими студентами я не знался: они были сыновьями купцов, фабрикантов и чиновников, обучались в специальных привиллегированных учебных заведениях, и я им был не пара; лоску светского у меня не было. В библиотеке я познакомился с И. Н. Елизаровым и познакомил его со своими старыми приятелями. Иван Никитич Елизаров только что заделался учителем и был еще беспартийным. Он жил в подвале на Никольской. Иногда мы собирались у него и вели долгие беседы. Его квартира была плоха тем, что часов

в 9 вечера запирались ворота. Собирались и у меня. Как то вечером к нам присоединился Шляпников... Завязалось знакомство. Он таскал нам „Искру". Мы занялись распространением литературы... Покупали даже легальные книжонки и раздавали их. Елизаров оформлялся в эсдека. Я поселил И. Н. Елизарова у себя, в доме моей матери. Потом там была „явка". Там же, пишет Шляпников, „в его маленькой

Иван Никитич ЕЛИЗАРОВ.
(Снимок 1905 г.).

комнате, в доме Дегтярева, происходили собрания и свидания наиболее активных работников социал-демократов" [1]. А в статье, посвященной памяти И. Н. Елизарова, говорится: „в конце того же (1904) года примкнул к местной организации Р. С.-Д. Р. П. Являлся одним из самых активнейших работников ее и активнейшим руководителем. Работал, как пропагандист, в рабочих кружках, состоял казначеем организации. Квартира его была главным штабом партийной работы: местом собраний, складом нелегальной литературы, оружия" [2].

[1]) «Двадцать лет рабочей организации, РСДРП—РКП (б). Муром, Кулебаки, Выкса». Издание Истпарта ЦК ВКП (б). 1923 г., стр. 61.

[2]) Там-же, стр. 195.

Наш дом был надежным местом для конспиративных целей; мать меня любила и считала хорошим все, что шло через меня и от меня.

Рабочие в это время уже были совсем другие, чем когда-то... Уличных боев „стенка на стенку“ уже не было... Рабочие, особенно молодежь, стали интересоваться политикой, охотно шли в кружки .. Читали газеты, журналы, брошюры. Был спрос на нелегальную литературу .. Но прочной организации в Муроме еще не было...

Так подошел 1905 год. После 9 января никакого организованного выступления рабочих в Муроме не было... Только в клубе состоялся банкет Муромской интеллигенции... Беседовали о том, что лучше: эволюция или революция... В то время, как одни утверждали, что с эволюцией спокойнее, какой то радикальный студент высказал мысль, что уже поздно гадать, что революция уже началась. .

Вскоре после 9 января 1905 года дело обо мне было жандармами прекращено за недостатком улик и с меня был снят гласный полицейский надзор.

Я переехал во Владимир. Там в это время свирепствовала среди бедноты эпидемия сыпного тифа; я определился на работу по борьбе с этой эпидемией в качестве дезинфектора.

По окончании эпидемии, летом, перешел на работу в канцелярию губернского земства.

За этот период пребывания во Владимире я не нашел возможности связаться с партийной организацией, но у меня сохранились в памяти некоторые отдельные сведения о соц.-демокр. работе того периода. Помню, что маевку 1905 года во Владимире мы праздновали очень незначительной группой за городом, по линии железной дороги в сторону Москвы. Помню, был кружок, главным образом, из учащихся, в котором занимался П. П. Лебедев-Полянский. „Вечный“ студент — Ф. А. Благоправов—поддерживал партийные связи и представлял из себя постоянную неизменную явку. Квартира земского служащего Толмачевского (Щемиловка, за семинарией), который жил вместе с Любимовым и латышем Альфредом Лепиным, служила явкой для приезжающих во Владимир партийных работников.

В Коврове работал Миролюбов, посланный из Владимира.

Была связь с Гусем-Хрустальным через учеников Мальцевского ремесленно-технического училища.

Существовали соц.-демократические группы в Муроме и Коврове.

Во время Иваново-Вознесенской стачки туда был отправлен для работы А. С. Самохвалов Для сбора денег на поддержку стачки я ездил в Муром. Забастовка получила некоторое отражение на страницах газеты „Владимирец“.

После Муромской июльской (10/23 июля) демонстрации, в память полугодовщины 9-го января, во Владимирскую тюрьму были доставлены некоторые из активных участников этой демонстрации: рабочие — Лакин и Шляпников, студенты—Гуреев и Хряпин. Эти товарищи через меня, как своего земляка, поддерживали переписку с волей.

Приблизительно, в июле месяце во Владимир приехала социал-демократка Роза Зеликсон, для организации помощи своему брату Лазарю Зеликсон, находившемуся в то время во Владимирской тюрьме. Роза Зеликсон связалась с Владимирскими социал-демократами и примкнула к местной партийной работе.

К этому времени следует отнести одну из нескольких попыток создания оформленной Владимирской группы РСДРП. Помнится, что в ядро группы входили, кроме меня,—Валентина Сергеевна Черневская и еще кто-то, фамилии которых не помню. Первое собрание ядра группы происходило у Черневской.

Секретарем группы была Черневская, я был организатором, а третий ведал пропагандой. Был организован кружок пропагандистов, куда входили: П. И. Лебедев, А И. Морозов, П. В. Архангельский, Павел Сизов, Свирский, Черневский.

Мы имели печать Владимирской группы РСДРП.

Из профессионалов в это время во Владимире никого не было.

Владимирская группа работала, главным образом, среди приказчиков и учащихся, но были связи и устраивались

собрания среди железнодорожников, типографов и почтовиков... У приказчиков я вел кружок.

С деревней были связи через учителей. Были персональные связи и в обоих гренадерских полках, стоявших тогда во Владимире. Впоследствии, в дни октябрьских свобод, солдаты этих полков иногда организованно приходили на собрания и даже охраняли их.

У приказчиков было общество взаимопомощи, которое мы старались переделать в профессиональный союз. Из приказчиков помню: Доронина, Кокина, Лапшина; из молодежи—Юрьева и Харламова.

Вскоре после приезда во Владимир Розы Зеликсон, у нас появились партийные профессионалы: братья Серговские—Семен и „Максим", которые работали в уездах. Со времени их приезда, повидимому, и начинается складываться мало-по-малу Владимирская Окружная организация РСДРП, которая первое время имела название „Владимирская Окружная группа".

Конференций в этот период работы никаких не было и Окружного Комитета никто не выбирал и не назначал.

Владимирской группе пришлось проводить в городе октябрьскую забастовку. Железнодорожники бастовали без нашего вмешательства, в городе же приходилось снимать с работы приказчиков, почтовиков и служащих в учреждениях. Особых инцидентов при этом не было: на забастовку шли охотно. О манифесте нам в земстве сообщил член земской управы, литератор-кадет Булыгин, когда мы, забастовав, собрались обсудить, что делать дальше. Вечером в этот день—18/31 октября—был большой митинг в зале Дворянского Собрания. Председательствовал адвокат Гвоздев. Выступали кадеты, адвокат Котлецов, эсер Сергеев (Лившиц), от социал-демократов—Лазарь Зеликсон, перед этим выпущенный из тюрьмы. Под конец митинга П. И. Лебедев поднял красное знамя и выкрикнул несколько зажигательных лозунгов. Когда после этого митинга я шел домой, навстречу мне попались: Лакин, Шляпников, Гуреев и Хряпин, только что выпущенные из тюрьмы. Нужно было указать им ночевки. Пошли. Когда поравнялись с торговыми рядами, здесь увидели толпу торгашей: мясников, рыбников, мучников и извоз-

чиков. Слышим крик: „вот они идут!“... Нужно было удирать... Шляпников, который шел со мной под руку, вздумал убеждать эту дикую черносотенную толпу... Послышалось улюлюканье, посыпались удары... Полетели наши фуражки... Мы убежали...

На другой день, под руководством пристава Дробышева, черная сотня устроила манифестацию на Большой улице, получила приветствие от губернатора и благословение от духовенства и громила либеральничающих адвокатов—Гвоздева и Котлецова, земцев, студентов и вообще интеллигентов и евреев... Около банка П. И. Лебедев был избит настолько сильно, что его пришлось поместить в больницу, а потом укрывать в деревне у Я. Коробова. На третий день, когда погромщики готовы были покуситься на дома терпимости, они были легко разогнаны воинской частью... Эти дни опасно было показаться на Большой улице... Черносотенная опасность заставила социал-демократов, вместе с эсерами, сорганизовать боевую дружину человек в 30, вооружив ее револьверами, добытыми М. Ф. Тихомировым. Дружинники ходили за город на ученье... С месяц мы не разлучались с револьверами.

После Иваново-Вознесенских черносотенных погромов приехал во Владимир Иваново-Вознесенский партиец А. Д. Кумошенский и остался во Владимире для партийной работы.

Открыли свой клуб... Здесь была читальня, где на столах была разложена имевшаяся у нас нелегальная литература, а также во множестве появившиеся на рынке полулегальные и легальные марксистские брошюры... Здесь же по вечерам устраивались митинги, на которых иногда выступали: Семен Серговский, Лакин, Лазарь Зеликсон, вскоре затем уехавший в Москву, и др. Производился открыто прием в партию.

Устраивались митинги и в Народном Доме, откуда расходились с пением революционных песен. Потом стали ходить слухи, что черная сотня хочет сжечь наш клуб. Пришлось перенести его в другой конец города, за семинарию, на Жандармский спуск.

Как-то в наш клуб явились ходоки из Ундола и просили направить к ним „оратора“. Оратором отправился

в Ундол т. Лакин... Но обратно т. Лакин не вернулся. Он был убит толпой, натравленной на него фабрикантом... Я поехал в Муром за отцом Лакина, который проживал в селе Саксино, около Мурома... Из Мурома в село Саксино мы ездили вместе с „Максимом“ (Серговским). Отец Лакина мужественно встретил ужасную весть о смерти любимого кормильца-сына. Старик не плакал. Он говорил, что гордится своим сыном-мучеником, отдавшим жизнь за благо народа. Лакин-отец поехал на похороны растерзанного сына в Ундол. Возвратившись оттуда, он рассказывал, что рабочие жалеют его сына, что он не винит темных, невежественных убийц из толпы, но проклинает фабрикантов, натравивших темных людей убить его сына.

Будучи в Муроме, я присутствовал на митинге в „Доме Трезвости“... Очень горячо и как власть имеющий выступал здесь т. „Максим“. После него брали слово новые ораторы из рабочих и тоже произносили пламенные речи. После митинга расходились по домам с революционными песнями..

Во время декабрьского восстания в Москве, мы во Владимире не знали что делать и ждали указаний из „Московского центра“. Но поезда не ходили, газет не было... Так и прошло время в тяжелом ожидании.

В это время состоялась поездка в Москву делегации рабочих Ковровских жел.-дорожн. мастерских. Как известно, делегация эта подверглась в Орехове вооруженному нападению казаков и полиции. Владимирские социал-демократы помогали уцелевшим от расстрела остаткам делегации добраться до Коврова.

В конце декабря реакция начала свирепствовать во-всю и в нашей губернии. Пошли аресты... Братья Серговские, в январе или в начале февраля 1906 года, уехали из губернии. В Муроме был арестован Шляпников. Тюрьмы начали снова наполняться. Пришлось опять уходить в подполье, хотя в рабочих районах, как, например, в Муроме, еще и в 1906 году продолжались открытые массовые митинги.

В начале 1906 года, как бы на смену братьев Серговских, приехали профессионалы: „Михаил“ и „Алексей“[3]).

---

[3]) Тов. «Михаил»—И. Г. Уханов, тов. «Алексей»—Т. Ф. Максимов.

При них впервые стали собираться партийные конференции, с непременным участием представителей местных групп. На одной из таких конференций Владимирской Окружной организации тов. „Михаил“ был избран на IV-ый Стокгольмский с‘езд партии (апрель 1906 года, в г. Стокгольме) и участвовал во фракции большевиков под именем „Владимирский“. Эта предс‘ездовская конференция была в Муроме, а по возвращении со с‘езда тов. „Михаила“ конференция происходила во Владимире. Резиденцией „Михаила“ был Муром, а „Алексей“ жил в Меленках.

1 мая 1906 года во Владимире была проведена за городом массовка, где, помнится, выступал Кумошенский.

Много хлопот было по налаживанию сношений с политическими заключенными. Много трудов и забот было положено на организацию побега из тюрьмы тов. Клюеву, которому грозила виселица... Его жена больше месяца жила у меня на квартире; приезжали товарищи из Москвы... Побег не удался, а по суду Клюев был оправдан.

Летом 1906 года Владимирская Окружная организация уже формально и фактически складывалась из групп: Владимирской, Гусевской, Суздальской, Судогодской, Ковровской, Муромской, Кулебакской, Выксунской и Меленковской, к которым потом еще присоединились Вязниковская и Ундольская. Профессионалы переезжали из одной „группы“ в другую... С от‘ездом из „группы“ профессионала, замирала в ней и партийная работа, так как на местах своих партийных сил было очень мало и они были слабы. В это время более успешно проходила партийная работа в Муроме. Там числилось около 200 „организованных“, т. е. членов партии, было несколько кружков, регулярно раз или два в неделю происходили открытые митинги в Бучихе, на которых бывало иногда человек до 300. Были партийные ячейки на некоторых фабриках и заводах и собирались членские взносы. Отправлялась литература и в деревню, устраивались и митинги по деревням. Создавался союз металлистов. Была боевая дружина. Из Мурома профессионал обслуживал Кулебакский завод, где „организованных“ было больше 100 человек и было несколько кружков. На митинги собиралось свыше 300 человек.

На заводе в Выксе „организованных“ было около десятка, а массовки собирали человек до 50.

Хорошее было настроение у рабочих гор. Меленок, где „организованных“ было несколько десятков, но где трудно было укрываться профессионалу, так как все и вся было на виду у полиции.

Сильная, около 80 человек, была „группа“ на Гусю, но здесь, за отсутствием местных сил, не было кружков, а устраивались только большие массовки. Гусевские рабочие хорошо поддерживали социал-демократическую организацию, которая, надо отметить, имела строение более оформленное, чем в какой либо другой „группе“.

Но весь Гусь представлял из себя вотчину Мальцева. Рабочие жили в домах хозяина. Вся администрация была тщательно подобрана Мальцевским управляющим. Здесь было очень трудно держаться партийному профессионалу.

В Коврове, где рабочие в 1905 году энергично использовали „дни свободы“, в шестом году „царили“ казаки. Но соц.-демокр. организация не замирала, „организованных“ социал-демократов насчитывалось до 100 человек и бывали небольшие массовки и митинги.

В Суздале также была „группа“, состоявшая преимущественно из учителей и учащейся молодежи. Суздальская группа РСДРП вела работу, главным образом, среди крестьянства, устраивая порой довольно многолюдные крестьянские собрания, пытаясь об‘единить крестьян в союз.

В Судогде „группа“ только что организовалась, был кружок, производился учет возможностей постановки партийной работы. Точно также—в Вязниках и Ундоле...

В самом Владимире было приступлено к постановке типографии, принадлежности таковой были препровождены также в Муром. Были кружки из железнодорожников, типографщиков, приказчиков, солдат и учащихся. В ядре „организованных“ насчитывалось больше 50 чел. На массовки собиралось до 100 человек.

Перед роспуском 1-й Думы, на большом собрании во Владимире против депутата-кадета Черносвитова очень удачно выступал наш товарищ—А. П. Морозов.

В конце июля в Муроме был арестован профессионал „Михаил", но благодаря своей ловкости—бежал на глазах надзирателя во время прогулки, воспользовавшись открытыми воротами, после чего несколько дней скрывался в погребе, потом через Меленки приехал во Владимир, здесь сам в газете „Владимирец" описал свой побег, дождался у меня тов. „Алексея" и вместе с ним покинул Владимирскую организацию... Мы остались без профессионалов...

На 29/VIII (11/IX) у меня в квартире была, с представителями от Шуи и Иваново-Вознесенска (кои, впрочем, не приехали), собрана Окружная конференция. Главным вопросом конференции была работа в деревне: неплатеж налогов и податей, а также проведение рекрутской забастовки; затем отчеты с мест.

На конференции было человек 15. В первый день был заслушан доклад И. М. Хераскова о работе в деревне и о беспартийном крестьянском союзе. Были заслушаны еще доклады с мест... Часов в 11 вечера сделан был перерыв до следующего дня. Часть конферентов ушла ночевать по своим знакомым; человек 5 расположились на ночь во дворе дома на сеновале; туда же была снесена литература и оружие. В моей комнате остались только Кумошенский, я и делегат от Мурома—„Аркадий" Гуреев... Только что улеглись спать, как стала ломиться полиция, во главе с приставом Дробышевым, жандармским ротмистром Щербачевым и с отрядом городовых и жандармов. Прежде чем отпереть двери, я засунул в дымовую трубу пачку нелегальной переписки, переданной мне Кумошенским, разорвал и бросил в помойное ведро два письма из Нижнего от П. И. Лебедева, в коих он из Нижегородской тюрьмы просил выслать ему паспорт для побега. Обыск продолжался несколько часов, обыскали весь дом, но до сеновала не добрались, не слазили также и в подполье, где у нас хранилась печать, нелегальщина и части „техники" (типографии). При обыске было отобрано много брошюр и книг... Под конец обыска одному городовому вздумалось пускать дым от махорки в дымовую трубу. Дым туда не пошел... Он сообразил в чем дело и вытащил оттуда спрятанную пачку нелегальщины. Наша судьба была решена... Составили протокол, нагрузили литературу на

извозчика, а нас троих забрали в полицейскую часть, откуда Гуреева почему-то отпустили, меня же и Кумошенского под конвоем препроводили в тюрьму (Исправительное отделение арестантских рот). На другой день, т.-е. 30/VIII (12/IX), но уже без нас, Владимирская Окружная партийная конференция продолжалась за городом, около стога сена.

В тюрьме тогда был, сравнительно, свободный режим. Одиночки на день отпирались и мы могли сходиться вместе. Жили, разбившись на несколько коммун... Здесь были представлены почти все уезды губернии. Сидели александровцы: Ф. И. Калинин, Добров, Белов, Баранов; ореховцы: Кононов, Кабашев, Балабашкин и Павел Новиков, который летом, перепилив решетку, спустился через окно, но сорвался и вместо воли очутился в больнице. Из Иванова сидели: Дунаев, Колотилов, Кислов; из Судогды—студент Углов; из Меленок—Коноплев; многих других не помню. Помню, что был даже какой-то офицер. Следили по газетам и сообщениям с воли за политической жизнью, устраивали диспуты. Много спорили на счет „богдановщины" и „махаевщины". Никакого допроса мне и Кумошенскому не производили и обвинения не пред'являли. В декабре я об'явил голодовку и требовал освобождения. На пятый день голодовки — 20/XII 1906 г. (2/I 1907 года) — я был освобожден под надзор полиции, а через месяц был освобожден и Кумошенский. Мы были представлены к ссылке в административном порядке, но потом как-то наше „дело" затерялось.. Была даже целая переписка между министерствами Внутренних дел и Юстиции, которые старались выяснить это недоразумение с пропажей нашего дела. Впоследствии, после провалов: Суздальской соц.-демократической группы, А. П Скобенникова — во Владимире, Козлова — в Муроме, Гусевской группы в январе 1908 г. и Владимирской Военной с.-д. организации,— жандармерия, за одно с прокурором, состряпали большое „Дело Владимирской Окружной организации РСДРП".

По выходе из тюрьмы я нашел во Владимире партийную организацию вполне оформившейся... Здесь работало несколько партпрофессионалов: „Борис" (Асаткин,) „Николай Николаевич" (Растопчин), „Таня" (Симановская). Организация уже называлась Владимирским Окружным Комитетом,

который имел свое Исполнительное Бюро. Правильно происходили об'езды групп профессионалами, регулярно собирались конференции.

Весной 1907 года предстоял суд над 4-мя ивановскими боевиками, которые сидели в одиночках. Но им удалось бежать из одиночек одновременно с Кононовым, Колотиловым, Соколовым и др. Побег не был подготовлен... На другой день только было получено письмо от Шляпникова с просьбой прислать пилок.

Все они прибежали ко мне на квартиру... У Кононова и Колотилова была явка к Царевым, куда они и отправились... Соколов и еще кто-то взяли денег и отправились прямо на поезд... Четверых же боевиков надо было где нибудь укрывать, так как они не знали куда деваться. Были даже без фуражек. У себя я их не мог оставить, так как в мое отсутствие на моей квартире поселился очень подозрительный чиновник. Я отвел их закоулками и окраинами на реку Лыбедь, оставил их тут и велел дожидаться, пока я узнаю, где их можно будет поместить. Сам пошел к Ф. А. Благонравову, который предложил мне вести беглецов к нему, что мной и было сделано. Беглецы были затем размещены по различным квартирам. Потом всех их благополучно вывезли из Владимира. Впоследствии полиции удалось задержать боевиков, один из них был повешен, а остальные получили каторгу. В 1908 году мне пришлось сидеть в одной одиночке и с Соколовым

Зиму с 1907-го на 1908-й год я был под надзором в Москве, состоял в студенческой партийной организации, не порывая связи с Владимиром За время пребывания в Москве у меня был безрезультатный обыск. Летом 1908 года я был арестован в Муроме, отсидел несколько дней в Муромской тюрьме, затем этапом был препровожден во Владимирскую губернскую тюрьму, откуда через несколько дней был переведен опять в знакомые одиночки „арестантских рот", теперь уже обратившихся в каторжный централ. С 16 (29) по 20 августа (2/IX) 1908 года был военный суд. К суду было привлечено нас 25 человек, а 26-й—А. Д. Кумошенский—считался скрывшимся от суда, хотя он под своим именем открыто служил ветеринарным врачем в Закавказьи.

Результаты суда известны: 10 человек получили каторгу, в том числе и я, 5 человек оправдано, остальные получили ссылку, крепость и один — тюрьму... Условия отбывания каторги во Владимире прекрасно описаны в воспоминаниях моего сопроцессника — А. И. Скобенникова.. Я не буду будить тяжелые воспоминания о каторжном режиме... Кандалы, розги, виселицы, кладбище.... Издевательства днем и ночью... Отсутствие добрых вестей с воли... Угроза не только физической, но и нравственной смерти.

Летом 1911 года нас заковали в наручники и по этапу отправили в Сибирь, в Иркутск, доканчивать каторгу в Александровском централе. В Самаре к нашему этапу, в числе других, присоединился покойный Виктор Павлович Ногин, который направлялся в Якутскую область, в административную ссылку... Он впервые после четырехлетнего перерыва рассказал со всеми возможными подробностями о партийных делах, в частности — о пленуме ЦК и Пражской конференции[4]). Затем мы месяца три просидели в ужасных условиях, вместе с уголовными, в Иркутской пересылке. Наконец, нас отправили с этапом оканчивать срок каторги в Александровский централ, в 70 верстах от Иркутска. Вышли мы из Иркутска в летнем облачении, а дорогой уже выпал снег. Переход был очень тяжелый. Затем еще полгода мы отсидели в Александровском централе, где режим был гораздо лучше Владимирского... Здесь политические были сорганизованы в особый коллектив, занимали особые камеры без уголовных, имелась хорошая и серьезная библиотека, издавался рукописный тюремный журнал, устраивались беседы и диспуты... Только анархисты иногда портили настроение и срывали порядок жизни этого тюремного университета. В феврале 1912 года кончался срок нашей каторги и мы подлежали отправлению в ссылку „на вечное поселение". Нам троим: мне, Рыболовскому и Нежданову назначили местом ссылки Верхоленский уезд, с. Знаменское, в 25 верстах от Лены, а Скобенникову — с. Жигалово, на Лене. Больше недели мы ждали этапа в Александровской пересылке, где, как и во всех тогдашних пересылках, условия

[4]) Пражская всероссийская конференция большевиков-ленинцев собралась в январе 1912 года.

были самые невыносимые, где к издевательствам администрации, отсутствию самых элементарных обиходных вещей присоединялись еще безобразия уголовной шпаны. Потом опять обратный этап в Иркутск, опять мучительное сиденье в Иркутской пересылке, и снова большой этап в 400 верст к месту ссылки, в сторону от железной дороги, на север, на Лену... Время этого нашего последнего этапа совпадало с ленским расстрелом; перед нами только что проехал знаменитый погромщик Терещенко и в народе шла глухая молва о расстреле... Прибыв на место ссылки, мы были отпущены на волю... в арестантских халатах... Нам не полагалось никаких пособий. Некоторые ссыльные, за неимением возможности получить хоть какое нибудь убежище, сами добровольно приходили проситься в острог на ночлег. Среди ссыльных тогда шел большой раздор из-за того, что часть „политиков" ударилась в бандитизм, чем возбуждала против всех политических ссыльных местное население и вызывала: усиление полицейского надзора, обыски, облавы... А потом все лето беспрерывно тянулись подводы приисковых рабочих, бежавших после Ленского расстрела назад в Россию. Среди них политическими ссыльными велась агитация. Потом долгая бездеятельная зима, с редкими вечеринками, рефератами...

Поздней осенью в ссылку, отбыв каторгу, прибыла к нам А. Я. Боксберг — „Зента", осужденная по делу Рижского социал-демократического комитета, и стала моей женой.

Вообще латышей среди ссыльных было много. У них были крепкие связи с партийной организацией в Риге и заграницей. Довольно исправно получалась партийная соц.-дем. литература. Осенью 1913 года моя жена получила из Риги паспорт и от Латышской организации в Америке деньги для побега в Америку... Мы решили бежать вместе... Я долго искал для себя хотя бы какой нибудь паспорт и нашел только чистый паспортный бланк... Собственноручно заполнил его и мы отправились... Выехали мы из Знаменки по первой пороше, но не в Иркутск, а по направлению к ст. „Тыреть", Сибирской жел. дороги. Наш путь к этой станции лежал через глухую тайгу, без единого селения на 250-верстном пути. Ехали несколько суток, через Ангару

близ станции „Тыреть“ переправились на лодке, сменили возчика, переночевали в „Тыреть“ и благополучно сели в Питерский поезд... Ехали, конечно, как чужие... Благополучно добрались до Риги, где некоторое время пришлось скрываться по подвалам и чердакам в ожидании посадки на морское судно... Получили бумажку от ЦК Латышской социал-демократии. Благодаря связям с матросами, нас тайно от командира посадили на парусное судно, отправлявшееся в Англию. Матросы поместили нас на самое дно трюма, где была вода, беспросветная мгла, две бездонных кадки и три доски.

Три недели в таких ужасных условиях мы качались на волнах Балтийского моря. Наконец не вытерпели и попросили матросов поместить нас в их каюту на верху. Там проплавали еще с неделю, когда около берегов Дании нас „открыл“ капитан судна... Женщинам вообще не полагалось быть на таком судне... Капитан посадил нас в шлюпку и высадил на берег Дании... Здесь нас немедленно подобрала Датская полиция, долго без всяких документов устанавливала нашу личность, поверила нам, что мы не уголовные и выслала нас из Дании в 24 часа. Проехав вдоль всей Дании, мы уже настоящими пассажирами сели на пароход, идущий из Дании в Англию, куда и прибыли, кажется, через сутки, тогда как наш парусник доплелся до Англии только через несколько недель. В Англии, после препирательства с чиновниками, так как у нас не было никаких документов, и после того, как мы указали адреса знакомых в Лондоне, нас спустили на берег. Наконец-то мы прибыли в Лондон и розыскали знакомых эмигрантов. Здесь оказалось, что у нас не хватает денег на переезд в Америку; пришлось пока задержаться в Лондоне... Мы познакомились с Латышской и Русской колониями... Особенно заботился о нас старый народоволец Зунделевич, который приглашал нас к себе, путешествовал с нами по Лондону и, в частности, на могилу Маркса. Бывали мы и у тов. Петрова (В. И. Ленина). Затем я получил из России от Владимирских т. т. и земляков несколько денег и перед нами открылась снова возможность продолжать путь в Америку. Сели с женой на пароход опять-таки как чужие. Высадились в Бостоне... Меня

спустили на берег, а жену задержали... Уже на другой день, при помощи ее знакомых—латышей, нам удалось добиться того, что и жену спустили на берег. Мы поселились в Бостоне. Жена вскоре нашла себе работу на швейной фабрике и стала также вести партийную работу в Латышской левой соц.-дем. организации. Я же с полгода ходил без работы, тщетно пытаясь поступить хотя бы в прачки. В Бостоне я нашел хорошего товарища—Янышева, потом во время гражданской войны геройски погибшего на Врангелевском фронте. Он работал когда то в Иваново-Вознесенске. Русской соц.-дем. организации в Бостоне тогда не было. Янышев состоял в Польской соц.-дем организации... Мы с ним занялись созданием ерусской соц.-дем. организации... Сняли помещение под клуб, устраивали платные вечера, организовали кружки, устраивали уличные митинги. Потом мне удалось найти работу в качестве чернорабочего железнодорожных мастерских, верстах в 12 от Бостона. Когда в 1914 году началась империалистическая война, мы сразу же, еще до получения № 33 „Социал-Демократа", заняли правильную большевистскую позицию против социал-патриотизма и за гражданскую войну... Между тем, все издававшиеся в Америке русские газеты ударились в патриотизм. Издававшийся в Нью-Йорке социал-демократический „Новый Мир", хотя имел редактором бывшего уральского большевика, но тоже стал вестись в патриотическом духе, т. к. редактор являлся тогда ярым социал-патриотом... Там же жил закадычный и старый друг Плеханова—Лев Дейч и издавал социал-патриотическое клеветническое „Свободное Слово"... Нас „пораженцев" травили... Но рабочая масса охотно прислушивалась к нашим речам... В 1915 году мы, чернорабочие железнодорожных мастерских, забастовали, требуя увеличения заработной платы... Остальные железнодорожники нас не поддержали, так как мы, как чернорабочие, не состояли в союзе, да и у них союз был не один, а несколько независимых союзов—братств. Нашу же стачку проводил Союз Индустриальных Рабочих Мира... При помощи штрейкбрехеров, наша стачка была раздавлена, а я снова очутился без работы... Через некоторое время я поступил на работу котельщиком на судостроительные верфи, где строились дредноуты и подводные

лодки. Здесь вместе со мной работал В. М. Лихачев, старый большевик. В следующем 1916 году товарищи перетащили Лихачева на работу в Филадельфию, на снарядный завод... Мы же весной и тут на верфях забастовали, при чем в стачке самое активное участие принимал товарищ Янышев... Вел стачку тот же Союз Индустриальных Рабочих Мира, членом которого и я состоял. И опять мы проиграли, так как кроме штрейкбрехеров много было и безработных, а квалификации для работы не требовалось... Квалифицированные же рабочие, состоявшие в своих желтых цеховых союзах, нас не поддерживали... Пришлось вновь искать работу... Тов. Лихачев пригласил меня тогда в Филадельфию. Мы с женой переехали туда. Я опять стал работать вместе с Лихачевым... Здесь мы восстановили Русский отдел социалистической партии, который перед тем очень захирел. Я был финансовым секретарем. Здесь у нас борьба с социал-патриотами приняла ожесточенный характер, так как сюда же на работу поступил бывший редактор „Нового Мира“ и кроме того, среди рабочих, старых социал-демократов, были преданные друзья Дейча. Но и наших было не мало... Со мной заодно горячился тов. Минков, потом бывший секретарем МК; здесь же был Володарский; приезжали и большевики—латыши Берзин и Бейка; здесь работал Мицкевич—Капсукас, потом Предсовнаркома Литвы, эстонец Янсон, Шляпников, но с последним мне там не пришлось видеться... Наконец, с приездом Бухарина, Чудновского и Троцкого, социал-патриотизм был подавлен и Бухарин стал редактором „Нового Мира“. Троцкий работал заодно с большевиками против социал-патриотов, хотя не был большевиком.

Вести в английских газетах о *февральской революции* 1917 года все-таки застали нас врасплох... Сначала мы даже не могли понять, что, собственно, происходит в России... Газетные сообщения были очень туманны... Потом уже стало дело выясняться и мы потянулись назад в Россию. Несмотря на свое учение о „перманентной революции“, тов. Троцкий в своих тогдашних речах говорил только о политической революции, о суде над царем, не говоря о переходе власти к пролетариату. Первыми уехали в Россию: Троцкий, Лихачев, Мельничанский и социал-патриот—бывший редактор „Нового

Мира". Со второй партией отправился товарищ Бухарин. Мы попали в третью партию. Возвращались через Великий Океан и Японию на казенный счет. Нас не хотели принять пассажирами на океанский пароход. Пришлось проехать по железной дороге всю Америку вдоль и поперек. Долго задерживали в Японии... Затем несразу нас отправили дальше из Харбина... Наша партия ехала в составе свыше 100 чел., из числа которых человек 30 еще по дороге в Россию сорганизовались как большевики—ленинцы... Были анархисты, эсеры, меньшевики и неопределенные... По Сибирской железной дороге ехали с революционными песнями, красными флагами. На станциях устраивали митинги. В Вологде нас чуть-чуть не поколотила патриотическая толпа. В Питер добрались в июне. Здесь Н. К. Крупская ввела нас в партийное гражданство... Приняли участие в выступлении 18 июня. Потом побывали на Рижском фронте и приехали в Москву. До Октября я работал в Лефортовском районе, где участвовал посильно в Октябрьском перевороте. С ноября перешел на работу в Красно-Пресненский район. Был судьей, теперь член Мосгубсуда. Мне 49-й год, родился 1-го июня 1879 года. Надеюсь дожить до мировой социальной революции.

Р. С. Зеликсон-Ставская

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(Владимирская соц.-дем. организация в 1905 г.)

Я приехала во Владимир в начале лета. Думаю, что это был май или июнь месяц 1905 года.

Во Владимир я приехала с целью добиться свидания с братом моим—Лазарем Зеликсон, который сидел тогда во владимирской тюрьме при крайне тяжелых условиях. У меня был адрес надзирательницы женского отделения психиатрической лечебницы Е. М. Осиповой; к ней я и направилась прямо с вокзала. Е. М. Осипова познакомила меня с Н. И. Воробьевым, а последний познакомил меня с П. Ф. Леонтьевым.

Положение брата моего было крайне тяжелое. Я решила остаться на некоторое время во Владимире и пристать к местной партийной работе.

Е. М. Осипова помогла мне отыскать квартиру. Я поселилась на пустой городской квартире агронома Черного, семья которого и он сам жили где-то на даче. Жила я легально, на свой собственный заработок: Н. И. Воробьев давал мне на дом счетную работу по статистике.

На квартире Черного я познакомилась с С. М. Воронинским, который оказался моим соседом по комнате. От товарищей я узнала, что С. М. Воронинский свой человек, что с ним конспирировать нечего.

Вскоре после моего приезда во Владимир мне пришлось быть на одном собрании, которое происходило на квартире у Н. И. Воробьва на Студеной Горе. На этом собрании присутствовали—Н. И. Воробьев, Воронинский, Миролюбов, Благонравов и, кажется, Е. Ф. Дюбюк. Помню, что на этом собрании говорилось о типографии, которая ставилась в Муроме и почему-то не могла наладиться. Чувствовалось, что с этим незадачливым делом надо поскорее покончить и начать все сызнова, по иному. Вообще, после этого нашего собрания

у меня создалось такое впечатление, что настоящей работоспособной оформленной партийной организации в городе Владимире нет, что есть только обрывки работы, обрывки связей, да и работа в самом городе Владимире не казалась столь значительной, как работа в рабочих районах, где была настоящая пролетарская масса. Все мы понимали, что главное внимание должно быть обращено на районы, что первая наша задача—это связаться с районами. Мы принялись налаживать эти связи. Мне пришлось поехать в Муром и в Ковров. В Муром мне дали явку к какому-то поповичу, которого не оказалось дома и мне пришлось уехать оттуда ни с чем.

В Ковров я ездила к какой-то паре, которая выдавала себя за брата и сестру, последнюю звали Анной; думаю, что это были Анна Коренева и Павел Барабанов. Помню также, что ко мне приезжали устанавливать связь с нами из Меленок и из Гуся. Из Гуся приезжал молодой белокурый парень, фамилию которого не помню. Думалось, что прочную связь с районами только тогда можно будет установить, когда в каждом районе будет сидеть партийный профессионал. Эту задачу нам частично удалось осуществить. Я использовала свои старые Костромские связи, где раньше работала, и пригласила во Владимир Семена Серговского, а через некоторое время и брата его — „Максима“ Серговского; оба брата были хорошие организаторы и агитаторы-профессионалы. „Максима“ Серговского направили в Муром, а Семена Серговского сделали раз'ездным агитатором.

К Владимирской группе товарищей принадлежали также муж и жена Черневские. У Черневской хранились адреса.

Так как попытки поставить типографию в Муроме оказались неудачны, наша Владимирская группа товарищей поручила мне поставить типографию во Владимире. Получив это задание, я вызвала из Костромы свою приятельницу—Софью Загайную, которая согласилась быть квартирной хозяйкой типографии. Мы поселились в Солдатской Слободе, в доме Архангельских; в задней половине этого дома и должна была быть поставлена типография. С нами жил и брат мой— Лазарь Зеликсон, освобожденный к тому времени из тюрьмы и оставшийся для партийной работы во

Владимире. Вскоре у нас появился и техник-наборщик; откуда появился к нам наборщик, я припомнить не могу, не то я привезла его из Москвы, куда ездила за оборудованием для типографии, не то его выписала откуда-то Софья Загайная. Помню, что С. Загайная жаловалась на тяжелый характер техника; говорила, что совместная работа

Лазарь Самойлович ЗЕЛИКСОН, Роза Самойловна ЗЕЛИКСОН-СТАВСКАЯ (слева) и Цецилия Самойловна ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКАЯ (справа).

с ним невозможна; что ей, вероятно, придется уйти. Работа не налаживалась: не хватало оборудования и типография стояла.

Наступили октябрьские дни. Помню митинг, на котором читался манифест. В толпе было много извозчиков, у многих из которых были совершенно озверелые лица, а уста изрыгали отвратительную брань по адресу выступавших ораторов. Не помню, выступал ли мой брат на этом самом митинге и я ушла домой раньше его, или на другом каком-либо

собрании он выступал, помню только, что ко мне на квартиру прибежали живущие в нашем доме ученики Мальцевского технического училища и предупредили, чтобы брат мой немедленно убирался из Владимира, что его ищет черная сотня и грозит изорвать в клочки. Мы спрятали брата на квартире у отца Валентины Черневской, урожденной Перфильевой,—судебного пристава, сама же я поехала в Москву за паспортом для брата.

Вернувшись из Москвы, я отправила брата из Владимира, сама же осталась здесь еще на некоторое время. Надо было закончить организационную работу по созыву совещания с представителями районов.

Жутко было проходить по пустынной Солдатской Слободе на свою квартиру; редкие прохожие, узнав во мне еврейку, злобно косились и недвусмысленно давали понять, что с удовольствием изорвали бы меня в клочки; не знаю, что мешало им привести свое желание в исполнение.

В последние дни перед моим от'ездом из Владимира, на квартире Н. И. Воробьева состоялось организационное собрание, на котором присутствовали представители из рабочих районов. На этом собрании наша организация окончательно оформилась, как Владимирская Окружная Организация.

С. К. Загайная

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ПОПЫТОК ОРГАНИЗАЦИИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ

во Владимире в 1905 г.

В сентябре 1905 года товарищем Розой Зеликсон, с которой мы работали в 1903-4 году в Костромской организации РСДРП, я была вызвана во Владимир для переговоров о моем переезде туда, с целью работы в качестве хозяйки намечавшейся к устройству подпольной типографии. Мы условились, что я окончательно приеду к 1-му октября.

В назначенный срок я приехала во Владимир. Встретил меня товарищ, которого звали, как мне помнится, Аркадий, и поместил на ночевку на квартиру Гортинских.

На другой день я встретилась с Розой, которая и отвела меня на квартиру, где должна была быть устроена типография. Квартира эта находилась на окраине города, в Солдатской Слободе, на Тюремной улице, в доме Архангельских; состояла из 3-х маленьких комнат и кухни; имела отдельный ход на улицу и ход из кухни, который выходил в общие с хозяевами сени.

Ни шрифта, никакого-либо другого оборудования типографии еще не было, ожидалась присылка всего этого из Москвы; не было и других работников, кроме меня. Для ускорения оборудования техники, должна была поехать в Москву Роза, а пока что в квартире находился гектограф или мимеограф, да тюк каких-то прокламаций, хранившихся в большом диване, стоявшем в одной из комнат.

Вплоть до появления манифеста 17-го октября, в силу особо конспиративных условий намеченной для меня работы, мне пришлось проводить время в томительном ожидании будущей работы, вне связи с другими товарищами, за исключением Розы Зеликсон, на обязанности которой лежало держать связь с типографией. В это время в городе уже происходили более или менее открыто митинги. Мне бывать на них не

приходилось. В числе товарищей, выступавших на митингах, был Лазарь Зеликсон, которого вследствие этого знали в городе.

Наступившая железнодорожная забастовка препятствовала поездке Розы в Москву. Дело с оборудованием типографии затягивалось.

После опубликования манифеста моя изолированность была нарушена. Кажется, 18-го или 19-го октября должен был состояться митинг, на котором считалось возможным побывать и мне. Утром я и Роза пошли на квартиру Лазаря, застали там нескольких товарищей, которые были вооружены*). Что-то такое было во всей окружающей обстановке, что заставляло опасаться какого-либо выступления со стороны полиции. Побыв там короткое время, мы решили разойтись, а нам с Розой поручено было походить по городу и разведать, можно ли рассчитывать на то, что митинг состоится. Когда мы вышли из квартиры Лазаря с кем-то из бывших там товарищей, то в догонку нам обыватели посылали такие замечания: „Вот эти с красными флагами ходят, резать их надо!" Где должен был состояться этот митинг — не помню; помню только, что мы пошли в собор и то, что мы там услышали, давало полную уверенность предполагать о готовящемся чорносотенном выступлении.

Действительно, вскоре стало известно, что в городе были определенные случаи избиения местной интеллигенции и студентов (фамилию одного из избитых студентов я запомнила — В. Беллонин).

Говорили, что в организации этих избиений играл видную роль какой-то торговец — владелец шапочного магазина. Впоследствии передавали, что „Владимирское общество" отомстило ему бойкотом его торговле, что он почувствовал очень сильно. Потом начался погром квартир.

При такой обстановке большая опасность грозила тов. Лазарю Зеликсон. За невозможностью в короткий срок приискать безопасную квартиру и днем препроводить его на нее, решено было временно поместить Лазаря в квартиру

---

*) В числе этих товарищей помню Александра Николаевича Соколова, которого я знала также по работе в Костроме.

типографии. Он и Роза пришли ко мне. Однако, считать при данных условиях мою конспиративную квартиру совершенно безопасной было нельзя и к вечеру он был переведен в квартиру Черневских. Уговаривали и меня товарищи переночевать где нибудь в другом месте, но мне казалось, что это необязательно и я осталась. Пошла только проводить Розу на ее квартиру (жила она в противоположном конце города, на Соборной улице), так как беспокоилась, что ее, как еврейку, могут по дороге побить. Итти нам пришлось,

Софья Константиновна
ЗАГАЙНАЯ.

пробираясь через густую толпу, охотившуюся на улицах и на каком-то прилегающем к месту квартиры Розы бульваре за студентами и евреями. Настроение толпы было определенно погромное; несмотря на это, мы прошли беспрепятственно. Назад я возвращалась на извозчике,—так неприятно было итти еще раз в этой толпе!

Вечером произошел курьезный инцидент, в дальнейшем — другой. Приходит ко мне какой-то юноша, подает мне револьвер и говорит, что в городе происходит разгром квартир, что моя квартира также замечена, так как проследили, что здесь был Лазарь Зеликсон, и что мне товарищи прислали для защиты этот револьвер; тут же он заметил, что пули из револьвера вываливаются. Мы оба рассмеялись, и я отдала ему это оружие обратно, сказав, что для меня будет безопаснее быть без всякого оружия, чем с этим. Ночь прошла благополучно, никто меня не потревожил. Говорили потом, что погромщики перепились и стали громить публичные дома,

находившиеся по дороге из города в Солдатскую Слободу, и что этот погром пришлось прекращать при помощи войск.

Через несколько дней Роза поехала в Москву. Я опять сидела и ждала. В период этого ожидания произошел и другой курьез.

В одну из тех тревожных ночей я была разбужена резким звонком. Наскоро одевшись, подхожу к входной двери и спрашиваю: „Кто здесь?“ В ответ слышится: „Подайте ближнему“. Будить людей в час ночи для того, чтобы просить милостыню, как известно, не полагается. Тут же вспомнились предупреждения о разгроме квартир, стало неприятно. Однако, отвечаю: „у меня ничего нет“, — а сама жду, что дальше будет. Дальше слышу: „Подойдите ближе, я от Розы“. Оказалось, Роза прислала из Москвы товарища, который должен был работать наборщиком в нашей подпольной типографии. С этого дня мы стали вдвоем ждать работы. Приехала и Роза из Москвы, а типографии все не было. Продолжать пребывать в состоянии ожидания до бесконечности было невозможно, и я решила вернуться обратно в Кострому. В один вечер со мной уезжал Лазарь Зеликсон в Москву, а через короткий срок туда же должна была уехать и Роза.

Н. С. Перфильева-Смирнова

1906–1908 г.г. ВО ВЛАДИМИРЕ

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Работать в социал-демократической организации я начала в Москве в 1904 г. В то время я училась на Екатерининских фельдшерских курсах, но ученье шло плохо. В среде учащейся молодежи происходило революционное броженне, постоянно устраивались митинги, демонстрации. На одной из таких демонстраций я случайно познакомилась с т. т. „Александром“ и „Фридбергом“ и через них связалась с Московской соц.-дем. организацией. Демонстрации устраивались, примерно, так: среди студенчества распространяли слух, что в такой-то день и час, в таком-то месте, чаще всего на Тверской, собирается демонстрация. Приходили... но полиция тоже являлась и была очень бдительна: не позволяла стоять и разгоняла группы даже в 3-4 человека. И все-таки— собирались. Кто нибудь выкидывал красный флаг, запевал „Марсельезу“, толпа сейчас-же подхватывала. Но в тот же момент отовсюду из засады выскакивали полицейские и жандармы с шашками на-голо; безоружная толпа демонстрантов разбегалась, разливаясь по переулкам и дворам, а полиция расправлялась с отстающими. Но через некоторое время опять собирались группы и повторялось сначала. Во время одного такого переполоха около меня поднялся с земли человек высокого роста, с курчавыми темными волосами, без шапки. Он потерял ее, спасаясь от городовых. Необходимо было добыть ему какую нибудь шапку, иначе полиция сейчас же признала бы в нем участника демонстрации и забрала бы его. Я отдала ему свою, а сама повязалась башлыком. Этот человек оказался т. „Александром“, парторганизатором из городского района, работавшим среди печатников; с ним был его товарищ — „Фридберг“, который под студенческой шинелью прятал красный флаг. Через них-то я и связалась с Московской с.-д. организацией.

Сперва я исполняла отдельные партийные поручения, а летом 1905 г. сняла комнату, в которой был устроен склад нелегальной литературы. Позднее я с Н. В. Бородкиной снимала квартиру, где у нас жили нелегальные товарищи. Из живших у нас помню т. т. „Петра“ и „Василья“ („Василий“ — Николай Васильевич Сергиевский). Наша квартира использовалась также для ночевок. Во время декабрьского восстания квартира служила местом отдыха для дружинников, дежуривших на баррикадах, и приютом для всех нелегальных товарищей. После декабрьского восстания районная организация (в районе Семеновской заставы), в которой я работала, — распалась; настроение в Москве было подавленное, денег у меня не было, курсы были закрыты и я решила вернуться на родину — во Владимир.

Домой я приехала в начале января 1906 г. По приезде во Владимир я была введена, до некоторой степени, в курс местной партийной жизни. Во Владимире в то время социал-демократическая работа тоже свертывалась и уходила в подполье. Профессионалы: „Семен“ (С. М. Серговский) и брат его „Максим“, которые во время „свобод“ вели широкую агитационную работу и пользовались большой популярностью, не имели возможности работать и уехали. Уехали и некоторые другие партийные работники: Роза и Лазарь Зеликсон и др. Местные социал-демократы — т. т. Самохвалов и Воронинский, — выступавшие „в дни свобод“, тоже должны были устраниться от работы и держаться в стороне. Социал-демократический клуб, созданный осенью 1905 г., закрылся. Некоторое время продолжали функционировать несколько кружков: среди солдат, приказчиков, учащихся, типографских рабочих и рабочих с винного склада, с которыми занимались т. т. Черневский, А. Морозов, Сизов, Свирский и др. Сочувствующие и просто обыватели были напуганы репрессиями правительства и не оказывали нашей организации никакого содействия, не решаясь давать ни адресов, ни квартир.

Во Владимире тогда существовала Владимирская группа РСДРП и здесь же находился центр Владимирской Окружной организации. Помнится, что в ядро группы входил Ф. А. Благонравов и все товарищи, которые вели кружки.

Секретарем Окружной организации был Ник. Иванович Воробьев и имели к ней отношение Дегтярев, Воронинский, Кумошенский. Окружная организация об'единяла как Владимирскую группу, так и организации (группы) других уездных городов и фабричных местечек. Во Владимире, как центре Окружки, находились: типография, склад литературы, явки для уездов и центра; хранились адреса и касса Окружной

Надежда Сергеевна
Перфильева-Смирнова.

организации. Сюда приезжали т. т. из „Центра" (Московского Областного Бюро Партии), получали здесь нужные сведения и деньги и отправлялись на места. Для пополнения Комитетской кассы существовала финансовая комиссия, которая, между прочим, занималась продажей книг, получавшихся из Москвы, частью бесплатно, частью с большой скидкой (издания „Молота", „Буревестника", „Колокола" и др.). Кроме того, собирались деньги и с сочувствующих: брали плату за прочтение нелегальной литературы и проч.

Вскоре после моего приезда из Москвы Ник. Ив. Воробьев, в связи с своим переходом на службу в Костромское земство, передал мне секретарство, но, считая себя неподготовленной, я согласилась взять на себя только техническую

часть секретарской работы. Мне было поручено хранить адреса для сношений с партийными организациями, вести переписку с организациями и товарищами, работавшими в разных местах губернии, и т. п

Помнится, что в начале моего пребывания во Владимире партийная работа как-то не налаживалась, не было товарищей, которые могли бы всецело посвятить себя партийной работе и организации, поэтому внимание Владимирских товарищей сосредоточивалось, главным образом, на устройстве помощи политическим заключенным, находящимся в тюрьме. Тогда во Владимирской тюрьме сидели ивановские и ореховские рабочие. Среди последних находился Клюев, который, как и некоторые другие, ожидал или каторжных работ, или виселицы. Владимирские соц.-дем. решили устроить им побег. Был выработан план побега, о котором подробно может рассказать т. Кумошенский, главный организатор и инициатор устройства побега. Для этого побега старались получить из Москвы на мой адрес оружие и получили один револьвер какой-то старой системы, вроде „Бульдог". Позднее для организации этого же побега приезжал из Москвы начальник боевой дружины под кличкой „Евгений" и его жена „Елена" с несколькими другими дружинниками. Я встречалась с „Евгением" и „Еленой" по работе в Москве. Он был тогда организатором, не помню, какого-то района, но, после запрещения партией экспроприаций, вышел из партии и организовал боевую дружину.

Побег назначался несколько раз, были приготовлены и квартиры, и извозчики, но всякие непредвиденные случайности каждый раз расстраивали наши, казалось, хорошие планы.

В конце концов суд состоялся. Клюев был оправдан, освобожден тут же в зале суда и сейчас же поспешил скрыться, что оказалось весьма предусмотрительным с его стороны.

Владимирская Окружная организация поддерживала связь с Москвой. Помню, что я несколько раз ездила туда за литературой и профессионалами. Один раз ездила вместе с т. Семеном Серговским.

Работать было трудно. Обыватели, напуганные репрессиями, не давали своих адресов для явок и писем. Негде

было устраивать собрания. Приходилось пользоваться даже адресами партийных работников, например, адресом т. Кумошенского. У т. Кумошенского была для заработка должность ветеринарного осмотрщика мяса на базаре. Первое время место его службы — домик около весов на торговой площади — использовался для явок, но это было рискованно, так как там всегда были посторонние люди. Поэтому, как-то само собой вышло, что квартира моих родителей, со времени моего приезда, сделалась складом партийной литературы, на нее посылались все письма из Москвы и уездов, она же служила местом явок и ночевок. Неконспиративно, конечно, мы поступали, но деваться было некуда. Квартира продержалась все-таки довольно долго. Отец мой был судебным приставом, к нему по служебным делам ходило много народа, а мы пользовались этим, чтобы прикрыть тех, кому нужно было являться.

Семья наша вся была революционно настроена. Молодежь (я, сестра Валентина, муж ее — Черневский и брат Борис) вся в большей или меньшей степени принимала участие в работе социал-демократической организации: зять — Черневский — был руководителем кружка; сестра Валентина вела работу по „Красному Кресту“ (организация помощи революционерам, находящимся в тюрьме, ссылке); брат Борис участвовал в работе подпольной с.-д. типографии. Даже маленькая 12-летняя сестра Наташа выполняла разные конспиративные поручения: ее посылали на почту отправлять посылки с нелегальной литературой от вымышленных имен и она же бегала предупреждать товарищей об арестах и обысках. Наши старики (отец и мать) тоже нам покровительствовали. В доме все делалось с их ведома и часто с их помощью. Отец давал нам свой шапирограф (у него был в канцелярии), когда нам нужно было печатать листки, отчеты или извещения, иногда даже сам принимал участие, если у нас что нибудь не ладилось. Давал и деньги на организацию, когда была возможность, а по вечерам любил поговорить и поспорить с товарищами на политические темы. Начальство относилось к нему с полным доверием, но впоследствии стало догадываться о его неблагонадежности и председатель окружного суда, черносотенный

Спопко, не раз вызывал его к себе и допытывал—не сочувствует ли отец кадетам и интересовался убеждениями детей.

В марте 1906 года вернулся во Владимир с Японской войны Аркадий Васильевич Смирнов и вступил в партийную организацию. В его квартире, сначала у Красной церкви, д. Бережкова, позднее - на Солдатской ул., также хранили литературу и типографские принадлежности. В это время существовала уже типография в зачаточном, правда, состоянии, но об ней я скажу позднее.

Понемногу у Окружной организации восстанавливались и завязывались вновь связи с уездами; их снабжали уже литературой, вели шифрованную переписку.

После восстания в Москве начались многочисленные провалы всяческих организаций. Проваливались иногда всем составом на собраниях, проваливались адреса. . Попался и мой адрес, по которому, в связи с организацией побега из тюрьмы, должны были выслать нам из Москвы обещанное оружие. Мы ничего не подозревали и не замечали за собой никакой слежки. Обыск застал нас врасплох. У меня хранилось много литературы и в течение нескольких дней лежал револьвер.

23-го апр. (6 мая) 1906 г. был чудесный, теплый, почти летний день. Весна была необычайно ранняя в тот год. Вишни стояли в полном цвету. Мы воспользовались хорошей погодой и отправились пить чай на „третью будку" (М.-Ниж. ж. д.), как это принято у Владимирских горожан. Вернулись поздно. Я только что успела задремать, как вдруг слышу шум в кухне, мужские голоса... Оказывается—обыск. Полицейские пришли (в ночь на 24-е апреля) с черного хода и отправили прислугу будить нас. Мать моя пришла к полицейским в кухню и просила подождать, пока я оденусь, а сама вернулась ко мне и в несколько приемов вынесла из моей комнаты большую часть нелегальной литературы и адреса. Каждый раз матери приходилось проходить мимо кухонной двери, но полицейские ничего не заметили. Так просто и естественно сделала мать все это и ни разу, должно быть, не пришла ей в голову мысль, какой опасности она себя подвергала. Литература

была рассована по разным местам. Однако, всего унести не удалось, да я и не беспокоилась особенно о литературе, стараясь, главным образом, спасти адреса. Когда все важное было убрано, мать позвала полицейских. Не знаю чем об'яснить необычайную деликатность и скромность полицейских, думаю,

Аркадий Васильевич СМИРНОВ.

что пристав Бунин, производивший обыск, был вообще „порядочный“ пристав; сужу об этом по тому, как он вел себя на суде, где был свидетелем по моему делу. При обыске я держалась вызывающе, издевалась над полицейскими, но Бунин и тут остался корректен. Вместе с предписанием об аресте он положил на стол бумагу из Москвы, из которой я и узнала. что провалила нас Москва и что будут искать у меня оружие. Другой какой то чин „зыкнул“ на меня, когда заметил, что я читаю то, что не следует, и спрятал бумагу в портфель. При обыске у меня взяли около сотни (немного больше) нелегальных брошюр: „Первое мая“, „Программа РСДРП“, „Крестьяне, за вами очередь“,

несколько номеров „Социал-Демократа“ и массу разных прокламаций. В столе нашли несколько револьверных пуль. Пристав допрашивал, где револьвер и предлагал отдать его добровольно. Я сказала, что у отца в столе. Он очень обрадовался и сейчас же отправился в его комнату, но там в ящике письменного стола вместе с револьвером нашел удостоверение на имя отца, разрешающее ему иметь револьвер.

Меня арестовали и отправили в тюрьму в Солдатской Слободе. В связи с моим арестом, по городу распространились нелепые слухи, что у меня нашли воза литературы и ящики патрон и оружия. Но все-же обыватели отнеслись очень сочувственно—меня положительно засыпали в тюрьме цветами. Один гимназист принес мне даже светлячков в стакане.

В тюрьме мне было не так уж плохо. Меня посадили одну в камеру, предназначенную для пятерых, с большим окном и умеренным количеством клопов. Меня встретила приветливая надзирательница и сейчас же сообщила мне, что есть еще политические: Коренева[1]) из Коврова и Мошенцева из Мурома. К сожалению, эту надзирательницу скоро уволили.

В тюрьме уже была налажена связь между заключенными. Через уголовных я узнала, что здесь сидит ивановский рабочий Морозов, обвиняемый в убийстве жандарма во время забастовки. Скоро у меня с ним завязалась переписка. Он подробно рассказал мне в шифрованных письмах свое дело. Эти письма он закапывал в землю во время прогулки на дворе. Когда гуляла я, он из окна знаками указывал мне место и я незаметно брала письма. Через Кумошенского я устроила Морозову связь с волей. Ему нашли хорошего адвоката. Но он не дождался суда и во время массового побега уголовных тоже бежал. Товарищей он не предупредил, знакомых в городе у него не было, поэтому он отправился на ст. Боголюбово и прятался там между ж.-д. строениями.

---

[1]) Анна Николаевна Коренева—уроженка г. Тулы, принимала активное участие в революционной работе среди рабочих Ковровских жел.-дор. мастерских в 1905-6 г. г., за что приговором Московской Судебной Палаты в начале 1907 г. была осуждена к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение.

Костюм на нем был арестантский и поэтому его скоро поймали. Перед тем, как сдаваться, он спрятал револьвер. Его судили и за убийство и за побег. По первому делу ему удалось доказать свою непричастность и наказание было назначено, сравнительно, легкое (не помню какое), за побег же он был приговорен к каторге. Трое уголовных, бежавших вместе с ним и оказавших сопротивление, были повешены. Одного из них—Фролова—я знала Франтоватый, задумчивый, он все время прогулки гремел цепями возле нашего окна. Вообще относительно уголовных того времени должна сказать, что они удивительно хорошо относились к нам—политическим женщинам. Считали за честь оказать какую нибудь услугу, себя каждый из них старался идеализировать в наших глазах и непременно указывал на что нибудь идейное или общественное в своей жизни до тюрьмы.

Еще будучи на свободе, я слышала, что в тюрьме содержится важная политическая преступница—участница процесса 1881 г., Анна Васильевна Якимова-Диковская[2]), что она окружена большой таинственностью и строгостью. Анна Васильевна Диковская сидела в строгой изоляции, в башне за тремя запертыми дверями. Внутри тюрьмы с ней были установлены сношения. Через меня она связалась с внешним миром. Мы переписывались, оставляя записки в условленном месте в уборной. Через меня ей с воли стали передавать деньги, письма, газеты. Тюремщики недоумевали — откуда у нее цветы, начали часто производить обыски, нашли, наконец, газеты и не разрешили передавать ей обеды, которые хотели посылать через нелегальный „Красный Крест". Видеть ее в тюрьме было невозможно, но раза два случайно мы с ней встретились. Один раз меня ошибочно вывели на прогулку, когда ее еще не увели и мы

[2]) Анна Васильевна Якимова-Диковская—дочь священника, родилась в 1856 г. в Вятской губернии. В революционной работе начала принимать участие с 1879 г., когда она вступила в партию «Народной Воли». За принадлежность к этой партии и за участие в казни Александра II, в феврале 1882 г. А. В. была приговорена к смертной казни, с заменой ее бессрочной каторгой, которую отбывала в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Всего за свою жизнь А. В. провела в тюрьме 24 года. В настоящее время живет в Москве, в доме Ветеранов Революции.

успели с ней поцеловаться; разговаривать нам не дали. Другой раз я возвращалась со свидания через двор, а она была на прогулке. У меня был букет цветов, я успела передать его Анне Васильевне. Последний раз я видела Анну Васильевну на суде, когда ее судили за побег с поселения[3]).

Меня и всех, кто видел ее на суде, поразил ее бодрый, веселый, жизнерадостный вид. По приговору Окружного суда, где разбиралось ее дело, Анна Васильевна была присуждена к 8 месяцам тюрьмы, без зачета предварительного заключения.

Полтора месяца я сидела без допроса и не знала в чем меня обвиняют. Однажды вечером, часов в 10, ведут меня в контору тюрьмы. Оказывается — на допрос. Сидит какой-то судебный чин и медлительно справляется об имени, происхождении, годах и проч. Также медлительно записывает. На дальнейшие его вопросы я отвечать отказалась. Он также медлительно записал это и отпустил меня. Через несколько дней (3 (16) июня 1906 г.) поздно вечером меня отправили в полицейскую часть и там об'явили об освобождении до суда под гласный надзор. Это значило, что я не могу никуда выехать из Владимира без разрешения губернатора и, кроме того, должна еженедельно являться в полицейскую часть для регистрации. Чуть не через полгода после этого, получив обвинительный акт, я узнала, что меня будет судить выездная сессия Московской Судебной Палаты, и что обвиняюсь я в хранении, с целью распространения, нелегальной литературы (ст. 132) и еще в хранении с той же целью литературы, содержащей непочтительное отношение к особе „его величества" (ст. 104).

Первое время по выходе из тюрьмы я оставалась не у дел. Партийная организация не решалась использовать нашу квартиру. Товарищи опасались, что я, как поднадзорная, могу провалить и другие квартиры и других товарищей.

---

[3]) Она благополучно добралась с места поселения до ст. Петушки, М.-Ниж. ж. д. Здесь, благодаря провокатору Татарову, она была арестована и отправлена во Владимирскую тюрьму. Подробный отчет о суде дал А. В. Смирнов в газете «Владимирец».

Пока моя квартира бездействовала, мы использовали квартиру Н. Н. Александровой (теперь врач во Владимире, а тогда земская служащая), жившей напротив нас в доме Белянкина. Ее служебный адрес был дан для писем в Москву, а на квартиру к ней не на долгое время приносили отпечатанные в типографии Окружного Комитета листки, предназначенные для рассылки по уездам. Этот ее адрес в один из провалов в Москве тоже был провален, но кто-то там его, очевидно, помнил и по нему же нас успел известить. Пришлось принимать экстренные меры. Литературу надо было выносить, как можно скорее, но куда и как?. Новой квартиры не было, пришлось рискнуть и убрать в нашу квартиру. В задней комнате подняли две половицы, там оказалось довольно большое углубление (повидимому, раньше была печь), сложили все туда, положили на прежнее место половицы и постелили на них половичек. Действовать приходилось очень осторожно—внизу жили сапожники и шум над головой мог им показаться подозрительным. На другой день рано утром я увидела из окна, что у Александровой производят обыск. Я очень колебалась — не сжечь ли мне литературу на случай, если от Александровой пойдут ко мне с обыском? Но стало очень жаль потраченных трудов и я решила рискнуть... и хорошо сделала: обыска у меня не было. Этот случай показал, что моей квартирой можно опять пользоваться, поэтому снова дали в Москву явки на нее. Кроме того, в виду массовых провалов в Москве, не хотелось подводить мирных обывателей, а уж тут все равно: семь бед, один ответ. Под давлением необходимости, нашей квартирой снова располагали для нужд организации, как и раньше. Однако, мы часто стали замечать, что возле нашей квартиры дежурит служащий канцелярии губернатора—Константинов, живущий на той же улице. Его прозвали „шпиком", хотя осталось невыясненным—действительно ли он следил, как шпион. Помню—раз он очень мешал нам спрятать „технику", значительная часть которой лежала у нас, а между тем по какому-то тревожному случаю нужно было ее немедленно убирать. Так как убрать ее было совершенно некуда, то решили достать лошадь без кучера и под видом пикника поехать за Клязьму и там закопать в землю в безопасном месте. Все уже было готово—и лошадь и люди, но „шпик"

в этот вечер неотступно сидел или ходил около нашего дома. Так и не решились в тот раз вынести принадлежности „техники“ из дому.

Приходилось, конечно, все время быть на-стороже. Большие пачки литературы, как я уже говорила, убирали под пол, мелкие же вещи, как протоколы, отчеты, печать и прочее, держали в разных потайных уголках, которых в квартире было много. Адреса всегда были при себе, написанные шифром на папиросной бумаге. Каждый раз на ночь ставился возле кровати стакан воды, а под подушку убирались адреса. В случае неожиданного прихода „архангелов“, как тогда звали жандармов, можно было размочить бумагу, чтобы легче ее проглотить. Предосторожность эта, как оказалось впоследствии при обыске у меня в апреле 1907 г., была не лишняя.

Летом 1906 года связь с уездами восстановилась. В состав Окружной организации входили следующие группы: Владимирская, Гусевская, Суздальская, Судогодская, Ковровская, Муромская, Кулебакская, Меленковская, Вязниковская и Ундольская. Имелась печать Владимирской Окружной организации РСДРП. Партийных работников „профессионалов“ еще не было. „Техника“ наша расширилась, хотя еще не имела постоянного помещения. Литератором был А. В. Смирнов. Потребность в хорошо организованной „технике“ чувствовалась все больше с каждым днем. В это время в Суздале появился из Иванова т. Степан Ив. Назаров. Тов. Кумошенский стал вести с ним переговоры, предлагая приехать во Владимир для организации типографии, но тов. Кумошенскому довести до конца это дело не пришлось.

В августе 1906 г. была созвана конференция уездных работников. Заседание происходило в квартире Дегтярева, там же жил и Кумошенский. В первый же вечер после заседания, к ним явилась полиция и жандармы и, после тщательного обыска, длившегося всю ночь, арестовали того и другого.

После их ареста во Владимире на некоторое время получилось затишье, до осени, когда организовалась как следует „техника“ и приехали от Областного Бюро партпрофессионалы из Москвы. К сожалению, я не могу восстановить в

своей памяти точных дат, когда все это было. Из профессионалов первыми приехали на мою явку т. „Борис“ (Асаткин) и „Наташа“ (Горская). „Наташа“ сейчас же отправилась на работу в Ковров, а т. „Борис“ остался работать во Владимире в Комитете Окружной организации. Через несколько дней явилась тов. „Таня“ (Симановская - Растопчина). Она отправилась в Муром. В то время был уже во Владимире в городской группе Н. П. Растопчин („Николай Николаевич“). Приблизительно, в это же время, или немного ранее, приехал т. Степан Иванович Назаров и взялся, по поручению Окружного Комитета, за организацию „техники“.

Несколько раз приезжал из Москвы член Областного Бюро тов. „Афанасий“ (Квиткин). Не помню по какому случаю приезжал из Петербурга т. „Андрей“—интеллигент в золотых очках. Кроме названных товарищей, работали во Владимирской организации, в уездах—Муромском т. „Александр“, под этим именем я знала его в Москве, под каким он был у нас — не помню; в Коврове, после „Наташи“, зимой 1906-7 г., работал „Сергей Петрович“ (Дмит. Иван. Часовников), затем „Михаил“ (не помню, где, как будто в Муроме), в Вязниках—Н. В. Сергиевский.

По мере того, как связи с уездами расширялись, требовалась литература. Получаемая из Москвы не удовлетворяла количеством, кроме того нужна была агитационная литература на местные темы. Поэтому работники Окружного К-та серьезно задумались над организацией хорошей типографии. Когда я приехала в январе из Москвы, „техника“ была в зачаточном состоянии: был примитивный станок; громоздкий, чрезвычайно тяжелый и шумливый вал, шрифта было очень мало. Не было даже удобной кассы для шрифта. Части станка хранились в разных местах и когда надо было что нибудь напечатать, то эти части сносили в одно место, собирали из них станок и затем располагались набирать и печатать. Чаще всего „технику“ для работы собирали в квартиру земского служащего М. П. Андреева и Сергея Ивановича Назарова, который жил у М. П. Андреева (Троицкая ул., около вала). Туда приходили студенты: мой брат—Борис, М. В. Докукин и Д. И. Любомирский, обычно с гитарами, чтобы музыкой заглушить шум станка и маски-

ровать работу в подозрительных случаях. Помню, на эту квартиру приходил солдат-музыкант-наборщик, который учил студентов набирать. По окончании работы станок разбирали и уносили в квартиру Дегтярева или Воронинского. Но последнему стало казаться, что за его квартирой следят и мы вынуждены были перестать пользоваться ею. Летом 1906 г. П. Ф. Леонтьев и Кумошенский стали добывать шрифт через организованных рабочих типографии. Печатать располагались иногда и в квартире А. В. Смирнова, в Солдатской Слободе, в доме Надеждина. Здесь мы за печатанием прокламаций (Кумошенский, Арк. Вас. Смирнов и я) чуть не провалились, т. к., хотя и приняли все меры предосторожности, занавесив и окна, но... занавеска была коротка и не доходила до верха окна. В самый разгар работы мы заметили, что кто-то расположился против этого окна на лестнице, ведущей на сеновал, и внимательно наблюдает за нами. Приходилось принимать срочные меры спасения техники, но вынести станок тут же ночью не решились, а убрали его на другой день я и Кумошенский. Нам пришлось, сильно нагруженными, пройти вдоль всей „Большой" улицы до квартиры Дегтярева у Красной церкви. В городе было неспокойно по случаю только что совершенного эсерами покушения на пристава Дробышева; на улицах было много народу и полиции. Однако, мы решили использовать этот момент, рассчитывая на то, что полиция не допустит мысли о таком „нахальстве" с нашей стороны и не обратит внимания. Так и вышло, хотя у самой второй части встретили знаменитого Дробышева... Он перешел на нашу сторону. Признаться, „душа ушла в пятки", но для виду завели демонстративно громкий, беспечный разговор о том, что несем варенье (вал несколько напоминал своей формой банку для варенья) и как приятно будет пить чай с этим вареньем.

Все это лишний раз убедило нас, как необходима постоянная и надежная квартира для „техники", но очень связывало, конечно, отсутствие средств.

В это время т. Кумошенский, как я уже говорила, вел переговоры со Степаном Ивановичем Назаровым.

Не помню, когда первый раз приезжал во Владимир Степан Иванович, может быть, на конференцию, в августе, или позднее. Как будто позднее. Помню, однако, что еще до ареста Кумошенского, Степан Иванович и я несколько раз обошли весь город в поисках удобной квартиры для „техники". Наконец, наметили в Гончарах свободный домик, подходящий для нас. В него можно было приходить и через Гончары, и через Сосенки. В непосредственном соседстве с ним домов не было, так как с одной стороны узкая тропинка между двумя заборами вела в Сосенки, а по другую

Дом в Больших Ремесниках, во Владимире, где в 1906-1908 г. г. была квартира Перфильевых.

сторону домика и против окон были огороды. Благодаря этому, шум, производимый в типографии во время работы, не могли слышать соседи. Правда, рядом жил жандарм (как потом выяснилось), но и это было не так уж плохо—кому могло придти в голову, что под боком у жандарма существует тайная типография! Вот этот домик и снял Степан Иванович под нелегальную типографию. Себя он об'явил каким-то комиссионером и заделался хозяином квартиры. Вскоре он познакомился с жандармом и по вечерам они сидели на скамеечке возле дома, мирно разговаривали и курили. Для

большей конспирации казалось необходимым иметь еще и хозяйку квартиры. Для этого из Костромы приехала тов. „Клавдия“, которую т. Назаров выдавал за свою двоюродную сестру. Для конспирации же „Клавдия“ каждый день ходила с корзиной на базар. Чтобы больше походить на мирного обывателя, Степан Иванович завел себе собаку „Марата“ (собака была белая и часто неконспиративно мазалась в типографской краске), повесил иконы, лампады и привез из Суздаля большой, кованный, правда—пустой, сундук. Работал в типографии сначала Сергей Иванович Назаров, но когда выяснилось, что за ним наблюдают, его устранили; стали приходить опять Перфильев, Довукин и Любомирский. К этому времени все они уже научились хорошо и довольно быстро набирать, и тогда же были сделаны—новый усовершенствованный станок и более легкий и удобный вал и касса для шрифта. Деревянные части станка и кассу делал мастер Мальцевского технического училища А. Г. Черемушкин. Благодаря этим усовершенствованиям, прокламации Окружного Комитета печатались довольно быстро в тысячах экземпляров. Типография во все время своего существования работала очень успешно и была вне всяких подозрений.

В конце зимы 1906-07 года была созвана партийная конференция местных работников. Вследствие полной невозможности найти для конференции подходящее помещение, пришлось устроить заседания конференции в помещении „техники“. Убрали станок и шрифт. Участники конференции приходили по одному через Сосенки, в которых были расставлены патрули, указывавшие дорогу. После этих заседаний конференции „техника“ еще продолжала существовать, но уже в другом месте. Впоследствии (1908 г.), не помню по какому случаю, партийная организация сама была вынуждена окончательно ее ликвидировать.

Я уже говорила, что во Владимире существовал нелегальный „Красный Крест“ для организации помощи политическим ссыльным и заключенным и их семьям. Из работавших в „Красном Кресте“ помню: Марию Ивановну Крамаревскую, Марию Ивановну Стецкевич, Варю Сизову, Федоровскую, сестру мою Валентину. „Красный Крест“ работал все время энергично: поддерживали связь с тюрьмой, помогали семье

убитого т. Лакина, посылали арестованным товарищам деньги, обеды, книги, белье, платье; ходили под видом „невест“ на свидания и проч.

Скоро по приезде из Москвы я как-то попала на платформу близ вокзала Рязанской узкоколейки во время прихода поезда, к которому был прицеплен арестантский вагон. Конвойные были добрые ребята и разрешили говорить с арестованными. Оказались политические. От них я узнала, что каждую пятницу из Москвы возят с этим поездом политических для отправки их в Сибирь через Нижний. Среди арестованных были те, кого я знала, или о ком слыхала, работая в Москве. Едущие сообщили, кого повезут следующий раз. На платформе близ Рязанского вокзала поезд стоит минуту, поэтому в следующую пятницу я решила пойти на большой вокзал. Позвала с собой нескольких товарищей и сестер, взяли кое какой провизии и опять виделись и говорили с арестованными. К следующей пятнице решили сообщить „Красному Кресту“, чтобы собрать больше пожертвований. Обыватели откликнулись, понесли решета вишен, ноги телятины, каровай хлеба. Собиралось к этим поездам и много любопытных. Так провели еще несколько пятниц, а народу все прибывало и около вагона собиралась уже порядочная кучка сочувствующих, а к ней примыкали просто любопытствующие, не бывшие в курсе дела. В одну из пятниц ко времени прихода поезда нас не выпустили на платформу. Произошел какой-то инцидент, кто то удирал от полиции. Мы все тоже поспешили убраться, пока целы.

Владимирская Окружная организация принимала участие в выборах во 2-ю Государственную Думу. На предвыборных собраниях выступали наши товарищи, был выставлен свой список из 16-ти человек. В список входили — Лапшин, П. Ф. Леонтьев и А. В. Смирнов, остальных не помню. Список, конечно, не прошел, а земских служащих, входивших в этот список, губернатор уволил со службы. Между прочим, список был отпечатан в собственной типографии на красной бумаге и с печатью Владимирской Окружной организации. Говорили, что красная бумага и печать Комитета особенно раз‘ярили губернатора.

В апреле 1907 года у меня был второй обыск. Полиция и жандармы явились в этот раз необычно рано — часов в одиннадцать вечера. Им открыли дверь без всякой предосторожности. Никто не ждал их в такое время. Сестра Наташа едва успела прибежать и шепнуть мне — „обыск". У меня были, кроме адресов, паспорта, дня за два принесенные кем-то из товарищей, и два номера нелегальных только что полученных газет. Паспорта я моментально сунула в мягкое кресло, в щель между сиденьем и спинкой, и села на него. Стакан с водой был уже на столе. Жандармов я встретила сидя в кресле еще со стаканом в руке, так как только что успела проглотить адреса и запивала их водой. Нелегальные газеты оставались на окне. Пристав прежде всего набросился на большую пачку писем, лежавшую на столе, и стал их просматривать. Чтобы не затягивать обыска, я предупредила его, что письма эти для него не интересны, так как их только вчера вернули мне из жандармского управления после первого обыска. Он отнесся недоверчиво, но все же просматривать не стал, а забрал с собой. Я встала и подошла к окну, чтобы, открывая его, незаметно столкнуть нелегальные газеты, но сейчас же приблизился городовой и потребовал, чтобы я отошла от окна. Так и забрали они газеты. В это время слышу в соседней комнате (той самой, где под полом лежала нелегальщина) жандарм зажигает спички одну за другой и осматривает комнату. Я запротестовала, говоря, что он без предписания не может обыскивать комнату, не мне принадлежащую. К моему удивлению, он послушно прекратил свое занятие и пробормотал, что он хотел закурить.

Меня на этот раз не арестовали. Тогда же был произведен обыск у А. В. Смирнова. У него отобрали рукопись „Яркие страницы", приготовленную для газеты „Владимирец", и еще какую-то статистическую.

Почти что через два года после моего ареста, в марте 1908 года, состоялся суд по моему делу. Все это время я была под гласным надзором полиции. Дело мое разбиралось выездной сессией Московской Судебной Палаты. Я была приговорена к двум месяцам крепости. Считаю, что я отделалась очень легко.

Лето 1908 г. я проводила в деревне. В один из своих приездов в город я узнала, что меня спрашивал несколько раз помощник пристава, который заходил даже в этот день утром и просил подождать его и не уходить. Действительно, скоро он явился и предложил пойти с ним в полицейскую часть. Перед тем я ожидала с часу на час, что меня должны привлечь к отбыванию наказания, так как прошло уже несколько месяцев после суда. Пристав уверял, что вызывают совершенно не по этому поводу. Пришли в полицейскую часть, откуда сейчас же меня отправили в тюрьму, не разрешив даже зайти домой, чтобы взять смену белья... Это было 21/VI (4/VII) 1908 года. В тюрьме я попала в ту же камеру, в которой находилась весной 1906 г. На другой день посадили ко мне Никольскую, социалистку-революционерку, судившуюся со мной в одной сессии и приговоренную к тому же наказанию. Политических заключенных женщин в этот раз, кроме нас двух, не было в тюрьме, но было несколько человек мужчин, почему то переведенных сюда из каторжной тюрьмы. Между ними были П. В. Сергиевский и тов. „Михаил". На верху над нашей камерой сидели уголовные и аграрники. Над группой последних при нас состоялся суд. Один из них—Вячеслав Кольцов—был приговорен к смертной казни. Так как он обжаловал решение суда, то казнь была приостановлена. Меня очень интересовала психология приговоренного к смертной казни и я, как могла, наблюдала за ним и его товарищами. Первое время настроение было, очевидно, у всех подавленное, в камере их, над моей головой, было тихо, не раздавалось ни возни, ни звука игры в кости (не знаю, что эта за игра, но когда я спросила, что это за стуки, мне об'яснили—играют в кости), пели меланхолические песни, но затем постепенно овладели собой, вошли в колею тюремной жизни, снова начали раздаваться над головой планомерные постукивания костей и сам приговоренный принимал участие в игре. Выбрав время, когда дежурил добрый надзиратель, мы попросили его задержаться подальше от нашего окна, а на верх дали знать, чтобы спустили шнур. К этому шнуру мы привязали для Кольцова только что полученные при свидании розы. Он

был очень растроган, написал письмо, в котором сравнивал свою жизнь с сорванными розами.

Я вышла из тюрьмы 10 (23) августа 1908 г., когда вопрос о его жизни еще не был решен.

По выходе из тюрьмы, я пробовала получить свидетельство о политической благонадежности, чтобы поехать в Москву и кончить курсы. Свидетельства мне губернатор не дал.

В 1909 году я уехала из Владимира и связь моя с Владимирской организацией была нарушена.

Дом Архангельских, на Тюремной улице, в г. Владимире, где в 1904-1906 г. г. была «явка» Владимирской соц.-дем. группы (в этом доме жили Ф. А. Благонравов, Р. С. Зеликсон-Ставская и, по рассказам, некоторое время—в 1893-1895 г. г.—жила М. Г. Гонфенгауз).

Ст. И. Назаров

ИСТОРИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ

(Из воспоминаний прошлого)

Вторая половина 1906 года для Владимирской Окружной организации Р. С.-Д. Р. П. (б) явилась периодом окончательного оформления ее, как Овружной организации, руководящей социал-демократической работой на весьма значительной территории губернии.

К этому времени во Владимирскую Окружку входили следующие, уже вполне сложившиеся в уездах, с.-д. организации: Муромская, Ковровская, Ундольская, Судогодская, Суздальская, Кулебакская, Гусевская, Владимирская, Меленковская, Вязниковская.

Развернувшаяся партийная работа в округе требовала от руководящего центра Владимирской Окружной организации ряда мероприятий, которые дали бы возможность окружному центру руководить рабочим движением. Одной из этих задач являлось — снабдить периферию литературой, не только получаемой из Москвы, которая отражала в себе развитие революционного движения всей страны, но и литературой, которая освещала бы все проявления революционной энергии рабочих и крестьян Владимирской губернии.

Эти обстоятельства и заставили Владимирский Окружной Комитет в последней четверти 1906 года наладить солидную нелегальную типографию.

Осуществить это дело было поручено мне, как человеку, имеющему кое-какой опыт в постановке нелегальных типографий. Действительно, незадолго перед этим, по поручению Суздальской группы Р. С.-Д. Р. П., мне удалось работать в Суздальской небольшой подпольной типографии, которая выпускала, главным образом, листовки для крестьян. К тому времени, когда я во Владимире приступил к порученной мне работе, там уже работала маленькая, весьма бедная по технике, типография, которая помещалась на квартире

статистика губернского земства М. П. Андреева. Обслуживали эту типографию: квартирохозяин М. П. Андреев, его жена (беспартийная) Екатерина Ивановна и живущий у них на квартире Сергей Иванович Назаров. Помимо этих трех товарищей, работавших в нелегальной типографии, к ним приходили помогать студенты: Б. С. Перфильев, М. В. Довукин и Д. Н. Любомирский [1]).

Квартира М. П. и Е. И. Андреевых (дом Соловьевой, на Троицко-Нагорной ул., в г. Владимире), где летом 1906 г. находилась подпольная типография Владимирского Окружного Комитета РСДРП.

Вот эта-то типография и была передана мне, с наказом—развернуть ее так, чтобы она смогла обслужить все организации, входящие во Владимирскую Окружку. Естественно, что это поручение заставило в первую голову разрешить основную задачу – найти для типографии такое помещение, которое бы давало возможность старую „кустарную" работу типографии развернуть в работу регулярно и без перебоев работающего „предприятия". Эту задачу разрешили скоро и весьма удачно. На окраине города, в Гончарах, нам удалось арендовать небольшой домик-особняк в три комнаты, при чем этот домик стоял совсем на отлете. От

[1]) Типография помещалась в квартире М. П. и Е. И. Андреевых (дом Соловьевой, на Троицко-Нагорной улице).

Первые работники нелегальной типографии Владимирского Окружного Комитета РСДРП:
Екатерина Ивановна АНДРЕЕВА, Михаил Павлович АНДРЕЕВ (слева) и Сергей Иванович НАЗАРОВ (справа).

соседних жилых помещений он отделялся с одной стороны дорогой и огородами, а с другой—пустырем сажень в десять. Фасадом дом выходил на широкий овраг, который отделял типографию от недалеко лежащего... жандармского управления. Задней стеной дом примыкал к высокой горе, поросшей мелким кустарником и соснами (через эту гору мы, обычно, выносили отпечатанную литературу из типографии). Соседями по домам были: с правой стороны – огородник, а с левой—жандарм. Такое „милое окружение" нас нисколько не беспокоило,—напротив, мы решили использовать это обстоятельство, как „маскировку" типографии, не замедлив завязать с соседями, особенно с жандармом, „добрососедские" отношения.

Расположение комнат в доме не оставляло желать ничего лучшего: передние две комнаты отделялись от задней, темной комнаты, бревенчатой стеной, в которой была прорублена узкая дверь. Вот в этой-то темной комнате мы и расположили нашу типографию.

С квартирой вопрос был покончен. Вставал теперь второй вопрос—где и через кого добыть побольше шрифта, чтобы типография в состоянии была полностью выполнить возложенную на нее задачу. После обсуждения этого вопроса, насколько помню, с Ф. А. Благоправовым и Н. С. Перфильевой, решено было достать шрифт в Москве, через Областной партийный центр (Областное Бюро Центрально-Промышленной области), а также завязать более тесную связь с наборщиками газеты „Владимирец". И то и другое удалось в полной мере: из Москвы получили до 3-х пудов несработанного шрифта, а через товарищей из „Владимирца" в нашей типографии накопился даже запас шрифта пудов в пятнадцать. Это дало возможность не только поставить хорошо нашу типографию, но и помочь Иваново-Вознесенцам, от которых во Владимир приезжала Ц. С. Зеликсон-Бобровская и с которой был переправлен в Иваново-Вознесенск типографский набор пуда в три весом.

Первый месяц новая типография развернуть работу как следует еще не смогла,—не хватало людей; работали вплотную только двое—Сергей и Степан Назаровы, да

изредка в помощь приглашались техники „Андреевской кустарки": Перфильев, Докукин и Любомирский.

С самого начала существования новой типографии нам было ясно, что развертывающаяся партийная работа во

Технические работники подпольной типографии Владимирского Окружного Комитета в 1906 г. (слева на право): Д. И. Любомирский, М. В. Докукин и Б. С. Перфильев.

(Снимок 1906 г.).

Владимирской Окружной организации в ближайшее время пред'явит к типографии такие требования, которые, при имеющемся количестве работников в типографии, ни в коем случае выполнены быть не могут.

Пришлось поставить вопрос о пополнении типографии новыми работниками, которых мы и получили в скором времени из Костромы, в лице т. т. „Клавдии“ (фамилию не помню) и А. К. Загайного. Только с этого времени можно считать работу типографии с нагрузкой на все 100%.

Почти каждую неделю-другую нам удавалось выпускать листовку, в которой освещались вопросы, стоящие перед Владимирской Окружной большевистской организацией. Помимо этого, мы успевали перепечатывать особо удачные прокламации, присылаемые из Москвы. Авторами прокламаций по местным вопросам являлись, главным образом, работавшие и жившие в то время во Владимире партийные профессионалы, а также статистик губернского земства А. В. Смирнов.

Месяца через два после организации типографии, работа ее обогатилась еще выпуском маленькой солдатской газетки под названием „Солдатский Путь“. В этой газете, обычно, помимо передовицы по текущему моменту, уделялось много места хронике из жизни Владимирского гарнизона, авторами которой являлись сами солдаты. Газетка эта очень охотно читалась солдатами и если бы ей удалось просуществовать подольше, она сделала бы большое дело в смысле укрепления большевистского влияния на гарнизон. К сожалению, вышло ее всего четыре номера. Причиной прекращения выхода „Солдатского Пути“ явился разгром Военной с.-д. организации в 1907 году и арест значительного числа военных товарищей, а также Н. П. Растопчина и А. Н. Скобенникова, державших связи с полковыми военными соц.-дем. организациями.

Прекрасно законспирированная квартира типографии, строгий режим работающих в ней, давали руководителям Окружки полную уверенность в том, что дело выпуска литературы поставлено крепко и гарантировано надолго от всяких неприятных неожиданностей. Эта уверенность переходила иногда разумные пределы. Так, например, в начале 1907 года был совершен из Владимирской тюрьмы удачный побег 8-ми товарищей. Сейчас же после побега вся полиция и жандармерия была поднята на ноги. Перед Окружкой стояла задача—во что бы то ни стало спасти бежавших товарищей. Намечались „крепкие“ квартиры, в которых

могли бы отсидеться бежавшие товарищи. Использована была, между прочим, и квартира типографии. В продолжении двух недель в ней укрывались двое бежавших большевиков — Н. Н. Колотилов[2]) и В. Конопов. Потом их благополучно удалось отправить из Владимира.

Эта удачная операция с отсидкой в типографии бежавших из тюрьмы вполне убедила всех в том, что наша типография вне всякого подозрения и мы позволили себе еще

Домик в Гончарах, где помещалась нелегальная типография Владимирского Окружного Комитета РСДРП.

большую „вольность“ — собрали в типографии в марте 1907 г. окружную партийную конференцию, на которой в порядке дня стояли вопросы предстоящего пятого партийного Лондонского с'езда. Эта вторая вольность не прошла безнаказанно. Появились признаки того, что типография под угрозой провала. Пришлось срочно свернуть „технику“, погрузить ее на розвальни и под видом катанья раза три прокатить ее по главной улице и затем сложить на старую квартиру к М. П. Андрееву. Подозрения в провале техники полностью оправдались, ибо вскоре после перевозки типографии около квартиры уже бродили филеры. Жестоко пожурив себя за „вольность“ и за потерю прекрасной квартиры в Гончарах, приступили к поискам новой квартиры под типографию.

[2]) Н. Н. Колотилов („Лапа“) — в настоящее время член ЦК ВКП (б) и ответств. секретарь Иваново-Вознесенского Губкома ВКП (б).

Недели через две после этого мы нашли старенький домик в Солдатской Слободе, на Часовенной улице, владельцем которого являлся т. Лапшин, член нашей Владимирской городской партийной организации. Эта квартира была куда хуже прежней. Прежде всего, к домику вплотную с обеих сторон примыкали довольно густо заселенные дома. Выносить литературу было гораздо труднее, чем в Гончарах, да и стены домика настолько были тонки, что стук, который получался при откатке прокламаций, свободно слышен был снаружи. Пришлось пол комнаты, в которой стоял станок, выложить толстым войлоком, такой же войлок подложили и под станок, а самое главное—направить все усилия на то, чтобы у окружающих нас соседей создать о себе впечатление, как о людях вполне благонадежных и степенных. Этого удалось достичь тем, что передний угол нашей комнаты, выходящей на улицу, был увешан десятком икон, перед которыми горели „неугасимые лампады", а вечерами на завалинке с „богобоязненными" мещанками—соседками пришлось проводить своеобразные беседы „о чудесах" и прочей чертовщине. Надоело это смертельно, но зато дало великолепный результат—типография опять стояла крепко, была вне подозрения и работала на славу ...

Весной 1907 года во Владимирской Окружке произошел ряд серьезных провалов. Среди арестованных был и Н. П. Растопчин, один из немногих в то время профессионалов Владимирской Окружки. Другим партработникам пришлось затем уехать из Окружки, как „расшифрованным" и преследуемым.

В связи с этим и работа в типографии пошла на убыль, а осенью и совсем приостановилась. Московское Областное Бюро партии вызвало меня в Москву, для постановки большой нелегальной типографии, предназначавшейся для выпуска большевистской газеты центрального промышленного района, под названием „Борьба".

Так закончила свое существование подпольная типография Владимирской окружной организации Р. С.-Д. Р. П. (б), успешно проработавшая год и выбросившая не один десяток тысяч длинных, узких полосок бумаги, в которых старый большевизм звал под знамена Ленинской партии рабочих и крестьян Владимирской губернии.

М. В. Докукин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЕ ВО ВЛАДИМИРСКОМ РАЙОНЕ в 1906—1907 г. г.

Моя работа во Владимирской соц.-дем. организации относится к 1906-7 годам.

Как на новичка, на мою долю выпадали, главным образом, технические поручения разного рода и среди них самой интересной для меня была работа в подпольной типографии.

В нашей типографии было всего только две кассы[1]) и самое примитивное приспособление для печатания: валик для краски, тяжелый вал для оттисков и т. п. Старались сами механизироваться, чтобы хоть сколько нибудь сравняться с механическим печатным станком.

Удавалось все-таки изготовлять десятки тысяч листовок и прокламаций. Некоторую сноровку надо было проявить при снабжении типографии бумагой. Ее приходилось закупать для отвода глаз в разных магазинах и в замаскированном виде отправлять куда следует.

Также и при отправке готовых листовок приходилось проявлять искусство контрабандистов.

Самые милые воспоминания остались о главном нашем типографе—Степане Ивановиче Назарове и его брате Сергее Ивановиче, безвременно погибшем позднее от туберкулеза.

В Сергее Ивановиче Назарове как-то удивительно гармонично соединялись твердость революционера с чарующей душевной мягкостью и искренностью. Кто раз знакомился с Сергеем Ивановичем, тот не мог его не любить, не мог не желать его дружбы.

Противоположностью был брат Степан: живой, как ртуть, весь в стремлении натиска, битвы. От времени типографской работы остались самые теплые воспоминания.

---

[1]) Типографская касса — деревянный неглубокий ящик, разбитый перегородками на ячейки, в которых находятся отдельные буквы типографского шрифта.

Из участников „техники“ еще две фигуры: Б. С. Перфильев и Д. И. Любомирский — мои товарищи по гимназии и университету. Потом жизнь нас разбросала в различные стороны. Припоминаю еще одну девушку из Костромы, которая была за квартирную хозяйку в типографии и кормила вкусными супами нас—уставших от обращения с валами—типографщиков. Не помню ее фамилию, но как будто вчера это было—звучит ее типичный костромской диалект.

В типографской квартире я не ночевал, возвращался на ночь домой. По утру иной раз трудно было узнать самого себя, изукрашенного живописными мазками красок; приходилось выслушивать не очень-то лестные упреки от домашних.

Кроме техники, через мой адрес Владимирской партийной организацией поддерживалась связь с другими организациями.

В летнее время привлекался я к ведению кружковой пропагандистской работы среди немногочисленных владимирских пролетариев.

Мы, обыкновенно, уходили в ближайший лес за Клязьмой, или за 3-й будкой, и толковали о коварствах кадетской партии и т. п.

Среди нашего Владимирского кружка, в котором я вращался, все были друг с другом хорошо знакомы, не могло быть и не было предателей и мы благополучно делали свое дело, не обращая внимания на полицию.

Вспоминая о Владимирском житье, не могу не помянуть добрым словом Владимирского сторожила С. А. Перфильева, отца Бориса и Надежды Перфильевых; пожилой уже в то время человек. судейский чиновник (судебный пристав) по профессии, он искренне любил молодежь и в первую голову нас, добровольных тружеников революции.

Нигде, как только у стариков Перфильевых, можно было найти одновременно уют и ласку, веселье и пользу. И всякий свободный вечер мы собирались в их квартире в Ременниках, встречая здесь и других с.-д. работников, среди которых видное место занимала сестра Бориса — Надежда Сергеевна.

С 1908 года мне уже пришлось вплотную заняться подгонкой запущенной с 1905 года университетской науки,

по временам лишь испытывая, после собраний, крепость казацкой плетки на своей спине.

В университете заинтересовался агрономией и культурой неудобных земель.

Министерство Земледелия того времени не разрешило мне работать по своей специальности в родных местах, как теперь видно, не без основания, а направило в Витебскую губернию.

М. В. ДОКУКИН.

В 1913 году я переехал в Минск, где решил посвятить себя научно-опытной работе на Болотной Станции под руководством А. Т. Кирсанова (теперь профессора), который обладает даром зажигать энтузиазм к научной работе в своих сотрудниках.

После эвакуации Минска, я вскоре оказался на фронте Европейской войны, где работал в качестве спеца по метеорологии.

В 1918 году, после демобилизации, с большими трудностями, переехав всевозможные фронты, добрался с Румынской территории в Москву и во Владимир, где вскоре поступил на службу в Губземотдел, но пробывши около года, в 1919 году переехал в Иваново-Вознесенск на работу в Политехнический Институт в качестве старшего ассистента.

В 1922 году, по приглашению Народного Комиссариата Земледелия Белоруссии, вернулся в Минск, где и работаю до сих пор в должности Директора Минской Болотной Опытной Станции.

Дом А. А. Ганшина в имении „Горки", Переславль-Залесского уезда, где в 1894 г. был В. И. Ленин и где печаталась его работа — „Что такое „друзья народа" и как они воюют с социал-демократами?"

А. И. Скобенников

О РАБОТЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ (больш.) в 1905—1907 г. г. во Владим. губ.

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Годы перед первой Русской Революцией были годами широко разлитого по всей стране революционного движения. Это движение постепенно выливалось наружу, то в виде Ростовской стачки, то стачки в Иваново-Вознесенске, то в виде крестьянского движения в Полтавщине.

Даже провинциальный, глухой, город монастырей и церквей — Суздаль не остался в стороне от этого движения. Еще в 1902-03 г. высланный на родину в г. Суздаль-тов. Алексей Гастев забрасывал уже в молодежь идеи революции.

Среди молодежи, учившейся тогда в г. Киржаче в учительской семинарии, под влиянием прокламаций и брошюр о Ростовской стачке, о революционерах, погибших за дело революции в предшествующие десятилетия, начали группироваться социал-демократический и народнический кружки. Я был одним из участников социал-демократического кружка.

В 1904 г., когда русско-японская война каждый день давала пищу для революционного настроения, мы, будучи еще учениками, пытались воспринимаемые нами в кружке идеи перенести в массы. Помню, как сейчас, картину в лесу, когда я и т. Жулин (однокашник по семинарии), гуляя по лесу, вели беседу о рабочем движении с 3 уже пожилыми рабочими с Соловьевской ткацкой фабрики, расположенной в 1/2 версты от семинарии.

В апреле 1905 г. волна движения в высших и средних учебных заведениях докатилась и до нашей учительской семинарии.

Мы решили об'явить забастовку, с требованием свободной школы, лекционного преподавания и т. п. (сейчас уже всех требований не помню) и обратились одновременно

с воззванием к другим учительским семинариям. Я был избран—об'явить педагогическому совету о начале забастовки и прочитать наши требования.

Забастовка наша не могла, конечно, быть успешной и, действительно, прогуляв 3 недели, мы, под страхом исключения и закрытия семинарии, принуждены были возвратиться вновь к занятиям. Дело ограничилось исключением 2-х товарищей—Василия Бурдина, впоследствии эсера, и т. Барабожина, но не за забастовку, а по другому поводу.

В 1905 г. я кончил Киржачскую учительскую семинарию и возвратился в Суздаль, как уже вполне убежденный социал-демократ и недурно, по тому времени, подготовленный для работы в массах, ибо мы в своем кружке проштудировали и „Экономическое учение“ Богданова, и „Коммунистический Манифест“, и другие марксистские книжки, особенно по аграрному вопросу, оттачивая прочитанное на спорах с эсерами, вроде Камракова, который был впоследствии, за убийство члена Покровской земской управы М. А. Румшевича, повешен во Владимирской тюрьме [1]).

В Суздале я встретился с Иваном Михайловичем Херасковым и П. Е. Сиговым; первый приезжал в Суздаль на каникулы из Московского университета, где был преподавателем. Иван Михайлович, помню, не раз в мрачных комнатах Суздальского духовного училища, куда мы к нему собирались, делал доклады по основным вопросам марксизма и по существу он является основоположником Суздальской социал-демократической группы.

Теперь он стал, кажется, просто ученым историком, но когда-то он много сделал для нашей Суздальской группы своим глубоким знанием марксизма и революционного движения.

В Суздале в этот период из социал-демократов были следующие лица: я, П. Е. Сигов, Г. И. Скобенников, Н. Григорьев, П. Луковкин, П. Ф. Агапов, П. В. Блинов, В. Н. Лужнов, А. Жилин, М. И. Зыкова, Ю. И. Скобенникова и кто-то еще, сейчас всех не припомню, главным

---

[1]) См. „Труды Владимирского Губ. Научного Об-ва по изучению местного края“, вып. III, стр. 99—107 (*прим. Ред.*).

образом—сельские и городские учителя. Работа шла в двух направлениях, соответственно тому, что в Суздале нет никаких фабрик: во-первых—по привлечению в наши ряды демократической интеллигенции, главным образом—сельского учительства, и во-вторых—среди крестьян.

Я, кончив семинарию и до ноября месяца не получая назначения на учительскую должность (как получивший плохую характеристику при окончании), был более свободен и мог больше уделять внимания революционной работе.

Алексей Иванович
СКОБЕННИКОВ.
(Снимок 1907 г.).

Осенью 1905 г. мне было поручено обойти учителей уезда, с целью вербовки их в профессиональный учительский союз, и одновременно попытаться привлечь к революционной социал-демократической работе не только учителей, но и завязывать связи с крестьянами.

Один раз такое путешествие пешком по уезду я совершил с т. Григорьевым, а другой раз—с т. Луковкиным.

В октябре 1905 г., на одном из наших собраний в квартире П. Ф. Агапова, сделал доклад, случайно заглянувший к нам, скрываясь от полиции, т. Гастев. Темой

его доклада была критика какой-то статьи из легального журнала социалистов-революционеров—„Русское Богатство“. Затем он, по дороге в Гаврилов-Посад, сделал доклад на крестьянском собрании в селе Гавриловском, где у нас были уже связи. В этом селе тогда было 2 кружка—один народнический, группировавшийся около крестьянина Терентьева, а другой социал-демократический, группировавшийся около рабочего из крестьян—Пелевина.

В то же, приблизительно, время я в первый раз выступал на большом (сравнительно по тогдашнему времени) крестьянском собрании (человек в 30-40) в селе Шуйском-Ивановском, где нашими организаторами были т. Вилков и его сын, в доме которого мы и собирались.

В учительском движении мы, в противовес учительско-политическому союзу, который был, главным образом, под влиянием социалистов-революционеров и кадетов, выдвинули идею профессионального учительского союза, тезисы для которого написал нам П. М. Хераскоп, а одним из организаторов этого союза в Москве был П. П. Скворцов-Степанов.

В ноябре 1905 г. я был назначен учителем во Владимирский уезд, в село Черкутино, где пробыл только $1^1/_2$ месяца. Завязать связи успел только с двумя крестьянами—Беляковым и Аникиным. Вскоре по приговору на сходе, под влиянием попа, был изгнан из села, как было сказано, „за распространение пропаганды о православной вере“,—вместе с другим учителем—народником Фатеевым.

Оставаясь в Суздальской группе, я в то же время начал завязывать связи и с Владимиром, где учителя социал-демократы группировались в учительском общежитии, которым заведывал социал-демократ Д. Новиков. При выборах на учительско-профессиональный с‘езд пришлось познакомиться с т. Николаем Гортинским, А. С. Неждановым (впоследствии моим сопроцессником), с Василием Кирсановым, с Ф. А. Благоправовым и с другими.

В конце 1905 года и в начале 1906 года Суздальская группа понесла первую жертву, в виде ареста и затем высылки за пределы губернии т. Г. Я. Скобенникова и Н. Луковкина.

Но это нас не остановило. Летом 1906 года Суздальская группа настойчиво расширяла работу. За это лето были завязаны связи с многими селениями уезда, как-то: с Гавриловским, с Шуйско-Ивановским, с Корельской слободкой, Туркиным, Кидекшой и другими.

Этим же летом была оформлена Суздальская с.-д. группа официальным включением ее во Владимирскую Окружную

Владимир Петрович
РЫБОЛОВСКИЙ.
(Снимок 1907 г.).

организацию РСДРП. Группа увеличилась новыми активными участниками в лице т. Ст. П. Назарова, Рыболовского, сестрами Скобелиниковыми, С. В. Жаровщиковым, Жинкиным, М. Н. Соколовым и другими.

Приезжал для доклада „Михаил Муромский", профессионал Владимирской Окружной организации. Провел он в Суздале два собрания — одно в группе, а другое на лугу около села Гавриловского, на котором присутствовало человек 150 - 200 крестьян. Впоследствии это выступление „Михаила" в селе Гавриловском охранка, прокурор и суд приписывали П. М. Хераскову, но крестьяне давали такие уклончивые показания о личности оратора, описывали его так разноречиво (кто с бородой, кто без усов), что царские судьи построить обвинения на их показаниях не могли.

По праздникам устраивались местными силами массовки и по разным деревням распространялись прокламации. После разгона Государственной Думы разбрасывались прокламации против рекрутского набора, с призывом не давать солдат.

Тем же летом, при активном участии сначала тов. П. Е. Наумова, а затем Ст. П. Назарова, Суздальская группа РСДРП поставила маленькую нелегальную типографию, которая сначала помещалась в доме (в омшанике) местного купца Якова Ивановича Агапова, у которого тов. Наумов имел уроки с двумя его мальчуганами. Затем типография находилась в с. Михайловском у крестьянина Сальникова, куда по ночам ходили набирать и печатать прокламации. После эта типография помещалась у т. Невской, у которой при обыске в марте 1907 г. и были обнаружены оставленные там по недосмотру разбросанными отдельные буквы от шрифта Суздальской подпольной типографии.

Летом 1906 г. я был делегирован на конференцию Владимирской Окружной организации, которая происходила в Муроме, под руководством тов. „Михаила". Ехали мы из Владимира в Муром с тов. Кумошенским, экономя партийные средства, на паровозе, со „своим" машинистом.

Осенью 1906 г. я участвовал на одном специальном совещании по работе среди крестьян, где были представители из Шуи, Кохмы и Иваново-Вознесенска.

29/VIII (11/IX) 1906 г. была созвана конференция Владимирской Окружной организации во Владимире, которая происходила в квартире Дегтярева и Кумошенского. В Москве незадолго перед этим (19-го августа, на Садовой, в доме Серебренникова, в помещении Московского Фармацевтического Общества[2]) при одном обыске провалился как раз адрес квартиры Дегтярева. 30/VIII (12/IX) утром, когда я шел на заседание конференции к Дегтяреву и Кумошенскому, у них полиция делала обыск, который, как потом выяснилось, происходил всю ночь с 29-го на 30-е. Меня спас от провала брат Дегтярева, не допустивши до двери квартиры и сообщив, что там обыск.

---

[2]) Точная дата и адрес установлены редакцией.

Помнится, что при нашей деревенской работе в Суздале явился вопрос о формах организационной работы среди крестьян. П. М. Херасков, отмечая необходимость и неизбежность нового революционного выступления рабочих, при поддержке крестьян, выдвинул вопрос об организации, в противовес эсеровскому союзу, беспартийно-крестьянского союза, в одном из первых пунктов устава которого говорилось,

Юлия Ивановна
СКОБЕННИКОВА.
(Снимок 1907 г., во Влад. Губ. жанд. управлении).

что он принимает идейное руководство социал-демократической рабочей партии. Так мы, оформляя среди крестьян мелкие группы социал-демократов, через этот союз пытались вовлечь под свое идейное влияние более широкие массы крестьян.

Помню, что вместе с Херасковым ходили проводить митинг в село Скомово, Юрьевского уезда, где уже велась работа эсерами. После митинга мы устроили совещание с делегатами от деревень по поводу беспартийного крестьянского союза, принимающего идейное руководство социал-

демократической партии. Против нас выступил эсер учитель Никонов. На этом совещании нам удалось склонить крестьян на свою сторону, но так как в этом районе были только эсеры и не было ни одного социал-демократа, то закрепить там наше влияние не удалось.

Зимой мне пришлось учительствовать в селе Яновце (в 18 верстах от Суздаля), где из парней (Яков Артемьев, Платонов, Жаворонков и Семенов) была организована соц.-дем. группа, энергично распространявшая прокламации, разбрасывая их по деревням. Прокламации получались мной то из Суздаля, то из Владимира.

В конце 1906 г., приблизительно, в ноябре, во Владимир приехал из Иваново-Вознесенска Алексей Дьяконов, под кличкой „Валериан", и организовал здесь „революционно-демократическую организацию", о которой я скажу позднее, так как некоторое время принимал в ней участие. Эта организация, появившаяся рядом с Владимирской Окружной организацией РСДРП, не могла быть не отмечена последней. И в мое отсутствие, когда я уже учительствовал в селе Яновце, в Суздальской группе было, очевидно, получено письмо от Владимирского Окружного Комитета, воспрещающее вести работу среди крестьян в такой форме, как она велась. По поводу этого, повидимому, письма из Окружки т. Херасков и писал Ю. П. Скобенниковой, заместившей меня в качестве секретаря группы, следующее: „Мне кажется, Вам следует вести прежнюю линию и по отношению к К. С. (Крестьянскому Союзу, эсеровскому—*А. С.*), и по отношению к Б. К. С. (тому беспартийному крестьянскому союзу, который организовали мы под руководством социал-демократической группы — *А. С.*). Ведь, через месяц партийный с'езд и там все может измениться, а пока мы можем смело опираться на резолюции 4-го с'езда. В крайнем случае (в случае прямых вмешательств Владимирской Окружной организации), лучше выйти на время до с'езда из Владимирской Окружной организации, или аппелировать в Ц. К., чем бросать дело".

Но в это время, как видно из отчета Суздальской группы в Комитете Владимирской Окружной организации, этот вопрос о работе среди крестьян не вставал особенно остро, так как все более активные члены Суздальской

организации на зиму раз'ехались по местам своей работы и партийная работа велась слабо: сохранялись только средства, переписка и типография.

25-го марта (7 апр.) 1907 г. на квартирах: у Рыболовского, Ю. И. Скобенниковой, Невской и др. полицией были захвачены как библиотека группы, так и переписка, в том числе и явки Иваново-Вознесенска, Юрьева-Польского, Гаврилова-Посада и др., но к счастью, адреса были так хорошо зашифрованы, что их не могли расшифровать и специалисты охранки.

После мартовских обысков и последовавших за ними арестов, Суздальская группа Владимирской Окружной организации перестала существовать и в 1908 г., в августе месяце, часть членов этой группы предстала перед военным судом во Владимире по громкому делу о „Владимирской Окружной Организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии".

Рыболовский на суде получил 4 года каторги, Ю. И. Скобенникова— вечную ссылку на поселение и М. И. Зыкова — 2 года крепости. Автор этой статьи, по совокупности за работу во Владимирской и Суздальской группах, получил 4 года каторги.

Я упомянул уже, что в 1906 г., когда учительствовал в селе Яновце, находящемся в 18-ти верстах от Суздаля, здесь была организована небольшая группа из крестьянских парней-бедняков. Тогда же об'езжали соседних учителей и учительниц, пытаясь организовать и из них кружки.

В один из вечеров приехал ко мне из Владимира т. Иван Завадский. Я рискнул собрать в школе крестьян и он выступил на этом собрании с речью. В этот же вечер мы ездили еще в деревню Никулино, в 5-ти верстах от места моего учительства, там уже выступал я.

Первые дни после этих выступлений прошли благополучно и я уехал на святки в Суздаль, где у меня на квартире в те дни собиралась Суздальская группа и один раз — крестьянские организаторы, по вопросу о подготовке выборов во 2-ю Государственную Думу. На это последнее собрание приезжал из Владимира „Валериан", который еще не говорил мне о новой организации, организатором которой он являлся, хотя она уже

выпустила 2 номера „Крестьянской Газеты“ и имела во Владимире свою нелегальную типографию. 5 (18) января я получил из Владимира письмо о том, что т. Гришанов, крестьянин-бедняк из села Яновца (умерший потом вскоре), арестован и что отдано распоряжение об аресте меня—Скобенникова. Немедленно выехав во Владимир, я на другой день был в поле у тюрьмы, где увидал меня из окна одиночки т. Гришанов. Он сообщил мне, что в его присутствии земский начальник говорил о моем аресте. Вывод был ясен. Я остался во Владимире и не появлялся ни на службе, ни к инспектору народных училищ. В это время „Валериан“, встретив меня, втянул в работу своей революционно-демократической организации. Мне пришлось работать в качестве пропагандиста в двух-трех кружках.

Эти кружки я вел, как социал-демократ, и вообще „революционно-демократическая организация“ состояла большею частью из социал-демократов, в числе которых, между прочим, были т. т. Корочкин, Малинин, Ноаров, Завадский, Царева, Федоровская и Кузнецова.

Основные положения „Валериановщины“ сводились к следующим, примерно, формулам:

1. Революция проиграна в декабре 1905 г. потому, что ее не поддержали крестьяне; чтобы победить в новой революционной схватке, надо иметь поддержку крестьянства. Так как крестьян нельзя в массе втянуть в социал-демократическую партию, то для этого нужна революционная демократическая организация, которая должна состоять из идейных социал-демократов в своем авангарде и связывать, таким образом, крестьянское движение с рабочим.

2. Новая революционная волна близка, но, чтобы она не застала нас врасплох, мы должны быть готовы технически. Нужны боевые дружины, нужно оружие, нужны деньги. Если социал-демократическая партия займется эксами (экспроприациями), то это разложит ее,—это ясно показал опыт Иваново-Вознесенска и Шуи,—надо, чтобы социал-демократы, стоя вне партии, взяли на себя черную работу по технической подготовке вооруженного восстания.

3. Все пропагандисты идейную работу революционно-демократической организации должны вести по программе

социал-демократов и по мере организации кружков, передавать их социал-демократической организации.

По замыслу выходило как будто бы стройно, но ложный шаг отхода от социал-демократии дал себя скоро знать. Попытки заняться черной работой—эксами привели к тому, что к нам стали заявляться боевики, которых с двух слов можно было определить, как разлагающийся элемент; конечно, их отправляли во-свояси, но „черная“ работа так и не трогалась с места.

Алексей Семенович
НЕЖДАНОВ.
(Снимок 1925 г.).

В этот же период мы участвовали в сокрытии бежавших из тюрьмы: Колотилова, Кононова, Егорова, Емельянова, Шибанова и других, всего 8 человек. Из всех бежавших—4 человека привлекались к ответственности по 279 ст., по которой грозила смерть. Через несколько лет некоторые из этой восьмерки были пойманы и застали меня в тюрьме; один из них был повешен, а остальные получили до 20 лет каторги.

Вскоре после этого побега, сама „Революционно-демократическая организация“, в которой я пробыл очень короткое время, решила себя распустить.

На одном из собраний у Нежданова, в Ямской Слободе, в феврале 1907 года, собралась группа эр-деков (революционных демократов): „Валериан“, Корочкин, Нежданов,

Царева А., Кузнецова О. И. и еще несколько человек. „Валериан“, понимая свое ложное положение и чувствуя такое же настроение у нас, поставил вопрос о смысле и целесообразности существования „революционно-демократической организации“. Никто из собравшихся не мог ничего возразить и было решено, что мы распускаем „революционно-демократическую организацию“ и вступаем в социал-демократическую партию и туда передаем все свои связи. „Валериан“ заявил, что он вступит в партию с санкции Московского Областного центра Р. С.-Д. Р. П.

Владимирская партийная организация предоставила мне пропагандистскую работу в кружках, а затем я был посажен на конспиративную квартиру, где квартировал один на Ильинско-Покатой улице, в маленьком домике № 23, бывш. Егорова, у которого одна дверь выходила на двор, а другая — на крутой берег речушки Лыбеди. Там собирались и пропагандисты, и руководящее ядро Владимирской группы. Основное же назначение этой конспиративной квартиры заключалось в обслуживании Военной соц.-демократической организации. Здесь же готовились и собирались материалы для нелегальной военной газеты, издававшейся Владимирским Окружным Комитетом РСДРП. Газета имела название „Солдатский Путь“ и вышла 4 раза[3]).

В это время в качестве одного из руководителей Владимирской группы работал т. Николай Петрович Растопчин, по кличке и по паспорту „Николай Николаевич Гаврилов“, и Маруся Симановская, по кличке „Таня“. В руководящее ядро Владимирской группы входил еще Лапшин (впоследствии меньшевик), типограф Новосадов и еще один типограф, как будто, по фамилии Голубев; я был в ядре группы представителем от пропагандистов.

Материальное положение партийных работников было очень плохое: „Таня“ по неделям ходила без копейки в кармане и обедала, когда придется и где придется, у своих

---

[3]) Заголовок газеты был таков: «*Солдатский Путь*». Российская социал-демократическая рабочая партия. Орган Владимирской Военной Организации Российской С.-Д. Р. П. Последний номер газеты вышел в июле 1907 года. *Прим. Редакции.*

весьма немногих знакомых; я получал 15 руб. в месяц на все содержание, квартиру и на себя.

Помню, как-то была конференция военных соц.-демократов. Патруль сообщил, что во двор вошел пристав Все солдатики стрелой полетели в заднюю дверь, а оттуда с крутого берега Лыбеди в парники Я прибрался и жду пристава, но к счастью, тревога оказалась ложной. Пристав прошел к домохозяину в передний двор.

Из солдат на этой квартире бывали частенько — Бернштейн, из Малороссийского полка, Шеломович и Ильютович — из Сибирского полка и другие Особенно выдвигался т. Бернштейн, который до военной службы где-то (кажется, в Витебске) работал в подпольной организации. Он во всех номерах „Солдатского Пути“ помещал свои хорошие статьи.

С весны 1907 года кружка приходилось проводить на огородах и на пригорках.

Был конец апреля. Готовились к 1-му мая. „Таня“ я и Растопчин сидели на скамье у собора перед плацом, где Малороссийский полк давал присягу. Нам нужно было сказать Бернштейну, чтобы он на другой день пришел на конспиративную квартиру в 5 час. Увидели его в строю и он нас заметил. Улыбается, несмотря на всю „важность“ обстановки. Знаками показали ему на пальцах 5 и он кивнул головой, —значит понял. Так трудно было видеться в те времена с солдатами.

К 1-му мая одобрили составленный товарищем „Таней“ проект листовки—как наиболее яркий и понятный.

Как-то из Яновца, где я учительствовал ранее, приехал парень из ячейки за револьвером. Я решил, вполне доверяя ему, пойти с ним на мою конспиративную квартиру. По дороге с нами повстречался Сергей Толков, слывший за эсера. Он задал вопрос—„куда идете?“. Я смутился, а мой сотоварищ ответил—„к нему (т. е. ко мне) на квартиру“. Толков увязался с нами и, таким образом, узнал конспиративную квартиру. На другой день Сергей Толков пришел тогда, когда у меня сидели „Николай Николаевич“, выбирая кому то паспорт, солдат Бернштейн, студент Василий Кирсанов

и административно-ссыльный т. Золин. „Николай Николаевич“ и Бернштейн остались еще не надолго, а затем ушли[4]).

Толков спросил меня, нельзя ли у меня переночевать, — я отказал, под предлогом, что у меня уже ночуют приезжие из Москвы. Хотя я никого не ждал, но, не подозревая в то время Толкова в провокации, хотел просто отвязаться от него, как от болтуна и члена другой партии, сам же в эту ночь я остался в нелегальной типографии у Степана Назарова. На другой день я, ничего не подозревая, возвращался около 12-ти часов дня к себе на квартиру. Вхожу во двор и вижу, что ко мне сбоку подбежал один городовой, а из двери на встречу—другой. Там была засада.

Повели во 2-й участок. По дороге в кармане я успел разорвать и растереть пальцами одну записку. Пока дожидался в передней участка, один из городовых сказал, что вчера здесь был высокий парень и донес о моей квартире приставу Дробышеву.

Сначала меня посадили в камеру с пьяными, я начал протестовать, тогда меня перевели в другую камеру и, к уди-

---

[4]) Тов. Н. П. Растопчин, в своем заявлении в Верх. Суд по делу Толкова, так передает события этого дня на конспиративной квартире:

« ... Я хотел воспользоваться пасхальной неделей, чтобы уехать на несколько дней к родным и кстати побывать в Москве и договориться с Областным Бюро Р.С.-Д.Р.П. о дальнейшей работе.

Перед от'ездом я зашел на квартиру Военной Организации Р. С.-Д. Р. П., часов в 6-7 вечера, для того, чтобы там отобрать «Синему» паспорт (для солдата, который должен был скрыться), а также подготовить вместе с А. И. Скобенниковым передачу дел по Военной Организации Р. С.-Д. Р. П. вместо меня «Тане», с которой утром в 9 часов сговорились встретиться на этой квартире.

Я сидел на кушетке, около меня сидел на стуле «Синий» и стоял Скобенников, было еще два человека—«Григорий» (Нежданов) и Кирсанов. О моем от'езде никто, кроме Скобенникова, Благоправова и «Тани», не знал. Я выбирал «Синему» паспорт из купленных мною незадолго у беглого писаря Шаталова. Обсуждали—насколько надежны эти паспорта. В это время в комнату неожиданно вошел незнакомый человек (Толков), типа боевика, с открытым лицом, с размашистыми манерами, и поздоровался, как свой человек. Я был очень удивлен и недоволен

влению, я встретил там „Николая Николаевича". Мы быстро сообразили, как себя вести и не подали вида, что знаем друг друга, так как в углу лежал какой-то парнишка, похожий на шпика.

Вслух мы начали знакомиться с „Николаем Николаевичем" и он, рассказывая свою историю, дал мне понять, как нам выступать при допросе, а потом более подробно мы говорили уже на ухо.

Вечером пристав Дробышев вызвал меня на допрос и хотел меня задобрить, чтобы вызвать на разговоры, но я дал ему такой резкий отпор, что он моментально прекратил мой допрос, но все же из его слов и из похвальбы им себя, как хорошего сыщика, я понял, что меня и всю квартиру выдал кто-то из бывших у меня на квартире.

На другой день нас с „Николаем Николаевичем" отправили в тюрьму, при чем Дробышев дал вслух приказ: „При малейшей попытке бежать—стрелять в затылок".

После я узнал, что т. „Таня", которая в день нашего ареста шла на 2 часа позднее ко мне на квартиру, спаслась

и переглянулся со Скобенниковым. Тот мигнул, что опасаться нечего—вошедший «свой».

Все же я хотел итти, недовольный тем, что на квартиру допустили постороннего. Я собрал паспорта, чтобы их вошедший не заметил, а он обратился к Скобенникову с вопросом:

— «Есть у вас в организации «Николай Николаевич»?

Скобенников, указывая на меня, ответил:

— «Да, вот он».

Тогда между мной и Толковым произошел разговор, содержание которого я могу воспроизвести почти дословно.

— «Ах, вы—«Николай Николаевич»! Ну, знаете, вам нужно как можно скорее уезжать. Вас розыскивает здесь охранка».

— «Какое дело до меня охранке и какое мне до нее дело что вы тут путаете?».

Тут Толков сказал, что я напрасно конспирирую от него и что ему многое известно, благодаря случайной встрече с Ундольским рабочим Панкратовым, который работал на Бажановской фабрике. Этого Панкратова Толков встретил, якобы, на улице и удивился, что тот хорошо одет—в новую «тройку» и желтые туфли. На вопрос Толкова—почему он так франтит и откуда берет деньги,—Панкратов предложил Толкову зайти в трактир к Чернову и там заказал закуску и выпивку, а за

совершенно случайно. Ее предупредила, подозвав к окну, какая-то девушка (говорили тогда, что дочь жандарма), сообщив, что тот молодой человек, который с ней часто здесь проходил,—арестован и чтобы она поэтому не ходила к нему на квартиру.

До августа 1908 г. в тюрьме я просидел под следствием, а затем там же отбывал после суда 4 года каторги...

Затем — ссылка в Сибирь, вновь работа в Иркутской организации, и в 1917 г., после амнистии, я в Москве, в рядах Московской организации Коммунистической Партии.

Годы тюрьмы были годами учебы, годы каторги—тяжелыми годами реакции на воле и удручающего режима в тюрьме. Но мы счастливы, ибо мы не только остались живы, но и торжествуем победу. Но там, в стенах Владимирской каторги, погибло не мало лучших друзей рабочего класса.

выпивкой рассказал Толкову, что был арестован и уволен с фабрики, после чего поступил в охранку,—служба там хорошая и заработок большой. Советовал Толкову также поступить в охранку. На вопрос Толкова,—что он там делает в охранке,—Панкратов ответил, что сейчас имеет поручение розыскать работавшего в Ундоле «Николая Николаевича» и так как никто не знает его квартиры и примет, то ему—Панкратову—поручено жандармами ходить по городу и задержать «Николая Николаевича», если он встретится случайно на улице.

Толков закончил этот рассказ предложением:

— «Дайте мне полномочия, я «пришью» Панкратова».

Я сказал, что ничего из его рассказов не понимаю, что тут, видимо, недоразумение и он меня с кем-то смешивает, а на счет «полномочий» я выразил удивление.

Скобенников пояснил тогда, что Толков — эсер-боевик, бежавший из тюрьмы и имеющий на шее веревку за убийство жандарма или городового.

Толков снова, обращаясь ко всем присутствующим, повторил свое предложение «пришить» Панкратова и просьбу о полномочии на это.

Я ушел после этого, еще раз подчеркнув, что я не понимаю этого разговора о полномочиях.

Утром на другой день в 9 час. утра я был арестован при входе в квартиру Скобенникова полицейской засадой»...

Н. П. Растопчин

ВОСПОМИНАНИЯ

В конце 1906 г. на всей работе подпольной организации лежал еще отпечаток подготовки к вооруженному восстанию. Мы ждали второй волны движения. Мне пришлось, провалившись в Уральской организации, осенью, во время осеннего ледостава, перебраться в Саратов. Здесь передо мною был выбор – определить ли себя на работу через Областное Бюро, или же самому выбрать организацию по своему желанию. Секретарь Саратовского Губернского Комитета— Евгений Федорович Дюбюк— посоветовал мне поехать во Владимир, с которым у него была прочная личная связь. Он характеризовал состояние Владимирской работы, как состояние кризиса, после ряда провалов, связанных с первой волной движения в 1905 году. С другой стороны, во Владимире, по его словам, имелась благоприятная почва для партийной работы, в совершенно незатронутых еще местами рабочих массах. Я получил от него пароль: „С правого берега Волги", по которому должен был явиться в Ременники к т. Ф. А. Благоправову. По приезде во Владимир, я пришел к т. Благоправову и от него познакомился с состоянием работы. Он в тот же день связал меня с техническим секретарем Окружной организации—Н. С. Перфильевой, через которую я познакомился с работавшим тогда в Окружной организации Аркадием Васильевичем Смирновым. От них я узнал, что в Окружной организации работает в качестве профессионала т. „Рядовой" – Самохвалов, который как раз в это время ликвидировал свою связь с организацией и собрался куда то переехать из Владимирской губернии. Мне предстояло определить место работы. Из разговоров со всеми перечисленными товарищами, у меня осталось впечатление, что наибольшая осведомленность о положении дел во всей Владимирской округе была у Федора Аркадьевича Благоправова и Н. С. Перфильевой.

Они могли указать связь в уездах и фабричных районах а также и характеризовать состояние организаций. Систематической работы, как вытекало из этой информации, там не велось и в некоторых организациях, Муромской и Ковровской, инициатива находилась в руках меньшевистских групп. Более устойчивая организация, при том—рабочая, была в Кулебаках. В самом Владимире работа интереса не представляла. Здесь имелся только ряд кружков, сорганизованных среди ремесленников и учащихся, которые так или иначе обслуживались. Мы решили все-таки, что мне нужно остаться во Владимирской городской организации, не входя в Окружную Казалось, что целесообразнее будет сосредоточить внимание в первую очередь на прилегающих к самому Владимиру фабричных районах—Ундоле, Собинке.— и обслуживать их более или менее постоянной работой. В то же время, не отрываясь от города, можно было и здесь заняться пропагандой среди учащихся и тех элементов, из которых можно было подготовить новых работников.

Во Владимире у меня были попытки вести кружки. Один из этих кружков об'единял группу гимназистов, среди которых выделялся Павел Батурин, как наиболее способный и быстро растущий работник, и организатор кружка —Петухова. Старый кружок, среди которого имелись подготовленные и могущие работать учащиеся, в то время не функционировал и часть из этих учащихся, как, например, Язвицкий, держалась пассивно и старалась увильнуть от работы. Из бывших гимназистов нужно отметить Анатолия Соколова, Белькевича, Поспелова, которые сохранили связь с партийной работой в той или иной мере. Поспелов был связан с Судогдой. Среди местного партийного актива выделялись И. А. Лапшин, работавший среди приказчиков, и Александр Васильевич Цапков, который мог быть использован как пропагандист и у которого была связь с местными железнодорожниками. Последние два товарища входили в состав руководящего ядра (комитета) Владимирской группы, в которой были также представители типографщиков и рабочих винного склада. В дальнейшем в состав комитета мы ввели Павла Федоровича Леонтьева, который возился с местной газетой и имел намерение приобщиться к активной работе, используя

свою связь с Ундольским районом (в Ставрове). Основная связь с Ундольским районом находилась у переплетчика Ивана Яковлевича Тимофеева.

В Ундольском районе в это время пыталась закрепиться и развернуть работу „Валерьяновская организация". Эта организация интересна тем, что она, с одной стороны, отражала стремления втянуть крестьянскую массу в революционное движение и опереться на нее при предполагавшемся новом восстании, а с другой стороны, она была обособлена от партии и по существу являлась радикальным мелкобуржуазным уклоном. „Валерьян"[1], работавший раньше в Костромской и Иваново-Вознесенской соц.-дем. организациях, способный, энергичный организатор, вышел из Р. С.-Д. Р П., заявляя в то же время о своей солидарности с ее конечными целями и ее ближайшими задачами. Свой выход он обосновывал необходимостью создать широкую революционную организацию крестьян и рабочих, что немыслимо было сделать, по его мнению, находясь в рамках партийной организации, которая своим социалистическим идеалом отталкивала от рабочего класса крестьянство. Об'единение обоих классов на почве ближайшей задачи— овладевание властью и землей — возможно было, по мнению „Валерьяна", лишь при отказе от социалистической программы (программы максимум). „Валерьяновцы" называли свою организацию „революционно-демократической" (Революционно-Демократическая Организация). Мы звали их эр-деками. „Валерьяновцы" стремились создать широкую рабоче-крестьянскую организацию. В вопросе о тактике они считали необходимым допустить экспроприацию как средств технической подготовки восстания, т. е. оружия, так и средств приобретения оружия, т. е. денег. Состав „Валерьяновской" организации был в подавляющем большинстве интеллигентским. Актив был навербован по преимуществу среди учащейся молодежи

---

[1]) Алексей Николаевич Дьяконов—уроженец г. Костромы. После распада организованной им «революционно-демократической организации», снова вернулся к большевикам (1907 г.), затем ушел к меньшевикам (1912-1919 г. г.), а в настоящее время отошел от политической жизни и работает в одном из учреждений Москвы.

и отчасти из учителей. Из рабочих участвовали лишь Курзин Костя („Роман") и „Борис" (пастух), уроженец Костромской губернии. В состав актива входил еще некто Алексей Титыч крестьянин Костромской губернии, Судиславльского уезда, впоследствии превратившийся в хуторянина. Он и тогда обнаруживал тенденции хозяйственного мужичка, который больше всего интересовался агрикультурой и его идеалом было организовать свое хозяйство на прогрессивных началах. Потом он отстал от всякой революции. Наиболее серьезным помощником „Валерьяна" являлся Алексей Скобенников. „Валерьяновцы" проявили большую организационно-пропагандистскую энергию, сумели побывать в ряде фабричных поселков и деревень и поставить во Владимире свою типографию, выпускавшую регулярную газету, которая называлась „Крестьянская Газета". Этой „Крестьянской Газеты" вышло несколько номеров и номера эти были составлены во всех отношениях недурно,—имелся живой материал с мест и попытки писания руководящих статей. Была у них отдельная связь с Костромской губернией и Ив.-Вознесенским районом, но там развернуть работу они не могли, в силу того, что влияние социал-демократов там в массах было господствующим.

Основная база для работы Владимирской „эр-дековской" организации наметилась, главным образом, в пределах Владимирской губернии. Мне пришлось столкнуться с „Валерьяновцами" в Ундольском районе, вернее, в момент завязывания связи с этим районом. Ундольский район переживал перемену в настроениях широких масс. Убийство в этом районе т. Лакина, пытавшегося перевести удачно протекавшую экономическую стачку на политические рельсы, показало рабочим, на что их толкает буржуазия и ее прислужники, и в массах пробудился интерес к политике. Вчерашние убийцы Лакина сами пытались найти агитатора, отыскать дорогу в „подполье" и завязать с нами связь через П. Я. Тимофеева. Не могу сейчас точно установить, получил ли „Валерьян" связь в Ундольском районе от Тимофеева, или он сам розыскал ее, но мне пришлось встретиться с „Валерьяном" в тот момент, когда он явился во Владимире к Тимофееву с той же самой целью, как и я,—для встречи

с приехавшими из Ундола рабочими, с которыми он уже раньше виделся. Эта моя встреча с Ундольскими рабочими была устроена с целью установить постоянную связь для перехода на систематическую подпольную работу. Я вызвал „Валерьяна“ в отдельную комнату и от имени Владимирской городской группы Р. С.-Д. Р. П. предложил ему устраниться от работы в Ундольском районе, так как эта параллельная работа внесла бы путаницу и мы мешали бы там друг другу. „Валерьян“ охотно пошел на встречу нашему предложению и, таким образом, Ундол остался за нашей партийной организацией, но там уже побывали „валерьяновские“ агитаторы (в частности, там был раза два Константин Курзин), которые проводили там собрания, в достаточной степени широкие для того, чтобы в районе пошла молва о том, что снова (после Лакина) явился агитатор. Курзин был при последнем своем посещении арестован урядником Новым, который, зная, что Курзин направился из Ундола в д. Михайловку, догнал его в санках, предложил подвезти и арестовал в то время, когда Курзин сошел в д. Михайловке около избы крестьянина Чернова. Чернов тоже был задержан, а может быть на короткое время и арестован. После, я точно не помню, но во всяком случае через Чернова поддерживалась связь с д. Михайловкой и около него группировался там кружок сочувствующей публики. В самом Ундоле основным ядром организации являлся Павел Журавлев, брат Песковых Ильи и Владимира, Гадалов и еще ряд рабочих, которых по фамилиям я сейчас не помню. Работа „Валерьяновцев“, несмотря на свою краткосрочность, произвела значительную путаницу: с одной стороны, их смешивали с крестьянским союзом, а поскольку крестьянский союз связан был с эсеровской работой, — не разбирались, почему у „валерьяновцев“ аграрная программа не эсеровская, а социал-демократическая. Рабочие массы слышали о двух партиях — об эс-дековской, которая в их глазах являлась рабочей партией, и эсеровской, на которую смотрели, как на партию крестьянскую. Поскольку „валерьяновцы“ выдвинули на видное место крестьянский вопрос, вопрос о земле, от них требовали ответа, как нужно этот вопрос решить — по эс-дековски или по эсеровски? Когда „валерьяновцы“

ответили, что в аграрной программе нужно идти за социал-демократами, естественно, им задали вопрос — а почему же вы не входите в социал-демократическую партию? В итоге: отчетливого представления о том, чего „валерьяновцы" хотят и чем они от политической партии отличаются, — у масс не было. Путаница же, повторяю, была значительная. Надо учесть, что это был текстильный район, где рабочий кадр состоял из „ближняков", так или иначе связанных с крестьянским хозяйством.

Нашей задачей было создать в районе устойчивые подпольные соц.-дем. организации, — в этом направлении я и начал работать. В районе я бывал регулярно, проводя собрания среди определенно отобранных групп и придавая этим собраниям характер пропагандистских бесед. Иногда на собрания привлекалась и более широкая публика, но во всяком случае не случайная, а знакомая товарищам из основного ядра. Кроме того, эти собрания устраивали обычно вечером в банях, и таким образом, что в лицо меня трудно было узнать. Мы собирались по большей части в банях при деревне Хренове, которая находилась по другую сторону железной дороги, в сторону ст. Ундол. Бывали отдельные случаи, когда нашим собраниям придавался характер игры в так называемое „очко": на столе появлялись карты и медяки и за этой игрой велась беседа. Один раз приехавший разъезд стражников наблюдал за нами с улицы, через окно, и так как в их задачу не входило преследовать играющих, то они поехали в другую деревню, так как на улице им сказали, что агитатор ушел в Петрушино; именно после этого раза мы перешли в баню, не пытаясь более устраивать собрания в жилых помещениях. В окрестных деревнях (Петрушино, Михайловка) завязалась кое-какая связь и там имелись группы сочувствующих. Я заглядывал иногда туда, но систематической работы среди этих неоформленных деревенских кружков вести было нельзя. Когда в Хренове стало трудно собираться, так как центр полицейского наблюдения был перенесен в этот район, мы перенесли наши собрания в Ундол. Здесь тоже исключительно пользовались баней. Если мне приходилось ночевать и останавливаться в районе на два дня, я бывал у Ильи Пескова,

бывшего Преображенца - солдата, человека стоящего вне подозрения и жившего у своего отца, державшего постоялый двор. Вообще круг лиц, могущих меня узнать, был ограничен и никаких указаний на мои приметы у урядника и пристава не имелось, хотя и стало известно, что в районе работает агитатор „Николай Николаевич". Обстановка работы в достаточной мере была тяжела. Стражники все время рыскали, придирались к рабочим, держали себя вызывающе, частенько пускали в ход нагайку. Отношения между ними и рабочими массами были напряженные. Мысль об организации боевых дружин, по примеру Ивановского, Ореховского и других районов, со старым прочно сложившимся социал-демократическим движением, доходила и до рабочих масс Ундольского района, озлобленных против стражников Среди молодежи эту организацию боевых дружин многие склонны были рассматривать, как средство расправиться со стражниками и терроризовать их. Даже такие, сравнительно, выдержанные люди, как Журавлев и другие, уже пожилые рабочие, думали о создании боевой дружины. Мне неоднократно на этот счет ставился вопрос и высказывалось пожелание сорганизоваться и вооружиться; просьба достать револьверы шла и от нашего основного ядра группы. Позиция Владимирского Комитета в этом вопросе была определенная. Учитывая местные условия, неокрепший характер нашей организации, а также и начавшийся элементарный распад боевых дружин в соседних районах со сложившимся уже революционным движением, мы отказались от организации боевых дружин. Наша позиция сводилась к следующему: имевшееся и могущее быть полученным оружие необходимо было хранить и создавать из особо подобранных и проверенных людей кадры инструкторов, которые при приближении момента выступления могли бы взяться за организацию обучения и руководства дружинами. Раздать оружие по рукам,— не зная в какие руки оно попадет и как оно будет использовано, — было нецелесообразно и вредно, так как увлечение в этом направлении парализовало бы нормальное развитие организации и крепкую молодую организацию привело бы к разложению и провалу. Мы, несомненно, были правы, заняв такую позицию. Мы формулировали наше

отношение к боевизму, примыкая к той части большевиков, которые стояли на почве гражданской войны, но не отдельных выступлений в данный момент. Охранка, как видно сейчас из имеющихся материалов, именно около организации боевых дружин, и пыталась создавать дела, которые бы могли привести к полному разгрому организаций. То настроение, которое имелось у ундольцев, было использовано без нашей санкции Белькевичем, бывш. гимназистом, входившим во Владимирскую городскую соц.-дем. организацию Своей невыдержанностью и порывистостью он причинял нам иногда немало хлопот. Пробравшись каким то путем в Ундол, он попытался там создать боевую организацию и с этой целью провел одно собрание, на котором присутствовало несколько человек, среди которых были и члены нашей организации (2—3 человека). На этом собрании, по всем правилам „гимназической конспирации", Белькевич распределил между собравшимися роли, и те, кто был назначен организаторами боевой организации, получили инструкцию вербовать в дружины членов. Со своей стороны Белькевич обещал публике снабдить ее оружием, которое он привезет из Владимира; конечно, никакого оружия он привезти не мог и трудно сказать, на что он рассчитывал. Мне стало об этом своевременно известно и Белькевич был снят Комитетом с работы с предупреждением, что если он покажется еще хотя бы раз в Ундольском районе, то он будет подвергнут самым серьезным взысканиям; больше там он не появлялся. В материалах охранки, которые были опубликованы в одном из периодических изданий Владимирским Истпартом, мне приписывается роль организатора боевой дружины. По агентурным сведениям, я „Николай Николаевич", будто бы занимался этой работой в Ундольском районе. Дело Панкратова и Толкова по обвинению их в провокации с бесспорностью устанавливает, что эти агентурные данные относились к вышесказанным посещениям Белькевича, которого не только охранка, но и рабочая масса отождествляла со мной, считая, что это и был „Николай Николаевич". Следует отметить это обстоятельство для того, чтобы оценить, насколько соответствуют действительности данные охранки, насколько она бывала осведомлена через свою агентуру о действительном положении подпольной револю-

ционной работы и о связи с ней тех или иных лиц. Ту широкую популярность, которую создал себе неосторожными выступлениями Белькевич, чуть-чуть не пришлось пожать мне.

После попытки организовать боевые дружины, условия работы еще больше осложнились: стражники нервничали, боясь расправы, жандармское управление принимало меры к тому, чтобы разгромить организацию. О том, как это было проделано, теперь видно из Панкратовского дела: арестованный Панкратов, участвовавший на собраниях Белькевича и входивший в нашу организацию, подписал данный ему урядником Поновым список членов организации, в котором действительных членов было немного, а составлен он был на основании тех или иных признаков „неблагонадежности", которые определялись по усмотрению стражника Попова. Никакого дела создать здесь не пришлось и всю эту публику пришлось скоро выпустить. Этот арест произошел после моего ухода из района, насколько помнится— в начале января 1907 г.

В последующее время моя работа в районе совпала с расширением работы Владимирской Окружной организации, которая пополнилась новыми силами и в которую пришлось перейти и мне, т. к., с одной стороны, определенная организованная группа, связанная с Владимирским городским комитетом, в Ундольском районе уже имелась, с другой стороны, —дальнейшая систематическая работа там, по полицейским условиям, была очень затруднительна. После моего ухода из Ундольского района, связь поддерживалась, главным образом, через Тимофеева, через которого направлялась туда и литература.

В конце 1906 г., через месяц или полтора после моего приезда во Владимир, приехали посланные Московским Областным Бюро Р. С.-Д. Р. П. профессионалы— „Борис", „Наташа" и „Таня"[2]). Приезд этих товарищей значительно усилил Владимирскую Окружную организацию. Центр работы перенесен теперь был на окружную периферию и работники вновь сформированного путем коопп-

[2]) «Борис»—А. И. Асаткин, «Наташа»—Ю. П. Горская, «Таня»—М. А. Симановская-Растопчина.

тации Окружного Комитета раз'ехались на места, для того, чтобы собрать распыленные силы, закрепить и наладить организацию. „Таня" поехала в Муром и Меленки, „Борис" — в Муром, Кулебаки и Ковров, где начала работать и „Наташа".

В сущности, эти наши раз'езды были подготовкой к окончательному оформлению Владимирской Окружной организации, через правильно созванную конференцию и выборы на ней Владимирского Окружного Комитета. Пока же до конференции мы представляли из себя группу работников-профессионалов, кооптированных в состав руководящего окружного центра. По существу—мы были Организационным Бюро Владимирской Окружной организации. Наша местная работа протекала в основном таким образом: у „Наташи" в Коврове дело не клеилось и, как я говорил, „Борис" должен был поехать туда и помочь ей связаться теснее с рабочей массой. Туда же выезжал позднее и я, и то впечатление, которое у меня осталось, можно было бы охарактеризовать таким образом: в Ковровской организации имелось два крыла: одно—металлисты-железнодорожники, рабочие Ковровских мастерских, хорошо сорганизованные, дисциплинированные и активные, руководимые выдержанными меньшевиками и меньшевистски настроенные; другое крыло — текстильное, сформированное из рабочих текстильщиков, малосознательных, колеблющихся в смысле фракционной ориентации и поддававшихся нашему влиянию[3]) Там, у текстильщиков, и была сосредоточена работа „Наташи" и „Бориса", с целью усилить наше влияние в Ковровской организации и противопоставить его меньшевикам, опираясь на текстильщиков. Во время своего пребывания в Коврове, я лично пытался использовать имевшееся среди железнодорожников примиренческое настроение.

„Таня" при своей поездке в Муром и Меленки, главным образом, задерживалась в Меленках и с большим успехом проводила там собрания. Хороший массовый агитатор,— она быстро завоевала широкую популярность и оставалось лишь путем систематической работы закрепить результат ее аги-

[3]) По словам А. К. Воронского, в бытность его в Коврове в конце 1907 г., там „был кружок рабочих большевиков в 5—7 чел. и там же была сильная организация меньшевиков".

тации. К сожалению, в Меленках у нас не было для этого достаточных сил, а район этот был районом сырым, чуть-ли не впервые подпавшим под влияние систематической соц.-дем. подпольной работы. Из товарищей, которые работали там, я помню Мих. Конст. Леошкевича, студента Коммерческого института, который, как местный человек, не мог, конечно, заменить профессионала-работника.

В Муроме задавала тон меньшевистская группка, состоявшая из интеллигенции, марксистски грамотная, выступавшая без всякого противодействия перед массой, поскольку у нас не было там квалифицированных партийных сил. Во главе меньшевистской группы стоял, насколько мне помнится, учитель „Никитич", бывший лидером меньшевиков, а также провизор местной аптеки и еще два-три человека, которых я сейчас отчетливо не представляю. Настроение фабричных масс было на нашей стороне, т. к. в этой массе работали раньше наши профессионалы — „Михаил" и „Максим" Серговский, пользовавшиеся в Муроме большой популярностью. В Муроме я слышал от рабочих восторженные воспоминания о выступлениях „Михаила" и пожелание — снова видеть его на Муромской работе. „Максим" Серговский был тоже хорошим массовиком агитатором, смелым боевиком и это качество отличало его, как работника. Я бы не сказал, что у него были обоснованные и глубокие марксистские знания, но для работ налетного характера он был незаменим. Таким образом, если бы мы могли иметь в Муроме постоянного работника, нам не трудно было бы прочно держать и вести за собой массу и не допустить меньшевистских представителей к этой организации. Что касается Кулебак, то о Кулебакской организации у меня сохранилось самое лучшее воспоминание. Это была чисто рабочая организация, где весь актив вырос из рабочей среды и сумел получить уже достаточную теоретическую обработку и конспиративную закалку. Руководителем этой организации был Павел (фамилии его я не помню). Партийный Комитет в Кулебаках создан был на основе демократического централизма. Сама организация подчинена была стройной и выдержанной схеме, охватывая все цепи Кулебакских заводов. В Кулебаках мне пришлось проводить

выборы выборщиков в Думу и здесь нам пришлось выдержать борьбу с эсерами, которые до некоторой степени были популярны в массе. Благодаря выдержке и хорошей организации, кампания нами была выиграна с большим успехом, несмотря на то, что была известная опасность в том, что эсеры получат значительное большинство голосов в некоторых неквалифицированных цехах и могут быть поддержаны рабочими рудников. Кулебакскую организацию можно было спокойно оставить без постоянного массовика—профессионала, ей недоставало, может быть, систематической пропагандистской работы.

На Гусю мне также пришлось быть. По отзывам „Тани“ и „Бориса“, Гусевская организация у нас была одна из лучших.

В самом Владимире работа начала развертываться широко: у ремесленников и учащихся создался ряд кружков, наладились правильно созываемые собрания и нужно отметить, что успех роста организации здесь принадлежал в большей мере „Тане“, чем кому-либо. После поездки по районам в начале своего пребывания во Владимирской Окружке, она осела во Владимире, где вела энергичную работу как по Окружке, так и по Владимирской группе. „Борис“, приехавший от Областного Бюро, как наиболее опытный организатор и солидный работник среди приехавшей тройки, занял у нас официально неоформленное, но фактически руководящее положение в Окружке.

Я затрудняюсь сейчас точно сказать, на какой платформе стояло наше руководящее ядро, но помню, что у нас были неоднократные совещания по основным вопросам текущего момента, но до сконструирования Окружного Комитета на февральской Окружной Конференции определенной платформы—по существу—у нас не было и каждый из нас, будучи большевиком, придерживался той или иной позиции, на которой стояли различные большевистские течения. Насколько помнится, в аграрном вопросе „Борис“ был сторонником национализации. Я, выдвигая в принципе национализацию, считал допустимым раздел, исходя из того, что у соц.-демократов доминирует в крестьянском вопросе тактика (аграрная политика), а не программа. „Таня“ часто шутила,

что „она без точек“, и как массовик-агитатор и организатор не особенно углублялась в теоретические споры.

Совершенно особое положение во Владимирской организации занимал „Дядя“ — Ф. А. Благонравов, который не вел ни агитаторской, ни пропагандистской работы и, насколько помнится, не входил даже в состав Окружного Комитета, но тем не менее лучше всех знал положение на местах, умел дать ему оценку и охарактеризовать людей. У него сосредоточивались все организационные нити и необходимые материалы; его внешняя роль не соответствовала тому значению, которое он занимал значительный отрезок времени во Владимирской организации.

Литературных сил у Окружной организации было вполне достаточно: вначале, как литератор, использовался Арк. Вас. Смирнов, затем работали все понемногу, при чем удачные по своей простоте и популярности листовки были обычно произведениями „Максима“ Серговского и „Тани“.

С „техникой“ у нас обстояло дело не плохо. Организатором техники у нас был Ст. Ив. Назаров, которого, между прочим, усиленно старался завербовать „Валерьян“. У Назарова была слабость к боевизму, которым он склонен был увлекаться, и на этой струнке пытался играть, главным образом, „Валерьян“. Кстати сказать, как раз на арене боевых партизанских выступлений „Валерьян“ не проявил себя абсолютно ничем; план „Валерьяновской“ организации не шел здесь дальше организации налета на здание суда, для того, чтобы взять хранившееся там в качестве вещественных доказательств оружие. При попытке практически осуществить этот план, в „воинственной“ „Валерьяновской“ группе не нашлось исполнителей.

Наша „техника“ была организована почти под носом у жандармов, в Гончарах, в двух шагах от губернского жандармского управления. Был снят особнячок, хозяином которого являлся Ст. Ив. Назаров, изображавший из себя какого-то представителя—коммивояжера и вообще хлопотливого и делового человека. Он носился по городу с неизменным портфелем, в котором находилось белье, и наводил конспирацию, изображая делового человека. Никакого подозрения на него ни с какой стороны не падало. В „технике“

работала еще „Клавдия“, затем Соколов и „Шаляпин“. „Техника“ была настолько хорошо законспирирована, что в исключительных случаях, о чем придется сказать ниже, мы прибегали к использованию ее для других целей, зная, что за ней нет никакого наблюдения и подозрения.

Владимирский Окружной Комитет особенное внимание обратил на постановку военной работы, что вытекало из нашей общей позиции, и именно сюда, на овладение солдатской массой, а не на создание боевых дружин (при отсутствии оружия), мы устремили свое внимание. Необходим был специальный кадр работников. Разложившаяся „Валерьяновская“ организация дала нам в этом отношении подкрепление.

Ликвидация „Валерьяновщины“ произошла уже в начале весны 1907 года. До этого разложение эр-дековской группы зашло настолько глубоко, что фактически ряд работников уже на деловой почве связался и работал с нами и этот процесс оставалось лишь оформить. В первый раз мы поставили вопрос на официальную почву в присутствии представителя Областного Бюро Центр. района т. „Афанасия“ (Квиткин). Было созвано специальное совещание, на которое были приглашены „Валерьян“, его ближайший помощник Скобенников и другие. На этом совещании была оглашена резолюция Владимирской Окружной организации, которая характеризовала „Валерьяновщину“, как мелко-буржуазное течение, препятствующее работе соц.-демократической организации. Вопрос был поставлен ребром о недопустимости и вреде „Валерьяновского“ эксперимента. „Валерьян“ пытался смягчить оценку и выводы, но поскольку это ему не удалось, заявил, что остается на прежней позиции. В скором времени все же он должен был *капитулировать* и на собрании „Валерьяновского“ актива я и „Таня“ от имени Окружного Комитета Р. С.-Д. Р. П. приняли тех работников, которых можно было ввести в нашу организацию. Резолюция, с которой не соглашался ранее „Валерьян“, была признана им теперь правильной и с его стороны от имени его группы (рев.-дем.) было сделано заявление о присоединении к Р. С.-Д. Р. П. Сам он после этого не считал возможным остаться во Владимире и решил переехать на работу в другую организацию, своих же соратников передал нам. Мы взяли А. П. Скобен-

никова и Нежданова для работы в военной организации, остальные использованы были в той мере, поскольку их можно было использовать в общей организационной работе.

Военная работа велась в 9-м („красный" — по нашивкам) и 10-м („синий") гренадерских полках. Здесь удалось создать крепкую конспиративную соц.-дем. организацию, влияние которой на солдатские массы быстро росло. Было поставлено издание газеты „Солдатский Путь" (вышло несколько номеров), которая завоевала себе в массах широкую популярность. Когда мы впоследствии сидели во Владимирской тюрьме, военный караул из гренадер постоянно обращался к нам с просьбой сообщить на волю, нельзя ли снова выпустить „Солдатский Путь". Насколько революционизирована была нашей организацией солдатская масса, можно судить по тому, что нам приходилось сдерживать солдат от отдельных частичных выступлений. Однажды в одном из батальонов 10-го полка беспартийная солдатская масса готова была разобрать винтовки и нам приходилось сдерживать их от выступления. Были случаи, когда пропечатанный в „Солдатском Пути" офицер собирал часть на плацу и читал корреспонденцию, пытаясь оправдаться в глазах солдат и опорочить газету; конечно, он достигал противоположных результатов. Наша военная работа была поставлена таким образом, что вблизи казарм 9 и 10 полков находилось постоянное дежурство в комнате, куда могли в любой момент пройти солдаты для того, чтобы поддерживать связь, информировать и получать необходимое для казармы. Основное же руководство работой сосредоточивалось на конспиративной квартире, которая находилась на берегу Лыбеди на Ильинской улице. „Хозяином" этой квартиры был Скобенников, доступ туда был строго ограниченным; на этой квартире находился тайник для хранения печати, литературы и пр. документов. Здесь собирались иногда собрания руководящего солдатского партийного коллектива. Схема организации была такова: полковой комитет из представителей батальона, по одному от каждого баталионного комитета; баталионный комитет из представителей рот; в роте — руководящее ядро, которое связывается с представителем пятка; представитель пятерки, входящий в ядро, знает только свою

пятерку и ротный комитет; представитель ротного комитета знает состав ротного комитета и баталионного, в который он входит. Такая система выдержана была для всей нашей военной организации. Пятерки друг друга не знали, благодаря тому, что во главе полков стояли опытные полковые организаторы, из которых один — „Синий“ был раньше партийным профессионалом, а другой, работавший в 9 полку, был тоже раньше в бундовской организации. Правильная организация и руководство были настолько выдержаны, что обнаружить организацию было почти нельзя. Лишь после того, когда с Кавказа, под видом переведенных, якобы, за неблагонадежность из воинских частей, подсунуты были два провокатора (о которых потихоньку нас предупредили, что от них нужно держаться в сторонке), охранке в конце концов удалось подобраться к организации и обнаружить участников одного собрания, на котором было около 40 чел. Это было уже весной 1907 года, после ареста Скобенникова и других работников военной организации. Собрания нашей военной организации, как и некоторые другие расширенные собрания, происходили под открытым небом, так как это было весной; кроме того, отдельные кружки проводились на частных квартирах, которые подбирались с особенной осторожностью; помнится, что пользовались довольно часто квартирой Елены Ивановны Смирновой, недалеко от вокзала.

Что касается руководства нашей работой со стороны центральных партийных организаций, то нужно отметить, что Областное Бюро Центрально-Промышленного района с того времени, как к нам приехали „Борис,“ „Наташа“ и „Таня“, установило с нами более или менее тесную связь. Из областников бывал у нас „Афанасий“ (Квиткин), в то время крупный работник большевистской организации, к которому мы относились с большим уважением и доверием. „Афанасий“ приезжал к нам обычно в самый ответственный момент, во время конференции и еще раньше, когда у нас ставилась работа в округе и распределялись силы и роли между членами организации. В момент разложения и ликвидации „Валерьяновщины“ он тоже был у нас; был также во время выборов в Государственную Думу. „Афанасий“

старался дать общее направление нашей работе и поставить эту работу на выдержанную ленинскую платформу.

Во время выборов во 2-ую Государ. Думу мы по Владимиру решили выставить свой список. Этот список не носил соц.-демокр. заголовка, а был просто списком трудящегося слоя населения, при чем мы прибегли к такому приему потому, что учитывали, с одной стороны, то, что наших кандидатов вся мещанско-ремесленная масса знала как эсдеков, с другой стороны—ту опасность, которой они подвергались в полицейском отношении при открытом расшифровании их кандидатур. Выступления наших кандидатов на избирательном собрании создали впечатление значительного успеха. Кадеты, которые до того момента к нашему списку относились иронически, считая, что он ничего не соберет, встревожились и предложили нам блок. „Афанасий", как представитель Областного Бюро, и я, в качестве представителя Окружной Владимирской организации, вели с ними на этот счет переговоры. Принципиально, будучи против всяких блоков с кадетами, согласно общей партийной директивы, мы тем не менее сочли возможным пойти на переговоры, придавая этим переговорам чисто агитационный характер. Мы обставили переговоры таким образом, что на них присутствовали представители приказчиков, среди которых были колеблющиеся элементы. Этих представителей пригласили наши партийные приказчики, которые предварительно проводили агитацию о том, что нужно послушать, что скажет та и другая сторона. В переговорах с другой стороны принимал участие (в квартире Губского) сам Губский, Порданский и Соколов—судебный следователь по особо важным делам, с которым мне впоследствии, находясь в тюрьме, пришлось встретиться на допросе. Насколько помнится, кроме этих трех кадетов, игравших центральную роль, был с их стороны еще кто-то. Я изложил общую позицию Владимирской Окружной организации, а затем взял слово „Афанасий" и блестяще опрокинул всю кадетскую аргументацию за необходимость блока, доказав на примере Иван.-Вознесенского опыта, что разговор о блокировании всех, так называемых, прогрессивных элементов перед лицом „черносотенной опасности" есть с кадетской стороны не больше, как

маневр, под которым скрывается их предательство левых союзников и фактическая сделка с представителями реакции. В Ив.-Вознесенске, конечно, никакого блока с соц.-демократами у кадетов не было, но разговоры об этом и предпринятые кадетами шаги изобличали там занятую ими фактически позицию. Впечатление, произведенное на приказчиков, было настолько сильно, что все они встали на нашу сторону и... потащили нас в трактир к Чернецову угощать ужином. Особенным влиянием с нашей стороны пользовался Лапшин, но я сейчас не помню, удалось ли нам его провести в выборщики, или он не прошел. На выборах в Госуд. Думу у нас собрались: выборщики из районов деятельности Владимирской Окружной организации, Ореховской (Московская окружная) и Ивановской. Прошел Николай Александрович Жиделев, с которым конкурировала кандидатура нашего кандидата Николая Григорьевича Резчикова, гусевского рабочего. Не помню, в последней ли стадии выборов, или после них, с отчетом о деятельности кадетов в Думе выступил в Народном Доме Черносвитов. На доклад его собралась такая масса народу, что на улице оставалась большая толпа и, чтобы успокоить ее, было об'явлено, что после одного доклада будет сделан другой доклад и все получат возможность послушать Черносвитова. „Максим“ Серговский пробрался от нас на собрание и после доклада наши приказчики и ремесленники потребовали прений; кадеты согласились на условиях, что будут названы фамилии выступающих и что ораторы будут говорить не с места, а со сцены. „Максим“, назвавшись Максимовым, стал на краю сцены и попробовал говорить. Речь его была оборвана председателем и полицейским приставом, но он успел бросить несколько резких фраз, разоблачающих политику кадетов. Эти фразы приподняли настроение настолько, что оно передалось за стены здания дожидавшейся толпе и находящаяся в здании масса с пением революционных песен вышла на улицу.

„Максим“ успел спрыгнуть со сцены, смешаться среди своих, которые стояли около сцены и вывели его из помещения. Доклад был сорван и окончился неожиданной демонстрацией. На другой день „приказчика Максимова“ полицейские искали по всем лавкам.

Из периода Владимирской работы следует отметить побег из арестантских рот 8 человек, ожидавших военного суда в одиночном корпусе. Этот побег произошел накануне военного суда и убежавшие в большинстве спаслись от виселицы. Сам побег произошел неожиданно. После проверки, Кононову, раненому при обстреле 30-й казармы в Орехово-Зуеве, делали электризацию. Когда надзиратель с одной из галлерей тюрьмы пришел к нему с машинкой, на другой галлерее один из решившихся бежать попросил надзирателя отнести книгу кому-то из товарищей. Воспользовавшись тем, что посты были оставлены, один из товарищей вылез в дверную форточку, которая заранее была для этого приготовлена, сзади подбежал и схватил находившегося у Кононова надзирателя, который тут-же был связан и ему заткнут был рот; после этого связаны были остальные два надзирателя, при чем один из них не оказывал сопротивления, а просил, чтобы его покрепче связали и вымазали бы мелом, дабы иметь следы борьбы. Те, кто хотел бежать, вышли в чем были одеты на внутренний двор и, благодаря происходившей в это время смене караула за баркасом (стеной), сумели перескочить по веревочной лестнице через стену и ночью пришли к Дегтяреву, квартиру которого кто-то из публики знал. Дегтярев сообщил Федору Аркадьевичу Благонравову и от него мы узнали о побеге. Вся наша публика встала на ноги, чтобы разместить и укрыть бежавших. В течение недели организация находилась в напряженном состоянии. Полиция и охранка поставила на ноги все свои силы; в маленьком городе, где не было достаточно конспиративного убежища, скрыть бежавших было нелегкой задачей. Сколько раз они подвергались риску провалиться! Приходилось перевозить их с квартиры на квартиру, иногда даже переодевая в женскую одежду; Колотилова и Кононова посадили в „технике“[4]), как самом надежном месте. Некоторых вывезли при участии семинаристов, которые, переодев бежавших товарищей семинаристами, выдавали их своим отцам за товарищей, едущих погостить на масленицу. Все заставы во Владимире были закрыты, проезжавшие

---

[4]) В помещении нелегальной типографии.

останавливались и осматривались. Один из товарищей уехал на паровозе кочегаром. Из всех бежавших ни один не был задержан во Владимире. Уже значительно позже попал Емельянов, который вздумал приехать к себе на родину для того, чтобы повидаться с родными. Он получил смертный приговор, с заменой его 20 годами каторги. Особенно много пришлось поработать в этом деле по части укрывательства Скобенникову и Степану Назарову.

В марте состоялась Окружная Конференция. Перед конференцией к нам приехали новые работники, из которых один был „Максим", уже знакомый Муромским рабочим массам, которого встретили здесь как своего человека, а другой — „Сергей Петрович" (Часовников Д. И.), — приехавший на работу в Ковров. Эти товарищи не связывали себя особенно с организацией. После Окружной Конференции „Максим" поехал на Лондонский с'езд, на который он вместе с „Борисом" — А. И. Асаткиным был избран, а „Сергей Петрович" уехал в Москву. Конференция открылась в „технике", как это ни покажется странным. У нас не было другой гарантированной квартиры, с „техникой" же дело обстояло так, что она была хорошо законспирирована. Прямо с поезда делегатов маленькими группами провожали туда, а потом до самого конца конференции никто уже не выходил из дому. Сидели все на полу, чтобы не видно было в окна, работали без перерыва в комнате, которая почти не проветривалась и где все курили. „Афанасий" (Квиткин — представитель Областного центра) в такой обстановке до самого конца не обнаружил никаких признаков усталости, сохраняя свойственную ему точность и краткость мысли в резолюциях и формулировках. От Окружной организации мы послали тогда на с'езд двух делегатов — „Бориса" и „Максима". На конференции был избран Окружной Комитет, в который вошли представители почти всех местных организаций, а также „Борис", „Таня" и я; из профессионалов мы трое были избраны в Исполнительное Бюро Окружного Комитета. После февральской Окружной Конференции „Максим" больше не появлялся во Владимирской Окружке.

В начале весны (8 (21) марта), как раз во время распутицы, в Судогде вспыхнула стихийная стачка на Голубев-

ской мануфактуре. Это было первое выступление рабочих за все время существования этой фабрики [4]). Я выехал туда и пробыл там несколько дней. Судогодская с.-д. группа была очень слаба и своей численностью, и составом, и в сущности вся работа там велась одним товарищем столяром, фамилию которого я не помню, жившим на окраине города. У него была большая семья, сам он долгое время состоял в организации и производил впечатление вполне сознательного рабочего; семья его, в которой были подростки - дети, настроена была также революционно. Через него я связался со стачечным комитетом, выбранным бастующими. Часть наиболее активных руководителей стачки была до моего приезда делегирована в Москву, чтобы связаться с профсоюзом текстильщиков и получить совет — как действовать и, как говорили в массах, похлопотать о благополучном исходе стачки. Не столько интереса здесь представляла текстильная публика, сколько рабочие стекольных заводов. Там оказалось несколько человек довольно сознательных, но не входивших до сего времени в соц.-дем. организацию. Мы провели там узкое собрание и затем общее собрание всего завода ночью в гуте (где плавится стекло), так что на собрании присутствовали рабочие как этой смены, так и той смены, которая не работала. Интересно, что на это собрание почти в полном составе явилась местная конвойная

---

[4]) *Примеч. Редакции*: Во время стачки рабочих на Голубевской м-ре, в районе г. Судогды распространялась следующая прокламация - обращение:

Нас давит, товарищи, гнет капитала!

Товарищи!

На льнопрядильной фабрике Т-ва К. Голубева в г. Судогде в самой глуши Владимир. губ. 8 марта рабочие бросили работу. В ответ на это фабрикант 12 марта закрыл фабрику и обрек на голод тысячи рабочих и их семей.

Кто может жить при таких условиях?—Взрослые рабочие едва вырабатывают 20—25 коп. в день. Рабочие ходят в свободное время „по кусочки". Цены на хлеб и на все необходимое бешено растут. На своих собак хозяин больше тратит, чем на рабочих. А живут рабочие, как в крепостном праве. Помощник директора Колгаев бьет детей рабочих. Намечает жертв своего гнусного разврата среди жен

команда. Фактически тогда почти никакой власти в городе не было. Это собрание прошло очень удачно, слушали с большим интересом. Мне пришлось говорить там больше 4 часов. После этого меня наперебой приглашали к себе и если бы была возможность там задержаться, можно было бы закрепить результат общего под'ема.

В Судогду приехали стражники, часть „ближняков" (крестьян, работающих на фабрике) пришла в город с намерением просить директора пустить фабрику и возобновить работу. В массах назревал раскол, делегация из Москвы не возвращалась и были сведения оттуда, что на уступки рассчитывать не приходится. Большинство рабочих стояло все-таки за продолжение стачки. На собрании стачечного комитета было решено не допустить „ближняков" сорвать стачку и уговорить их вернуться в деревню и ждать результатов. Как раз в последний день моего пребывания в Судогде, когда у нас было назначено общее собрание, бастующими в городе было получено от делегатов письмо, в котором последние писали, что были в союзе, описывали свое впечатление об этом посещении и призывали рабочих продолжать борьбу, стараясь об'яснить им, что из себя представляет и какие задачи ставит профсоюз. В этом же письме они убеждали, что единственный путь получить что-нибудь — это путь борьбы и что в случае возобновления работы положение рабочих будет еще хуже, чем до стачки. Письмо это сыграло решающую роль. Оно было прочитано на общем собрании

и дочерей рабочих, считая их своею собственностью Других слов, кроме ругательных, для рабочих у него не существует.

И вот кровожадный капитал, забравшись в глушь, делает свое дело, выжимая миллионы из своих наемных рабов-рабочих:—«я буду век царить над ними», думает он. Никто не услышит стонов моих жертв. А те, кто услышит—у меня на откупе. Все эти губернаторы, фабричные инспектора, исправники, вся власть сверху до низу—мои друзья и собутыльники. Они мне пришлют войска, будут верными стражами моих сундуков».

Но нет ошибся, проклятый вампир! Братья рабочие, те, чьими руками создаются все богатства, услышали про мучения своих товарищей. Они забили тревогу: скорее на помощь своим обездоленным братьям, не допустим сломить

и в духе его положений продолжал я говорить, пытаясь связать стачку с общим положением рабочего класса и с задачами, которые выдвинула революция. О них в отсталой Судогодской массе были очень смутные представления. Стражники хотели меня задержать, но толпа стояла кругом и они не посмели пробраться и слушали, ожидая, когда митинг кончится и меня можно будет арестовать. Я помню, что моя физиономия была вымазана сажей, завязана платком и почему то обо мне прошел слух, что я из Риги приехавший слесарь. После речи я замешался в толпе и вместе с толпой успел выбежать и затем вымыться, переодеться и уйти из города. В Судогде после стачки, всколыхнувшей массу, несколько ожила организация, в ней стал работать местный учитель и кое-кто из рабочих, но сил было все же очень мало и работа поддерживалась, главным образом, связью с Владимиром и литературой, которая туда доставлялась.

После моего возвращения из Судогды во Владимир в Исполнительном Бюро, в связи с от'ездом „Бориса" на Лондонский с'езд, мы остались вдвоем с „Таней" и вели с ней всю работу, пребывая в постоянной связи с Федором Аркадьевичем Благоправовым. „Таня" держала, главным образом, связь с Владимиром; центр тяжести моей работы переместился в военные организации. Окружное руководство свелось, главным образом, к письменной связи

их голодом! Поддержим их в непосильной борьбе с нашим заклятым врагом--капиталом! Теснее смыкайся наша рать! В единении сила!

Мы призываем товарищей немедленно приступить к сборам в пользу рабочих ф. Голубева в г. Судогде.

Полный отчет будет помещен в газете.

Центральное областное бюро рабочих Союзов по обработке волокна Московского района.

Прочитав, передавайте другим!

Обращение это напечатано в типографии, размером в 1/4 листа писчей бумаги. Найдено в одном экз. на улице в г. Судогде местным мещанином А. П. Вольским и направлено 3 (16) мая 1907 г. Судогодским уездным исправником Павловским помощнику Н-ка Влад. губ. жанд. упр. в Муромском, Меленковском и Судогодском уездах.

с уездными группами, к посылке туда литературы и, в частности, листовок в издании Владимирского Окружн. К-та. В работу организационно-секретарскую начал втягиваться Федор Аркадьевич Благонравов, у которого после нашего провала и от'езда „Тани“ сосредоточились фактически все связи с местами.

Однако мое положение во Владимире стало в такой степени затруднительным, что мы с „Таней“ и Фед. Арк. подумывали о возможности моего срочного перехода в другую организацию.

Перед самым от'ездом на пасхальные каникулы, во время которых я хотел по дороге на родину побывать в Москве и посоветоваться относительно перемены организации, я „провалился“ на квартире Скобенникова, попавши в полицейскую засаду. Это было 18 апр. (1 мая) 1907 г.

М. А. Симановская-Растопчина

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРСКОЙ ОКРУЖКЕ

В последних месяцах 1906 года я была командирована Московским Областным Бюро Р. С.-Д. Р. П. во Владимир на Клязьме. Маленький, хотя и губернский, городок, такой тихий после Москвы, весь утонул в снегах.

Поезд пришел поздно ночью. Привычка отыскивать „явки“ выручает меня. Без большого труда, мимо собора, „Золотых ворот“ добираюсь до „Ременников“. Встречает женщина со свечей в руке и очень высокий мужчина. Как оказалось потом—это были Надежда Сергеевна Перфильева и Аркадий Васильевич Смирнов. Меня здесь не оставляют. Переулками, какой-то горкой мы добираемся до маленького домика, где уже сидит над какими-то брошюрами старый коллега по партийной работе—Александр Николаевич Асаткин, с которым мы в конце 1905 и начале 1906 г.г. об'ездили, по поручению Костромского К-та, все промышленные уголки Костромской губернии, создавая там партийные организации. Из последующих разговоров узнаю, что во Владимире оставаться не стоит, так как здесь есть несколько местных работников (Ф. А. Благонравов, Ст. Пв. Назаров и др.), а что мы, т. е. сам Асаткин—„Борис“, Юлия Петровна Горская—„Наташа“ и приехавший раньше нас партпрофессионал Николай Петрович Растопчин—„Н. Н. Гаврилов“—должны направиться в уездные города и рабочие поселки, где есть крупные фабрики и заводы.

После небольшого совещания с „Борисом“, была решена моя поездка в Муром.

Снова иду по городу, соображая, где найти место „явки“. В Муроме была ярмарка. Почему-то особенно бросаются в глаза серые с красными разводами валенцы. На „явке“ все зеленая молодежь (самой мне было уже 21 год). Организуем какое-то собрание. Много шуму, споров, но перед началом собрания

оно оказывается сорванным—или нашли не конспиративным место, или в самом деле кто то спровоцировал. Думается мне теперь, что так я ни одного большого собрания в Муроме и не провела; подоспел на выручку „Борис“ и, кажется, меня направили в Меленки. Там я была 2 раза за время своей работы во Владимирской Окружной организации, но оба посещения как-то слились в памяти.

Меленки—это скорее большое село, чем город. Рабочих порядочно, но они так крепко связаны с своей деревней, что большинство ежедневно уходит после работы домой. Чистого пролетариата, таким образом, нет, если не считать одиночек, заброшенных в Меленки из крупных промышленных центров. К числу таких одиночек относился „Максим Горький“ (не помню, чем об'яснялось такое прозвище, кажется, литературных способностей „Максим“ не имел) и „Таня“.

Преданный делу, молчаливый, очень сознательный и вдумчивый, „Максим“ пользовался громадным авторитетом у рабочих всей фабрики. Боялась его и полиция, остерегались с ним связываться и хозяева: „Максим“—это было как-бы коллективное лицо; то, чем должен бы быть каждый передовой рабочий.

В Меленках поселяюсь сначала в большой интеллигентской семье. Смутно помнится, что часть семьи не знала цели моего пребывания в Меленках. Один из братьев (фамилию семьи забыла), особенно связанный с рабочими, позднее встречался мне на партработе в Москве.

Веду кружки, нет, вернее,—собрания. Душно. В маленькой комнатке накурено до того, что гаснет лампа, слушатели чуть ли не в повалку на полу. Интерес большой, слова не проронят. А после собрания „Максим“, вооруженный громадным наганом, провожает меня. Скоро первая квартира оказывается уже опасной, я ночую то в одной, то в другой рабочей семье. После собрания кто-нибудь спрашивает: „Куда товарищ наша пойдет?“—и всегда находился ночлег. О чем я говорила? О текущем моменте, о Государственной Думе, о партии, об истории революционной борьбы,—вообще по программе „кружка низшего типа“, как мы тогда называли. Конечно, много внимания приходилось уделять аграрному вопросу и вести неизбежные диспуты с эсерами и эсер-

ствующими. По этой части, впрочем, „специалистом“ был вскоре приехавший в Меленки, не то из Владимирского Окружного Комитета, не то из Москвы, рослый, с лохматыми черными волосами, товарищ „Анатолий“. Ну и доставалось же от него эсерам! Их возражений, доводов он не слушал; своих слушателей старался „оглушить“, а противника „заговорить“.

Мария Александровна
Симановская-Растопчина
(«Таня»).

Жить, наконец, переселяюсь окончательно к „Тане“, которая ходит со мной по всем собраниям и через 2 года делается самостоятельным работником.

Помню один трогательный случай. После большого собрания, особенно удачного, поднимается седой старик-рабочий и медленной поступью направляется ко мне. Все насторожились, ждут, что будет.

„Ты нам, как ангел с неба! Смотрите, бабы,—одна ездит, не боится“... Старик, подняв высоко голову и нахмурив брови, грозит кулаком: „если кто выдаст—вот“...

При таком отношении рабочих можно было, при усиливающейся уже реакции, работать...

Все таки, проработав—по тогдашнему времени—очень долго, я, наконец, „провалилась“. Наняли лошадь и в сумерки „свой“ ямщик лихо помчал меня в другое место.

Через несколько времени, побывав во Владимире, а затем дома—в Костроме (дня за 4 до 2 января 1907 г.),—попадаю в Вязники.

Опять базар, как в Муроме, но здесь меня поражает какой то склад гробов. Оказывается, у местных буржуев обычай—вместо милостыни подавать гроб..... Когда нибудь да пригодится.

Останавливаюсь у каких-то булочников,—„явка“ дана к толстой девице лет 16-17. Позже приходят еще молодые люди, ведут меня в гору, где рассчитывали собрать, прямо на открытом месте, кружок, кажется,—всех партийных организаторов. Правил конспирации не признают. Не помню, долго ли я была в этих непонравившихся мне Вязниках, но помню, что когда меня отвезли на вокзал, высадили из саней и уехали, то я должна была ехать „зайцем“, несмотря на свое нелегальное положение, заставляющее меня избегать всяких протоколов, скандалов и проч.,—не хватало, кажется, 70-80 коп. на билет до Владимира, так как недогадливые Вязниковские товарищи забыли спросить меня о моих „средствах“.

Помню еще Кулебаки—местечко на границе с Нижегородской губернией. Громадный завод, длинная густая аллея в красоте зимнего убора, просторная чистая школа, где меня встречают веселые учительницы, тесно связанные с рабочими. Поздно вечером, за чаем, мы уже условливаемся с 2-3 организаторами рабочих кружков о времени и о месте занятий. Здесь настоящие пролетарии—заводские рабочие.

Идут регулярные занятия, я подтягиваюсь, это уже не Меленковские рабочие. Живу, кажется, долго. Помню, что между делом выучилась самоучкой играть на гитаре. Массовых собраний тогда уже не приходилось вести нигде. Медленнее, чем в больших центрах, неуверенно еще, но все же реакция начинала давать себя знать.

И еще местечко из Владимирской Окружки—Гусь-Хрустальный. Сознательные рабочие, расселенные в маленьких хозяйских домиках, в одном из которых я лежала почти

без памяти, захворав чуть ли не через 2-3 дня по приезде,— вот мои немногие воспоминания об этой интересной организации.

Каким хорошим показался мне после скитаний по губернии тихий Владимир! Главное—своя, хотя и в два шага, комната, за которую я платила, вместе со стиркой белья и пользованием печкой для стряпни, 5 рублей. Хозяйка моя—Шац, Бац, или что-то в этом роде,—души во мне не чаяла. Заботливо относились и товарищи: один несет ежа, истребителя черных тараканов, другой следит, чтобы я не ела один черный хлеб с горчицей... Казалось мне, что и местная интеллигенция сочувствовала нам—туда я заходила ночевать, там обедала, здесь брала адрес, поручала собирать для заключенных деньги, думалось—все были с нами.

Наша окружная конференция в марте 1907 г., с предс'ездовской дискуссией, вспоминается мне как строго деловое и глубоко интересное собрание. В Исполнительном Бюро Окружки, после от'езда „Бориса" на Лондонский с'езд, остались двое: я и „Николай Николаевич". Писали прокламации, воззвания, перепечатывали листовки центра. Во главе „техники" стоял неутомимый Степан Иванович Назаров. Часто виделись с ворчливым, но на редкость добрым „Дядей" (Ф. А. Благоправовым).

— „Танечка, листок!"—чуть ли не через каждые 2 дня являлся ко мне Степан Иванович. Дело кипело.

Вели занятия с кружком печатников и приказчиков. Имели крепкие связи с „красными" и „синими" (два полка).

Пробираясь через кустарники, рискуя каждую минуту попасться в лапы охранки, идешь с „кружком" в 2-3 солдата. Позднее для военной работы сняли квартиру, где поселился тов. Скобенников, где мы читали первые №№ нашего „Солдатского Пути" и откуда после ночной засады повели в тюрьму сначала „Николая Николаевича", а затем и А. И. Скобенникова. Я случайно избежала той же участи, идя на квартиру А. И. Скобенникова.. Выглянула из окна углового дома какая-то девица (дочь жандарма, как позднее говорили) и растерянно просила меня вернуться назад, не заходя на квартиру Скобенникова.

Затем—переписка с заключенными в страшной Владимирской тюрьме, мрачном здании среди полей и цветов, тюрьме, которая свела в братскую могилу так много жертв. Хождение к окнам, на далеком, но строго рассчитанном расстоянии, чтобы увидеть не только заветное окно, но и заключенного. Посылки в тюрьму (так были налажены сношения с полит. заключенными) особенно ответственных прокламаций для просмотра и возвращения нам для печатания.

Вся Владимирская работа кажется мне обвеянной какой-то поэзией весны в природе и весны в жизни. „Собрания" на солнышке, у ограды за монастырем, собрания за дамбой, путешествия для переговоров с „Валерьяновской" организацией, этими мечтателями, думавшими своими молодыми силами преданных революции одиночек разрешить вопросы, над которыми думали и думают десятки лет сотни лучших умов нашей партии.

Вся Владимирская работа вспоминается мне, как глава из какого-то захватывающего богатством ярких образов и фактов никогда неповторяемого романа. Конспиративная квартира, серьезнейшее рискованное дело, может быть,—вот сейчас тюрьма, каторга, вечное поселение, а за стеной—обрыв с соловьями, опьяняющий запах вишневых садов...

С. Ф. Корочкин

СТРАНИЧКА ИЗ ПРОШЛОГО

(Из воспоминаний владимирца-большевика)

Первые мои шаги на революционном поприще начались во время моего пребывания в стенах Владимирской духовной семинарии. В среде учащихся уже в 1904 г. заметен был определенный революционный под'ем. Обыкновенно, весной и осенью местные организации соц. демократов и соц.-революционеров устраивали где-нибудь за городом, в лесу или за Клязьмой, митинги, или, как тогда звали, массовки. Семинаристы и гимназисты валили на эти массовки целыми толпами.

В период 1905—1906 учебного года наша семинария представляла собой настоящий революционный котел. Большинство учеников разбилось тогда на группы: больше было в эсеровской группе и меньше в социал-демократической. Открыто шла продажа литературы той и другой партии. Ходили по рукам разные подписные листы. Без всякого стеснения в стенах семинарии распевались революционные песни и начальство было бессильно этому помешать. Нередко возникали протесты против попыток администрации создать тюремный режим для живущих в общежитиях. Вышло, кажется, 2—3 номера подпольного ученического журнала, с призывом работать в народе, сеять революцию. На каникулы многие раз'езжались с твердым намерением работать среди крестьян — читать революционные книжки, об'яснять смысл происходящих событий.

Осенью 1906 года семинария встретила нас сурово. Начальство, по предписанию свыше, стало проявлять во всем „твердую руку". Прежние вольности были отняты. Революционное настроение огромного большинства учащихся улеглось, остыло. Но зато наша ученическая соц.-дем. группа определенно оформилась и связалась как с общегородской ученической организацией, так и с городской социал-демократической группой. Правда, наша группа была невелика.

В нее входили: И. Беляев, Н. Малинин, В. Ноаров и я. Вскоре по приезде из каникул, мы стали ходить на кружковые занятия куда-то за „Золотые ворота". Мы горели жаждой одолеть науку марксизма. Марксизм увлекал нас своей жизненностью и стройностью системы. С помощью его перевернулось и осмыслилось до поразительной ясности все воззрение на окружающий мир.

Но наши кружковые занятия продолжались недолго. Во Владимир приехал, вышедший из рядов РСДРП, некто „Валерьян" (А. Н. Дьяконов), ставивший целью создание своей особой революционной организации. Он сумел как-то связаться с с.-д. ученическими кружками, в том числе и с нашим. Нужно отдать ему должное — он взялся обрабатывать нас очень усердно. Его призывом было итти немедленно в солдатские и крестьянские массы, так как в них, как говорил он и что очевидно было нам самим, уперлась наша революция. Он развивал перед нами идею технической подготовки к вооруженному восстанию, которое, де, не за горами. Такого рода доклады увлекли нас с головой. Мы решили про себя, что предложение „Валерьяна" более заслуживает внимания, чем кружковые занятия. Если мы продолжали читать еще социал-демократическую литературу, то уже лишь постольку, поскольку это было нужно в целях предстоящей практической работы.

Не больше, как через месяц после нашего знакомства, „Валерьян" дает нам (тогда у нас в семинарии группа осталась лишь в три человека) поручения. По данным „Валерианом" явкам, предстояло отправиться в два места — на фабрику, кажется, в Лемешки, и в какое-то село. Все трое мы получили от семинарского начальства отпуска к несуществующим у нас в городе дядьям и отправились на вокзал. Ехать надо было до Боголюбова. На площадке вагона мы поделили свои роли — мне нужно было итти на фабрику, остальным двоим — в село. Последнее поручение считалось более трудным. Мне было очень невесело отправляться одному. Но делать было нечего.

Первое наше деловое выступление было не из удачных. Мне еще с большим трудом, под видом родственника одного из рабочих, к которому была явка, удалось провести беседу

с значительной группой рабочих о разгоне 1-й Госуд. Думы и о предстоящих выборах во 2-ю. Этому способствовали сами условия. Рабочие после работы высыпали из каморок в корридор. Я расположился там же на полу с газетой в руках. Вид у меня был самый рабочий. Беседа затянулась и мы проговорили долго. Спал я со своим „дядей“ на нарах в одной из крохотных каморок, где помещалось 6—8 человек.

Сергей Федорович КОРОЧКИН.

Утром на другой день я вместе с „дядей“ и одним молодым рабочим отправились во Владимир, где я наделил их литературой и мы сговорились—где и как встречаться на будущее время. Мои товарищи, отправившиеся в село, потерпели неудачу. Их адресат оказался, кажется, гуляющим на свадьбе, или просто на какой-то вечеринке. Пришлось им уйти „не солоно хлебавши“. Темной, холодной ночью они вернулись во Владимир. Итти было некуда больше, как в семинарию. Они перелезли через забор и с риском, что их, отпускников, инспектор или его помощник обнаружат в спальной, все-таки легли на свои места. Я в общем был доволен своей поездкой, они же повесили нос и ругались, что, де, дают такие скверные явки.

После этой нашей поездки „Валерьян“ ввел нас, как равноправных членов, в свою революционно-демократическую

организацию. Туда входили, кроме него самого: И. А. Завадский, сестры Царевы – А. В. и Е. В., Федоровская, О. И. Кузнецова, А. С. Нежданов; кое-какое участие изредка принимал в наших собраниях И. Чичерин. На одном из собраний организации членам ее были даны клички, которыми мы и стали называть в дальнейшем друг друга. Клички были установлены следующие: А. В. Царева—„Наташа", О. Кузнецова—„Василиса", А. Федоровская—„Людмила", И. Завадский—„Борис" или „Спиридон", А. Нежданов—„Григорий", В. Ноаров—„Демьян", И. Малинин—„Данила", я—„Николай". Затем мы были посвящены в то, что у „Валериана" имеется тайная типография. Скоро узнали и весь состав работников этой типографии. Туда входили трое: „Шаляпин" (кажется, Иваново-Вознесенский рабочий), „Дмитрий"—красивый молодой человек и женщина—„Маруся" [1]).

Наша семинарская группа стала втягиваться в работу „Валериановской" организации по настоящему. Наши отпуска на праздники к „дядьям" сделались регулярными. Обыкновенно, каждый из нас отправлялся в одно из ближайших сел от 3 до 10 верст в окрестностях Владимира. По данным явкам мы приносили туда литературу, в частности, газету, издававшуюся „Валерианом" во Владимире. Узнавали о состоянии дела, о кружках, и тут же устраивали беседы по тому или другому вопросу. Кружки были, конечно, мизерные — по 5-7 чел. Мы развивали в них мысль, что крестьянам надо об'единиться в беспартийный крестьянский союз, который мы противопоставляли Всероссийскому крестьянскому союзу, находившемуся под эсеровским влиянием, так как иначе, как нам казалось, подойти к ним нам, социал-демократам, было тогда нельзя. Иногда на этой почве у нас получались курьезы. Говоришь с „распропагандированным" членом беспартийного крестьянского союза, а он тебе замечает, что лучше—это партия с.-р., а вы, дескать, как с.-д., защищаете только интересы рабочих. Как бы то ни было, но мы устраивали даже Владимирскую

[1]) «Дмитрий» и «Маруся»—по мнению некоторых товарищей—были костромичами, первый—Дмитрий Орнатский, вторая—Мария Захарова.

уездную конференцию своих крестьянских групп. Она происходила в какой-то школе за „Золотыми воротами“, где учительствовал А. С. Нежданов.

Когда оглядываешься назад, видишь, что эти первые шаги революционной работы были у нас (не знаю, у всех ли) подернуты некоторым романтизмом. Мы были преисполнены благоговения перед теми поручениями, которые нам давались. Помню, мне и остальным двоим из семинарской группы раза по два пришлось побывать и помогать в работе нелегальной типографии (за Лыбедью). Там печаталась „Крестьянская Газета“ рев.-дем. организации. С каким наплывом чувств шли мы туда и возвращались потом обратно! Казалось, что мы приобщились к самому истоку революционной организации. В душе давались клятвы до конца работать для революции, что бы ни случилось. А случайностей мы, конечно, всегда ждали. Какими то путями про наше участие в революционной работе пронюхал инспектор, по кличке семинаристов — „Вобла“. В одно из путешествий Н. Малинин заблудился в дороге и не возвратился во время к урокам. Инспектор наведался к его фиктивному родственнику— „дяде“, а тот заявил, что Малинин у него и не бывает. Инспектор сразу насторожился. Вызывает меня. Спрашивает, где Малинин. Притворяюсь, что ничего не знаю. А он мне пошел и пошел все выкладывать. Рассказал, как мы переодетые ходим куда-то, являемся с „подозрительными“ элементами. Мне даже он прямо сказал, что я сотрудничаю в подпольной газетке и ее распространяю. Н. Малинин тогда чуть не был исключен. Какими то судьбами его оставили.

В первых числах января 1907 г. в „Валериановскую“ организацию вошел Алексей Иванович Скобенников, под кличкой „Андрей“. Но к этому времени в жизни этой принципиально беспочвенной группки назрел кризис. Как было нам ни тяжело сознаться, однако, все мы убедились, что из наших хождений в деревню ничего не выйдет. При этом обнаружилось, что попытки отдельных членов группки вступить на путь „эксов“, как тогда говорили, для технической подготовки вооруженного восстания, могут привести к разложению. Все это заставило „Валериановскую“ организацию в конце января или начале февраля 1907 года отказаться от своих замыслов

и ликвидироваться. Владимирская группа с.-д. получила в нашем лице сразу несколько пропагандистов, хотя только начинающих и не совсем опытных. Только с этого момента я могу по праву считать начало своей соц.-демократической (большевистской) работы. Из девиц Валериановской организации ни одна на работу в с.-д. группу не перешла в то время.

Во Владимире в то время не было фабричного пролетариата. Пропагандистскую работу мы вели, главным образом, среди таких крохотных во Владимире рабочих прослоек, как портные, печатники, приказчики, телеграфисты, а частью среди учащихся. В состав нашей пропагандистской коллегии при Владимирской группе РСДРП входили тогда, примерно, следующие лица: Никол. Петр. Растопчин („Николай Николаевич"), Мария Александровна („Таня"), Н. А. Завадский, А. Н. Скобенников, С. Н. Назаров, А. С. Нежданов, наша семинарская группа и еще несколько других лиц. У каждого было по два, а то и больше кружка. Кружки собирались в мастерских, на квартирах у сочувствующих интеллигентов, а весной где нибудь на валу.

Наступила весна 1907 года. Синод распорядился ввести, отмененные в 1905 г., в семинариях экзамены, но лишь для не совсем успешных учеников. Я был от экзаменов освобожден. Наша группа, задолго до самых экзаменов, развила агитацию против них. Была выработана прокламация. В ней мы протестовали против разделения учащихся „на козлищ и овец" и связывали введение экзаменов с общим состоянием страны. Заканчивалась она лозунгами: „Да здравствует демократическая республика" и „Свободная школа — в свободном государстве". Мне не пришлось быть в момент обсуждения вопроса об экзаменах на общем собрании, но говорили, что наша линия чуть не собрала большинства голосов.

Не хотелось мне покидать Владимир на лето. Малинин и я нередко строили план бросить ученье, не ехать домой, а пойти исключительно на партийную работу. Не прочь я был остаться на лето в нелегальной с.-д. типографии, которая тогда была во Владимире и в которой работал С. Н. Назаров. Но Мария Александровна — „Таня" угово-

рила меня поехать на лето в деревню отдохнуть, чтобы с осени начать работу со свежими силами. Скрепя сердце, я уехал.

Через несколько дней по приезде домой я попал в свой уездный город. Зашел там к одному учителю с.-д. Филатову и узнал от него, что во Владимире были обыски и аресты социал-демократов и что арестован А. П. Скобенников, школьный товарищ Филатова. А через день или два я уже получил извещение от Владимирских друзей, что при аресте Скобенникова найден мой адрес, хотя без упоминания фамилии, а только клички. Пришлось, конечно, почиститься, чтобы не попасть с какими-либо уликами.

Это лето 1907 года было для меня не особенно спокойное. Несколько раз в село приходил жандарм из города и розыскивал того человека, чей адрес был найден у Скобенникова. Но вел он свои розыски по-дурацки. Сначала он взял справку о всех Николаях в селе и этим удовлетворился. Во второй раз попытался установить, кто из Николаев живет на стороне. Таких оказалось только двое, но и те никогда во Владимире не бывали. Помню, крестьяне много говорили о таинственной личности, которая розыскивается жандармерией. В этих разговорах принимал и я участие. Большинство сошлось на том, что это кто то назвался нашим односельчанином при аресте, затем сбежал, ну вот его-де и ищут. Никто не думал, что виновник всего—я. Я читал крестьянам на сходках все имеющиеся у меня популярные брошюры, грамотным давал их на дом, об'яснял прочитанное, беседовал, но они не видели во мне революционера. Они знали меня как своего односельчанина, который живет их жизнью, так же, как они, пашет, косит, молотит, а потому им и в голову не приходило, чтобы меня могли искать.

Думал я было перейти учиться в университет, или в какое либо другое учебное заведение, но из этого ничего не вышло. Для семинаристов, не окончивших полного курса, хотя и окончивших четыре обще-образовательных класса, доступ в высшую школу был ограничен и очень труден. Пришлось по неволе возвращаться в семинарию. Сложилось так, что меня за „крамольный дух“ исключили с казенного содержания. Нужно было искать заработок.

Очень скоро мне удалось устроиться репетитором к малолетним ученикам духовного училища, состоявшим в архиерейском хору. Я очутился за монастырской стеной. Сейчас же мой адрес был использован для партийных сношений. В моей комнате уютно чувствовали себя партийные работники. В частности, тогда партийным организатором во Владимире был А. Воронский („Валентин"). Подружились мы тогда с Павлом Батуриным, трагически погибшим впоследствии на Колчаковском фронте. Батурин был тогда (1907—1908 учебн. год) в последнем классе гимназии. С ним мы были связаны по городской и по соц.-дем. ученической организациям.

Помнится, в то время у меня в комнате был отпечатан один номер нелегального семинарского журнала. Ближайшим помощником моим по этому делу был К. П. Миронов. С ним сообща мы варили гектограф, составляли статьи, редактировали и печатали самый журнал. Выход его был большим событием. Благодаря одной нелепой случайности[2]), у Миронова был произведен обыск, после чего его арестовали. Я ждал, что такая же участь постигнет и меня. Но этого не случилось. Мне удалось благополучно продержаться до окончания курса. Удивляюсь, как все сходило мне тогда с рук. Ученье я почти забросил. Инспектор и другие знали мой „вредный" образ мыслей. Они были убеждены, что я связан с подпольной организацией. На одном докладе о христианстве, который читал перед большой аудиторией один из помощников инспектора, я прямо заявил в своем слове, что христианство — религия рабов и что оно потому и приспособлялось во все периоды своего развития господствующими классами в своих интересах. Но меня не исключили, так как, очевидно, надеялись на исправление. Начальство ожидало, что я, быть может, соглашусь пойти в духовную академию. Но такого удовольствия я им не доставил.

Весной 1908 года я окончил семинарию. Моей единственной мыслью тогда было ринуться в Москву, зажить

---

[2]) Миронов жил в квартире с.-р. землемера Лясковского, у которого полиция время от времени делала обыски; по пути в этот раз она обыскала и комнату семинаристов, в числе которых был Миронов.

жизнью большого города, уйти в партийную работу. Инспектор „Вобла“, прощаясь со мной, сделал отеческое внушение: — „благодарите судьбу, — сказал он, — что удалось кончить. Мы знали, что вы связаны с „подозрительными“ элементами и с организациями, но мы на это смотрели сквозь пальцы. Берегитесь, потому что в другом месте вам уже не сдобровать“. Его слова впоследствии оправдались и в этом не было ничего удивительного. Но во всяком случае я не мог и не хотел внимать таким советам.

Осенью 1908 г. я был в Москве. Я достиг того, чего желал. Скоро окружающая жизнь захватила меня. Владимир стал постепенно заволакиваться дымкой. Только одно воспоминание щемило сердце, — это то, что там в каторге сидят и будут еще долго сидеть Владимирские друзья—Скобенников, Нежданов и др. Побывать потом во Владимире мне довелось почти через два года, когда из Москвы возили меня туда на суд.

С тех пор прошло много времени. Немало было в жизни всяких перемен. Но часто и сейчас еще вспоминаются мне старые Владимирские друзья. Судьба разбросала нас кого куда. О некоторых ничего не удалось узнать. Где-то они сейчас? Верны ли они заветам революции? Горит ли в их груди огонь, который был у нас тогда и который сплачивал нас в дружный отряд для борьбы за диктатуру пролетариата?

А. А.

ВЛАДИМИРСКАЯ ОКРУЖНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ

по материалам и документам

I. К начальному периоду Владимирской Окружки.

Владимирская Окружка начала оформляться во второй половине 1905 года, о чем нам известно как из воспоминаний подпольщиков, так и из партийной печати того времени.

Об этом периоде существования Владимирской Окружной организации рассказано в номере 24 центрального органа РСДРП — „Пролетарий“ (Женева, 7-го ноября—25 октября 1905 года), в корреспонденции под заглавием „Владимирская Окружная группа“. Эта корреспонденция составлена Семеном Мих. Серговским, приехавшим на партийную работу во Владимир из Костромских краев[1]).

Из корреспонденции мы узнаем, в частности, что С. М. Серговский начал работать во Владимирской Окружке в качестве окружного организатора и агитатора с августа 1905 г. и, таким образом, он является первым ответственным организатором Владимирской Окружки.

Сопоставляя все имеющиеся сведения о зарождении Окружки, можно утверждать, что с этого именно времени, т. е. с августа 1905 года, следует считать начало существования Владимирской Окружки, о состоянии отдельных частей которой Серговский и дает отчет в „Пролетарии“.

На первых порах Владимирская Окружная организация включала в себя: Ковровскую, Муромскую, Гусевскую, Суздальскую и Владимирскую группы. Последняя, собственно, и являлась ядром и организационным центром создающейся Окружной организации.

Отчет Серговского не содержит указаний о числе „организованных“, т. е. членов партии, но, очевидно, их было

---

[1]) Отчет С. М. Серговского см. в приложениях.

менее трехсот, так как спустя полгода от Владимирской Окружной организации был делегирован лишь один представитель на IV-й С'езд Партии (апрель 1906 года, в Стокгольме). Этот представитель присутствовал на С'езде с решающим голосом, а из истории организации IV-го С'езда известно, что делегаты выбирались по одному на 300 организованных членов.

После от'езда из Владимира бр. Серговских, брата и сестры Зеликсон и др., в конце 1905 и в начале 1906 г., работа во Владимирской Окружной организации продолжалась вестись как местными, так и приезжими силами, доказательством чего являются происходившие время от времени Окружные конференции.

Ко времени Окружной конференции, происходившей 29—30 августа 1906 года, во Владимирской Окружной организации насчитывалось около полтысячи членов, о чем свидетельствуют данные обыска в Москве в Фармацевтическом обществе[2]). Из сохранившихся материалов о работах этой конференции нельзя восстановить—избирался ли на ней Окружной комитет или нет, и если избирался, то из кого.

Ко времени приезда во Владимир, по командировке из Областного Бюро, партпрофессионалов, глубокой осенью 1906 г., Окружного Комитета, как руководящего коллектива, фактически не было.

Из предварительных разговоров с товарищами-владимирцами было видно, что в первую очередь необходимо сколотить хотя бы временный руководящий орган, что все

---

[2]) Из дела «О Владимирской Окружной организации РСДРП» (начато 17(30) ноября 1907 года, окончено 30-го апреля (13 мая) 1908 г.) известно, что 19-го августа (1 сент.) 1906 г., по распоряжению начальника Московского охранного отделения, был произведен обыск в квартире № 3 дома Серебренникова, по Садовой улице, в помещении Московского Фармацевтического общества, вследствие полученных сведений, что в этом доме в указанный день собирается Областное Бюро РСДРП Центрального района. При обыске были застигнуты 4 мужчин и 4 женщины, на полу была найдена масса клочков бумаги, между прочим, найдено было тридцать девять клочков разорванной рукописи, по восстановлении текста которой, путем соответственного соединения клочков, оказалось, что рукопись эта представляет отчет о деятельности Владимирской Окружной

усилия и внимание должны быть направлены не на Владимир, а на группы промышленных районов: Гусь, Муром, Ковров и т. д. В качестве временного руководящего органа было создано „Владимирское Организационное Бюро РСДРП“.

Этот план нашей работы основывался на том понимании партийно-организационных задач, которые мы знали из статей Владимира Ильича о партийном строительстве и, в частности, из его „Письма к товарищу о наших организационных задачах“.

Для нас, молодых работников, указания Ленина „о заводских кружках“ и об „общем типе организации“ были организационным катехизисом, тем более непоколебимым, что мы уже прошли небольшую практическую школу по этому пути.

Что говорил Ильич о „заводских кружках“? — „Они для нас особенно важны; ведь вся главная сила движения — в организованности рабочих на крупных заводах... Каждый завод должен быть нашей крепостью. А для этого „заводская“ рабочая организация должна быть также конспиративна внутри себя, также „ветвиста“ во вне, т. е. во внешних ее сношениях, также далеко должна просовывать свои щупальцы, как и всякая революционная организация... Заводская группа или заводской (фабричный) комитет должен состоять из очень небольшого числа революционеров, получающих непосредственно от комитета поручения и полномочия вести всю социал-демократическую работу на заводе“ („Письмо к товарищу о наших организационных задачах Н. Ленина“. Изд. ЦК РСДРП, Женева, 1904 год, стр. 14—15).

организации РСДРП. Кроме того, в том же помещении найдено было множество клочков бумаги, на одном из которых написано следующее: «Владимир, против семинарии, мясная лавка Дегтярева, спр. Сергея Вас. или Алекс. Дм. Я сотрудник «Русского Слова». Отв. «Я вас ждал».

Вследствие этих указаний, 30-го августа (12 сент.) 1906 г. был произведен обыск в г. Владимире, в доме Снятиновского, по Нижегородской улице, в квартире, занимаемой служащими во Владимирской Губернской Земской Управе, бывшим студентом Юрьевского Университета Сергеем Васильевичем Дегтяревым и студентом Юрьевского ветеринарного института Александром Дмитриевичем Кумошенским (из обвинительного акта по делу Влад. Окружной организации).

„Итак, общий тип организации, по моему мнению, должен быть такого рода: во главе всего местного движения, всей местной социал-демократической работы стоит комитет. От него исходят соподчиненные ему учреждения и филиальные отделения в виде, во-первых, сети исполнительных агентов, обнимающей всю (по возможности) рабочую массу и организованной в виде районных групп и заводских (фабричных) подкомитетов. Эта сеть в мирное время будет распространять литературу, листки, прокламации и конспиративные сообщения комитета, в военное время устраивать демонстрации и т. п. коллективные действия. Во-вторых, от комитета же исходит ряд всяких обслуживающих все движение кружков и групп (пропаганда, транспорт, всяческие конспиративные предприятия и т. д.). Все группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета (там-же, стр. 17)“.

Эти соображения легли в основу работы вновь приехавших профессионалов и поэтому мы сразу же устремились в фабрично-заводские районы и во всей последующей партийной работе в Окружке не отступали от этого пути.

II. Район деятельности Владимирской Окружной организации.

Почему Владимирская организация РСДРП в старые, подпольные годы называлась Окружной, а не губернской, и почему Владимирский Комитет РСДРП не назывался губернским, а Окружным?

В старое время в границах Владимирской губернии находились, в числе других уездов и промышленных районов, и такие, как безуездный город Шуйского уезда—Иваново-Вознесенск и Покровский уезд—с фабричным поселком Орехово-Зуево. Эти промышленные районы в административном отношении были связаны с Владимиром, но экономически эти районы не зависели и не были связаны с своим губернским административным центром. Орехово со своим районом хотя и входило в Покровский уезд, Владимирской губернии, но экономически тяготело и крепко было связано

с Москвой и в партийном отношении обслуживалось Московским Окружным Комитетом.

Иваново-Шуйский район, с Кохмой и Тейковом, никогда экономически не был связан с Владимиром, а имел самостоятельное промышленно-хозяйственное значение, и в партийном отношении этот район был непосредственно связан сначала с „Северным Рабочим Союзом“ и сменившим его „Северным Комитетом РСДРП“, а затем стал самостоятельной организацией.

С другой стороны, к Владимирской губернии хозяйственно тяготели и экономически с ней были связаны промышленные окраины смежных губерний: Кулебаки и Выкса, Нижегородской губернии, и Великодворье, Уршель—Рязанской губернии.

Следовательно, в задачи Владимирской организации и ее Комитета входило обслуживание не всей губернии, а только некоторой, правда, весьма значительной ее части, с добавлением промышленных районов смежных губерний, тяготеющих экономически или по путям сообщения к уездным центрам Владимирской губернии.

Таким образом, к ноябрю 1906 года Владимирская Окружная организация об‘единяла следующие партийные уездные и районные организации: Владимирскую, Гусевскую, Ковровскую, Муромскую, Кулебакскую с Выксой, Суздальскую. В последующее время связи и работа расширились и появились организации: в Вязниках, Ундоле, Судогде и позднее на заводах, тяготеющих к Гусю—в Великодворье и Уршеле.

Организации эти назывались „группами“: Владимирской, Ковровской, Гусевской и т. д.

Если применить нынешние названия, то оказалось бы, что в конце 1906 года и в 1907 году Владимирский Окружной Комитет об‘единял и руководил работой уездных и районных комитетов (групп): во Владимире, Гусю, Муроме, Коврове и т. д. Эти „группы“—комитеты об‘единяли и руководили в свою очередь низовыми организациями, в виде фабричных, заводских и иных „групп“. Низовые „группы“—ячейки, в зависимости от количества организованных, делились на десятки и пятки.

III. Устав Владимирской Окружной организации и входящих в нее групп.

О том, как была построена Владимирская Окружная организация в центре и на местах свидетельствуют нижеследующие сохранившиеся на этот счет гектографированные документы:

1) организационный Устав Владимирской Окружной организации;

2) Устав Владимирской группы РСДРП;

3) Устав Гусевской группы;

4) Устав Уршельского Районного Комитета Гусевской организации РСДРП;

5) Устав Великодворской группы.

Изучая эти уставы, можно видеть:

1) что основной организацией является—заводская или фабричная группа-ячейка;

2) что ячейка (фабрично-заводская группа) по конспиративным условиям распадается на кружки в 5 или 10 чел.;

3) что каждый пяток или десяток имеет своего организатора;

4) что руководителем группы является конференция из выборных на демократических началах представителей;

5) что фабрично-заводская конференция решает все возникающие в группе вопросы, намечает план работы, распределяет средства, заслушивает отчеты о деятельности центральной группы (бюро ячейки, комитет) и избирает на определенный срок руководящий орган.

Эти принципы выборности и отчетности были проведены снизу до верху по всей Окружке, с тем лишь добавлением, что при уездных руководящих группах-комитетах создавались группы со специальными целями: группа ученическая, военная; группы (коллегии) пропагандистов, агитаторов; финансовые комиссии и т. п.

Сложивши все эти уставы в один и расположив отдельные параграфы его в порядке снизу вверх, т.-е. от низовой „группы"-ячейки – к Окружному Комитету, получим законченную систему организации, пропитанную отчетливым применением организационных основ большевизма к действительности 1906-1907 г. г.

А действительность того времени требовала, чтобы организация была не только „ветвиста", но достаточно конспиративна и защищена от повсюду рыскающего недреманного полицейско-жандармского ока.

Словом, принципы демократического централизма, наряду со строгой конспирацией, при обязательной личной работе каждого организованного, —являлись основой всей партийно-организационной работы.

В виду особого интереса, который представляют перечисленные выше уставы, составленные низовыми работниками, по их собственной инициативе и на основе лишь личного опыта, мы печатаем здесь эти уставы полностью по оригиналам, с исправлением лишь старой орфографии на новую и без сокращения слов, как это имеется в гектографированных подлинниках.

Приведение полностью этих документов дает нам основание не останавливаться подробно на их описании и раз'яснении, указав лишь на то, что приведенный устав Гусевской группы был пересмотрен, примерно, в июне-июле 1907 г. и в него внесены были изменения в связи с организацией групп в Уршеле и Великодворье. Точно также были внесены изменения в устав Владимирской Окружной организации в августе 1907 г., когда вместо Исполнительного Бюро Комитета из постоянных выборных работников был создан Секретариат. Причинами пересмотра было, повидимому, отсутствие профессионалов и невозможность создать в то время выборный, руководящий орган, постоянно работающий и имеющий базу во Владимире.

Организационный устав Владимирской Окружной организации.

1. Владимирская Окружная организация об'единяет на началах демократического централизма следующие группы: Ковровскую, Муромскую, Гусевскую, Кулебакскую, Владимирскую, Судогодскую, Вязниковскую и Меленковскую.

2. Вновь возникающие группы утверждаются Окружной конференцией.

3. Каждая утвержденная группа ведет всю местную работу в рамках партийной программы, устава, резолюций с'езда и Окружной конференции.

4. Общее руководство идейное и практическое принадлежит Окружной конференции, представляющей на демократических началах пропорционально числу организованных все утвержденные группы.

5. Окружная конференция собирается обязательно каждые 2 месяца по расчету: группы до 75 человек имеют совещательный голос, на каждые 75 организованных—один решающий голос.

6. Экстренная Окружная конференция созывается по требованию 1/3 организованных и по мотивированному решению Исполнительного Бюро.

7. Окружная конференция избирает Исполнительное Бюро.

8. Исполнительное Бюро ведет повседневную работу всего округа, распределяет силы, издает литературу, осведомляет организованных, сносится с центрами и др. полноправными организациями и т. д.

9. Бюджет Владимирской Окружной организации определяется Окружной конференцией и взносы по группам распределяются пропорционально числу организованных.

Устав Владимирской группы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

1. Владимирская группа составляет часть Владимирской Окружной организации и строится на началах демократического централизма.

2. Владимирская группа имеет право представительства в Окружном Комитете и на Окружной конференции и делает взносы в кассу Окружного Комитета, согласно устава Владимирской Окружной организации.

3. Идейное и практическое руководство принадлежит Владимирской конференции, избранной демократическим путем, по одному от десятка организованных.

4. Конференция собирается не реже раза в месяц.

5. Конференция избирает Исполнительный орган—местную группу из пяти человек, которая и ведет повседневную работу.

6. Экстренные конференции созываются по требованию трех членов группы или трети организованных.

7. Согласно партийному уставу, организованные делают взнос, размер которого определяется конференцией.

8. Владимирская группа имеет на конференциях представителя с решающим голосом.

9. При Владимирской группе существует коллегия пропагандистов, представитель которой имеет право совещательного голоса на конференциях.

10. При Владимирской группе существует организация учащихся.

Устав Гусевской группы.

1. Гусевская группа входит в состав Владимирской Окружной организации РСДРП, является автономной в своей местной работе.

2. Идейным и практическим руководителем Гусевской группы является конференция.

3. Конференция составляется из представителей по расчету 1×10.

4. Конференты несут обязанности руководителей цеховых собраний.

5. Цеховой комитет составляется из десятковых.

6. Конференция выбирает из себя исполнительный орган (центральную группу) с ответственными функциями.

7. Каждый десятник исполняет все обязанности по своему десятку и берет ответственную функцию по своему цеху, к которому он принадлежит.

8. Центральная группа ведет всю местную работу: пропагандистскую, организационную и агитационную в пределах резолюций партийного с'езда и резолюций Владимирской Окружной организации.

С этим уставом Гусевская группа жила до весны, примерно, до июня-июля 1907 года, когда были организованы и оформлены Великодворская группа и Уршельский комитет (по существу — ячейка).

С организацией Великодворской группы и Уршельского комитета, входивших в Гусевскую организацию, устав Гусевской группы пересматривается и несколько изменяется, что видно из следующего текста устава:

1. Гусевская группа, входя в состав Владимирской Окружной организации РСДРП, об'единяет следующие районные комитеты: Великодворский и Уршельский.

2. Членом Гусевской группы считается всякий, принимающий программу партии, поддерживающий группу материальными средствами и личной работой.

4. Идейным и практическим руководителем Гусевской группы является конференция, состоящая из делегатов, выбранных на демократических началах, по расчету, принятому всякий раз на последней конференции.

4. Конференция созывается не реже одного раза в месяц, при чем, при возникновении вопросов чрезвычайной важности или по заявлению ^{2}з организованных, конференция созывается экстренно.

5. Для повседневного ведения и руководства партийной работой, конференция выбирает из организованных товарищей

руководящую группу, которая ведет всю повседневную работу в пределах с'езда, Окружной и местной конференций.

6. Конференция обсуждает все возникающие вопросы в группе, выслушивает отчеты о работе, утверждает бюджет и намечает работу на будущее время.

7. Бюджет, утвержденный конференцией, раскладывается между организованными пропорционально их числу, при чем окружные комитеты отчисляют в Гусевскую группу по 10 коп. с каждого организованного товарища (*речь идет о Великодворской и Уршельской группах. Редакция*).

8. Членами Гусевской группы перестают считаться: а) члены, не уплатившие соответствующих с них взносов в пользу группы без уважительных причин и б) лица, компрометирующие своим поведением группу.

Особенно интересным документом является „Устав Уршельского районного комитета Гусевской организации РСДРП", найденный в рукописном виде при обыске в Гусю-Хрустальном.

Устав Уршельского Районного Комитета Гусевской организации РСДРП.

1) Уршельский Районный комитет РСДРП входит в состав Гусевской организации.

2) Членом Уршельского Районного комитета считается всякий разделяющий программу и поддерживающий ее материальными средствами и личной работой.

3) Весь Районный комитет распадается на несколько кружков, включающих в себя не менее 5-ти организованных.

4) Каждый пяток имеет своего организатора, который намечает место и время для собраний, собирает членские взносы своего кружка и получает книги из библиотеки.

5) Верховным руководителем Районного комитета является конференция, которая составляется из организаторов или уполномоченных от каждого кружка, выбранных на демократических началах.

6) Конференция собирается не менее одного раза в месяц.

Примечание. Конференция может быть собрана в экстренных случаях по требованию руководящего коллектива, или органа $^2/_3$ всех организованных.

7) На конференции решаются все возникающие вопросы в Районном комитете, намечаются работы на будущее время, распределяется бюджет, выслушиваются доклады и отчеты о деятельности руководящего органа и производятся выборы делегатов на Окружную Гусевскую конференцию.

8) Для ведения и руководства с.-д. работой конференция избирает из своей среды руководящий орган, который и ведет всю повседневную работу, пропаганду, организацию, собирает средства, ведет отношения с другими организациями в пределах постановления конференции места.

9) Районный комитет имеет кассу, которая пополняется из членских взносов в размере 20 коп., добровольных пожертвований и из других источников.

Примечание. Размер членских взносов может быть изменен только с согласия конференции.

Устав Великодворской группы Р. С. Д. Р. П.

1) Великодворская группа РСДРП входит в состав Гусевской организации РСДРП.

2) Членом Великодворской группы считается всякий принимающий программу партии, поддерживающий группу материальными средствами и личной работой.

3) Вся группа распадается на несколько кружков, включающих в себя не менее 5-ти организованных.

4) Каждый пяток имеет своего организатора, который намечает место и время для собраний, собирает членские взносы с своего кружка и получает книги из библиотеки.

5) Верховным руководителем группы является конференция, которая составляется из организаторов или уполномоченных от каждого кружка, выбранных на демократических началах.

6) Очередная конференция собирается не менее одного раза в месяц.

Примечание. Конференция может собираться в экстренных случаях по требованию руководящего органа или двух третей всех организованных.

7) На конференции решаются все возникающие вопросы в группе, намечается работа на будущее время, распределяется бюджет, выслушиваются доклады и отчеты о деятельности группы и производятся выборы на Окружную конференцию.

8) Для ведения работы и руководства—конференция избирает из своей среды руководящий орган, который ведет всю ответственную работу, пропаганду, собирает средства и ведет сношения с другими организациями.

9) Группа имеет кассу, которая пополняется из членских взносов, в размере, установленном местной группой, добровольных пожертвований и из других источников.

Примечание. Размер членских взносов может быть изменен только с согласия местной конференции.

10) Великодворская группа ежемесячно отчисляет в пользу Гусевской Окружной организации 10 копеек с каждого организованного члена.

IV. Финансовое положение.

Партийная касса во времена подполья, особенно в рабочих организациях, держалась, главным образом, на членских взносах. Работа по собиранию членских взносов, обыкновенно, выделялась в отдельную функцию и, как мы видим из приведенных документов, финансовое положение в организации обсуждалось систематически на ответственных партийных собраниях и финансовые отчеты печатались для возможно широкого ознакомления с ними членов организации.

До нашего времени сохранились не только некоторые финансовые отчеты, но и сведения о том, как и кем определялся бюджет той или иной организации, как, в каком размере и кем производились сборы членских взносов и на какие цели расходовались партийные средства.

Такая уточненность работы об'яснялась, между прочим, и тем, что на почве финансовых неточностей и недоговоренности иногда возникали недоразумения, подозрения и даже обвинения. Этим именно и об'ясняется требование Исполнительного Бюро Владимирской Окружной организации об аккуратности в ведении отчетности по членским взносам.

Какими материалами и документами мы располагаем о финансовом положении Владимирского Окружного Комитета?

По данным обвинительного акта по делу о Владимирской Окружной организации видно, что в кассу Владимирской Окружной организации с 1-го сентября по 1-е октября 1906 года поступлений было 65 р. 16 коп., расходов— 56 р. 22 коп. и остаток на 1-е октября—8 р. 94 коп.; в ноябре: поступлений было—62 р. 13 коп., расходов— 53 р. 48 коп. и остаток 8 р. 83 коп. По отчетам Окружного Комитета с 15-го декабря 1906 года по 15-е января 1907 года прихода было 139 р. 80 коп., расхода— 138 р. 22 коп. и остаток 1 р. 58 коп.

По отчету Исполнительного Бюро с 5-го марта по 1-е апреля 1907 года приход был 131 р. 83 коп., расход 131 р. 73 коп. и остаток 10 коп. Главными расходами во всех отчетах являются расходы на приобретение и рассылку партийной литературы и „технику“.

Эти данные мы имеем возможность значительно дополнить целым рядом полных денежных отчетов, изданных в разное время на гектографе Исполнительным Бюро Владимирского Окружного Комитета или Секретариатом Владимирской Окружной организации и сохранившихся до настоящего времени. Эти документы представляют значительный интерес и поэтому мы помещаем их в том виде, как они дошли до нас по архивным материалам.

„Денежный отчет Исполнительного Бюро Владимирского Комитета РСДРП с 1-го апреля по 1-е мая 1907 г.“. Издан. Исполнительного Бюро Владимирского Окружного Комитета РСДРП. Отпечатан на 1/4 листа писчей бумаги, на гектографе. На верху две надписи: „Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия“ и „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“. Содержание отчета следующее:

ПРИХОД		РАСХОД	
Остаток с марта . .	— р. 10 к.	Почтовые расходы и транспорт . . .	9 р. 70 к.
Поступило от X . .	— р. 80 к.	Техника	50 р. 90 к.
Поступило с лотереи	10 р. — к.	Разъезды и отправка 4-х товарищей . .	12 р. — к.
» с Судогодских гр. за март .	3 р. — к.	Уплачено долгу . . .	18 р. 20 к.
Поступило от Ковровской организации за апрель . . .	33 р. — к.	Поездка в Москву . .	4 р. 80 к.
Поступило от Гусевской организ. за апрель	10 р. — к.	Уплачено за карточки	1 р. — к.
Поступило от Владимирской группы .	16 р. 50 к.	Профессионалу . .	15 р. 50 к.
За карточки . . .	— р. 50 к.		
Занято . . .	38 р. 20 к.		
Итого . .	112 р. 10 к.	Итого . .	112 р. 10 к.

Неуплаченные группами взносы:

Муромский за март	17 р. — к.
» » апрель	24 » 20 »
Меленковский за март	8 » 50 »
» » апрель	9 » 35 »
Кулебакский за апрель	27 » 50 »
Гусевской » »	1 » 55 »
Вязниковский » »	4 » 40 »
Судогодский » »	3 » 30 »
Итого	95 р. 80 к.

Значится за Комитетом долгу на 1-е мая:

За январь	3 р. — к.
» февраль	15 » — »
» март	10 » — »
» апрель	20 » — »
Итого	48 р. — к.

Гектографированный на 1/4 л. писчей бумаги *„Денежный отчет с 1-го июня по 1-е июля“*. Повидимому, это отчет Владимирского Окружного Комитета. Содержание отчета следующее:

ПРИХОД.		РАСХОД.	
С Владимирской группы за июнь	15 р. 20 к.	Содержание техники	46 р. 80 к.
С Гусевской группы за июнь	27 » 50 »	Почтовые расходы и транспорт	12 » — »
С Ковровской группы за июнь	37 » — »	Содержание местных профессионалов	16 » — »
С Судогодской группы за июнь	1 » 50 »	Раз'езды и содержание профессион.	52 » 25 »
С Кулебаки за май	25 » — «	За конспиративную квартиру	3 » 50 »
» » » июнь	30 » — »	Посылка делегата на Обл. Конференцию	10 » — »
Занято из денег, собранных на возвращение делегата	5 » 11 »	Расходы по Обл. Конференции Окр. Комитета	3 » 80 »
С Владимирской группы за книги	3 » 65 »	Уплачено долгу	8 » 20 »
С Муромской группы за май	14 » — »		
С Муромской группы в уплату долга	2 » — »		
С лотереи	5 » 80 »		
Итого	166 р. 76 к.	Итого	152 р. 55 к.

Бюджет на июль.

Остаток от июня	14 р. 21 к.	Содержание техники	70 р. — к.
С Кулебакской группы за июль	25 » — »	Почтовые расходы и транспорт	10 » — »
С Ковровской группы за июль	37 » — »	Раз'езды и содержание профессион.	30 » — »
С Муромской группы за июль	25 » — »	Содержание местных профессионал.	19 » — »
С Владимирской группы за июль	15 » — »	Конспиративная квартира	3 » 50 »
С Гусевской группы за июль	30 » — »		
Итого	146 р. 21 к.	Итого	132 р. 50 к.

Гектографированный на 1/4 л. бумаги *„Денежный отчет Владимирского Окружного Комитета за июль*

месяц". Источники прихода и статьи расхода те же, что в отчете с 1/VI по 1/VII, лишь в другой сумме, а именно: приход на 84 р. 50 к. и расход на ту же сумму.

Гектографированный на 1/4 л. писчей бумаги *„Денежный отчет Исполнительного Бюро Владимирского Окружного Комитета РСДРП за август месяц 1907 года"* следующего содержания.

ПРИХОД.		РАСХОД.	
С Ковровской группы	7 р. — к.	Техника и содержание профессионала	3 р. 75 к.
С Кулебакской »	10 » — »	Геннадию	15 » — »
С Муромской »	5 » — »	Тане	1 » — »
С Гусевской »	4 » 60 »	Почтовые расходы	— » 26 »
Занято	26 » 65 »	Гектограф	2 » 05 »
Итого	53 р. 25 к.	Итого	53 р. 25 к.

Долгу за Владимирским Окружным Комитетом по отчету за июль месяц, долг за август 26 р. 75 коп., итого 71 р. 14 коп.

Состоит за группами за профессиональную литературу:

За Ковровской группой	1 р. 47 к.
„ Гусевской „	1 „ 31 „
„ Меленковской „	— „ 72 „
„ Владимирской „	— „ 57 „
„ Муромской „	1 „ 11 „
Итого	5 р. 18 к.

Неуплаченные группами взносы:

С Муромской группы за март	9 р. 50 к.
„ „ „ „ май	16 „ — „
„ „ „ „ июнь	6 „ — „
„ „ „ „ июль	22 „ 50 „
„ Кулебакской „ „ апрель	2 „ — „
„ „ „ „ июль	25 „ — „
„ „ „ „ август	10 „ — „
„ Вязниковской „ „ апрель	4 „ 40 „
„ „ „ „ май	3 „ 30 „
„ Судогодской „ „ апрель	3 „ 30 „
„ „ „ „ май	3 „ — „
„ Гусевской „ „ июль	10 „ — „
„ „ „ „ август	19 „ 50 „
„ Ковровской „ „ июль	7 „ — „
„ „ „ „ август	23 „ — „
Итого	164 р. 50 к.

Гектографированный *„Денежный отчет Секретариата Владимирской Окружной организации за сентябрь месяц 1907 года“* следующего содержания.

ПРИХОД.

Пожертвовано	3 р. 12 к.
С. Гуся	29 „ 50 „
„ Мурома	3 „ — „
От Московского Областного Бюро	48 „ — „
Итого	83 р. 62 к.

РАСХОД.

Содержание профессион. и квартиры под техникой	26 р. 27 к.
За склад	1 „ — „
Почтовые расходы и транспорт	8 „ 43 „
Об'езд организаций С.	2 „ 12 „
Поезда С. в Областное Бюро	7 „ — „
На дорогу в Москву 3-м товарищам	5 „ — „
Мелкие расходы	— „ 36 „
Уплачено долгу	22 „ 44 „
На дорогу в Москву С.	4 „ — „
Итого	83 р. 62 к.

Долгу за Владимирским Окружным Комитетом . 48 р. 70 к.

Неуплаченные группами взносы:

Муром за март	9 р. 50 к.		
„ „ май	16 „ — „		
„ „ июнь	6 „ — „		
„ „ июль	22 „ 50 „	54 р.	
Кулебаки за апрель	2 „ — „		
„ „ июль	25 „ — „		
„ „ август	10 „ — „	37 р.	
Вязники „ апрель	4 „ 40 „		
„ „ май	3 „ 30 „	7 р. 70 к.	
Судогда „ апрель	3 „ 30 „		
„ „ май	3 „ — „	6 „ 30 „	
Гусевск. „ август	8 „ — „	8 „	
Ковровск. „ июль	7 „ — „		
„ „ август	23 „ — „	30 р.	
Владимирск. за август	10 „ — „	10 „	
Итого	153 р. — к.		

Долги за группами за профессиональную литературу:

Ковров	1 р. 47 к.
Гусь	1 „ 31 „
Меленки	— „ 72 „
Владимир	— „ 57 „
Муром	1 „ 11 „
Итого	5 р. 18 к.

Всего долгу за группами . . . 158 р. 18 к.

Гектографированный на 1/4 л. писчей бумаги *„Денежный отчет Секретариата Владимирской Окружной организации за октябрь месяц и ноябрь месяц 1907 г.“*.

ПРИХОД.		РАСХОД.	
От Областного Бюро	50 р — к.	На Окружную конференцию	2 р. 62 к.
Пожертвование	— „ 19 „	Марки	— „ 49 „
С Ундола	3 „ 75 „	Уплачено долгу	48 „ 70 „
„ Кулебаки	10 „ — „		
Итого	63 р. — к.	Итого	51 р. 81 к.

Осталось—12 р. 13 к.

Долгу за Владимирским Комитетом не имеется.

V. Численный состав Владимирской Окружной организации в 1906—1907 г. г.

О количестве организованных, иначе говоря—членов партии, у нас имеются несколько документов.

1. Во время обыска в Москве, в помещении Фармацевтического общества, 19-го августа (1 сент.) 1906 года, были найдены отчетные данные о деятельности Владимирской Окружной организации, из которых видно, что к августу 1906 г. число организованных было: во Владимире—60, в Коврове—100, в Муроме—200, в Кулебаках—150, в Выксе 20, в Меленках—25, в Суздале—16 и на Гусе—80. О Судогде, где „группа“ только что возникла, в отчете указаний нет. Следовательно, Владимирская организация насчитывала около 650 человек.

2. В протоколе заседания Окружной конференции 12 (25) ноября 1906 г. (найден в г. Суздале у Ю. П. Скобенниковой) число организованных, от которых на конференции присутствовал представитель, показано: во Владимире—35, в Коврове—200, в Муроме—90, в Кулебаках—150, на Гусю—60, в Суздале—17; всего—652. На этой конференции присутствовали представители следующих местных организаций: Ковровской, Кулебакской, Гусевской, Владимирской и Суздальской.

3. В протоколе избрания делегатов от Владимирской Окружной организации на 5-й очередной с'езд РСДРП (отобран при обыске у Ю. П. Скобенниковой в Суздале)

число членов Окружной организации показано следующее: во Владимире—118, в Муроме—240. в Коврове—300, в Кулебаках—250, в Меленках- 85 и в Вязниках 40; всего 1168, кроме Суздальской, Судогодской и Ундольской групп, представители которых в выборах не участвовали. Выкса не упоминается потому, что число членов включено в Кулебакские цифры.

4. Протокол собрания Владимирского Окружного Комитета РСДРП от 1-го апреля 1907 г., найденный в 2-х экземплярах при обыске во Владимире 17-го апреля 1907 г. у А. П. Скобенникова, отмечает число организованных в 1255 чел., без Суздальской и Судогодской групп.

5. В гектографированном отчете об Окружной конференции Владимирского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, перепечатанном Гусевской группой Владимирского Окружного Комитета и помеченном июнем месяцем, упоминается, что в Коврове организованных насчитывается 300, в Кулебаках—250, на Гусю—220. Об остальных „группах“ ничего не упоминается.

6. В протоколе Окружной конференции от 12-го августа 1907 года о количественном составе Окружной организации имеются такие сведения: Кулебаки—200, Ковров—300, Гусь—240, Муром—25, Владимир, Судогда, Суздаль, Вязники, Меленки, Собинка—не указано; Великодворье, Уршель—70.

VI. Окружные конференции и заседания Окружного Комитета.

Из воспоминаний товарищей известно, что еще в последней четверти 1905 года была организована во Владимире конференция представителей уездных групп, о чем вспоминает, в частности, т. Р. С. Зеликсон-Ставская.

Повидимому, это была первая Окружная конференция.

Следующая Окружная конференция состоялась весной 1906 года, в Муроме, перед IV-м партийным с'ездом.

Об Окружной конференции во Владимире 19-30-го августа (11-12 сент.). 1907 г. имеются указания ряда товарищей.

Время не сохранило каких-либо более подробных данных об этих конференциях. Только о последней из трех имеются некоторые сведения в воспоминаниях подпольщиков.

Последующие конференции Окружки с ноября 1906 г. по вторую половину 1907 г. могут быть лучше освещены по сохранившимся до нашего времени материалам.

Материалы эти следующие:

1) краткое изложение протокола Владимирской Окружной конференции от 12-го ноября 1906 года;

2) протокол мартовской предс'ездовской конференции 1907 г.;

3) отчетные сведения об Окружной конференции, состоявшейся в начале июня 1907 г.;

4) протокол заседания (расширенного) Окружного Комитета 29-го июня 1907 года;

5) отчет и протокол конференции от 12-го августа 1907 г.

Конференция 12-го ноября 1906 г.

Перед ноябрьской конференцией от имени Окружного Комитета были посланы специальные письма уездным организациям следующего содержания:

«Дорогие товарищи. Владимирский Окружной Комитет доводит до сведения уездных организаций, что в виду полного безденежья, переживаемого Комитетом, он принужден будет временно приостановить выпуск листков, так как денег на содержание техники совершенно не имеется. Комитет думает, что местные организации помогут ему выйти из ненормального положения, создавшегося вследствие полного безденежья. Затем Комитет извещает уездные организации, чтобы они прислали выборщиков социал-демократов и сочувствующих во Владимир. Явка старая».

«Пятого конференция не состоялась. Присылайте делегата к 12 ноября, к одиннадцати утра. Порядок дня намечен на самой конференции. Явка прежняя».

В письме есть, кроме того, зашифрованные места.

На этой конференции присутствовали представители следующих местных организаций: Ковровской, Кулебакской, Гусевской, Владимирской и Суздальской.

Число организованных, от которых на конференции присутствовали представители, показано в следующем виде:

во Владимире—35, в Коврове—200, в Муроме—90, в Кулебаках—150, на Гусю—60 и в Суздале—17, всего—552.

Конференция обсуждала следующие вопросы:

1. Об участии социал-демократических организаций в выборах во вторую Государственную Думу. Доклад о решениях по этому вопросу Всероссийской конференции, созванной ЦК партии, делал представитель Областного Бюро.

2. Доклад представителей местных групп о работе на местах.

3. О денежных средствах.

4. О профессиональных союзах.

5. О выборах в Окружной Комитет.

Главным вопросом этой конференции был вопрос об участии социал-демократических организаций в выборах во вторую Государственную Думу.

Конференцией было принято предложение представителя Областного Бюро партии „Афанасия"—Квиткина выступить в избирательной кампании самостоятельно, допуская соглашения с другими партиями только на последней ступени выборов для пропорционального распределения мест.

Было решено, далее, отчислять в кассу Окружного Комитета 20 проц. денежных поступлений местных организаций, вместо ранее отчисляемых 10 проц.

Окружная конференция в марте 1907 года.

Это та самая конференция, которая была устроена в помещении подпольной типографии Комитета в Гончарах. Конференцию проводил представитель Областного Бюро партии—т. „Афанасий" (Квиткин).

На конференции обсуждались вопросы порядка дня предстоящего V-го с'езда Партии. Конференция продолжалась два дня, т. к. по каждому вопросу велись прения. Помнится, что представитель Областного Бюро т. „Афанасий" (Квиткин) принимал все меры к тому, чтобы кандидаты, намечаемые в делегаты с'езда, высказали свои взгляды по основным вопросам с'езда, в особенности по вопросу о вооруженном восстании.

Протокол конференции, состоявшейся перед Лондонским с'ездом, сохранился полностью в таком виде:

„Протокол избрания делегатов от Владимирской Окружной Организации на V-й очередной с'езд Р. С. Д. Р. П.“.

Присутствуют 15 делегатов с решающим голосом:

от Владимирской	группы	2	избр.	118	чл.	парт.
» Муромской	»	3	»	270	»	»
» Ковровской	»	3	»	300	»	»
» Кулебакской	»	3	»	250	»	»
» Гусевской	»	2	»	105	»	»
» Меленковской	»	1	»	85	»	»
» Вязниковской	»	1	»	40	»	»

Всего 15 делегатов, представляющих 1168 членов партии. Делегаты от Суздальской и Судогодской групп не прибыли. В Ундольской группе избрание делегатов не могло состояться в виду разгрома группы, от которого группа начала оправляться после освобождения арестованных товарищей. Из документов, представленных конференции об избрании, а также из докладов делегатов выяснилось, что выборы были или двухстепенные (1 на 10): Владимир, Муром, Ковров, Кулебаки, Гусь, или прямые (Меленки, Вязники).

Конференция постановила избрать в настоящем заседании 2-х делегатов на с'езд партии, предоставив возможность осуществить избирательные права группам, не имевшим представительства на настоящей конференции, путем избирания 3-го делегата на с'езд, если в этих организациях число принявших участие в выборах членов партии превысит 332.

Наиболее удобной формой избрания 3-го делегата признано следующее: настоящая конференция намечает 3-го делегата на с'езд, предлагая членам, не принимавшим еще участия в выборах групп, голосовать его кандидатуру.

В том случае, если выставленная конференцией кандидатура не соберет абсолютного большинства голосов, созвать конференцию уполномоченных групп для избирания нового делегата.

По вопросу неравномерности представительства отдельных групп на настоящей конференции единогласно постановлено, что в виду отсутствия среди групп Владимирской Окружной Организации выделившихся течений и в виду того, что все делегаты настоящей конференции прошли по одной платформе, дать каждому делегату 1 решающий голос.

Постановлено также выбрать 3-х кандидатов, заменяющих делегатов на случай невозможности для них прибыть на с'езд.

Произведенная затем баллотировка кандидатов на с'езд дала следующие результаты:

Тов. Борис за—11—против—4.
» Максим »—12— » —2—возд. —1 (свой)

Третьим кандидатом избран тов. Сергей Петрович—за—14, воздержался 1 (свой).

Кандидатами, замещающими избранных делегатов в случае невозможности прибыть на с'езд—избраны:

1-м—т. Сергей Петрович—	за	13,	против	1,	возд.	1 (свой)
2-м—т. Николай Николаев.	»	13	»	1	»	»
3-м—т. Таня	»	12	»	3		
4-м—т. Павел	»	9	»	5	»	1

Члены конференции:

от Ковровской группы—Сергей Петрович, Платон, Крушеван.
» Кулебакской » —Геннадиев, Васильев, Малышев.
» Муромской » —Григорий, Алексей, Максим.
» Владимирской » —Николай Николаевич, Иванов.
» Гусевской » —Василий Певчев, Глико.
» Меленковской группы—Тимофей (Анатолий).
» Вязниковской » —Виктор[3]).

Окружная конференция в начале июня 1907 года.

Сохранившиеся немногие материалы об этой конференции позволяют составить о ней следующий отчет.

На конференции присутствовали с решающим голосом делегаты от следующих групп: Ковровской—2 делегата, Муромской—1, Кулебакской—2, Гусевской—3, Владимирской—1 и с совещательными голосами 2 члена Исполнительного Бюро[4]) и тов. техник.

Порядок дня на конференции был принят следующий: 1) Поверка мандатов; 2) Отчет Исполнительного Бюро; 3) Доклады групп; 4) Настоящий политический момент; 5) Профессиональные союзы; 6) Крестьянская работа; 7) Издание литературы; 8) Солдатская работа, и 9) Организационные вопросы.

[3]) *Примечание редакции:* „Сергей Петрович—Часовников Дм. Иван., „Максим"—Сергеевский А. М., „Николай Николаевич"—Растопчин Н. П., „Василий Певчев"—Плакунов В. С., „Глико"—Десов Г. А., Виктор"—Сергиевский М. В., „Борис"—Асаткин А. Н., „Таня"—Симановская—Растопчина М. А.

[4]) Члены Исполнительного Бюро: Асаткин А. Н. и Симановская М. А.; техник Назаров Ст. И.

Из докладов Ковровской, Гусевской и Кулебакской групп выяснилось, что работа ведется довольно успешно, везде есть кружки, устраиваются массовки, расширяются связи среди рабочих и крестьян. Работа в группах ведется почти исключительно местными рабочими. Чувствуется недостаток в литературе и особенно потребность в издании собственной рабочей газеты. Число организованных: в Коврове—300, Кулебаках—250 и на Гусю—220.

По вопросу о политическом моменте принята следующая резолюция: „Принимая во внимание: 1) что в настоящий момент пролетариат и крестьянство еще недостаточно подготовлены ко всеобщему активному выступлению, а частичные массовые выступления, не достигая цели, вносят дезорганизацию в ряды пролетариата; 2) что новый избирательный закон почти лишает возможности пролетариат и крестьянство послать в Думу своих представителей, конференция Владимирского Окружного Комитета предлагает: 1) не призывая в настоящий момент к активному выступлению, вести самую широкую агитацию среди пролетариата и крестьянства за Учредительное Собрание и, разбивая иллюзии в мирный исход борьбы, подчеркивать необходимость вооруженного восстания; 2) выясняя при этом деятельность различных партий в Думе и причины разгона ее и стремление правительства созвать новую Думу из представителей помещиков и крупной буржуазии“.

По вопросу о крестьянской работе принята резолюция: „Принимая во внимание: 1) что разгон Думы и издание нового избирательного закона дает богатый материал для работы среди широких масс; 2) что такая работа является крайне важной,—конференция предлагает местным организациям: 1) приступить немедленно к закреплению связей с крестьянами, создавая для этого при местных группах крестьянские организации; 2) обратить при этом главное внимание на пролетарские элементы деревни, присоединяя их к местным с.-д. организациям, и 3) создавая революционные крестьянские комитеты, вести широкую агитационную работу“.

По вопросу о солдатской работе Исполнительное Бюро сообщило, что во Владимире среди солдат велась работа: распространялась легальная и нелегальная литература, издан

один номер солдатской газеты, собирались солдатские конференции; в настоящее время работа среди солдат сократилась по случаю лагерных сборов.

В конце заседания конференция утвердила бюджет на июнь месяц в сумме 141 р. 20 коп.

Расширенный Пленум Окружного Комитета 29-го июня 1907 г.

События лета 1907 г.: разгон 2-й Государственной Думы, изменение избирательного закона, нарастание в некоторых районах стачечного движения—требовали от партийных организаций тщательного обсуждения выдвинутых жизнью вопросов. Для обсуждения этих вопросов во Владимире был созван расширенный пленум Окружного Комитета.

Перед созывом Окружного Комитета работники Исполнительного Бюро посылали соответствующие письма в уездные организации; одно из таких писем, направленное в Гусь, имеет следующее содержание:

„Товарищи, сегодня 22-го июня получено нами это письмо О. Б. и извещение ЦК. Как видите—в порядке дня Общероссийской конференции, назначенной на 10-е июля, стоят очень важные вопросы. Для всестороннего выяснения и освещения их необходимо собрать все материалы. По первому вопросу необходимо точно выяснить отношение организованных рабочих масс к разгону 2-й Думы, отношение к новому избирательному закону, возможность проведения выборщиков с.-д. и—главное—отношение к выборам во 2-ую Думу (целесообразность их и т. д.), а также надо собрать материал о прошлой избирательной кампании, отношении к выборам массы, характеристики избранных на местах выборщиков (партийные или нет), заключались ли блоки и т. д. По второму вопросу необходимо выяснить наличность существующих профсоюзов, количество их членов, работу в них с.-д., отношение профсоюзов к партии; там, где еще профсоюзов нет, выяснить—какие шаги были сделаны для организации их, отношение к ним рабочих, какие формы союзов предпочтительны и т. д. Все материалы, полученные после обсуждения этих вопросов на организационных собраниях, конференциях, группах и т. д., были бы приведены в систематический порядок и обязательно изложены письменно и посланы через членов Окружного Комитета, который Исполнительное Бюро собирает на 29-е июня, так как Областная конференция, вероятно,

состоится 1-го июля и откладывать до этого дня созыв Окружного Комитета нельзя. Присутствие на этом заседании Окружного Комитета представителей всех групп обязательно. Исполнительное Бюро настойчиво предлагает организациям выполнить все необходимое. Выясните на конференции точно количество организованных.

Исполнительное Бюро Владимирского Окружного Комитета.

Товарищу Борису 2 чл. Исп. Бюро предлагают, выполнив все необходимое на Гусю, оттуда приехать в Ковров, где будут ждать его к среде 27-го июня на местную конференцию. Ехать туда больше некому, так как один товарищ едет в Муром, Кулебаки и Меленки, другому необходимо остаться здесь и для проведения здесь выборов, и на тот случай, если будут еще вести из О. Б. (о точном дне Обл. конференции и т. д.). Доставьте скорей деньги.

С товарищеским приветом.

О получении этого письма известите, чтобы не вышло путаницы с Окружным Комитетом. Вельзевул"[5]).

Работа этого заседания Окружного Комитета изложена в следующем протоколе:

„На заседании присутствовало 8 человек с решающим голосом (представители Ковровской, Кулебакской, Гусевской, Муромской и Владимирской организаций) и 3 члена Исполнительного Бюро и 2 с совещательным (представитель от Судогодской организации и вновь приехавший товарищ).

Порядок дня был принят следующий: 1) отношение к 3-й Государственной Думе по докладам с мест; 2) резолюция Окружного Комитета об отношении к 3-й Государственной Думе; 3) профессиональные союзы и партия; 4) резолюция Владимирского Окружного Комитета о профессиональных союзах и партии; 5) отношение ко всеобщей стачке в текстильно-производственно-промышленных районах; 6) выборы делегата на областную конференцию; 7) бюджет; 8) о газете; 9) распределение сил.

Из докладов местных организаций по первому вопросу порядка дня выяснилось, что в

1) Кулебаках по получении письма от Исполнительного Бюро Владимирского Окружного Комитета была собрана конференция. На конференции присутствовало 12 человек с решающим голосом и 9 с совещательным. На ней после оживленных прений по вопросу об отношении к Государственной Думе было признано

---

[5]) Тов. „Вельзевул", он же „Геннадий"—Н. Н. Соколов, приехал во Владимир в июне и был кооптирован в состав Исполнит. Бюро, которое состояло в это время из Асаткина и Симановской третий выборный член Исполнит. Бюро был арестован в апреле.

желательным принять участие в выборах (11—за участие и 1 за бойкот). Есть возможность провести уполномоченных с.-д.

2) Муроме,—на конференции присутствовало 5 человек, было единогласно решено идти в Думу.

3) Коврове вопрос обсуждался в цеховых комитетах, десятках, на 2 районных собраниях и на конференции, на которой присутствовало 18 человек с решающим и 5 с совещательным голосом. После обмена мнений выяснилось, что массы рабочих глубоко возмущены разгоном Думы и новым избирательным законом. На всех собраниях были вынесены резолюции за участие в Думе. На местной конференции 14-ю голосами против 4-х было признано желательным участие в Думе. Выяснилось, что от рабочих пройдут уполномоченные с.-д., а по городу нет.

4) Владимире на конференции присутствовало 8 человек с решающим голосом и конференция единогласно высказалась за бойкот: 6 за пассивный и 1 за активный. Такое решение было принято в виду полной невозможности провести хотя бы одного выборщика с.-д.

5) Гусе было собрание организованных рабочих (185 чел.), на котором после оживленного обмена мнений было единогласно признано желательным проводить активный бойкот. На конференции из 26 чел. с решающим и 3 с совещательным голосом активный бойкот был принят единогласно. Из обсуждений выяснилось, что массы рабочих отнеслись к разгону Думы и новому избирательному закону индифферентно.

6) Судогде было собрание рабочих с.-д. в количестве 15 человек. Собрание единогласно высказалось за активный бойкот. Выяснилось, что есть возможность провести 2 уполномоченных с.-д.

7) Меленках на собрании центральной группы выяснилось, что массы рабочих отнеслись вполне индифферентно к изменению избирательного закона: отношение к выборам пассивное. У сознательных рабочих (85 чел.) отношение к разгону и изменению избирательного закона крайне враждебное. Многие высказались за бойкот, но к определенному решению не пришли.

После докладов с мест делегат от Муромской организации был принужден уехать.

II. По вопросу—идти в Думу или бойкотировать,—Окружной Комитет высказался за бойкот 4 гол. против 2-х при 1 воздержавшемся. По вопросу о формах бойкота: 5—за активный и 2 воздержавшихся. Затем была вынесена резолюция большинством 4-х, против 2-х, при 1 воздержавшемся (помещена ниже-*Ред.*).

III и IУ. По вопросу о профессиональных союзах из докладов с мест выяснилось, что интерес рабочих масс к профессиональным союзам громадный, но недостаток сил и полицейские условия крайне мешают организации союзов. Что касается

резолюции об отношении между партией и профсоюзами, после непродолжительного обмена мнений было ясно, что этот вопрос недостаточно остро поставлен в округе, поэтому Окружной комитет не находит возможным внести определенное решение.

V. По вопросу о всеобщей забастовке из докладов выяснилось, что надеяться на активное выступление невозможно в виду слабости партийных и профессиональных организаций. Была принята резолюция (помещена ниже—*Ред.*).

VI. Затем были произведены выборы делегата на Областную конференцию.

VII. Был рассмотрен и утвержден бюджет за июнь мес. и составлен бюджет на июль.

VIII. По вопросу о газете Окружной комитет предложил Исполнительному бюро приложить все усилия к скорейшему выяснению этого вопроса.

Резолюция об отношении к 3-й Государственной Думе.

Принимая во внимание:

1) что новый избирательный закон является по существу окончательной сделкой с помещичьей буржуазной контр-революцией;

2) что этот закон под флагом конституционализма закрепляет организацию врагов революции и отдает народные интересы на жертву черной сотне;

3) что проведение представителей пролетариата и революционного крестьянства всецело зависит от крупной буржуазии и помещиков и является как бы насмешкой над пролетариатом и крестьянством;

4) что с одной стороны Дума показала свою полную непригодность, как законодательное учреждение;

5) что своим двукратным существованием, полнейшей несамостоятельностью и разгонами достаточно исчерпала свое назначение разоблачителя конституционных иллюзий;

6) что социал-демократии участвовать в Думе – это значит насаждать конституционные иллюзии, с таким трудом изжитые;

7) что безразличное отношение масс к Думской деятельности и разгону подчеркивает ее сущность и что, таким образом, роль Думы, как центра политического воспитателя изжита;

8) что, с другой стороны, настоящая экономическая нужда в городах и еще больший голод в деревне принимают все более затяжной и острый характер, а это всегда было и будет источником революционного кризиса в России, —

Владимирский Окружной Комитет находит: 1) что участие социал-демократии в Думе не только не нужно, а даже вредно и 2) ближайшими задачами с.-д. полагает: а) принять самое

энергичное участие в избирательной кампании с целью провести тактику бойкота на собрании выборщиков; б) связать внедумскую борьбу с обострившимся экономическим положением.

Резолюция об областной стачке текстильных рабочих.

Владимирский Окружной Комитет РСДРП находит, что повсеместно в своей организации стачку текстильных рабочих провести невозможно, однако, он выражает ей свое полное сочувствие и обещает принять все меры, зависящие от него, к содействию успеху этой стачки, меры, начиная с агитации за активное выступление и кончая агитацией за поддержку бастующих товарищей.

Как видно из приведенного протокола, на расширенном заседании обсуждались чрезвычайно важные и интересные вопросы.

Областная стачка текстильщиков, о которой идет речь в протоколе, предполагалась с 1-го июля 1907 года. Вопрос об об'явлении стачки обсуждался как профессиональными московскими организациями, так и партийными.

С призывом к устройству областной стачки обратились: 1) Московский Окружной Комитет Р. С.-Д. Р. П. 2) Центральное Областное Бюро рабочих союзов по обработке волокна Московского района[6]). Однако, стачка не удалась. В этом случае резолюция Владимирского Окружного Комитета правильно учитывала настроения рабочих масс и свои силы.

Эта оценка настроений рабочих совпадает с тем, что писал уже после неудавшейся стачки Иваново-Вознесенский Союз РСДРП в своей июльской прокламации.

Наконец, Областное Бюро текстильщиков само пришло к тому же выводу, что можно видеть из следующего письма:

„Д. Т. Провал Областной стачки, причины которого, если не считать невыносимых политических условий: этих массовых арестов, запрещений собраний, расстрела их без предупреждения, закрытия союзов и т. п., заключаются и в нашей неподготовленности. Это заставляет нас еще с большей энергией продолжать нашу тяжелую, незаметную, но необходимую работу организации. Враги торжествуют победу, возможно, что они воспользуются ею, чтобы окончательно разбить наши силы, чтобы еще более ухудшить наше экономическое положение. Чтобы бороться, необходимо знать силы врага, но тем более

---

[6]) Эти обращения напечатаны в приложении к сборнику.

необходимо сделать правильный подсчет своим силам, исправить недочеты, которые при этом окажутся. 15-го августа состоится собрание Областного бюро и мы просим товарищей прислать к этому времени возможно полные ответы по прилагаемому опроснику, чтобы Областное бюро имело ясное представление о положении дел в области". Далее помещены 11 вопросов о стачке, развитии профсоюзов и т. д. „Просим писать по адресу: Москва, Главный Почтамт, абонементный ящик № 682, Ромуальду Викторовичу Эйеман. Просим также, товарищи, поспешить присылкой денег, как ежемесячных отчислений (по 2 к. с члена), также за протоколы 1-й конференции, „Профессионал" и „Фабричный". Адрес для денег: Москва, Кузнецкий мост, дом Рос. Стр. Об-ва, типография И. М. Брафф. О посылке денег и за что именно пишите по адресу Эйеман, при чем открыток просим не писать". Далее следует отчет Областного бюро за июль. В конце: „Товарищи, в конце августа состоится обще профессиональная конференция. Порядок дня ее в № 5 „Профессионала". Просим обсудить его на местах и сообщить нам свои соображения к порядку дня и проектам резолюций, а порядок дня Областного бюро 15-го августа: 1) доклад о положении дел в области, 2) отчет ревизионной комиссии, 3) о фабричном, 4) общепрофессиональная конференция, 5) о с'езде, 6) выбор секретаря. С товарищеским приветом. Секретарь Областного Бюро".

Письмо это было получено в Окружном Комитете и послано, в частности, в Гусь со следующей сопроводительной запиской:

„Товарищи. Посылаем Вам письмо, полученное из Центрального Областного Бюро Рабочего Союза по обработке волокна Московского района. С товарищеским приветом. За Секретаря И. Б. Евгения. Не имея пока адреса для пересылок, мы послали Вам лишь один экземпляр резолюции Всероссийской конференции. Теперь, я думаю, их захватит конференц; высылать не стоит, в одно время все равно с ним придут".

Экстренная Владимирская Окружная конференция 12 августа 1907 г.

Разгон Думы, суд над депутатами социал-демократами, провал областной стачки текстильщиков, все растущая реакция и произвол в стране, наступление капитала — не могли не отразиться на настроении рабочих и тем самым на состоянии партийной организации. В некоторой части организации появились новые еще небывалые настроения — упадочничество, разочарование. Упадочные настроения проявля-

лись: в начавшемся отходе организованных от парторганизации, в преувеличении и раздувании неудач и ошибок организации и отдельных ее членов, в болезненных поисках виноватых в наблюдающемся упадке партийной работы, в увлечении выпивкой.

С другой стороны, в части организации появилось увлечение „легальными возможностями". Это означало в то время ничто иное, как перенесение главного внимания и сил с внутрипартийной работы в легальные организации: профсоюзы, потребительские кооперативы и даже общество народных развлечений (Кулебаки).

Судя по сохранившимся материалам и воспоминаниям товарищей, заметную роль в увлечении „легальными возможностями" сыграли далеко не большевистские настроения, проникшие к тому времени какими-то путями в некоторые группы.

Эти настроения тем легче могли проявляться, что ко времени созыва этой конференции никого из большевиков партпрофессионалов в центре Владимирской Окружки не оставалось: некоторые сидели в тюрьме, а оставшиеся на свободе, преследуемые чуть не по пятам полицией и охранкой, вынуждены были покинуть организацию.

Дать идейный отпор начавшемуся открытому проникновению в руководящий центр «новых настроений», повидимому, никто не нашелся. Отразить надуманные нападки и атаки, дать прежнее твердое и ясно большевистское умелое направление работам конференции—было некому.

Эта конференция является гранью в развернутой до того внутрипартийной работе Владимирской Окружной организации.

О работах этой конференции имеются два источника:

а) „Отчет о конференции Владимирской Окружной организации РСДРП, напечатанный в сборнике Истпарта ЦК „Двадцать лет рабочей организации РСДРП—РКП (б)";

б) «Протокол заседания экстренной Владимирской Окружной конференции от 12 августа 1907 года», который здесь и приводится.

«На заседании экстренной конференции Окружной организации присутствовало с правом решающего голоса: от Ковровской—3, от Кулебакской организации—2, представители: от Муромской—1, от Владимирской—1, Гусевской—2, всего 9 решающих голосов и кроме того 1 совещательный (техник).

Порядок дня: 1) отчет Исполнительного Бюро Владимирского Окружного Комитета, 2) отчеты с мест, 3) пересмотр организационного устава, 4) о деятельности Областного Бюро, 5) литература, 6) техника, 7) предвыборная кампания, 8) бюджет, 9) распределение сил.

1) Из отчета Исполнительного Бюро Владимирского Окружного Комитета выяснилось, что за полмесяца Исполнительным Бюро выпущено 1.500 экз. газеты «Солдатский Путь»; протоколов, резолюций, денежных отчетов и т. д.—643 экз. и отправлены программы РСДРП и «Песни революции»—430 экз., всего 7 названий—2.573 экз. Техника не работала полмесяца за отсутствием техника. Приступлено к печатанию «Обращение к избирателям» в количестве 7.500 экз. Далее из отчета Исполнительного Бюро выяснилось, что деятельность Бюро сильно тормозилась в виду затруднений при сношениях с партийными центрами, в силу чего Исполнительное Бюро не имело возможности своевременно извещать местные организации о всех важных явлениях в жизни партии. По выслушанию доклада конференция указала на промахи и дефекты в деятельности Исполнительного Бюро и приняла мотивированный переход к очередным делам. Формулируя переход к очередным делам и отмечая в деятельности Исполнительного Бюро серьезные промахи, конференция в то же время приняла во внимание, что дефекты в деятельности Исполнительного Бюро во многом имели место по вине местных организаций.

2) Из отчетов местных организаций выяснилось: 1) Кулебаки: существует 20 кружков низшего типа по 7-12 чел., всего 200 организованных. Очень нуждаются в пропагандисте, пытались открыть отделение Сормовского профсоюза сталелитейщиков, но ввиду закрытия этого союза приступлено к созданию самостоятельного в Кулебаках союза сталелитейщиков. 2) Муром: наблюдается крайне индифферентное отношение организованных рабочих к партийным организациям, так что число организованных понизилось до 25 человек. Предполагают создать отделение Иваново-Вознесенского профсоюза рабочих по металлу; организована комиссия по устройству профсоюза. 3) Ковров: число организованных 300 человек. Были за месяц 2 конференции и несколько собраний. На конференциях и собраниях были вынесены резолюции, указывающие на бездеятельность Исполнительного Бюро и резолюция по отношению к Окружному Комитету. Резолюция указывает на то, что Окружной Комитет пользовался материалом, не заслуживающим доверия,

при выяснении отношения рабочих к выборам в Государственную Думу, результатом чего явилась резолюция Окружного Комитета, из которой вытекало, что большинство организованных рабочих стоит за бойкот, что не соответствовало действительности. Организационная и пропагандистская работа идет обычным порядком, организован кружок высшего типа. Успешно идет работа в профессиональном союзе текстильщиков, при чем в члены союза записываются за последнее время женщины. Решено учредить потребительскую лавку. 4) Владимир: работа организационная и пропагандистская упала, причинами такого упадка являются, во-первых: от'езд многих организованных товарищей, ответственного и цеховых организаторов, а, главное, общий упадок революционной энергии масс. То же самое наблюдается в союзе портных. Несмотря на все усилия секретаря союза, никаких собраний нет, взносы поступают плохо. 5) Гусь: число организованных упало до 240 человек, хотя собрания и кружки идут обычным порядком, но притока новых членов нет, а наблюдается даже обратное. Поставлены организации в Уршеле и Великодворье, насчитывают до 70 организованных. Подан на утверждение устав профессионального союза рабочих стекольного производства с правом открывать отделения, таким образом, существует возможность охватить в профес. организации несколько хрустальных заводов, лежащих близ Гуся. 6) Собинка: в начале июля была построена организация, которая насчитывала до 80 человек, но благодаря скверным полицейским условиям в конце июля же из нее было арестовано до 40 человек, следствием этого—упадок в работе. 7) Вязники: имеются связи. Требуется профессионал для организации группы. За неимением профессионала никакой работы не ведется. 8) Меленки: отчета о работе за июнь мес. не присылали. 9) Суздаль: организация прекратила свое существование после ареста руководящего коллектива. 10) Судогда: организации нет. Имеются только связи. В конце июля вспыхнула забастовка, на которой был член Исполнительного Бюро. Забастовка не достигла никаких результатов, хотя были пред'явлены некоторые экономические требования; причиной этого служит полная несознательность Судогодских товарищей.

3) По предложению Кулебакской организации организационный устав Владимирск. Окружного Комитета был пересмотрен и конференция нашла необходимым изменить следующим образом: 1) Окружная конференция созывается через 2 месяца (а не через 3); 2) Владимирский Окружной Комитет упраздняется; 3) Представительство на конференции от групп: дается на каждые 75 чел. 1 решающий голос, организации меньше 75 чел. получают совещательный голос. Уставы по организациям будут разосланы в непродолжительном времени.

4) Была принята следующая резолюция: Принимая во внимание, что Областное Бюро совершенно не обслуживает тех целей, для коих оно создано, Владимирская Окружная конференция обращается к Центральному Комитету с предложением принять меры к созданию дееспособного бюро.

5) и 6) В виду недостатка денежных средств и работников, конференция постановила временно приостановить издание агитационной литературы и поручила представителям Муромской и Кулебакской организаций войти в сношения с Муромским студенческим землячеством с целью привлечь землячество снабжать Владимирскую Окружную организацию литературой, издаваемой партийными центрами.

7) Конференция предложила местным организациям вести самую широкую агитацию в рамках, указанных избирательной платформой ЦК и резолюцией Всероссийской Конференции, устраивать предвыборные собрания и, вообще, возможно шире использовать предвыборную кампанию.

8) Утвердив денежный отчет Исполнительного Бюро за июль месяц, конференция установила бюджет на август месяц в размере 88 р. 50 коп. и предложила Исполнительному Бюро немедленно разослать денежные отчеты по организациям.

9) За неимением в настоящее время работников профессионалов, вопрос не рассматривался.

VII. Владимирская Военная организация Р.С.Д.Р.П.

Судя по некоторым данным, Военная организация была оформлена в апреле 1907 года.

Эта организация имела свой устав, руководящий центр, свою газету, издаваемую Владимирским Окружным Комитетом.

Задачи организации и ее внутреннее устройство изложены в уставе, который приводим здесь полностью.

Устав Владимирской Военной организации РСДРП.

а) Владимирская Военная организация есть часть общей военной организации русской социал-демократической рабочей партии.

б) Членом Владимирской Военной организации считается всякий состоящий на военной службе, разделяющий программу социал-демократии и подчиняющийся руководству партийной организации.

в) Владимирская Военная организация ставит своей задачей: 1) воспитать солдатскую массу в духе программы социал-демократии и поднимать общий уровень создания

в широких слоях войска; 2) руководить всеми проявлениями брожения в войсках, как на экономической, так и на политической почве.

г) Высшее идейное и практическое руководство в рамках общепартийных директив принадлежит гарнизонному комитету, составленному из представителей полков, по два человека от каждого полка.

д) Полковой комитет состоит из 4 представителей батальонных комитетов и руководит идейной и практической работой в своем полку в рамках директив гарнизонного комитета.

е) Батальонный комитет является руководителем, идейным и практическим, в батальоне и состоит из 4 представителей от рот. Он подчиняется директивам полкового комитета.

ж) Каждый из упомянутых комитетов включает в себя представителя местной организации РСДРП.

з) Не реже одного раза в месяц собирается гарнизонная конференция работников Владимирской военной организации.

и) Гарнизонная конференция посылает представителя как на обще-городскую конференцию Владимирской Окружной организации, так и на областные конференции военной организации области.

к) Из кассы Владимирской организации РСДРП выдается особый фонд на нужды Владимирской военной организации, который составляется из взносов, случайных сборов, пожертвований и др. источников дохода.

О состоянии и работе Владимирской Военной организации сохранились три интересных документа:

1. Письмо, присланное из Владимира в Москву, где оно и было найдено при обыске 16 (29) июня 1907 года у Цинкиной и Хаи Флястер. В этом письме сообщаются следующие сведения, касающиеся Владимирского гарнизона:

а) состав гарнизона — 2 пехотных полка с резервами и конвойная команда;

б) количество сознательных: в Сибирском полку с.-р. — 15—20, с.-д. — 70—75. в конвойной — 5 с.-д.

в) есть ли кружки и сколько — нет, но возможно организовать (мешает казарменный режим);

г) распространяется ли литература — распространяется, но мало (за неимением);

д) кем ведется работа — пролетарскими организациями или специальными лицами? Летом велась пролетарскими организациями, теперь не ведется, за исключением распространения литературы, которую распространяют также и с.-р.;

е) есть ли военные организации с.-р. или др. партий — нет.

2. Владимирская военная организация имела свою газету „Солдатский Путь", издаваемую Владимирским Окружным Комитетом.

Ни одного номера этой газеты в целом виде не сохранилось. Имеются лишь выдержки из передовой статьи второго номера этой газеты, вышедшего в июле 1907 года и найденного при обысках в Гусю 29—30 января (11—12 февр.) 1908 года.

Передовая статья начинается словами: „Тихо на Руси. Крамола вырвана с корнем. Молчит голодный крестьянин, молчит и непокойный рабочий". Далее говорится, что „самодержавный царь при помощи своих верных слуг-министров сумел справиться со смутой... Народ молчит.. Полная победа. И венценосный тиран, там, на верху, в своем роскошном дворце, окруженный придворной челядью, торжественно справляет свою победу. Но не рано ли, —говорится далее,—самодержавное правительство справляет свой победный пир? Там, внизу, в широкой народной массе, среди рабочих и крестьян тихо, но неустанно идет исполинская работа об'единения и организации. . народ собирает великую, могучую рать на последний, открытый и решительный бой со своим исконным врагом — самодержавием". Что касается солдат, то и они, по мнению автора статьи, не те прежние, верные исполнители приказаний начальства, как были раньше: „Все чаще и чаще в голову солдат приходит мысль, ради чего он по приказу начальства убивает своих братьев рабочих и крестьян... все чаще приходит ему в голову, из-за чего товарищи солдаты поднимались на Потемкине в Севастополе, в Кронштадте и Свеаборге .. Понял солдат, что правительство, пользуясь его темнотой, задавивши в нем человеческие чувства казарменной муштровкой, сделало из

него невольного народного палача". В конце солдаты призываются к борьбе за народ против правительства: „Пусть отдельные реки недовольства и возмущенья сольются в одно могучее русло, море революционной борьбы народа и войска с пролетариатом во главе, под красным знаменем единой и сплоченной Российской Социал-Демократической Рабочей Партии".

3. Гектографированный на 1/4 л. писчей бумаги „*Протокол заседания конференции 9-го Сибирского полка Владимирской Военной организации РСДРП от 19-го августа 1907 года*". Под протоколом написано: „Издание Полкового Комитета 9-го Сибирского полка Владимирской военной организации РСДРП".

На заседании конференции присутствовали с правом решающего голоса 7 представителей и кроме того один представитель Исполнительного Бюро Владимирского Окружного комитета с правом совещательного голоса.

Порядок дня на заседании был следующий: 1) выборы баталионных организаторов и выборы в полковой и гарнизонный комитеты; 2) отчет о работе военной организации с момента ее возникновения, т.-е. с апреля месяца 1907 года; 3) организационный вопрос в связи с текущей работой.

Из отчета о работе выяснилось, что вся работа ограничивалась распространением нелегальной и брошюрочной литературы. Начиная с мая мес. 1907 г., т.-е. со времени выступления полка в лагери, и эта работа приостановилась, в виду особых условий лагерной жизни. Кружков совершенно не велось, вследствие неимения квартиры.

Обсуждая вопрос о дальнейшей работе, конференция нашла: 1) возможным в настоящее время организовать кружки низшего типа; число таких кружков в полку возможно довести до 10-ти, при чем каждый кружок может охватить 10—12 человек; 2) выяснилось, что в дальнейшем возможна митинговая работа. На этом основании конференция решила немедленно приступить к организации кружков и занятий с ними, а также продолжать кружковую работу в зимнее время, для чего поручить ответственному военному организатору заблаговременно озаботиться приисканием подходящей квартиры для собраний.

По вопросу о литературе выяснилось: выпуск «Солдатского Пути», органа Владимирской Военной организации, временно приостанавливается, так как по заявлению представителя Владимирского Окружного Комитета, типография Окружного Комитета, где печатался вышеозначенный орган, временно перестает

функционировать за неимением средств и работников. В виду этого конференция решила: просить Исполнительное Бюро Владимирского Окружного Комитета войти в сношения через Областное Бюро с Военным Областным Бюро и просить последнее снабжать Владимирскую Военную организацию как легальной, так и нелегальной литературой.

Произведены выборы 4-х баталионных организаторов, выбран полковой комитет из 4 членов, на которых лежит обязанность руководить всей партийной работой в полку; в гарнизонный комитет выбраны два действительных члена и два кандидата. Гарнизонный комитет об'единяет и руководит всей партийной работой среди войсковых частей, расположенных в г. Владимире.

Как произошел провал Владимирской Военной организации Р. С. Д. Р. П.

В августе 1907 года в 15-ую роту 10-го Гренадерского Малороссийского полка прибыл на службу молодой солдат Ефим Широбоков. По словам командира роты поручика Корфа, он был очень развитой и бойкий и поэтому казавшийся несколько подозрительным.

Этот Широбоков, служивший ранее в 4 Гренадерском Несвижском полку, занялся «расследованием» того, как ведется политическая пропаганда в 9-м Гренадерском Сибирском полку, т.-е. оказался шпионом. Широбокову помогал запасный рядовой Иванов и запасный ефрейтор Козлов. Работой Широбокова руководил упомянутый выше поручик Корф, который и сам занимался слежкой за «подозрительными» нижними чинами.

21 сентября (4 окт.) Широбоков сообщил Корфу, что от рядового Иванова он узнал, что „всем нижним чинам уже известно, что он, Широбоков, сыщик и что поэтому ему опасно производить расследование относительно военной организации". Получив это сообщение сыщика Широбокова, Корф доложил командирам полков Малороссийского и Сибирского, после чего указанные Широбоковым лица были арестованы и преданы Московскому военно-окружному суду. Приговор суда приведен в статье тов. Ф. А. Благонравова.

VIII. „Техника“ Владимирской Окружной организации.

Из воспоминаний целого ряда большевиков-подпольщиков известно, как много внимания и сил затрачивалось различными организациями нашей партии на устройство „техники“, т. е. на организацию печатания.

„Техника“ ставилась по разному, в зависимости от общего состояния организаций. Иногда ограничивались лишь гектографом и шапирографом, а при наличии средств и др. возможностей—ставили типографию.

Устройство нелегальных типографий было делом трудным, дорогим и опасным и далеко не под силу очень многим партийным организациям.

За устройство типографий брались те партийные организации, которые располагали необходимыми для этого данными.

Для организации и правильного существования „техники“, помимо денег на ее устройство и содержание (краска, бумага, транспорт, содержание квартиры и техников и т. п.), нужны были:

1) опытные организаторы по устройству типографии;

2) особо-надежная квартира;

3) наличие денежных средств, чтобы регулярно поддерживать работу;

4) товарищи, умеющие составить прокламацию, или подготовить материал для газеты;

5) товарищи, умеющие наладить транспортировку посылок с нелегальными изданиями;

6) широко и глубоко разветвленная сеть партийных организаций, способных быстро разместить литературу, дать ей свою оценку и пред'явить требование на новую;

7) подготовленный и интересующийся массовый читатель—рабочий и крестьянин.

Наличие в той или другой мере этих важнейших условий для организации „техники“ во Владимирской Окружной организации относится ко второй половине 1906 г.

В „технике“ Владимирского Окружного Комитета имелись как гектографы, так и типография. К подготовке

устройства типографии Владимирского Окружн. К-та было приступлено, повидимому, весной или летом 1906 года.

В этот период работы „техники", типография не имела определенной квартиры. Не имелось у организации и специалистов по этой отрасли работы—„техников". Когда нужно было что нибудь отпечатать, тогда собирали в одну квартиру, наиболее безопасную, все типографские принадлежности и добровольцы из товарищей,—наиболее близких к руководящему ядру парторганизации,—с большими усилиями, в силу своей неопытности в наборном деле, набирали текст прокламации, затем делали ее оттиск в нужном количестве экземпляров и типография снова пряталась в укромные уголки[7]).

В одно время из этого периода работы типография находилась в квартире М. П. Андреева и Серг. Ив. Назарова, живших в доме Соловьевой, по Троицко-Нагорной улице.

О работе „техники" в этом периоде к настоящему времени не осталось никаких следов, в виде прокламаций или воспоминаний.

Следующий период в развитии „техники" начинается с последней четверти 1906 г. и продолжается до сентября-ноября 1907 года. Примерно, в октябре-ноябре 1906 г., с приездом партпрофессионалов, начала развертываться вся работа Окружной организации; была развернута также работа „техники", для чего была снята постоянная квартира и для работы в „технике" был приглашен профессиональный работник по организации „техники", или, как говорилось в то время,—„ответственный техник". В „технике", кроме ответственного „техника", имелись два-три постоянных помощника наборщика. Постоянные работники подпольной типографии старались никуда не выходить из помещения типографии, или выходили очень редко и с чрезвычайными предосторожностями, чтобы не привести за собою „хвост", т. е. шпиков, и этим не провалить одно из ответственнейших партийных

---

[7]) Об отсутствии постоянной квартиры для «техники» и о хранении типографии на разных квартирах, иногда по частям, иногда целиком, говорится в воспоминаниях нескольких товарищей. О том же пишут партработники того времени—С. М. Воронинский и А. Д. Кумошенский.

дел. Только „хозяин квартиры“—он же „ответственный техник“—и „хозяйка квартиры“ могли выходить с соблюдением всех необходимых предосторожностей: первый—для поддержания связи с представителем Комитета, уполномоченным для этих сношений, для получения оригиналов для печати и т. п.; вторая—на базар за продуктами.

В настоящее время не представляется возможным с точностью установить, где и кто делал для типографии рамку, валики и кассу. Что же касается шрифта, то он добывался, главным образом, из местных типографий через организованных рабочих-типографов, при чем заготовка этим путем шрифта началась еще задолго до устройства типографии.

Запасы шрифта были настолько значительны, что позволяли составлять небольшие типографии для уездных групп, напр., для Гусевской и Муромской.

В целях соблюдения конспирации, нужная для печатания бумага покупалась через разных товарищей небольшими партиями. Краску добывали тем же способом, что и шрифт.

Строгая конспирация в жизни работников „техники“ и во всей их работе обеспечила довольно продолжительное существование „техники“ Владимирской Окружной организации.

Местонахождение и помещение этой типографии, состав ее работников постоянных и приходящих—описаны товарищами. Эти описания следует дополнить лишь данными о финансовой обеспеченности „техники“ и о размерах и содержании ее изданий.

Из сохранившихся отчетных данных о финансовом положении Владимирской Окружной организации за время с 1-го сентября 1906 г. по 1-е апреля 1907 г. известно, что: а) с 1-го сентября по 1-е октября всех расходов было 56 р. 22 к.; б) в ноябре расходов было 53 р. 48 к; в) с 15 декабря по 15 января 1907 г. расходов было 139 р 80 к.; г) с 5-го марта по 1 е апреля расходов было 131 р. 73 коп.

По поводу этих расходов в сохранившихся за отмеченный отрезок времени документах говорится, что главной статьей этих расходов во всех отчетах являются расходы

на приобретение и рассылку партийной литературы и „технику". Точных цифр расходов на „технику" не указано.

В последующих отчетах Исполнит. Бюро Влад. Окруж. К-та РСДРП мы уже имеем точные цифры расходов на содержание „техники":

1. В отчете с 1-го апреля по 1 мая 1907 г. расход по рубрике „техника" значится — 50 р. 90 к. и на почтовые расходы и транспорт — 9 р. 70 к.

2. В отчете с 1 июня по 1 июля на содержание „техники" израсходовано 46 р. 80 к., на почтовые расходы и транспорт—10 р.

3. В этом же отчете за июнь имеется раздел — „бюджет на июль",—откуда мы узнаем, что на содержание „техники" назначается—70 р. и на почтовые расходы и транспорт—10 р.

4. В отчете за август 1907 г. расход на „технику" и содержание профессионала — 3 р. 75 к. и на гектограф—2 р. 5 к.

5. В отчете за сентябрь указано: „содержание профессионала и квартиры под „техникой"—26 р 27 к. Почтовые расходы и транспорт — 8 р. 43 коп.

6. В октябрьско-ноябрьском за 1907 г. отчете расходы на „технику" и на транспорт отсутствуют.

Эти отчетные данные указывают, в частности:

1) срок регулярных расходов на „технику", т. е. срок регулярной работы „техники";

2) насколько ничтожными средствами располагал Окружной Комитет на организацию и содержание „техники";

3) в каких трудных материальных условиях приходилось работать нашим нелегальным техникам-типографам, вынужденным, в целях конспирации, почти все время не покидать помещения типографии и могущим в любой момент из типографии переселиться в тюрьму, на поселение и даже в каторгу.

IX. Издания Владимирского Окружного Комитета.

В нашем распоряжении не имеется изданий Владимирской Окружной организации до ноября-декабря 1906 года.

Имеющиеся в нашем распоряжении издания Владимирского Окружного Комитета относятся к концу 1906 года

(примерно, ноябрь-декабрь) и до второй половины 1907 года, т.-е. за время регулярной работы типографии Окружного Комитета.

За это время типографией Комитета издавались: 1) прокламации, составленные местными литературными силами; 2) газетка Владимирской военной социал-демократической организации, под названием „Солдатский Путь"; 3) программа партии, и 4) сборник „Песни революции".

До нашего времени в разных архивах сохранились сведения о следующих печатных прокламациях Владимирской Окружной организации:

1. „*Товарищи Владимирские крестьяне!*

Вашими уполномоченными и выборщиками уже избраны представители крестьянства в Думе. Вы их мало знаете. Будут они защищать ваши интересы в Думе или, наоборот, примкнут там к врагам крестьянства—к помещикам и купцам. Допустим даже, что они будут стоять там на вашей стороне. Но кто из вас может поручиться, что они помнят — чего добиваются крестьяне, и хорошо знают крестьянские нужды? А потому, товарищи, собирайте сходы, обсуждайте ваши нужды, составляйте приговоры с твердыми наказами вашим представителям. Делайте это так, чтобы крепко выходило... Передавайте эти приговоры через ходоков своим представителям в Думе"...

Далее следует форма наказа.

Прокламация эта напечатана на газетной бумаге, в 1 столбец; размер набора—11,6 × 26,7 см.; шрифт—корпус (смешанный)—кегль № 10.

В конце прокламации подпись: „*Владимирское Организационное Бюро Р. С. Д. Р. П.*". Время выпуска этой прокламации не указано, но, судя по содержанию и подписи, это издание относится к первым числам ноября 1906 года, т.-е. к началу работы вновь оборудованной типографии, под руководством только что приехавших из Областного Бюро партпрофессионалов, создавших до конференции временный руководящий окружной работой орган, под названием „Владимирское Организационное Бюро Р. С. Д. Р. П.".

2. *„Монархия или демократическая республика?*

— *„Долой монархию!“ — с таким кличем идут социаль-демократы в рабочую и крестьянскую массу, с таким призывом обращаются они ко всему народу.* Что же такое наш монархический строй, с которым мы боремся?.. Власть царя—это власть помещиков, фабрикантов и др. угнетателей народных, их нельзя оторвать друг от друга; оставляя половину власти царю, мы оставляем ее всем врагам народным. Поэтому мы, социаль-демократы, обращаемся ко всему народу с кличем: „Долой монархию“.

Да здравствует демократическая Республика!“.

Подписано:

«Владимирский Окружной Комитет РСДРП.

Декабрь 1906 год».

Прокламация напечатана в типографии, на газетной бумаге, в 1 ст., шрифт—корпус (смешанный), кегль № 10; размер набора—18×31 см.

3. *„Пролетариат шел и идет во главе революции. Он первый начал освободительную борьбу и когда над страной загорелась алая заря свободы, он расталкивал и будил народные массы...* Он первый поднял знамя восстания против двух царей—капитала и произвола .. Неудачи вооруженной борьбы и окутавшая страну после разгона Думы реакция приостановила наступательные действия пролетариата... Надвигается гроза... Предприниматели сорганизовались в союзы и грозят локаутом. Уже фабриканты Лодзи и других городов Польши и Литвы выбросили на улицу десятки тысяч рабочих... Но мы, товарищи, дадим им отпор... Пусть грозят нам локаутом—встретим его в боевой готовности, об'единившись в профессиональные союзы. Открывайте по фабрикам профессиональные общества и сливайте их в один могучий союз, охватывающий весь район. Профессиональный союз — это панцырь, которым вы прикроете себя от ударов капитала .. Организуйтесь!

Помните, товарищи, что пролетариат Польши и Литвы ждет поддержки от своих русских товарищей, с которыми он в своей борьбе идет под одним знаменем международной

социал-демократии. Помогите жертвам Лодзинского локаута. Делайте сборы на фабриках.

Владимирский Окружной Комитет Р. С. Д. Р. П.

Типография Владимирского Окружного Комитета.

Март 1907 г.".

Прокламация напечатана в 1 столбец; шрифт—корпус (смешанный), кегль № 10; размер набора—12×18 см.

4. „*Мы, социал-демократы, перед тем как взойти на думскую трибуну, открыто заявили свое отношение к царской думе. Мы сказали, что она безвластна, ибо рядом с ней существует еще самодержавное правительство, попирающее закон и право, ненавидящее свободу и непримиримое с истинным народным представительством.* Мы сказали, что эта дума только тогда не будет разогнана, если она найдет возможность работать вместе с правительством военно-полевых судов и погромов, когда, следовательно, она предаст интересы народа. И наши товарищи пошли бороться за эти интересы, говорить перед страной о народных нуждах, открыто и смело защищать интересы пролетариата. Они не гнались за единством думы. Оно невозможно, ибо в думе, как в зеркале отразилась та классовая борьба, что кипит за стенами Таврического дворца; пусть смотрят на думу рабочие, они увидят, что пролетарское знамя в руках соц.-дем. фракции не склонилось перед черносотенным правительством и лицемерной буржуазией—кадетами. Пусть видят рабочие, крестьяне и все граждане России, что только один пролетариат твердо отстаивает общенародные требования"...

Прокламация кончается: „Вы не ошиблись, посылая их в думу, рабочие.

Вы, не колеблясь, можете поддержать их, крестьяне.

Вы должны краснеть за своих представителей — кадетов, граждане".

Исполнительное Бюро Влад. Окружн. Комитета Р. С. Д. Р. П.

Типография Владимирского Окружного Комитета.

Март 1907 г.

Прокламация напечатана в 1 столбец; шрифт — корпус (смешанный), кегль № 10; размер набора—12,4×24,7 см.

5. *„Долго грабило правительство народ, долго драло с него десять шкур для того, чтобы хватило денег на войну с народом, на содержание министров да чиновников, на подачки помещикам и капиталистам...*

Эту политику правительства разоблачили теперь перед всей страной социаль-демократы, когда поднялся в Государственной Думе вопрос о бюджете. Разоблачения эти были сделаны представителями пролетариата, когда министр финансов Коковцев от лица правительства внес на рассмотрение и утверждение Думы составленную на 1907 г. роспись государственных расходов, т.-е. предложил Думе быть свидетелем и участником нового народного ограбления в 1907 г.

Утвердить такую роспись — это значит благословить правительство на такой грабеж. Пусть делают это Платон и Евлогий и их „послушная паства"! Социаль-демократы сделать этого не могут! Они предложили Думе отказать правительству в утверждении бюджета, отказаться даже от его рассмотрения. Пусть бюджет будет принят без Думы, ибо правительству важно только прикрыть свой грабеж авторитетом Думы. Народные представители должны заявить прямо: „ни копейки денег правительству".

Прокламация кончается:

„Пусть народ еще раз увидит, кто является его истинным защитником, за кем он должен итти и кому должен отдать свою могучую поддержку".

Исполнительное Бюро Влад. Окружн. Комитета Р. С. Д. Р. П.

Типография Влад. Окружн. Комитета Р. С. Д. Р. П.

Апрель 1907 г.

Прокламация напечатана в 1 ст.; шрифт—корпус (смешанный), кегль № 10; размер набора—12 × 18 см.

6. *„Рождается новое солнце—погасим его! Растет новая сила—задушим ее!— вот что говорят капиталисты, видя, как растет сила и мощь рабочего класса.* Запрячем рабочих в душные фабрики и темные шахты, лишим их света и воздуха, сделаем их своими покорными рабами... но не всегда уже так уверены капиталисты... все меньше у них надежды на то, что им удастся сломить непокорную голову рабочего.

И эту мощь, эту силу пролетариата видят капиталисты. Особенно видят они ее в день 1-го мая, когда рабочий класс всех стран торжественно и радостно встречают свой светлый Пролетарский праздник.

Товарищи, не работайте первого мая!

Пусть 1 мая по всему миру пронесется наш могучий пролетарский клич:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Владимирский Окружн. Комитет Р. С. Д. Р. П.

Апрель 1907 г

Прокламация напечатана в 1 ст.; шрифт—корпус (смешанный), кегль № 10; размер набора—10 × 17,7 см.

7. *„Земля и воля"— вот народный клич, который пронесся по всей русской земле. „Земля и воля"—вот великие слова, которые об'единяют в тесный союз голодных крестьян и рабочих.*

Истинные друзья народа говорят: „только полная воля и передача всей земли без выкупа спасет нашу родину от полного разорения".

Правительство... сказало: „всякая собственность, в том числе и земельная, должна остаться неприкосновенной. Мы будем оберегать священную собственность всеми имеющимися у нас средствами, вплоть до пулеметов и военных экспедиций...

Разберемся, товарищи, кто может и хочет бороться за полную волю и всю землю... Вопрос о земле не решен еще в Думе, но и теперь каждый может сказать, как он будет решен...

Товарищи! Готовьтесь к великому народному делу. Готовьтесь покончить дело с преступным правительством. Будьте готовы встать на борьбу под красное знамя рабочей партии за землю и волю.

Да здравствует всенародная борьба!

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Да здравствует Соц.-Демократич. Рабочая Партия!

Владимирский Окружн. Комитет Р. С. Д. Р. П.

Апрель 1907 г.

Шрифт—корпус (смешанный), кегль № 10; размер набора—12 × 18 см.

При обыске у А. Скобенникова во Владимире 17(30) апреля 1907 года было найдено сто экземпляров этой прокламации. Прокламации были разделены на четыре пачки, при чем на одной пачке сделана карандашем надпись: „булочники 30“; на другой—„часовщики 20“; на третьей—„свечникам 20“ и на четвертой—„ж.-д. 30“. Отсюда видно, что прокламация только перед обыском была отпечатана и поступила к т. А. Скобенникову для распространения среди рабочих и ремесленников Владимира.

8. *„Царь голод покоряет своей властной рукой все большие владения. Он неумолим, беспощаден...* Стонет крестьянин: свой хлеб давно вышел, купить не на что... Ассигновала первая Дума 15 миллионов на помощь голодающим, да дала то их правительству, хотя и говорили истинные защитники народных интересов, что из этого проку не будет. Так и вышло: стали хозяйничать Гурки и другие воры, набили себе полные карманы...

...Опять заговорили представители народа в 2-й Думе о голоде. Социаль-демократы предлагали передать решение этого вопроса в руки самого народа. Но их предложение провалилось... И кадеты поддерживают правительство.

Не от думы ждать помощи. Вам надо добиваться, товарищи, того, чтобы вся власть перешла в руки народа. Надо организоваться для борьбы, и крестьянам надо итти нога в ногу с рабочими, надо быть их верным союзником в борьбе с общим врагом—правительством помещиков и капиталистов. Помните, что победить можно только вооруженным восстанием всего народа, что только Учредительное Собрание даст землю и волю!

Исполн. Бюро Влад. Окружного Комитета Р. С. Д. Р. П.

Типография Владимирского Окружного Комитета Рос. Соц. Дем. Раб. Партии.

Май 1927.

Напечатано в 1 ст.; шрифт—корпус (смешанный); бумага газетная; размер набора—29,7×8,1 см.

9. *„Без царя нет России, благо народа русского связано с безопасностью императора“.*

Кто же говорит это?.. Это не народ, это кучка прислужников правительства, это те, кому дорого не

благо России, а свои карманы, те, кого правительство благословило на грабеж и угнетение народа".

Прокламация направлена против нарушений правительством „прав народных представителей", против преследований депутатов соц-демократов, против обысков у них...

В конце прокламации говорится: „нет примирения между правительством и народом. Покажите правительству помещиков и капиталистов, что нельзя заставить замолчать весь народ, нельзя победить его, когда он сорганизовался для борьбы. Помните, что вы не должны отступать от требования Учредительного Собрания, которое может быть только после победы над старой властью.

Этой-же победы можно добиться вооруженным восстанием всего народа.

Организуйтесь товарищи!"

Исполнит. Бюро Владимирск. Окружн. Комитета Р. С. Д. Р. П.

Типография Владимирского Окружного Комитета Рос. Соц. Дем. Рабоч. Партии.

Май 1907.

Напечатано на газетной бумаге в 1 ст.; шрифт—корпус (смешан.), кегль № 10, размер набора—8,3×31,5 см.

При обыске в Гусю 29-го янв. (11 фев.) 1907 года у Гуганова эта провламация найдена в двадцати пяти экземплярах.

10. *Товарищи! Давно носились зловещие слухи, что Дума доживает последние дни.* В то самое время, когда по всей русской стране свирепствовали тиф и цынга,— в пышных царских хоромах подготовлялся заговор против народных избранников. В чем же провинились народные избранники перед царскими опричниками?.. Причина старая. Царь в своем манифесте пишет: ...значительная часть состава второй Думы не оправдала ожиданий наших. Какие же оправдались царевы ожидания? Народные представители от крестьян и рабочих требовали накормить хлебом безработных и голодных... требовали всей земли без выкупа; отказались дать денег правительству на казаков и стражников; требовали всей земли и полной воли и от этого... получилось царское прискорбие. И вот правительство решило обвинить рабочих депутатов в государственном заговоре, а Думу

разогнать. Разгоняя Думу, царь созывает третью Думу с новым избирательным законом, лишающим громадные массы крестьян и рабочих избирательных прав.

Царю с министрами нужна послушная Дума.

Товарищи! Впереди предстоит жестокая борьба с царским правительством. Товарищи! Готовьтесь к великому бою, старайтесь скрепить и удвоить свои ряды. Социал-Демократическая Рабочая Партия зовет вас под свое испытанное в бою красное знамя, на котором написано:

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Исполнит. Бюро Влад. Окружн. Комитета Р. С. Д. Р. П.

Бумага газетная, 1 столбец; шрифт—цицеро плотный, кегль № 12; размер набора—9×18 см.

11. *Надоело правительству слушать свободные речи, что неслись из стен думы; не понравилось ему, что дума не утвердила сразу бюджета, что большая часть народных представителей требовала конфискации всех земель, передачи в руки самого народа решения вопроса о голодающих и безработных;* не могло оно примириться с тем, что те, кто являлся истинными представителями народа, открыто разоблачали его преступления.

Прокламация разоблачает новый избирательный закон в третью Думу и заявляет: „Пролетариату нечего ждать от 3-й думы. Он борется за Учредительное Собрание, которое даст всю волю и землю народу и расчистит дорогу к социализму.

... Учредительное Собрание может быть добыто только вооруженным восстанием народа. И если пролетариат примет участие в выборах в третью думу, то только для того, чтобы с думской трибуны вести агитацию за подготовку к вооруженной борьбе.

Помните, товарищи, что в организации ваша сила! Организуйтесь!“

Испол. Бюро Влад. Окружн. Комитета Р. С. Д. Р. П.

Типография Влад. Окружн. Комитета Р. С. Д. Р. П.

Июль 1907 г.

Напечатана в 1 ст.; шрифт—корпус (смешанный), кегль № 10; размер набора—8,3×35 см.

12. *Граждане! Две думы позади нас. Два раза, на основе уродливого избирательного закона, царем изданного, посылал народ своих представителей в Петербург; два раза часть этих представителей пыталась помочь народу в его борьбе за лучшую жизнь, об'единить, сплотить народ для этой борьбы. Оба раза насильники, царем в министры поставленные, разгоняли Думу, отнимали у народа последние крохи прав, завоеванных было рабочим классом для всего народа в октябре-декабре 1905 г.*".

Указав в начале прокламации на „разгон" 1-й и 2-й Гос. Дум и упомянув о сенатских раз'яснениях, „посредством которых правительство отбросило от избирательных урн сотни тысяч крестьян и рабочих", в прокламации говорится о законе 31 июня: „но уже безмерно наглым является государственный переворот, произведенный царским правительством после разгона второй думы... И теперь открыто нарушило царское правительство избирательный закон, нарушило так, чтобы свести на нет число действительных представителей народа в Государственной Думе". Останавливаясь далее на современном положении, в прокламации, между прочим, говорится: „Никогда еще произвол и насилие не угнетали Россию так, как теперь; никогда еще кровавый туман преступной царской политики не окутывал Россию так, как теперь.

Во второй части прокламации указываются те задачи, которые ставит себе с.-демократия, идя в 3-ю Г. Д., а именно: „разоблачить перед народом преступную политику царского правительства и заодно с ним действующих черносотенцев и октябристов, разоблачать и трусливую кадетскую либеральную буржуазию, неспособную бороться за народные интересы"... а кроме того, „собирать, сплачивать в революционную армию народ и звать его на путь открытой, беспощадной борьбы с царской властью"...

Исполнительное Бюро Влад. Окружн. Комитета РСДРП.

Типография Владимир. Окружного к-та. Август 1907 г.

Напечатано в 1 ст.; шрифт—корпус (смешанный); бумага газетная; размер—31×8,4 см.

13. „*К рабочим и всем гражданам.*

Товарищи рабочие и все граждане! 22-го ноября началось заседание особого присутствия сената с участием сословных представителей для суда над С. Д. фракцией 2-й Г. Д. Правительство... отправляет их (депутатов) на долголетнюю каторгу за исполнение ими своего дола перед рабочим классом и перед народом, а Гурко, виновника голодания многих тысяч крестьян, растратившего миллионы народных денег, только к удалению со службы на 3 года. Итак, казнокрадам свобода, борцам за свободу народа—каторга...

Граждане! Сплотитесь теснее с рабочими!

Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует борьба! Да здравствует вождь рабочего класса—Р. С. Д. Р. П.“

Тип. В. О. О. Р. С. Д. Р. П.

Прокламация напечатана на писчей бумаге, в 1 столбец; шрифт—цицеро плотный, кегль № 12; размер набора—20×32,2 см.

Все эти тринадцать прокламаций, изданных за время с ноября 1906 года по ноябрь 1907 года, имеют девизы партии: „Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия“ и „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“ и кончаются указанием, что напечатано в типографии Влад. Окружн. К-та. В конце большинства прокламаций указан месяц выпуска издания; в других этих дат нет и время их появления приходится определять по смыслу прокламации.

Архивы не сохранили нам подлинных экземпляров других изданий типографии Влад. Окружн. К-та, но в разных местах есть указания о том, что кроме перечисленных прокламаций издавались еще и другие издания, о чем можно судить, хотя бы, по следующим данным:

1. Газета „Солдатский Путь“ — орган Владимирской Военной организации РСДРП.

2. В сентябре 1907 года при обыске у Алексеева и Юхлова во Владимире найдено: „Песни Революции“, издания Владимирского Окружного Комитета Р. С. Д. Р. П., где помещены стихотворения: „Крестьянская Марсельеза“, „Похоронный марш“, „Варшавянка“ и др. Экземпляр „Песни

Революции"—издания Влад. Окружн. Комитета—был найден также при обыске у Стрельцова в Гусю 29/I-1908 года.

3. При обыске у Шаталова во Владимире, в марте 1907 года, была найдена прокламация Владимирск. Окружного К-та РСДРП, начинающаяся словами: „Товарищи железнодорожники". Последним предлагается на выборах в Государственную Думу голосовать за социал-демократов, которые пойдут в Думу для того, чтобы „встать на ее трибуну и кричать с нее, призывая народ к вооруженной борьбе за Учредительное Собрание".

4. 25-го марта (7 апр.) 1907 года при обыске в гор. Суздале у ветеринарного врача Рыболовского была найдена прокламация Влад. Окружн. К-та РСДРП, от декабря 1906 г., в которой гражданам предлагается при выборах в Государственную Думу подавать голоса за социал-демократов и в которой, между прочим, говорится: „и пусть ваши выборные помнят, что не за горами тот день, когда чаша народного терпения переполнится и рабочему люду с оружием в руках придется самому добывать себе и новый справедливый порядок, и волю и землю".

В сохранившихся и описанных выше прокламациях нет подобного текста, что заставляет думать, что в этом случае мы имеем дело с изданной прокламацией, но до нас не дошедшей, не сохранившейся.

4. „Наказ Исполнительного Бюро Владимирского Окружного Комитета", экземпляр которого был найден при обыске в Суздале у Скобенниковой 24 марта (6 апреля) 1907 г. В „Наказе" предлагается заявлять, что Дума „не может считаться действительным народным представительством", что „только Учредительное Собрание может удовлетворить нужды народа" и что рабочие депутаты должны сказать в Думе, что „свобода народа возможна только при демократической республике". Такой наказ должны дать рабочие заводов своим уполномоченным для избрания выборщиков в Государственную Думу.

Помимо типографских изданий, были еще гектографированные. На гектографе регулярно издавались денежные отчеты Влад. Окружн. К-та. Эти отчеты издавались почти из месяца в месяц, начиная с отчета Владимирской Окружной

Солдатскій путь. Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія

Орган Владимір. Воен. Организации Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Іюль 1907

Заголовок газеты «Солдатский путь», издававшийся Военной организацией Владимирского Окружного Комитета РСДРП.

Заголовок восстановлен по сохранившемуся в делах жанд. управления оттиску шрифта, найденного 14 (27) апреля 1908 г. мальчиками Осиповыми и Лабутиным на окраине г. Владимира.

организации за ноябрь 1906 года и кончая „денежным отчетом Секретариата В. О. О. за октябрь и ноябрь месяцы 1907 года“.

Кроме того, на гектографе же печатался несколько раз „Организационный устав В. О. О.“ (Владимирской Окружной организации)

X. Тираж и район распространения изданий Владимирского Окружного Комитета.

Прямых указаний о тираже изданных прокламаций не имеется, но по некоторым сведениям можно судить, что каждая прокламация издавалась не в одной тысяче экземпляров. Доказательством основательности этого предположения служит один полицейский рапорт, составленный во Владимире 11 (24) июня 1907 года [8]).

Из этого протокола можно понять следующее: кому-то из партийцев поручено было отправить, очевидно, в Гусев-

---

[8]) Секретно.

Г. и. об. Владимирского Полициймейстера.

РАПОРТ.

В ночь на сие число младшим городовым вверенной мне части Ермолаем Никитиным, находившимся на станции «Владимир», Владимирско-Рязанской узко-колейной железной дороги, вскоре по приходе поезда с Нижегородского вокзала, было замечено, что из положенных неизвестно кем на скамейку в зале 3-го класса двух тюков выпали какие то печатные бумаги.

Подойдя ближе, городовой Никитин, убедившись в том, что упавшие на пол бумаги преступного содержания и желая обнаружить владельца их—спрятался в другую комнату и стал наблюдать за приходом того лица, которое их оставило, но таковое не явилось. О происшедшем городовым Никитиным было немедленно сообщено станционному жандармскому унтер-офицеру Митрохину, который, желая также обнаружить владельца оставленных на скамейке двух тюков, отправился осмотреть весь состав пассажирского поезда, но среди пассажиров никого подозрительного не заметил. Оба тюка были доставлены в часть и при осмотре их оказалось, что они были в плотной бумажной упаковке и состояли из:

1) 280 отдельных листов, на которых было отпечатано в три столбца одно и тоже содержание, начинающееся словами:

свой район, „транспорт“ нелегальщины. Что-то помешало транспортеру выполнить столь ответственное и рискованное поручение и он оставил тюк с литературой на перроне вокзала на скамейке. Городовой подобрал „бесхозяйный“ груз и передал его по начальству.

Отсюда можно заключить, что ежели для одного Гусевского района предназначалось 840 экземпляров прокламаций одного содержания, то для всех уездов это количество надо было умножить в несколько раз.

Этот же случай с провалом транспорта литературы говорит и о том, с какой внимательностью и предусмотрительностью надо было ставить транспортировку литературы, чтоб не работать на полицию и жандармов.

И надо признать, что в условиях Владимирской Окружной организации такой большой провал литературы был, повидимому, единственным. В остальных случаях прокламации доходили до своего потребителя—на завод, фабрику, в мастерские, в деревню.

«пролетарии всех стран, соединяйтесь»! за подписью «Бюро Влад. Окружн. Комитета Р. С.-Д. Р. П.», из чего вполне ясно видно, что каждый лист в отдельности подлежал разрезу на три части, после чего бы получилось 840 экз. одинакового содержания прокламаций;

2) 2 экз. денежной отчетности исполнительного бюро Владимирского Окружного Комитета Российской социал-демократической рабочей партии с 1-го мая по 1-е июня; при чем на них имеется печать названной партии;

3) 8 экз. от 27-го мая 1907 года, за № 1, журнала «Фабричный»;

4) 1 экз. брошюры «Первая конференция профессиональных союзов рабочих по обработке волокнистых веществ Московского промышленного района»;

5) 2 экз. журнала от 30 мая 1907 г. № 5 «Профессионал»;

6) 3 экз. приложения к № 3—4 журнала «Профессионал»,

и 7) 495 экз. прокламаций, начинающихся словами «Монархия или Демократическая Республика» за подписью «Влад. Окруж. Ком. Р. С.-Д. Р. П.—декабрь, 1906 г.», о чем с представлением вышепоименованных предметов в количестве 1351 экз. доношу Вашему Высокородию.

Пристав 1 части Губ. гор. Владимира *В. Бойчевский*

11 июня 1907 г.

Протоколы обысков и находок прокламаций одного и того же содержания свидетельствуют, что каждая прокламация доходила до самых отдаленных углов.

Приведем на выдержку некоторые из этих данных. Напр., провалившаяся на Тумском вокзале в количестве 495 экз. *прокламация „Монархия или республика“*, изданная в декабре 1906 г., была найдена: а) крестьянином Петрушиным 15 (28) января 1907 года в с. Великове, Ковровского уезда, в четырех экз. и передана приставу; б) 16 (29) января 1907 года городовым в гор. Владимире,—на Царицинской улице, в 2-х экземпл.; в) 5 (18) марта 1907 года — в с. Севастлейке, Липинской волости, Муромского уезда. мальчиком поднята около винной лавки в числе 5 экз.; г) в июне в с. Черкутино, Владимирского уезда, в чайной на столе найден один экз.; д) 21 июня (4 июля) в г. Судогде в кв. гр. Жукова во время обыска прокламация найдена в одном экз.

Прокламация „Товарищи Владимирские крестьяне! Вашими уполномоченными и выборщиками уже избраны представители крестьянства в Думе“—найдена крестьянином 15 (28) марта 1907 г. в Малышевской волости, Ковровского уезда, в двух экз.

Прокламация „Пролетариат шел и идет во главе революции“, изданная в марте 1907 г., найдена: а) 7 (20) апреля старостой дер. Крестниково, Ковровского у., на линии жел. д. и передана уряднику в одном экземпляре; б) 13 (26) марта—в Малышевской вол., того же уезда; в) 29 апреля (12 мая) — в Гусе-Хрустальном, на дороге, жандармским унтер-офицером; г) в начале августа 1907 г.— городовым в г. Судогде, на стекло-заводе Торг. Дома Е. Голубев с С-мн.

Прокламация „Мы, социал-демократы, перед тем как взойти на Думскую трибуну, открыто заявим свое отношение к царской Думе“, изданная в марте 1907 г., найдена 26-го апр. (9 мая) 1907 г. в с. Федотове, Давыдовской волости, Меленковского у., наклеенной на телеграфном столбе.

Того же числа, в той же Давыдовской вол., в с. Вешки, на телеграфном столбе наклеена другая прокламация—„Долго грабило правительство народ“, изд. в апреле 1907 г.

Прокламация „Рождается новое солнце“, изд. в апреле 1907 г., найдена: а) 25-го апр. (8 мая) 1907 г. в Гусе-Хрустальном на дороге конным раз'ездом, в количестве 50 экз., при чем прокламации уничтожены на месте, за исключением 2-х штук; б) в том же Гусе 29-го апреля (12 мая) на дороге найдена такая же прокламация жандармом; в) 5 (18) мая в гор. Меленках на дороге—три экз.

Прокламация „Земля и воля“, изд. в апреле, найдена: а) 26 апр. (9 мая) в с. Федотове, Давыдовской вол., Меленковского у., наклеенной на телеграфном столбе; б) 7 (20) мая 1907 г.—крестьянином в д. Авдотьиной, Всегодической вол., Ковровского уезда; в) в Гусе-Хрустальном, на дороге, 29 апр. (12 мая)—жандармом.

Прокламация „Без царя нет России“, изд. в мае 1907 г., найдена: а) в мае, в Судогде, чиновником Тренным, наклеенной на заборе возле его квартиры; б) 20 мая (2 июня) в г. Владимире, на 2-ой Никольской ул., помощником пристава, 9 экз; в) г. Судогде 1 (14) июня был задержан нищий—крестьянин Л. Патокин, у которого при обыске была найдена такая же прокламация; г) 2) 15) июня на Сеноборском стекло-заводе б. Борисовых, Судогодск. у., у кр-на с. Заколпья из Меленковского уезда А. С. Янина—при обыске 22 экз.; А. С. Янин заключен в тюрьму; д) 3 (16) июня в д. Ларинной, Моругинской вол., Судогодского уезда, у кр-на А. К. Зотова при обыске найдено 5 экз.; Зотов задержан при полиции; е) 19 июня (2 июля) в Коврове урядником на улице—два экз.; ж) 22 июля (4 авг.) 1907 г. в с. Ундол, Владим. у., урядником найдено 4 экз.

Также и с другими прокламациями, которые распространялись по предприятиям и деревням Владимирского, Ковровского, Вязниковского, Муромского, Меленковского, Суздальского и Судогодского уездов.

Типография Владимирского Окружн. К-та, несмотря на энергичные поиски ее жандармами, не была открыта

и кончила свое существование за полным отсутствием возможности у организации содержать типографию и даже хранить ее.

„14 (27) апреля 1908 г. мальчиками Осиповыми и Лабушиным найдено: сверток, в котором, между прочим, оказался набор заголовка: „Солдатский Путь". Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Орган Владимирской Военной организации. Российской С. Д. Р. П. Июль 1907 года (Обвинит. акт по „делу Влад. Окр. Орг.").

Из показаний этих мальчиков известно, что 14 (27) апреля 1908 года на окраине г. Владимира они нашли сверток, в котором оказались типографские принадлежности:

1) около 20 фунтов шрифта разных сортов; 2) около 5 фунтов квадратов (пробелов); 3) связанные бичевой разные буквы; 4) приведенный выше набор заголовка и 5) около трех фунтов гектографской массы.

Прокламация, появившаяся в ноябре по поводу суда над социал-демократической фракцией второй государственной Думы, повидимому, была последней, которую издал Владимирский Окружной Комитет в своей типографии.

XI. „Техника" уездных организаций, входивших во Владимирскую Окружку.

Каждая группа (уездный—районный комитет) в период—начиная с конца 1905 г. по конец 1907 года—всячески стремилась обзавестись „техникой". Некоторые из групп пытались ставить даже типографии. Такие попытки были сделаны во Владимире, Суздале, Муроме, Гусе-Хрустальном. В то же время все эти группы, равно как и некоторые другие (Ковровская, Вязниковская), имели гектографы, на которых печатались не только финансовые отчеты, обращения, прокламации, но и целые журналы (Муром).

Об устройстве типографий в уездах, кроме того, что сказано уже в приведенных воспоминаниях товарищей, известно следующее.

Владимир. Владимирская городская организация РСДРП, по времени своего возникновения являясь одной из старейших не только во всей Владимирской Окружке, но и

в губернии, на всем протяжении своего нелегального существования располагала средствами печатания, главным образом, гектографом, а иногда шапирографом.

Владимирская группа, как известно из воспоминаний т-щей, пыталась в разное время поставить даже типографию. Правда, эти попытки не удавалось довести до конца.

Известно, что Владимирская группа неоднократно печатала на гектографе различные прокламации и обращения. Однако, до нашего времени почти не сохранилось изданий Владимирской организации, если не считать гектографированного „Устава Владимирской группы РСДРП", отобранного при обыске у А. И. Скобенникова в 17 экземплярах, при чем, у него же при обыске 17-го апреля 1907 г. был найден „бывший в употреблении гектограф".

Об изданиях *Муромской группы* имеются некоторые сведения в Муромском сборнике „Двадцать лет рабочей организации" (ГИЗ, 1923 г.). Но, к сожалению, там приведены лишь названия или заголовки, без текста, прокламаций и без указания—когда издано и точно ли издано Муромской группой РСДРП. Однако, хорошо известно, что Муромская группа, кроме прокламаций, издавала в 1907 г на гектографе журнал „Отклики", которого вышло 3 номера. Содержание № 1 „Откликов" напечатано в упомянутом Муромском сборнике. О содержании второго номера известно из дела о тов. Кудряшеве, арестованном в сентябре 1907 г.

При обыске 9 (22) сент. 1907 г. в Муроме у Кудряшева найден № 2 гектографированного журнала „Отклики", органа Муромской и Кулебакской организаций РСДРП (в пяти экземплярах), который заключает в себе несколько статей, из которых в передовой статье рабочим предлагается на выборах в Государственную Думу подавать голоса за социал-демократов, при чем автор советует самые выборы превратить „в сплошной и могучий всенародный протест против шайки грабителей и насильников, терзающих Россию".

О „технике" *Ковровской* и *Меленковской* групп нам не удалось собрать каких либо печатных (хотя бы гектографированных) памятников и доказательств.

От *Вязниковской* группы сохранилось две гектографированные прокламации, одна из которых помещена в этом сборнике.

Суздаль. Устройство нелегальной типографии Суздальской группой относится к концу первой половины 1906 г. Организатор Суздальской с.-д. группы, Ив. Мих. Херасков, привлек к первоначальному устройству „техники“ ученика Московского Строгановского художественно-промышленного училища П. Е. Наумова, который в своих воспоминаниях так рассказывает о начале работ по устройству „техники“:

„Херасков жил где-то в бывших архиерейских покоях. Во время одной из бесед он сказал, что имеет одно поручение, что ему необходимо наладить „технику“, что „техника“— это подпольная типография и что он имеет поручение ее организовать, а мне предлагает заняться этим делом... Он кратко мне пояснил, что „технику“ организую и веду только я, что он о ней ничего не знает и в случае чего он не знает меня, а я не знаю его. Помощников подбираю я, отвечаю за все я. После этого он дал мне ряд технических указаний о том, как должен быть сконструирован типографский станок и на прощанье заявил, что материал для печатания я буду получать только от него.

Придя домой, я сейчас же занялся расчетами и вычислениями.

В 2-3 вечера мне удалось покончить как с расчетами, так и с чертежом проектируемой „техники“. Надо было приступать ко второй части задания: смастерить самую машину, но с этой частью работы я лично справиться не мог. Надо было привлечь к работе другое лицо. Этим лицом был Павел (ни отчества, ни фамилии теперь не помню)—столяр, лет 30-35, почти круглый год работавший у того же купца Я. П. Агапова, у которого я в то время имел урок. Павел был хорошим мастером, изготовляя для Агапова—ярого пчеловода—ульи самых разнообразных систем. После некоторых с моей стороны убеждений и доказательств, Павел согласился. Дня через 2 3 был выточен им вполне удачно вал. В дальнейшем, по ночам, уже сообща, мы доделывали свою „технику“. Надо было на обоих концах вала и по двум боковым граням ходившей под ним рамы, выдолбить гнезда, а на валу

дополнительно забить в эти гнезда зубцы. Работа очень тонкая, требовавшая большой точности и четкости в выполнении. Наконец, была осилена и эта часть работы; „техника“ собрана и все ее части работали как следует.

Оставалось выполнить последнюю часть задания—достать шрифт. Но выполнить эту последнюю часть оказалось труднее всего.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия
Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Реакция дикой свирепой поборник,
Давя пролетарий народ,
В овчинном тулупе на улицы дворник
Сидит у закрытых ворот

И считает ему, что при сей оборона,
Неладный, но грозный на вид,
Такой же, как он, на наследственном трона
Безграмотный дворник сидит

На 1е Мая
Р.С.Р.П.

Гектографированная прокламация Вязниковской группы РСДРП, выпущенная на 1 мая 1906 г.

(Уменьшено в 2 раза).

После целого ряда попыток, я убедился, что достать шрифта я не смогу.

Но тут на выручку пришел тот же Павел. Он предложил втянуть в „наше“ дело третье лицо и сообщил, что у него есть типографщик, его хороший знакомый. Этот рабочий работал наборщиком в местной суздальской типографии. По сделанному им (наборщиком) чертежу, Павел занялся изготовлением кассы, а тем временем наборщик постепенно по вечерам приносил в карманах шрифт и сдавал его Павлу на его квартире. Наконец, недели через 3-4 после получения мною задания от Н. М. Хераскова, „техника“ была готова и первый оттиск—„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“—был отнесен мною к Н. М. Хераскову. Сейчас же он передал

мне гектографированный оттиск „Выборгского воззвания“ и предложил как можно скорее отпечатать его в нескольких сотнях экземпляров.

Это и была первая работа, порученная „технике“ Суздальской организации и выполненная ею летом 1906 года.

Теперь несколько слов о том, как выполнялась наша работа. Типография помещена была нами в подвале дома Я. И. Агапова, там, где зимой у него был омшаник (помещение для ульев). Павел, как рабочий Агапова, в определенные дни оставался ночевать в мастерской и это ни в ком не вызывало подозрений, а в ночь, когда окончательно темнело, через сад пробирался и встречался с Павлом наборщик и проводился в подвал. Я же оставался с семьей Агапова до тех пор, пока та не укладывалась спать, а потом тоже пробирался в подвал. За несколько часов ночной работы нами выпускалось до 300-400 оттисков прокламаций, которые частью отвозились в Келлерово (Кольчугино) и Юрьев, частью распространялись на месте.

В дальнейшем история Суздальской типографии была такова: при моем участии, пока я оставался в Суздале (до конца августа—начала сентября 1906 г.), нами было отпечатано несколько прокламаций, получавшихся от И. М. Хераскова. Из них, кроме „Выборгского воззвания“, были прокламации на темы: „не давать рекрутов“, „не платить налогов“ и т. д. При моем от'езде „техника“ передана была лично мною в несколько приемов Хераскову. В одно из моих посещений Хераскова в Москве, где он жил в самом конце 1906 или начале 1907 г. он меня предупредил: будте осторожнее, типография провалилась, а через несколько дней добавил, что Зыкова арестована, но мне заходите осторожнее. Еще через некоторое время я узнал, что арестован и И. М. Хераскова.

Вот все, что мне известно о работе „техники“ Суздальской организации.

Что касается вопроса финансирования нашей типографии, то часть денег на ее содержание затрачивал я из заработка, который получался мною за урок, часть передавалась мне Херасковым из источника, который мне

не известен. Но вообще-то типография, как мне помнится, стоила не свыше 20-30 руб. в месяц.

Был один момент, когда у Суздальской организации вообще не было средств и тогда общим решением группы было решено прибегнуть к пожертвованиям со стороны членов группы и, в частности, мною был передан А. П. Скобенникову полевой бинокль, который и был разыгран в лотерею рублей за 15—20".

Ю. П. Скобенникова, участница процесса по делу „Владимирской Окружной организации", ознакомившись с воспоминаниями П. Е. Наумова, вспоминает следующие подробности работы Суздальской типографии, очевидно, после от'езда в Москву П. Е. Наумова и П. М. Хераскова.

„Я не знала кому принадлежала инициатива организации типографии при Суздальской группе и под чьим руководством она изготовлялась.

Осенью 1906 г., перед рекрутским набором, когда нам пришлось составлять прокламации, то уже ни Ив. Мих. Хераскова, ни Наумова здесь не было, а типография, очевидно, была в ведении Ст. Ив. Назарова, т. к. он на одном из собраний заявил: „станок готов, можно приступать к работе". С этого времени я и считала основание „техники". О летней работе я не знала, хотя розыгрыш бинокля хорошо помню. Очевидно, так и было, как пишет Наумов, т. к. это был секрет его и П. М. Хераскова, о котором мы могли и не знать ради конспирации. Описание станка подходит к моим воспоминаниям, вот только не помню кассы букв, потому что мне приходилось набирать не раз с Рыболовским и Ноаровым, и шрифт они приносили в карманах. Работа у нас шла только своими силами. Рабочий Павел (о котором я помнила, как о слесаре, Наумов—как о маляре и столяре), конечно, одно и то же лицо. По наведенным мною справкам, он оказался гр-ном с. Троица-Берег, Суздальской вол., Павлом Яковлевичем Дуниным; говорят, что он был способный парень и все эти специальности совмещал; но, к сожалению, он уже умер и через него нельзя восстановить историю станка Суздальской группы.

Собственной квартиры для печатания не было, набирали не один раз в бане бывш. женского приюта, в быв.

духовном училище, в квартире И. Я. Поарова и в квартире рабочего Павла Яков. Дунина. Печатание не один раз также было в том самом помещении Я. И. Агапова, которое описывает Паумов и которое я по неведению, что это есть пчельник, называла дровяником. Зимою станок почему-то перекочевал в квартиру Павла, в захолустье Покровской улицы, близ монастыря. Одно время он был поставлен в сарае крестьянина (по слухам, Сальникова, имя его мне неизвестно) в сел. Михайловой Стороне. В самое же последнее время он был зарыт в саду женского приюта.

При обыске у Невской станок обнаружен не был. „Технику" ликвидировали после нашего ареста. Одна из моих сестер и Кусков, отрыв станок, переправили его во двор квартиры Кускова и затем, кажется, уничтожили. Часть шрифта была у меня, часть у Рыболовского в амбулатории (он был ветеринар), в банках под лекарством; шрифт при обыске обнаружен не был, впоследствии он был из'ят и зарыт где-то. А. А. Невская не отделалась бы так дешево от военно-окружного суда (ее оправдали), если бы у нее обнаружили станок. Вот и все, что я могу сказать (14/IV-27 г. гор. Суздаль)".

О размерах и характере издательской работы Суздальской группы РСДРП сохранились отрывочные и скудные сведения в обвинительном акте по делу „Владимирской Окружной организации РСДРП". Там сообщается, что в квартире учительницы Юлии Скобенниковой было найдено при обыске в ночь на 25 марта (7 апр.) 1907 г.:

1. Рукопись, представляющая ответы на опросный лист от Суздальской группы Владимирской Окружной организации. В ответах сообщается: 1) что местная интеллигентская социал-демократическая организация состоит из 17 человек; 2) что этой организацией распространено 500 экземпляров „Выборгского воззвания", 1500 экземпляров прокламаций „К крестьянам по поводу роспуска Государственной Думы", 800 экземпляров „Манифеста к крестьянству" и 1000 прокламаций о неплатеже податей; 3) что организация работает среди крестьян и нижних чинов.

2. Образчик для составления крестьянами приговоров по поводу роспуска Государственной Думы первого созыва.

В приговоре говорится, что после роспуска Думы крестьяне уже более „не верят правительству и отказываются платить подати и поставлять рекрутов“.

3. „Прокламация под заглавием „Крестьянская памятка“, издания группы Владимирской Окружной организации. Прокламация эта призывает крестьян к вооруженному восстанию.

4. „Прокламация под заглавием: „К солдатам и новобранцам“, издания группы Владимирской Окружной организации. В этой прокламации войска призываются к вооруженному восстанию против правительства.

5. „Пять гектографированных листков под заглавием: „Письмо к сельской интеллигенции“.

„По заключению экспертов, некоторые из печатных прокламаций, а именно: „К солдатам“, „Крестьянская памятка“ и проч., могли быть напечатаны тем шрифтом, часть букв которого была найдена на чердаке в доме Вихревского приюта“.

Что выяснилось на суде по делу Влад. Окр. орг. о Суздальской типографии?

„По показанию Суздальского исправника Вевера, полиции было известно, что в г. Суздале существует кружок политически неблагонадежных лиц, состоящий, по преимуществу, из учительского персонала народных школ. Полиция имела основание подозревать, что кружок имеет типографию, принадлежности которой летом 1906 г. были привезены в г. Суздаль со станции Боголюбово. Но все попытки проверить эти подозрения оказались тщетными. Осенью 1906 г. во время рекрутского набора в г. Суздале в большом количестве разбрасывались прокламации, отличительною чертою которых было то, что никакого штемпеля они не имели и были очень плохо отпечатаны. Из числа лиц, принадлежащих к кружку, в марте 1907 года были арестованы: учительница 2-го начального училища Юлия Ивановна Скобенникова, вет. врач Суздальского уездного земства Владимир Рыболовский и надзирательница Вихревского женского приюта Александра Александровна Невская. Арестование этих лиц состоялось по следующему поводу. Как то в марте месяце местный уездный предводитель дворянства Рогозин сообщил

ему, свидетелю, что, по заявлению кухарки приюта Белолаповой, в бане приюта, на чердаке, хранятся типографские принадлежности. В виду заявления Белолаповой, полициею и чинами корпуса жандармов одновременно были произведены обыски у Невской, Скобенниковой, Порданской и Рыболовского. В квартире Невской ничего уличающего обнаружено не было, но на чердаке бани приюта, в земле, насыпанной на накат, найдено было 36 пластинок типографского шрифта. Эти пластинки были, повидимому, нечаянно рассыпаны между печной трубой и краем сруба бани".

Мещанка Белолапова, проживавшая в Вихревском приюте в качестве кухарки, показала, что „в начале ноября 1906 г. прибежала к ней, Белолаповой, другая прислуга—Мочалова и стала звать ее с собой для того, чтобы показать то, что она нашла на чердаке бани. Когда она, Белолапова, и Мочалова влезли на чердак, то увидели там какую то тяжелую доску и около нее какой то очень тяжелый предмет, описать который она затрудняется. Ей показалось, что предмет этот имел сверху много трубочек. Около упомянутого предмета валялось много пустых мешочков. Здесь же была обыкновенная лампа и три или четыре бутылки, в которых никакой жидкости не было, но от которых пахло керосином. Когда Мочалова подняла доску, то из последней посыпались какие то металлические крючки. О найденных на чердаке предметах Мочалова впоследствии сообщила Невской. Когда затем, в двадцатых числах ноября, она, Белолапова, и Мочалова полезли на чердак, то бывших там раньше предметов уже не оказалось. Мочалова нашла только на земле несколько крючков; приблизительно, в это же время лампу, бывшую раньше на чердаке, Мочалова нашла под полом в бане".

„Крестьянка Мочалова, подтвердив показание Белолаповой... добавила, что она не помнит, чтобы на чердаке около доски стоял еще какой нибудь тяжелый предмет. На другой день после того, как она, Мочалова, и Белолапова были на чердаке, Невская спросила ее, кто переставил лестницу от колодезя к бане. Тогда она, Мочалова, об'яснила Невской, почему лестница была переставлена".

Из приведенных документов видно, в частности, что и на этот раз полиция и жандармы не могли добраться до нелегальной типографии. Узнав от Мочаловой в двадцатых числах ноября (1906 года), что типография открыта, А. А. Невская и др. товарищи скрыли типографию в другое более надежное место и поэтому исправнику ничего другого не пришлось сказать, как: „прокламации никакого штемпеля не имели и были очень плохо отпечатаны“.

Где хранилась типография и какова вообще последующая судьба этой типографии,—выше сообщила Ю. П. Скобенникова.

XII. Гусевская группа РСДРП.

Наиболее энергично издательской работой занималась Гусевская группа, о „технике“ которой известно, что до второй половины 1907 года эта организация располагала лишь гектографами и лишь со второй половины 1907 г. поставила небольшую типографию, шрифт для которой она получила из запасов типографии Владимирского Окружного К-та летом 1907 года. Шрифт отправлял Ф. А. Благонравов с Лапшиным через магазин А. Ф. Петровского (близ 2-й части), где служил Шитов. Гусевцы и получили, примерно, двухпудовую посылку со шрифтом.

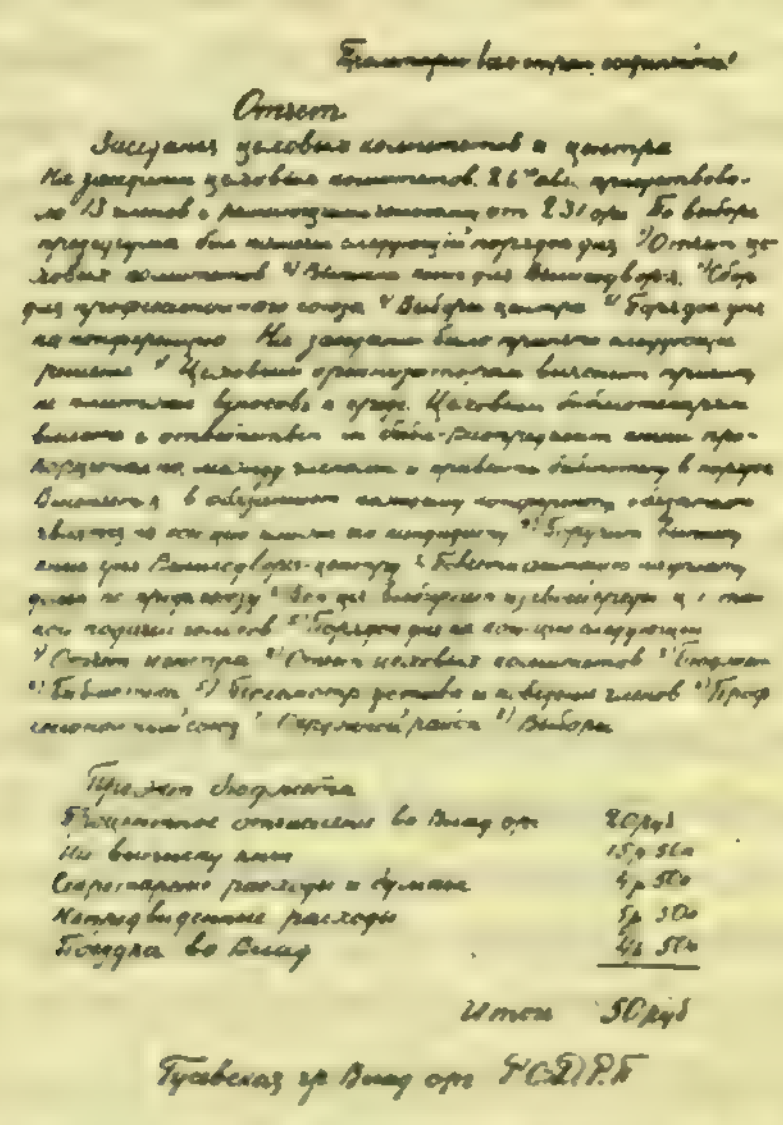
Кроме того, гусевцы где-то самостоятельно добывали шрифт, в том числе, как будто, из имеющейся в Гусю фабричной небольшой типографийки.

Гусевская типография в развернутом виде просуществовала очень недолгое время. Обыски, аресты и усиление охранного надзора заставили не только свернуть типографию, но даже и зарыть ее, что и было сделано ответственным техником гусевской группы покойным ныне тов. Смольновым.

К настоящему времени сохранились лишь два печатных памятника от нелегальной типографии с.-д. Гусевской организации: 1) Устав Гусевской Окружной организации Р. С.-Д. Р. П. и 2) прокламация, обращенная к Гусевским рабочим, по поводу порядков на Гусевской фабрике, заведенных директором Дубасовым („Товарищи гусевские рабочие! Произвол, который царит“... кстати сказать, эта

прокламация по конспиративным соображениям подписана: В. О. О. Р. С.-Д. Р. П.[9]).

Однако, Гусевская группа чрезвычайно широко пользовалась печатанием на гектографе. Три неразлучных в то время друга — Алексей Александрович Смольнов, А. Горбэв и М. Ф. Шилин—работавшие в „технике“ Гусевской группы,



Гектографированный отчет Гусевской Группы РСДРП о заседании цеховых комитетов и центра, происходившем 26-го августа 1907 г.

(Уменьшено в 4 раза).

работали чрезвычайно усердно, выпуская финансовые отчеты группы, отчеты Влад. Окр. организации, обращения к рабочим, информационные отчеты о наиболее важных событиях внутрипартийной жизни Гусевской организации и т. п.

До настоящего времени сохранились упоминания и следы о следующих гектографированных изданиях Гусевской группы РСДРП, относящихся к 1907 г.

---

[9]) Текст прокламации приводится среди прокламаций Влад. Окружного Комитета РСДРП.

1. „Отчет местной группы РСДРП с 5 марта по 5 апреля с. г.“ отпечатан на 1/2 листа писчей бумаги. Содержание отчета следующее:

ПРИХОД	Сумма Руб.	К.	РАСХОД	Сумма Руб.	К.
Поступило от февраля..	—	21	За книги и пересылку..	31	80
Взято взаимообр. из б-ки С-ня на 2 месяца.....	15	—	Проц. в пользу В. Н. Б..	10	50
Постун. через т. „Глика“	8	25	Поездка на 5-й с'езд Б. и М.....	2	75
„ „ „ М. р...	5	70	Поездка т. Певчего.....	5	98
„ „ „ Мишку	4	—	Содержание т. Бориса..	2	81
„ „ „ О.....	3	30	„ „ Максима.	3	5
„ „ „ К. с...	3	30	Секретные расходы.....	—	86
„ „ „ Р. с. ..	2	97		57	75
„ „ „ Н.	2	70	Остаток на апрель	9	88
„ „ „ Э. с....	4	20			
„ „ „ К. л. .	2	40			
„ „ „ Дунаева	2	38			
„ „ „ Нэмир.	2	10			
„ „ „ О. В...	1	50			
„ „ „ К. М...	1	15			
„ „ „ Г. А...	1	5			
„ „ „ Рабоч.	—	85			
„ „ „ А. Ив..	—	80			
„ „ „ Ч. А...	—	75			
„ „ „ Б. Ив..	—	60			
„ „ „ Д. Е...	—	90			
Из разн. источников....	3	—			
Итого.....	67	63	Итого.....	67	63

Секретарь и кассир „*Глико*“.

2. „Отчет местной группы РСДРП с 5-го апреля по 5 мая с. г.“, отпечатанный на 1/2 листа писчей бумаги.

3. „Отчет Гусевской группы за 2 месяца, с 5-го мая по 5-е июля“, отпечатанный на 1/2 листа писчей бумаги.

4. „Подписной лист для внесения и записи членских взносов на июль месяц“, отпечатанный на 1/2 листа писчей бумаги, следующей формы и содержания.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь“!

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Подписной лист для внесения и записи членских взносов за июль месяц.

Цеховому Комитету цеха .....десятнику № . . ..

№№	Уплатил такой-то (кличка)	Коп.	№№	Уплатил или не доплатил такой-то	Коп.
1	. . . . .		1	. . . . .	
2	. . . . .		2	. . . . .	
3	. . . . .		3	. . . . .	
4	. . . . .		4	. . . . .	
5	и. т. д.		5	и т. д.	

К сведению товарищей.

1. Конференция гусевских работников определила следующие статьи расхода на июль месяц:

Проц. отчисления во Владим. Окружн. Ком.
Долги товарищам.
Расходы по технике...
Секретарские расходы (за печать здесь же).
Конспиративные расходы...

(Эту статью расхода должны десятники раз'яснить желающим членам устно).

На каждого члена (всех) приходится 34 коп. Кроме того на выписку книг решено прибавить еще 6 коп., всего выходит с члена 34 + 6 = 40 коп.

2. Для большей ясности, точности и устранения всяких недоразумений, общее собрание цех. комитетов, по предложению тов. из Исполн. Бюро, постановило ввести подобные подписные листы, чтобы каждый организованный знал, на что платятся взносы и кто должен взносы получать.

3. Подобные подписные листы выдаются Центр. группой и только за ее подписью каждый месяц всем десятникам, которые и получают со своего десятка установленный конференцией членский взнос.

4. Каждый член, уплативший членский взнос своему десятнику, обязательно расписывается на этом листе (пишет не имя собственное, а кличку).

5. Никаких помарок, поправок на листах не допускается, во избежание неясности и могущих возникнуть недоразумений.

6. Всякий десятник должен: как только у него скопилось на руках денег (членских взносов) больше рубля, передавать их немедленно цеховому кассиру.

7. Эти подписные листы после сбора членских сборов должны быть возвращены десятниками своим цеховым кассирам, а цеховые кассиры

передают и деньги и листы ответственному кассиру центра группы, последняя делает общий по Гусевской организации отчет о приходо-расходе и отпечатывает его для сведения всех организованных за неделю перед конференцией.

(Настоящие сведения взяты из постановлений конференций и общего собрания цеховых комитетов).

Гусевская группа Владимирского Окружного Комитета Российск. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

5. „Отчет Гусевской группы за 2 месяца с 5-го мая по 5-е июля", отпечатанный на 1/2 листа писчей бумаги. Внизу подпись: „Гусевская группа Владимирского Окружного Комитета Российской соц.-демок. рабочей партии".

6. „Финансовый отчет с 5-го июля по 5-е августа" отпечатан на 1/4 листа писчей бумаги. Содержание его следующее:

ПРИХОД	Сумма Руб.	К.	РАСХОД	Сумма Руб.	К.
Поступило за карточки.	2	75	Уплачено долгов.....	24	93
„ „ словари..	—	20	Проц. отчисленные во В. И. Б.....	30	—
От Великодворья.....	2	—	Устройство кон-ции.....	—	75
Цех механический.....	18	20	Секр. расходы.....	2	01
„ кресты.....	14	29	Содержание профес.....	12	—
„ круги.....	15	37	Поездка 2-х тов. в Великодворье.....	3	88
2-й район.....	23	10	Осталось на 1 августа..	2	34
Итого.....	75	91	Итого.....	75	91

К сведению товарищей.

Каждый член уплачивает взнос спустя день—два после получки. Каждый десятковый отмечает на подписном листе: во-первых кличку члена, во-вторых получен или не получен взнос, так, чтобы было ясно и точно видно сколько членов, сколько уплачено или не уплачено и в третьих не позже 15 числа доставляется лист цеховому кассиру. Цехкассир делает доклад точный своего цеха и немедленно относит ответственному кассиру, который и делает отчет.

Гусевская группа Владимирской Организации Р.С.-Д.Р.П.

7. „Подписной лист для внесения и записи членских взносов на август месяц", такой же формы, что и на июль месяц, при чем внизу отпечатано следующее: „К сведению

товарищей: конференция гусевских работников определила следующие статьи расхода на август месяц.

Процентное отчисл. во Владим. Окр. Комитет . .	25 р.	— к.
На организац. и собрание Комитета	6 „	— „
Содержание професс.	18 „	— „
На выписку книг	17 „	50 „
Секретарские расходы	2 „	— „

Гусевская группа РСДРП

8. „Финансовый отчет местной группы РСДРП“. Содержание отчета следующее:

ПРИХОД	Сумма Руб.	К.	РАСХОД	Сумма Руб.	К.
Осталось от июля	2	34	Проц. В. О. К.	24	—
От мех. мастерских.....	10	—	Поездка во Владимир..	7	89
От крупн. Мюли	10	98	„ т. Б-а.....	1	50
Десяток № 1.....	2	01	„ в Великодворье	1	20
„ № 2.....	3	35	Почтовые расходы.....	1	40
„ № 3.....	1	02	На технику	—	80
Смена кр. ткацкая	4	73	Дано взаимообразно по учр. профсоюза текст. производства	7	02
„ Кресты.....	8	64			
2-й район	16	25			
От Великодв. на кн.....	10	—			
Итого.....	58	98	Итого.....	43	81

Осталось на сентябрь 15 р. 17 к.

9. „Отчет за сентябрь гусевской группы РСДРП“ следующего содержания:

ПРИХОД	Сумма Руб.	К.	РАСХОД	Сумма Руб.	К.
Остаток с августа.....	15	17	Куплено книг для Великодворья	6	50
2-й район	17	51	Проц. во Владимир.....	14	—
Мех. цех	3	80	Почтовые расходы	1	02
Цех крупн. „Мюли“...	—	60	Техника.....	2	40
„ „ ткац.“	1	80	Поездка С.....	1	50
„ кресты.....	4	09	„ двух во Влад...	6	50
От №№.....	1	59	Куплено книг	1	74
Итого.....	44	56	Итого.....	33	74

Остаток на октябрь ..... 10 р. 40 к.

Итого..... 44 „ 56 „

10. „Денежный отчет за декабрь 1907 г.“ отпечатан на 1/4 листа писчей бумаги. Под отчетом надпись: „Г. гр. РСДРП“. Содержание отчета следующее:

ПРИХОД	Сумма Руб.	К.	РАСХОД	Сумма Руб.	К.
Остаток	11	35	Проц. отчисление	6	—
„ у секретаря	1	39	Непредвид. расходы	2	42
От мех. цеха	1	90	Секр. рас. чл. пс. б.	—	63
„ „ крестов	1	55	„ „ у м. секр.	—	37
„ „ мюл.	1	60		9	42
„ „ 2 района	3	60	Остаток на январь	12	61
За прод. 2 слов	—	39			
„ „ 1 кален.	—	25			
Итого	22	03	Итого	22	03

11. „Извещение о Гусевской конференции“. На верху помещен обычный девиз: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, внизу—дата: „марта 1907 г.“. Конференция была представлена 16-ю решающими голосами от 132 организованных. Вопросы, которые стояли в порядке дня, были следующие: 1) отчет о местной работе за истекший срок; 2) план организации; 3) пропагандистская работа; 4) утверждение расходов на апрель месяц; 5) о предстоящей работе и 6) о профессиональных союзах. В отчете по вопросу о местной работе, между прочим, указано, что с 5 марта по 18-е, с помощью приезжих товарищей, было устроено 24 собрания, на которых было 179 чел. По вопросу о местной работе постановлено вести ее при помощи приезжих и местных сил, а также организовать при группе пропагандистскую и агитационную коллегию. Кроме того, решено начать с весны самую широкую агитацию за об'единение гусевских рабочих профсоюзов.

12. „Отчет“ о конференции гусевской группы РСДРП, состоявшейся в апреле месяце 1907 г. Отпечатан на 1/2 листа писчей бумаги. На верху помещен обычный девиз: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“.

Конференция была представлена 15-ю организованными, от 149 членов партии; не присутствовало 6 конферентов от 60 ч. (всего организованных 209 т.). По избрании председателя и секретариата был оглашен порядок дня, который состоял в следующем: 1) отчет работы центра; 2) отчет работы десятников; 3) поступление членских взносов; 4) профессиональные союзы; 5) празднование 1 мая; 6) выборы центра и 7) определение бюджета на май месяц. Конференция, между прочим, нашла, что работа местной Ц. Г. была в общем более, чем удовлетворительна, за исключением постановки „техники". По вопросу о профессиональных союзах конференция постановила начать широкую агитацию за организацию таковых. Конференция распределила бюджет на май месяц, при чем общие расходы на предстоящий месяц определила в 60 р., что составляет 30 к. с каждого члена группы.

13. „Отчет о Гусевской конференции Рос. Соц. Дем. Раб. Парт., состоявшейся 7-го июня с. г."—отпечатан на 1/2 листа писчей бумаги. На конференции присутствовало 31 решающ. голос при 5-ти совещательных, от 229 организ. членов. Порядок дня был следующий: 1) отчет десятковых; 2) определение бюджета на июнь месяц и 3) расширение работы и организации. По первому пункту конференция постановила выписать достаточное количество книг и представить в каждый цеховой комитет каталог книг, находящихся в библиотеке Г. гр. По второму вопросу конференция утвердила бюджет в сумме 130 р., что составляет на каждого члена 65 коп. По вопросу о расширении работы и привлечении новых членов постановлено усилить агитацию за организацию под знаменем С.-Д. партии, предложить членам возможно чаще и аккуратнее посещать собрания и вводить в организацию через своих десятковых новых членов. Под отчетом дата—„июнь" и надпись: „Гусевская группа Владимирского Окружного Комитета РСДРП".

14. „Отчет об общем собрании цеховых комитетов при участии Ц. Гр. 23-го июня". На верху имеется девиз.: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Российская Социал-Демократическая Рабочая партия". Отчет подписан: „Гусевская

Гусевская Центральная группа Владим. Окружн. К-та РСДРП в 1907 г. (июнь—июль).

Нижний ряд, сидят (слева на право): 1. Воробьев, Алексей Михайлович; 2. Кулешов, Петр Андреевич; 3. Калашников, Константин Андреевич (умер); 4. Хрульков, Петр Ильич; 5. Обухов, Михаил Павлович (умер); 6. Гуганов, Василий Васильевич.

Верхний ряд, стоят (слева на право): 1. Лямин, Федор Прохорович; 2. Арсеньев, Александр Павлович (умер); 3. Надеждин, Константин Иванович (умер); 4. Шитков, Иван Васильевич; 5. Никифоров, Илья Васильевич (умер); 6. Плакунов, Василий Степанович (умер); 7. Новский (умер); 8. Асаткин, Александр Николаевич; 9. Воробьев, Николай Михайлович; 10. Шилин, Михаил Федорович; 11. Калашников, Михаил Андреевич (умер); 12. Горбов, Александр Ефимович; 13. Гришин, Григорий Иванович; 14. Смольнов, Алексей Александрович (умер); 15. Будкин, Иван Евстафьевич;

Группа Владимирского Окружного Комитета Рос. Соц. Демократической Рабочей партии; июнь".

На собрании присутствовало 10 представителей цеховых комитетов члены Ц. Гр.—5 чел., член Исполн. Бюро Влад. Окр. Ком. и один гость. Порядок дня был следующий: 1) отчет цеховых комитетов; 2) финансы; 3) организация; 4) агитация; 5) пропаганда и 6) библиотека. Между прочим, о пропаганде постановлено — привлечь к работе коллегию; выработан план лекций по вопросам программы, тактики, социализма и организации. По вопросу о библиотеке постановлено, чтобы пропагандистская библиотека была самостоятельной.

15. „Отчет заседания Гусевской Центральной Группы 29-го июля". Отчет напечатан на 1/2 листа линев. бумаги. Наверху помещен девиз.: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", а внизу — „Гусь. Группа Влад. Окр. Ком. РСДРП: 29 июля". На заседании решено предложить следующий порядок выборов членов будущей Центральной группы: 1) в каждый десяток дать лист, на котором члены десятка пишут имена кандидатов в Ц. Гр. из числа всех организованных членов; 2) лист этот далее передается в цеховой комитет, который из всех списков состовляет один список из пяти членов, получивших больше число голосов и, 3) все эти листы от десятковых и цеховых комитетов доставляются в Центр. группу. В конце помещено обращение к рабочим „делать дело сознательного пролетариата, кому смело можете доверить руководство местной социал-демократической партии".

16. „Порядок дня на очередную конференцию Российской Социал-Демократической Рабочей Партии".

Внизу имеется надпись — „Гусевская организация Владимирского Окружного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей партии" и дата: — „Июль". Содержание следующее:

„На днях было совещание Центр. Бюро Группы по вопросу об устройстве очередной конференции Гусевской организации товарищей.

Порядок дня на конференцию пока выясняется следующий: 1) отчет Центр. Группы; 2) отчет цех. комитетов; 3) определение бюджета на август месяц; 4) организационные

вопросы. Центр. Группа предлагает цех. ком. выставить по одному докладчику от каждого цеха и этот докладчик должен дать обстоятельный доклад, приблизительно, на такие вопросы: сколько членов в цехе, сколько десятков, настроение и запросы организованных и массы и т. д.“ В конце говорится подробно об определении бюджета на август месяц.

17. Отчет очередной конференции Гусевской группы РСДРП.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ! На днях состоялась очередная кон-ция «Гусевской Группы» Р. С. Д. Р. П., которая выразилась в следующем представительстве: делегатов с решающими голосами 34 и два гостя. По цехам кон-ция разделилась так: 2-го района 7 дел.; цеха кресты 9 дел.; цех круги 2 дел.; цех слесарей 6 дел.; из Великодворья 1 дел. и 2 гостя. Порядок дня, намеченный ранее Центром и предложенный в отпечатанных листах, которые были распространены между членами, после некоторых изменений и включений новых пунктов был следующий: 1) Отчет Центра; 2) Отчет цеховых комитетов; 3) Изменение устава; 4) Письмо из Судогды; 5) Распределение бюджета; 6) Организационный вопрос; 7) Продажа старых книг; 8) Поведение членов. 1) Из отчета Ц. Г. выяснилось, что работа шла довольно успешно, потому что благодаря ее энергии заведены связи с округой, а также была прекрасно проведена финансовая политика. 2) Из отчета цеховых комитетов видно следующее: а) Цех слесарей (орган. 57 ч.): собрания посещают ужасно скверно, везде проглядывает страшная халатность, взносы поступают плохо; б) (Цех Крестов) (орган. 54 ч.): собрания посещаются, взносы поступили более чем с половины, а остальные обещались уплатить; в) Цех круги (орган. 58 ч.): митинги и массовки посещают порядочно, взносы поступили исправно. г) Цеховой ком. 2-го района (орг. 72 ч.): все собрания посещаются блестяще, взносы поступают очень исправно и 2 район может служит примером старательности и серьезного отношения к делу организации. Принимая это во внимание Кон-ция советует обратить особенное внимание на товарищей организованных 2-го района; зная, какую пользу может принесть организованность и сплоченность, еще раз просим товарищей, особенно-же Механический цех, обратить на это все свое внимание. Ведь так недавно рабочих 2-го района, особенно Гутенских и других, считали самым отсталым элементом, чуть-ли не черносотенцами, но они-то теперь и есть самые хорошие с.-д. и очень сознательные рабочие. 3) В виду того, что приближается зимнее время и собираться в лесу будет невозможно, то Кон-ция постановила уменьшить— представительство делегатов и впредь Кон-ция будет составляться из Цеховых комитетов, которые выбираются всеми организованными. 4) На днях из Судогды товарищам Гусевского завода было прислано письмо, в котором они просили помощи, потому что у них возникла забастовка. Кон-ция всесторонне обсудив—решила помочь Судогодским товарищам, разослав по цехам подписные листы, но так-как по газетным известиям забастовка уже кончена, то деньги собираться не будут. 5) Кон-ция утвердила следующий бюджет на август месяц: 1) проц. отчисление во Влад. Окр. Ком.—25 р.; 2) поездка 2-х товарищей во Влад.—6 р.; 3) содержание профессионала—18 р.; 4) секретар. расходы - 2 руб.; 5) выписка книг— 17 р. 50 к. Оставшиеся деньги с прошлого месяца и от расходов употребить тоже на книги,

6) Кон-ция произвела выборы в Ц. Гр., при чем большинством принят первый список—23 за и 11 против. 7) Старые книги, которые Ц. Гр. предлагала продать, Кон-ция постановила раздать между окружными группами поровну. 8) Что касается поведения членов, то Кон-ция обратила на это серьезное внимание, которое выражено ею в следующем: если развивается пьянство среди членов партии и его нельзя вырвать с корнем, то во всяком случае должностные лица, как более сознательные, должны подавать пример и всякий провинившийся будет смещен и после товарищеского порицания заменен новым, более его достойным.

Гусевская группа Влад. организации Р. С.-Д. Р. П.

18. „Отчет заседания цеховых комитетов и центра" отпечатан на 1/2 л. писчей бумаги. На верху листа девиз: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Содержание отчета следующее:

«На заседании цеховых комитетов 26 авг. присутствовало 13 членов с решающими голосами от 231 организованных. По выборе президиума был намечен следующий порядок дня: 1) отчет цеховых комитетов; 2) выписка книг для Великодворья; 3) сбор для профессионального союза; 4) выборы центра: 5) порядок дня на конференцию. На заседании было принято следующее решение: 1) цеховым организаторам выяснить причину неплатежа взносов к среде. Цеховым библиотекарям вместе с ответственным библиотекарем распределить книги пропорционально между членами и привести библиотеку в порядок. Вменяется в обязанность каждому конференту обязательно являться на конференцию, или же его кандидату; 2) поручить выписку книг для Великодворья центру; 3) повести агитацию за уплату долга по профсоюзу; 4) конференция выбирает из своей среды Ц. Г. тайной подачей голосов; 5) порядок дня на конференцию следующий: 1) отчет центра; 2) отчет цеховых комитетов; 3) бюджет; 4) библиотека; 5) пересмотр устава и поведение членов; 6) профессиональн. союз; 7) окружной район; 8) выборы».

Проект бюджета:

Процентное отчисление во Влад. орг. . . .	20 р. — к.
На выписку книг	15 р. 50 к.
Секретарские расходы и бумага	4 р. 50 к.
Непредвид. расходы	5 р. 50 к.
Поездка во Владимир	4 р. 50 к.
Итого . .	50 р. — к.

Гусевская группа Влад. орг. Р. С. Д. Р. П.

19. Прокламация, отпечатанная на 1/4 л. бумаги, начинающаяся словами: „Товарищи, Гусевские рабочие. На 8-е сент. назначены выборы уполномоченных".. Вверху девиз: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", а внизу—„сентябрь 1907 г. РСДРП".

Указав в начале, что 3-я Г. Дума будет „господской", 52 проц. в ней будет крупных помещиков и капиталистов,

рабочих же 1 проц., далее говорится, что С.-Д. партия решила принять участие в выборах для того, чтобы „говорить о преступности нашего правительства, чтобы организовать массы для борьбы за землю и волю, за учредительное собрание, за демократическую республику“ и заканчивается призывом подавать голоса за „истинных борцов всех угнетенных—за социал-демократов“.

20. Воззвание, начинающееся словами: „Товарищи, за неприбытием большей половины числа делегатов, октябрьская конференция не состоялась“.... с датой внизу: „Октябрь“ и надписью: „Г. г. Р. С. Д Р. П.“ Указав в начале, что за неимением сил работа почти не ведется, членские взносы почти не поступают, а товарищи как-то безучастно относятся к гибели организации, в конце воззвания говорится: „Товарищи. Ближе к делу. Лучше небольшая кучка С. Д. поддерживающих организацию, лучше 50-60 сознательно относящихся к делу, чем 150-200 заживо разлагающихся трупов. Пусть эта генеральная чистка послужит залогом крепкого единения и воспитания части великой пролетарской семьи“.

21. „Отчет о местной конференции“. Издание Гусевской группы РСДРП за ноябрь. Содержание следующее:

На конференции присутствовало с правом решающего голоса—6 чел. и совещ. 4 чел. Порядок дня: 1) Отчет об Обл. Конференции и местной работе; 2) Наказ членам С.-Д. фракции 3-й Думы; 3) О членских взносах; 4) О суде над 55 депут. С.-Д. 2-й Думы; 5) Выборы в Окр. организацию; 6) Выборы центра; 7) Денежный отчет гр., и 8) Бюджет.

По вопросу о тактике с.-д. фракции в Г. Думе вынесена следующая резолюция: „партия и фракция используют Думу попрежнему исключительно как агитационную трибуну, отрицательно отнесутся к законодательной работе и к лозунгу бережения Думы“. По поводу суда над 55 депутатами постановлено: „ввиду того, что на Гусю невозможно провести однодневную забастовку и организовать митинги, ограничиться выпуском прокламаций“.

22. Воззвание, отпечатанное на 1/2 л. бумаги, начинающееся словами: „Товарищи, Гусевские рабочие“. Содержание воззвания следующее.

„Расходы по утверждению профессионального союза „рабочих текстильного производства“ стоили около 45 р. (поездка к нотариусу, гербовый сбор и печатанье). Деньги были заняты у частных лиц на очень короткое время; предполагали заплатить долг из средств профессионального союза, но утверждение союза, благодаря маленьким неточностям, запоздало. Товарищи рабочие, давайте свои пятаки заимообразно на уплату долга. Правление союза возвратит их вам. Помните, товарищи, что освобождение рабочих есть дело самих рабочих. Никто не позаботится о нас рабочих, если мы сами о себе не позаботимся. Несите же ваши гроши, товарищи.

Кличка Р. К. *Кличка Р. К.*“

23. «Отчет об очередной конференции», отпечатаемый на 1/2 листа писчей бумаги. Под отчетом подпись: «Гусевская группа Влад. Орг. РСДРП». Содержание отчета следующее:

«ТОВАРИЩИ! На днях состоялась очередная кон-ция Гусевской группы Р. С.-Д. Р. П. Кон-ция была представлена 30-ю делегатами, от 207 орг. После проверки полномочий делегатов, был принят, предложенный центром, порядок дня кон-ции — следующий: 1) отчет цеховых комитетов, 2) библиотека, 3) отчет центра, 4) пересмотр устава и поведение членов, 5) профессиональный союз, 6) окружной район, 7) бюджет, 8) выборы центра. 1) Из отчетов цеховых комитетов выяснилось, что отношение организованных к партийной жизни страшно халатно, собрания посещались очень скверно, например: из Механического цеха на цеховое собрание из 44 орг. было только трое, а на общем собрании — вместо 150 чел. было лишь 22 ч. Относительно членских взносов выяснилось, что платили более или менее удовлетворительно Что касается 2-го района, то он может служить примером по своему серьезному отношению к делу социал-демократии. 2) Из отчета библиотекаря выяснилось, что библиотека приводится в порядок,—заканчивается общий каталог. 3) Из отчета центра выяснилось, что, меняясь в своем составе, центр стоял на страже интересов С.-Д., но благодаря индеферентности орг. товарищей ему мало-что удалось сделать. 4) При пересмотре устава одним из товарищей был предложен проект устава, который с некоторыми изменениями и был принят; что касается поведения членов, то исходя из соображения, что орган. должны быть примером во всей своей повседневной жизни, кон-ция сочла необходимым исключать тех членов, которые своими поступками накладывают тень на всю орг. 5) В открытии проф. союза заинтересованы как орг., так и не орг.—решено продолжать подписку на покрытие расходов по проф. союзу. 6) За неприбытием делегатов из округи—вопрос сей был снят с очереди. 7) Бюджет, после всестороннего обсуждения, был принят следующий: проц. отчисление во Влад.—20 р.; на книги—15 р. 50 к.; секретарские расходы—4 р. 50 к.; непредвиденные расходы—5 р. 50 к.; поездка во Влад.—4 р. 50 к.; техника—12 р; итого 62 рубля.

Гусевская группа Влад. орг. Р. С.-Д. Р. П.

24. Прокламация, начинающаяся обращением — „Товарищи, Гусевские рабочие“. В прокламации говорится, что социал-демократическая партия решила принять участие в

выборах в Государственную Думу третьего созыва для того, чтобы говорить „о преступности нашего Правительства и чтобы организовать массы для борьбы за землю и волю, за учредительное собрание и демократическую республику“.

25. *„Наказ Социал-демократической фракции 3-ей Государственной Думе от организованных рабочих Гуся“.*

„При помощи несознательной части армии, французских биржевиков и холоиствующих либералов, царское правительство потопило в крови русскую революцию: виселица и штык водворили на время долго ожидаемые всеми врагами народа «порядок», «законность» и «спокойствие». Теперь правительство созвало 3-ю Г. Д., предварительно изменив и без того урезанный для крестьян и рабочих избирательный закон. Большинство ее состоит из черносотенников, октябристов, кадетов, т. е. решительных и незамаскированных врагов рабочего класса. Дума призвана прежде всего для того, чтобы закрепить победу правительства над революцией, превратить рабочих и крестьян в прежних безответственных рабов, которые покорно сносили-бы весь азиатский произвол и тяжелую экономическую и политическую зависимость от помещиков, попов, кулаков и капиталистов. На одной стороне т. о. стоит царская сатрапия и дума; их задача состоит и сводится к укреплению тем или иным путем позиций «самодержавной конституции»—на другой—народ, рабочие и крестьяне, уставшие от долгой и упорной борьбы с крепостниками. Бороться против апатии и равнодушия народных масс к рев. дв., поднимать их энергию, веру и бодрость, организовать и спаивать их в единую, могучую армию для нового натиска, беспощадно разоблачать все контр-рев. попытки сплотившейся реакции в Думе и вне ее—такова очередная задача русских с.-д. Твердо держаться этой тактики, мы, организованные рабочие с.-д., предлагаем и вам, представителям раб. класса в 3-ей Думе. Помня, что центр нашей работы лежит не в Думе, а вне ее, призываем Вас использовать, насколько это возможно, Ваши депутатские полномочия для организации народных масс на местах и установления с ними прочных и постоянных связей. В Думе Вы должны продолжать тактику наших прежних депутатов. Разоблачая все происки и реакционные попользования со стороны правительства, черной сотни, октябристов и кадетов, с.-д. фракция должна работать над тем, чтобы сплотить вокруг себя представителей революционной демократии, беспартийных левых и трудовиков. Безусловно отрицательно, мы предлагаем Вам, нашим депутатам, относиться к кадетско-октябристскому лозунгу «бережения думы», потому что в этом лозунге мы видим средство и попытку сузить революционную работу в Думе и вне ее, одурачивать рабочих и крестьян путем внесения в среду их вредных иллюзий для дела народного освобождения.... Вероятно, что 3-я Дума вместе с Гос. Советом и правительством будет стараться дать грошевые подачки народу. Не над улучшением этих подачек обязаны Вы работать. что даст Ваша работа над «законопроэктами» Столыпина и Гучкова русскому народу, что даст она революции? Вы должны противопоставлять им, этим мнимым уступкам, этим гучковским «улучшениям», во всей полноте революционные требования своей программы и тактику разоблачений действий правительства. Так должны работать наши представители. На Вас лежит трудная и ответственная задача.... В минуты самой мрачной реакции, в Думе, где большинство состоит из спаянной контрреволюции, при отсутствии правильного представительства от рабочего класса, на Вас лежит обязанность смело и открыто проводить взгляды и тактику нашей партии. Может быть, в известный момент, за Вашу борьбу

правительство поступит с Вами так же, как оно поступило с нашими депутатами с.-д. 2-го созыва. Мы не обещаем Вам немедленной активной поддержки. Слишком трудное время переживает наша партия. Масса отошла от революционной борьбы: наши организации разбиты; наши лучшие товарищи по делу наполняют тюрьмы, Сибирь, каторгу; всюду— упадок энергии и настроения. Но мы знаем одно,—это время пройдет, пролетариат вновь почувствует свою силу, оправится от ударов реакции и пойдет на новый штурм. Он будет продолжать Ваше дело и это будет лучшим ответом, лучшей признательностью за Вашу работу. Идите в Думу, развернем знамя «международного социализма».

С социалистическим приветом рабочие Гуся.

1907 г. ноябрь.

Выше было сказано, что Гусевская группа вела работу не только среди рабочих Гуся, но имела связи и среди рабочих стекольных заводов, находящихся в Гусевском районе: Уршельском, Великодворском, Курловском. В результате этих связей, к средине 1907 года, на этих заводах создались социал-демократические ячейки, которые были названы „группами". Одна из этих групп—Великодворская—имела гектограф, на котором были отпечатаны, в частности, два документа, сохранившиеся до наших дней:

1) Устав Великодворской группы Р. С. Д. Р. П.

2) Вопросы, поставленные на обсуждение Великодворской Группы.

Первый из этих документов приведен выше, второй имеет следующее содержание:

ВОПРОСЫ ПОСТАВЛЕННЫЕ НА ОБСУЖДЕНИЕ ВЕЛИКОДВОРСКОЙ ГРУППЫ.

1) О Залесском митинге. 2) Выработка устава Великодворской группы. 3) Процентное отчисление в Гусь. 4) Гектограф. 5) О связи с Курловым. 6) О пьянстве. 7) О желании иметь резолюции о собрании.

Вопросы, решенные местной группой.

1) Послать человека в Залесье и если обстоятельства будут благоприятны, то устроить митинг в 1 час. дня. 2) Собрание Великодворской ЦГ решило принять Уршельский устав с небольшими поправками. 3) Решило делать процентное отчисление в Гусевскую организацию в размере 10 копеек с человека. 4) О гектографе, после долгих прений, решили иметь оный только тогда, когда достаточно окреппет группа. 5) Решило предоставить право сделать связь с Курловым Гусевской организации с помощью Великодворья. 6) Члены высказали желание, по возможности, вести борьбу с известным в Великодворьи пьянством. 7) В заключение Великодворская группа высказала желание иметь печатные резолюции о заседании Великодворской группы авг.—07 г.

Великодворская группа Гус. орг. РСДРП.

ПРОКЛАМАЦИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОКРУЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ Р. С.-Д. Р. П.

Российская Социал-Демократическая рабочая партия *).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи Владимирские крестьяне!

Вашими уполномоченными и выборщиками уже избраны представители крестьянства в Думе. Вы их мало знаете. Будут они защищать ваши интересы в Думе или, наоборот, примкнут там к врагам крестьянства—к помещикам и купцам? Допустим даже, что они будут стоять там на вашей стороне. Но кто из вас может поручиться, что они помнят—чего добиваются крестьяне, и хорошо знают ваши крестьянские нужды? А потому, товарищи, собирайте сходы, обсуждайте ваши нужды, составляйте приговоры с твердыми наказами вашим представителям. Делайте это так, чтобы крепко выходило. Чтобы ваши представители не только знали, какой стороны им держаться, но и помнили, что за их деятельностью, за их словами и поступками в Думе зорко следят пославшие их крестьяне, которые не потерпят и не простят им никакой измены. Пусть ваши представители помнят, что за измену крестьянскому народу они ответят и своей жизнью и своим имуществом. Передавайте эти приговоры через ходоков своим представителям в Думе.

ФОРМА НАКАЗА.

Мы крестьяне, села (такого-то), волости (такой-то), уезда (такого-то), на общественном сходе имели суждение о наших крестьянских делах и нуждах и решили следующее:

1) Все наше Русское государство держится, главным образом, крестьянством. Весь рабочий класс в государстве—крестьяне. Они обрабатывают всю землю, и свою, и помещичью. Они же

*) Все прокламации печатаются с подлинников, с сохранением орфографии, за исключением букв „ять“ и „і“, которые заменены по существующему теперь правописанию („твердый знак“ в подлинниках прокламаций отсутствует).

работают на фабриках, заводах и во всех мастерских. И все, что нужно для жизни народу и господам, все делается крестьянскими руками. Поэтому первый долг, первая обязанность правительства— помогать крестьянам, заботиться об их нуждах. До сих пор мы мало видели заботы от нашего правительства и всякого начальства. Нищими нас выпустили на волю господа-помещики, отрезавшие себе лучшие куски нашей земли, нищими мы остались и сейчас. Вся забота начальства до сих пор сводилась к опеке над крестьянином, а, главным образом, над крестьянской копейкой, что бы как нибудь нечаянно, по ошибке, она не осталась в крестьянском кармане. Крестьяне несут на своих плечах всю тяжесть податей и повинностей в государстве, и тех, что берутся прямо с нашей земли, и тех, что выплачиваются нами за все товары и продукты, нужные в крестьянском обиходе. Все, что только нам приходится покупать - и плуги, и косы, и серпы, и кожа на сапогах, и ситец, и чай, и сахар, и спички, и керосин, и водка— все, все обложено налогом, и мы вынуждены за все платить втрое. Из-за малоземелья, из-за поборов начальства, из-за податей и налогов, из-за войны которую вело правительство с японским народом и которая нам, крестьянам, была совсем не нужна, наше хозяйство в конец разорилось, мы еще больше обнищали и изголодались. Когда собралась первая Дума, мы надеялись, что уж она то заставит правительство подумать о народе и его нуждах. А вместо того, наше царское правительство разогнало народную Думу, как только там заговорили, что надо бы нам, крестьянам, земли прирезать. Случилось это, как мы видим, оттого, что выше воли народа, выше посланных им представителей, стоит в государстве шайка придворной знати из иностранных проходимцев и многочисленной царской родни, которая держится за свои награбленныя у народа земли, и самовластные чиновники царского правительства, заботящиеся прежде всего о своих должностных местах и своих карманах. Мы требуем, чтобы этого больше не было, чтобы теперешний порядок, при котором судьба и благосостояние народа зависит от произвола и прихоти начальствующих лиц, был в корне изменен. Мы требуем, чтобы во главе народа стало одно только народное правительство, выбранное сообща и без притеснения всем народом, облеченное властью отменить старые несправедливые законы, создать на их место новые, на пользу всего народа и провести эти законы в жизнь. Из примера других стран мы знаем, что такое народное правительство, собранное для того, чтобы отменить самые главные из старых законов, от которых народу идет больше всего вреда, называется Учредительным Собранием. Дело не в словах и названиях. Назвать можно как угодно. Надо, чтобы сам народ через своих выборных установил раз навсегда в своей земле справедливый порядок и потом управлял делами государства—в этом мы видим себе большую пользу и этого требуем. Тогда народ

увидит от правительства и от закона какую нибудь пользу, и наше положение может улучшится!

Мы думаем, что начальство существует для народа и обязано служить ему. До сих пор было наоборот. Господами были чиновники мелкие и крупные, и мелкие начальники, с которыми нам чаще приходится встречаться, были нам еще большими господами, чем крупные, а народ, крестьянский народ, был в положении загнаннаго раба. Поэтому мы требуем также, чтобы все чиновники от перваго до последняго не назначались кем то со стороны, не получали повышения неизвестно за что и про что, а выбирались народом и отвечали перед народом за свои дела и распоряжения.

3. Самое главное дело для нас, крестьян, это—земля. Крестьянину земля нужна так же, как воздух. Мы требуем себе земли, чтобы было к чему приложить свой труд, было бы от чего кормиться. Но для нас важно не только получить землю, но и как. Мы и теперь получаем землю через аренду. И для нас мало будет пользы, если землю нам дадут за выкуп. Сорок лет платили выкуп казне за те клочки, что нарезали нам в надел господа помещики, и во второй раз лезть в выкупную кабалу мы не хотим. Мы рассуждаем о земле так,—владели ей раньше люди, которые сами на ней работали. И это было справедливо. А то, что теперь землей владеют люди, которым она нужна не для работы, а для того, чтобы, не работая, получать деньги за аренду, мы считаем несправедливым. На этом основании мы находим выкуп за помещичьи земли несправедливым. Родовые имения, подаренныя предкам нынешних владельцев царями и царицами за разныя услуги—про это и говорить нечего. Эти земли безпрекословно должны быть отданы крестьянам. От этих земель уже пользовалось несколько поколений дворян. А за что? Предки их за землю не платили, а их личныя услуги и заслуги перед царями—про них лучше не говорить, стыдно разсказывать. Царское правительство говорит нам, что мы должны уважать собственность, но правительство само не уважает нашей собственности. Мы 40 лет платили выкуп за наши наделы и считали себя полными хозяевами надела. Мы думали, что крестьянское общество, сельский мир может распоряжаться землей и переделять ее по своему усмотрению, а правительство, хотя мы платили выкупные деньги сообща, оставило всю надельную землю навсегда за теперешними владельцами, от чего всем крестьянам большой вред, а польза немногим—богатым.

Итак, мы желаем отмены стеснительнаго для нас правительственнаго распоряжения о надельной земле и отобрания в пользу крестьян казенных, удельных, дворцовых, монастырских, церковных и помещичьих земель без всякаго выкупа.

4. Рабочие на фабриках и заводах—это те же крестьяне, которых малоземелье, нужда и тяжелыя подати оторвали от земли.

И поэтому мы требуем и для них улучшения жизни, как для самих себя. Мы требуем для них хорошей заработной платы, более короткого, чем теперь, рабочего дня, а, главным образом, свободы устраивать сообща свои дела, — свободы собираться и сообща обсуждать свои нужды, свободы говорить и писать о своих нуждах, устраивать беспрепятственно свои общества и союзы, устраивать, когда им нужно, стачки и забастовки.

5. И солдаты в армии и флоте—тоже наши братья и наши дети. И мы хотим, чтобы и им жилось лучше и свободнее и чтобы с ними на службе обращались справедливо и по человечески. А то, что правительство, запугав сначала их безчеловечными наказаниями и насильственно обязав их присягой, ведет потом на нас, крестьян, и на рабочих и заставляет убивать своих же безоружных отцов и братьев, мы считаем самым большим преступлением со стороны правительства, как против народа, так и против самих солдат и требуем, чтобы этого больше не повторялось.

Наши представители в Государственной Думе, вы обязаны смело и открыто повторить наши справедливыя требования перед целым миром. И правительство должно уступить единодушному требованию всего трудящегося люда России, доведенного до отчаяния нуждой и безправием. Если же нет, и не будет нам пользы и облегчения от народной Думы и правительство еще лишний раз нанесет оскорбление и вам, и народу, пославшему вас, мы поднимемся, в защиту вас и тех требований, которыя вы понесете от нашего имени, сами с оружием в руках добудем себе и землю и волю. Народные представители, будьте решительны и стойки, и в трудную минуту борьбы за общее народное дело, зовите на помощь нас, нашу стомиллионную силу.

Владимирское Организационное Бюро Р. С.-Д. Р. П.

Российская Социал-Демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Монархия или демократическая республика.

«Долой монархию»—с таким кличем идут социаль-демократы в рабочую и крестьянскую массу, с таким призывом обращаются они ко всему народу.

Что же такое наш монархический строй, с которым мы боремся?

В нашей стране и до сих пор не уничтожено еще самодержавие, при котором по закону вся полнота власти в государстве принадлежит царю и он может распоряжаться жизнью, честью и имуществом каждого. При помощи кучки министров, ответственных только перед ним, царем, при помощи чиновников, ответственных только пред этими министрами, при помощи казацких нагаек и пулеметных рот—управляет царь всем народом. В Зимнем Дворце, или в Царском Селе, или в Петербурге живет он—отгороженный от народа казацкими и жандармскими заставами, зорко оберегаемый сотнями лакеев-царедворцев и тысячами шпионов. Он царствует над всей Россией, ему вверил народ свою судьбу.

Кто-же он? В чем его сила и польза для народа? Он, быть может, великий полководец, в боях получивший славу свою? Мудрый законодатель, ученый? Он, может быть, умнее, сильнее, образованнее своих подданных, над которыми простер свою руку? О, нет! Он простой, маленький, необразованный офицер, с шишкой на голове от японской палки, ничем не выделяющийся из сотен ничтожных, неумных, неразвитых офицеров. А ордена и кресты, которыми украшена его грудь, он получил совсем не за военныя дела. Еще в пеленках, когда он безсмысленно поводил своими детскими глазами, его уже награждали этими орденами.

Но, может быть, он хороший, мудрый хозяин? При жизни своей он облагодетельствовал народ свой? О, нет! Никогда Россия не доходила до такого неслыханнаго раззоренія. Деревенская и городская беднота, всероссийская темнота, всероссийское разорение и безправие,—вот что дал нам «обожаемый монарх, милостивый батюшка царь». Пахарь вверил ему судьбу свою, от царя ждет он избавленья. А сколько этот царь понимает

в его горе, сколько он может вникнуть в его положение, показывает недавний разговор царя с крестьянами.

Были маневры около Скерневиц. И царя крестьяне встретили с хлебом-солью. «Как живется», спрашивал царь у крестьян. Лето было дождливое и указали ему крестьяне на овсы, что полегли от дождя, и сказали ему: сам видишь, Государь, как мы живем, хлеба поле совсем погибли. — «Ну, ничего, ответил царь, молитесь Богу, Бог дождичка даст, хлеб то и поднимется». Так ответил «великий хозяин земли русской». Зато за время своего царствования успел многие миллионы русских денег переправить в заграничные банки на черный день. Русский народ все беднел, русский царь все богател.

Когда голодная смерть носится над русской деревней, когда косит она свою кровавую жатву,—он, собравший сотни миллионов с народа, бросает ему жалкую подачку, по грошику на голодного. Когда голодные и измученные рабочие и крестьяне идут к нему, когда они ждут, что с них снимут тяжелое ярмо— у царя припасено для них много свинца и пороху.

Он кормил их, кроме того, манифестами и указами. От этого корма подвело животы деревенские, подохла последняя коровенка и лошаденка у мужика, от царских посулов тысячами нищие тянутся по селам и городам.

Быть может, он великий ученый или мудрец? О, нет! Прочтите его речи—какия это детския, смешныя, жалкия речи *). И большая часть его речей была произнесена за выпивкой. И пил он не за рабочих, не за крестьян, а за отличившихся жандармов, «дорогих» семеновцев и других народных палачей.

За всю свою жизнь царь написал только два умных слова: «скверное дело» написал он, когда министр доложил ему, что народ вооружается. Уж чего хуже.

Кому выгоден такой монархический порядок, кому нужна эта царская власть? Народу он невыгоден, для народа он—петля мертвая, на погибель народу порядок этот. Для рабочих, крестьян, для городской и деревенской бедноты—одна мука, одни страдания от власти царской.

Монархия выгодна прежде всего врагам народа, врагам рабочих и крестьян, врагам городской и деревенской бедноты. Монархия выгодна прежде всего царю и целой своре великих и малых князей, бездарных, безстыдных, глупых кутил—они в золоте, в холе, в бриллиантах, в роскоши купаются, когда миллионы рабочих и крестьян умирают голодной смертью. Они сосут и будут сосать кровь народную, пока народ терпит их и оплачивает их позорную, никому и ни на что не нужную

*) Сборник речей и писаний царя продавался за пятиалтынный. Чиновники испугались, что народ поймет, какой у него царь, и запретили продавать эту книжку.

жизнь. Они будут строить дворцы, оставляя умирать обнищавший народ свой. Монархия выгодна шайке царедворцев генералов, получающих огромныя деньги за убийство народа, за ограбление его и угнетение.

Целая свора угнетателей помещиков и крупных землевладельцев держится за монархию. Им тоже выгодно, чтобы власть была в руках царя, хотя иные из них не прочь поделить эту власть между собою и царем. Только бы народ остался безправным и безвластным. Тогда они будут его грабить безнаказанно, выжимая из него соки кабальной арендой, даровым трудом голодных людей будут наживать миллионы. Крупным фабрикантам, кулакам выгодна монархия: при ней они легче могут высасывать соки из рабочего класса, когда рабочий класс безправен, безвластен.

Вспомните, рабочие, сколько раз русский царь посылал своих «верных» солдат разстреливать безоруженных стачечников-рабочих. Сколько ваших товарищей было посажено в тюрьмы и заточено в ссылку за одно участие в забастовках. Когда в Ярославле, на корзинкинской фабрике было разстреляно десятка три ваших товарищей рабочих, царь послал палачам фанагорийцам свое царское спасибо.

Сам помещик и владелец крупных рудников—царь всегда поддерживает фабрикантов и купцов.

Пока в России существует монархия рабочий класс не может добиться неограниченной свободы стачек и союзов, не может вырвать у буржуазии хороших и неизменных фабричных законов. Когда русские рабочие после долгой и грозной борьбы добились закона об 11 с половиной часовом рабочем дне, фабриканты сейчас же сумели повернуть дело на свою сторону и отменить в жизни этот закон. Царское правительство, послушное велениям фабрикантов, поспешило на этот раз, как и всегда, свести на нет завоевания рабочего класса. Монархия связывает рабочий класс по рукам и ногам и связанным отдает его в руки фабрикантов и купцов. Монархия оплот буржуазии в ея борьбе с рабочим классом.

Вспомните и вы, крестьяне, сколько раз посылали вы к царю своих ходоков, чтобы высказать ему все горе и всю нужду крестьянскую. Вы хотели поведать царю о том, что помещики обирают и выжимают из вас последние соки. Дошел ли до царя хоть один ваш ходок? Вы хорошо знаете, крестьяне, что ходоки попадали в тюрьмы и ссылку, но царя не видели. И вам, крестьяне, невыгодна монархия до тех пор, пока власть в стране будет принадлежать царю, а не народу, до тех пор помещики и царь будут обирать народ, и вы не получите земли, и весь народ не получит воли. Подумайте только, крестьяне, как может царь отобрать помещичью землю и дать вам? Да, ведь, он сам—богатейший помещик. Ворон ворону глаз не выклюет,

говорит народная поговорка. Пока существует монархия, до тех пор вы будете сидеть на своих тощих узеньких полосках, до тех пор будет оставаться грубая и жестокая власть земских начальников, полиции и жандармов, до тех пор карательные отряды будут делать в деревни свои разбойничьи набеги.

За то попам выгодна монархия. Именем Бога убеждают они темный народ повиноваться власти царя, именем Бога освящают они все преступления царских слуг, терпение предписывают они голодным и ограбленным и жадной рукою тянут последний пятак с нищаго народа. В богатых монастырях спасаются жирные от'евшиеся монахи, закабаляют арендой на монастырских землях окрестных крестьян и славят кроваваго царя и слуг его—ибо всем им хорошо заплатили из народных денег за их обман и их молитвы во славу убийц. Когда царскому правительству надо—они в церквах произносят проповеди, в этих проповедях говорят крестьянам и рабочим то, что приказывает жандарм, полицейский, земский начальник, губернатор, помещик или фабрикант.

Монархию поддерживают полицейские в рясах, полицейские в жандармских и других мундирах и целая туча чиновников: безотчетные министры платят им за их услуги, лишь бы народ они удержали в повиновении—им всем выгодна монархия.

И вся эта свора дармоедов окружила себя штыками и пушками, солдатами и казаками. На их слепую покорную силу опирается монархия. Жалкие, бездарные, безстыдные люди, живущие на награбленныя с народа деньги, тысячи недоучек офицеров, дворянских и купеческих сынков, нанимаются на службу этому порядку, на службу монархии. Белоручки, ни к какой работе не способные, они берут деньги за убийство народа, за то, что учат солдат проливать кровь рабочих и крестьян.

Нечего сказать: хорош порядок защищают они. Внизу—безправный, темный, ограбленный, нищий народ, на верху—в золоте, в блеске монарх и слуги его. Выше всех монарх. Он вступил на престол, он отпраздновал свое вступление пышным праздником, он украсил голову свою короною—и прошел к трону, через тысячи трупов народа, устлавших Ходынское поле. И когда корчились еще не застывшие трупы, царь плясал среди царедворцев. И с этого дня он шагает все дальше и дальше, он все глубже с тех пор погружается в потоки крови. Еслиб всю пролитую по его воле народную кровь собрать, все цари мира, все слуги их могли бы в том море захлебнуться! Народ потерял счет убитым,—а он все казнит и казнит, он все не может насытиться.

И дети крестьян и рабочих—темные, несознательные солдаты—помогают ему, убивают и грабят своих отцов и братьев. Все за тем, чтоб крепче стал трон безсильного и ненужного народу царя.

Оттого мы и обращаемся ко всему народу с призывом: «Долой монархию»!

Другим партиям—кадетам, октябристам и прочим—этот призыв кажется черезчур смелым. «Нужно только уничтожить самодержавие—говорят они—пусть царь поделится своей властью с народом и все пойдет хорошо».

Но, ведь, власть царя—это власть помещиков, фабрикантов и других угнетателей народных. Их нельзя оторвать друг от друга: оставляя половину власти царю, мы оставляем ее всем врагам народным.

Поэтому мы, социаль-демократы, обращаемся ко всему народу с кличем:

«Да здравствует демократическая республика»!

Демократическая республика—это есть такой порядок управления государством, когда вся полнота власти принадлежит народу, когда весь народ участвует в управлении страной. Тогда сам народ—непосредственным народным голосованием или через своих депутатов, избранных всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, будет устанавливать все законы. Тогда сам народ будет назначать налоги и сам будет устанавливать порядок расходования народных денег. Мы добиваемся установления такого порядка, когда все власти—от высших до низших—выбирает сам народ. В стране должна быть установлена полная и неограниченная свобода печати, слова, совести, стачек, союзов и собраний. Постоянное войско должно быть распущено и заменено милицией. Вот каких порядков добиваемся мы, социаль-демократы.

Только при демократической республике рабочие получат полную возможность борьбы со своим заклятым врагом—буржуазией. Только низвергши царя и власть помещиков крестьяне получат землю, которую они захватывают и теперь, и которую они еще более будут захватывать во время последней революционной схватки с самодержавием.

Мы против всяких сделок с царским самодержавием, мы против дележа власти между народом и царем, мы за полное народовластие, мы за демократическую республику! Чем шире будет завоевана нами политическая свобода, чем решительней мы покончим с монархией, тем легче будет пролетариату бороться за новый, счастливый порядок, за социализм!

Вот почему говорим мы, социаль-демократы:

Долой монархию!

Да здравствует демократическая республика!

Владимирский Окружной Комитет РСДРП.

Декабрь 1906 г.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетариат шел и идет во главе революции.

Он первый начал освободительную борьбу и когда над страной загорелась алая заря свободы, он расталкивал и будил народныя массы, призывая их отогнать тени прошлаго и идти твердым шагом на встречу грядущему обновлению.

Он первый поднял знамя возстания против двух царей — капитала и произвола и путем кровавой и тяжкой борьбы сумел ослабить гнет ненавистнаго самодержавнаго ярма и добиться улучшения своего матеріальнаго положения.

Он один остался на своем боевом посту и выступил с оружием в руках добывать истинную народную свободу, когда уже удовлетворенная подачками самодержавия буржуазия звала играть в конституционныя игрушки и когда к этим игрушкам тянулось еще не наученное жизнью крестьянство.

Неудачи вооруженной борьбы и окутавшая страну после разгона думы реакция, приостановила наступательныя действия пролетариата. В кровавом кошмаре репрессий, под сенью виселицы и штыков стал поднимать голову капитал, стали об'единяться эксплуататоры, поощряемые надеждой вырвать путем напора на разстроенные ряды пролетариата те уступки, которыя сделаны были в разгаре политической и экономической борьбы.

Товарищи рабочие!

Надвигается гроза. Над вашей головой собирается разразиться она, и первые удары грома долетают до нас с западной окраины.

Предприниматели сорганизовались в союзы и грозят вам локаутом.

Локаут — это закрытые рукой организованнаго капитала фабрики и заводы; это долгие дни безработицы, это голод, нищета и смерть в рабочих кварталах. Локаут—это попытка хищников-эксплуататоров глубже вонзить свои когти в ваше тело, попытка заставить вас отказаться от завоеваний, добытых упорной борьбой и лишениями и поставить вас вновь за станки на позорных и тяжких условиях.

Уже фабриканты Лодзи и других городов Польши и Литвы выбросили на улицу десятки тысяч рабочих, ожидая когда голод заставит их склонить непокорную голову; уже закрыты типографии Москвы; уже начинает подготовляться к локауту и союз фабрикантов по обработке волокнистых веществ центральнаго промышленнаго района.

Но мы, товарищи, дадим им отпор!

Пусть об'единяется капитал. Мы тоже знаем, что сила— в единении и понесем наш клич «организуйтесь!» в широкие слои пролетариата. Пусть этот клич вновь разбудит массы, и перед призраком грядущей опасности сомкнет свои ряды армия труда. Пусть снова дух борьбы разольется по фабрикам и мастерским, отгоняя навеенныя жестокими репрессиями страх и позорное равнодушие.

Пусть вновь запылает пламя классовой борьбы — этой движущей силы буржуазнаго общества, рожденной из той пропасти, что разделяет людей при капитализме. Этот могучий двигатель и неизбежный спутник капиталистическаго развития происходит от нищеты и роскоши, голода и обжорства, каторжнаго труда и празднаго безделья. Только социализм, к которому влечет нас классовая борьба, вырвет с корнем классовыя противоречия, уничтожит власть капитала и положит конец капиталистической эксплуатации.

Но, идя к социализму по тернистому пути через буржуазное общество под знаменем социаль-демократии, мы должны создавать наиболее выгодныя условия борьбы, должны ослаблять гнет капитала и строить ту свободную политическую арену, на которой класс встанет против класса, опираясь на свои собственныя силы, а не на постороннюю поддержку. Мы не должны забывать о нашем другом враге—самодержавии, которое, опираясь на солдатские штыки, помогает капиталу; которое, давая ему широко организоваться, разрушает наши организации и закрывает наши союзы, стараясь вырвать у нас из рук единственное оружие—организацию.

Крепче держите это оружие, товарищи!

Пусть грозят нам локаутом—встретим его в боевой готовности, об'единившись в профессиональные союзы.

Открывайте по фабрикам профессиональныя общества и сливайте их в один могучий союз, охватывающий весь район.

Профессиональный союз—это панцырь, которым вы прикроете себя от ударов капитала, это панцырь, облекшись в который вы сами перейдете в наступление и вырвите новыя уступки у хищников-эксплуататоров. О р г а н и з у й т е с ь!

Влад. Окружн. Комитет Р. С. Д. Р. П.

Помните, товарищи, что пролетариат Польши и Литвы ждет поддержки от своих русских товарищей, с которыми он в своей борьбе идет под одним знаменем международной соц.-демократии.

Помогите жертвам лодзинскаго локаута. Делайте сборы на фабриках.

Март 1907 г.

Типография Владимирского Окружного Комитета.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Мы, социаль-демократы, перед тем как взойти на думскую трибуну, открыто заявили свое отношение к царской думе. Мы сказали, что она безвластна, ибо рядом с ней существует еще самодержавное правительство, попирающее закон и право, ненавидящее свободу и непримиримое с истинным народным представительством. Мы сказали, что эта дума только тогда не будет разогнана, если она найдет возможность работать вместе с правительством военно-полевых судов и погромов, когда, следовательно, она предаст интересы народа. И наши товарищи пошли бороться за эти интересы, говорить перед страной о народных нуждах, открыто и смело защищать интересы пролетариата, не боясь правды и народа и не дрожа за свою шкуру. Они не гнались за единством думы. Оно не возможно, ибо в думе, как в зеркале отразилась та классовая борьба, что кипит за стенами Таврического дворца по всему необозримому пространству России.

Пусть смотрят на думу рабочие, они увидят, что пролетарское знамя в руках соц.-дем. фракции не склонилось перед черносотенным правительством и лицемерной буржуазией-кадетами. Пусть видят рабочие, крестьяне и все граждане России, что только один пролетариат твердо отстаивает общенародныя требования.

Ведь не могли же истинные представители народа согласиться с кадетскими предложениями, под которыми подписывалось правительство и которым аплодировали представители черной сотни. Не могли они не поднять вопроса об освобождении пленников самодержавия, томящихся в тюрьмах и ссылке. И если здесь им заткнули рот кадеты и не дали сделать не в очередь заявления, то это не их вина. Они помнять те крики, с которыми провожал их в думу народ, и пытались на них отозваться. Они хотели сказать, что только вместе с народом дума может отворить тюрьмы, что довольно преклоняться перед правом монарха миловать, что нужно уничтожить это право, связанное с другим правом—вешать.

Да, они были одни... Они были одни, когда правительство выступило с своей декларацией.

«Социаль-демократы вели главный бой», читаем мы даже в буржуазной газете. Среди всеобщаго гробового молчания

раздался смелый и уверенный голос только представителей пролетариата. Они—истинные защитники народа, не могли и не должны были промолчать. Как и всегда, они выступили с обличительным словом, как и всегда сказали за что борется пролетариат и за что он ведет бороться всех ненавидящих полицейское право.

«Оставим хоть в этом важном вопросе партийные распри», говорит кадет Гессен, когда поднялся вопрос о помощи голодающим. «Это распри между сытым и голодным желудком» ответили социаль-демократы.

Кто же понимает больше важность вопроса: представители ли рабочих или сытые представители буржуазии? Вот в этом то важном вопросе социаль-демократы и не могут согласиться с предложениями кадетов.

Нужно вырвать продовольственную помощь голодающему населению из рук правительства и передать на места самому народу. Он сам вместе с своими представителями скорее накормят голодающих, говорили социал-демократы. Нужно не давать наживаться больше на голоде тем, кто вызвал этот голод, кто столько лет грабил и воровал созданную потом и кровью народную казну. Нужно на местах, перед лицом всей страны выяснить истинныя причины голода, чтобы знал народ всю правду и не пускал хозяйничать в своих карманах всяких проходимцев в роде Гурко и Лидваля.

Нужно всегда быть вместе с народом тем, кто вышел из его рядов и поставлен им на ответственном сторожевом посту для охраны своих интересов. Постыдно бояться жизненной правды и народнаго гнева,—этот гнев страшен только предателям.

Кадеты боятся его; но они боятся и гнева начальства. Они против предложения социаль-демократов, ибо на местах при появлении членов думы зашевелятся народныя массы. Там встанет во весь рост народное горе, там укажут на вековых притеснителей и разорителей и в бурном потоке борьбы против старых плотин сольются депутаты с народом. Сольются—и это страшно буржуазии, что живет на счет чужого труда и боится, как огня, угнетаемых.

И кадеты, эти блюстители интересов буржуазии, эти рабы кнута, дрожа за свои думския кресла, решили, закрыв глаза на грабеж, оставить продовольственное дело в руках воров министров, предложив давать им думе отчет в своих кражах. Они нашли себе союзников. Премьер Столыпин, этот глава воровскаго притона, именуемаго правительством, взойдя на трибуну протянул им руку и под аплодисменты своих единомышленников и товарищей по делу черносотенцев согласился с предложением кадета Родичева. Они дружно провалили предложение социаль-демократов.

Крестьяне! Скоро кончатся муки голода, скоро у вас будет хлеб. Вам помогут Родичев и Столыпин—правительство и кадеты. Если раньше Гурко и Лидваль ссыпали деньги себе в карман,

а вам вместо хлеба посылали опилки и мякину, то теперь эта операция будет проделываться под контролем думы, которая будет проверять грабеж по бумажным отчетам грабителей. Этого хотели кадеты, этого не хотели социаль-демократы и примкнувшие к ним представители крестьянства.

Социаль-демократы требовали, чтобы помощь безработным была организована посланными на места депутатами и тем опять напугали буржуазию возможностью самодеятельности и организации пролетариата. Ведь можно организоваться только капиталистам, чтоб успешнее жать рабочих, чтоб выбрасывать их на мостовую и обрекать на голодную смерть локаутом. Это выгодно буржуазии, против этого ничего не имеет начальство. Правые и кадеты провалили предложение представителей пролетариата.

Смотрите же на кадетов, смотрите на этих поборников «народной свободы». Вы увидите, товарищи, под надетой сверху личиной старую знакомую вам физиономию разжиревшего буржуа.

И этот буржуа-кадет имеет нахальство требовать от думы, чтоб помощь была оказана только тем безработным, которые пострадали от промышленного кризиса, а не от участия в освободительной борьбе. Товарищи, смотрите же на него!

Видите, как он удобно расположился в думском кресле, забыв, что за право сидения на нем заплачено потоками рабочей крови, как он хочет отблагодарить теперь проливавших свою кровь пролетариев, лишив их за это куска хлеба. Он не далеко ушел от черносотенцев, которые вместо того, чтобы помочь безработным, читают им нотации за забастовки и с сожалением признают, что голод—справедливое наказание за стремление быть сытым и свободным. Но не все еще. Мало голода, по мнению черной сотни, нужна—веревка.

Горячо встали погромщики на сторону военно-полевых судов и выступили ярыми защитниками произвола и петли.

К позорному столбу их, палачей и висельников! Дальше от них, ибо руки их в народной крови.

Дальше от кадетов. Они не сторонники виселицы, нет, они против ея, но по своему обыкновению не идут до конца. Мало требовать отмены временных правил об убийстве людей. Нужно вычеркнуть целиком всякия усиленныя, чрезвычайныя и военныя положения. Нужно вырвать граждан раз навсегда из рук развратной и пустоголовой военщины, творящей над нами свое кровавое право. Так смотрят социаль-демократы.

Вы не ошиблись посылая их в думу рабочие.

Вы не колеблясь можете поддержать их крестьяне.

Вы должны краснеть за своих представителей кадетов граждане.

Исполнительное бюро Влад. Окруж. Комитета РСДРП.

Типография Владимирского Окружного Комитета. Март 1907 г.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Долго грабило правительство народ, долго драло с него десять шкур для того, чтобы хватило денег на войну с народом, на содержание министров да чиновников, на подачки помещикам и капиталистам.

Многие годы правительство обращалось к народу с требованием: „руки вверх“ и очищало народные карманы в то время, когда народ покорно стоял с поднятыми руками.

Эту политику правительства разоблачили теперь перед всей страной социаль-демократы, когда поднялся в Государственной Думе вопрос о бюджете. Разоблачения эти были сделаны представителями пролетариата, когда министр финансов Коковцев от лица правительства внес на разсмотрение и утверждение Думы составленную на 1907 г. роспись государственных расходов с указанием источников для покрытия их, то-есть предложил Думе быть свидетелем и участником новаго народнаго ограбления в 1907 г.

Правда, и партия кадетов выступила с критикой бюджета, но они ограничились только разбором мелочей, отдельных статей бюджета, признав его в общем приличным, „и этим порадовала“ сердце министра и польстила „правых“ надеждой вновь наполнить из казенного источника свои бездонные карманы.

Но эта радость была омрачена, когда с думской трибуны послышался голос рабочаго...

«Правительству было отвечено по заслугам, и честь этого ответа всецело принадлежит социаль-демократам», так печатали потом кадетския газеты. Эта заслуга состояла в том, что рабочие депутаты вместо обсуждения отдельных статей по указке правительства нашли нужным всесторонне осветить вопрос о бюджете. И отвечая «по заслугам», они пригвоздили перед лицом страны к позорной скамье подсудимых ту шайку, что в течении многих лет безжалостно и безцеремонно высасывала соки из народа.

«Международный жандарм—вот кем была Россия» говорит депутат Алексинский. Не даром снабжали этого жандарма миллионными займами заграничные банкиры: они знали, что в нужный момент он явится водворять порядок и у них и душить так же, как в своей стране, всякий порыв к свободе. И теперь по этим

займам из государственной казны приходится платить одних процентов 380 миллионов. Правительство не смущается—заплатит народ. На спину того же народа упала 2-х миллиардная тяжесть военных расходов, связанная с японской войной, на которой нажились придворная знать, помещики и капиталисты.

Правительство бросает народныя деньги на поддержку разорившимся дворянам, акционерным обществам и промышленным предприятиям. Оно бросает миллиарды рублей на содержание жандармов, полиции и тюрем, на содержание постоянной армии для войны со своим же народом. Только в России возможно, чтобы на содержание 28 человек—членов государственнаго совета, тратилось почти миллион рублей. Ведь на эти деньги могли бы спасти от голодной смерти 625 тысячь человек, или прирезывать ежегодно по 10 тысячь десятин земли крестьянам. Только русское правительство, при полном отсутствии контроля, может платить двойные цены за казенные заказы и переплачивать в 14 раз больше, как например при выкупке железных дорог, а деньги делить между продавцом и покупателем—правительством и капиталом. А эти деньги берутся с народа...

Чтобы выжать с народа, подсунули мужику казенку, наложили высокий акциз на самые необходимые предметы; за тот сахар, что кушают, не платя акциз, английские свиньи, русский мужик платит 1 руб. 75 коп. за пуд в казну, чтобы употреблять его в «приглядку». Мы платим 1 руб. 33 коп. с пуда за тот керосин, который в Лондоне стоит 83 коп. Плуги, которые за-границей стоят 5-6 руб., у нас облагают одной пошлиной в размере 10 руб. Так много лет выколачиваются деньги из кармана народа, чтобы насытить алчные аппетиты самодержавия и его прислужников.

Утвердить такую роспись—это значит благословить правительство на такой грабеж. Пусть делают это Платон и Евлогий и их «послушная паства»! Социаль-демократы сделать этого не могут! Они предложили Думе отказать правительству в утверждении бюджета, отказаться даже от его рассмотрения.

Пусть бюджет будет принят без Думы, ибо правительству важно только прикрыть свой грабеж авторитетом думы. Народные представители должны заявить прямо: „ни копейки денег правительству“! Пусть сам народ возьмет в руки свое кровное дело.

Предложение социаль-демократов было отклонено, роспись передана на разсмотрение думской комиссии...

Пусть народ еще раз увидит, кто является его истинным защитником, за кем он должен идти и кому должен отдать свою могучую поддержку.

Исполнительное Бюро Влад. Окруж. Комитета Р.С.Д.Р.П.

Типография Влад Окруж. Комитета Р. С.-Д. Р. П. Апрель 1907 г.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Рождается новое солнце—погасим его! Растет новая сила—задушим ее!»—вот что говорят капиталисты, видя как растет сила и мощь рабочаго класса. «Запрячем рабочих в душныя фабрики и темныя шахты, лишим их света и воздуха, сделаем их своими покорными рабами, а когда они погибнут—выбросим без жалости на холод и голод, а себе купим новых рабов»...

Но не всегда уже так уверены капиталисты, все чаще в их души вкрадывается сомнение, все меньше у них надежды на то, что им удастся сломить непокорную голову рабочаго...

«Старый порядок рушится, падает, говорит им пролетариат,—разве вы не видите, что в душных мастерских, в тесных фабриках, в сырых подвалах растет мысль о грядущем избавлении? Разве вы не видите, как растет наша мощь, наша организованность, наша солидарность?

И эту мощь, эту силу пролетариата видят капиталисты. Особенно видят они ее в день 1 мая, когда рабочий класс всех стран торжественно и радостно встречает свой светлый пролетарский праздник.

В 1899 г. рабочие всех стран на своем с'езде заявили: хоть один день в году должен быть нашим! Этот день—1 мая—должен принадлежать нам, пролетариям всех стран, мы должны отвоевать его у своих угнетателей—капиталистов. В этот день, в этот светлый великий праздник, рабочие должны показать всему миру, что они чувствуют себя одной дружной тесной семьей, в этот день они должны подсчитать свои силы и показать капиталистам свою мощь, свою организованность.

И с тех пор в этот день не дымятся фабричныя трубы, не стучат машины, в этот день пролетариат бросает работу... Из своих душных фабрик и мастерских, из своих сырых подвалов рабочие выходят на свежий майский воздух. . При ярком весеннем солнце красуются их знамена. Высоко держит пролетариат свои красныя знамена, на которых рдеет кровь его погибших братьев! .

«Долой всякое угнетение, да здравствует социализм!» — написано на них.

Долой всякое угнетение, долой бедность, горе, нищету! Пролетариат знает, какую ношу несет он на своих могучих плечах, знает, как замирает жизнь, когда он скрещивает свои мозолистыя руки, — и он не хочет, чтобы от всех богатств,

созданных его трудом, оставалась ему только жалкая заработная плата, да безконечно длинный рабочий день. Пусть всеми богатствами пользуются те, кто производит их! Пусть не будет безполезных пауков, высасывающих кровь из пролетариата! Пусть не будет безработных, пусть каждый, кто хочет трудиться— удовлетворит все свои потребности! Пусть науки, искусства, семейная жизнь будет доступна для пролетариата! Пусть труд сделается удовольствием! Пусть будет равенство и свобода; пусть жизнь станет не борьбой из-за куска хлеба, а наслаждением! Вот требование пролетариата всех стран, ведущаго борьбу под знаменем международной Социаль-Демократии. И пролетариат знает, что эта жизнь наступит.

Но ему надо добиться еще многаго, чтобы приблизить это светлое царство социализма, чтобы иметь больше сил для борьбы за него...

И на красном знамени пролетариата написаны и другия требования: «Долой постоянную армию!» «Да здравствует 8 часовой рабочий день!»

Армия с оружием, направленным против народа, должна быть заменена вооружением всего народа, говорит пролетариат. Тогда не будет войн между народами, вызванных алчностью наших угнетателей, не будет литься ручьями народная кровь, брат не будет безсмысленно убивать брата... Пусть не будет постоянной армии и не смогут капиталисты и помещики разстреливать рабочих и крестьян, когда те борются за хлеб и свободу!

Мы хотим 8 часового рабочаго дня, говорит пролетариат. Мы хотим, чтобы повысилась заработная плата, чтобы сократилась громадная масса безработных, чтобы мы не теряли так быстро свою силу, свое здоровье, чтобы мы имели свободное время для отдыха, для нашего развития, для организации!

Товарищи, не работайте 1 мая! Пусть остановятся в этот день станки, пусть смолкнет стон подневольного труда! А вместо него пусть широкой, могучей волной пронесется по всему миру голос освобождающагося пролетариата! Встретьте, товарищи, с честью свой великий праздник.

На приветственный отклик пролетариата всего мира, ответьте громко, что русские рабочие на своем боевом посту...

Скажите в этот день капиталистам: наша сила крепнет, наши ряды сплачиваются... В день 1 мая покажите миру, что вас не утомила долгая борьба, что вы готовы довести ее до победы. Пусть многотысячныя собрания в этот день повторят наши требования.

Пусть 1 мая по всему миру пронесется наш могучий пролетарский клич: пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Апрель 1907 г.

Владимир Окруж. Комитет Р.С.Д.Р.П.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Земля и воля» вот народный клич, который пронесся по всей русской земле. «Земля и воля» вот великия слова, которыя об'единяют тесный союз голодных крестьян и рабочих.

Истинные друзья народа говорят: «только полная воля и передача всей земли без выкупа спасет нашу родину от полнаго разорения».

Правительство в лице министров определенно сказало: «всякая собственность, в том числе и земельная, должна остаться неприкосновенной. Мы будем оберегать священную собственность всеми имеющимися у нас средствами, вплоть до пулеметов и военных экспедиций». Вот как откликнулось правительство на нужды народа.

Разберемся, товарищи, кто может и хочет бороться за полную волю и всю землю.

От первой до второй Думы прошло 7 месяцев. Все это время правительство душило русский народ. Голодныя деревни наполнялись стражниками и казаками, чтобы выбивать недоимки. Рабочих слали с заводов и фабрик в родныя деревни помирать с голода. От голода пухнет народ. Свирепствует тиф и цынга, По всей русской земле несется стон и рыдания многомиллионного народа. Ужас и горе охватили крепким кольцом нашу измученную родину.

И вот теперь измученный правительством народ снова следит за работой 2-й Государственной Думы. Все его заветныя мысли обращены к Думе; все ждут, что она скажет.

Что же сказала Дума за 40 дней своей работы? Дума по прежнему без народа—вот ответ. Получил ли народ какое-нибудь облегчение за это время? Нет. Прежняя печальная картина: народ и нищета, разбой и насилие, как в лютое татарское время.

Истинным защитникам народных интересов в Думе приходится на каждом шагу встречать каменныя преграды в лице русскаго правительства и депутатов дворян.

Теперь в Думе решается важный, коренной вопрос: наделить-ли землей крестьян или нет?

Слились ли голоса всех депутатов в один общий народный голос, призывающий народ бороться за землю и волю? Высту-

нили ли все депутаты крепкими рядами на защиту народа под одним общим знамем, на котором было бы написано: «земля и воля»?

Товарищи! вы знаете, что депутаты не принадлежат к одной политической партии. Всех партий в Думе более десяти. Каждая партия решает по своему, решает так, как выгодно тем, которые их выбирали. Депутаты от дворян, помещиков и чиновников отстаивают свои земли, свои карманы, Они не дают совсем земли. На стороне дворян и правительство. Да это и понятно. Кто же сам себе враг. Сам царь, все князья и министры, генералы и губернаторы, все крупные чиновники в то-же время и крупные помещики. Царь имеет земли более 40 миллионов десятин. Граф Игнатьев продал 128000 десятин земли за 4 миллиона крестьянскому банку. Балашев владеет 387179 десятинами земли. Таких дворян на шее народа сидят целыя тысячи. Кроме доходов от земель, чиновники дворяне получают громадныя жалованья. Адмирал Алексеев на Дальнем Востоке получал 360000 руб. в год, Куропаткин 144000 руб., московский генерал-губернатор получает 110000 руб. Ясно, что от этих господ дворян ждать хорошаго нечего.

Другая партия, партия кадетов предлагает часть помещичьих земель за выкуп по справедливой оценке. Что же это за справедливая оценка?

Вспомните 61 год. Вспомните, как 40 лет крестьяне платили помещикам последние гроши. Крестьяне жили год впроголодь, да год совсем голодными, чтобы только выплатить сотни миллионов рублей помещикам, которые эти миллионы проматывали за границей. Новый выкуп обошелся бы крестьянству от 7 до 10 миллиардов. Вот что значит справедливая оценка! Под справедливой оценкой скрывается новая кабала. Как видите и эта партия в Думе не для защиты крестьянских интересов.

Депутаты первой и второй партии составляют большинство в Думе.

Вопрос о земле не решен еще в Думе, но и теперь каждый может сказать, как он будет решен.

Много дальше идет по отношению к народным нуждам трудовая крестьянская группа. Она требует всей земли для народа; вся беда в том, что эта группа склонна дать за землю небольшой выкуп.

Кто же даст полную волю и всю землю без выкупа? Где же выход из той бездны нищеты и печали, в которую загнало миллионный народ русское правительство? Где же та великая сила, которая уничтожит все старое и гнилое и выдвинет на свободный путь развития нашу измученную родину? Когда же для русской земли настанет то счастливое время, когда над ней засветится луч света и правды?

Социал-демократическая рабочая партия, верная защитница интересов рабочего класса и крестьянской бедноты, дает ответ.

Депутат от рабочих товарищ Алексинский сказал в Думе: «в нашей стране нет ни самодержавия, ни конституции. В нашей стране есть кровавая борьба между старым и новым миром. Идет борьба между теми, которые ради своих дворянских интересов предают огню и мечу народное имущество, и теми, которые хотят вырвать из рук хищников дорогую родину и передать ее в руки самого народа,—в руки свободных граждан».

Товарищи! Пока нашей страной правит царь с дворянами, нам не получить ни земли, ни воли. Наши депутаты требуют всего, за чем послал их изголодавшийся рабочий и крестьянин. Добудут ли они свободу и землю народу? Конечно нет! Сила в самом народе. Сила в крепком союзе депутатов с многомиллионной массой.

Товарищи! Готовьтесь к великому народному делу Готовьтесь покончить дело с преступным правительством. Будьте готовы встать на борьбу под красное знамя рабочей партии за землю и волю.

Да здравствует всенародная борьба! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание! Да здравствует Социал-Демократ. Рабоч. Партия!

Владимирский Окруж. Комитет Р. С. Д. Р. П.

Апрель 1907 г.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Царь-голод покоряет своей властной рукой все большия владения. Он неумолим, беспощаден...

Стонет крестьянин: свой хлеб давно вышел, купить не на что, ест—да и то не досыта—такой хлеб, что не всякий скот захочет: и с желудями, и с соломой, и с лебедой, а то и совсем голодает... Все больше и больше приносится жертв жестокому царю-голоду... Не в мочь станет крестьянину смотреть на своих горемык-детей, которым с ранних лет приходится терпеть горе и нужду, делить безотрадную долю бедняка-отца; не в мочь станет выносить их плач, когда нет для них куска хлеба,—и решается крестьянин избавить себя и детей от этих мучений... Бывали случаи, что крестьянин накладывал на себя руки, бывало, что он отдавал разврату свою дочь для спасения семьи от голодной смерти, бывало, что убивал своих детей—свою отраду, свое утешение, чтобы избавить их от мук голода. . Спасибо, царь-батюшка да благодетели-министры заботятся о бедном мужичке: дают ему добрые советы, как из соломы хлеб печь, как толочь и месить ее. А зачем крестьянину другой хлеб? Много больно захотел. Еще запросит тех дорогих блюд, которыми полны столы царя и министров! Мы, говорят, советами помочь рады, только исправно подати платите. И тянется крестьянин, из кожи вон лезет, знает: чуть не заплатил—налетят на деревню, как коршуны, царские опричники, продадут за грош последнее, что найдут в избенке, а то еще и расправятся так, что долго не забудешь...

Ассигновала первая Дума 15 миллионов на помощь голодающим, да дала то их правительству, хотя и говорили истинные защитники народных интересов, что из этого проку не будет. Так и вышло: стали хозяйничать Гурки и другие воры, набили себе полные карманы,—глядишь: от народных денег почти ничего и не осталось. Едет крестьянин за продовольственным хлебом за 30 верст и получает 15 фунтов на 3 месяца; как цыпленку по 16 золотников в сутки; привезут хлеб гнилой, а губернатор говорит: годится, сеят, ну и молчи. А то еще местные власти распорядятся продать хлеб крестьянам-богатеям, пусть те втридорога продают соседям... Закупили в Сибири такую пшеницу, что на одну четвертую часть вредных трав примешано. Где столовыя откроют для продовольствия населения, власти кричат:

бунт, крамола! Закрывают столовыя, заведующих арестовывают... Коли ты бунтовал, говорят умирающему с голоду крестьянину, так и хлеба тебе не дадим. А то еще привезут хлеб, да не туда, разгружают да нагружают снова, все деньги, да деньги, а крестьяне жди, а не хотят ждать—подавай стражников...

Поля не засеяны, скот последний с голоду мрет, тиф, цинга и другие болезни свирепствуют... Вынесет мужик: ко всему привык... Нет! Голод не тетка, а нагайка не пряник. Опять заговорили представители народа во 2-ой Думе о голоде... Социал-демократы предлагали передать решение этого вопроса в руки самого народа. Но их предложение провалилось, сдали в комиссию: пусть проверит, как правительство расходовало данныя на продовольственную помощь деньги. Дало правительство комиссии сухия чиновничьи бумажки, никаких настоящих отчетов не представило, да и нет их у правительства. Не сходятся вычисления комиссии с правительственными, а чуть сунулись было члены комиссии на места, захотели сами проверить, — всполошились министры, приказали никаких сведений с мест не давать. И сведующих лиц в комиссию приглашать не позволили. Проверяй, как знаешь! А правительство просит опять дать 17 с половиною миллионов на окончание продовольственной кампании прошлого года: надо с поставщиками расплатиться...

И кадеты тоже поддерживают правительство: «не расплатишься—честь всей России пострадает», говорит к. д. Родичев при одобрении справа. «Больно осерчал он что-то», по выражению крестьян-депутатов: «не знаете, говорит,—гнилой ли хлеб доставлялся правительством». Вот так заступник народной свободы!—министрам больше доверяет, чем народу!

Подписать неизвестные документы после того, как не получили от правительства никакого отчета и видели денной грабеж, опять дать 17 с половиною миллионов. Расплатиться! Да с кем? С Гурко! Гурко и вся шайка грабителей обижена: мало еще народ заплатил за их мошенничество!

Нет! Напрасно Родичев хотел «разбередить совесть» левых. Народ не осудит своих представителей за то, что они не соглашались дать опять деньги, из которых ничего почти не попадает голодным, опять благословить правительство на грабеж! Но ваши представители, товарищи, оказались в меньшинстве и опять Государственная Дума дала правительству 17 с половиной миллионов рублей! Оно живо сумеет разсовать опять также эти деньги... Не страшат их громы небесные, а земные они держат в руках... Но гром грянет...

Почему же голодают крестьяне? Ведь правительство хочет их видеть богатыми и довольными, ведь оно «встревожено оскуднением деревни». Да и помещикам ведь выгодней иметь спокойных соседей... Но зачем насилие, говорит министр Столыпин,

зачем разорять дворян, прибавляет он, зачем внушать темной массе, что землю надо взять?! Ведь взять землю без выкупа,— это значит превратить Россию в развалины, а крестьянам достанется все равно понемногу... Зачем такия потрясения, лучше бы верный хоть и скромный путь, намеченный правительством: пусть крестьяне переселяются, покупают земли через крестьянский банк, а помещики пусть живут спокойно... Вот что предложило правительство голодному, обнищавшему крестьянину!

Между крестьянином и землей глухой стеной стоит царское правительство и кровавой рукой загораживает дорогу к земле и воле.

И Дума, дающая деньги преступному правительству, не может дать землю и волю крестьянам. Не от Думы, в которой побивают ваших представителей, ждать вам помощи... Вам надо добиваться, товарищи, того, чтобы вся власть перешла в руки народа! Надо организоваться для борьбы, и крестьянам надо идти нога в ногу с рабочими, надо быть их верным союзником в борьбе с общим врагом—правительством помещиков и капиталистов.

Помните, что победить можно только вооруженным восстанием всего народа, что только Учредительное Собрание даст землю и волю!

Испол. Бюро Влад. Окруж. Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Типография Владимирскаго Окружного Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии.
Май 1907 г.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Без царя нет России! Благо народа русскаго связано с безопасностью императора“!

Кто же говорит это? Кто утверждает, что „о непоколебимой верности, о безпредельной любви к царю, о радости по поводу его избавления должны заговорить все народы России, от Польши до Камчатки, от Печерских тундр до вершины Арарата“? Кто говорит это? Не громадная ли масса нашего крестьянства, которая голодает из-за того, что по царскому соизволению, на основании данных царем законов, помещикам достались земли, а крестьянам—подати да налоги? Не крестьяне ли, которые едят хлеб с соломой и желудями, посматривая, как на их беде царские чиновники и министры греют себе руки, как царь милостиво награждает их орденами и деньгами, как помещики выжимают из мужиков последние соки под защитой царских пушек, казаков и стражников? Нет, не скажут уже этого крестьяне: понимают они теперь в чем их благо, и не о верности и любви к царскому правительству говорят они, а о земле и воле.

Где же тот народ, который говорит о безпредельной любви к монарху? Не рабочие ли, которых не оставляют своими милостями царь и „братцы“-министры? Нет: не за царское правительство умирали рабочие 9-го января, не за него боролись они на московских баррикадах, не за него проливали кровь по всем городам нашей великой России.

Кто же это выражает „глубокое негодование на презренных крамольников“, кто негодует „на дикия нападения изуверов“? Это не народ, это кучка прислужников правительства, это те, кому дорого не благо России, а свои карманы, те, кого правительство благословило на грабеж и на угнетение народа.

Не даром в зале заседания отсутствовали истинные представители народа, когда был сделан правыми запрос о „преступном заговоре“ против царя. Они знают, как важно было правительству выдумать этот „преступный заговор“, поднять шум, вызвать народных представителей на то, чтобы они выразили доверие и преданность правительству и негодование против „преступников“. Правые знали, что истинные представители народа не могут сделать этого, и хотели еще раз попытаться

сорвать Думу, большая часть которой это „банда революционных представителей", по выражению черносотенца Крупенскаго. Не могли же истинные представители народа говорить о „живейшей радости" по поводу спасения царя и о „глубоком негодовании на преступный замысел", как предлагали к.-д., называющие себя истинными защитниками народной свободы. „Народные представители должны радоваться спасению монарха, т. к. существованием своим они обязаны ему", кричали правые. Вы знаете, товарищи рабочие, кому обязаны мы существованием Государственной Думы, вы знаете, что через трупы ваших братьев прошли народные представители в Думу. Знает теперь и весь народ, хотело ли правительство созывать Думу или созвало ее под напором народного движения. И разве правительство примирилось с существованием Государственной Думы, разве примирилось оно с законом о неприкосновенности депутатов? Нет! Правительство нарушает права народных представителей, на каждом шагу отступает от данных им самим же законов. Ваших представителей, товарищи, окружили шпионами, которые следят за каждым их шагом и доносят по начальству. Письма и телеграммы депутатов проверяются жандармами, а то и совсем задерживаются. 3-х депутатов с.-д. правительство решило предать суду за произнесение речей перед рабочими и крестьянами. В самой Думе депутаты не могут разговаривать с посторонними лицами. В пасхальные каникулы местные власти не отходили от депутатов. Устраивать депутатам собрания не разрешают. Мало того: на квартиру депутата с.-д. Озоля был сделан ночной набег полиции, члены Думы, бывшие там, были лишены свободы на 5 час.; помещение было обыскано, а к депутатам полиция обратилась с требованием: „руки вверх", когда они доказывали, что личность депутата неприкосновенна. Правительство, посылая своих опричников, дало предписание о сопровождении судебной власти, т. к. лишить депутата свободы можно только по ея постановлению. Но арестованным только через 2 часа удалось добиться прокурора, который заявил, что и оснований то никаких не было для возбуждения следствия.

Почему же правительство решилось открыто нарушить права народных представителей? Да потому, что до министра дошли слухи о незаконном собрании и о связи депутатов с.-д. с военной организацией. Министр заявил, что и впредь будут приниматься такия же меры для охранения порядка и общественной безопасности. На другой день обыск повторился. И кому, товарищи, было нанесено это оскорбление? Вашим представителям, тем, кого вы избрали защищать ваши интересы! И после всего этого министр имел еще нахальство забрасывать грязью ваших представителей, обвиняя их в том, что они якобы за деньги снимали бойкот с лавочек.

Правительство одной рукой как будто делает уступки, а другой душит народ... На днях министр народнаго просвещения внес законопроект о всеобщем образовании, но за его красивыми словами представители народа ясно видели заботы министра о передаче школ в „надежныя руки“, чтобы их не использовали для политического просвещения народа.

А как оправдало правительство истязания в тюрьмах? На запрос об ужасных истязаниях в Алгачинской тюрьме министр „раз'яснил“, что насилий не было: арестантов только „слегка ударяли прикладами ружей плашмя“. А когда через полтора месяца прокурор делал осмотр, то даже следов не оказалось...

Нет примирения между правительством и народом! И напрасно уверяют правые, что скоро все лучшие сыны России будут в рядах полиции.

Помните, товарищи, что говорят вам ваши представители с.-д! Помните, что не Дума даст народу землю и волю! Помните, что при виде безпросветной нужды народных масс и безумной роскоши богачей, при виде неслыханнаго произвола властей и полнаго безправия страны, ежедневных виселиц и казней, при виде тысяч голодных деревень, вы не должны падать духом; вы должны помнить о той светлой жизни—социализме, которую вы завоюете. Покажите правительству помещиков и капиталистов, что нельзя заставить замолчать весь народ, нельзя победить его, когда он сорганизовался для борьбы. Помните, что вы не должны отступать от требования Учредительного Собрания, которое может быть только после победы над старой властью. Этой же победы можно добиться только вооруженным восстанием всего народа.

Организуйтесь, товарищи!

Исполнительное Бюро Влад. Окружного Комитета Р.С.Д.Р.П.

Типография Владимирского Окружного Комитета Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии. Май 1907 г.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Давно носились зловещие слухи, что Дума доживает последние дни. В то самое время, когда по всей русской стране свирепствовали тиф и цинга,—в пышных царских хоромах подготовлялся заговор против народных избранников.

В чем же провинились народные избранники перед царскими опричниками? За что такая немилость, что царь вторую Думу разгоняет казацкими нагайками? Причина старая. Царь в своем манифесте пишет: к прискорбию нашему значительная часть состава второй Думы не оправдала ожиданий наших. То же самое писал царь, когда разгонял первую Думу, а народных избранников забирал в тюрьмы. Какия не оправдались царевы ожидания? Отчего получилось прискорбие царево?

Товарищи! Народные представители от крестьян и рабочих требовали накормить хлебом безработных и голодных—и в этом они не оправдали ожиданий царя, которому дороги только интересы дворян и чиновников; народные избранники требовали всей земли без выкупа в руки всего народа--и в этом они не оправдали ожиданий царя, оберегающаго интересы помещиков, как верный послушный пес; народные избранники отказались дать денег правительству на казаков и стражников,—отказались дать кровью добытые народные гроши на угнетение голодного народа—и в этом не оправдали ожиданий царя; народные избранники требовали всей земли и полной воли—и от этого получилось царское прискорбие.

И вот правительство решило обвинить рабочих депутатов в государственном заговоре, а Думу разогнать.

Весь царский манифест от начала до конца одно хитрое лицемерие, один вымысел.

Социаль-демократы открыто перед всем русским народом, перед всем миром ведут борьбу с царским правительством за народные интересы, с.-д. открыто разоблачали разбой и насилие наших чиновников — и за это самое правительство обвинило в заговоре, засадило в тюрьму 26 рабочих депутатов. Ясно каждому, к чему стремится правительство. Разгоняя Думу, царь созывает третью Думу с новым избирательным законом, лишающим громадныя массы крестьян и рабочих избирательных прав, находя их темными и неподготовленными к государственной

работе. Царь, обещая одним манифестом, что ни один закон не может войти в силу без одобрения Государственной Думы, другим манифестом разгоняет Думу и издает новый закон. Царю с министрами нужна послушная Дума. Ясно, что ждать от правительства нечего. Пока правит страной шайка воров и насильников, не получить ни земли, ни воли. Только беспощадная борьба с вековым гнетом проложит дорогу к свободе...

Царское правительство, сажая рабочих депутатов в тюрьму, делает прямой вызов всему угнетенному народу.

Товарищи! Впереди предстоит жестокая борьба с царским правительством. Вызов правительством народу брошен, и не далек тот день, когда этот многострадальный народ схватится в открытой борьбе с шайкой воров и разбойников; не далек тот день, когда великий народ разнесет гнусное гнездо царских опричников и создаст новую свободную жизнь!

Товарищи! Готовьтесь к великому бою, старайтесь скрепить и удвоить свои ряды. Социаль-Демократическая Рабочая Партия, верная защитница интересов угнетеннаго народа, зовет вас под свое испытанное в бою красное знамя, на котором написано: Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Испол. Бюро Влад. Окруж. Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Надоело правительству слушать свободныя речи, что неслись из стен думы; не понравилось ему, что дума не утвердила сразу бюджета, что большая часть народных представителей требовала конфискации всех земель, передачи в руки самого народа решения вопроса о голодающих и безработных; не могло оно примириться с тем, что те, кто являлся истинными представителями народа, открыто разоблачали его преступления. И особенно недовольно правительство было вашими представителями, товарищи, социаль-демократами, которые всех решительней клеймили его. Ведь не примирять народ с правительством посылали вы своих избранников в думу, не о вечном терпении говорить народу, а о нещадной борьбе с его угнетателями. Вы наказывали им из стен думы призывать народ организоваться и готовиться к решительной борьбе за Учредительное Собрание. И ваши представители исполнили вашу волю. За то правительство обвинило их в заговоре, в том, что они «увеличивают еще смуту». Правительство разогнало думу и теперь само будет успокаивать страну: арестами, военно-полевыми судами, разстрелами... Но и само оно плохо уже верит в эти средства, не очень надеется на успех и заговаривает о созыве третьей думы.

Вторая дума «не выражала нужд и желаний народа», говорит царь в своем манифесте. Может быть правительство поняло, что нельзя ограничивать избирательные права рабочих и крестьян? Может быть оно даст теперь всеобщее избирательное право? Нет!

«Каждая часть населения должна иметь в думе своих избранников», гласит манифест, но должно быть в думе поменьше «некультурных и невежественных людей», раз'ясняется далее. Про кого говорится это? Да про вас, товарищи, рабочие и крестьяне, про всех тех, кто будет грудью отстаивать народные интересы, будет решительно и смело требовать земли и воли.

Представителей же дворян и крупной буржуазии в третьей думе будет еще больше. На долю землевладельцев отводится 50 процентов, т. е. половина всех выборщиков в губернском избирательном собрании. Правда, избирательными правами пользуются и крупные и мелкие землевладельцы, но министру внутренних дел дается право разбивать с'езды землевладельцев на

группы по местностям уезда, по национальностям, по количеству земли и другого имущества. И каждая группа посылает выборщиков не по числу ее членов, а пропорционально сумме их имущества. Таким образом, в одну группу министр внутренних дел может выделить кучку крупных землевладельцев, которые, имея больше земли, могут послать и больше выборщиков, чем другая группа с большим числом мелких землевладельцев.

При выборах во вторую думу 26 городов пользовались избирательными правами, теперь только 7 из них: правительство не забыло, что много представителей городской курии шли против него и тоже «увеличивали смуту»,—чего так боится правительство. С'езды городских избирателей могут также делиться по воле губернатора на две группы, что тоже может быть использовано правительством в его интересах. В общем губернском собрании на долю крупных городских собственников приходится 14 процентов выборщиков, на долю мелких—12.

Крестьяне имеют право посылать также по 2 выборщика от волостного схода, но выборщики должны быть избраны из лиц, не только принадлежащих к сельскому обществу, но живущих на своей земле не менее года и лично ведущих сельское хозяйство. Правительство хочет лишить возможности попасть в думу крестьян, получивших образование, живущих в городе,—надеясь, что темный мужик не сумеет отстаивать своих интересов. В общем губернском собрании на крестьян приходится 23 процента выборщиков, т. е. меньше четверти всего собрания.

Рабочих в третью Думу может попасть только ничтожная кучка. Мало того, что рабочие могут посылать только от тысячи одного выборщика, живущаго на месте не менее года, мало того, что они не имеют права посылать, как квартиронаниматели или как принадлежащие к сельскому обществу—теперь правительство разрешает производить выборы рабочим только в 8-ми губерниях.

На губернском с'езде избирают все курии вместе: первых 4-х членов государственной думы—из каждой курии по одному, а остальных—кого хотят. Правительство не хочет, чтобы крестьяне выбирали одного из своей среды сами, отдельно от других курий, как это было раньше, чтобы подавить голосами дворян и буржуазии голоса крестьян и рабочих и помешать им провести истинных борцов за землю и волю.

«Дума должна быть русской по духу» говорится далее в манифесте. Правительство хорошо помнит, как много социал-демократов послали во 2-ю Думу окраины с не-русским населением, и хочет ограничить их права. Польша вместо 37 депутатов посылает только 14, Кавказ вместо 29—10, а некоторые окраины не доросли еще—по мнению правительства—до того, чтобы участвовать в выборах. Русское население окраин может посылать

отдельнаго представителя, с'езды избирателей могут делиться по национальностям, — все, словом, дает возможность губернатору подтасовать так, чтобы получить угодных ему выборщиков.

Разрешает правительство предвыборныя собрания, но они конечно должны происходить в закрытых помещениях, посторонних лиц быть не должно, полиция, извещенная за 24 часа, может закрыть собрание, когда только ей вздумается.

И такой то думой правительство хочет успокоить страну! Товарищи, вы видите, что пролетариату нечего ждать от 3-й думы. Пролетариат в лице социаль-демократии давно высказал свое отношение ко всякой думе, созываемой правительством. Он борется за Учредительное Собрание, которое даст всю волю и землю народу и расчистит дорогу к социализму. Знает пролетариат, что наше правительство не может само подарить всю власть народу, что Учредительное Собрание может быть добыто только вооруженным восстанием народа. К этой то решительной борьбе и должен готовиться народ. И если пролетариат примет участие в выборах в третью думу, то только для того, чтобы с думской трибуны вести агитацию за подготовку к вооруженной борьбе за Учредительное Собрание.

Перед пролетариатом стоит громадная задача: не только организоваться самому, но и нести самую широкую агитацию в крестьянство, чтобы в решительный момент повести его за собой. Каждый должен вносить свою долю в общую пролетарскую работу под знаменем Российской Социаль-Демократической Рабочей Партии.

Помните, товарищи, что в организации ваша сила! Организуйтесь!

Испол. Бюро Влад. Окруж. Комитета Р. С. Д. Р. П.

Типография Влад. Окруж. комитета. Июль 1907 г.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГРАЖДАНЕ!

Две думы позади нас. Два раза, на основе уродливаго избирательного закона, царем изданного, посылал народ своих представителей в Петербург; два раза часть этих представителей пыталась помочь народу в его борьбе за лучшую жизнь, об'единить, сплотить народ для этой борьбы.

Оба раза насильники, царем в министры поставленные, разгоняли Думу, отнимали у народа последнія крохи прав, завоеванных было рабочим классом для всего народа в октябре-декабре 1905 года.

Нерешительным и лицемерным, граждане, было нападение царского правительства на избирательныя права после роспуска первой Думы: посредством знаменитых «сенатских раз'яснений» отбросило тогда правительство от избирательных урн сотни тысяч крестьян и рабочих.

Но уже безмерно наглым является государственный переворот, произведенный царским правительством после разгона второй Думы. Так называемые основные законы государства Российскаго были установлены перед первой Думой самим же царским правительством, но один из этих законов гласил, что без согласия Государственной Думы не могут быть изменяемы эти законы. И теперь открыто нарушило царское правительство избирательный закон, нарушило так, чтобы свести на нет число действительных представителей народа в Государственной Думе!

Граждане! Оглянитесь вокруг, посмотрите, что осталось от манифеста 17 октября?—Где те права и свободы, которыя торжественно были возвещены в этом манифесте? Никогда еще произвол и насилие не угнетали Россию так, как теперь; никогда еще кровавый туман преступной царской политики не окутывал Россию так, как теперь. Ложь и насилие—вот смысл всех царских обещаний; ложь и насилие—вот царские манифесты, проведенные в жизнь!

Место только богатым!—вот смысл государственного переворота 3 июля. Место только богатым.

Мы издаем такой избирательный закон, заявляет царское правительство, чтобы подавляющее большинство депутатов в Думе принадлежало к числу помещиков, чиновников и капиталистов.

Рабочих и крестьян мы не лишаем представительства совершенно, но мы устроим так, чтобы и рабочих и крестьянских представителей выбирали все те же любезные нам помещики, чиновники и богачи. 130 тысяч помещиков и богачей поставим мы над всем 130-миллионным народом; эти 130 миллионов мы заставим молчать и покорно нести ярмо нищеты и бесправия, а со 130 тысячами помещиков и богачей мы, царские ставленники, живо столкуемся. И Думу мы превратим в покорную исполнительницу всех наших велений.

Оглянитесь же, граждане, назад, вспомните, что говорила народу и о первой, и о второй Думе социаль-демократия.

Каждый из вас, до кого долетал в эти годы голос социаль-демократии, должен признать, что громче всех, решительнее всех провозглашала социаль-демократия то, что ясно и понятно должно быть теперь для всех: бессильна и безвластна Государственная Дума; ничто она, сама по себе, рядом с царским правительством, опирающимся на миллионную армию; нет на деле никакой конституции в России; пустыя слова—царския обещания и манифесты; нет и не может быть ни свободы, ни действительного народнаго представительства, пока не вырвана силой государственная власть из рук крепостников помещиков и перваго помещика, коронованнаго главы крепостников—царя! Только сокрушив, под ударами всенародной открытой борьбы, твердыню царской власти, сможет создать народ действительно народное представительство и взять в свои руки судьбу свою.

Так, решительнее и громче всех, говорила вам, граждане, и при первой, и при второй Думе социаль-демократия. И обращается она к вам, граждане, и на этот раз спокойная и решительная. Ничего, кроме голой правды, не было в словах ея, вся, во всей своей суровой наготе, должна быть видна и понятна эта правда всем, кто хочет видеть и понимать: нет земли у народа, пока нет действительной свободы; нет действительной свободы, пока нет у народа власти; нет власти, пока насильничает над Россией и грабит ее кучка знатных крепостников-помещиков!

Идя в 3 Государственную Думу, задачей ставит себе социаль-демократия разоблачать перед народом преступную политику царскаго правительства и за-одно с ним действующих черносотенцев и октябристов, разоблачать и трусливую, кадетскую либеральную буржуазию, неспособную бороться за народные интересы; задачей себе ставит социаль-демократия собирать, сплачивать в революционную армию народ и звать его на путь открытой, беспощадной борьбы с царской властью, единственный путь, который может привести народ к победе.

Граждане! Капиталисты и помещики будут выбирать в 6 губерниях рабочих представителей из числа выборщиков-рабочих.

Так добивайтесь же того, чтобы все выборщики-рабочие, все до одного, были социаль-демократы: тогда крепостники и локаутчики будут вынуждены выбирать в Думу социаль-демократов представителями от рабочих. Добивайтесь, чтоб и выборщики от крестьян были верными и твердыми защитниками народа; тогда крепостники-помещики вынуждены будут выбирать в Думу верных защитников народа представителями от крестьян. Городская беднота должна и может добиться того, чтобы и в городах, при выборах по второму разряду, в выборщики прошли социаль-демократы.

Граждане! Мы зовем вас к тому, чтобы самые выборы в 3 Думу превратились в сплошной и могучий всенародный протест против шайки грабителей и насильников, терзающих Россию.

130 тысяч помещиков навязывают свою волю всему народу, хотят навеки сохранить свое господство над ним—долой дворян, долой помещиков!—пусть раздастся в ответ из 130 миллионов грудей!

Они отнимают у народа и те жалкия избирательныя права, которыя завоеваны упорной борьбой—всеобщее, равное, прямое и тайное голосование!—пусть будет им всенародным ответом!

Они превращают Думу в жалкую, ничтожную канцелярию, в покорную покровительницу их велений—полновластное Учредительное Собрание!—пусть станет целью народной борьбы!

Они возстанавливают неограниченное самодержавие царя—да здравствует самодержавие народа!—этот боевой клич пусть напишет народ на своем знамени!

Граждане! Только в народной борьбе куется народная мощь; только сам борющийся народ добьется победы. Подавайте же ваши голоса за ту партию, которая в Думе и вне Думы решительнее всех зовет народ к той борьбе,—подавайте ваши голоса за **социаль-демократию.**

Испол. Бюро Влад. Окруж. Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Типография Влад. Окр. Комитета. Август 1907 г.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим и всем гражданам.

Товарищи рабочие и все граждане! 22 ноября началось заседание особаго присутствия сената с участием сословных представителей, для суда над С.Д. фракцией 2-й Г.Д.

Всем вам известно, что правительство обвиняет их в тайном заговоре на жизнь царя и в принадлежности к Р.С.Д.Р.П. Всем вам известно, что с требованием выдачи их правительство обратилось ко 2-й Г. Д. Большинство Думы не посмело ответить сразу отказом на неслыханное требование правительства и передало этот вопрос в особую комиссию. Тогда правительство воспользовалось этим как предлогом для разгона гос. думы и для Государственнаго переворота, изменения избирательнаго закона во вред народным массам.

Большинство депутатов С.Д. было арестовано в ближайшие затем дни. В течении полгода они содержались в тюрьме, и теперь преданы суду, состоящему из чиновников, среди которых имеется несколько бывших директоров департамента полиции и из черносотенных предводителей дворянства, городских голов и волостных старшин. Обвинение возведенное на депутатов С.Д. было и останется наглым. С думской трибуны наши депутаты открыто и гласно заявляли, что они не заговорщики, что их партия заговоров не признает, а надеется лишь на массовую организованную борьбу всего народа с гнетом и насилием царизма. С другой стороны, на выборах во все 3 думы и во время их всей деятельности с.-де-тия не только не скрывала, но всегда поддерживала свои связи с партией народа с Р.С.Д.Р.П., партийныя организации поддерживали их в тактике.

С.Д. в думе говорили и говорят, всегда обращались и обращаются с декларацией к народу от имени партии.

Почему же за принадлежность к партии привлекаются С.Д. депут. 2-й Г.Д. Ясно: предвидя в деятельности С.Д. фракц. 2-й думы постоянную опасность. для себя, убеждаясь в том, что эта деятельность помогает проле-ту, все теснее сплачиваясь под знаменем Р С.Д.Р.П. в могучую и грозную организованную силу, что к организо-му проле-ту примыкает постоянно все более широкия массы крестьянства и городской бедноты, это правительство. защищающее интересы помещиков, капиталистов и

чиновников, измыслило свое наглое обвинение, чтобы расправиться с самыми опасными непримиримыми своими врагами.

Нападением на С. Д. депутатов правительство сделало покушение на полное уничтожение гос. думы. После долгаго томительнаго заключения, разтлевшаго силы и здоровье многих депутатов, наступил суд. Наши товарищи члены с. д-ой фракц. 2-й думы не боялись этаго суда. Они знали, конечно, заранее, что на справедливость им нечего разсчитывать, что судьи простые приказчики прав-тва, которые слепо исполняют данное им приказание вынести обвинительный акт, что акт этот, конечно, предрешен и изготовлен заранее. И все-таки они шли на суд; более того, шли с радостью, потому что на суде готовы были завершить свое славное дело представительства проле-та и всего борющагося народа за свободу и землю, готовы были дать отчет избирателям в своей работе. Они шли туда с надеждой и твердой уверенностью, что каков бы приговор самодержавия над ними не был,—их оправдает народ, оправдает избиратель и организованный пролетариат.

Они были уверенны, что суд над ними избранниками народа, пред лицом всего мира, превратится в суд над царизмом и его слугами. Но прав-во и здесь выказало себя низким и трусливым. Оно испугалось света и гласности, даже чиновничьяго неправеднаго суда, оно решило затянуть рот этим измученным, но попрежнему страшным и непримиримым своим врагам и закрыло двери зала судебных заседаний, не допуская на суд ни публики, ни представителей печати.

Оно превратило суд над депу-ми не только в наглое издевательство над правосудием, но и в тайный застенок, где его приспешники будут клеветать на народных избранников, не давая им возможности разкрыть ложь и обличить несправедливость самодержавия. Депутатам с.-д. не позволили даже заявить требование, чтобы суд совершался при открытых дверях. Тогда они отказались присутствовать в этом застенке, об'явив, что они уходят из суда и освобождают защитников от обязанности присутствовать на суде. В застенке остались одни палачи, чтобы продолжать свое гнусное дело.

Весь мир знает тепер и вполне понимает неслыханную низость этаго издевательства над правосудием. Весь мир понимает, как трепещет царизм, как дрожат поддерживающие его крепостники-помещики, капиталисты, казнокрады-чиновники, пред смелым обличительным словом представителей рабочих, и они правы в своем страхе и трепете.

Наши товарищи члены С.Д. фракции 2-й гос. дум. не одни, за ними стоят стройные ряды всероссийскаго про-та, за ними стоит учащаяся молодежь. Это доказано тем: в день 22 ноября, что произошло в гос. дум. на фабриках и заводах

и в высших учебных заведениях почти всей России. В день суда над с.-д. фракцией 2-й гос. думы, фракция 3-й Думы, продолжительница своей предшественницы, заявила с думской трибуны протест против суда и демонстративно удалилась с заседания. Правда, черносотенцы депутаты криком и стуком помешали сказать все то, что хотели по этому поводу сказать наши депутаты; правда, председатель думы, верный слуга черносотеннаго большинства, не оградил свободы слова, не удержал черно-ых погромщиков от их неистовства, но протест был все-таки громко заявлен пред Россией и всем миром.

И в то же время осуществился—еще другой, более глумительный и серьезный протест. Пролетариат, исполненный долга, исполненный долгой и тяжелой борьбой с правительством и капиталистами, страдающий от преследований и арестов, локаутов и безработицы, дороговизны и эксплоатации, несмотря на бедствия, ему грозящия, отозвался на суд над депутатами однодневной демонстративной забастовкой.

В Питере бастовало до 100.000 рабочих. В Москве — несколько 10 тысяч. Были забастовки и в целом ряде других городов и фабричных местечек России: Иваново-Вознесенске, Саратове, Баку, Вильно и т. д. Товарищи, эта забастовка знаменательное явление. Она показывает, что проле-ат накопляет энергию для дальнейшей борьбы. Она показала, что Российский проле-ат, всегда идущий впереди всего народа в великой борьбе за освобождение, попрежнему, стоит в передних рядах борцов. Он заявляет свою солидарность с с.-д. депутатами и представителями рабочаго класса. Он заявляет свой протест против грубаго насилия над депутатами и против неслыханной несправедливости совершонной над ними.

Тем-же самым русский пролетариат провозглашает свою решимость до конца бороться за то, за что боролись с.-д. депутаты во второй г. д., за уничтожение насилия и произвола, за полное народовластие, гражданское право, за 8-часовой рабочий день, за переход помещичьей земли без выкупа в руки крестьянства, за достижение таких условий общественной жизни, которые облегчили-бы борьбу за Социализм. Пролетариат показал, что несмотря на гнет реакции, на союз буржуазии с правительством, он попрежнему является защитником демократии, защитником интересов широкой народной массы. Только одна учащаяся молодежь присоединилась к протесту, выраженному проле-том в день 22 ноября. Бастовали все высшия учебныя заведения Питера и других городов России и этим также было выражено сочувствие преследуемым депут-ам. Масса же бур-зии непосмела ничем выразить протест, несмотря на то, что и ея представителям 1-й думы, подписавшим Выборгское воззвание пришлось сесть на скамью подсудимых. Депутаты С.Д. присуждены к 4 и 5 годам каторги.

Правительство и его слуги не поколебались обратиться на народных представителей с неслыханной свирепостью, они отправляют их на долголетнюю каторгу за исполнение ими своего долга пред рабочим классом и пред народом, а Гурку, виновника голодания многих тысяч крестьян, растратившаго миллионы народных денег, только к удалению от службы на 3 года. Итак, казнокрадам свобода, борцам за свободу народа-каторга.

Граждане! сплотитесь теснее с рабочими С. Д. для продолжительной борьбы против общаго врага, почерпните в забастовке 22 ноября новую уверенность в победе великаго народнаго движения и новую силу для того, чтобы достигнуть победы и свергнуть ненавистное самодержавие, заменив его демократической республикой.

Долой самодержавие!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует борьба!

Да здравствует вождь рабочаго класса Р. С. Д. Р. П.

Март

Тип. В. О. О. Р. С. Д. Р. П.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия *).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи Гусевские рабочие!

Произвол, который царит теперь по всей России и который обрушился всей своей тяжестью на рабочий класс, заставляет рабочих вспомнить о том славном, недавнем времени, когда волки в овечьей шкуре, т. е. фабриканты с ихними приспешниками, не называли рабочих иначе, как братцами и все почти требования их исполнялись безпрекословно. Прошло то хорошее время; слишком были доверчивы рабочие к своим заклятым врагам, как-то: преступному самодержавию, во главе с коронованным палачем Николаем II и сворой его опричников, тунеядцев, возлюбленных им фабрикантов и заводчиков.

Товарищи, где тот манифест с обещанными свободами? Его уж нет, на место его явились виселицы, разстрелы, тюрьмы и высылки, в места не столь отдаленныя. Где обещанное народное представительство? Все народные защитники, которых вы посылали во вторую Г. Д., 55 социал-демократов ваших представителей осуждены на каторгу. Это вам плата за ваше доверие, так платит вам ваш царь батюшка.

И теперь прекрасно взвесив все положение рабочаго класса, фабриканты всей России, опираясь на штыки и нагайки, об'единившись в союзы, добивают героя октябрьских дней—рабочаго, мощно вставшаго за попранныя человеческия права, под знамя ненавистной фабрикантам Р. С. Д. Р. П., истинной защитницы рабочих всей России.

Чего то чего они, т. е. фабриканты, не делают; они закрывают фабрики, выбрасывают целыми 10-ми тысяч рабочих на улицу, отбирают завоеванные кровью права, часто указывая на то, что рабочие не умеют ими пользоваться и в виду этого они нестолько вредят капиталистам, сколько рабочим. Сбросила и ваша администрация с себя маску и предстала пред вами во всей ее неприглядной наготе. Кто из вас не читал копию с письма вашего хозяина, царского лизоблюда и пияты, в котором

*) Настоящая прокламация выпущена Гусевской группой РСДРП, но из конспиративных соображений она помечена как издание Владимирского Окружного Комитета.

он приглашает вас обуздать ваших товарищей разхищающих его добро и грозит, что если будет продолжаться так, то он закроет фабрику и лишит более 10 тысяч человек куска хлеба. Не доказывает ли он этим, что вы не умеете пользоваться свободой совести, что вы не честны по отношению к нему? Дальше, указывая на результаты, которые произвело закрытие фабрик в некоторых местах, он говорит вам, «что там рабочие сами взялись охранять хозяйские интересы, прося при этом хозяина, что бы фабрика была пущена». Где это было? Неизвестно, да если и было, то это весьма вероятно по очень простой причине, голод не тетка, говор. русск. пословица, и рабочие не хотели пополнять уже и до того переполненную армию безработных. Следовательно здесь говорит не благоразумие, а подчинение насилию. Чего же хотят товарищи ваши администраторы во главе с Н. М.? Хотят ли сжать вас в бараний рог, довести ли до того, что бы вы пришли к Дубасову или Трунину и просили их, что бы они ввели обыски, или же это начало к более решительным шагам, которые хочет предпринять компания неуличенных воров.

Виноваты ли вы, что у вас на фабрике происходят кражи? Где та причина, заставившая рабочих броситься на такое пошлое дело? Разве вы когда поощряли воровство? Разве вы не строго наказывали воров, и покровительствовали этим нравственным уродам из вашей семьи? Конечно нет. Так кто же тут виноват. Виновата во первых целая Государственная система, а главное виновата заводская администрация. Что товарищи развило воровство, и где та проклятая почва, на которой этот проклятый плод успел так глубоко пустить корни. Во первых этому способствует низкий уровень развития преступников и их материальное положение, это первое бросает человека в омут разврата.

Второе и более сильное средство свести человека с правильной колеи—это пьянство, которое пользуется у нас покровительством не только администрации заводской, но даже и полиции: шпиков и бродячих продавцов у нас шатается целых 10 чел., они так свободно разгуливают и предлагают встречному и поперечному, по ихнему желанию, хочет он в разливку, хочет на вынос. Полиция раз'езжает ни мало не обращая внимания, да и к чему им обращать внимание, когда она занята совершенно другим. Она спасает родину, вылавливает крамолу, и если она очень прозябнет, то ему же халатник даст водочки безплатно обогреть свои истинно-русския внутренности. Сам пристав, вахмистр и околодочный часто запросто ездят на новую постройку и там у пивоторговца просиживают целыя ночи и возвращаются домой и сыты и пьяны и с целым запасом новостей о крамольных замыслах и о бывалых на Гусю революционерах. Из воров же некоторые тоже посещают г. пристава и он выдает им деньги и обещает награды тому, кто больше принесет известий.

А Дубасову с присными разве не служат эти подонки общества. Служат. Только ни непосредственно, а через штат который у него сформирован Товарищи, пьянство поистине страшно развито на Гусю; боритесь с ним сами, конечно, не полицейскими мерами, не грабежом, потому что кто не хочет пить тот даром не возьмет, спасите и обратите внимание на молодежь, на будущих граждан обновленной России, а также и вы молодые люди старайтесь поддерживать своих товарищей. Для того, чтобы было где разумно и осмысленно провести время, для того вам не обходимы: народный дом, театр, публичный дом и т. п.

В тех местах, где рабочие более сознательны, где тихо личное я уходит на задний план, где рабочим дороги интересы родины, там они организованны в Рабочую партию и им уже не страшны ни какия угрозы мирских захребетников кровопивцев фабрикантов, они понимают, что значит жить с пользой для родины и проводить время разумно.

Товарищи, организуйтесь! под знаменем Р. С. Д. Р. П.

Стройте крепко, не поддавайтесь угрозам не пойманных воров—Дубасова и К°.

Тип. Влад. Окр. Орг. Р. С. Д. Р. П.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Прокламация, распространявшаяся в Орехово-Зуеве летом 1892 года*).

От рабочих-социалистов.

Товарищи! Холера уже близка к нам. От нее помирают люди в Нижнем, начали помирать и во Владимире. Холера — болезнь заразная, прилипчивая, зараза переходит от одного человека к другому, от больного к здоровому. Как уберечь себя от заразы—этому научат вас доктора и студенты-медики, которых и нужно слушаться всякому, кто хочет остаться жив и здоров. Многие из вас не понимают этого и болтают, что заразу разносят доктора и студенты, которые будто-бы льют в колодцы яд, отравляют с'естные припасы и т. п.

Товарищи! Неужели вы поверите такой чепухе? Неужели вы не сумеете отличить своих врагов от друзей, которые заботятся о вас и лечат вас?

Да, нас отравляют, но не студенты, а хозяева-фабриканты, заставляя работать по 14 часов в сутки в грязных и душных фабриках, постоянно уродуя и калеча нас на плохо огороженных машинах, заставляя изнывать под непосильной работой наших жен и детей, выдавая нам такую плату, на которую еле можно не помереть с голоду. Зараза идет к нам и как ей не разгуляться среди изможенного работой и плохой пищей народа.

Нам нужно потребовать от хозяев-фабрикантов, чтобы на все холерное время они *увеличили заработную плату*, уменьшили *рабочий день до 8 часов и прекратили работу детей*. Добром

---

*) Прокламация была составлена В. В. Кривошея, Н. И. Ивановым и др.; напечатана на пишущей машинке и оттектографирована М. Л. Сергиевским; перевезена из Владимира и распространялась в Орехово-Зуеве рабочим И. К Штиблетовым.

Прокламация находится в «Деле Влад. Губ. жанд. управления по производству дознания о распространении преступной пропаганды среди фабричных рабочих м. Никольского, Покровского уезда, и села Зуево, Богородского уезда»—«К делу Московской Судебной палаты № 2 за 1893 г.». (Центроархив).

Прокламация была доставлена в департамент полиции 5 (17) сентября 1892 г.

фабриканты на это не согласятся, нужно заставить их силой Царь и его правительство, правда, на стороне фабрикантов, царские войска уже посланы по фабрикам, но, если мы дружно возьмемся за дело, то получим то, чего хотим. А как добиться того, чтобы правительство стояло за рабочих, а не за фабрикантов—дело это большое и трудное, и об нем мы постараемся поговорить с вами в другой раз.

А теперь скажем только, что главная причина холеры—это голод прошлого года; зараза идет из тех губерний, где голодный народ давно уже помирает и от тифа, и от цинги, а теперь от холеры. И опять таки царское правительство виновато в этом: оно обездолило крестьян и довело их до голодовки. *Пока власть будет в руках царя, а не в руках выбранных самим народом лучших людей, до тех пор будет в России и голод, и зараза.*

20 июля 1892 года.

Рукопись Н. Е. Федосеева, отобранная у одного из рабочих в Орехово-Зуеве в 1892 году [1]).

Лист первый.

Вы не сомневаетесь в том, что положение русского рабочего ужасно во всех смыслах; это состояние далеко ниже той степени, при которой его можно было бы назвать человеческим существованием; состояние русского рабочего неизмеримо ниже состояния рабочего класса (пролетариата) на Западе Европы, где, как вы знаете, борьба с хозяевами дала блестящие результаты для рабочего класса и ведет этот класс к несомненной и очень близкой полной победе над хозяевами или, говоря иначе, ведет его к полному экономическому освобождению. Рабочий класс на Западе Европы ведет борьбу, подготовляясь к ней, огромными, стройными союзами, состоящими из рабочих всех отраслей промышленности; большинство рабочих на Западе сознало общность интересов между всеми рабочими не только отдельной страны (напр. Англии), но сознало общность интересов с рабочими всего мира; рабочий класс на Западе об'единяется под знаменем, на котором написано: «*Пролетарии всех стран, об'единяйтесь*». Это сознание общности интересов выражается в том, что с каждым годом к рабочей партии примыкает все большее и большее число рабочих. Для быстрого об'единения огромного множества, рабочие Запада стоят в очень благоприятных условиях; они пользуются: свободой печати, сходок и союзов; *всею этою они добились сами*; кроме того, рабочий на Западе и теперь уже достиг такого экономического положения, в сравнении с которым положение нашего рабочего можно назвать страшно бедственным, нищенским и рабским состоянием.

Такое состояние нашего рабочего класса об'ясняется тем, что он не об'единился, отдельные его члены не пришли к ясному сознанию общности интересов между всеми рабочими (сначала хотя бы между рабочими одной фабрики или местности),—еще не понял русский рабочий, что улучшить свое тяжелое, угнетенное, бедственное положение он может только упорной борьбой

---

[1]) Рукопись находится в Центроархиве, в «деле Владимирского губ. жандармского управления по производству дознания о распространении преступной пропаганды среди фабричных рабочих м. Никольского, Покровского уезда, и села Зуево, Богородского уезда» — «К делу Московской Судебной Палаты № 2—1893 г.».

с хозяевами, что хозяева его враги и враги только потому, что они *владельцы* капитала (машин, фабрик, «товара», заработной платы, т.-е. средств существования рабочих); русские рабочие не поняли еще, что улучшить свое положение они могут лишь соединившись друг с другом в крепкий и большой *постоянный* союз для того, чтобы начать настоящую борьбу с хозяевами за улучшение своего положения; эта борьба и нашего рабочего должна завершиться полной победой рабочего, полным освобождением от угнетения, освобождением из рабства капитала. Наш русский рабочий только тогда, когда «теперь ему станет не вмочь»,—поднимается, об'единяется, как один человек, «бунтует», как говорят хозяева и их сильные защитники. Восставая против хозяев сразу, не подготовившись, не выработав *ясных целей,* наши рабочие разгромляют фабрики и лавки, избивают полицию и директоров; но почти всегда не получают от таких восстаний ничего облегчающего их положение, а между тем восстания кончаются для них в большинстве случаев очень печально: правительство жестоко обращается с руководителями рабочих; и всякого рабочего, осмелившегося поднять голос, чтоб уяснить товарищам причины их бедственного положения—правительство еще недавно жестоко карало, как государственного преступника; [что же—это недурно. Само правительство откровенно признает себя защитником интересов хозяев, если считает рабочих, об'единяющихся, чтобы бороться с хозяевами, госуд. преступниками] [2]) и только после громадных стачек, в которых участвовало множество рабочих, правительство принуждено было «сбавить наказание» и карает теперь за подготовку стачки тюремным заключением около года. Несмотря на большие стачки, наши рабочие почти совсем не добились улучшения своего положения. Это потому, что русские рабочие об'единяются только *временно*, чтобы произвести стачку, когда уже станет невозможным терпеть, потому что они не выработали у себя еще ясных целей, к которым должно стремиться, не поняли главных причин своего бедственного положения.

Поэтому нужно стремиться всеми силами уяснить рабочим правильный взгляд на главные причины их бедственного положения. Нужно стремиться поставить их начавшуюся борьбу с хозяевами на прямую дорогу, всего ближе ведущую к главной цели: полному освобождению рабочего класса. Для этого нужно стремиться соединить рабочих каждой фабрики в постоянный союз, который бы имел ясные взгляды о том, какими способами надо вести борьбу и какова конечная главная цель борьбы, и каковы ближайшие, *исполнимые* в настоящую минуту *задачи*, решение которых хоть несколько улучшит тягостное положение рабочих и тем самым сделает их более способными к борьбе.

---

[2]) Текст, заключенный в скобки [ ], в рукописи зачеркнут.

Современное экономическое подчинение рабочего класса хозяевами, владеющими капиталом, причина рабства рабочих во всех его видах: нищеты, умственного отупения и политической зависимости. Поэтому, экономическое освобождение самая главная цель, к которой должен стремиться рабочий класс. Освобождение рабочего класса может быть достигнуто только самим рабочим классом. Борясь за свое освобождение, работники борятся за совершенное уничтожение всяких общественных неравенств; рабочие, борясь за свое освобождение, борятся за одинаковые для всех права и обязанности. Экономическое освобождение рабочего класса может быть совершено только насильственным путем, путем захвата политической властью (государственной) всех орудий и средств производства (капитал) из рук хозяев капиталистов. Для этого рабочие сначала каждой отдельной фабрики, потом каждой местности (или губернии), и наконец рабочие всех отраслей производства должны единодушно об'единиться в крепкий и стойкий постоянный рабочий союз. Соединение с рабочими Запада для наших рабочих крайне необходимо и неизбежно: наши рабочие очень многому должны научиться у своих западных братьев, боровшихся больше их и потому более опытных; но в настоящее время такое соединение совершенно невозможно.

Лист второй.

Когда русские рабочие об'единятся в крупную силу, тогда они могут приступить к борьбе за улучшение своего положения и прежде всего русские рабочие потребуют и будут настойчиво добиваться *политической свободы:* свободы своей рабочей печати (газет и книг), обсуждающей и защищающей интересы рабочего класса, свободы публичных сходок и полной непаказуемости рабочих союзов. Добиться всего этого для рабочих очень важная задача; добившись политической свободы, рабочие уже быстро пойдут по верной, прямой дороге к полному освобождению себя от экономического гнета, а вместе с тем и соединенного с этим гнетом, политического бесправия и подчиненности.

Когда русские рабочие об'единятся в крупную силу, тогда они могут стремиться к улучшению своего экономического положения, т.-е. могут бороться с хозяевами из-за требования уменьшения рабочего дня и увеличения заработной платы, потому что уменьшение рабочего дня и увеличение заработной платы необходимы для более скорого об'единения возможно большего числа рабочих. Это улучшает положение рабочих и поэтому делает их более способными к собственному умственному развитию. Я не говорю здесь о множестве других очень важных выгод для рабочих..... осуществления этих требований, потому что вы об этом хорошо знаете из превосходной книжки г. Г. В. Плеханова.

Я считаю за величайшее счастье для себя сообщить вам в заключение программу, предложенную великим учителем рабочих всего мира немца Карла Маркса.

«Социалисты «социал-демократы»,—так говорят в предисловии к «Манифесту рабочей (коммунистической) партии» его составители—социал-демократы позорным считают скрывать свои воззрения и намерения. Они открыто об'являют, что их цели могут быть достигнуты насильственным ниспровержением всего существующего строя. Пусть господствующие классы трепещут перед восстанием и победой рабочих. Рабочие (когда они об'единятся в крупную силу) ничего не могут потерять в восстании, *кроме своих цепей*, а приобретут целый мир. Рабочие всех стран, об'единяйтесь!».

Рабочие стремятся уничтожить современный порядок вовсе не потому, что они несчастные, угнетенные бедняки. Нет. Рабочие потому стремятся к господству, что они класс, производящий все огромное богатство общества. Они стремятся уничтожить современный строй потому, что большая доля *производимого ими* богатства поступает в руки хозяев, а рабочие получают заработную плату, на которую они едва могут жить.

Рабочие хотят уничтожить заработную плату и пользоваться всем богатством, которое они производят.

Хозяева из огромной доли богатства выдают рабочим только заработную плату, потому что в их руках находятся орудия производства. Орудия производства должны перейти в руки рабочих. Не в руки рабочих одной какой нибудь фабрики—это был бы простой грабеж, а в руки рабочих всего государства, потому, что отдельные рабочие также мало имеют права на фабрики и машины, на которых они работают, как и каждый из них в отдельности на богатство, производимое ими всеми. Следовательно, рабочие вовсе не хотят уничтожить собственности, а, напротив, хотят, чтобы каждый владел тем, что он заработал.

А теперь рабочие вырабатывают все богатства, а получают только заработную плату, хозяева же владеют только капиталом, не работая, получают огромную долю богатства, создаваемого рабочими; хозяева не могут проесть, прокутить всего того богатства, которое остается в их руках, несмотря на их роскошную жизнь; на огромную часть денег, полученных ими за товар, произведенный рабочими, хозяева покупают машины, нанимают новых рабочих и это увеличивает их богатство еще более.

А рабочий, производящий все богатство, работающий изо дня в день, как каторжник, до полного изнеможения—получает лишь заработную плату. Богатство, создаваемое рабочими, растет в огромных размерах, а они получают все такую же нищенскую заработную плату только потому, что они должны продавать

себя хозяевам, как рабочую силу. Рабочие хотят уничтожить тот порядок, при котором они получают заработную плату потому, что они создают все богатство, а не только ту долю его, которую они получают в виде заработной платы.

Не увеличить только заработную плату хотят рабочие, а получать все, что они вырабатывают.

Рабочие не признают справедливости в таком порядке, при котором они лишены права собственности на то, что ими выработано. Поэтому, они хотят совершенно уничтожить существующий порядок, основанный на несправедливости.

Они могут это сделать, только отняв у хозяев фабрики, машины и т. д. (одним словом, капитал).

Этот капитал принадлежит всем рабочим государства, поэтому и должен перейти во владение всех рабочих государства.

Руководители рабочего класса и в настоящее время не должны противиться стачкам рабочих. Они не должны сами возбуждать к стачке, потому что стачка в настоящую минуту бесполезна почти; но раз рабочие вступили в стачку, руководители должны указать им на самые важные требования, которые они должны выставить и на необходимость *постоянного* союза между ними для того, чтобы борьба с хозяевами была возможно успешнее. Наконец, раз стачка началась, руководителям следует раз'яснять рабочим, что разгром и грабеж положительно вредят делу, и, вместе с тем, привлекать рабочих к широкому обсуждению их интересов.

К „делу“ 1895-96 г. г. о Н. Е. Федосееве, Н. А. Сергиевском и др.*).

«5 апреля 1895 г. в г. Владимире, в канцелярии 11 роты 9 Сибирского Гренадерского полка, батальонный командир, подполковник Сократов, случайно нашел на окне брошюру «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», соч. Плеханова. Вследствие сего было произведено сначала расследование военным начальством, а затем возбуждено, при Владимирском жандармском управлении, дознание, коими установлено, что брошюра эта принадлежала находившемуся в то время в отпуску вольноопределяющемуся рядового звания названного полка Сергею Лебедеву. В виду заявления Лебедева, что, отправляясь в отпуск, он оставил помянутую брошюру младшему унтер-офицеру своей роты Сергею Ключареву и заявления рядового Матанкина, что Ключарев, выбывший тогда также в отпуск, перед от'ездом что-то долго искал в шкапу ротной библиотеки, был произведен военным начальством осмотр этого шкапа, при чем обнаружена гектографированная брошюра, озаглавленная «Сборник № 2», содержащая в себе «Программу Исполнительного Комитета народной партии», «Письмо к русской революционной интеллигенции» и т. п. произведения революционного содержания. Возвратившийся 22 апреля из отпуска Ключарев пояснил, что брошюра «Сборник № 2» также принадлежит Лебедеву и что он, Ключарев, читал ее, не видя в этом ничего дурного.

При дальнейшем расследовании установлено, что Лебедев и Ключарев, происходя оба из духовного звания, воспитывались одновременно во Владимирской духовной семинарии, откуда вышли, не окончив курса, в 1893 г. В бытность в семинарии, Лебедев был замечен в неприличном поведении в церкви, в чтении сочинений, недозволенных воспитанникам, и в самовольных отлучках на родину. По выходе из семинарии, Лебедев стал обнаруживать стремление к сближению с народом и с этой целью нанялся даже простым работником в с. Митрошино, Владимирского уезда, к крестьянину Подпорину, у которого прослужил с пасхи 1894 г. по 22 октября того же года, исполняя все крестьянские работы и проводя свободное время в обществе крестьян. Поступив затем в декабре 1894 г. на военную

*) Из «XIX и XX обзоров важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи, по государственным преступлениям за 1895 и 1896 г. г.», стр. 224-228.

службу вольноопределяющимся, он, по отзыву начальства, ничем не отличался от простого солдата, часто просиживал в сапожной мастерской, где учился шить сапоги, и, по собственному сознанию, распространял среди солдат противоправительственные сочинения. Будучи же изобличен в этом, при изложенных выше обстоятельствах, он вступил с рядовым Матанкиным в разговор, при котором, заявляя, что готов жертвовать собою, но не выдаст других, что планы их когда нибудь сбудутся, далее стал проповедывать о неудовлетворительности существующей формы правления в России. Он говорил, что крестьянам со времени освобождения от крепостного права стало жить хуже, в особенности с введения земских начальников; что нужно сделать так, как во Франции, т. е. дать право голоса каждому крестьянину не только в деревне, но и в целом государстве, для чего необходимо пропагандировать в народе, и что в роте нет солдата, который бы ему не сочувствовал. При допросе Лебедев действительно отказался указать источник приобретения им означенных преступных сочинений, после же ареста пытался отправить письмо к своей сестре Анне Беляевой, в коем, извещая о своем задержании, писал, что «нисколько не горюет, и что если что нибудь ему будет, то за святое дело».

Кроме Лебедева и Ключарева, изобличенного лишь в хранении вышепоименованных брошюр революционного содержания, к дознанию привлечен сын священника, также бывший воспитанник Владимирской духовной семинарии, Александр Троицкий, на основании показания Матанкина о посещении Троицким в январе 1895 г. Лебедева и имевшихся во Владимирском жандармском управлении сведений о сношениях Троицкого с лицами неблагонадежными политически. По обыску у него ничего преступного не оказалось, при допросе же он об'яснил, что, выйдя из семинарии, он проживал у своей матери, в с. Богородском, Владимирской губернии, заинтересовался крестьянскою жизнью и, узнав от товарищей семинаристов, что с этим вопросом хорошо знаком Лебедев, в январе 1895 г. действительно посетил последнего, при чем беседовал с ним лишь о крестьянской жизни, о преимуществах последней в сравнении с другими родами занятий.

При осмотре книги посетителей 11 роты Сибирского Полка за время с 1892 по 1895 г., с целью выяснения лиц, посещавших в полку обвиняемых Лебедева и Ключарева, было установлено, что Ключарева посещал Михаил Сергиевский, а так как, по имевшимся сведениям, во Владимире действительно проживал, под негласным надзором, бывший гимназист Владимирской гимназии Михаил Сергиевский, уволенный из Московского университета за участие в беспорядках в 1894 г., то у Михаила Сергиевского 14 мая 1895 г. был произведен обыск, при чем у него была найдена, помещенная в 3-х шкапах, библиотека, состоящая

из 495 книг, преимуществен. экономич., философского и историч. содержания, из числа каковых только три оказались запрещенными к обращению в России и 57 книг—запрещенными к обращению в библиотеках и читальнях. Но, помимо означенных книг, на одном из библиотечных шкапов был найден сверток, в коем оказались разные преступного содержания печатные, литографированные и рукописные сочинения: «Насущный вопрос», «Манифест партии народного права», «Речь 1 Мая», с приложением адреса Шелгунову, «История развития нашей социал-демократической партии и ее учения» и др., а также записная книжка с записями, разными инициалами, фамилий лиц, получавших книги из библиотеки, денежных взносов в пользу таковой и разная переписка. При допросе, в качестве обвиняемого, Михаил Сергиевский показал, что вышеупомянутый сверток с брошюрами противоправительственного направления принадлежит брату его, бывшему воспитаннику Владимирской гимназии—Николаю Сергиевскому, который, будучи, в виду сего, также привлечен к дознанию, сознался в этом и, отказываясь указать лиц, от которых получил эти сочинения, об'яснил, что доставил их брату дня за три до обыска, для того, чтобы сжечь, так как у себя в квартире сделать этого не мог, опасаясь потревожить свою хозяйку, в комнату которой из печи пошел бы дым.

При расследовании затем относительно помянутой библиотеки выяснено, что она составляла достояние целого кружка гимназистов Владимирской гимназии, собиралась ими в течение более 20 лет, при чем означенный кружок никаких противоправительственных целей не преследовал.

Наконец, при ближайшем осмотре переписки, взятой при обыске у Михаила и Николая Сергиевских, оказались письма, писанные находящимися в административной высылке в Сольвычегодске Николаем Федосеевым и адресованные Николаю Сергиевскому. Письма эти, а также отобранные вслед затем по обыску у крестьянина Нижегородской губернии Андрея Андреевского, свидетельствовали о том, что, путем письменных сношений с этими лицами, Федосеев вошел с ними в соглашение о распространении революционных идей среди рабочих, при посредстве лиц одновременно с ним привлекавшихся ранее к дознанию, каковы—названный Андреевский, а также рабочие: Гусев, Кривошея*), Алекторский и др. Так, в письме к Николаю Сергиевскому, Федосеев просил его «возобновить, через Андрея Андреевича» (Андреевского), прерванные сношения с только что названными лицами, снабдить Андреевского, для передачи этим лицам, книжками, «в роде—«Чем люди живы» Дикштейна, «Манифест Коммунистической партии», «О рабочем движении

*) В. В. Кривошея не был рабочим (Ред).

на западе и у нас» и т. п.». В письмах же, отобранных у Андреевского и переписанных последним, очевидно, для распространения среди рабочих, Федосеев прямо указывал, что «наступило для рабочих время действовать». Представляя затем картину тяжелого положения рабочих и указывая, что «стачки и беспорядки на фабриках всегда приносили рабочим благоприятные результаты», он даже говорит, что «всего этого мало, что все рабочие должны действовать совместно, а для сего необходимо развить в них такое сознание, тогда только и может быть достигнуто, мирным или иным путем, улучшение быта рабочего класса».

В виду изложенного, Федосеев и Андреевский также привлечены к этому дознанию, коим, однако, не установлено, чтобы по приведенному подговору Федосеева, Андреевский и Николай Сергиевский приступили к преступной пропаганде среди рабочих, но выяснено, что лица эти оказывали денежную помощь некоторым из поименованных выше рабочих, обвинявшихся совместно с Федосеевым в 1892 году».

Библиографический указатель литературы о Н. Е. Федосееве.

1. **Федосеев Николай Евграфович.**—*Один из пионеров революционного марксизма в России.* (Сборник воспоминаний). Издан. Истпарта ЦК ВКП (б). ГИЗ. 1923 г., стр. 185.

   В сборнике помещены письма Н. Е. Федосеева к А. А. Андреевскому и Н. Л. Сергиевскому; воспоминания о Н. Е. Федосееве: В. И. Ленина, А. И. Елизаровой, И. Лалаянц, Н. Л. Сергиевского, С.П. Шестернина, С. И. Мицкевича, И. Антокольского, Л. Лежава и Ю. Мартова.

   К периоду работы Н. Е. Федосеева во Владимирской губернии относятся воспоминания Н. Л. Сергиевского, С. П. Шестернина и частью А. И. Елизаровой.

2. **Н. Сергиевский.**—*Федосеевский кружок 1888—89 г. г.* «Красная Летопись» — журнал Ленинградского Истпарта, № 7 и 9 за 1923 г.

3. **Н. Сергиевский.**—*Так что же такое Федосеевский кружок 1888-1889 г. г.?.* Статья в «Историко-революционном сборнике» под редакцией В. И. Невского, том I, издание Истпарта ЦК ВКП (б), 1924 г.

4. **А. Санин.** — *«Самарский Вестник в руках марксистов».* «Пролетарская Революция»—журнал Истпарта ЦК ВКП (б), № 12 (35) за 1924 г.

5. **Ю. Мартов.** — *Записки социал-демократа.* Изд. «Красная Новь», 1924 г.

6. **С. Лифшиц.** — *Очерки истории социал-демократ. организаций в гор. Казани (1888—1916 г. г.),* часть I, стр. 9, «Кружок Федосеева».

7. **С. Лифшиц.** — *Очерки истории Казанской социал-демократии.* Часть I, «Кружок Федосеева». «Пути Революции» — исторический журнал «Татбюро Истпарта, № 1, 1922 г., гор. Казань.

8. **М. Г. Григорьев.**—*Воспоминания о Федосеевском кружке в Казани.* «Пролетарская Революция», № 8 (20) за 1923 г.

9. **Н. Л. Сергиевский.**—*Владимир Ильич и литературное наследство Н. Е. Федосеева.* «Красная Летопись» № 6 (21), 1926 г.

Жандармская характеристика тов. М. А. Багаева *).

Совершенно секретно.

АГЕНТУРНЫЕ СВЕДЕНИЯ.

По дознанию о «Северном Союзе».

Багаев, Михаил Александрович, уроженец г. Иваново-Вознесенска, женат, четверо маленьких детей. Живет без прописки с семьей в гор. Владимире по Гончарной улице, в доме Зверьковой (занимает маленькую отдельную квартирку). Брюнет, шаршавый, похож на еврея, левый глаз косит, выговаривает на «о». Привлекался в Петербурге, где его «пытал» Секеринский, был в ссылке в Оренбурге; работал в Харькове; был задержан раз, когда являлся за паспортом в Иваново-Вознесенск; виделся в Нижнем-Новгороде осенью прошлого года с делегатом «Рабочего Дела», находился в Самаре, когда статистики устроили вечеринку в честь Лаговского; виделся в Воронеже с Николаем Кардашевым и Алексеем Любимовым, который ему особенно люб, и месяца четыре назад поселился во Владимире. Все окружающие названный город фабрично-заводские центры Багаев знает досконально, до мелочей, знаком с местным социал-демократическим движением, с большинством деятелей коего в интеллигентной и рабочей среде имеет тесные связи. С удовольствием вспоминает Кирюшу Отрокова (в ссылке), Ивана Махова (в Сибири); вообще гордится «ивановцами». Знаком хорошо с Александром Доливо-Добровольским, накануне ареста коего удрал из Ярославля, где знал местное светило — Владимира Носкова. В Керчи повздорил из-за кружковых авторитетов с молодым Коганом, братом инженера «Осипа Аркадьевича»: последний, вследствие этого, стал даже хуже относиться к нему. По словам Багаева, Иосиф Коган—ярый рабочеделец, которого в Харькове все побаиваются, и конспиратор, каких только надо желать. Багаев считает себя только районным представителем

*) Помещена в очерке т. О. А. Варенцовой - «Северный Рабочий Союз». О. А. Варенцова в примечании к этим агентурным сведениям пишет, что они, «несомненно, принадлежат «Ивану Алексеевичу» (Менщикову). В общем и целом они правильны. Разумеется, уклонения от истины есть, но они существенного значения для выяснения дела не имеют; то, что он сам непосредственно видел и слышал, передано точно» (стр. 90).

Северного Союза, но признает, что фактически он является и членом Центрального Комитета. Нелегальный «Александр» у него был по пути на юг, откуда он должен вернуться с людьми для типографии и проедет, наверное, в Кострому, так как в Ярославле он провалился, а в Иваново-Вознесенск не хочет. Багаев знает про себя, что его разыскивают, но не об'является, ибо тогда надзор помешает ему «работать». Во Владимир он приехал с рекомендациями от нижегородского статистика Ивана Павловича Ладыжина, очень серьезного, энергичного, но крайне осторожного работодельца, который за последнее время поддался, впрочем, тяготению к «Искре», которое преобладает теперь в Волжском Союзе, к которому, кроме Н.-Новгорода, примыкают еще Казань, Самара и, кажется, Саратов (Ладыжин уже скрылся за границу, но, узнав, что произведенный обыск не имел серьезного значения, вернулся и был привлечен за бесписьменность). Когда возник вопрос о том, кто мог ездить представителем от нижегородцев на недавний партийный с'езд, то Багаев, потолковавший с женой (сильно революционизирована и посвящена во все конспирации мужа), решил, что это был не Ладыжин, а другой, который действительно дольше 24-го, по домашним обстоятельствам, оставаться на заседаниях не мог. Багаев удивляется, почему именно выбрали этого господина, тем более, что он хотя и «деляга», но весьма не речист. Благодаря секретарю Владимирской Губернской Земской Управы (бывш. студент Юрьевского университета), Александру Саввину Панкратову (работал по статистике в Нижнем-Новгороде, имел соответствующее письмо от Ладыжина), Багаев получил негласно заработок в почвоведном отделе и в то же время принялся обрабатывать окружающую публику, давая желающим на прочтение (за плату) новинку нелегальной литературы (например, члену суда Черносвитову № 3-4 „Зари"), или просто облагая данью сочувствующих; для последних он, желая окончательно их «расшевелить», на одном из собраний прочитал реферат „О роли интеллигенции в освободительных движениях". Хотя своей угловатостью и неряшливостью у либеральных дам Багаев и вызывает неприязненное чувство, но многие любят его за искренность и непосредственность. Из таких знакомых у него есть семейство Губских, земец Черный и другие. Более близкие и деловые сношения Багаев поддерживает с каким-то смотрителем местного технического железнодорожного училища, с которым они наметили из числа оканчивающих курс учеников пять или шесть человек, достаточно «подготовленных» на легальной прессе и в будущем могущих оказать услуги целям пропаганды. Один из таких молодых людей поступает на службу в гор. Ковров, где при его содействии предполагается распространить майские воззвания. Майские листки Багаев имеет возможность разбросать через своих людей на заводах «Гусь», в Орехово-Зуеве

(где столп либерализма Бальмонт), Кохме, Шуе; Багаев надеется, что соответствующее количество (более 3000) прокламаций будет ему доставлено из Ярославля. Он корреспондирует в „Искру", писал, например, о замерзшем рабочем в заводском арестном помещении, о циркуляре по этому поводу бывшего губернатора Цеймерна; послал копию письма из Петербурга рядового лейб-гвардейца по поводу избиения студентов в Народном Доме. Недавно Багаеву привез какой-то человек транспорт, заключающий в себе 200 экземпляров: № 12 «Искры», 20 оттисков «Борьба с голодающими», 7 книг № 2-3 «Зари», 5—«Свободы», десятка два брошюр «Надгробное слово» и «Профессиональные союзы». На всех этих изданиях имеется печать Киевского комитета Российской Соц.-Дем. Раб. Партии; доставитель счета не пред'явил, но сказал, что ему велели получить 80 рублей. Багаев недоволен составом транспорта, так как 12-го номера слишком много, а в то же время он не имеет «Искры» №№ 7, 8, 9, 15, 16, 17 и 18, и брошюр —«За сто лет» и «Самодержавие и Земство», за каждую из коих есть охотники дать по 10-ти рублей. Нелегальную литературу Багаев хранит, повидимому, дома, 3 книжки „Зари" и брошюру Шипеля он дал своей приятельнице Ольге Варенцовой, которая 10 приехала из Ярославля, ночевала у Панкратова, день 11-го провела с Багаевым, а вечером выехала восвояси, имея намерение в Иванове повидать кое-кого. Будучи у Багаева, Варенцова поведала, что ярославский комитет до пасхи воззваний изготовить не успеет и поэтому разбросает их около 22-23 апреля. Сейчас гектографируются (между прочим одним студентом в имении, верстах в 15-ти от Ярославля) листки майский и корзинкинский специально (по личным воспоминаниям о побоище—Владимира Александровича Носкова). С Иваново-Вознесенском Варенцова не знает, как и быть: связи с рабочими уцелели лишь у нее, а вести самой листки туда ей невозможно. Общепартийные воззвания во Владимирский район она обещается доставить, если не обманет «Владимир Михайлович» («Бронер», арестован). Варенцова продиктовала Багаеву список рабочих, которые сидят в ярославской**) тюрьме и коим он должен был передать пособие. Багаев, побывавший у кого-то, заявил, что рабочих почти всех перевели уже, в том числе и «Богдана» Бабушкина (нелегального), а вновь поместили московских студентов Нарбекова и Преображенского, да 30 мест готовят для ивановцев. Вспоминали Варенцова и Багаев, как замечательно хороших рабочих, некоих Леонова и Мокруева (Иван Петров), находящихся в Саратове. Варенцова написала для Багаева на немецком языке новый заграничный адрес: Нюренберг, Венцеппитрассе 1219, Вильгельму Гертель,

**) Тут описка, или опечатка в очерке О. А. Варенцовой: разговор идет не об ярославской, а о владимирской тюрьме. (Ред.).

который относится к Носкову. По подсчету Варенцовой и Багаева, доход Северного Союза за время его деятельности достиг около 3000; траты в неменьшей сумме, в кассе мало; крупный расход вызывает поддержка колонизированных работников (нелегальные «Александр», «Николай Антонович», «Гаврилл Петрович») и помощь арестованным. Во Владимире Варенцова виделась с занимающейся в городской библиотеке Марией Ивановной Крамаревской. Для конспиративных сношений и посылок Варенцова указала адрес: «Москва, Кудрино, Торговая школа, учитель Василий Иванович Ананьин, Мария Ивановна Ананьина», а для справок о себе по Ярославлю, как наиболее безопасное место: „Тверцы, дом Штанкова, Кондратьева“ (сестра Варенцовой, уже подвергалась обыскам). Варенцова вечером 11-го уехала, предупредивши, что Евгений Федорович Дюбюк должен бы уже приехать во Владимир к своей матери (дом Бузина, против женской гимназии, по Большой улице). 12-го Панкратов действительно розыскал Дюбюка и привел его к Багаеву, с которым и познакомил его. Дюбюк—сосредоточенный, длинноволосый молодой человек; говорит гладко, не совсем охотно; мать его «генеральша»; он служит в Ярославском статистическом бюро, жена его недавно ездила в Москву для свидания с братом, студентом университета, отправленным ныне за беспорядки в келецкую тюрьму. Дюбюк знаком с Александром Эдуардовым Редер, подвергавшимся уже арестам, которого считает очень серьезным человеком; он знает и петербургского рабочезнаменца, технолога Лурия. Дюбюк ко времени распространения листков обязательно вернется в Ярославль. Багаев говорит, что Лактин был подослан социалистами-революционерами, но сторонников в Ярославле не нашел и примкнул к Комитету, для которого добывает денежные средства. Услугами Владимира Михайловича Трегубова в Ярославле Багаев тоже пользовался (между прочим, занял у него 10 рублей, когда бежал из названного города). Разговор Дюбюка и Багаева носил общий, так сказать, характер и ограничился почти обычными рассказами разных революционных былей—небылиц, одна из коих, впрочем, представляет интерес. Багаев припомнил, что, кажется, в мае 1899 года он ехал из Москвы на Харьков с товарищем, который завел разговор, во время которого собеседник указал на третьего лежавшего спутника, советуя не слишком распространяться, на что Багаев заметил: „Он спит“; однако, неизвестный, открыв глаза, заявил, что он все слышал и пояснил, что он сам работает в типографии у Черткова в Лондоне и что его брат арестован с типографией в Белостоке (несомненно, это был Мовша-Лурия), а в конце-концов дал два адреса для выписки из-за границы нелегальных изданий. Багаев говорит, что в экономисты перешел бывший товарищ его и Варенцовой, некто Кондратьев, ныне архитектор, живущий в Харькове. Дюбюк слышал, что студент

Демидовского лицея Оршанца выдавал. Тоже самое говорят про некоего Леонова, известного в Перми, Вятке и Ярославле. Багаев рассказывал про какое-то сочинение ссыльного Махайского, наделавшего много шума своим полуанархическим содержанием и создавшего целую группу «махаевщины».

Деревня Горки, Переславль-Залесского уезда, близ которой находится имение того же названия А. А. Ганнина, в котором в 1894 году был В. И. Ленин и где печаталась в то время его работа—«Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами?».

Материалы к истории соц.-дем. кружка на Гусе-Хрустальном в 1902 г. *).

М. Ю.
Товарищ прокурора
Владимирского
Окружного Суда
по
Муромскому-Меленковскому участку.

Августа 14 дня 1902 г.
№ 115
г. Муром.

Секретно.

Его Превосходительству Г-ну Прокурору Владимирского Окружного Суда.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

Вследствие предписания от 7 августа с. г. № 235, имею честь представить Вашему Превосходительству следующие сведения о сущности производимого подполковником Сомовым дознания о преступном сообществе на заводе Гусь-Хрустальный.

До апреля 1902 года на заводе Гусь-Хрустальный Нечаева-Мальцева, повидимому, все было спокойно и кроме сведений, исходящих из наблюдений жандармского управления, не было никаких других указаний на какое либо рабочее движение. Но 4, 8 и 13 апреля 1902 года были обнаружены подброшенными в разных местах завода печатные социально-революционного характера брошюры и газеты. Вследствие этого подполковником Сомовым за рабочими завода было учреждено негласное наблюдение, а затем с 26 июля по 3 августа у них же было произведено 28 обысков, при чем у следующих лиц были найдены ниже перечисленные книги, газеты, записки и проч.: у Шувалова—книга без заглавного листа со статьями тенденциозного характера; у Алексея Лобачева записная книжка с собственными стихотворениями о порядках на заводе Гусь-Хрустальный; у Николая Русанова—разная переписка, карточка политически-неблагонадежного Николая Гогель и адрес его сестры Ольги Гогель; у Александра Курицина—список лиц, приглашенных на празднество у рабочего Резчикова; у Ивана Малышева — «Листок работника» № 7 за 1901 год и газета »Искра» № 5 за 1901 год, о которых Малышев об'яснил, что получил эти издания от рабочего Резчикова; у Дмитрия Дементьева ничего до

*) Помещаемые документы находятся в архиве канцелярии прокурора Владимирского Окр. суда за 1902 г., дело № 4 «О преступном сообществе рабочих на заводе Гусь-Хрустальный».

настоящему обыску не оказалось, но ранее им была представлена газета «Искра» № 12 за 1901 г., о которой он показал, что получил ее от рабочего Лаврентия Львицина; у Николая Гладкова—брошюра «Обвинительный акт»—отдельный оттиск и приложение к 9 номеру газеты «Искра» за 1901 год, с послесловием от этой газеты; об этой брошюре Гладков показал, что получил ее от рабочего Александра Полякова; у Якова Дмитриева Стрелкова—разная переписка и брошюра «Союза Русских социал-демократов»—«Рабочий день» и «Что нужно знать и помнить каждому рабочему»,—об источнике получения которых Стрелков дал уклончивый ответ; у Николая Григорьева Резчикова—разорванный конверт, на внутренней стороне которого карандашом написано: «Скоро то время настанет, проснется рабочий народ, могучий и сильный воспрянет и двинется мощно вперед» и заключено словами: «Он воздух свободный вдохнет, неправду сломив правосудья, победную песню споет»... Резчиков об'яснил, что надпись сделана очень давно и не помнит кем; к этому он добавил, что сборища рабочих в его квартире не устраивались никогда; у Павла Яковлева Полякова отобрана разная переписка, указывающая на ведение им с рабочим Русиновым разговоров политического характера и письмо, изобличающее его в распространении социально-революционных изданий, в чем на допросе он отчасти и сам сознался, об'яснив, что писал и говорил о нелегальных изданиях лишь из-за хвастовства. Затем был также произведен обыск у Лаврентия Нефедова Львицина, по какому у него ничего нелегального не оказалось. Однако, он достаточно изобличается в имении и распространении запрещенных изданий не только показаниями рабочих Андрея Ефимова и Дмитрия Дементьева, но и об'яснением своего старшего брата Григория Львицина, упрекавшего его, в присутствии мужа их сестры Осипа Мельникова в том, что он читает нелегальные издания и вращается в среде лиц, также их читающих; Осип Мельников подтвердил, в свою очередь, сделанное на него указание со стороны Григория Львицина. Этот последний об'яснил, что нелегальные издания получаются на заводе Гусь-Хрустальный от учителя Векшинской церковно-приходской школы Ивана Васильева Деева. У Деева был произведен подробный обыск, при чем были найдены следующие книги и издания: литографированные и самим Деевым списанные сочинения Максима Горького—«О писателе, который зазнался» и «Пред лицом жизни»; тетради переписанных сочинений гр. Л. Н. Толстого—«Деньги» и «Христианское учение»; газета «Искра» №№ 5, 5, 9, 10 и 12 за 1901 год и отдельный оттиск этой газеты к № 13 за 1901 год: «Как живут московские булочники и кондитеры»; оттиск к номеру 9 «Искра»—«Обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховских заводах»; № 4 «Южного Рабочего» за 1901 год; самим Деевым составленная «Манифестация» к

народным учителям; книжка с квитанциями о сборе денег; письмо на имя учителя Муромско-городского училища Ивана Константиновича Наумова, находящегося в отпуску в гор. Киржаче, Владимирской губернии, с сообщением ему московского адреса некоей Александры Шокиной и с отметкой о том, что ей уже сообщено о приезде Наумова в Москву, а так же послано 5 рублей денег; затем Деев обращается в письме к Наумову с просьбой забрать у Шокиной новостей и привести сюда 2 фунта глицерину, что там сделать удобнее, чем здесь; письмо к некоему «Сергею Андреевичу», писанное Деевым, но подписанное «Голубев», в коем сообщается, что «у меня имеется кое-что из новостей, могу поделиться, пишите, в каком количестве можно распространить каждую вещь,—сколько имеется пенителигенций». Наконец, была отобрана и разная другая корреспонденция, указывающая на агитаторскую деятельность Деева. Сам Деев об'яснил, что все отобранные издания и книги он получил от своего товарища Хлынова, после его ареста в Москве, но кем они посланы, ему неизвестно.

13 текущего августа подполковником Сомовым под моим наблюдением было приступлено к производству формального дознания о преступном сообществе рабочих на заводе Гусь-Хрустальный, причем того же числа в гор. Меленках были привлечены и допрошены по обвинению в преступлениях, предусмотренных 2 ч. 250, 252 и 318 ст. Ул. о Нак., следующие лица уже ранее арестованные и заключенные в местную тюрьму по распоряжению подполковника Сомова: Яков Дмитриев Стрелков, который, не признав себя виновным в пред'явленном к нему обвинении, об'яснил, что отобранные у него две нелегальные брошюры он нашел случайно на заводе Гусь-Хрустальный около железной дороги. В квартире Резчикова он бывал, где встречал рабочих—Чистова, Оныхтина, Муратова, Курицина и Лобачева, но здесь политических бесед никогда не бывало.

Лаврентий Нефедов Львицин, также не признавший себя виновным и об'яснивший, что в компании Резчикова он никогда не бывал, а Деева знает мало, познакомившись с ним случайно. Затем 14 же августа в городе Муроме были допрошены по обвинению в вышеуказанных преступлениях следующие также ранее заключенные в местную тюрьму подполковником Сомовым лица: Иван Васильев Деев, Павел Яковлев Поляков и Николай Григорьев Резчиков, которые себя виновными не признали и ничего по существу обвинения не об'яснили.

К изложенному имею честь добавить, что к производству формального дознания приступлено было лишь 13 августа, в виду того, что подполковник Сомов был в отлучке из гор. Мурома, продолжавшейся несколько дней и сделанной им вследствие служебного поручения.

Товарищ Прокурора *Уттилов.*

М. Ю.

ПРОКУРОР

Владимирского Окружного Суда

января 14 дня 1905 г.

№ 19

Г. г. Владимир.

Копия.

СЕКРЕТНО.

Во Владимирское губернское совещание.

Предложив 4 сего января за № 7 Помощнику Начальника Владимирского Губернского Жандармского Управления представить в губернское совещание дознание о Дееве и др. на предмет: 1) прекращения в отношении обвиняемых Девсина, Стрелкова, Резчикова, Красильникова, Чупрова, Комиссарова и Иванова, за отсутствием в их деятельности признаков преступления, а в отношении Шокиной и Багаева—за недостаточностью улик и 2) приостановления по отношению к Хльнову за безвестной его отлучкой, имею честь сообщить губернскому совещанию подробные соображения мои об основаниях сего предложения.

Дознанием по отношению к названным лицам добыты нижеследующие данные: по отношению к Девсину, он же Иванов,—при отрицательных результатах обыска, удостоверение свидетеля Селихова о передаче Девсину в 1902 году нелегальных изданий, полученных самим свидетелем еще в 1898 или 1899 г. от обвиняемого Гарина, а также об'яснение обвиняемого Якова Стрелкова и свидетеля Петра Стрелкова о получении первым из них от Девсина нелегальных брошюр. По отношению к Стрелкову, он же Петров,—обнаружение у него по обыску двух нелегальных брошюр, полученных от Девсина, об'яснение свидетеля Новикова о передаче Стрелкову нескольких нелегальных изданий, взятых им, в свою очередь, от обвиняемого Львицина (умершего) и об'яснение обвиняемого Резчикова, находившегося в близких отношениях со Стрелковым, об обмене нелегальными изданиями с этим последним. По отношению к Резчикову—удостоверение свидетеля Алеманова о передаче Резчикову значительного количества нелегальной литературы, полученной свидетелем от обвиняемого Гарина, и об'яснение свидетелей Константинова, Шувалова и Чурина о получении ими нелегальных изданий от Резчикова, а также отчасти результаты обыска, по которому у него найдено переписанное революционное стихотворение. По отношению к Шокиной, при отрицательных результатах обыска,—об'яснение обвиняемого Деева о том, что обвиняемый Хльнов указал ему на Шокину как на лицо, через которое можно было доставлять на Гусь нелегальную литературу и переписка ее с Деевым по этому

вопросу, не приведшая, однако, ни к каким явно преступным результатам. По отношению к Багаеву, находящемуся в Восточной Сибири, неизвестно где:—при отрицательных результатах обыска, оговор обвиняемого Деева о получении им от Багаева нелегальных изданий, перевезенных затем на Гусь-Хрустальный. По отношению к сельским учителям: Иванову (принят в настоящее время на военную службу), Комиссарову и Красильникову—при отрицательных результатах обысков, их собственные об'яснения об обмене между собою, как товарищами по учебному заведению, нелегальными изданиями, полученными Ивановым от Деева, а также показание Красильникова и Комиссарова о том, что они собирались отпечатать, но не отпечатали, нелегальную брошюру. По отношению к сельскому учителю Чупрову, при отрицательных результатах обыска,—об'яснение обвиняемого Деева и Комиссарова о том, что они передали ему несколько нелегальных изданий, и свидетеля Григория Соколова, товарища Чупрова по учебному заведению, о том, что Чупров читал ему нелегальную брошюру, а также результаты экспертизы, указывающей, что противоправительственные воззвания, найденные по обыску у обвиняемого Федора Соколова, переписаны рукою Чупрова, при чем, однако, экспертиза эта, по свойству своему, является мало убедительной.

Изложенными данными в достаточной степени выяснено, что получение Девеным, Стрелковым и Резчиковым нелегальной литературы было совершенно случайным, при отсутствии непосредственных сношений на почве противоправительственной пропаганды, с главными деятелями: Деевым, Гариным и Дородиновым, т. к. первоначально передавшие им нелегальные издания Селихов, Новиков и Алеманов хотя и получили литературу от названных Гарина и обвиняемого Львицина, однако, не были признаны посредниками в распространении таковой и остались непривлеченными к дознанию. Если обвиняемые и не ограничивались одним только чтением и хранением нелегальной литературы, а передавали ее друг другу, Резчиков-же, кроме того, давал таковую некоторым из рабочих, то, при отсутствии указаний на сношения их с лицами, служившими первоисточником появления нелегальных изданий в фабричном районе, и сообразно с прочими обстоятельствами дознания, необходимо признать о том, что отдельные случаи передачи обвиняемыми противоправительственных брошюр и газет не были вызваны целями пропаганды, а обусловливались только интересом к прочитанному.

Что касается Красильникова, Чупрова, Комиссарова и Иванова, то при доказанности хранения ими нелегальной литературы, в дознании отсутствуют данные, изобличающие их в намеренном распространении этими обвиняемыми таковой, так как взаимный обмен отдельными изданиями лиц, связанными това-

рищескими отношениями, нельзя считать преступным распространением, о котором говорит закон, указание же на неудавшуюся и оставленную самими обвиняемыми попытку воспроизвести нелегальное сочинение, равно как упомянутая выше экспертиза почерка Чупрова, не могут иметь, при отсутствии других улик, решающего в деле значения.

Наконец, что касается Шокиной и Багаева, то в отношении первой имеются лишь указания на ее политическую неблагонадежность, не выразившуюся, однако, ни в каких определенных преступных действиях, а Багаев изобличается лишь оговором Деева, который не может почитаться достаточной уликой, т. к. никакими другими данными дознание не подтверждается.

На основании изложенного и принимая во внимание, что дознание в отношении обвиняемых Киселева, Полякова, Львицина, Широкова и Панкратова уже прекращено, что обвиняемый Хлынов скрылся из Российской Империи и находится в безвестной отлучке, что об обвиняемых Дееве, Гарине, Федоре Соколове, Гусеве и Дороднове имеет быть составлен обвинительный акт, что по отношению к части обвиняемых не обнаружено достаточных доказательств их виновности в революционной деятельности (ст. 130 Угол. Улож.), а в действиях других не обнаруживается совокупности признаков приписываемых им преступных деяний,—я полагаю, что уголовное преследование привлеченных к сему дознанию Деева, Стрелкова, Резчикова, Красильникова, Чупрова, Комиссарова, Иванова, Шокиной и Багаева подлежит прекращению, по отношению к первым семи за отсутствием состава преступления, а по отношению к последним двум за недостаточностью улик, с отменой принятых против них мер пресечения им способов уклоняться от следствия и суда, и что преследование Хлынова надлежит приостановить за безвестной его отлучкой.

Подлинное за надлежащими подписями.

Верно: Начальник Владимирского Губернского

Жандармского Управления Полковник (подпись)

Владимирская Окружная Группа*).

За время с 20 авг. по 27 сент. окружный организатор (он же и агитатор) посетил 3 раза г. Ковров, 2 раза—г. Муром, 1 раз—Гусь (фабр. поселок Меленков. у.) и 1 раз—г. Суздаль. В каждый отдельный приезд организатор оставался на месте не более 7 дней и не менее 2-х.

Работа в районе обстоит в таком виде:

Г. Ковров. Здесь существует группа Р.С.-Д.Р.П. Возникла Ковровская группа в начале 1905 года; своим образованием группа обязана, главным образом, местным соц.-демократам. Группа проявляла себя: в издании листков, пропаганде в рабочих кружках, организации рабочей кассы для нужд группы, составлении библиотеки из легальных книг, а с конца апреля и в устройстве массовок. До августа Ковровская группа поддерживала связи с Владимирской организацией Р.С.-Д.Р.П., возникшей немного ранее Ковровской; в первых же числах августа она решила присоединиться к Моск. группе меньшинства, мотивируя это решение тем, что Владимирская организация ничем не помогает местной группе. Когда же в половине августа в Ковров прибыл окружной организатор от организующегося Окружного Владимирского центра и сообщил о наличных условиях, дающих полную возможность сорганизовать работоспособный Влад. Окр. центр, сообщил тип и план организации, то Ковровская группа изменила свое решение и постановила присоединиться к организующемуся Влад. Окр. центру, после чего группа и допустила окружного организатора к местной работе, так и к ознакомлению с ней. При первом же своем посещении окружной организатор выступил оратором на двух массовках. На первой тема была «Государственная Дума, бойкот ее» (присутствовало 60—70 рабочих); на второй—тема: «Политические партии в совр. России и их роль в политическом освободительном движении» (присутствовало 70—80 чел.). Во время второго посещения окр. организ. участвовал на заседании Ковр. группы, был на организат. собрании рабочих и говорил на массовке; было человек 200; тема—«Милитаризм». В третий приезд окружного организатора в Ковров были устроены 2 мас-

*) Отчет ответственного организатора Владимирской Окружной организации РСДРП тов. Семена Михайловича Серговского («Павла»), помещенный в газете *«Пролетарий»* — Центральный Орган Российской Социаль-Демократической Рабочей партии, № 24, 7 ноября (25 окт.) 1905 г., Женева.

совки в городе: одна из рабочих Треумовской фабрики; было более 100 рабочих (могла быть только одна смена); тема—«Что такое соц.-демократы и чего они хотят»; другая массовка из рабочих жел.-дор. мастерских (так предполагалось, но пришли и треумовцы), было около 300 человек, тема—«Характеристика революционных течений в России с 60-х годов». В третий же приезд окружный организатор ходил из Коврова «в народ», в деревню. Говорил на сходах двух деревень. Особенно удачно

Семен Михайлович СЕРГОВСКИЙ.
(«Павел»).

вышло в одной деревне. Слушала буквально вся деревня, не исключая и детей. Крестьяне закидывали вопросами и репликами... Пришлось говорить чуть не обо всем: и о демократич. республике, и о крестьянск. революц. комитетах, и о косвенных налогах, и о рабочем движении. Но в общем, речь была более или менее выдержана; все как бы говорилось к тому, чтобы крестьяне сделали вывод о необходимости вооруженного восстания. В конце был поднят вопрос о Государственной Думе. Когда речь агитатора кончилась призывом бойкотировать Государственную Думу, то все порешили: «Знамо, не выбирать»...

Уходящему агитатору (было уже поздно, часов 10, а речь началась около 7 часов) крестьяне кричали: «Господин хороший, а иные— товарищ, приходи, пожалуйста, еще». В другой деревне вышло не так удачно. Был праздник, и на день многие крестьяне уехали из деревни. Сход же был назначен на 12 часов. Присутствовало на сходе крестьян 15. Говорилось приблизительно то же, что и в первой деревне.

Ковровская группа Р.С.-Д.Р.П. состоит из 4-х членов (3 инт. и 1 рабочий); организаторское собрание рабочих из 7, в рабочую кассу вносят регулярно около 50 организованных рабочих; библиотека из легальных книг заключает около 200 экземпляров. Пропагандистские занятия велись в 3-х кружках (1 женский) 2-мя пропагандистами, нелегальной литературы и листков за отчетный месяц в Ковровской группе было получено от Влад. Окр. центра фунтов 15. За тот же месяц внесено в кассу Владимирского Окружного центра от Ковр. группы 20 руб.

Муром. Здесь так же, как и в Коврове, существует местная группа Р.С.-Д.Р.П. Муромская группа образовалась в начале лета нынешнего года, и с этого времени ведется сколько-нибудь правильная и заметная с.-д. работа. До нынешнего года были отдельные с.-д-ты, которые заводили связи, занимались пропагандой в 1-2 кружках рабочих; иногда рабочие кружки разбрасывали прокламации. Но происходил провал и работа останавливалась. С нынешнего лета работа начала пускать корни... 1-го мая 1905 г. в первый раз праздновали в Муроме первомайский праздник. На маевке было человек 40 рабочих. В течение мая и июня велась правильная пропаганда в 3-4 кружках; выпускались на гектографе листки. 6-го июля группа выпустила листок, приглашающий рабочих почтить память рабочих, убитых 9-го января. 10-го июля была устроена массовка. Благодаря вмешательству полиции, эта массовка превратилась в вооруженную демонстрацию. Толпа, человек в 200, прорвалась в город, при чем, при столкновении с полицией, был взят в плен демонстрантами помощник исправника, и с революционными песнями дошла по главной улице до городской думы. После демонстрации, вернее, после арестов, деятельность группы немного затихла. Но с августа работа начала опять оживать. В 20-х числах августа прибыл в Муром владимирский окружный организатор с предложением Муромской группе присоединиться к Владимирскому Окружному центру. Муромская группа постановила присоединиться. До этого предложения Муромская группа пользовалась помощью и услугами Нижегородского Комитета Р.С.-Д.Р.П. В первый свой приезд окр. влад. организатор был на заседании группы, на котором шла речь о более целесообразной организации местной работы; а затем во время этого посещения организатор старался ознакомиться вообще с положением дела. Во второй приезд окружный организатор был на

организаторском собрании и выступал на 2-х массовках. Первая состояла человек из 50-ти; тема—«Чего хотят соц.-демократы»; вторая—человек 30; тема—«О Государственной Думе». Массовки были малолюдны по случаю дождя; они, конечно, происходили под открытым небом. Муромская группа состоит из 5 членов; организаторское собрание—из 4-х перед. рабочих. Организация Муромская имеет довольно хорошую библиотеку из легальных книг. За последнее время организовалась и организуется рабочая касса. Литературы за отчетный месяц получено фунтов 12-15. Муромская группа внесла в это же время в кассу Влад. Окр. центра 25 руб. Необходимо указать, что у Муромской группы имеются очень богатые связи с деревнями своего уезда, а также с городом Меленки, фабричным посадом Выксой и горным заводом Кулебаки. В Меленках, Выксе и Кулебаках не только можно устраивать массовки, но, повидимому, имеется почва для создания там более или менее правильной и прочной организации, т.-е. групп или же фабрич. комитетов.

Гусь (фабрика Нечаева-Мальцева, около 5.000 раб.). Здесь возникла рабочая с.-д. организация поистине путем самопроизвольного зарождения. Все время рабочие только и ждали, чтобы присоединиться к какому-нибудь центру. В первый же день приезда окружный организатор беседовал с кружком передовых рабочих (7 чел.) Решено было сорганизовать соц.-демокр. группу в 3-4 человека из более передовых местных рабочих и организаторское собрание (рабоч. комитет) из представителей цехов, составить библиотеку из легальных книг и организовать кассу. На другой день приезда окружный организатор выступал на массовке; было челов. 30-40 (из самых надежных). Говорилось на темы: «Ближайшая задача рабочего класса», «Государственная Дума». Потом на следующий день была устроена летучка в 15 чел., тема: «Полит. партии в соврем. России». Вскоре, после своего от'езда из Гуся, окружный организатор получил 10 руб. для покупки легальных книг для гусевской организации.

Суздаль. Несколько отдельных, необ'единенных в организации, местных соц.-демократов за последний год старались заводить связи с крестьянами и учителями, получать из разных мест с. с.*) литературу и распространять ее. В сентябре суздальские товарищи заявили, что желают связаться с Окр. Влад. центром и так или иначе сорганизоваться. При посещении Суздаля в 20-х числах окружным организатором там организовалась группа Р.С.-Д.Р.П. Во время этого же посещения окружн. организатор выступал на собрании учителей (было челов. 20) с речью о бойкоте Государственной Думы.

---

*) В рукописи и газете—«с. с.».

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

НА СМЕРТЬ ЛАКИНА.

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой,
Любви беззавѣтной къ народу
Вы отдали все что могли за него
За честь его, жизнь и свободу.

Братья рабочіе!

Къ великому потоку народной крови прибавилась еще кровь борца за свободу, кровь дорогого товарища Михаила Игнатьевича Лакина.

Ночью на 29 Ноября въ с. Уздолъ, Владимірск. у. совершилось варварское убійство. Дикая толпа, подкупленная полиціей и фабрикантами, въ числѣ 30 челов. подошла къ квартирѣ, гдѣ ночевалъ товарищъ, вызвала и звѣрски разтерзала.

М. И. Лакинъ по происхожденію крестьянинъ д. Сокъсино, Муромскаго уѣзда. Съ раннихъ лѣтъ товарищъ испыталъ на себѣ голодъ и холодъ. Послѣдніе годы своей жизни ему пришлось скитаться съ одной фабрики на другую изъ куска чернаго хлѣба. Горе и страданье угнетеннаго народа воспитали въ немъ сильнаго и стойкаго борца за освобожденіе народа. Преданный всей душой дѣлу рабочаго класса, онъ вездѣ находилъ себѣ работу и всюду вносилъ свѣтъ и сознанье въ ряды рабочей партіи. Великая Иваново-Вознесенская стачка выдвинула товарища Лакина въ первые ряды. Своими смѣлыми искренними рѣчами онъ приковывалъ къ себѣ десятитысячную толпу. Своими простыми неправдивыми рѣчами онъ заставлялъ ненавидѣть рабство и позоръ. Каждое его слово заставляло слушателей бороться за свободную человѣческую жизнь.

За призывъ къ борьбѣ его арестуютъ и держутъ въ тюрьмѣ нѣсколько недѣль. Изъ тюрьмы его отправляютъ въ деревню на родину. Здѣсь онъ снова начинаетъ работать среди крестьянъ и рабочихъ. 16 Іюля Лакина опять арестуютъ, за демонстрацію въ память 9 Января. 18 Октября онъ выходитъ изъ тюрьмы на свободу и энергично принимается за агитацію. Онъ ходитъ изъ одной деревни въ другую, съ одной фабрики на другую и призываетъ на борьбу съ царскимъ правительствомъ.

Не долго онъ поработалъ на пользу рабочаго класса. Смерть его застала въ проклятомъ селѣ Уздолѣ, куда онъ пріѣхалъ отъ Владимірской Окружной Организаціи Р. С. Д. Р. П.

Перестало биться честное доброе сердце. Не слышать намъ больше его горячихъ и смѣлыхъ рѣчей въ защиту угнетеннаго народа.

Товарищи! Гнусное правительство собираетъ всюду черную сотню изъ темныхъ силъ и натравляетъ на всѣхъ, кто старается научить народъ правдѣ и истинѣ. Царскіе хулиганы, что бы спасти титулованное разбойничье гнѣздо воровъ и грабителей, не брезгуютъ ни какими средствами. Они прибѣгаютъ къ штыкамъ, казацкимъ нагайкамъ пулеметамъ и подкупу темныхъ силъ, что бы раздавить дѣло освобожденія рабочаго класса и удержать народъ въ рабствѣ и позорѣ. Сколько опричники принесли горя и страданій уже вконецъ изнуренному народу. Сколько слезъ и крови пролилось въ нашей истерзанной странѣ при милости нагаекъ и пулеметовъ. Нѣтъ счета павшимъ борцамъ за счастье народа.

Товарищи! Вдумайтесь, за что царское правительство проливаетъ кровь тѣхъ, которые своимъ потомъ и кровью создаютъ всѣ богатства, а сами живутъ въ проголодь.

Товарищи! Вдумайтесь, за что кровожадные Ироды убиваютъ стариковъ и малыхъ дѣтей; вдумайтесь, за что эти проклятые злодѣи порютъ и морятъ голодомъ сотни тысячъ крестьянъ.

Товарищи! Вся эта братоубійственная война дѣлается по приказу нашихъ министровъ и генералъ-губернаторовъ, за то, что рабочій классъ вмѣсто душной и темной тюрьмы, требуетъ свѣта и свѣжаго воздуха; вмѣсто хлѣба съ грязью пескомъ требуетъ настоящаго здорового хлѣба; вмѣсто нагаекъ, пулеметовъ и царскаго произвола требуетъ воли народной свободной человѣческой жизни

Товарищи! Царскіе опричники заливаютъ страну кровью и думаютъ этими мѣрами удержать за собой теплыя насиженныя мѣста и продолжать грабежъ народныхъ денегъ. Воровствомъ и насиліемъ правительство думаетъ спасти старый порядокъ, который выгоденъ только для воровъ чиновниковъ и фабрикантовъ.

Товарищи! Ни черная сотня во главѣ съ Треповымъ и Дурново, ни массовые разстрѣлы не вернутъ старое время. Безвозвратно прошли тѣ времена, когда безнаказанно можно было грабить и убивать. Ни отдѣльныя убійства, ни пулеметы, ни приказы „не жалѣй патроновъ" не спасутъ притона убійцъ. На мѣсто одного убитаго товарища въ рабочіе ряды войдутъ десятки сотенъ новыхъ товарищей, которые доведутъ дѣло рабочаго класса до полной побѣды.

Товарищи! посмотрите, что дѣлается въ нашей странѣ. Нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы народъ не требовалъ себѣ правъ человѣка и гражданина. Изъ милліона грудей рабочихъ, крестьянъ и солдатъ вырвется призывъ къ борьбѣ противъ самодержавнаго правительства. Во всѣхъ концахъ раздается: долой преступное царское правительство.

Товарищи! Вся россія имѣетъ видъ громаднаго пожара. Огненное пламя народнаго гнѣва скоро дойдетъ до притона воровъ и насильниковъ и уничтожитъ всѣхъ, кто мѣшаетъ дѣлу освобожденія, дѣлу рабочаго класса. Всѣ попытки опричниковъ спасти августѣйшее змѣиное отродье разобьются о ряды рабочей партіи. Великое пламя народнаго гнѣва дѣлается все грознѣе и грознѣе. Близокъ часъ, когда наши труди свободно вдохнутъ на свѣжемъ воздухѣ при солнечномъ свѣтѣ.

Товарищи! Сдѣлаемъ еще сильный ударъ нашимъ врагамъ, еще напоръ стройной колонной подъ красным знаменемъ Р. С. Д. Р. П. и откроется передъ нами широкая свѣтлая дорога въ царство свободы, братства и равенства въ царство соціализма.

Долой преступное царское правительство!

Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!

Да здравствуетъ Демократическая Республика!

Да здравствуетъ Российская Соціалъ-демократическая Рабочая партія!

Организація Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

Донесение департаменту полиции „о ликвидации Социал-Демократической фракции на Гусе-Хрустальном *).

Секретно.

Пристав Гусевской Нечаева-Мальцева фабрики, Меленковского уезда, 22-го января отношением за № 3 уведомил помощника моего по Муромскому, Меленковскому и Судогодскому уездам, что получив негласным путем сведения о том, что в Новом поселке, близь Гуся-Хрустального, в квартире, занимаемой крестьянами, работающими на названном заводе: Василия Егоровича Курицина, Николая Ивановича Лебедева, Демида Степановича Суворова имеется большая библиотека книг нелегального содержания и, кроме того, у названных лиц проживает некто с кличкой «Макс» и что все они именуют себя «коммунистами»,—по личной инициативе произвел у названных лиц обыск.

По обыску найдено:

1) оборудованная химическая лаборатория, состоящая из разных трубочек, реторт, препаратов, в сухом и жидком виде, и каких то баночек;

2) нелегальная библиотека, состоящая из 192 экземпляров книг, в числе коих на некоторых печать (оттиск) мастикой—«Анархисты—Коммунисты—Черное знамя»;

3) пять памятных книжек с разными заметками;

4) два куска гуттаперчи для изготовления штемпелей;

5) пять карманных фонарей (электрических);

6) четыре носовых платка с подписью «коммуна».

Присутствовавшие при обыске Курицин и Лебедев заявили, что все эти вещи принадлежат им и Суворову.

Курицин и Лебедев арестованы приставом, Суворов же, по донесению пристава, при обыске не присутствовал и до сего времени, несмотря на принятые им меры, не разыскан. Личность «Макса», также отсутствовавшего, до настоящего времени не выяснена.

При пересмотре всего отобранного, среди заметок была обнаружена записка, на которой значатся фамилии неизвестных, без имен и отчеств.

---

*) Из дела Влад. губ. жанд. управления за 1908 г., № 46.

При сравнении этого списка со списком лиц, находящимся во вверенном мне управлении, за коими ведется наблюдение, оказалось, что фамилии неизвестных вполне тождественны отмеченными уже наблюдениями и значащимися в графе «социал-демократов».

Обыск Курицина и Лебедева (так-же числящихся в моем наблюдении) дал богатый материал, указывающий на их преступную деятельность, а нахождение у них списка лиц, уже с имеющимися сведениями по наблюдению о преступной их деятельности, дал основание о необходимости производства обыска и ареста помянутых в списке лиц, в виду того, что в дальнейшем негласное наблюдение не даст желаемых результатов, так как арест членов этой организации, стоящих видимо во главе, заставит участников ее уничтожить следы своего участия.

При обсуждении этих вопросов, мною, совместно с губернатором и прокурором суда, я дал предписание вр. и. д. помощника моего ротмистру Орловскому о производстве в ночь на 30-е января обыска слесарной мастерской завода, где, по агентурным сведениям, предполагалось хранение оружия рабочими.

Обыск слесарной мастерской дал следующий результат: в шкапу, принадлежащем рабочим: Филиппу Николаевичу Столярову, Егору Александровичу Десову, Александру Ивановичу Чижову и Андрею Кузьмичу Дубасову, найдено 70 экз. печатных воззваний «по поводу рекрутского набора», изд. ЦК РСДРП и другие преступные воззвания изд. Гусев. гр. С. Д., чековые книжки и переписка;

в ящике верстака, на коем работают те же лица, — большое количество печатных и гектографированных воззваний Гусевской группы С. Д., а также отчеты и устав этой группы, письма, переписка, указывающая на преступную связь названных рабочих с Курициным и Лебедевым;

в ящике верстака рабочего Николая Григорьевича Резчикова—значительное количество гектографированной литературы, из коей часть издания Гусевской группы;

в ящике верстака рабочего Василия Васильевича Гуганова—большое количество печатных и гектографированных воззваний, записок и писем.

При обыске в слесарной мастерской, шкапы и ящики верстаков были заперты, вследствие чего предложено было заведующему мастерской дать ключи, но таковых у него не оказалось и им были назначены два слесаря, которые под руководством заведующего взламывали все замки, не поддававшиеся отмычкам.

При обыске частных квартир обнаружено: у рабочих Валерьяна Викторовича Панкова—один револьвер «Смит Виссон», 13 боевых патронов, одно ружье «Бердана» с 5 боевыми патро-

нами и 17 гильз к нему; большое количество преступных изданий и переписка. У Николая Петрова—одно ружье «Бердана», разная литература и переписка.

Обысками, произведенными приставами по спискам, данным им на руки, было отобрано большое количество преступных печатных и рукописных сочинений и переписок.

Всего было произведено тридцать обысков, арестовано 19 человек, в числе коих арестованы, независимо от результатов обыска, как значащиеся в списке, отобранном у Курицина и Лебедева.

Донося об изложенном, докладываю, что при поверхностном осмотре всего отобранного, в присутствии товарища прокурора суда г. Уптилова, удалось установить причастность лиц заключенных под стражу к преступным организациям. Детальный просмотр всего отобранного потребует весьма продолжительного времени.

1 февраля 1908 г., № 87.

Полковник (подпись неразборчива).

Массовые обыски во Владимире в феврале 1908 г. *).

НАЧАЛЬНИК
Московского Районного
Охран. Отд.

№ 128.

13-го февраля 1908 г.

Секретно.

ВЛАДИМИРСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ.

В виду имевшегося со стороны вверенного мне управления агентурного наблюдения за проживающими в городе Владимире лицами, обратившими на себя внимание своею сомнительною благонадежностью и заподозренными в принадлежности к РСДРП, в ночь на 12-го сего февраля мною были произведены, в порядке положения о государственной охране, обыски, которые дали следующие результаты: у нижепоименованных лиц были обнаружены:

1. У мещанина Лейб Давыдовича Трехтенберга—пять печатных «воззваний к часовщикам, поварам и парикмахерам Нижнего-Новгорода», за подписью учредителя М. В. Перлин и А. Н. Пальманов и 10 брошюр разных наименований.

2. У мещанина Израиля Яковлевича Эдельмана—2 брошюры, клочек бумаги со списком 29 лиц, живущих в г. Владимире, клочек бумаги со списком 9 лиц и отметкой денег, фотографическая карточка офицера Шмидта, письмо из Казани на имя Эдельмана и клочек бумаги с адресом «Черный».

3. У воспитанника 6-го класса Владимирской гимназии Петра Доброхотова: рукописное воззвание «к учащимся», изд. Владимирской группы учащихся 1905 года, и проект инструкции классному старосте, выработанный товарищеским собранием учеников IV класса Владимирской семинарии.

4. У служащего в Страховом отделе Владимирской Земской управы Якова Евдокимовича Коробова: рукописное стихотворение «На баррикадах», тетрадь тенденциозных стихотворений, 9 брошюр разного наименования.

5. У бывшего типографщика Ивана Прохоровича Гузина: клочек бумаги с адресами лиц и клочек бумаги с цифрами.

6. У воспитанника 8 класса Владимирской гимназии Павла Степановича Батурина—7 брошюр разного содержания.

*) Документы находятся в деле Влад. губ. жанд. управления за 1908 г., № 46.

7. У воспитанника Владимирской духовной семинарии Василия Викторовича Рождественского—2 брошюры—«Рабы свободы» и «Кончилось».

8. У мещанина Арона Яковлевича Эдельман: 23 брошюры различного наименования, брошюра «Организационный устав «Сионистов», принятый на пятом конгрессе в Гродно», 1902 года, книга «Карательная экспедиция отряда Л.-Г. Семеновского полка в Декабрьские дни по Московско-Казанской ж. д.», брошюра—«Сионистское движение», письма из Лемберга на имя Эдельмана, клочек бумаги с адресами «Пятницкая, дом Сокол, квартира доктора Зака».

9. У Петра Ильина Златина: письмо — сообщение «Центрального Комитета Сионистской организации в России» и один экземпляр воззвания «Товарищи» того же наименования.

10. У Ивана Яковлевича Тимофеева, он же Тимохин, ничего не обнаружено.

11. У мещанки, служившей в Страховом отделе, Людмилы Михайловны Филлиповой—3 брош. различного наименования.

12. У мещанина Петра Михайловича Филиппова—две брошюры.

13. У Иосифа Шимана Гершкова ничего не обнаружено.

14. У Юлии Петровны Нарбековой ничего не обнаружено.

15. У сапожника Сергея Ивановича Назарова: карточки Шмидта и Спиридоновой, 11 открытых писем с рисунками революционных деятелей, 12 брошюр различного наименования и журналы «Коса», «Секира» и «Маски» по одному экземпляру.

16. У Бориса Дмитриевича Соловьева обнаружены разные письма семейного характера.

17. У мещанина Евгения Николаевича Евдокимова ничего не обнаружено.

18. У служащего во Владимирской Губ. Управе Якова Евдокимовича Коробова—9 брошюр различного характера, 17 писем, некоторые из них носящие политический характер.

По рассмотрении всего отобранного, совместно с прокурорским надзором, в отношении названных лиц будет или возбуждено формальное дознание, или переписка в порядке положения об охране.

Полковник (подпись неразборчива).

№ 133/139

17 февраля 1908 г. *Секретно.*

Начальнику Московского Районного Охранного Отделения.

В дополнение к донесению моему от 13-го сего февраля за № 128, докладываю, что в ночь на 14-е сего февраля в г. Владимире были произведены обыски: 1) в Пятницкой улице, в доме Мусатова, в квартире Михаила Павловича Андреева, Муромского мещанина, которым обнаружено 16 брошюр нелегального содержания различного названия, стенной календарь на 1908 год— «Солнце», 2 экземпляра революционного стихотворения «Акафист», 8 карточек, представляющих изображения «место казни рабов в России» и 4 карточки с видами революционного содержания; 2) у Екатерины и Валентины Георгиевых Аматовых: брошюра «Программа и организационный устав партии социалистов-революционеров», утвержденный на первом с'езде, изд. Центрального Комитета партии социалистов-революционеров в 1906 г., брошюра «Очерки Петербургского рабочего движения 90-х годов», изд. Социал-Демократической организации 1902 года, Лондон, и 9 брошюр нелегального содержания различного наименования; 3) у проживающего по Вознесенской улице и торгующего полком на Лук'яновском спуске Евгения Николаевича Евдокимова, в его полке: гектографированное воззвание к приказчикам г. Владимира, изд. Социал-Демократической организации, «Постоянная армия или всеобщее вооружение народа», «Избирательная платформа РСДРП», «Письмо крестьянина» № 1—«Как нужно устраивать выборы в Государственную Думу» и другие брошюры революционного содержания различного наименования.

Донося об изложенном, докладываю, что мною вместе с сим все отобранное препровождено Прокурору Суда.

Полковник (подпись неразборчива).

Социал-демократич. работа во Владимирской губернии в начале 1908 г. в освещении жандармского управления*).

Секретно.

Начальнику Московского Районного Охранного Отделения.

На записку от 12-го сего марта за № 3253 сообщаю, что сведения о деятельности Российской Социал-Демократической Рабочей Партии за истекший 1907 год изложены в записках 12 и 21 октября за № 6900 и 9231 и 19-го ноября за № 10089.

В отчетном году эта партия в гор. Иваново-Вознесенске устроила 2 конференции для совета об восстановлении деятельности партии, но были ликвидированы (сообщение 12-го января за № 31 и 1-го февраля за № 85).

На Гусе-Хрустальном организовано было отделение этой партии, которое занималось распространением литературы и устной пропаганды среди фабричных рабочих, но было ликвидировано в полном составе (сообщение 1-го февраля за № 87).

В настоящее время чувствуется застой деятельности и скрытое тревожное ожидание. Все запропагандированные участники проведения в жизнь идей этой партии как-то спокойно смотрят на бессилие их агитации и как-то устали от работы, держа себя совершенно спокойно. В некоторых фабриках, местностях Юрьевского и Покровского уездов (Орехово-Зуево) идет агитация в пользу забастовки после праздников пасхи, в виду чего мною командированы филеры в эти местности для выяснения агитаторов и ареста их.

Рабочие и население большей частью стали недоверчивы к агитаторам и без особого интереса смотрят на издаваемые партийные печатные воззвания, или уничтожая, или передавая эти листки в руки полиции. С уверенностью можно сказать, что партия потеряла всякое доверие и сочувствие среди населения и рабочих, которые измучены и истомлены забастовками и неурядицами прошлых 1905 и 1906 г. г., разбившими до этого времени мирную жизнь населения и рабочих.

19 марта 1908 г., № 190.

Полковник (подпись неразборчива).

---

*) Архив Влад. губ. жанд. управления за 1908 г., дело № 46.

Краткий очерк положения революционных организаций и их деятельности во Владимирской губ. в 1912, 1913 и 1914 г.г. по данным Владимирского Губернского Жандармского Управления *).

Вступив в ноябре м-це 1912 года в командование вверенным мне управлением, я всецело обратил внимание на ту отрасль своих служебных обязанностей, которая непосредственно связана с ведением политического розыска по освещению деятельности противоправительственных партий. Те сведения о положении революционных организаций в губернии, которые мне удалось получить за время моего командования управлением, я имею честь представить Вашему Превосходительству в кратком изложении.

Владимирская губерния представляет из себя общий центр заводско-промышленной деятельности, в которой непосредственное участие принимает контингент коренного населения губернии и в наибольшем процентном отношении по сравнении с пришлыми рабочими из других мест.

Явление это, как постоянное, учитывается хозяевами фабрик и заводов, а потому прием на работы пришлого элемента производится лишь в силу необходимости. Несомненно, что при таком порядке найма само производство выигрывает в количественном и качественном отношении, так как свой постоянный рабочий, будучи прикреплен к месту и семейственно и имущественно, относится к хозяйскому делу и более радетельно, и более сердечно. Несомненно однако и то, что современный уклад жизни фабричных рабочих не довольствуется уже теми рамками, в которых он находился до 1905 года, и не удовлетворяет их насущным потребностям. Дороговизна по найму жилищ, продовольствия и расходы на обучение подрастающих детей заставляют рабочих невольно прислушиваться к тем разговорам, которые раздаются в оффициально-дозволенной периодической печати, и среди сознательных распропагандированных товарищей, которые касаются всеобщего об'единения для достижения более обеспеченного существования.

Такое положение всемерно учитывается и использовывается революционно-настроенными как отдельными лицами, так и целыми группами, и они рады каждому моменту, чтобы теми или

*) Архив Влад. губ. жанд. управления за 1912 г., дело № 871.

иными способами воздействовать на рабочую массу и толкнуть ее на путь экономическо-политической борьбы.

Могу с уверенностью доложить, что до настоящего времени это влияние особого успеха не имело и по большей части ограничивалось робкими и неуверенными выступлениями забастовочного характера на чисто экономической почве и незначительными сборами денег на партийные цели.

В районе Владимирской губернии с населением по большей части фабрично-заводским, функционирует революционная организация Российской Социал-Демократической рабочей партии, работа которой наблюдается: в селе Орехове, Покровского уезда, на заводах Гусь-Хрустальный, Меленковского уезда, в селах Тейково и Кохма, Шуйского уезда, и в городах: Иваново-Вознесенске, Шуе, Коврове, Муроме и отчасти во Владимире и Александрове.

Судя по данным, имеющимся в делах вверенного мне управления, видно, что работа названной организации не имеет той правильной и систематической борьбы, которая предусматривается их программой, вернее, эта работа на местах ведется мелкими группами революционно настроенных, сознательных рабочих, плохо сооргаизованных и об'единенных, действующих под флагом С.-Д. Сооргаизованности и деятельности этих групп мешают также ликвидации, произведенные вверенным мне управлением, так как о каждом малейшем их выступлении я всегда бываю осведомлен.

В 1912 г. забастовки были в следующих пунктах губернии:

21 апреля—на механическо-ткацкой фабрике С. Баранова, в Александровском уезде, где рабочие в числе 343 человек прекратили работу, пред'явив ряд экономических требований; 24-го апреля, после переговоров с хозяином, работы возобновились.

25-го апреля—на судостроительной верфи при деревне Липне, Муромского уезда, рабочие бастовали два дня в память Ленских событий.

11-го мая—при Гусевской Нечаева-Мальцева фабрике, однодневная забастовка при торфяном болоте.

21-го мая—на Уршельском хрустальном заводе, Судогодского уезда, где рабочие в числе 40 человек прекратили работу; 4-го июня работы возобновились по новой расценке.

22-го мая—на фабрике Гусева, в городе Коврове, рабочие в числе 140 человек бастовали один день.

23-го мая—на фабрике Дюсьмитьева, при деревне Поповской, Шуйского уезда, бастовала неделю вторая смена рабочих.

1-го июня—на ткацкой фабрике Лазарева, Шуйского уезда, трехдневная забастовка 350 рабочих.

14-го июня—однодневная забастовка Семеновско-Шуйской мануфактуры г. Ганшина, в Александровском уезде.

20-го октября—на фабрике бумаго-ткацкой мануфактуры, в г. Муроме, четырехдневная забастовка 600 рабочих второй смены.

16-го ноября—на судостроительной верфи при деревне Липне, Муромского уезда, однодневная забастовка.

19-го ноября—на фабрике товарищества механических изделий, в городе Иваново-Вознесенске, 25 дневная забастовка 300 человек рабочих. Предъявлен ряд экономических требований. Работы возобновились на прежних условиях. Около 25 человек, замеченных в агитации в пользу продолжения забастовки, на работы не приняты.

В 1913 году забастовки были в следующих пунктах:

3-го мая—рабочие на фабрике Товарищества Меленковской мануфактуры, в городе Меленках, прекратили работы и предъявили требования об увеличении платы за лишние 1 час 30 минут, но после переговоров с хозяевами работа возобновилась.

13-го июня—рабочие на фабрике Пряхиных и Рыенна, при селе Черицах, Ковровского уезда, предъявили требования о повышении заработной платы.

8-го августа—ткачи механическо-ткацкой фабрики Сурнова, в городе Александрове, прекратили работу и предъявили требования экономические; работы возобновились 12-го августа на прежних условиях.

11-го октября—рабочие на фабрике бумаго-ткацкой мануфактуры в городе Муроме, в виду недоброкачественности и недостатка утка, прекратили работу, но после переговоров работу возобновили.

2-го ноября—рабочие ткацкой фабрики Зубкова, при деревне Михеевской, Ковровского уезда, прекратили работу и предъявили требование об увеличении заработной платы.

8-го ноября—часть рабочих Меленковской мануфактуры прекратили работу и предъявили требование об увеличении заработной платы. В виду некоторой прибавки со стороны хозяина, рабочие 12-го ноября приступили к работам.

В 1914 году забастовки были в следующих пунктах:

30-го января—на фабрике наследников Треумова, в городе Коврове, рабочие в числе 300 человек предъявили ряд экономических требований, но работы не прекращались.

10-го февраля—рабочие судостроительной верфи Кулебакского горного завода в числе 12 человек предъявили требования об увеличении заработной платы; работы не прекращались.

22-го февраля—рабочие Переславской бумаго-прядильной мануфактуры прекратили работу и предъявили экономические требования; 27-го февраля фабрика была закрыта и рабочим выдан расчет; 4 марта рабочие вновь были приняты и с 10-ти часов утра началась работа.

15 и 17 марта—рабочие фабрики Треумова, в г. Коврове, пред'явили экономические требования, но работы не прекращались.

22-го апреля—рабочие судостроительной верфи при селе Липне, Муромского уезда, прекратили работу и пред'явили требование о повышении заработной платы; 25-го апреля вновь приступили к работам.

1-го мая—на заводе Гусь-Хрустальный ткачи и ткачихи все время вели переговоры с администрацией по разным экономическим вопросам. По поводу устройства забастовки на этом заводе 12-го мая были распространены гектографированные воззвания. В виду того, что до 20-го мая переговоры с рабочими не привели ни к каким результатам, ткацкая фабрика была закрыта и рабочим выдан расчет. Новый прием начался со 2-го июня, а с 5-го начались работы.

6-го мая—рабочие ткацкой фабрики Ивана Михайловича Терентьева, в городе Шуе, не останавливая работ, пред'явили требования о выдаче квартирных денег; в виду того, что это требование не было удовлетворено, 7-го мая прекратили работу и пред'явили дополнительные экономические требования, а 8-го мая рабочие приступили к работам на прежних условиях.

3-го июня—рабочие ткацкого отдела фабрики Гандуриных, в городе Иваново-Вознесенске, прекратили работу и пред'явили хозяину экономические требования; в виду того, что рабочие не приступали к работам, 20-го июня фабрика закрыта и рабочим выдан расчет. Ткацкое отделение закрыто 20-го июня.

6-го июня—рабочие ткацкой фабрики Борисова и К°, в селе Тынцах, Ковр. уезда, пред'явили хозяину требование о повышении расценка на некоторые сорта. Хозяином вывешено об'явление, что если рабочие не приступят к работам 10-го июня, то фабрика будет закрыта и рабочим выдадут расчет. 10-го июня рабочие вновь приступили к работам.

9-го июня—рабочие Т-ва Меленковской мануфактуры прекратили работу и пред'явили экономические требования, но в виду того, что переговоры не привели ни к каким результатам, ткацкое и прядильное отделения были закрыты, а новый наем рабочих начался 20 июля. Работа возобновилась 24-го июня.

11-го июня—мастеровые механического отдела фабрики наследников Треумова, в городе Коврове, пред'явили требование об увеличении заработной платы. 13-го июня ткачи этой же фабрики пред'явили ряд экономических требований и к ним присоединились и мастеровые механического отдела. После переговоров, ткачам сделаны уступки и они приступили к работам, а прядильное отделение было закрыто, так как с прядильщиками переговоры не привели ни к каким результатам.

17-го июня—на бумаго-ткацкой фабрике Девочкина с сыновьями, при дер. Воронино, Быковской волости, Ковровского уезда, рабочие пред'явили требования об увеличении расценка; часть требований хозяева соглашались удовлетворить, но рабочие этого не пожелали, в виду чего фабрика закрыта и рабочим об'явлен расчет.

18-го июня—рабочие фабрики Тынцовской мануфактуры Ремизова и Комп., в Эдемской волости, Ковровского уезда, свыше 900 человек, прекратили работы и пред'явили экономические требования, но в виду отказа удовлетворить таковые, рабочие разошлись по домам. 21-го июня требования рабочих частью удовлетворены и рабочие приступили к работам.

Краткий очерк положения революционных организаций и их деятельности в районе Владимирской губернии за период времени с 1-го января по 1-е марта 1914-го года [1]).

В районе Владимирской губернии особое внимание обращает на себя деятельность революционной организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, которая функционирует в селе Орехове, Покровского уезда, на заводе Гусь-Хрустальный, Меленковского уезда, в селах Кохма и Тейково, Шуйского уезда, и в городах: Иваново-Вознесенске, Шуе, Коврове, Муроме, Александрове, Вязниках и отчасти в городе Владимире. Деятельность указанной организации выражается: в соорганизовании кружков сознательных рабочих, получающих директивы от более видных интеллигентных деятелей из числа учащихся в высших учебных заведениях, а равно и от выборных от рабочей курии Владимирской губернии—членов Государственной Думы, последнего созыва, в лице рабочего *Самойлова* и Московского района члена той-же Думы *Малиновского*; в получении и распространении среди рабочих тенденциозной литературы и газет с.-д. направления, в особенности тех номеров, на которые наложены аресты; в частичных забастовках, с пред'явлением требований экономического характера; в ознакомлении с деятельностью с.-д. фракции Государственной Думы и сборах денег на выписку вышеозначенной литературы.

В общем деятельность названной организации особой интенсивностью не отличается, благодаря повторным ликвидациям со стороны губернского жандармского управления, с привлечением виновных лиц к ответственности.

Но несмотря на это, части разбитых групп стремятся вновь к об'единению для продолжения работы. Последняя ликвидация Социал-Демократической организации была произведена в первых числах февраля сего года на заводе Гусь-Хрустальный, в г. г. Владимире и Вязниках, и в первых же числах текущего месяца—в г. Иваново-Вознесенске. Деятельность названной организации всемерно освещается работой губернского жандармского управления, при чем своевременно будет ликвидироваться по мере ее наростания.

[1]) Доклад начальника Влад. губ. жанд. управления губернатору (архив губ. жанд. упр. за 1914 г., дело № 871).

Существование Социал-Революционной организации в районе Владимирской губернии, судя по данным, имеющимся в делах губернского жандармского управления, было зарегистрировано на заводе Гусь-Хрустальный, в г. Владимире, и на судостроительной верфи в с. *Липне*, Муромского уезда.

До средины прошлого года работа организации почти ни в чем более или менее явном не выражалась и лишь с этого месяца было замечено желание некоторых лиц С.-Р. направления поднять работу среди сознательных товарищей рабочих. К концу 1913 года деятельность партии выразилась более рельефно: в вербовке членов, в сборе членских взносов, в выписке нелегальной литературы и газет в духе С.-Р. партии, в выдаче для членов партии для чтения брошюр и газет, в сношении с Петербургом, Москвой и некоторыми местностями Рязанской губернии. Этим ограничивалась работа организации до момента ее ликвидации в первых числах февраля текущего года.

Отдельные члены разбитой партии С.-Р. до сих пор никакой деятельности не проявляют.

Других каких либо политических организаций в районе Владимирской губернии в 1914 году не замечено.

Справка из дел Владимирского губернского жандармского управления *).

(Составлена 1 апреля 1914 г.).

Морозов Иван Титович, крестьянин Владимирской губ. и уезда, Подольской волости, дер. Богданова, служащий во Владимирской губернской земской управе в статистическом отделе. С 1911 г. проходит по агентурным сведениям и наружному наблюдению с лицами С.-Д. партии, а в 1912 г. завязал знакомство с известным революционным работником Константином Алексеевичем Белоруссовым. Деятельность Морозова выразилась в следующем: 1) работал в Красном Революционном Кресте, получал и передавал письма и деньги политическим арестантам, содержащимся во Владимирской каторжной тюрьме, был знаком с известными революционными работниками, как например: Константином Алексеевым Белоруссовым, Федором Аркадьевичем Благоправовым, Любовью Матвеевой Николаевой, Гавриилом Николаевым Щедриным и др.; 2) в принадлежности к С.-Д. партии, выразившейся в составлении летом прошлого 1913 года резолюции летнего совещания С.-Д. организации, которая была препровождена на завод Гусь-Хрустальный некоему «Экскондреру» (Искондери); после от'езда в Петербург в начале ноября 1913 г. Константина Белоруссова, Морозов занял место организатора Владимирско-Гусевской С.-Д. организации; 3) Морозову перед рождеством неизвестным приезжим человеком было передано 50 рублей на нужды Красного Революционного Креста; 4) в сборе денег в губернской земской управе по ½ проц. с партийных членов на нужды Красного Революционного Креста; 5) в выписке литературы как нелегальной, так и тенденциозной, состоит среди гимназистов и гимназисток (например, Мария и Софья Алексеевы Белоруссовы и др.) и в ознакомлении их с революционными программами разных партий; 7) в принятии перед обысками от студента Александра Алексеева Преображенского книг и брошюр, часть коих отобрана обыском 5 февраля и 8) в выдаче из сумм Революционного Красного Креста 17 руб. одному из товарищей, пострадавших после бывших 5 февраля обысков и арестов (вероятно, известному Коробову) и в знакомстве с Гусевскими партийными работниками Иваном Зуба-

*) Архив губ. жанд. управления за 1914 г., дело № 871.

новым и Павлом Федоровым Цветовым, который, по выходе из Владимирской губернской тюрьмы, 11 марта посетил Морозова квартиру.

Петров Иван Михайлович, студент, из крестьян Владимирской губернии и уезда, с. Ставрово. 8 января 1907 г. в гор. Владимире был обыскан, при чем у него обнаружены различного наименования брошюры издания партии С.-Р., за что и был привлечен к дознанию по обвинению в преступлении, предусмотренном 2 ч. 132 ст. уг. улож.; 1 июня того же года Петров был арестован в гор. Иваново-Вознесенске, как член боевой организации и агитатор партии С.-Р. и привлечен к охранной переписке, в разрешении которой выслан в Олонецкую губернию на два года под гласный надзор полиции, считая срок с 13 сентября 1907 г. 23 февраля 1909 г. Петров приговором Московской Судебной палаты, как обвиняемый по 1 ч. 102 ст. уг. улож., присужден к заключению в крепость на 1 год. Имеет связь с Константином Сергеевичем Белоруссовым, Иван Титовичем Морозовым, Гавриилом Щедриным и др. с.-д. работниками. После выезда в С.-Петербург, в начале ноября 1913 г., Константин Белоруссов дал Петрова адрес Гусевским партийным работникам (его квартира является явочной).

Благоправов Федор Аркадьевич, потомственный почетный гражданин, служит во Владимирской губернской земской управе в статистическом отделе. В 1906 г. был обыскан, по обыску у него обнаружено большое количество литературы; по агентурным сведениям, в 1908 г. у него на квартире бывали собрания с.-д. работников; в ноябре 1909 г. к нему из Москвы приезжал не установленный партийный работник, под кличкой «Цинковый» (наблюдения); его квартира служит, повидимому, явочной; Благоправов имеет самую тесную связь с Иваном Морозовым, Гавриилом Щедриным, Николаевой и др. партийными работниками. Кроме всего изложенного, Благоправов состоит в Красном Революционном Кресте, вносит членские взносы, собирает таковые и состоит кассиром.

Богданов Василий Федоров, крестьянин Заколпской волости, Меленковского уезда, ученик Мальцевского технического училища, рекомендован Константином Белоруссовым проживающему на заводе Гусь-Хрустальный Семену Яковлевичу Шимарскому, чтобы через Богданова искать во Владимире концов.

Овсянников Александр Степанович, мещанин Гаврилова Посада, Суздальского уезда, товарищ Василия Богданова, рекомендован Константином Белоруссовым Семену Яковлевичу Шимарскому, как знающий, где что достать и от кого предназначенные для Гусевской организации разные бумаги, вероятно, газеты и брошюры.

Щедрин Гавриил Николаевич, мещанин гор. Владимира, служил во Владимирской губернской земской управе, в страховом отделе. Все время ведет знакомство с Константином Белоруссовым, Иваном Петровым, Федором Благонравовым, Иваном Морозовым и пр. партийными работниками. Его адрес служит передаточным при переписке Ивана Морозова с Гусевскими партийными работниками. В 1913 г. бывал с указанными выше лицами на сходках. Имеет переписку с женой известного с.-д. Ленина— Надеждой Крупской. Кроме того, состоит в Красном Революционном Кресте и вносит членские взносы. Ему должно быть известно, кому выдано Морозовым 17 руб. из сумм Красного Революционного Креста (после обысков 5 февраля), а также известна отсылка Сергеем Безсоновым в Варшаву студенту Евгению Александровскому 15 руб. 45 коп. для высылки затем во Владимирскую каторжную тюрьму трем каторжанам.

Обыски во Владимире в начале 1914 г.

Г. Владимирскому Губернатору.

Владимирского полицеймейстера рапорт.

В ночь на 5 сего февраля приставами частей вверенной мне полиции, в порядке 238 ст. Уст. Угол. Суд., и на основании требования Г. Начальника Владимирского Губернского Жандармского Управления, были произведены обыски приставом 1 части у следующих лиц:

1) Владимирского мещанина Гаврила Николаевича Щедрина, живущего по Куткиному переулку, в доме своей матери Александры Щедриной; 2) у бывшего студента крестьянина Ивана Михайловича Петрова (он-же Фокевич), живущего по Годовой горе, в доме Марголина; 3) у крестьянина Владимирского уезда, Воршинской волости, деревни Вал, Ивана Анисимовича Лапшина, живущего на берегу реки Клязьмы, в доме Товарищества Нобель.

Вышеозначенными обысками обнаружено:

У Щедрина: 1) книжка «Об'единение» за № 9, 2) „Исповедь» Л. Н. Толстого, 3) «Женщина настоящего, прошедшего и будущего времени»—Августа Бебеля, 4)«В помощь самообразованию»—Владимира Тайгезера, 5) «Наша революция»—Н Троцкого, 6) «Экономическое развитие и общественный строй»—К. Каутского, 7) «Слезы людские»—сборник стихов Н. Горбунова, 8) «Что такое трудовики»—Н. П. Васильева, 9) «За восьми-часовой рабочий день»—А. Брауна и 10) «За свободу»—Роберта Швенхеля.

У Петрова: 1) «Женский труд во Франции»—Поля Луи, 2) «Аграрный вопрос и аграрные программы социалистических партий»—В. Зарина, 3) «Пролетариат и трудовое крестьянство» —Виктора Чернова, 4) «Социализм»—Энгельса, 5) «Социализм и социальное движение»—В. Зомбарт, 6) «Сущность социализма»—Альберта Шефле, 7) «Записки революционера»—П. Кропоткина, 8) «Государство будущего»—У. Штерн, 9) «Народный Вестник» № 2, 10) «Народный Вестник» № 3 и 4, 11) «Очерки по женскому вопросу»—А. Бебеля, 12) «Вопрос о возможности исторического прогноза», 13) «Марксизм и аграрный вопрос»—Вик. Чернова, 14) «Трудовой путь» № 11, 15) семь фотографических карточек разных лиц и 16) две открытых карточки с изображением: Михайлова. Сазонова, Гершуни и других.

У Лапшина отобрано 100 писем частного характера, 141 визитная карточка, 34 открытых письма, 4 номера газет с одним отрывком, памятная книжка с 13 записями и 10 визитными карточками, переписка по 4-му Всероссийскому С'езду торгово-промышленных служащих, 13 писем частного характера, две вырезки из газет.

Кроме сего, помощником пристава 1-й части Шиголевым, совместно с ад'ютантом Владимирского Губернского Жандармского Управления г. Диком, был произведен обыск у следующих лиц и при обыске найдено:

1) у потомственного почетного гражданина Федора Аркадьевича Благоправова, писца Губернской Земской Управы,— 27 писем, 35 записок, 2 записных книжки, альбом для стихов «На баррикадах», «Записки о политической экономии» в пяти ученических тетрадях, газеты: «Студенческое Дело» № 1, «Луч» № 1, «Правда» № 7, «Новая рабочая газета» № 3, «Пролетарская» № 4, 17 фотографических карточек, 1 открытка и 81 книга;

2) у коллежского регистратора Ивана Титовича Морозова, писца Владимирской Губернской Земской Управы, 160 книг и 181 газета.

Все отобранное по обыскам передано на распоряжение Г. Начальника Владимирского Губернского Жандармского Управления.

О вышеизложенном доношу Вашему Превосходительству и докладываю, что Щедрин служит писцом во Владимирской Губернской Земской Управе, а Петров дает частные уроки.

И. об. Полицеймейстера: (подпись неразборчива).

10-го февраля 1914 г.

Секретно.

Господину Владимирскому Губернатору.

Владимирского Полицеймейстера рапорт.

18-го апреля помощником пристава 1 части вверенной мне полиции Чемодановым, по распоряжению Начальника Владимирского Губернского Жандармского Управления, при участии двоих городовых и трех жандармских унтер-офицеров, был произведен обыск у мещанина гор. Владимира Гавриила Николаевича Щедрина Обыск произведен в присутствии самого Щедрина, его родной матери Александры Федоровны Щедриной и сестры Веры Николаевны. При обыске обнаружено и конфисковано: 11 номеров газеты «Путь Правды», несколько книг и брошюр, почтовая квитанция на вышеозначенную газету

«Путь Правды» и записка с адресами. В момент обыска, почтальоном было принесено письмо на имя Гаврила Щедрина, с заграничными почтовыми штемпелями, в коем по вскрытии оказалось: два экземпляра прокламации РСДРП, начинающейся словами «Товарищи» и т. д. и шесть экземпляров прокламации той-же партии на 1-е мая, печатанные, каковые также отобраны и приложены к протоколу обыска, каковой представлен Начальнику Владимирского Губернского Жандармского Управления, в которое приглашен и Щедрин для допроса.

О вышеозначенном доношу Вашему Превосходительству и докладываю, что у Щедрина был произведен обыск 4-го февраля с. г., о чем было донесено рапортом моим от 6-го февраля за № 103.

И. об. Полицеймейстера: (подпись неразборчива).

14-го апреля 1914 г., № 103.

Список

лиц, принадлежащих к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, проживающих в районе помощника начальника Владимирского губернского Жандармского Управления во Владимирском и др. уездах*).

№№	Фамилия, имя и отчество, звание и место жительства (последнее писать карандашем)	Сведения
1. м.	Щедрин Гаврилл Николаев, Владимирский мещанин, писец, служащий во Владимирской губернск. земск. управе.	С 1912 года проходит по агентуре и наружному наблюдению (кличка „Форсун") по Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. В 1913 г. бывал на собраниях Владимирского с.-д. кружка, совместно с Морозовым Иваном Титовичем, Белорусовым Константином Алексеевым, Нифонтовым Александром и др., имел переписку с известною Надеждою Крупской, жена Ленина, состоял членом Владимирского Красного Революционного Креста и вносил членские взносы. 5 февраля 1914 г. при общей ликвидации Владимирской с.-д. организации был произведен обыск, которым обнаружены книги революционного содержания и переписка; повторным обыском 19 апреля 1914 г. обнаружено: 2 экз. прокламации „За правду" и 8 экз. прокламации „Первое мая" издания Р. С. Д. Р. П. Щедрин привлечен в порядке Положения о Государственной охране.

Примечание. На каждое лицо необходимо оставлять чистым не менее 1/2 листа, для дальнейшего заполнения могущих поступать сведений.

*) Архив канцелярии Влад. губернатора за 1914 г., дело № 288.

Прокламации по поводу предполагавшейся областной стачки текстильщиков в июле 1907 года.

Российская Социал-Демократическая Раб. Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Все более и более ухудшается положение рабочего класса во всей стране, а в частности и положение рабочих, занятых в прядильном и ткацком деле. Те уступки, которые были принуждены сделать фабриканты, под напором революционной борьбы рабочего класса, давно уже отобраны назад и в невиданных еще размерах обрушиваются на рабочих бедствия голода и безработицы. Враги рабочего класса не дремлют. Правительство всеми мерами старается отнять у них возможность организоваться. Оно преследует рабочую партию и профессиональные союзы. Не допускает собраний и сходок, закрывает рабочие газеты и журналы. В этом же направлении угнетения и произвола идет и деятельность фабрикантов на фабрике. Под прикрытием и защитой организованной государственной самодержавной власти организовалась для борьбы с рабочими и власть капитала.

Старые формы произвола и самой жестокой эксплоатации воскресают на фабриках. Произвольно увеличивается рабочий день, сокращаются расценки, без разговоров выкидываются на улицу сотни и тысячи чем либо неугодных рабочих, как это было при рассчетах на пасху, вводятся ненавистные и оскорбительные обыски при выходе. В жадной погоне за барышами нет предела для фабрикантов в введении сверхурочных и ночных работ.

Попытки рабочих стачкой на отдельных фабриках добиться улучшений или хотя бы остановить это непрерывно грозящее опасностью для жизни и здоровья рабочего класса ухудшение, оканчивались неудачей.

Капиталисты хозяева сорганизовались в «общество фабрикантов и заводчиков центрального промышленного района», куда входят все имеющие не менее ста рабочих, а кроме того есть союзы и по отдельным производствам. При частичной стачке хозяин не несет никакого убытка. Заказы с его фабрики передаются на другие, а его потери покрываются из союзной кассы.

Так разбиваются усилия рабочих отдельных фабрик и заводов, наталкиваясь на организованную силу капитала.

Вот почему, чувствуя за собой силу капитала и силу послушной самодержавной нагайки, капиталисты не знают предела в деле угнетения и эксплоатации рабочего класса. Припомните, товарищи, локаут в Лодзи, Варшаве, Вильне и Минске. Припомните те ужасы, которые пришлось пережить вашим товарищам, когда неожиданно и врасплох был об'явлен локаут и они очутились без работы. По знаку союза фабрикантов сотни тысяч рабочих очутились на пороге голодной смерти.

Локаут это—стачка хозяев. Локаут это—в то же время первый признак того, что враги рабочего класса сорганизовались. В уставах, упомянутых нами выше союзов хозяев нашей области, локаут стоит на видном месте. Пока дружной и сплоченной борьбой не будет разбит союз хозяев, до тех пор угроза локаута будет постоянно висеть над головами рабочих, до тех пор они всегда будут находиться в выгодном положении, об'явят его тогда, когда это наиболее для них подходяще. Новые формы борьбы приходится употреблять при этих изменившихся условиях рабочему классу. Уже несколько месяцев тому назад и в партийных организациях и в профессиональных союзах, а также на митингах и массовках обсуждались меры борьбы против похода капиталистов. Необходимость областной стачки рабочих текстильного производства всего промышленного центрального района, вот к каким выводам чаще всего приходили при обсуждении. Тогда же началась агитация в пользу такой стачки, и всеми силами и партии и профес. союзы старались сдерживать от частичных выступлений отдельные фабрики и заводы. Такая стачка необходима потому, что при ней некуда будет передавать заказы, будут стоять все прядильные и ткацкие фабрики всего района. Лодзинские же фабрики не могут работать по техническим особенностям те сорта, которые вырабатываются в нашем районе. Областная стачка выгодна именно теперь. Как раз текстильная промышленность находится сейчас в сильном под'еме. После японской войны, сибирский рынок открылся для товаров и все, что было запасено, ушло без остатка. Заказы распределены на $1^1/_2$ года вперед. Цены, напр., на ситец растут не по дням, а по часам; за 1906 и 1907 года ивановск., напр., и московские фабриканты 10 раз повышали ее и вместо 10—11 коп. за аршин дерут 16—17 коп., то-есть на 50 проц. слишком больше. Производство расширяется.

Пристраивают новые корпуса, ставят новые машины, увеличивают количество веретен и т. д. Вообще, все говорит за то, что дело идет в гору.

Прибыль у мануфактуристов доходит от 60 до 100 проц. Так с расцветом промышленности фабриканты туго-натуго набивают свои карманы, а рабочим достаются жалкие гроши.

За это время небывалых барышей, заработная плата повысилась, сменно сказать, в среднем на 10 проц., т. е. на гривенник с рубля. Да и то увеличение сходит на нет, если мы примем во внимание, что за последнее время, как вы сами знаете, непомерно выросли цены на хлеб (с 89 до 1 р. 14 к. пуд), на мясо, на обувь, на платье и т. п.

Во время таких барышей хозяевам, конечно, не приходится думать о локауте, но тем более должны думать рабочие об областной стачке.

Если пропустить удобное для рабочих и неудобное для хозяев время, то в недалеком будущем, при изменившихся обстоятельствах, хозяйские угрозы локаута превратятся в дело, и на наши головы неожиданно и внезапно обрушатся бедствия, пережитые товарищами в Лодзи, в Варшаве и других городах.

Итак, товарищи. Промышленность процветает, хозява благоденствуют, положение же рабочего класса становится хуже и хуже. Хозяева сорганизовались в союз и при поддержке правительственной власти увеличивают угнетение и эксплоатацию рабочего класса. Попытки рабочих, с помощью отдельных стачек улучшить свое положение, терпят неудачу. Растут цены на предметы первой необходимости, увеличивают расходы рабочей семьи. Заработная же плата в сравнении с выросшими расходами сильно уменьшилась. Петля экономической необеспеченности, голода и безработицы, угроза локаутом в будущем, все туже затягивается на шее рабочего и единственным разумным средством вытти из этого положения является „*Областная стачка*". К такому решению пришло и совещание представителей профессиональных союзов текстильщиков и партийных организаций.

С первого числа начнут уже останавливаться те фабрики, где сильнее всего партийные и профессиональные организации, где сознательнее всего рабочие. Товарищи рабочие! Близятся трудные и великие дни для рабочего класса.

Эта областная стачка может много помочь рабочему классу, но только тогда, когда и начнется, и будет протекать дружно и организованно. Все фабрики, слышите товарищи, решительно все должны присоединиться к стачке, хотя бы уже тогда, когда выступят наиболее организованные.

Необходимо напречь все силы для верного, сильного и главное общего удара. Необходимо крепко держать то общее пролетарское дело и ни на шаг не отступать от выставленных требований. Много сил уже ушло, много их уходит на разрозненную борьбу то там, то здесь, по случайному поводу.

Соберем-же все вместе разрозненные усилия, встретим и проведем великие и трудные наступающие дни *Областной стачки* с крепкой верой в силу и мощь пролетарского единения. Туго затянута петля, крепко набиты цепи политического

и экономического рабства и только в своей борьбе разбивает цепи и сбрасывает петлю рабочий класс. Присоединяйтесь сами, товарищи текстильщики, к стачке. Глубже и шире ведите агитацию в среде менее сознательных товарищей, уговаривайте их присоединяться. Товарищам других профессий предлагайте сейчас же организовать сборы в пользу стачечников. Старайтесь повлиять на крестьян и городских жителей, чтобы они поняли за что вы боретесь, чтобы с их стороны не могло быть враждебного к стачечникам отношения. От этого в большой мере зависит ея успех.

Будем же твердо стоять, товарищи, на требованиях, выставляемых всеми рабочими, и ни под каким видом ни одна фабрика не должна прекращать стачку, хотя-бы отдельные хозяева и соглашались на мелкие уступки.

Только те требования, товарищи, выставляйте, которые выработаны областной конференцией профес. союзов рабочих по обработке волокнистых веществ.

Московский Окружной Комитет Р. С. Д. Р. П.

Типография М. О. К. Р. С. Д. Р. П.

Ко всем рабочим

прядильных, ткацко-отбельных и ситцевых фабрик Московского промышленного района.

Товарищ прядильщик, ткач, красильщик.

Остановись и взгляни на свой безконечный мучительный труд, отнимающий у тебя лучшие соки, на свою жизнь голодную, обиженную, безприютную от колыбели до могилы; оглянись на свой постоянный домашний недостаток, на слезы жены и полуголодных раздетых детишек и скажи—да неужели же можно жить так? Не пришел-ли конец твоему терпению?

Чем дальше тем труднее становится жить! Цены на хлеб, одежду, квартиры бешено растут. А заработок твой? Даст хозяин пятачек прибавки, а гривенник отнимает штрафами, обмером, обвесом, плохим материалом. Работа же год от году труднее становится, больше соков требует.

Фабриканты набавляли на ситец и другие товары пятачек на аршин и кричат—«этот пятачек у нас рабочие забастовками отняли, нам уже волей не волей пришлось поднять цены». Это наглая ложь! Много ли нам пришлось из этой надбавки? Какая нибудь *десятая часть копейки* на аршин из пяти коп. надбавки! Почти все пятачки с каждого аршина целиком пошли в бездонные карманы хозяев.

И вот мы переплачиваем на сработанных нашими же руками ситцах в полтора раза дороже и перебиваемся с хлеба на квас, а в это время фабриканты получают с нашего труда *по полтиннику* на рубль чистого барыша. Для нас страда; для наших хозяев золотая жатва! Товар покупатель рвет из под рук. Запасов в амбарах нет. На прядильных и ткацких фабриках товар запродан 1—½ года вперед по огромной цене. Лихорадочно дрожащими от радости руками фабриканты строят новые фабрики, корпуса, этажи, ставят новые машины, станки, веретена, вводят новые смены, сверхурочные работы.

С невиданной быстротой растут горы товаров, разлетаются по всем концам России и других стран и взамен вырастают груды золота. Золотые горы на мясе и костях человеческих, на детских трупиках!

Товарищ! Остановись! Взгляни как заживо гонят тебя и детей твоих в могилу, взгляни на безумную роскошь и наслаждения твоих эксплоататоров! Скажи, не пришел ли час скрестить на груди две измученные руки твои и остановить эти

тысячи грохочущих машин, этот золотой поток, несущийся мимо твоих подвалов в дворцы фабрикантов? Да, пробил час!

Товарищи рабочие прядильных, ткацких, отбельно-красильных и ситцевых фабрик! *Бросайте работу и об'являйте областную стачку Московского промышленного района.* Время пришло! Если мы все: мужчины, женщины, подростки—400 тысяч встанем дружно, могучим натиском ударим на врага, то победа за нами! Сейчас самое горячее время для фабрикантов. Зимою или на будущий год может быть будет поздно — будет меньше заказов.

Могут ли фабриканты сейчас закрыть все фабрики на долгое время—устроить локаут? Нет! Они не захотят надеть петли на свою шею. У Московских и Лодзинских фабрикантов идет война. Кто у кого перехватит заказчиков. Теперь Московские купцы во время Лодзинского локаута перехватили много покупателей у Лодзинских фабрикантов. Если же фабрики в Московском районе будут долго стоять, то заказчики все бросятся снова к Лодзинским фабрикантам и наши толстосумы будут кусать только пальцы.

Недовольства кругом накопилось много. То одно, то другое отделение на фабрике пред'являет свои частные требования. Но что дадут нам отдельные стачки цехов и фабрик с мелкими требованиями. Мы устали от мелких крох, которые бросают нам сытые хозяева со стола. Лишь дружной общей стачкой десятков и сотен тысяч рабочих области мы можем добиться крупных завоеваний: значительного увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, признания фабричных профессиональных союзов, как наших представителей, введения фабричных комиссий, депутатов на фабриках для защиты рабочих от притеснения фабричной администрации, для надзора при приемке и взвешивании товаров, при подсчете заработной платы. Кроме всего прочего, при отдельных частичных забастовках, фабриканты, об'единенные в свой союз, скорее смогут оказывать поддержку и передавать заказы друг другу.

Могут-ли остановить наше движение преследования и гонения правительства? Но кто ж не знал до сих пор, что правительство на службе у фабрикантов, их главный приказчик и защитник. Испугают ли нас эти полицейские банды, которые на-днях нагрянули и запечатали в Москве без всякого об'яснения причин помещения союзов ткачей, аппретурно-красильщиков и ткацко-вязальщиков, в Орехове-Зуеве,—союз ткачей и металлистов. Неужели они смогут разрушит наше единение своими арестами, высылками, конфискацией книг, запечатыванием помещений союзов? Нет и нет!

Чего же хочет правительство от наших союзов? Чтоб союзы рабочих не помышляли о стачечной кассе, о борьбе

с фабрикантами? Почему же фабрикантам позволено устраивать свои союзы, копить свои кассы для борьбы с рабочими, об'являть локауты-забастовки против рабочих? Может быть правительство хочет, чтобы наши союзы лизали пятки у него, как зубатовские союзы и проповедывали смирение, терпение да покорность кровососам фабрикантам? Но нет, не надо нам таких союзов, тогда мы сами их закроем! Нам нужны *боевые союзы для руководства экономической борьбой!* Без борьбы со своими эксплоататорами рабочий класс не может жить и дышать. А рабочий класс не сотрешь с лица земли. Значит и никакая сила не сможет задушить необходимых рабочим, как воздух, рабочих союзов,—союзов борьбы.

Не будем же унывать, товарищи, если запечатают или закроют наши союзы; не разрушить им нашего единения. Не загородить плотиной весеннего потока!

Могучим выступлением всей области мы заставим фабрикантов и правительство *признать наш союз!* Эта борьба рука об руку десятков тысяч рабочих спаяет стальным единением наш *областной союз* текстильных рабочих с областной стачечной кассой, с кассой для борьбы с хозяйскими локаутами. Этот сильный союз не даст в обиду слабых местных союзов и отдельных фабрик.

И так, товарищи, дружно и смело за общее святое дело борьбы.

Вперед, друзья, все идем вместе,
Рука с рукою, мысль одна!
Кто скажет: буря, стой на месте!
Чья власть на свете так сильна?

Да здравствует общая областная стачка текстильных рабочих Московского района!

Товарищи! Бросайте работу, устраивайте собрания и вырабатывайте общие требования! При выработке требования руководитесь требованиями выработанными 1-й и 2-ой областными конференциями (совещаниями) текстильных союзов.

Центральное областное бюро рабочих союзов по обработке волокна Московского района.

Товарищи! Наклеивайте эти листки на стены, читайте вслух, прочитавши передавайте другим.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Когда с'ездом профессиональных союзов была об'явлена областная забастовка, социал-демократическая партия решила поддерживать ее.

Но вскоре выяснилось, что забастовки, начавшиеся в Орехово-Зуеве, Костроме, Павлове, не нашли себе отклика в других местах и идут на убыль и что большинство Иваново-Вознесенских рабочих против забастовки и присоединились бы к общей борьбе скрепя сердце. При таких условиях нельзя было рассчитывать на продолжительность и упорство борьбы, и следовательно нельзя было надеяться на успех. Поэтому состоявшаяся на днях социал-демократическая конференция решила забастовки не начинать.

Товарищи! Нам надо хорошенько выяснить себе, почему так плохо кончилось начатое дело.

Во-первых, надо всеми нами и Ивановскими и другими рабочими висит царский кнут. Полицейские ищейки рыскают по всем фабрикам, засаживают в тюрьму одних товарищей, выбрасывают с фабрики других, одних застращивают угрозами, других слабых и темных подкупают деньгами. Словно гадюки заползают они во все углы и всячески сеют между рабочими страх и взаимное недоверие. Напуганная масса боится их и не доверяет своим собственным силам. Потому то многие из вас боятся забастовки не менее, чем пришествия антихриста.

Царское правительство отчасти добилось своего—робостью и боязнью оно отравило вас, вас, которые два года тому назад боролись смело и самоотверженно.

Но не в одном правительстве дело. Больше, чем правительство, больше, чем фабриканты—навредили себе вы сами.

Почему было решено начать забастовку? Потому, что у фабрикантов дела идут так хорошо, как никогда. Они купаются в золоте, получают неслыханные барыши в 40-50 проц. на рубль, строят новые корпуса, не успевают справляться с заказами. Забастовка для них острый нож. Если бы они увидели, что вы решили долго и упорно бороться—они скоро пошли бы на уступки. Но вы с этим не считались. Вы завязали себе глаза, вы не вникли в каком трудном положении находятся наши враги-кровопийцы и твердили одно: «мы слабы, мы не подготовлены», а были еще и такие, которые говорили: «мы всем довольны». На фабрике Александра Ивановича Гарелина рабочие

так привязаны к своему благодетелю, что даже запаслись кольями на «забастовщиков». Вы удовлетворились грошевыми прибавками и свою худую изможденную спину подставили хозяевам, чтобы ездили на вас, как на загнанной лошади, чтобы из крови вашей чеканили золото, чтобы измывались над вами, как над безсловесным скотом.

Исав ради чечевичной похлебки отказался от своего первородства. А вы ради ломаных грошей отказались от улучшения своей жизни. Социал-демократическая партия сделала все, что могла. Она говорила с вами, убеждала вас, но вы не хотели ни видеть, ни мыслить, ни действовать. А вести вас к забастовке насильно было безсмысленно и потому, если через месяц-два хозяева начнут сбавлять расценки, скажите себе—«это наша вина».

Если вам начнут давать никуда негодную основу, скажите себе—«это наша вина».

Если станут накидывать лишние полчаса работы, расценивать за каждое лишнее слово, гнуть вас в бараний рог, скажите себе—«это наша вина». Ибо виноват тот, кто не борется, тот, кто сложил руки и рассчитывает не на себя, а на милость своих эксплоататоров.

Пусть эта неудача послужит вам, товарищи, уроком на будущее время. Спасение не в подачках и не в посторонней помощи—спасение в вас самих. Боритесь с черносотенцами, не давайте водить себя за нос хозяйским прихвостням, поймите свои собственные интересы, станьте сознательными людьми, организуйтесь и плотнее и крепче в с.-д. партию и в проф. союзы. Тогда вы сможете держаться стойко и упорно и успешной борьбой загладить теперешнюю неудачу.

Иваново-Вознесенский Союз Р. С.-Д. Р. П.

Типография Союза. Июль 1907.

В ЧАСЫ ТЮРЕМНОГО ДОСУГА.

Рисунки — Н. П. РАСТОПЧИНА.

Текст — „ПОДПОЛЬЩИКА".

Нужны маленькие аннотации (об'яснения) к этим своеобразным „диапозитивам":

№ 1. Мудрая крыса „Онуфрий"—ворчливый, но добрый „Дядя"[1])—следит за тем, чтобы кто-нибудь из нас не „свернулся" от чрезмерной работы. Работников мало, средств и вовсе нет, а дела непочатый угол. . .

[1]) „Дядя"—Ф. А. Благонравов.

Онуфрій стучить в ніг
Побужал хвост.

№ 2. Скрипит перо у „Крысенка“ [2]) — типография ждет, шрифт свободен, нельзя терять ни одной минуты. Ведь типография может каждый час провалиться...

Степ. Ив.[3]), в нарядном костюме, при галстухе; пенснэ, очевидно, в кармане (для конспирации полагалось иметь пенснэ); нетерпеливо ждет... А „Онуфрий“ [4]) неодобрительно косится...

---

[2]) „Крысенок“—М. А. Симановская.

[3]) Ст. Ив. Назаров.

[4]) „Онуфрий“—Ф. А. Благонравов.

№2
Пишет!

№ 3. Но не все писать. Надо и выступать. Митинг. Разношерстная толпа — ведь во Владимире — и печатники, и портные, и солдаты. Нет только рабочих...

Панург
№3

№ 4.... С'ехались представители на конференцию. „Крысенку“ [5]) пришлось плохо! Муромцы, вязниковцы, владимирцы, — все тянут в разные стороны. Кому надо работника, кому — деньги, там не хватает литературы, здесь — шрифта... А „Борис“ [6]) спешит на с'езд...

---

[5]) М. А. Симановская.

[6]) „Борис“—А. Н. Асаткин.

№ 5. Опасения дяди „Онуфрия“ [7]) сбылись— „Крысенок“ [8]) забастовал. Нет листков, нет агитационных речей. Напрасно заглядывали в окна „красные и синие“ [9]).

Теперь уже „Дядя“ [10]) неумолим — и Ст. Ив.[11]) напрасно пытается добиться оригинала листка.

---

[7]) Ф. А. Благонравов.

[8]) М. А. Симановская.

[9]) „Красные и синие“—так назывались (по нашивкам) расположенные во Владимире два полка.

[10]) Ф. А. Благонравов.

[11]) Ст. Ив. Назаров.

Возможно
стал
Забастовал...
Онуфрий несет охрану

№ 6. Иногда, за спешными листками, „Крысенок“[12]) задумывается: — перед ним картинка из недалекого прошлого. „Николай Николаевич“[13]) — [1/3] Окружного Бюро — еще на воле и работа совместно идет успешно, особенно когда на столе поет пузатый самоварчик.

[12]) М. А. Симановская.
[13]) Н. П. Растопчин.

№8
Из недавняго прошлаго

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*).

А.

Абакумовская Лидия Никол. III—257.

Абасов (Абысов) Вас. Мих., рабочий. II—180, 202, 205.

Аболяев. I—7.

Абрамов, рабоч. I—97; II—250, 251.

Абрамов Алексей Лаврент., рабочий. I—7.

Абысов—см. Абасов.

Агапитов — студент. I—104, 106; II—116.

Агапов А. И —учитель. I—142, 143.

Агапов Иван Сем., рабочий с.-д. (б.). II—219, 234.

Агапов Иван Фед., учитель. I—78, 88, 201; III—221, 342, 343.

Агапов Я. И., купец. III—346, 464, 466, 468.

Акимов Трофим Сем. I—101, 102.

Аксельрод Пав. Бор. III—54

„Александр". III—242.

„Александр". III—303, 315.

„Александр". III—546, 548.

„Александр" — см. Вайсман.

„Александр Порфирьевич"—см. Вайсман Г. М.

Александр II. III—5, 12, 13, 311.

Александр III. III—5.

Александров Г.—рабоч. II—32.

Александров Леонид Яковлевич, земский служащий. II—268; III—77, 92, 96, 101, 116, 125.

Александрова Мария Сергеевна. III—96.

Александрова Надежда Ивановна, служащая земской управы. II—283; III—156, 175, 178, 232, 313.

Александровская Любовь Александровна, учительн. I—81.

Александровский Алексей Александрович, учитель. I—94.

Александровский Евг. III—577

Алексеев. I—108.

*) В именном указателе печатаются сокращенно только наиболее часто употребляющиеся имена (Ник.—Николай, Ал-др - Александр, Ал-ей—Алексей и т. д.). Римская цифра (I, II, III) означает выпуск, арабские цифры—страницы. Тире между цифрами означает, что на всех промежуточных страницах данная фамилия упоминается.

По техническим обстоятельствам в настоящем сборнике не помещен географический указатель к сборникам. Истпарт предполагает поместить его в четвертом выпуске.

Алексеев, адмирал. III—508.
Алексеев—почт.-тел. чиновник. I—105.
Алексеев Иван Алексеевич. II—299; III—226, 227, 455.
„Алексей“—см. Квиткин О. А.
„Алексей“—см. Максимов Т. Ф.
Алексей Титыч. III—362.
Алексинский. III—503, 509.
Алексинский—член Гос. Думы. I—255.
Алекторский Алексей Федорович, рабоч. II—262; III—26, 27, 29—32, 52, 54, 542.
Алеманов. III—553, 554.
Алешкин. I—237.
Алферова Е. П.—учительница. I—80.
Альбицкая Е. И., учительница. I—155.
Альмедингеп. III—197.
Алякринский М. И.—учитель. I—79.
Аматова Валентина Георгиевна. III—566.
Аматова Варвара Георгиевна, учительница. I—88, 92.
Аматова Екатерина Георг. III—566.
Амбаров А. А.—рабочий I—7.
Амбаров Андрей Зиновьевич, рабочий, с.-д. (б). II—209.
Аметистов И. А., чиновник. II—24.
Ананьин Василий Иванович, учитель. III—548.
Ананьина Мария Ивановна III—548.
„Анатолий“. III—387.
Андреев, печатник. III—234.
Андреев Андрей Никифорович. III—120, 136.
Андреев Г. И., рабоч. I—110.
Андреев Михаил — учитель I—79.
Андреев Мих. Павл., служащ. губ. земства, с.-д. I—121, 122; II—281, 296; III—157, 183, 202, 203, 205, 235, 315, 326, 327, 331, 443, 566.
Андреева Екатерина Ивановна. II—281; III—183, 202, 205, 326, 327.
„Андрей“.-III—187, 315.
„Андрей“ — см. Скобенников А. И.
„Андрей Иванович“. II—296.
Андриевский Андрей Андр., рабочий. II—263; III—26, 27, 29, 32, 52, 54—56, 542—544.
Аникин. I—6.
Аникин Александр Николаевич, крестьянин. I—6; III—344.
Анисимов Виктор Иванович. II—268; III—77, 92, 93, 96, 101.
Аносов С. К.—учитель. I—79.
Антокольский И. III—544.
Антонов Н.—крестьян. I—150.
Антонова Евгения Михайловна. II—301; III—195, 197, 237—239, 242.
Антохин, рабочий. I—230, 238.
Анфимов—рабочий. II—250.
Арефьев—рабочий. I—234.
Аркадий. III—297.
„Аркадий“—см. Гуреев С. И.
Арнольд—земский служащий. III—77.
Аронович Исаак Мовшович. II—299; III—227.
„Арсений“— см. Фрунзе М. В.
Арсеньев Александр Павлович, рабочий III—479.
Артемьев Яков, крестьянин. III—348.
Архангельский В. М.—учитель. I—80.
Архангельский Петр Михайлович. III—131.

Архангельский Иван. Вас. II—275; III—140, 151, 158, 226, 266, 273.
Архипов—почт.-тел. чиновник. I—104.
Архипов — фабр. служащий. II—171.
Архипов—учитель. I—75.
Архипов Григор.—крестьянин. I—144.
Архипов Иван—рабочий. I—6.
Асаткин Александр Николаевич („Борис", „Борис Пахомов"), с.-д. (б). I—7, 112; II—287—289, 295, 297, 299; III—132, 146, 191, 192, 193, 194, 196, 200, 204, 206, 216, 218, 219, 280, 315, 367, 368, 370, 374, 378, 381, 385, 386, 389, 426, 429, 473, 479, 598.
Асташев Григорий Алексеевич, с.-д. (б). II—209, 220, 226, 231, 234, 269; III—133—135, 145, 167.
„Афанасий"—см. Квиткин О. А.
Афанасьев. III—94.
Афанасьев Федор Афанасьевич („Отец"), ткач, с.-д. (б). II—113.
Афиногенов Алексей Иванович. II—268; III—101.

Б

„Баба-Мокра"—см. Новлева.
Бабурин Ник. Ник., почт.-тел. служ. I—103, 105, 107; II—116.
Бабушкин Иван Васильевич („Богдан"), рабоч., с.-д (б). III—78, 79, 81, 82, 547.
Бабчинский, подполковник. III—95, 100.
Багаев Михаил Александрович („Медведь"), с.-д (б). I—6; II—265—268; III—58, 59—105, 109, 113—116, 545—549, 553—555.
Бадаев Егор Ефим., рабочий. I—6, 118, 119.
Бажанов, фабрикант. III—166.
Баженов, адвокат. II—205.
Бакланова М. О., учительница. I—80.
Баклунов, рабочий. II—250.
Балабашкин Н., раб. II—122; III—280.
Балакин Василий Панфилович. III—205.
Балашев, помещик. III—508.
Балашев—тк. мастер. II—179.
Балунов, рабочий. II—250.
Балынин, рабочий. II—250.
Бальмонт. III—547.
Балякин, рабочий. II—219
Барабанов Павел Мих. (Михаил), агроном, с.-д. I—155; II—217, 222, 223, 226, 231, 232, 234, 248; III—172, 292.
Барабожин. III—342.
Баранов, землевладел. I—175.
Баранов Асаф Иван., фабрикант. II—33, 34, 179.
Баранов Вас. III—245.
Баранов Сергей Ник., фабрикант. II—132, 133, 180—184, 186—190, 193—197, 199, 200, 202, 203, 205, 206; III—280.
Баринов, член Гос. Думы. I—255.
Баринов Ц. С., с. р. II—130, 131.
Барашков Илья Алексеевич, учитель. I—92.

Барцев, нач. почт.-тел. конторы. I—103—105; II—115, 116.
Батаев, рабочий. I—128.
Баташев, рабочий. I—7.
Баташев С. З., рабочий. I—7.
Батраков Петр Ив. II—48.
Батурин Павел Степ., с.-д.(б). II—286, 301; III—197, 225, 226, 229, 233—237, 249, 250, 252, 360, 400, 564.
Бауман Н. Е. III—78.
Бауг Людвиг Рудольфович, пом. нач. п.-т. конторы. I—105, 107.
Бахтурин Ал-др Ив., рабочий. I—118, 119
Бедов А. Е., учитель. I—79.
Беднов Д., рабочий. I 97; II—209, 219, 250, 251.
Безобразов, исправник. II—61, 76, 122.
Безсонов Сергей III—577.
Бейка. III—286.
Бекман, генер.-майор. III—191.
Белевский Алексей Станиславович. I—259, 260.
Беллонин, землемер. III—22, 24, 38, 43.
Беллонин („Вася"), студент. III—159, 298.
Белов Василий Ив., учитель. I—93.
Белов Ив., рабочий. I—111.
Белов Федор Ив., рабочий, с.-д. II—190, 202, 205, 206, 296; III—214, 241, 242, 280.
Белова Ольга Мих., учительница I—78.
Белоглазов А. П., член гор. управы. I—265.
Белолапова. III—470.
Белоногов, городовой. III—215.
Белороссов, священник. I—81.
Белоруссов Конст. Алексеев., эсер. III—251, 255, 575—577, 581.
Белоруссова Мария Алексеевна. III—575.
Белоруссова Софья Алексеевна. III—575.
Белькевич. III—183, 196, 204, 207, 360, 366, 367.
Беляев П. („Марат") II—287; III—197, 394.
Беляева Анна. III—541.
Беляков, крестьянин. III—344.
Беляков Ив. Ильич, рабочий. II—48.
Бендер Я. П., раб. III—198.
Березкин Влад., раб. I—6.
Берзин. III—286.
Бернштейн („Синий"). III—333, 354, 374.
Бессонов, пристав. I—186.
Битнев Алексей, раб. I—110.
Благовещенская Н. К., учительница. I—79.
Благоволин Ал-др. Алексеевич. III—139.
Благоволин Мих. Алексеевич („Юрий"). II—270; III—139.
Благоволина А. С., учительница. I—80.
Благонадеждина М., учительница. I—80.
Благонравов Александр Арк., с.-д.(б). II—271; III—143, 174.
Благонравов Фед. Арк. („Богдан", „Дядя", „Вялый"). I—6, 7; II—268—272, 274, 276, 279, 280, 284, 287, 297, 298, 300, 301; III—107 261, 272, 281, 291, 304, 322, 328, 344, 354, 359, 371, 377, 381, 382, 385, 389, 441, 471, 575—577, 579, 592, 594, 600.
Блинов Вас. Мих., учитель. I—78, 88.
Блинов Егор Андр., рабочий, с.-д. III—52.
Блинов П. В. III—342.

Блюммерман Мих. Бор., раб., I—7; II—218, 219, 221.
Бобров. I—6.
Бобров Влад. Андр. III—137.
„Богдан"—см Бабушкин И. В.
„Богдан" — см. Благонравов Ф. А.
„Богдан"—см. Вайсман Г. М.
Богданов. III—342.
Богданов Вас. Фед. III—576.
Богданов Николай Павлович. III—95, 96
Бодяков Влад. Ив., рабочий. II—284; III—188, 190.
Бойчевский, пристав. III—205, 235, 459.
Боксберг А. Я. („Зента"). III—283.
Болконский В., раб. II—209, 220, 222, 226, 231, 234, 248.
Болтунов П. П. I—7.
Большаков И., раб. II—219.
Большаков П. П., рабочий. I—116.
Большакова, работн. II—232.
Большов Ф. Ф., раб. I—7.
Большова, работница. I—7.
„Борис". III—362.
„Борис"—см Асаткин А. Н.
„Борис"—см. Носков В. А.
Борисевич, ж.-д., служащий. I—229.
Борисов, крестьянин. I—264.
Борисов А. А., учитель. I—144, 155.
Бородкина Н. В. III—304.
Бородулин И. А., учитель. I—80.
Бражников В. П., член Моск. суд. палаты. I—261, 262.
Брешко-Брешковская. III—237.
Бронер—см. Гурвич Ф. И. („Дан").
Брындин, крестьянин. I—177.
Брюхов, земский начальник. I—65.
Бубнов Андрей Серг. („Химик") с.-д. (б). II—297. III—122, 162, 210.
Бубнов Влад. Серг. III—76.
Бугорков П., рабочий. I—126.
Бугров А., крестьянин. I—183.
Будкин Ив. Евстафьевич, рабочий, с.-д. III—479.
Бузунов Виктор. III—198.
Бузунов Илларион, приказчик. II—287; III—198, 234.
Буйдинов Евг., раб. I—231; II—218, 219, 221, 222, 229, 231, 232, 234; III—142, 145.
Буйдинов Фед., раб. II—209, 219, 222, 227, 229, 234; III—142.
Булыгин Петр Павл., член губ. земской управы. II—277; III—150, 157, 158, 274.
Булычев Илья Фед., рабочий. I—116.
Бунаков („Непобедимый"), с.-р. II—276; III—150.
Бунин, пристав. III—173, 309.
Бунин Сергей Викт., помещик, I—139, 142, 143, 155; III—179.
Бурдин („Васька"), эсер. III—160, 173, 342.
Бурков, полковник. II—50, 61.
Бурцев Василий Ив., рабочий. I—7; II—209, 220, 226.
Бурцев Виктор Ив., рабочий. II—220, 226, 248.
Буташина У. Ф., работница. II—24.
„Бутырская Нина"—см. Воскресенская Л. А.
Бутягин, с.-д. III—120.
Бухарин Н. И., с.-д.(б). III—286, 287.
Буякович. III—68, 109.
Буянов Вас. Влад. III—96.
Быков В., управл. фабрикою. II—22, 23.

Быков Вас. Александр. I—78.
Быков П. Д., рабочий. I—117.
Быков П. К., крестьянин. I—143.
„Быстрый"—см. Сковородин А.
Бычков, рабочий. III—26, 30.
Бяковский Алексей, рабочий. I—6.

В.

„Вадим"—см. Свирский В. В.
Вайсман Григ. Моисеевич („Волох Ал-др Парфенович", „Александр", „Александр Порфирьевич", „Богдан"). II—267; III—79, 80, 96, 101, 102, 113, 114.
Валенков, заводчик. II—37, 38.
„Валентин" — см. Воронский А. К.
„Валентин"—см. Гаврилов.
„Валериан" — см. Дьяконов А. П.
Валуев С. II—68.
Ванновская Вера Влад. (Яковлева). III—134, 137.
Ванновский Ал-др Алексеевич („Яков", „Михаил Иваныч", „Иван Палыч", „Ив. Ив. Лузин"). II—269; III—125, 127, 129—131, 134, 137.
Варенцова Ольга Афан. („Марья Ивановна", „Екатерина Николаевна", „Хитрая"). II—265—267; III—12, 57, 64, 65, 79, 80, 82, 84—88, 90, 96, 97, 101, 109, 110—113, 156, 545, 547, 548.
„Варенька". III—256.
„Василий" — см. Сергиевский Н. В.
«Василиса» — см. Кузнецова О. П.
Васильев. III—426.
Васильев, пом. н-ка тюрьмы. III—208, 213.
Васильев А., рабочий. II—32.
Васильев Александр Алексеевич („Шурка"). II—285; III—188.
Васильев В., рабочий. II—250.
Васильев Ив. Ксенофонтович, рабочий. I—110, 211.
Васильев, пристав. I—89; II—186.
Васильцов, почтальон. I—105.
«Васька»—см. Бурдин.
„Вася"—см. Беллонин.
Васягин, крестьянин. I—183.
Вахлин А. П., учитель. I—75, 80.
Введенская М. Д., учительница. I—80.
Вевер, исправник. III—469,
Веденов Ал-ей Ник., рабочий. I—110.
Великосельский Ив. Алексеевич, учитель. I—93.
Величкин, начальник станции. I—100.
„Вельзевул" — см. Соколов Н. Н.
Веселов Матвей Ив., рабочий. I—116.
Веселовская Е. П., учительница. I—79.
«Виктор» — см. Сергиевский Н. В.
Виленкин, адвокат. III—245.
Вилков, крестьянин. I—144; III—344.
Виноградов, полиц. надзиратель. II—190, 191, 195.
Виноградов Федор, учитель. I—80.

Виноградова М. И., учительница. I—79.
Винокуров Арк. Ив. III—209, 219, 222, 223, 231, 234, 248; III—135.
Вислов А., крестьянин, I—145.
Вислов П., крестьянин. I—145.
Витовский. II—91.
Витте Сергей Юлиевич, председатель совета министров. I—143.
Вишняков, пристав. I—187.
„Владимир Михайлович"—см. Гуревич Ф. И.
«Владимирец»—см. Икрянистов С. С.
Власов Василий Ник., рабочий. II—202.
«Вобла»—инспектор семинарии. III 397, 401.
Вовк Россоха А. А., помещица. I—170, 180,
Вознесенская М. И., учительница. I—180.
Вознесенский Влад. Иосиф. I—9, 129, 243.
Вознесенский Н. И., инженер-технолог. I—75, 81.
Воинов, адвокат. II—205; III—180, 182.
Волков—см. Егоров А. М.
Волков Вас. Серг., рабочий. III—16.
Волков И. Д. I—155.
Волков Иван Ив., рабочий. III—26, 54.
Володарский. III—286.
Володина Елиз. Арк. («Портниха»). III—76.
«Волох Ал-др Парфенович»—см. Вайсман Г. М.
Вольский А. П. III—381.
«Вольский Станислав»—см. Соколов А. Н.
Воробьев Ал-ей Мих., рабочий, с.-д. (б). III—479.
Воробьев Николай Ив. I—63; II—272, 274, 275; III—144, 146, 147, 150, 152, 195, 291, 294, 305.
Воробьев Николай Михайлович. III—479.
Воровская Юлия Адамовна. II—269; III—130, 131, 132, 137.
Воронин, член госуд. думы. II—173; III—210.
Воронин М. В., учитель. I—57, 59.
Горонин Я., рабочий. II—219, 234.
Воронинский Сергей Мих. I—6; II—271, 272, 274, 276; III—141, 142, 144, 146, 150, 151, 207, 291, 304, 305, 3 6, 443.
Воронков. I—167.
Воронов, ж.-д. мастер. I—229.
Воронов Ник. Иракливич, нач. жандарм. управления. III—10, 131.
Воронский Ал-др Конст. («Валентин»), с.-д. (б). I—6; II—299; III—222, 223, 225, 226, 368, 400.
Воронцов Иван, рабочий. II—122.
Воскресенская Людмила Александр. («Оксана», «Нина Бутырская»), с.-д. (б). III—173.
Воскресенский Н. Н., пом. секретаря Моск. Суд. Палаты. I—265.
Врачев Н. II—91.
Вырепков, рабочий-подросток. I—237.
«Вялый» — см. Благонравов Ф. А.

Г.

Габрилович, генерал. III—245.
„Гаврилов Ник. Ник.“ см. Растопчин Н. П.
Гаврилов („Валентин“). III—210.
Гаврилов, Александр Конст., рабочий. I—7, 114, 115.
Гадалов, Василий, рабочий. I—7, 151; III—363.
Галкин Иван Петр., рабочий. III—30.
Галочкин Вас. Венедиктович. III—96.
Ганшин Алексей Александрович. III—52, 338, 549.
Ганнушкин, адвокат. II—205.
Гарин Вас. Антипович, рабоч. I—6; III—97, 553—555.
Гарина В. С., учительница I—79.
Гастев Алексей Капитонович. II—272; III—341, 343.
Гачечиладзе, поручик. II—196.
Гвоздев В. А., прис. пов. III—158, 274, 275.
Гвоздецкий Андрей Калиникович. III—77, 84, 92, 97, 101, 116, 150, 158.
Генадиев. III—426.
„Геннадий“—см. Соколов Н. Н.
Герарди, жанд. ротмистр. III—93, 94, 95.
Герасимов, фабр. мастер. II—25.
Герасимов А. Г., рабочий. I—118, 119.
Герасимов В В., учитель I—80.
Герасимов Евгений. III—197.
Герасимов Ник., помощ. ж-д. мастера. I—238.
Гертель Вильгельм. III—547.
Гершельман. III—258.
Гершков Иосиф Шиман. III—565.
Гершуни Гр. III—66.
Гессен, кадет. III—501.
Гладков Николай. III—551.
Глазенап, инженер. III—137.
Глазов—см. Никитин-Глазов.
Глазунов Григ. Ив., рабочий. III—96.
Гласова Тамара, учительница. I—81.
„Глебов“—см. Носков В. А.
Гликман. I—6.
„Глико“—см. Десов Г. А.
Глотов, рабочий. I—110.
Глухов Кирилл Ив., фабр. мастер. II—75, 211, 216.
Глыбин, рабочий. I—128.
Гнусин Александр, рабочий. I—213; II—219, 238.
Говоркова М. А., учительница. I—80.
Гогель Николай. III—550.
Гогель Ольга. III—550.
Гожинский М., помещик. I—169.
Голенков, рабочий, II—82.
Голицин Аким Трифон., рабочий. II—167.
Голицин, губ. предводитель дворянства. I—143.
Головачев, доктор, кадет. III—150.
Головин Виктор, семинарист. III—163, 164.
Голощекин. III—218.
Голубев Ник., учитель. I—80.
Голубев, рабочий. II—287; III—198, 352.
Голубев, ж.-д. служащий. II—240.
Голубенков Ив. Никиф. I—97; II—250, 251.
Голубенков Николай Никиф. I—93, 94, 96,-98, 230, 232; II—126, 229, 233, 234—248, 250, 251.

Гольдштейн, адвокат. II—205.
Гонков—см. Максимов С. И.
Гопфенгауз Мария Германовна. III—10, 34, 45—52, 56, 322.
Горбашев Павел Сидор., рабочий. I—211.
Горбов Ал-др Ефим., рабочий, с.-д. III—242, 472, 479
Горбунов, жандарм. III—212.
Горбунов, рабочий. I—97.
Горбунов Петр Сем. I—118.
Горелкин. I—7.
Горелов. I—7.
Горская-Перевозникова Юлия Петровна („Наташа"). II—287; III—193—196, 200, 219, 315, 367, 368, 374, 385
Гортинская Зоя, учительница. I—202.
Гортинский Ник. Мих., учитель. I—202; III—164, 344.
Горшков, упр. имением. I—177, 178.
Горький Максим. III—99, 265, 551.
Горячев Ал-др Григ., рабочий. II—202, 205.
Грачев, владелец портн. мастерской. I—120.
Грачев, рабочий. I—250.
Грачев Ф. II., учитель.
Грессер А II, помещик. I—159.
Григорий. III—426.
„Григорий"—см. Мандельштам А. В.
„Григорий"—см. Нежданов А. С. III—354
Григорьев, нач. станции II—240.
Григорьев, рабочий. II—250.
Григорьев М. Г. III—544.
Григорьев Ник. Александр., учитель. I—78, 202; III—342, 343.
Григорьев Ф., рабочий. II—32.
Гринберг, к-д. II—220.
Гришанов, крестьянин. III—350.
Гришин Григорий Ив., рабочий, с.-д. II—299; III—227, 228, 479.
Громов С. Е., член Моск. суд. палаты. I—265, 266.
Гродский, ж.-д. мастер. I—229.
Фон-Гроте, исправник. I—142, 163; II—145.
Губанов, рабочий. II—250.
Губенков М. II., вол. писарь. I—155.
Губенков Т. Р., крестьянин. I—155.
Губская Александра Порф. III—258.
Губский, к.-д. III—375.
Гузанов Алексей Григ., рабочий. II—203.
Гузанов Вукол. Ив., рабочий. II—203
Гузин Ив. Прохор. III—229, 234, 564.
Гульшин Сергей Ив., рабочий. I—6; III—198, 225, 235.
Гуляев Д. II., провокатор. III—175, 231.
Гумовский, пом. секретаря Моск. Суд. палаты. I—261.
Гунин Иван Ксенофонтович, рабочий, с.-д. I—97, 231, 236; II—209, 212, 219, 229, 234, 239, 241, 248, 250, 251.
Гундобина Алекс-ра Серг., учительница I—90, 94.
Гурвич Федор Ильич („Бронер", „Дан", „Владимир Михайлович"), с. д. (мен.). III—85, 88, 89, 95, 96, 547.
Гуреев Вас., рабочий. I—127, 128.
Гуреев Сем. Ив. („Аркадий"). II—101, 109, 284; III—158, 186, 273, 274, 279, 280.

Гурко. III—451, 455, 501, 511, 527.
Гусаров, урядник I—89; II—186.
Гусев, директор правления фабрики. II—63.
Гусев Вас. Никитич, рабочий. III—97, 555.
Гусев И., рабочий. II—296; III—214.
Гусев Ефим Федор., рабочий. II—26; III—29, 32, 52, 54, 542.
Гуськов. I—7.
Гутанов Вас. Вас., рабочий, с.-д. (б). II—129; III—227, 228, 452, 479, 562.
Гучков А. И., октябрист. III—485.
Гущин, хорунжий. II—60.

Д.

Давыдов, фабричн. инспектор. II—26, 143.
«Дан»—см. Гуревич Ф. И.
«Данила»—см. Малинин И.
Данилов Ник. Сидор., рабочий. II—203.
Дворников В. I—102, 104.
Де-Виленев Всеволод Ник., ж.-д. служащий. I—101, 102.
Девсин Фед. Петр., рабочий. III—97, 553, 554.
Девяткин Влад. Конст., рабочий. I—97; II—250.
Дегтярев Сергей Вас., с.д. (б). I—6; II—274—277, 279 281, 284, 297, 299; III—151, 156, 158, 162, 170—172, 182, 184—187, 226, 227, 232, 247, 254, 263—287, 305, 314, 316 346, 377, 407.
«Дедов»—см. Книпович Лидия.
Деев, пристав. II—61, 66.
Деев Ив. Вас., учитель, с.-д. I—6, 67, 236; II—209, 231, 234, 248, 265; III—80, 90, 91, 97, 145, 157, 224, 551—555.
Дейч Лев. III—130, 285, 286.
Декатов, инспектор народных училищ. I—81, 82.
Дементьев Дм. III—550, 551.
Демидова Анаст., учительница. I—80.
Демидов, член госуд. думы. I—255.
Демонси Н. К., член Моск. Суд. Палаты. I—261, 262.
«Демьян»—см. Ноаров В.
Деникин. III—9.
Денисов, заведующ. фабрикой. II—153.
Деревенцев, почт.-тел. чиновник. I—105.
Десов Георгий Александрович. («Глико»), рабочий, с.-д. (б), I—6; II—299 III—227, 228. 426, 472, 479, 562.
Дидрикиль Мария Августовна. III—96, 140.
Дидрикиль (Подвойская) Инна Августовна. III—124, 140.
Дидрикиль Ольга Августовна. III—96, 140.
Дикштейн. III—54, 130, 136, 542.
Дмитриев. III—218.
Дмитриев, жел.-дор. мастер. I—229.
Дмитриев, рабочий. II—153.
Дмитриев, рабочий. II—250.
Дмитриев, с.-р. III—173.
Дмитриевский Ник., учитель. I—81, 82.

«Дмитрий» — см. Орнатский Д.
Добринский, прокурор. I—265.
Добров Игн. Арт., рабочий. II—180 — 182, 202, 205, 296; III—280.
Добролюбов С. Г., учитель. I—79.
Добротворская Варв., учительница. I—65.
Добротворский Н. А., статистик. III—12.
Доброхотов Петр. III—564.
Докукин Михаил. Вас. I—6; II—281, 290; III—202, 212, 315, 318, 326, 329, 333—338.
Долгов А. Ф., ж.-д. служащий. I—229, 241.
Доливо-Добровольский Ал-др Петрович. III—65, 67—69, 96, 545.
Донат—см. Шулятиков.
Дороднов Фирс Иван., рабочий. III—97, 554, 555.
Доронин А. И., крестьянин. I—143.
Доронин Петр Ив., конторщик. I—127; II—287; III—198, 274.
Дорофеев, земский служащий. I—63.
Дробенин Сергей Вас. I—7.
Дробышев («Дробышкин»), пристав. II—277; III—159, 186, 199, 200, 215, 236, 247, 275, 279, 316, 354, 355.
Дубасов, адмирал. I—140.
Дубасов Андрей Кузьмич, рабочий. III—562.
Дубасов В., управл. заводом. I—114, 115; III—471, 529, 530.
Дубенский, уездн. предв. двор. I—82, 88.
Дубровский Николай Сидор. II—268; III—77, 84, 92, 96, 101, 116.
Дунаев Евлампий Александрович. II—91, 93; III—280.
Дунин Павел Яковл. III—464—468.
Дурасов, адвокат. II—205.
Дурново, министр внутр. дел. I—106, 109, 154, 192; II—128, 199.
Дьяконов Ал-ей Никол. («Валериан»). I—151; II—291—293; III—186, 197, 201, 225, 226, 230, 348—352, 361—363, 371, 372, 394—396.
Дюбюк Аделанда Робертовна. III—139.
Дюбюк Ал-др Федор. II—270; III—122, 123, 127, 128, 137—139.
Дюбюк Евгений Федорович. II—267, 268, 271 — 274, 285; III—80, 88—90, 92, 96, 101, 113, 122—125, 127, 131, 140—144, 146, 151, 189, 211, 291, 359, 548.
«Дяденька» — см. Книпович Лидия.
«Дядя»—см. Благонравов Ф. А.
«Дядя Вася»—см. Углов В. М.

Е.

„Евгений"—см. Кудрявцев Л. И.
„Евгения"—см. Сизова В. И.
Евграфов Гр. Петр., рабочий. II—202.
Евдокимов. I—6.
Евдокимов Андрей Андреевич. III—63, 71, 72.
Евдокимов Евгений Николаев. III—565, 566.
Евлогий. III—449, 504.

Евреинов, к.-д. II—220.
Евсеев Вас. Фед., п.-т. служащий. I—103, 105, 106, 107; II—116.
Евстратов, крестьянин. I—182.
Евтеев И. С., крестьян. I—155.
Егоров, секретарь уездн. зем. управы. III—133.
Егоров И. Гр. II—297; III—182, 351.
Егоров (Волков) Ал-ей Мих., рабочий. II—182, 203.
„Екатерина Николаевна"—см. Варенцова О. А.
„Елена". III—178, 306.
„Елена"—см. Зеликсон — Бобровская Ц. С.
Елизаветин. II—296.
Елизаров Ив. Никит. III—270, 271.
Елизарова Анна Ильинична. III—4, 42, 56, 544.
Елкин Сергей Яковлевич, рабочий. II—203.
Емельянов. II—29; III—182, 351, 378.
Епифанов, гор. голова. II—198.
Епифанский Петр Тарасович, ж.-д. служащий. I—101, 102.
Ермаков Федор Вас., рабочий. I—97; II—250.
Ермолаев—см. Серговский С. М.
Ермолаев, рабочий. II—25.
Ерофеев Павел, учитель. I—79, 80.
Есипов, земский нач. I—65.
Ефимов Андрей, раб. III—551.
„Ефрем" (?). III—216.
Ефремов, под'есаул. II—200.

Ж.

Жаворонков, крестьян. III—348.
Жаров Ив. Павл., крестьянин. I—260.
Жаровщиков Петр Алексеевич, учитель. I—78.
Жаровщиков С. В. III—345.
Желябов. III—5.
Жемчужкин Н. П., торговец. II—195.
Жиганов. I—7.
Жиделев Ник. Александр., с.-д., член Госуд. Думы. II—170, 173; III—210, 376.
Жилин А. III—342.
Жилин И. Е., учитель. I—78.
Жилина Т. Д., учительница. I—79, 149, 155.
Жильцов, рабочий. II—76.
Жинкин. III—345.
Жиряков М., крестьян. I—150.
Жудро, врач. I—90.
Жуков. III—245
Жуков Ник., рабочий. I—110.
Жулин, семинарист. III—341.
Журавлев Павел, раб. I—151; III—363, 365.
Журынкин, рабочий. II—250.

З.

Забелин, рабочий. II—250.
Забелин Дм. Ник., инспектор гор. учил. I—89, 92.
Завадский Ив. („Спиридон"), с.-д. II—292; III—349, 350, 396, 398.
Заварин Ал-др Павл. III—76, 96.
Заварин Вас. Павл. III—96.
Загайная Софья Конст. I—6; II—276, 277; II—95, 96, 162. 218, 292, 293, 295—300.

Загайный Ал-др Конст. („Шаляпин"). II—290; III—201, 330, 372, 396.
Задворный Павел, рабочий. II—14.
Зайцев Ал-др Александр., приказчик. III—249.
Замыцкий, рабочий. I—233.
Занин Вас., рабочий. I—236.
Засулич Вера Николаевна. III—54.
Затравкин, рабочий. II—66.
Захаров, член гор. управы. I—71.
Захаров Ник. Абр., учитель. I—78.
Захарова М. („Маруся"). III—396.
Зеленский, адвокат. II—205.
Зеликсон Лазарь Самойлович („Федор Иванович"), с.-д. (б). II—48, 277; III—152—156, 158—160, 235, 273—275, 291—294, 298—300, 304, 406.
Зеликсон-Бобровская Цецилия Самойловна („Поля", „Елена", „Ольга Петровна"). III—114, 116, 118, 140, 143, 153, 193, 194, 210, 244, 293, 328.
Зеликсон-Ставская Роза Самойловна, с.-д. (б). I—6; II—273, 274, 276, 277, 280; III—122, 146, 152, 156, 162, 218, 224, 273, 274, 289—294, 297—300, 304, 322, 406, 422.
Зельгейм, кооператор. I—117.
Земсков (Кокорин) Вас. Ив., рабочий. II—203.
Земсков М. I—56.
„Зента" — см. Боксберг А. Я.
Зимин Ник., рабочий. II—211.
Зиновьевский Серг. Вас., учитель. I—74, 75, 80. 81.
Златин Петр Ильич. III—565.
Златкин („Николай Михайлович"), студент, провокатор. III—139.
Златовратская Варвара Ник. III—12, 109.
Златовратская Л. В., учительница. I—80.
Златовратский Н. Н., писатель III- 12, 109.
Знаменская Ольга. III—197, 225.
Знаменский III—109.
Золин. III—354.
Зотов А. К., крестьянин. II—461.
Зубанов Иван. III—575.
Зубатов, нач. охр. отделения. III—94, 232.
Зунделевич, народоволец. III—284.
Зыкова Скобенникова Мария Ивановна. II—299; III—177, 227, 228, 342, 349, 466.

И.

„Иван Алексеевич"—см. Менщиков.
„Иван Васильевич". III—189.
„Иван Николаевич". III—189.
„Иван Палыч" — см. Ванновский А. А.
„Иван Петрович"—см. Серговский С. М.
„Иван Федорович"—см. Кронберг И.
Иванов. III—426.
Иванов. III —441.
Иванов, рабочий. II—82.
Иванов, уполном. проф. союза. II—116.
Иванов, учитель. III—554, 555.

Иванов („Налимыч"), полицийместер. I—104; III—257.
Иванов Андрей Ив., рабочий, с.-д. I—97, 235; II—209, 210, 219, 221, 222, 227, 229, 231, 234, 241, 242, 248, 250, 251; III—142.
Иванов Алексей Ив. I—69, 70, 247.
Иванов Дм., рабочий. I—236.
Иванов (Кокурин) И. Л., рабочий. II—118.
Иванов Сер. Андр., рабочий. III—97, 553.
Иванов Н. И. III—22, 34, 533.
Иванов Фед. Ив., рабочий, с.-д. I—97, 235, 236; II—209, 222, 229, 234, 241, 242, 250, 251.
Иванова Антонина Владимир. III—207.
Иванова Клавдия, учительница. I—80.
Игнатьев, помещик. III—508.
Игнатьев И., крестьян. I—144.
Иевлев Ив. Владим., рабочий. III—198.
Изволенский Влад. Ник. („Сергей"). III — 197, 234, 237, 289, 248.
Изволенский Ник. Петр., п.-т. служащий. I—103, 105, 106; II—116.
Изволенский Пав., учит. I - 81.
Из'единов А. М., помещик. I—164, 175.
Икрянистов Сем. Сем. („Владимирец"), провок. III—231.
Иллюстров, генерал. II—285; III—180.
Ильин, торговец. I—127.
Ильин Иван Яковл., рабочий. I—211.
Ильютович Лейба Мордкович II—299; III—227, 353.
Имшенецкий, начальн. тюрьмы. III—184.
Инюшин, рабочий. III—54.
Иовлева Е. В. („Баба-Мокра"). III—72.
Ионов, урядник. III—363, 367.
Ионов Я., рабочий. I—97, 237; II—250.
Иорданская. III—220, 470.
Иорданский Н. М., суд. следователь. III—79, 144, 172, 375.
„Ираклий"—см. Лапшин И А.
Исаков, п.-т. служащий. I—108.
Истомин, рабочий. III—54.

К.

Кабашев Н. II—122, 285, 296; III—182, 280.
Казаков, рабочий. II—240, 244.
Казаринов Сем., п.-т. служащий. I—108.
Казначеев И. М., член окр. суда. I—265, 266.
Калашников Мих. Андр., рабочий, с.-д. III—479.
Калашников Конст. Андр., рабочий, с. д. III—479.
Калинин, пом. н-ка ж.-д. мастерских. I—237, 238.
Калинин Фед. Иван., с.-д. (б). II—133, 180—182, 186, 188—191, 195, 196, 200, 202, 205, 206, 296; III—214, 241, 252, 280,
Калинцев, крестьянин. I—175.
Каляжный. III—229.
Комраков Ефим Степ., учитель. I—75; III—342.
Комракова Т. С., учительница. I—79.
Кангин Вячеслав Фед., рабочий, с.-д. I — 97, 235, 236; II—209, 219, 222, 223, 227, 228, 229, 231, 234, 241, 242, 248, 250.
Капица, фабр. инспек. II—31.

Капранов Григ. Егор., рабочий. III—31, 32.
Капусткин, рабочий. I—110.
Капустянский Мих. III—176.
Караваев. III—245.
Каракозов. III—12.
Карасева А., работница II—68.
Кардашев Ник. Ник. III—70, 76, 79, 96, 545.
„Карп"—см. Стопани А. М.
Карпов, рабочий. I—119.
Карпов Лев Яковлев. III—64, 79, 96.
Карпов М., рабочий. II—219, 234.
Карпов М., рабочий. II—14.
Карпова, работница. II—222.
Кастеркин Дм. Вас. III—96.
Катаяма. III—270.
Катков Дм. Христанф. III—96.
Кашицин Вас. Пав. II — 281; III—174.
Кашицина. III—226.
Кащеев Ф. Н., рабочий. I—118.
Квиткин Олимпий Аристархович („Афанасий", „Алексей"). III—199 204, 315, 372, 374, 375, 378, 424.
Кибальчич. III—5.
Кибаров. II—297; III—182.
Киреев, смотр. ж.-д. училища. III 80.
„Кирилл" — см. Уханов И. Г.
Кирпичников—Виктор Дмитр., III—206.
Кирсанов А. Т., профессор. III—337.
Кирсанов В. Ф. I—202; III—211, 344, 353.
Киселев. III—245.
Киселев Василий Иванович, рабочий. III—97, 555.
Кислов, рабочий. I — 97; II—250, 251.
Кислов Вас. III—214, 280.
„Клавдия". II—290: III—201, 202, 318, 330, 372.
Клюев Карп Степан., рабочий, с.-д. (б). II—120, 122, 123, 283, 285; III—178, 180, 182, 277, 306.
Клюев Мих. Серг., провокатор. III—29. 31, 32.
Клюкин Кузьма Леонтьевич, рабочий. II—203.
Ключарев Пав. Ив., с.-р. II—191, 195.
Ключарев Сергей. III — 540, 541.
Книпович Лидия („Дяденька", „Дедов"). III—120.
„Князь" — см. Любомирский Д. Н.
Кобяков, адвокат. II—205; III—180, 182.
Ковалев М. Д., учитель. I—80.
Ковалевский, жанд. полковник. III—92.
Ковалевский С. В., ж.-д. служащий. I—229, 241.
Ковригин Ив. Гавр., рабочий. II—287; III—188, 189, 190, 237, 249, 250, 251.
Коган. III—545.
Коган Иосиф („Осип Аркадьевич"). III—545.
Кожанова Елиз. Карп., учительница. I—89, 91.
Кожанова Зоя Карп., учительница. I—89.
Кожеловский, полициймейстер. II—48, 85, 91, 92.
Козлов. III—109.
Козлов. III—248.
Козлов, провокатор. III—226, 441.
Козлов Андрей Ник., рабочий. II—203.
Козлов Г. Г., прис. поверен. III—180, 183, 246.

Козлов Ив. Алексеевич; рабочий. I—6, 114, 115, 251.
Козлов Никита Вас. I—78.
Козлов Павел Всеволодович, рабочий. II—299; III—227, 228, 280.
Кокин Георгий Георг., приказчик. II—287; III—198, 199, 274.
Коковцев, министр финансов. II—40, 42, 48, 134; III—449, 503.
Кокорин—см. Земсков В. И.
Кокурин—см. Иванов И. Л.
Кокушкин. III—210.
Колгаев, пом. директора фабрики. III—379.
Колесников Сер. Ник., рабочий. II—203, 205.
Колокольцев Сем. Сем. III—96.
Колосенков, начальн. станции. II—240.
Колотилов Ник. Ник. („Лапа"), рабочий, с.-д.(б). II—297; III—182, 183, 184, 205, 280, 281, 331, 351, 377.
Колчин, рабочий. I—111.
Кольцов Вячеслав III—321.
Комаров Ал-ей Вас., рабочий. I—97; II—209, 219, 234, 250, 251.
Комаров И., крестьян. I—44.
Комаров И., рабочий. I—97; II—250.
Комаров С. I—150.
Комиссаров, п.-тел. чиновник. I—103, 105.
Комиссаров М. Г., земец, член Гос. Думы. I—255; III—157.
Комиссаров Ник. Вас. рабочий. III—97, 553, 554, 555.
Комиссаров С. И., учитель. I—80.
Кондратов Н. В., инженер-технолог, фабрикант. I—155.
Кондратьев. III—63, 548.
Кондратьев, рабочий. I—110.
Кондратьева III—548.
Кононов—см. Федосеев.
Кононов Василий Алексеевич. III—183.
Кононов Владим. Алексеевич, с.-д. II—297; III—182, 183, 184, 205, 280, 281, 331, 351, 377.
Коноплев. III—280.
„Константин рабоч.". III—240.
Константинов. III—553.
Константинов, земский начальн. I—185.
Константинов, пом. н-ка тюрьмы. III—208.
Константинов, служ. канцел. губернатора. III—204, 313.
Константинов Г., рабочий. II—32
Конюхов Петр, учитель. I—81.
Коняев. III—245.
Копылов С., рабочий. II—209, 219, 234.
„Кордэ"—см. Мандельштам А. В.
Коренева Анна Ник. I—10, 95, 96, 155, 199, 229; II—128, 217, 220, 221, 223, 226, 231, 232, 234, 244, 248; III—171, 172, 173, 236, 292, 310.
Корнилов, жандарм. II—228, 229, 234.
Корнилов А. С., крестьянин. I—142, 144, 155.
Коробов, рабочий. II—78.
Коробов Яков Евдоким., эсер. III—162, 255, 275, 564, 565, 575
Королев Григор. Вас., рабочий. II—167.
Короленко Владим. Галактион. III—53.
Коротков, исправник. II—185.
Коротков Ив Гавр., студент. III—189, 235.

Корочкин Сергей Фед. („Николай"), с.-д. (б). I—6, 151; II—287, 292; III—197, 230, 350, 351, 391—401.
Корф, поручик. III—441.
Корщиков, торговец. I—179.
Косаговский, помещик. I—176.
Косарев. III—218.
Коссовский, адвокат. III—180, 182.
Костерин Вас. Петр., учитель. I—79, 144, 149.
Котлецов, к.-д. II—109, 230; III—158, 180, 182, 274, 275.
Котляр Евг. Ив., ж.-д. служащий. I—10, 93, 96, 199, 229, 230, 231, 232, 235, 240; II—229, 233, 234, 241, 243, 248, 250, 251.
Кошутин Иван Гр., рабочий. I—211.
Крайкин, рабочий. II—25.
Крайнов, рабочий. II—82.
Крамаревская Мария Иванов. II—268; III—92, 318, 548.
Красильников Вас. Фед., рабочий. III—97, 553, 554, 555.
Красовская А. К., учительница. I—79.
Красовская Е. К., учительница. I—79.
Красовская Ю. К., учительница. I—79.
Красовский Виктор, учитель. I—81.
Красовский Н. К., учитель. I—79.
Красовский Н. К., учитель. I—79.
Кречмер, фабричн. инспектор. II—38, 113.
Кривошея Вас. Вас., II—261, 262; III—17—30, 33, 34, 38, 39, 41, 42, 43, 52, 53, 533, 542.
Кривцов П., рабочий. II—68.
Крикунов. III—29.
Криулин Ф. М, рабочий. II—169.
Крицкий, пом. н-ка тюрьмы. III—213.
Кронберг Иоганн („Иван Федорович", „Федор Иванович"). II—273; III—144, 145, 146.
Кронберг Карл. III—144, 145.
Кротков А. Е., учитель. I—80.
Кротов М. III—105.
Круглов Т. Е., крестьянин. III—24.
Крупенский, черносот. III—514.
Крупская Надежда Константиновна. III—120, 287, 577, 581.
Крутов Варфоломей, рабочий. I—101, 102.
Крутяков, рабочий. I—99.
Крушеван. III—426.
Крылов, приказчик. II—287; III—198.
Крылов Иван Алексеевич, рабочий. II—204.
Крылов Конст., учитель. I—81.
Кувшинская Софья Ник. III—96
Кудрявцев, фабр. инспектор. II—122.
Кудрявцев Леонид Ник. („Евгений"). III—178, 306.
„Кудрявый"—см. Любимов С. В.
Кудряшев. III—463.
Кудряшев Ал-ей Андр., рабочий. II—202.
Кудряшев И. П., учит. I—79.
Кузнев, рабочий. II—128.
Кузнецов, урядник. I—119.
Кузнецов Ив. Вас., п.-т. служащий. I—103, 105, 106, 107; II—116.
Кузнецов Мих. Дм., рабочий. I—94, 95, 96, 97, 236, 240; II—222, 223, 225, 228, 241.

Кузнецов Я. С., учитель. I—79.
Кузнецова О. И. („Василиса"). I—151; II—292; III—197, 201, 207, 225, 350, 352, 396.
Куйбышев. III—218.
Кулешов Петр Андр. III—479.
Куликов А., рабочий. II—48; III—245.
Куликов Иван, рабоч. II—125, 126.
Куликова Софья, работница. II—125, 126.
Кумошенский Ал-др Дмитриевич („Одиссей"), с.-д. (б). II—278, 281—284, 299; III—162—164, 166, 172, 175, 176, 178, 185, 186, 235, 266, 267, 275, 277, 279—281, 305—307, 310, 314, 316, 317, 346, 407, 443.
Купцов-Иванов Вас. Александр., рабочий. I—211.
Курбатова. III—197.
Курбатский Есель Зеликович. II—299; III—227.
Куренев. II—296.
Курзин. III—201.
Курзин Конст. Венедиктович („Роман"), крестьянин. I—151; III—362, 363.
Курицин Ал-др. III—550, 552,
Курицин А. Ф., студент. I—144, 155, 185.
Курицин Василий Егорович, III—561—563.
Курнавин, торговец. I—127.
Куроедов, заводчик. II—21.
Куропаткин, генерал. III—508.
Куропаткин (Сердцев) Сергей Серг., рабочий. II—203.
Кусков. III—468.
Кутайсов, генерал-губернатор. III—104.
Кутырев Ал-ей Григ., рабочий. I—6, 112, 113.
Кусков Иван Вас., учитель. I—88, 91.

Л.

Лабутин. III—457, 462.
Лаговский. III—545.
Ладыжин Ив. Павл., статистик. III—545.
Лазарев, рабочий.—I—120.
Лазарев Никита, рабочий II—14.
Лазарева Евд., учительница. I—81.
Лакин Игнатий, крестьянин. III—276.
Лакин Михаил Игнатьевич. II—101, 109, 143, 231, 278, 279; III—158, 160, 163, 164, 166—171, 273—276, 319, 362, 363, 560.
Лактин. III—548.
Лалаянц И. III—544.
«Ланге»—см. Стопани А. М.
Ландо, рабочий. III— 51.
«Лапа»—см. Колотилов Н. Н.
Лапшин Иван Анисимович, («Ираклий»). II—280, 283, 284, 287, 296, 300; III—158, 173, 187, 188, 198, 199, 202, 203, 234, 235, 237, 238, 239, 249, 250, 254, 274, 319, 332, 352, 360, 376, 471, 578, 579.
Латкин Мих. III—137.
Латкина Валентина. III—137.
Латкина Елена. III—137.
Лебедев, инспектор нар. училищ. I—64.
Лебедев, нач. службы пути. I—234, 241.
Лебедев, член Государ. Думы. I—255.

Лебедев Василий Александр. III—96.
Лебедев Мих., ж.-д. служащий. I—108.
Лебедев Николай Иванович. III—561—563.
Лебедев Сергей. III—540, 541.
Лебедев-Полянский Павел Иванович, с.-д. (б). I—6; II—274, 275, 277; III—140, 147, 151, 152, 154—159, 162, 163, 235, 272—275, 279.
Лебедева А. III—197.
Лебедева Ольга Фед., учительница. I—78.
Лебедева Т. М., учительница. I—79.
Леваков, рабочий. I—128.
Левин Ал-др Григ., рабочий. I—97; II—250.
Левитский, пом. пристава II—66.
Левитский, прист. повер. III—84.
Лежава Л. III—15, 544.
Лежавин, рабочий. III—54.
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич. I—131, 132, 165; II—264; III—3—7, 15, 49—52, 56, 65, 66, 73, 78, 79, 85, 114, 130, 133, 206, 284, 338, 407, 544, 549, 577, 581.
Леонидов Иван, рабочий. III—211, 212.
Леонидов, полиц. надзиратель III—214.
Леонов. III—549.
Леонтьев, губернатор. I—58, 59, 98, 104, 106, 143; II—29, 35, 42, 69, 71, 218, 237; III—124, 165.
Леонтьев, рабочий. II—169.
Леонтьев Егор, ж.-д. служащий. I—233.
Леонтьев Павел Федорович. I—63; II—269, 270, 272; III—122, 124, 127, 134, 138-140, 144, 147—150, 164, 165, 195, 199, 215, 291, 316, 319, 360.
Леошкевич Мих. Константин. III—369.
Лепилов. III—72.
Лепин Альфред Карлович. III—164, 203, 272.
Лепнов. III—547.
Лившиц Ефим Миронович. II—167.
Лившиц (Сергеев), с.-р. II—277; III—158, 274.
Лидваль. III—501.
Лидов, адвокат. II—205.
Лисенков С. С., крестьянин. I—144, 155.
Лисицин А., крестьянин. I—144.
Лисицин И., крестьянин. I—183.
Лившиц С. III—544.
Лихачев В. М. III—286.
Лобачев Ал-ей. III—550, 552.
Лобов И. В., рабочий. I—118.
Ловушкин. I—6.
Локтин Александр Алексеевич. III—96.
Лопатин А. М., тов. прокурора. I—261, 265.
Лопаткин. I—7.
Лосев. I—7.
Лужнов В. Н. III—342.
Лузин И. И. III—120, 137.
«Лузин Ив. Ив.»,—см. Ванновский А. А.
Луковкин Ник. Петр., учитель. I—78, 20; III—342, 343, 344.
Лукьянов. III—180.
Лункин И., рабочий. II—68.
Лурия. III—548.
Лурье, студент. III—129.

Лучкин, инженер. II—215.
Лучкин, исправник. I—107.
Лушин, п.-т. служащий. I—105.
Лымзин Н. А., учитель. I—80.
Лыткин («Яшка Татарин»), рабочий. II—66.
Лычков Мих. Андр., рабочий. II—203.
Львицин Григ. Нефедович. III—551.
Львицин Лаврентий Нефедович, рабочий. II—268; III—80, 97, 531—555.
Любимов, инспектор нар. училищ. I—64.
Любимов Алексей Иванович. III—64, 79, 96, 545.
Любимов Сер. Влад. («Кудрявый»). III—148, 162, 272.
Любомирский Дмитрий Ник. («Князь»). II—81, 290; III—202, 315, 318, 326 329, 336.
«Людмила», — см. Федоровская А. В.
Лютов В. I—7.
Лютов Мих., рабочий. I—10, 97, 199, 229, 231; II—209, 219, 221, 222, 234, 238, 239, 241, 243, 244, 248, 250, 251; III—142.
Лютов П., рабочий. II—219, 221, 222, 234, 250.
Лютова. II 232.
Лядов М. Н III—258.
Лямин Фед. Прохор., рабочий. I—114, 115, 224; III—479
Лясковский Григ. Александр., землемер. II—145, 155; III—400.
Лясников, смотр. фабрики. II—24.
Ляхин Г. Е. рабочий. II—225.
Ляхин Иван Еф., рабочий. с.-д. (б). II—209.
Ляхин Ник. Еф., рабочий, с.-д (б.). I—7, 97; II—207, 209, 219, 222, 223, 231, 232, 233, 250, 251, 284; III—224.
Ляхин Петр Леонтьевич, рабочий. III—151, 188.
Ляхина. I—7.

М.

Мазинг Карл Яковл., п.-т. служащий I—103, 105, 106, 107; II—116.
„Макс". III—561.
„Максим" - см. Серговский А. М.
„Максим Горький". III—386.
Максимов М. О, крестьянин. I—175.
Максимов (Гонков) Сергей Ив., рабочий. I—6; II—179, 180, 182, 185, 186, 196, 198, 201, 202.
Максимов Тим. Фед. („Алексей", „Мефодий"). III—175, 176, 177, 181, 276, 277, 279.
„Максимович —см. Серговский А. М.
Малашкин Степ. Петр., рабочий. I—116.
Малеев Ал-др Яковл., рабочий, с.-д. I—231, 233, 235; II—238, 239, 241, 248.
Малеев Яков, рабочий. I—235.
„Малец"—см Самохвалов А. С.
Малинин Н. („Данила"). II—292; III—350, 394, 396, 397, 398.
Малинин Мих. Александр., учитель. I—92.
Малиновская Зинаида, учительница. I—81.
Малиновский, земский страх. инспектор. I—63; III—159.

Малиновский, член. Гос. Думы. III—573.
Малицкий Н. В. I—9, 53, 199; III—153, 154.
Малых, адвокат. II—205
„Малыш"—см. Самохвалов А. С.
Малышев. III—426.
Малышев, торговец. II—214.
Малышев Ал-др, городовой. II—212
Малышев Ив. III—550.
Малышев И. Е. I—155.
Малышев И. Н., землемер. I—155.
Мальцев С. Ф., член Моск. Судебн. Палаты. I—265, 266.
Малянтович, адвокат. II—205, 206.
Мамадышский Ник. Ник. III—77, 92, 96, 101.
Мамаев, торговец. II—195.
Мандельштам Ал-др Вл. („Одиссей", „Григорий", „Корда"), с.-д. (б.). III—162, 183, 168, 238.
Маннов Ив., учитель. I—81.
Маныкин В., рабочий. II—209, 219, 222, 223, 226, 231, 234, 243, 248.
Маньков, земский начальник. I—162.
Маракушев, рабочий, провокатор. I—97, 230, 231; II—209, 219, 229, 231, 234, 250, 251.
Маранцев, рабочий. I—232; II—250.
Маргушев—см. Семенов А. А.
Марковин Влад. („Терентий"). III—166, 167, 168.
Маркс Карл. III—14, 31, 111, 270, 284, 538.
Мартынов, рабочий. II—82, 83.
„Маруся"—см. Захарова М.
„Марья Ивановна"—см. Варенцова О. А.
Маслов, пом. нач. тюрьмы. III—213.
Матвеев, рабочий. II—250.
Матвеев Илья Егор., рабочий, II—180, 203.
Масленников. I—7.
Маслов. I—263.
Маслов И. I—141, 163; II—264.
Матанкин. III—540,541.
Махайский. III—549.
Маханов Антон, рабочий. I—240.
Махов Иван. III—545.
Медведев, жанд. полковник. I—104.
Медведев Ив. Мих., учитель. I—11, 144, 155, 243, 263, 264.
Медведев М. И., рабочий. I—117.
Медведев М. О., вол. старшина. I—261.
„Медведь"—см. Багаев М. А.
Медушевский, нотариус. III—234.
Межинский. I—128.
Меленевская Зинаида. III—137.
Мелихов Н. С., учитель. I—80.
Меллер-Закомельский. III—79.
Мельников Иосиф. III—551.
Мельничанский. III—286.
Менщиков („Ив. Алексеевич"), провокатор. II—267; III—85, 86, 88, 89, 90, 115, 545.
Меркулов. II—264.
Меркурьев. II—128.
„Мефодий"—см. Максимов Т. Ф.
Мещерин Влад. III—137.
Мещерский. III—256, 266.
Мещеряков Ник. Леонидович. III—241.
Мигачев Вас. Тимоф., рабочий, II—203.
Мигачев Конст. Матвеевич. II—269,270; III—128, 129, 138, 139, 142, 145, 179, 180.

Милков Ал-др Павл., генерал. II—299; III—227, 247, 260, 261.
Милюков П. Н., к.-д. II—276; III—150.
Миндовский Вас. III—76.
Минков. III—286.
„Мирка"—см. Фридберг В. И.
Миролюбов Вл. Ник. „(Николай Николаевич"). II—272, 273, 274; III—139, 141, 142, 143, 145, 146, 154, 155, 156, 161, 162, 172, 196, 224, 273, 291.
Миронов К. И. III—400.
Миронов П., рабочий, II—127.
Миронов Петр, рабочий. II—243, 248.
Миртов Дм. Андр., учитель. I—90, 94.
Митрофанов Ф. П. I—265.
Митрохин, жанд. унтер-офицер. III—458.
Митюкова, врач. I—236; II—221, 222, 248.
„Михаил Иванович"—см. Ванновский А. А.
Михайлов Адриан, рабочий. II—32.
Михайлов Вас., рабочий. I—240.
Михайлов Гр., рабочий. II—219.
Михайлов Ив. Ст., рабочий. II—211, 212.
Михайлов Конст. III—248.
Михайлов Ф., рабочий. II—32.
Михайлова Юлия, учительница. I—80.
Михайловский. III—9.
Михалевская Л. М., учительница.
„Михаил"—см. Уханов.
Мицкевич С. П. III—544.
Мицкевич-Капсукас. III—286.
Мовша-Лурия. III—548.
Моисеенко Петр Анисимович. III—16.
Мокруев Иван Петрович. III—547.
Молодкин, п.-т. служащий. I—104.
Мольков Ал-ей Иван. II—22, 23.
Молчанов. I—7.
Моргунов Вас. Ив. III—96.
Мордвинкин П. В. I—121.
Морев Ал-ей, рабочий. II—66, 67, 76.
Морозов, рабочий. III—310.
Морозов Ал-др Иванович. II—275; III—150, 151, 162, 165, 226, 235, 266, 267, 268. 269, 270, 273, 278, 304.
Морозов Вас. Ев., рабочий. I—116.
Морозов В. С., крестьянин. I—142, 143, 194.
Морозов Ив. Селиверст., крестьянин. I—155, 194.
Морозов Иван Титович, с.-д. (б). II—301; III—175, 233, 248—252, 254, 255, 575—577, 579, 581.
Морозов Конст. Андр. III—96,
Моторин. I—7.
Москаленко. I—234, 238, 239, 241.
Москворецкий, ж.-д. служащий. I—232.
Мочалова. III—470, 471.
Мошенцева. III—310.
Муравьев (Муравлев) Вас. Пав., рабочий. I—6, 114, 115, 224.
Муратов, предс. уездной управы. I—82; III—257.
Муратов, рабочий. III—552.
Мусатов, извозчик. III—178.
Мытарева. II—232.
Мязелев, рабочий. I—128.

Н.

Надеждин Конст. Ив., рабочий, с.-д. III—479.

Назаретский В. И. II—195.

Назаров, директор правления фабрики. II—55, 62, 65.

Назаров Г. И., рабочий. II—170.

Назаров Сергей Иванович. II—281, 282, 284, 290, 301; III—183, 202, 203, 226, 233, 252, 315, 318, 326, 327, 328, 335, 443, 565.

Назаров Степан Иванович, с.-д. (б). I—6; II—289, 290, 292, 296, 297, 299; III—177, 184, 186, 200, 201, 202, 221, 232, 236, 254, 256, 314, 315, 316, 417, 318, 323—332, 335, 345, 346, 354, 371, 378, 385, 389, 398, 426, 467, 594, 600.

Наметкин Н. В., провокатор. III—26.

Нарбеков. III—547.

Нарбеков Ник., с.-р. III—229.

Нарбекова Ал-ра, учительница. I—81.

Нарбекова Юлия Петровна III—565.

Нартов, жанд. ротмистр. I—178.

„Наташа“—см. Горская-Перевозникова Ю. П.

„Наташа“—см. Царева А. В.

„Наум“—см. Стопани А. М.

Наумов, пом. исправника. II—130, 132, 182, 183, 185—191, 193, 194, 195, 200, 206.

Наумов, урядник. I—264.

Наумов, урядник. III—28—32.

Наумов Ив. Конст., учитель. III—552.

Наумов Никифор, учитель. I—88.

Наумов П. Е. III—346, 464, 467, 468.

Наумова Л. И., учительница. I—79.

Неволин Петр. Ив. III—256.

Невская Ал-дра Александровна. II—299; III—219, 220, 227, 346, 349, 468, 469, 470, 471.

Невский, п.-т. служащий. I—104.

Недошивин Павел Александрович. I—78.

Нежданов Алексей Сем. („Григорий“), учитель, с.-д. (б), I—151, 202; II—291, 293, 299; III—206, 226, 227, 228, 282, 344, 351, 354, 373, 396, 397, 398, 401.

Нейман, фабр. служащий. II—171.

Некрасов Ник. Фед., учитель. I—88, 91.

Немсадзе Гавр. Иван. II—299; III—227.

„Непобедимый“—см. Бунаков.

Нефедов Ефим Егор., рабочий. I—97; II—250.

Никитин, городовой. III—458.

Никитин (Глазов) Ник. Вас., рабочий. II—202.

Никитина Антонина, учительница. I—81.

„Никитич“. III—369.

Никифоров Илья Вас., рабочий. I—112, 113; III—227, 479.

Никифоров Матвей Егор., учитель. I—80.

„Никодим“ (?) III—155.

Николаев. III—147.

Николаев, служ. у нотариуса. III—234.

Николаев, п.-т. служащий. I—105.

Николаев П. Ф. III—12.
Николаева-Белоконская Любовь Матв. I—6; II—280; III—175; 207, 209, 249, 250, 575, 576.
„Николай". III—256.
„Николай"—см. Корочкин С. Ф.
„Николай Антонович". III—548.
„Николай Михайлович"—см. Златкин.
„Николай Николаевич"—см. Миролюбов В. Н.
„Николай Николаевич"—см. Растопчин Н. П.
Николай II. II—29.
Николин Вас. Абр. I—78.
Никольский, III—147.
Никольский. III—163, 164, 165.
Никонов, учитель, с.-р. III—348.
Никонов И., крестьян. I—144.
Никонов Ив. Ив., рабочий. I—7, 111, 112; II—220.
Никонов Фед. Вас., рабочий. I—118, 119.
Никольская, с.-р. III—321.
Никольский Д. А., учитель. I—80.
Нифонтов Ал-др Геннадиевич. III—225, 250, 251, 581.
Ноаров, В. („Демьян"). III—350, 394.
Ноаров И. Я. III—467, 468.
Новиков. III—553, 554.
Новиков Павел, рабочий, II—285; III—182, 185, 280.
Новиков—см. Семенов С. Е.
Новиков Валериан, рабочий. I—97; II—250.
Новиков Вас. Як. III—96.
Новиков Г., рабочий, I—97; II—250, 251.
Новиков Дм. Мефод., учитель. I—84, 202; III—164, 844.
Новиков Н., рабочий, I—97; II—250.
Новиковы, сестры, работницы. II—232.
Новицкая Ек. Ник. III—76, 95, 96.
Новожилов. II—296.
Новожилов Вас. Петр. I—7; III—218.
Новосадов Ал-др Алексеевич, рабочий. III—198, 225, 352.
Новоселов. I—7.
Новоселов. III—218.
Новоторжский, с.-р. II—276; III—150.
Новский. III—479.
Ногин Виктор Павлович. III—282.
Ножин. I—89.
Ноздрин А. Е., рабочий. II—112; III—168.
Носков Арк. Ив. II—209, 220; III—135.
Носков Влад. Александр. („Глебов", „Борис"). III—64, 65, 67, 69, 70, 71, 79, 81, 83, 146, 545, 547, 548.
Носков Федор Ильич, крестьянин. I—67, 144, 155. II—248.

О.

Обухов Мих. Павлов., рабочий, с.-д. III - 479.
Оводов И., рабочий. I—97; II—250, 251.
Овсянников Алексадр Степ. III—576.
Овчининская Е. А., учительница. I—80.
Овчинников, адвокат. III—245.
Одинскова А. II—68.
„Одиссей"—см. Кумошенский А. Д.
„Одиссей"—см. Мандельштам А. В.
Одоранская Ал-ра, учительница. I—81.

Одоранский Ал-ей, учитель. I—81.
Озерецкая Е. И., учительница. I—79.
Озоль, с.-д., деп. Гос. Думы. III—514.
„Оксана"—см. Воскресенская Л. А.
Окулова Г. И. III—114, 118.
Олесов. II—296.
„Ольга Петровна"—см. Зеликсон-Бобровская Ц. С.
Ольшевская. I—6.
Ольшевский, студент. I—104, 105, 106; II—116.
Опыхтин, рабочий. III—552.
Опыхтин Н. М., рабочий. I—7.
Ордынский, адвокат. II—205.
Орловский, жанд. ротмистр. III—562.
Орнатский Дм. („Дмитрий"). III—396.
Орлов, учитель. I—67.
Оршаница. III—549.
Осеев Петр Вас. II—285; III—188, 192, 237, 250.
„Осип Аркадьевич"—см. Коган И.
Осипов. III—457, 462.
Осипов, рабочий. II—233.
Осипова Екат. Мих. II—270; III—132, 291.
Осокин Вас. Фед., рабочий. I—114, 115.
Осокин Фед. Тимоф., рабочий. I—110, 211.
Островский С. А. III—20.
Осьмов Иван Владим. I—115; III—146, 154.
Осьмов Ник. Мих. I—6.
Отдельнов. I—6.
Отроков Кирил. III—545.
Оттенберг Н. И. I—142, 155.
Ошмарин. I—7.

П.

Павел. III—369.
„Павел". II—295.
„Павел"—см. Серговский С. М.
Павлов, п.-т. чиновник. I—103.
Павлов, пом. пристава. I—96; II 240, 244.
Павлов, торговец. I—127.
Павловский, исправник. III—381.
Павловский, пристав. I—194.
Павловский Тимофей Михайлович, рабочий. II—219.
Павлухин Иван Васильевич, рабочий. II—203.
Пажитнов. II—18.
Пальмавов А. Н. III—564.
Панков, крестьянин. I—183.
Панков, штабс-капитан. II—193, 195, 196, 197, 198.
Панков Александр Васильевич. II—284; III—184, 189, 190, 196, 207, 216, 360.
Панков Валерьян Викторович, рабочий. III—562.
Панков Федор Вас. III—184.
Панин Николай Николаевич („Гавриил Петр."). II—265, 267; III—72, 73, 76, 79, 80, 85, 93, 96, 101, 113, 114, 548.
Панкратов, провокат. III—355, 356, 366, 367.
Панкратов Александр Саввич. II—265, 268; III—76, 77, 79, 81, 82, 84, 88, 89, 91, 96, 97, 101, 123, 546, 547, 548, 555.

Пантелеев Федор Пантелеевич, рабочий. III—163.
Панфилов Александр Кириллович, учитель. I—88, 91.
Парийский, полиц. надзиратель. III—32.
Паругин, рабочий. I—97; II—250, 251.
Паршин Алексей Павлович, рабочий. II—229.
Патокин Л., крестьянин. III—461.
Патрикеев Матвей, крестьянин. I—72.
„Пахомов Борис"—см. Асаткин А. Н.
„Пашка Егоза", см. Черепнин П.
Пашков Егор Алексеевич, рабочий. II—180, 181, 182, 203.
„Певчев Василий"—см. Плакунов В. С.
Пелевин Иван Федорович, крестьянин. I—11, 144, 248, 259, 260, 261, 262; III—344.
Пергамент, проф. III—369.
Перешивкин Михаил Егорович, учитель. I—92.
Перлин М. В. III—564.
Перовская С. III—5.
Перфильев Борис Сергеев. I—6; II—281, 290; III—164, 202, 203, 307, 315, 318, 326, 329, 336.
Перфильев Серг. А. III—294, 336.
Перфильева Нат. Сергеевна. III—197, 307, 320.
Перфильева-Смирнова Надежда Сергеевна. I—6; II—281, 284, 289, 299; III—172, 175, 180, 196, 199, 204, 232, 301—322, 328, 336, 359, 385.
Песков Владимир. III—363.
Песков Илья. III—363, 364.
„Петр". III—304.
Петров, гимназист. III—242.
Петров, рабочий. III—32.
Петров, с.-р. III—173.
Петров, штабс-кап. II—185, 189, 200.
Петров А., рабочий, II—48.
Петров Иван Михайлович, с.-р. III—229, 256, 576, 577, 578.
Петров Леонид Егор. III—96.
Петров Ник., рабочий. III—563.
Петровский Вас. Капит. III—96.
Петропавловская. III—195, 197.
Петрушин, крестьян. III—460.
Петухов, газетчик. III—232.
Петухова Екатерина. II—287; III—197.
Петухова Татьяна. II—287; III—197, 360.
Пиатровский, пристав. III—68, 71.
Пиганович Тимофей Степанович, рабочий. I—97; II—250, 251.
Писарев. III—12.
Плаксин, рабочий. II—250.
Плакунов В. С. („Вас. Певчев"). III—426, 473, 479.
Платон. III—426.
Платон. III—449, 504.
Платонов. I—7.
Платонов, крестьянин. III—348.
Плеве, министр внутр. дел. III—102.
Плеханов Г. В. III—31, 54, 251, 252, 270, 285, 537, 540.
Плотников Сергей, учитель. I—71.
„Повар"—см. Щеколдин Ф. И. III—64.
Подвойский Н. И. III—118, 140, 141.
Подгорный, адвокат. III—245.
Подпорин, крестьянин. III—540.
Подрезов Фед., рабочий I—151.
Пожаров, рабоч. II—29, 30, 54

Покровский В. И., студент. I—74, 155.
Покровский М. Н. II—276; III—5, 150.
Полудин Петр, рабочий. II—14.
Полуков. I—7.
„Поля"—см. Зеликсон-Бобровская Ц. С.
Поляков Александр. III—551.
Поляков Павел Яковлевич, рабочий. II—268; III—97, 551, 555.
Попков Яков Леонтьевич, рабочий. II—262; III—26, 29, 31, 32, 52, 54.
Попов Андрей Васильевич, рабочий. I—97; II—250, 251.
Попов В. Ф., рабочий. I—116.
Порецкий А. Н., учитель; I—79.
„Портниха"—см. Володина Е. А.
Португалов, врач. III—127, 128.
Поспелов Николай Александрович. I—7; II—286; III—196, 236, 360.
Постнов. I—126.
Постнова К. Я., учительница. I—79.
Постышев. III—245.
Потанин М. И., рабочий. I—117.
Потехин Семен Лукич. III—96.
Правдин Лев, рабочий. II—14.
Предтеченский А. Е., учитель. III—30.
Предтеченский Влад. III—126.
Преображенский III—547.
Преображенский, п.-т. служащ. I—108.
Преображенский Алекс. Алексеевич. III—575.
Преображенский Алексей Васильевич, прис. пов. III—246.
Пригора Влад. Александрович. II—268; III—92, 96, 101.
Приклонская. I—6.
Прокофьев Дм. Дм., рабочий, с.-д. (б). I—6; II—202.
Прокудин, жел.-дор. служащий. I—100.
Прокудин-Горский. I—7.
Пронин Иван, крестьянин. II—212.
Пронин Иван Логгинович. I—7; II—3; III—155.
Протасьев А. А., уезд предвод. дворянства. I—261, 265, 266.
Прохоров, фабрикант. III—31.
Прусаков Николай, рабочий. I—151.
Птицин, рабочий. I—116.
Пуганов Федор. Фомич, крестьянин. I—260.
Пугачев М. А., крестьянин. I—183.
Пудов. I—7.
Пузанова Над., учительница. I—81.
Пучков Василий Николаевич. I—7.
Пушкин, жанд. подполковник. II—185.
Пушкин, рабочий. III—26.
„Пчела"—см. Рябков И.
Пыжева Д. М., учительница.
Пыпин. III—30.

Р.

Радионов, пристав. II—120, 123.
Раменский, полиц. чиновник. I—235.
Ракова Ю. К., учительница. I—73 155.
Ранг А. М., председ. Моск. Суд. палаты. I—261; II—205; III—181.
Растворов В, торговец. II—198.

Растопчин Ник. Петр. („Николай Николаевич", „Гаврилов"), соц.-д. (б.). I—6; II—285, 288, 289, 292, 295, —299; III—190, 191, 196—201, 204, 206, 209, 211—216, 226, 252, 280, 315, 330, 332, 352—382, 385, 389, 398, 426, 591, 602.

Резчиков Ник. Гр., рабочий, с.-д. I—112, 118; II—268, 299; III—97, 227, 228, 376, 550, 555, 562.

Редер Ал-др Эдуардович. III—548.

Рейнвальд, помещик, земский начальник. I—171.

Ремизов Петр Ильич, учитель. I—7, 65, 72, 73, 155.

Ремнев С., рабочий. II—48.

Рено Петр Карлович. III—144.

Робустов А. А., учитель. I—79

Рогов. I—6.

Рогозин, уездный предв. дворянства. III—469.

Родионов. III—245.

Родионов Ал-ей Ив., рабочий. II—203.

Родионов Ал-ей Никол., рабочий. I—6; II—180, 181, 202.

Родионов Ник. Ив. III—96.

Родичев, кадет. III—501, 511,

Родяков. I—6.

Рождественская Ольга учительница. I—81.

Рождественский. III—150, 565.

Рождественский, пристав. III—165.

Рожков Герасим, городовой. II—211.

Рожков Н. А. II — 276; III—150.

Розанов, п.-т. служащий. I—104.

Розанов, полиц. надзиратель. II—190, 191, 195.

Розанов Сергей Ив., рабочий. II—203.

„Роман"—см. Курзин К. В.

Романов, якут. III—104.

Романов Мих., учитель. I—81.

Романов Н. В. III—120.

Романов Сергей Алекс., Моск. генерал-губернатор. II—218.

Ропов Николай Никитич, рабочий. II—202.

Рощин Ал-ей Ефим., рабочий. I—211.

Рубакин, рабочий. II—251.

Рубан, с.-р. I—97; II—250, 251.

Рудницкая. I—7.

Рудницкая М. М., учительница. I—80.

Рудницкий Ал-др Ильич, ж.-д. служащий. I—98.

Рудницкий Павел Вик., инженер. I—98.

Румшевич М. Д. III—342.

Румянцев Кузьма П., рабочий. II—219.

Рунов Ник. Андр., рабочий. I—7, 97; II—229, 250, 251.

Русанов Николай. III—550.

Рутковский Валериан Ал-др. III—96.

Руфицкий С. М., учитель. I—79.

Рыбаков, рабочий. III—72, 73.

Рыбенков, п.-т. служащий. I—104.

Рыбин. III—229.

Рыболовский Влад. Петрович. II—295, 296, 297, 299; III—177, 219, 220, 227, 247, 282, 345, 349, 456, 467, 468, 469, 470.

Рыжев Ив. Никиф., рабочий, с.-д. (б.) II—220.
Рябков Ипполит („Пчела"). с.-д. III—137.
Рябкова Неонила. III—137.
„Рядовой"—см. Самохвалов А. С.
Рязанов Ив., ж.-д. служащий. I—99, 101, 102.

С.

Савин, I—7.
Савицкий Виктор, учитель. I—81.
Садовников Егор Егор., рабочий. I—116.
Садовников Кузьма Егор., рабочий. I—116.
Сазонов, губернатор. I—86; II—59, 60, 86, 132, 165, 166, 183, 187, 188, 191, 194, 195; III—255, 257.
Сакин Ив., рабочий. I—79; II—250.
Салов. III—148.
«Салов»—см. Самохвалов А. С.
Сальников, крестьян. III—346, 468.
Самарин, губернатор. I—141.
Самойлов А. С., учитель. I—79.
Самойлов Фед. Никитич. с.-д. (б), член гос. Думы. III—210, 213, 573.
Самойлова О. А., учительница. I—79.
Самохвалов Ал-др Степ. («Малыш», «Малец», «Рядовой»), с.-д. (б). II—259, 272, 276, 278, 279, 280, 284, 285, 297, 298, 299; III—118, 147, 148, 149, 150, 162, 163, 165, 171, 172, 173, 174, 176, 182, 186, 187, 188, 189, 235, 245, 246, 273, 304, 359.
Санжур И. А. III—120, 122, 132, 137.
Санин А. А. III—38, 544.
Сарафанов И. I—117.
Сарафанов Ив. Степ., рабочий. II—180, 202.
Сафонов, крестьянин. I—175.
Сахарнов, фабр. инспектор. II—24.
Сачкова Анна учительница. I—81.
Свешников, директор фабрики. II—77.
Свешникова, учительница. I—145, 155.
Свирский Виктор Францевич, ст. фабр. инспектор. II—29.
Свирский Влад. Викт. («Вадим»). II—275; III—150, 165, 273, 304.
Святополк-Мирский, министр внутр. дел. II—213; III—102, 270.
Святухин Влад. Мих. III—221.
Святухина Олимпиада Мих. III—196.
Седлецкий И. О., рабочий I—117.
Седов, торговец. I—127.
Секеринский. III—545.
Селихов. III—553, 554.
Семенин, исправник. II—172.
Семенов, крестьянин. III—348.
Семенов, п.-т. чиновник. I—103, 104, 105.
Семенов Ник. Степ., рабочий. I—211.
Семенов (Маргушев) Ал-др Андрианов, рабочий. II—203.
Семенов (Новиков) Сергей Егор., рабочий. II—203.
Сенков, рабочий. I- 230.

Сеннов Ив., рабочий. I—97; II—126, 229, 233, 234, 250.
Сергеев, см. Лившиц.
Сергеев К. И., учитель. I—80.
„Сергей"—см. Изволенский В. Н.
„Сергей Андреевич". III—552.
„Сергей Петрович"—см. Часовников Д. П.
Сергиевский, чиновник. II—35.
Сергиевский Д. II—296; III—177.
Сергиевский Мих. Львович. II—264; III—23, 55, 533, 541, 542.
Сергиевский Ник. Вас. («Василий», «Виктор»). II—282, 296; III—177, 304, 305, 321, 426.
Сергиевский Ник. Львович II—263, 264; III—8, 9, 14-18, 20, 23, 24, 27, 33, 34, 49, 51, 53, 55, 56, 57, 540, 542, 543, 544.
Серговский Ал-ей Мих. „(Максим", „Максимович"). I—6; II—231, 276, 279, 280, 282; III—152, 153, 154, 161, 172, 199, 200, 206, 216, 219, 224, 274, 276, 292, 304, 369, 371, 376, 378, 406, 426, 473.
Серговский Сем. Мих. („Павел", „Ермолаев", „Иван Петрович"). II—210, 220, 243, 276, 278, 279, 280, 282, 295; III—150, 152, 153, 154, 156, 161, 164, 171, 172, 194, 219, 224, 274, 275, 276, 292, 304, 306, 405, 406, 426, 556, 557.
Сердцев—см. Куропаткин.
Серебряков Ал-ей Петр., п.-т. служащий. I—103, 105, 106, 107; II—116.
Серкин Леонид Георг. III—248.
Сибирев, рабочий. II—82.
Сизов, рабочий. II—187
Сигов Пав. Еф., учитель. I—65, 78, 89, 90, 91, 201; III—342.
Сизов Пав. Павл. II—275; III—150, 151, 164, 165, 171, 183, 273, 304.
Сизова Варв. Павл. («Евгения»). II—301; III—183, 207, 208, 210, 219, 225, 226, 234, 235, 236, 237, 242, 258, 318, 433.
Силина. I—96.
Сильверстов Яков Фед., ж.-д. служащий. I—98.
Сильвин М. А. III—78.
Симагин В. П., агроном. I—145, 155.
Симановская-Растопчина Мария Александровна («Таня»), с.-д. (б). I—6, 7; II—287, 288, 295, 299; III—154, 193, 196, 198, 200, 204, 207, 212, 213, 216, 218, 219, 252, 280, 315, 352—355, 367, 368, 370—372, 374, 378, 381—390, 398, 419, 426, 429, 594, 598, 600, 602.
Симановский Ал-др Павл. III—193.
Симонов. III—245.
Симонов, рабочий. I—230.
Симонов Степ. Алексеевич, крестьянин. II—131.
Синегубов Мих. Ив. II—299; III—227.
„Синий"—см. Бернштейн.
Синягин, министр внутр. дел. III—84.
Скворцов Вас. Александр., рабочий. II—202.
Скворцов М., рабочий. II—219.
Скворцов Ф., рабочий. II—219, 229, 234.
Скворцов - Степанов И. И. I—202; III—344.
Скобелев М., зав. фабриками. II—24.

Скобенников Ал-ей Ив. («Андрей»), учитель, с.-д. (б). I—6, 10, 144, 150, 151, 152, 199, 201, 202; II—272, 282, 291, 292, 293, 296, 297, 298, 299; III—176, 177, 197, 206, 211, 212, 226, 227, 228, 280, 282, 330, 338—356, 362, 372, 373, 374, 378, 382, 389, 397—399, 401, 422, 451, 463, 467.

Скобенников Георгий Яковл., учитель. I—78, 155, 201; III—342, 344.

Скобенников Ив., рабочий. II—285; III—182.

Скобенникова Юлия Ив., учительница. I—6, 202; II—281, 295, 297, 299; III—177, 220, 227, 228, 342, 347, 348, 349, 421, 456, 467, 468, 469, 470, 471.

Сковородин Ал-ей («Быстрый»), провокатор. II—169, 170, 171.

Слуховский И. III—69, 70.

Смирнов, статистик. III—67, 68.

Смирнов А. С. III—199.

Смирнов Ал-ей Вас. I—60. III—150.

Смирнов Аркадий Вас. II—284; III—148, 187, 189, 308, 309, 312, 314, 316, 319, 320, 330, 359, 371, 385.

Смирнов Георгий Александрович. I—85; II—268; III—92.

Смирнов Ив. Гр., рабочий. I—116.

Смирнов Мих. Андр., рабочий. I—99, 101, 102.

Смирнов Ник. Вас., ж.-д. служащий. I—93, 240; II—243, 248, 250.

Смирнов Павел Порфирьевич, учитель. I—93.

Смирнов Поликарп Гордеевич, рабочий, с.-д. (б). I—7.

Смирнов Юрий Дм., член губ. земск. управы. III—78, 81, 124, 158.

Смирнова Елена Ивановна. III—207, 236, 374.

Смирнова О. А. III—158.

Смольнов Ал-ей Александр., рабочий, с.-д. (б). III—242, 471, 472, 479.

Смольнов, рабочий. I—128.

Смышляев Валентин. III—197.

Смышляева-Благонравова Екатерина Григ. II—269, 270, 271, 280; III—124, 125, 131, 132, 133, 138, 139, 142, 203, 204.

Снегирева В. В., учительница. I—80.

Снопко, предс. окр. суда. III—308.

Сперанский Ник., учитель I—81.

„Спиридон"—см. Завадский И.

Соболев, учитель. I—80.

Соболева Анна. III—197.

Соколов, вахмистр. II—121.

Соколов, жанд. подполковник. II—121.

Соколов, инженер. I—108.

Соколов, нотариус. I—89.

Соколов, студент. II—269; III—132.

Соколов Ал-др Ник. III—193, 194, 298, 372.

Соколов Алек-др Ник., рабочий. II—297; III—182 281.

Соколов Анатолий. III—196, 360.

Соколов Анат. Вас. I—7, 89; II—286.

Соколов Андрей Ник. („Вольский Станислав"). III—237, 258.

Соколов В. В., суд. следователь. III—167, 168, 199, 375.

Соколов Вас. Матв., земск. служ. II—270; III—188.

Соколов Вас. Ник. III—132, 218.
Соколов Григорий. III—554.
Соколов Григ. Андр., учитель. I—71, 74, 75, 77, 155.
Соколов Ив., рабочий. II—14.
Соколов Мих. Ник., учитель. I—88, 91, 202; III—345.
Соколов Ник. Ник. („Геннадий", „Вельзевул"), с.-д., партпрофессионал. II—299; III—193, 216, 218, 219, 221, 222, 419, 429.
Соколов Сергей Александрович, рабочий. I—97, 236; II—242, 248, 250.
Соколов Ф. III—201.
Соколов Ф. А., крестьянин. I—144.
Соколов Фед. Андр. III—97, 554, 555.
Соколова В. В., учительница. I—80.
Соколова Ольга Конст. III—197.
Сокольский, учитель. I—145.
Сократов, подполковник. III—540.
Солнцев Ал-ей Мих., рабочий. II—180, 181, 202.
Сологубова Е. А., учительница. I—79, 144, 149, 155.
Соловьев Анисим, рабочий. I—231, 236; II—227, 229, 239, 241, 248.
Соловьев Б. С. III—229.
Соловьев Борис Дмитр. III—565.
Соловьев Григ. Севастьянович, рабочий. I—97; II—221, 222, 225, 226, 227, 229, 243, 248, 250.
Солодов Ив. Егор., рабочий. I—211.
Соломович Герш. Абрамович. II—299; III—227.
Сомов, жанд. подполковник. III—550, 552.
Сомов Н. Н., гор. голова. I—261.
Сорокин В. Ф., учитель. I—80.
Сорокин Ив., рабочий. I—240.
Сорокин И. И., крестьянин. I—144.
Сорокин Н., рабочий. II—219, 222, 234.
Сорокин-Демагин И. М., крестьянин. I—155.
Сосновский Ив. III—137.
Спасская Ольга. III—164.
Спасский, к.-д. II 220.
Сталь Людмила. III—111.
«Станко»—см. Уткин.
Старков. III—73.
Стародворский Влад. Павл., учитель. I—144, 155.
Старостин. I—7.
Стаховский. III—248.
Стаховский Мих. Георг., учитель I—59, 92.
Стефановский Ник. Павл. III—128.
Стецкевич М. И. II—280; III—207, 318.
Столыпин, предс. совета министров. I—115, 140; III—485, 501, 511.
Столяров Филипп Никол., рабочий. III—562.
Стопани Ал др Митрофанович («Наум», «Карп», «Ланге»), с.-д. (б). II—269, 270; III 118, 119, 120, 122, 133, 137, 138.
Страшнов, с.-р. I—150.
Страхов В., рабочий. II—48.
Стрелков Петр. III—553.
Стрелков Яков Дм., рабочий. II—268; III—97, 551—555.
Стрельников, пристав. III—91, 92, 97, 98.
Стремоухов Д. П., член Моск. Суд. палаты. I—265.
Стрельбицкий, тов. прокурора. II—189, 190, 194.

Стрельцов. III—456.
Струве П. Б. III—269, 270.
Субботин, учитель. I—75, 149, 155.
Субботин Ал-ей, учитель. I—99, 101, 102.
Субботин А. М учитель. I—79.
Субботин Фед Петр., учитель. I—93.
Субботина П. М., учительница. I—80.
Суворов Демид. Степ. 561.
Сударчиков Г. С., крестьянин. I—144, 155.
Сулкин. III—245.
Сурвков Н., крестьянин I—144.
Сурмина С. П., учительница. I—79.
Суслов, рабочий, булочник. I—128.
Сухобельский М. Н., крестьянин. I—145.
Сферин П. Ф., член Моск. Суд. палаты. I—261.
Сыроедин, рабочий. I—236.
Сычев Ив. Александрович, рабочий. I—97; II—250, 251.

Т.

Табейкин Иван Андр., крестьянин. I—182.
Табейкин Ефим Панкратьевич. рабочий, с.-д. III—118, 121,
Тапров Алексей Ив., инженер-технолог. II 183, 184.
Талантов Ник. Вас. III—96.
Талантов Флегонт Вас., рабочий. I—236; II—248.
„Таня". III—230.
„Таня". III—386, 387.
„Таня"—см. Симановская—Растопчина М. А.
Тарасов, домовладелец. III—164, 165,
Тарасов. II—296.
Тарасов, фабр. служащий. II—171.
Татаров, провокатор. III—312.
Татищев, адвокат. III—245.
Теплеков. III—245.
Тепляков Н. II—169.
„Терентий"—см. Марковин В.
Терентьев, крестьянин. I—144; III—344.
Терентьев Ив. Яковл., рабочий. I—211.
Терещенко. III—283.
Тержин Сер. Серг., капитан. III—159, 160, 204.
Тимофеев (Тимохин) Ив. Яковл., крестьянин. I—151; III—198, 225, 229, 234, 251, 361, 362, 367, 565.
Тимофей (Анатолий). III—426.
Титов, рабочий. I—97.
Титов, управл. фабриками. II—44, 45.
Титов Гр. Евграфович, рабочий. I—97, II—250.
Титов Мих. рабочий., I—240.
Титов П., рабочий I—97; II—250, 251.
Тихомиров, крестьянин. I—155.
Тихомиров, тов. прокурора. II—205.
Тихомиров Ал-ей Вас., учитель. I—78, 155.
Тихомиров Мих. Фед. I—57, 58, 60, 61, 63; II—268; III—77, 84, 92, 93, 96, 101, 157, 275.
Тихомиров Н. В., студент. I—142, 155.
Тихонравов, рабочий. II—219.
Товаров К. Н., земский начальник. II—192.
Товаров Я. И., учитель. I—79.
Тодорский Мих. Александрович, учитель. I—93.

Толков, провокатор. II—298; III—211, 353, 354, 355, 356, 366.
Толмачевский Леонид Львович. II—272, 277; III—141, 144. 156, 162, 272.
Томский Михаил Павлович. III—191, 206.
Торопов, п.-т. служащий. I—104.
Трегубов Владимир Михаилов. III—69, 548.
Трегубов Ник. Мих. III—96.
Трепин, чиновник. III—461.
Трепов, тов. министра внутр. дел. I—67, 72, II—55, 108; III—168.
Третьякова Анна Константин. III—96.
Треумов. I—7.
Трефелев Борис Вас. III—96.
Трехтэнберг Лейб Давыдович. III—564
Троицкая Е. Е., учительница. I—80.
Троицкий Ал-др. III—541.
Троицкий Владимир. I—81.
Трофимов. I—7.
Трофимов А., крестьянин. I—174.
Троцкий Л. Д. III—286.
Трубецкой Гр. Тим., рабочий, с.-д. (б). I—112, 113, 114.
Трунин. III—529.
Туманов Ф. I—7.
Турыгин Никита, рабочий. II—248.
Тювин Ал-ей Федор., рабочий. II—180, 181, 202.
Тюменев, управ. фабр. II—26.
Тюрикова. III—197.
Тюрин Ив. Андр., ж.-д. служащий. I—98.
Тюрин Федор. II—240.
Тюменев. I—7.

У.

Углов Вас. Мих. („Дядя Вася"). II—284; III—177, 222, 226, 280.
Угодин Гр., городовой. II—211.
Уединов Б. Б. I—118.
Ульянов Александр Ильич. III—5.
Ульянов Владимир Ильич—см. Ленин.
Умнов, рабочий. I—97; II—250.
Ундольская П. В., учительница. I—80.
Унтилов, тов. прокурора. I—73; III—552 563.
Усоев, крестьянин. I—144.
Усольский, студент. I—67.
Успенская Е. Н., учительница. I—149.
Успенский, пом. пристава. III—115.
Устинов, приказчик. III—198.
Устинов М. А., учитель. I—212.
Уткин („Станко"). III—214, 215.
Уткин Е. I—126.
Уханов Ив. Гр. („Михаил", „Кирилл"). II—282, 283; III—175, 176, 177, 179, 276, 277, 279, 315, 321, 345, 346, 369.
Ушаков Вячеслав, рабочий. I—240.

Ф.

Фальковская Ал-ра, учительница. I—94.
Фальковская Юлия, учительница. I—90, 94.

Фантилов П. А., крестьянин. I—144, 155, 185.
Фантилов Л. П., крестьянин. I—144, 155.
Фатеев, учитель. III—344.
„Федор Иванович"—см. Зеликсон Л. С.
„Федор Иванович"—см. Кронберг И.
Федоров Гр., ж.-д. служащий. I—98.
Федоров П., рабочий. II—219.
Федоровская Анна Вас. („Людмила"). II—292; III—183, 207, 225, 229, 230, 318, 350, 393.
Федосеев Ник. Евграфович. II—261, 262, 263, 264; III—1—58, 124, 535, 540, 542, 543, 544.
Федосеев (Кононов), рабочий. II—122.
Федотов. I—89.
Федотов, управляющ. фабрикой. II—56.
Фигуровский Ал-ей, учитель. I—81, 155.
Филаретов. III—109.
Филатов, учитель. III—399.
Филимонова. II—198.
Филиппов, фабр. служащий. II—182.
Филиппов П. П., учитель. I—155.
Филиппов П. Ф., учитель. I—79, 149.
Филиппов Петр Михайлович. III—565.
Филиппова Людмила Мих. III—230, 565.
Фирсов Пав. Александр., учитель. I—88.
Флеров. II—270; III—131.
Флоровский Н. И., студент. III—258.
Флястер Хая. III—438.
Фокин Ал-др Никитич. II—281; III—248, 249, 250.
Фокин Николай Никитич. II—281; III—248, 249.
Фокин Петр Гр., рабочий. I—97; II—250.
Фомичев Герасим Дм., рабочий. II—250.
„Фридберг". III—303.
Фридберг Владим. Исаакович („Мирка"). III—129.
Фриче. I—117.
Фролов. III—311.
Фролов В., рабочий. II—48.
Фрунзе Мих. Вас. („Арсений"). II—172, 297, 299; III—205, 210, 213, 222, 245, 258, 259, 260.
Фурманов. II—286.

Х.

Хазов, рабочий. II—264.
Харизоменова Анна Константиновна, учительница. I—93.
Харизоменова Евдокия Константин., учительница. I—93.
Харкевич, исправник. III—32,
Харламов Николай. I—81.
Харламов Ник. Ник. II—275; III—151, 198, 274.
Хахалин М. И., рабочий. I—116.
Херасков Иван Михайлович, учитель, с.-д. I—201, 202; II—272, 297, 299; III—177, 186, 220, 221, 227, 279, 342, 344, 345, 346, 348, 464 465, 466, 467.
„Химик"—см. Бубнов А. С.
„Хитрая"—см. Варенцова О. А.
Хлынов Александр Федорович. II—265; II—97, 99, 552, 553, 555.

Хорошев Константин, рабочий. II—284, 235.
Харьков, рабочий. III—31, 32.
Хрульков Петр Ильич. III—479.
Хряпин Влад. I—90, 150; II—101, 109, 158, 273, 274.

Ц.

Цаде Я. З., директор фабрики. II—114.
Царева Ал-дра Васильевна („Наташа"). I—151; II—292; III—188, 225, 350, 352, 396.
Царева Е. В. III—396.
Царьков. I—7; III—229.
Цветков Н. М., учитель. I—80.
Цветников, с. р. II—169.
Цветов Павел Федор. III—576.
Цеймерн, губернатор. III—81, 547.
Цепелева-Самохвалова Глаф. Дмитр. II—280; III—149, 173, 174, 245, 246.
Цибисов. I—6.
Цинкина. III—438.
„Цинковый". III—175, 232, 576.
Цирков Иван Вас., рабочий. II—202.

Ч.

Часовников Д. И. („Сергей Петрович"). II—295, 297; III—182, 204, 216, 315, 378, 426.
Чачхиани Борис Конст., учитель. I—89, 92.
Чекмелев, ж.-д. служ. I—233, 234, 241.
Чекушкин. I—7.
Челышев Е., рабочий. I—111; II—209, 220, 226, 231.
Челышев Петр. III—245.
Чемоданов, пом. прист. III—579.
Чепурнов Вас. Фед. II—299; III—227.
Черемушкин А. Г. III—207, 318.
Черемушкина Авдотья Трофимовна. III—171, 172, 196.
Череп-Спиридович, нефтепромышленник. II—55.
Черепнин П. („Пашка Егоза"), рабочий. II—121.
Черкасов, п.-т. служ. I—105.
Черкасова, учительница. I—67.
Чернобровцев, испр. II—114.
Черневская Валентина Серг. II—280; III—156, 207, 273, 292, 294, 307, 318.
Черневский Валентин Альфонсович. II—275; III—151, 154, 155, 156, 164, 273, 292, 304, 307.
Чернов Дм., крестьянин. I—151.
Чернов Илья, крест. I—151; III—363.
Черносвитов К., к.-д., член Гос. Думы. I—57, 255; II—220; III—78, 278, 376, 546.
Черный Ал-др Фед. II—268; III—77, 92, 96, 101, 116, 291, 546.
Чернышевский Н. Г. III—12.
Чернышев В. Е., учит. I—80.
Чернышев С. I—116.
Чернышева А. И., учительница. I—80.
Чертков. III—548.
Чехлов, учитель. I—67.
Чиж, проф. III—270.
Чижов Ал-др Ив., рабочий. III—227, 479, 562.

Чижов Ив., рабочий. I—237; II—250.
Чикалов. I—6.
Чириков Яков Александр., рабочий. II—180, 202.
Чистов, раб. I—97; II—250.
Чистов, рабочий. III—252.
Чистов В., рабочий. II—68.
Чихачев Ал-др Ник., п.-т. служащий. I—103, 104, 105, 106; II—116.
Чихачев Ник. Ник., учитель. I—94.
Чичерин И. III—396.
Чудновский. III—286.
Чуйкин. I—7.
Чукапов. I—7.
Чулошникова Т. I—7.
Чупров Ал-др Ильич, учитель. I—72; III—97, 553, 554, 555.
Чурин. III—553.
Чучелов, учитель. I—81.
Чучкин Вас. Никитич, рабочий. I—116.

Ш.

Шаберлин, ремесленник. III—81.
Шаганов В. Н. III—12, 150.
Шагов Петр Ив., рабочий. III—26, 29, 30, 54.
Шадрин, командир батальона. II—185, 188, 189, 190, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 200.
Шалимов Макар Мих., крестьянин. I—260.
„Шалянин"—см. Загайный А. К.
Шапкин, пристав. II—123; III—165.
Шаповалов. III—72.
Шапошников, инспектор нар. училищ. I—65, 73.
Шаров Ал-ей, рабочий. I—240.
Шаталов Иван Павлович. II—299; III—227, 228, 354, 456.
Шафиров Иван, городовой. II—211.
Шаханов Ник. Петр. I—7; II—129, 177; III—1.
Шевченко Степ. Иосиф., агроном. I—144, 155.
Шеев Аким. III—245.
Шелавин К. И. II—84, 88, 94.
Шелковников Петр Ив, рабочий. II—202.
Шеломович. III—353.
Шестерин Сергей Павлович. II—264; III—12, 13, 14, 17, 20, 33, 34, 57, 109, 544.
Шеханов Вас. Павл., рабочий. I—93, 97, 230, 231, 232; III—219, 222, 225, 227, 229, 231, 232, 234, 250, 251.
Шибанов. II—297; III—182, 184, 351.
Шидловский, сенатор. II—134.
Шилин Мих. Фед., рабочий. I—6; III—216, 472, 479.
Шилов, рабочий. I—110.
Шимарский Семен Яковлевич. III—576.
Шипель. III—547.
Широбоков Ефим, провокатор. III—226, 441.
Широков Ал-ей Ник., рабочий. I—97; III—209, 219, 222, 234, 250, 251.
Широков Фед. Ник, рабочий. III—97, 555.
Шитков Ив. Вас III—479.
Шитов, приказчик. III—198, 199, 203, 471.

Шишелов Ив. Тим., крестьянин. II—260.
Шишкин Конст., ж.-д. мастер. II—214, 215.
Шишкина Е. А учительница. I—80.
Шкокарев С., рабочий. II—143.
Шлыков Егор Ив., крестьянин. I—260.
Шляпников Ал-др Гаврилович. I—6; II—101, 109, 110, 277, 278, 283; III—154, 158, 159, 160, 169, 170, 183, 184, 185, 204, 210, 224, 271, 273, 274, 275, 276, 281, 286.
Шмидт. III—564.
Шмыгов Ив. Мих., рабочий. I—116.
Шокина Ал-ра Павл. III—97, 552, 553, 555.
Шотман. III—120.
Шохина А. II I—118, 119.
Шрейдер Мих. Ильич, пом. прис. пов. III— 45, 260.
Штиблетов Иван Кузьмич, рабочий. II—262; III—23, 26, 29, 32, 42, 52, 533.
Шуберт, нач. ж.-д. мастерских. I—95, 229, 230, 232, 233, 234, 236—239; II—213, 214, 223, 225.
Шубин, рабочий. II—250.
Шувалов. I—7.
Шувалов, рабочий. III—550, 553.
Шульгин, фабрич. инспектор. II—132, 141.
Шулятиков (Донат). III—219.
Шумилин. I—7.
„Шурка"—см. Васильев А. А.
Шурыгин I—7.

Щ.

Щапов П., крестьянин. I—175.
Щеголев Яков Алексеевич, учитель. I—145.
Щедрин Гавр. Ник. III—175, 249, 255, 575—577, 578, 579, 580, 581.
Щедрина Ал-дра Федоровна. III—578, 579.
Щедрина Вера Николаевна. III—579.
Щеколдин Ф. П. („Повар"), с.-д. III—64, 113.
Щербачев, ротмистр. III—186, 279.
Щукин Ив. Тим., рабочий, с.-д. II—219.

Э.

Эдельман, Арон Яковлевич. III—565.
Эдельман Израиль Яковлевич. III—197, 229, 233, 564.
Эйеман Ромуальд Викторович. III—433.
Эдж. I—7.
Энгельс Ф. III—14, 31.
Эрн. А. А., гор. судья, прис. пов. I—6, 63, 84; III—246, 258.
Эрфурт. II—248.

Ю

Юдин, рабочий. II—250.
Юматов, рабочий, булочник. II—114.
Юницкий А. Я., учитель. I—80.
Юрьев Михаил Ив., учитель. I—38, 93.
„Юрий"—см. Благоволин М. А.
Юрьев Ник. Ив. I—6; II 287; III—188, 198, 199, 274.
Юсов Сергей, рабочий. I—240.
Юхлов Конст. Ив. II—299; III—226, 227, 228, 455.
Юхоцкий. III—57.

Я

Ягодкин Конст. Кондратьевич. III—8, 38.
Язвицкий Лев Александрович. II—287; III—197, 237, 360.
Якимова М. С., учительница. I—80.
Якимова-Диковская Анна Вас. III—311, 312.
„Яков"—см. Вапновский А. А.
Яковлев Мих., ж.-д. служащий. I—101.
Яковлев П. I—6.
Янин А. С. III—461.
Янкелевич. I—125, 126.
Янсен Ю., профессор. I—133.
Янсон. III—286.
Янышев. III—285, 286.
Ярков Сергей Егорович, учитель. I—79.
Яркова П. Г., учительница. I—79.
Ярославцев Петр, рабочий. I—235
Ясинский Я., фабр. инспектор. II—113.
Яцунский. III—248.
Яшин А., крестьянин. I—183.
Яшин Дм. Сем. III—96.
„Яшка Татарин"—см. Лыткин.

СПИСОК

иллюстраций, помещенных в настоящем сборнике.

		стран.
1.	Николай Евграфович Федосеев (снимок 1893 г.) . .	11
2.	Сергей Павлович Шестерин (снимок 1894 г.) . . .	13
3.	Василий Васильевич Кривошея (снимок 1893 г.) . .	19
4.	Автограф Н. Е. Федосеева	37
5.	Мария Германовна Гопфенгауз (снимок 1892 — 1893 г.г.)	47
6.	Николай Львович Сергиевский (снимок 1895 г.) .	51
7.	Михаил Александрович Багаев (снимок 1896 г.) . .	63
8.	Ольга Афанасьевна Варенцова (снимок 1887 г.) . .	65
9.	Николай Николаевич Панин (снимок 1903 г.) . .	73
10.	Владимир Александрович Носков («Глебов»)	83
11.	Ольга Афанасьевна Варенцова	87
12.	Евгений Федорович Дюбюк (снимок 1901 г.) . . .	89
13.	Александр Федорович Хлынов	99
14.	Михаил Александрович Багаев (снимок 1908 г.) . .	103
15.	Ф. И. Щеколдин («Повар»)	113
16.	Александр Митрофанович Стопани (снимок 1909 г.) .	119
17.	Ефим Панкратьевич Табейкин (снимок 1904 г.) . .	121
18.	Александр Федорович Дюбюк	123
19.	Екатерина Григорьевна Смышляева-Благонравова . .	125
20.	Константин Матвеевич Мигачев (снимок 1902 г.) .	129
21.	Александр Алексеевич Ванновский	131
22.	Группа товарищей, ведших соц.-дем. работу в Ковровском уезде в 1903 году: А. И. Носков, А. И. Винокуров и Г. А. Асташев	135
23.	Владимир Николаевич Миролюбов	143
24.	Александр Степанович Самохвалов	149
25.	Лазарь Самойлович Зеликсон	155
26.	Федор Аркадьевич Благонравов	157
27.	Павел Иванович Лебедев-Полянский	159
28.	Алексей Михайлович («Максим») и Семен Михайлович («Павел») Серговские	161
29.	Дом Тарасова, в Больших Ременниках (в гор. Владимире), где в 1905 г. помещался соц.-дем. клуб .	165
30.	Михаил Игнатьевич Лакин (снимок 1905 г.) . .	169
31.	Иван Григорьевич Уханов («Михаил»)	179
32.	Тимофей Федорович Максимов («Алексей»)	181

33. Сергей Васильевич Дегтярев (снимок 1925 г.) . . . 187
34. Александр Васильевич Панков 189
35. Владимир Иванович Бодяков 190
36. Иван Гаврилович Ковригин 190
37. Петр Васильевич Осеев 192
38. Юлия Петровна Горская-Перевозникова («Наташа») . 195
39. Николай Иванович Юрьев 199
40. Николай Петрович Растопчин («Николай Николаевич») 201
41. Работники подпольной типографии Владимирского Окружного Комитета РСДРП: Сергей Иванович Назаров, Борис Сергеевич Перфильев и Михаил Павлович Андреев 203
42. Квартира М. П. и Е. П. Андреевых (дом Беляева, на Гороховой улице, во Владимире) 205
43. Любовь Матвеевна Николаева-Белоконская . . . 209
44. Федор Никитич Самойлов 213
45. Владимирская центральная каторжная тюрьма 215
46. Уголок кладбища каторжан Владимирской центральной каторжной тюрьмы 217
47. Николай Николаевич Соколов («Геннадий») . . . 221
48. Александр Константинович Воронский («Валентин») . 223
49. Федор Аркадьевич Благоправов, Иван Титович Морозов и Павел Степанович Батурин 249
50. Михаил Васильевич Фрунзе (снимок 1907 г.) . . . 259
51. Студенты Юрьевского университета: А. П. Морозов, С. В. Дегтярев и А. Д. Кумошенский 267
52. Иван Никитич Елизаров 271
53. Л. С. Зеликсон, Р. С. Зеликсон-Ставская и Ц. С. Зеликсон-Бобровская 293
54. Софья Константиновна Загайная 299
55. Надежда Сергеевна Перфильева-Смирнова 305
56. Аркадий Васильевич Смирнов 309
57. Дом в Б. Ременниках, во Владимире, где в 1906 — 1908 г.г. была квартира Перфильевых 317
58. Дом Архангельских, на Тюремной ул., в г. Владимире 322
59. Квартира М. П. и Е. П. Андреевых, где летом 1906 г. находилась подпольная типография Владимирского Окружного Комитета РСДРП 326
60. Первые работники нелегальной типографии Владимирского Окружного Комитета РСДРП: Е. П. Андреева, М. П. Андреев и С. П. Назаров . . 327
61. Технические работники подпольной типографии Владимирского Окружного Комитета РСДРП: Д. П. Любомирский, М. В. Докукин и Б. С. Перфильев . 329
62. Домик в Гончарах, где помещалась нелегальная типография Владимирского Окружного Комитета РСДРП 331

63. М. В. Докукин 337
64. Дом А. А. Ганшина в имении «Горки», Переславль-Залесского уезда, где в 1894 г. был В. И. Ленин и где печаталась его работа—«Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами?» 338
65. Алексей Иванович Скобенников (снимок 1907 г.) . 343
66. Владимир Петрович Рыболовский (снимок 1907 г.) . 345
67. Юлия Ивановна Скобенникова (снимок 1907 г.) . . 347
68. Алексей Семенович Нежданов (снимок 1925 г.) . . . 351
69. Мария Александровна Симановская - Растопчина («Таня») 387
70. Сергей Федорович Корочкин 395
71. Заголовок газеты «Солдатский Путь» 457
72. Прокламация Вязниковской группы РСДРП 465
73. Гектографированный отчет Гусевской группы РСДРП 472
74. Гусевская Центральная группа Владим. Окружного Комитета в 1907 г. 479
75. Деревня Горки, Переславль-Залесского уезда, близ которой находится имение того же названия А. А. Ганшина, в котором в 1894 г. был В. И. Ленин и где печаталась в то время его работа—«Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами?» 549
76. Семен Михайлович Серговский («Павел») 557
77—82. Рисунки Н. П. Растопчина, стран. 593, 595, 597, 599, 601 и 603

Замеченные опечатки.

				Напечатано:	*Следует читать:*
Стр.	6	строка	12 сверху	присущей его натуре...	присущими его натуре..
„	15	„	2 снизу	помещенными в этом сборнике.	помещенными в сборнике Истпарта ЦК ВКП (б).
„	54	„	18 „	Пожар [ским]...	Пожар [овым]...
„	64	„	11 „	„Рабочее Дело“ 3), с уклоном к оппортунизму...	„Рабочее Дело“ 3), оппортунистическое.
„	65	„	1 сверху	при ближайшем участии В. И. Ленина...	по инициативе В. И. Ленина...
„	68	„	9 снизу	семья Брякович...	семья Буякович...
„	77	„	18 сверху	за исключением А. С. Панкратова, который был марксистом...	за исключением А. С. Панкратова, который был радикалом с уклоном к марксизму...
„	87	„	1 снизу	(Снимок последних лет .	(Дореволюционный снимок из архива Влад. губ. жанд. управления).
„	96	„	7 „	40) Василий Веденеевич Галочкин...	Василий Венедиктович Галочкин...
„	105	„	13 „	местные власти повели осаду дома повсем правилам...	местные власти повели осаду дома по всем правилам...
„	118	„	4 „	Е. Т. Табейкин...	Е. П. Табейкин...
„	122	„	9 сверху	с С. А. Бубновым — „химик“).	с А. С. Бубновым — „Химик“).
„	132	„	18 снизу	пуда нелегальной литературы...	пудов нелегальной литературы...
„	153	„	1 „	Ц. С. Зеликсон-Бобровский...	Ц. С. Зеликсон-Бобровской ..
„	158	„	5 „	С. А. Гуреев...	С. И. Гуреев..
„	160	„	13 „	в доме Архангельской...	в доме Архангельских .
„	162	„	3 „	и в добавок...	и вдобавок. .

			Напечатано:	*Следует читать:*
Стр. 168	строка	5 снизу	А. Н. Ноздрев...	А. Н. Ноздрин...
„ 172	„	11 сверху	Братья Серговские — Семен и Максим...	Братья Серговские — Семен и «Максим»...
„ 182	„	13 снизу	электролизацией...	электризацией...
„ 198	„	16 сверху	Александр Васильевич Новосадов...	Александр Алексеевич Новосадов...
„ 231	„	19 снизу	и постольку такой...	и поскольку такой...
„ 254	„	1 „	Н. А. Лаппин...	И. А. Лаппин...
„ 285	„	13 сверху	созданием ерусской соц.-дем.	созданием русской соц.-дем...
„ 342	„	6 снизу	Г. И. Скобенников...	Г. Я. Скобенников...
„ 365	„	1 сверху	бывшего Преображенца-солдата..	бывшего преображенца солдата...